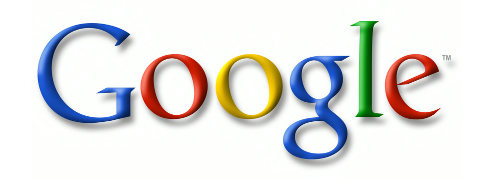

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

ОЧЕРКИ
ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ.

Сочиненіе

Н. И. Зибера.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Локотниковой.
1883.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача настоящаго труда—подвергнуть сравнительному разсмотрѣнію и сближенію извѣстную долю матеріала, касающагося свойствъ экономической организаціи и нѣкоторыхъ учрежденій права у первобытныхъ народовъ, насколько онъ выясняется изъ показаній путешественниковъ. Изученіе различныхъ сторонъ жизни первобытнаго общества сдѣлало въ последнія десятилѣтія быстрые и блестящіе успѣхи. Въ этомъ поступательномъ движеніи науки о человѣкѣ и обществѣ принимали одинаковое участіе изслѣдованія антропологическія, этнографическія, лингвистическія, изысканія въ области религій и умственнаго развитія, родового и семейнаго строя первобытныхъ народовъ. Другой рядъ важныхъ изслѣдованій относился къ общинному устройству быта народовъ преимущественно арійскаго происхожденія и бросилъ новые лучи свѣта на первоначальное общественно-хозяйственное ихъ сложеніе. Результаты этихъ послѣднихъ изысканій, между прочимъ, привели къ тому предположенію, пользующемуся болѣе или менѣе всеобщимъ распространеніемъ, что общинныя формы хозяйства въ ихъ различныхъ стадіяхъ представляютъ универсальныя формы экономической дѣятельности на раннихъ ступеняхъ развитія. Но какъ ни популярно означенное предположеніе, справедливость требуетъ замѣтить, что для научнаго подтвержденія его сдѣлано еще очень мало, такъ какъ свѣдѣ-

1

нія, относящіяся къ формамъ хозяйственной жизни народовъ Океаніи, Америки, Азіи и Африки до настоящаго времени почти не подвергались самостоятельной и цѣльной разработкѣ. Нѣкоторое исключеніе изъ этого, правда, представляютъ отдѣльныя мѣста въ общихъ курсахъ антропологіи, а также двѣ главы въ сочиненіи Летурно [1]), въ которыхъ, изображая генетическое развитіе права собственности и политическихъ учрежденій, авторъ нерѣдко обращается за свѣдѣніями къ описаніямъ упомянутыхъ частей свѣта. Но и эти, достойныя всякаго уваженія, попытки вникнуть въ природу первобытныхъ экономическихъ учрежденій, отличаются, во первыхъ, крайнею отрывочностью, а, во вторыхъ, отсутствіемъ надлежащей критики источниковъ. А, между тѣмъ, какъ-бы ни были цѣнны многія показанія путешественниковъ относительно экономическаго сложенія первобытныхъ народовъ, но для правильной классификаціи ихъ необходимо прибѣгнуть къ значительнымъ ограниченіямъ. Съ одной стороны, сообщенія различныхъ путешественниковъ объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ жизни первобытнаго общества находятся часто въ вопіющемъ противорѣчіи между собою. Съ другой, путешественники сплошь и рядомъ вносили свои европейскія понятія въ объясненіе чуждыхъ имъ общественныхъ явленій и открывали феодальныя учрежденія, королевскую власть, право маіората, отцовскую патріархальную власть, право частной собственности на землю и пр. тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Ключъ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, насколько оно лежитъ въ предѣлахъ возможнаго, состоитъ въ томъ методологическомъ пріемѣ, который допускаетъ сосуществованіе однихъ явленій и исключаетъ сосуществованіе другихъ. Такъ, напр., при существованіи бродячаго земледѣлія, - а таково именно состояніе громаднаго числа первобытныхъ народовъ, переставшихъ заниматься исключительно охотою, рыбною ловлею и пастушествомъ,—не можетъ быть и рѣчи о частной собственности на землю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, и о феодальныхъ учрежденіяхъ и о королевской власти, которыя повсюду сосуществуютъ съ прочною территоріальною осѣдлостью. Трудно также совмѣстить феодализмъ съ принесеніемъ человѣческихъ жертвъ или дѣтоубійствомъ и отцовскую патріархальную власть

[1]) La Sociologie d'après l'Ethnographie. Paris. 1880.

съ преобладаніемъ материнства. Только при помощи такихъ и подобныхъ поправокъ показаній многочисленныхъ путешественниковъ, можно составить себѣ болѣе или менѣе цѣльное понятіе объ общественно-хозяйственномъ сложеніи первобытнаго общества, насколько то дозволяетъ недостаточность и безсистемность весьма многихъ наблюденій. Основныя черты этого сложенія слѣдуетъ искать въ формѣ организаціи работъ, служащихъ для поддержанія существованія общества, или, что то же самое, въ формѣ общественнаго производства и потребленія. Одно только изученіе организаціи общественнаго труда способно нагляднымъ и правильнымъ образомъ разъяснить внутреннюю природу и особенности политическихъ, юридическихъ, религіозныхъ, умственныхъ и многихъ другихъ явленій общественной жизни первобытныхъ народовъ. Возможно-ли напр. составить себѣ правильную идею о происхожденіи общиннаго землевладѣнія, не имѣя представленія о тѣхъ общихъ работахъ, которыя ему предшествуютъ и которыя сопровождаютъ его собою? Равнымъ образомъ и пониманіе частнаго землевладѣнія неразлучно съ идеею о томъ, какія дальнѣйшія преобразованія, въ смыслѣ раздѣленія и обособленія, испытываетъ комбинація общественныхъ работъ.

Взявъ на себя разсмотрѣніе общественныхъ формъ первобытнаго общества, мы не имѣемъ однако ни малѣйшей претензіи на полноту и всесторонность нашего изслѣдованія. Этому препятствовали-бы весьма многія обстоятельства, изъ которыхъ мы здѣсь упомянемъ только о двухъ слѣдующихъ. Прежде всего, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы обходимъ въ настоящемъ сочиненіи молчаніемъ большую часть изысканій по исторіи землевладѣнія народовъ арійскаго происхожденія, полагаясь на всеобщую извѣстность таковыхъ. Затѣмъ, по причинѣ болѣе частнаго характера, а именно по случаю пребыванія за границею, мы, къ сожалѣнію, не могли ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ содержаніемъ литературы о русскихъ инородцахъ, которая, насколько намъ извѣстно, можетъ поспорить въ подробностяхъ и полнотѣ съ литературой иностранныхъ путешествій. Мы ограничимся, поэтому, однимъ матеріаломъ для мало изслѣдованныхъ въ общихъ сочиненіяхъ народностей внѣ-европейскихъ частей свѣта, насколько онѣ представляются намъ достопримѣчательными, но и тутъ мы

остановимся на описанiи однихъ только общинныхъ формъ жизни, оставляя безъ разсмотрѣнiя встрѣчающiяся здѣсь и тамъ формы феодализма, какъ высшей фазы развитiя общества.

Авторъ.

Бернъ, $\frac{6}{18}$ октября 1881 года.

ГЛАВА I.

Общинныя охота и рыбная ловля.—Общинное пастушество.

Ленге въ своей «Теоріи гражданскихъ законовъ» сдѣлалъ весьма остроумное и мѣткое замѣчаніе, что охота есть первая форма кооперации, а охота на людей (война) одна изъ первыхъ формъ охоты. Соединеніе труда для добыванія средствъ существованія путемъ охоты, рыбной ловли, военныхъ набѣговъ и т. п. дѣйствительно является не только наиболѣе распространенной формой экономической организаціи народовъ, стоящихъ на раннихъ ступеняхъ развитія, но и исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ переложеній и сочетаній экономическаго строя въ направленіи раздѣленія и усложненія труда. «Въ теченіи раннихъ періодовъ существованія націй», говоритъ Эллисъ [1]), «когда общественные элементы сохраняютъ свою естественную и примитивную форму, члены общества имѣютъ общія занятія. Если они живутъ на берегу моря, то каждый изъ нихъ въ одно и тоже время есть кораблестроитель, морякъ и рыболовъ; а если они обитаютъ внутри страны, то каждый строитъ дома, воздѣлываетъ землю, готовитъ орудія, преслѣдуетъ дичь и снабжаетъ жизненными припасами свое семейство. Таково состояніе общества южной Африки, туземцевъ Америки и острововъ южнаго Океана. Раздѣленіе труда, классификація профессій и ихъ распредѣленіе между различными индивидуумами, принадлежатъ къ состоянію болѣе или менѣе организованнаго (передоваго) общества». Простая кооперація труда въ ловлѣ рыбы, охотѣ, нападеніи и защитѣ, уходѣ за скотомъ, очисткѣ лѣсныхъ участковъ подъ обработку, орошеніи, воздѣлываніи земли, построеніи домовъ и большихъ орудій, какъ сѣти, лодки и т. п., естественно обусловливаетъ собою совмѣстное потребленіе всего произведеннаго, а тѣмъ самымъ и общую собственность на

[1]) Ellis. History of Madagaskar, I, 290.

недвижимое и даже движимое имущество, на сколько она можетъ быть охраняема отъ посягательства сосѣднихъ группъ. Служа условіемъ существованія первобытнаго экономическаго строя, кооперація означеннаго рода въ тоже время является источникомъ для зарожденія и развитія цѣлаго рода нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній, которыя часто переживаютъ на многія столѣтія вызвавшую ихъ къ существованію общественно-экономическую организацію, и тѣмъ ясно доказываютъ живучесть и значеніе лежащихъ въ ея основаніи началъ. Таковы понятія, относящіяся, напр., къ оказанію гостепріимства, къ даренію, воровству, къ коллективной отвѣтственности и поддержкѣ всѣхъ членовъ общежитія въ случаяхъ того или другаго правонарушенія или долговаго обязательства. Напомнимъ, напримѣръ читателю, что и въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, среди полнѣйшаго господства системы общественнаго раздѣленія труда,— щедрость или свойство характера, порожденное первоначальною организаціею, продолжаетъ считаться добродѣтелью, тогда какъ противоположное ему свойство—скупость, не смотря на свою органическую связь съ раздѣленіемъ труда, считается ни болѣе, ни менѣе, какъ порокомъ. Такимъ же образомъ мѣна и купля-продажа между близкими родственниками продолжаетъ признаваться дѣломъ неловкимъ и непристойнымъ, способствующимъ нарушенію прочныхъ и дружескихъ родственныхъ связей, въ чемъ ясно отражается та истина, что отношенія, вытекающія изъ раздѣленія труда, въ противоположность отношеніямъ, основаннымъ на его соединеніи, суть отношенія антагонистическія, лишенныя прочности. Въ этихъ безсознательно-одобрительныхъ приговорахъ общественнаго мнѣнія и общественнаго темперамента всему, что прямо или косвенно вытекаетъ изъ равенства или простой коопераціи труда, высказывается въ сущности тотъ фактъ, что этотъ видъ соединенія работъ представляетъ самую универсальную форму общественной организаціи, отъ которой человѣчество уклоняется лишь временно, съ цѣлью отысканія путей къ возстановленію ея въ новыхъ и сложнѣйшихъ формахъ. Такъ называемое «естественное право» представляетъ ничто иное, какъ совокупность подобныхъ переживаній тысячелѣтняго экономическаго строя.

Не ограничиваясь одними нравственными и юридическими воззрѣніями, система первобытнаго сложенія труда отражается въ самой физической и умственной организаціи людей. Слѣдующія слова путешественника Мишіе [1]), высказанныя имъ относительно монголовъ примѣняются и ко всѣмъ прочимъ народамъ раннихъ ступеней развитія. «Среди подобныхъ націй», говоритъ онъ, «индивидуальности

[1]) **A. Michie. The Siberian Overland route. Lond, 1864, 193.**

почти нѣтъ мѣста. Обычай и воспитаніе каждаго индивидуума одни и тѣ-же. Все племя въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній, прибѣгаетъ къ употребленію однихъ и тѣхъ же способностей, такъ что послѣднія обращаются въ наслѣдственныя и нерасторжимо сростаются съ расою. Монголъ, который-бы не былъ хорошимъ наѣздникомъ, представлялъ бы такую же аномалію, какъ и монголъ, не оказывающій гостепріимства. Однообразіе жизни всѣхъ членовъ этихъ кочевыхъ племенъ, удерживая отъ развитія многія способности, употребленіе которыхъ необходимо для существованія цивилизованныхъ народовъ, дѣлаетъ типъ всего племени постояннымъ, такъ что никто изъ нихъ не отличается значительно своимъ внѣшнимъ видомъ отъ другихъ. Въ цивилизованномъ обществѣ, гдѣ раздѣленіе труда сдѣлалось столь необходимымъ, что стало само великимъ критеріемъ цивилизаціи, различіе типовъ развивается даже въ теченіи одного поколѣнія. Портного всегда можно отличить отъ кузнеца, солдата отъ матроса; но племена, обычаи которыхъ принуждаютъ каждое семейство быть независимымъ, и,—какъ это справедливо относительно всего остального (кромѣ Европы) міра, потребности которыхъ ограничены средствами ихъ удовлетворенія и среди которыхъ различныя занятія почти неизвѣстны,—необходимо представляютъ значительное однообразіе».

Въ виду упомянутаго значенія соединенія труда для характеристики экономической организаціи первобытнаго общества, читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы сдѣлаемъ попытку изобразить въ подробностяхъ обстановку и способъ этого рода комбинаціи работъ, насколько они выясняются изъ показаній путешественниковъ и другихъ изслѣдователей. Каждый изъ сообщенныхъ нами фактовъ можетъ не представлять собою ни чего ни новаго, ни характерическаго, но, будучи сведены вмѣстѣ и обобщены, они получаютъ совершенно иное освѣщеніе. Начнемъ съ описанія общей охоты и рыбной ловли, переходя въ послѣдующихъ главахъ къ изображенію работъ по расчисткѣ лѣсовъ, орошенію, воздѣлыванію земли и сооруженію домовъ.

Въ широкихъ рѣкахъ Австраліи, говоритъ Эйръ [1]), гдѣ вода низка и чиста, партіи туземцевъ отъ 40 до 50 человѣкъ каждая, ловятъ рыбу копьями изъ твердаго дерева, около 6 футъ длиною и съ острыми наконечниками. Образуя изъ себя широкій полукругъ, они погружаются одновременно въ воду съ своимъ оружіемъ и остаются подъ нею довольно долго. Если ловъ былъ неуспѣшенъ, они отплываютъ на нѣсколько ярдовъ далѣе и снова ныряютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ они часто перемѣщаются на протяженіи

---

[1]) E. J. Eyre. Journals of Expeditions of Discovery into Central-Australia etc. Lond. 1845, II, 254.

одной или двухъ миль, пока не поймаютъ рыбы, сколько имъ нужно. Автору случилось видѣть партію въ 30 человѣкъ, которая наловила въ одинъ часъ 7 или 8 штукъ рыбы, не менѣе 15 ф. каждая, а многія и болѣе. Точность, съ какою они занимаютъ свои относительныя положенія, ловкость и порядокъ, съ которыми они ныряютъ въ воду, по истинѣ удивительны для того, кто присутствуетъ при этомъ впервые. Тотъ же путешественникъ описываетъ слѣдующими живыми чертами ночную ловлю рыбы дикарями (266): „движеніе цѣлой флотиліи этихъ лодокъ, скользящихъ вдали, подобно множеству огненныхъ шаровъ, которые сообщаютъ еще болѣе густую тѣнь мраку, окружающему зрителя и придаютъ всей сценѣ чрезвычайно романическій видъ, производитъ на воображеніе странное и сильное впечатлѣніе.... Вода была почти оживлена блестящими огнями, движущимися туда и сюда, подобно болотнымъ огнямъ, и подобно имъ-же, быстро и необъяснимо исчезающимъ, какъ только послышатся шаги приближающихся чужестранцевъ». Тотъ же общинный характеръ носитъ, по словамъ автора, ловля кенгуру, которыхъ толпа дѣтей гонитъ съ крикомъ и гвалтомъ на вооруженныхъ копьями взрослыхъ или загоняетъ въ пропасть, а также ловля сѣтями гусей, утокъ, пеликановъ, голубей и пр. Но всѣ эти способы добыванія дичи не исключаютъ и ловли въ одиночку при помощи остроумныхъ и ловкихъ приспособленій.

Животныя, добываемыя партіею, отправляющеюся на охоту, застигаются ею, по словамъ Грея [1]), или въ густыхъ кустарникахъ, куда они прячутся отъ дневнаго жара, или на открытомъ мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ ихъ окружаютъ и зажигаютъ кусты, испуганныя животныя бѣгутъ тогда отъ пламени къ открытому пространству, но прежде, чѣмъ достигнуть опушки лѣса, встрѣчаютъ на дорогѣ пламя, зажженное съ противоположной стороны, и должны бѣжать назадъ, пугаемые громкими и ужасающими криками; они дико бѣгаютъ кругомъ, пока не ошалѣютъ отъ страха и не кинутся въ среду своихъ враговъ, которые даютъ пощаду лишь немногимъ. Когда кенгуру окружены на равнинѣ, то вообще избираемый пунктъ представляетъ открытую плоскость, окруженную лѣсомъ. Кругъ, обнимающій животныхъ, съуживается все болѣе и болѣе, пока нѣкоторыя изъ нихъ не придутъ въ тревогу и не пустятся въ бѣгство. Но, прежде чѣмъ они сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ, бѣгство ихъ останавливаетъ страшный крикъ дикаря; придя въ ужасъ, они опускаются на землю съ своими перепуганными товарищами поразмыслить о средствахъ къ спасенію, но вооруженные дикари, махая копьями и испуская громкіе крики, сбѣгаются къ нимъ со всѣхъ

---

[1]) Grey. Two Expeditions in Australia, II, 270 и etc.

сторонъ, и прежде, чѣмъ животныя придутъ въ себя отъ перваго удивленія и страха, бойня уже началась и рѣдко кончается, пока не падетъ большинство ихъ. Такія большія общественныя охоты ведутся при соблюденіи нѣкоторыхъ правилъ. Собственникъ земли (?) приглашаетъ другихъ туземцевъ и долженъ быть самъ на лицо во время охоты, такъ какъ въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ, навѣрное, начнется кровавая расправа. Первое копье, которое ударитъ въ кенгуру, независимо отъ того, легка или тяжела рана, рѣшаетъ вопросъ, кому (т. е. какой группѣ туземцевъ) принадлежитъ животное.

Мужчины въ Австраліи часто собираются въ многочисленныя группы, охотятся и ловятъ рыбу по нѣскольку часовъ въ день, тогда какъ женщины собираютъ маисъ, корни или другіе припасы, смотря по времени года, и всѣ сходятся по вечерамъ для болтовни и иногда для танцевъ [1]). Въ иныхъ случаяхъ въ охотѣ за кенгуру, принимаетъ участіе цѣлое племя или нѣсколько соединенныхъ племенъ [2]). «Избравши мѣсто для охоты, мужчины ложатся въ траву на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, вдоль долинъ, а женщины и дѣти, образуя длинную линію, всходятъ на холмы, стараясь гнать кенгуру въ долины, въ которыхъ размѣщены мужчины. Животныя инстинктивно избираютъ это направленіе, потому что сюда легче бѣжать. По мѣрѣ того, какъ стадо съ шумомъ пробѣгаетъ мимо охотниковъ, каждый изъ нихъ, по очереди, поднимается изъ засады и наноситъ ударъ копьемъ одному или двумъ животнымъ. Такимъ образомъ они поддерживаютъ другъ друга, пока стадо не пройдетъ мимо послѣдняго охотника, и тогда они начинаютъ собирать свою добычу. Этотъ родъ охоты есть одно изъ самыхъ крупныхъ событій въ быту дикарей: непрерывные громкіе крики женщинъ и дѣтей на холмахъ, шумъ и грохотъ, производимый быстрыми скачками большаго числа кенгуру, дикіе возгласы мужчинъ, выскакивающихъ изъ своихъ засадъ,—все это порождаетъ всеобщее возбужденіе. Но этотъ родъ охоты невозможенъ на земляхъ покрытыхъ кустарникомъ, и плоскихъ, гдѣ кенгуру мало, какъ напр., у племени Ватчанди и у сосѣднихъ съ нимъ племенъ. Здѣсь общая дѣятельность племени состоитъ въ охотѣ за мелкими животными, обитающими въ самыхъ густыхъ кустарникахъ. Съ этою цѣлью туземцы огораживаютъ часть опушки кустарника, противоположную теченію вѣтра, и становятся у отверстій этой ограды, вооруженные копьями и дубинами. Когда все это подготовлено, женщины и дѣти подкладываютъ огонь съ подвѣтренной стороны, во многихъ мѣстахъ сразу, заставляя животныхъ бѣжать въ направленіи, противоположномъ вѣтру, гдѣ, будучи оста-

[1]) Lang. The Aborigenes of Australia, 1865, 6.
[2]) Oldfield, The Aborigenes of Australia, 272.

новлены оградою, эти послѣднія стараются ускользнуть сквозь отверстія, охраняемыя вооруженными мужчинами. Этимъ способомъ туземцы доставляютъ себѣ обильную пищу, но такъ какъ выжженный кустарникъ выростаетъ вновь лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и лишь тогда наполняется животною жизнью, то подобныя времена выпадаютъ туземцамъ не часто.... Обычаи (284), регулирующіе раздѣлъ добычи между участниками ловли, повидимому, глубоко обдуманы и выполняются весьма строго. Когда приходится дѣлить эму, собаку или кенгуру между 8—10 людьми, раздѣлъ производится однимъ изъ стариковъ, который оставляетъ себѣ наибольшую долю. Всякій, получающій свою часть, остается сразу доволенъ ею и весело направляется къ огню, чтобы готовить ее. Въ подобныхъ случаяхъ между ними никогда не бываетъ споровъ, какъ часто случается между бѣлыми во время неурожая.»

Отаитяне, говоритъ Моренгаутъ [1]), изготовляли изъ коры растенія matifiens tinctoria сѣти различныхъ размѣровъ, надъ которыми долженъ былъ работать почти цѣлый округъ, снося ихъ отдѣльными кусками въ домъ начальника или собственника (?), гдѣ они складывались и соединялись въ одно цѣлое. Натурально, подобными сѣтями могли ловить исключительно сообща. На Новой Зеландіи цѣлыя деревни принимаютъ участіе въ ночной рыбной ловлѣ [2]). «Мужчины, женщины и дѣти на Пензайнскихъ островахъ [3]) одинаково безстрашно погружались въ пѣну, въ которой чувствовали себя, повидимому, столь-же дома, какъ и на сушѣ. Множество людей, плававшихъ по морю и сначала разбрасывавшихся по большому пространству, теперь стали собираться въ одно мѣсто, не только поддерживая непрерывный шумъ криками, но и выскакивая на половину изъ воды и вслѣдъ затѣмъ опускаясь, ударяя локтями по бокамъ и хлопая руками, что производило звукъ, напоминающій пистолетный выстрѣлъ. Теперь я сталъ замѣчать стадо летучей рыбы, выскакивающей изъ воды и прыгающей во всѣхъ направленіяхъ, часто перелетая черезъ кругъ людей и ускользая изъ корзинокъ и внѣшней ограды женщинъ и дѣтей. Когда кругъ былъ достаточно съуженъ для сосредоточенія рыбы въ массѣ, мужчины нырнули въ него съ своими сѣтями и переполнили ихъ рыбою. Сѣти эти освобождались въ корзины женщинъ, бывшихъ внѣ круга, которыя направлялись съ ними къ берегу, достигали мѣста позади гряды, что обыкновенному пловцу могло-бы стоить головы, и снова возвращались обратно, опроставъ свои корзины. Черезъ полчаса вся толпа разсѣя-

---

1) Morenhaut. Voyage aux îles du grand Océan. 1837, II, 205.
2) Polack. Manners and Customs of the New Zealanders. 1840, I, 201.
3) Lamont. Wild Life among the Pacific Islanders. Lond. 1867, 217—218.

лась, и у всякой семьи былъ большой запасъ летучей рыбы или marаго».

«Въ ловлѣ рыбы сѣтями», говоритъ Уэстъ [1]), » тонганцы пріучены тянуть очень тяжелыя тони. Мы часто наблюдали эту операцію съ глубокимъ интересомъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ: избирается участокъ моря достаточной глубины и съ постепеннымъ повышеніемъ дна къ берегу или къ утесу. Захватывая широкій кругъ, два каное съ соединенными сѣтями изъ фибръ кокосоваго дерева, около 5—6 сажень длиною и около 2 глубиною каждая, плывутъ до мѣста встрѣчи, опуская сѣти по мѣрѣ движенія. Въ тоже время на другихъ двухъ каное, поставленныхъ у песчанаго берега, отвозится канатъ съ цѣлью образовать другой большой кругъ, внутри котораго заключены движущіеся каное и большая сѣть. Эти канаты плетутся изъ листьевъ кокосоваго орѣха и сдѣланы настолько прочно, что, будучи опущены въ море, представляютъ достаточное препятствіе къ ускользновенію рыбы, гонимой впередъ движущеюся сѣтью. Въ довершеніе всего этого между двумя стоячими каное подвѣшена громадная и крѣпкая сѣть. Въ нее-то въ концѣ концовъ гонится вся рыба, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе съуживается кругъ, образующійся движущимися впередъ каное. Въ этомъ случаѣ было такимъ образомъ поймано болѣе 3000 штукъ рыбы всѣхъ сортовъ и величинъ, не считая черепахи и нѣсколькихъ акулъ. Рыба распредѣляется между различными собственниками сѣтей и снастей».

«Фиджійцы, опытные рыбаки», читаемъ у Кристманъ-Оберлендера, [2])«и прибѣгаютъ при этомъ занятіи къ употребленію сѣтей, крючковъ и вершей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется особая сѣть подъ названіемъ *рау*. Къ длиннымъ и гибкимъ палкамъ одного вьющагося растенія прикрѣпляется множество кружевообразныхъ листьевъ кокосоваго дерева, образующихъ бахрому значительной ширины и длины; подобный рау имѣетъ иногда 3400 метровъ длины отъ одного конца до другаго. Когда туземцы отправляются на рыбную ловлю, то они бросаютъ рау въ воду, привязывая концы его къ каное, которое его тянетъ за собою; потомъ они гребутъ къ къ маленькой бухтѣ, которую могутъ запереть этимъ рау и вылавливаютъ всю рыбу и другихъ съѣдобныхъ животныхъ маленькими сѣтями и копьями. Всего чаще прибѣгаютъ они къ сѣти при ловлѣ черепахъ. Рыбаки снабжаютъ себя при этомъ сѣтями изъ крѣпкаго шнурка, которые бываютъ до $3^1/_2$ метр. ширины и около 200—400 длины. Туземцы растягиваютъ сѣть на берегу моря, такъ что че-

[1]) Th. West. Ten Years in South—Central Polinesia. Lond. 1865, 119.
[2]) Christman u. Oberlaender, Die Inseln der Oceanien, Süd-See. Leipz. 1863, 166.

репаха, возвращаясь съ берега, непремѣнно запутается своими лапами въ широкихъ петляхъ сѣти».

«Крайне любопытно видѣть этотъ народъ (негритосовъ на Филиппинскихъ островахъ), говоритъ Эрль [1]), отправляющимся въ охотничью экспедицію; мужчины, женщины, дѣти,—всѣ идутъ вмѣстѣ, подобно стаду орангъ-утанговъ, идущему на грабежъ».

«На поверхности внутренняго рифа Палаузскихъ острововъ [2]) развивается въ низкую воду живая жизнь. Цѣлая толпа туземцевъ выѣзжаетъ въ большой лодкѣ на ловлю «руля»—крупной породы ската, мясо котораго они любятъ страстно и длинную хвостовую колючку котораго, снабженную многими и очень твердыми крючками, они употребляютъ на наконечники копій. Вслѣдъ за первой является вторая, а потомъ и третья лодка, такъ какъ ловля этого животнаго не легка, а иногда даже опасна. Когда вода падаетъ, то подобный скатъ часто даетъ себя уносить теченію, и тогда его легко бываетъ отличить издали, подобно спящей черепахѣ. Если онъ попадетъ въ глубокую воду канала, то ловля безъуспѣшна; если-же его тащитъ по поверхности широкаго рифа, то нѣсколько лодокъ располагаются вокругъ него такъ, что его все болѣе несетъ къ постепенно выдвигающемуся изъ моря берегу. Все уже и уже стягиваютъ они кругъ. У рыбы уже не хватаетъ воды для плаванія, она упирается колючимъ хвостомъ въ землю и отчаянными прыжками пытается прорваться сквозь людей, которые уже повыскакали изъ приставшихъ къ берегу лодокъ. Тогда начинается дикая, но скоро оканчивающаяся травля. Со всѣхъ сторонъ летятъ копья и стрѣлы въ животное, которое на этотъ разъ, къ счастью, не задѣло своимъ хвостомъ никого изъ охотниковъ, и вслѣдъ затѣмъ, при громкихъ крикахъ радости, оно втаскивается въ одну изъ лодокъ. Если-же скатъ, умирая, попадаетъ своимъ хвостомъ въ человѣка, то онъ наноситъ своему преслѣдователю тяжкое пораженіе». Участіе въ этой ловлѣ, подобно всѣмъ прочимъ общиннымъ работамъ (макезангъ), обязательно для каждаго, хотя самый скатъ, по словамъ автора, принадлежитъ всегда той лодкѣ, руководитель которой первый увидѣлъ его и позвалъ пріятелей на ловлю. Послѣднее утвержденіе автора кажется намъ, однако, невѣрнымъ. Что за смыслъ имѣла бы тогда обязательная работа? По всей вѣроятности, дѣло идетъ только объ очереди различныхъ «клёббергеллей» или братствъ, въ зависимости отъ того, который изъ нихъ первый открылъ ската.

Тѣ же самые общинные порядки рыбной ловли и охоты господ-

---

[1]) G. Earle. The Native Races of the Indian Archipelago. Papuans. Lond. 1853.
[2]) Semper. Die Palau-Inseln. Leipz. 1873, 84.

ствуютъ и въ другихъ частяхъ свѣта. По словамъ Врангеля [1]), ловля рыбы на притокахъ сибирской рѣки Колымы ведется въ строго установленномъ порядкѣ, сѣти бросаются одна за другой и выручка каждой тони принадлежитъ владѣльцу сѣти; мелкое рыболовство производится сообща, и выручка при выниманіи вершей и корзинъ дѣлится между владѣльцами этихъ послѣднихъ. Охота на птицу во время линянія ея также производится большими собраніями людей, частью, въ лодкахъ по рѣкѣ, частью, на сушѣ. Такимъ-то образомъ, говоритъ Врангель, мѣняются съ каждымъ временемъ года однообразныя занятія здѣшнихъ жителей, которымъ какъ низкая ступень образованія, такъ и свойства и климатъ страны, не даютъ возможности подумать о чемъ либо другомъ, кромѣ удовлетворенія необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Весь ихъ промыселъ, вся ихъ дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропустить благопріятнаго для всякой работы короткаго времени, и, при закрытіи одного источника пропитанія, воспользоваться минутою, когда открывается другой. Такъ, за рыбною ловлею въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ мелкихъ рѣчкахъ, затѣмъ совершается переходъ къ ловлѣ морской рыбы, пока не настанетъ движеніе сельдей и все не закончится забрасываньемъ сѣтей подъ ледъ. Точно также и охота за птицами имѣетъ свои различные періоды, такъ какъ утки линяютъ всего раньше, гуси позже, а лебеди еще позже. Кромѣ того, эти птицы опять таки распадаются на два класса, называемые здѣсь «дѣтники» и «холостые», которые тоже линяютъ въ различныя эпохи. Первые—дѣтеныши, которые еще не покинули родителей и ловятся или убиваются вмѣстѣ съ ними; вторыя—взрослыя молодыя птицы, которыя линяютъ позже старыхъ, а потому и служатъ предметомъ болѣе поздней охоты. Безъ этого благодѣтельнаго распорядка природы, туземцы были-бы не въ состояніи добывать себѣ средства существованія. Для ловли рыбы на Нижней Колымѣ (342) деревнею или нѣсколькими сошедшимися лицами дѣлается сообща поперегъ рѣки заборъ, который задерживаетъ ходъ рыбы; по срединѣ продѣлывается отверстіе, въ которое вставляются лежачія корзины такимъ образомъ, что корзина каждаго участника остается въ водѣ въ продолженіи 24 часовъ и тогда вынимается, чтобы дать мѣсто корзинѣ другаго лица и т. д.; но въ теченіи этого времени корзина подвергается многократному осмотру, и найденный при каждомъ осмотрѣ ловъ раздѣляется на столько частей, сколько есть владѣльцевъ корзинъ въ обществѣ [2]). Эта ловля столь легка, что ею занимаются болѣе женщины.

[1]) F. v. Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien etc. Berl. 1839, 202 и слѣд.

[2]) Подобные этимъ обычаи рыбной ловли и охоты, повидимому, весьма распространены среди русскихъ инородцевъ. У зырянъ (Сборникъ въ память перваго

У того-же автора (ч. II, 11—12) мы находимъ интересное описаніе такъ называемой «поколюги» дикихъ оленей въ рѣкѣ юкагирами во время осенней тяги оленей въ лѣса сѣвера. Ихъ настигаютъ въ лодкахъ во время переправы ихъ черезъ рѣку и бьютъ

стат. съѣзда 1870 г. изд. А. С. Гацискимъ. 1875, ст. Ф. А. Арсеньева, рыбная ловля у зырянъ, 467) желающіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель и выбираютъ мѣсто для своего лова; при формированіи артели къ ней пристать можетъ всякій, и вообще это раздѣленіе на артели дѣлается полюбовно безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Осенью ловятъ одни артели неводами, другія поплавнями; послѣднія расчитываютъ преимущественно на ловъ семги, первыя на ловъ бѣлой рыбы, сиговъ и омулей... Часто случается, что неводная и поплавная артели ловятъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Какъ та, такъ и другая раздѣляются всегда на двѣ половины, чередуясь въ ловѣ поденно; пока у одной артели ходитъ неводъ, другая просушиваетъ свои снасти. Уловъ дѣлится между участвующими въ артели свѣжею рыбою вѣсомъ, сообразно количеству доставленныхъ каждымъ снастей. Потомъ каждый солитъ уже про себя доставшуюся на его долю рыбу. Неводъ или поплавень или принадлежитъ весь одному семейству, если оно многочисленно, или бываетъ составной, т. е. принадлежитъ нѣсколькимъ одинокимъ или малосемейнымъ хозяевамъ соединившимся вмѣстѣ. У лопарей (Записки И. Р. Г. О. по отдѣл. этнографіи, т. VIII, ст. А. Я. Ефименко, Юрид. обычаи лопарей) семужьи тони составляютъ общую собственность цѣлаго погоста. Каждому погосту принадлежитъ не одинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; но къ каждой тонѣ одного и того-же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ. Заборъ устраивается общими средствами лопарей всего общества. У кореловъ (ib. Юрид. обычаи кореловъ) рыбныя ловли находятся въ общемъ пользованіи: онѣ составляютъ собственность одной или нѣсколькихъ деревень. Подужемскимъ большимъ семужьимъ заборомъ пользуется заразъ вся деревня, къ которой онъ принадлежитъ; другими-же малыми заборами пользуются десятки душъ черезъ каждые девять лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ тони, принадлежащія извѣстной деревнѣ, дѣлятся каждый годъ и отдаются ежегодно во владѣніе 12 ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ той деревнѣ. У канинскихъ самоѣдовъ (ib. Юридич. обычаи самоѣдовъ) тундра прежде была раздѣлена по родамъ и семьямъ; нынѣ владѣютъ ею самоѣды сообща: всякій промышляетъ гдѣ хочетъ; въ Большеземельной тундрѣ это дѣлается не такъ. Артельное начало очень развито. Артели составляются или изъ однихъ хозяевъ, или изъ хозяевъ съ рабочими. Сговариваются, напр. два хозяина ловить песцовъ вмѣстѣ и ловятъ все лѣто, а потомъ дѣлятъ добычу пополамъ. Также сговариваются стрѣлять вмѣстѣ дикихъ оленей. Артели для ловли линяющихъ гусей и стрѣльба дичи на озерахъ и рѣкахъ бываютъ, большею частью, отъ 2-хъ 10 человѣкъ; добычу также дѣлятъ по ровну, такъ какъ каждый изъ участвующихъ въ артели имѣетъ свое ружье и другіе снаряды. Артели для морскихъ промысловъ имѣютъ отъ 5 до 8 членовъ. Добыча дѣлится между членами артели поровну, но одинъ пай откладывается на судно. Каждый пайщикъ при отправкѣ обязанъ внести въ артель $1\frac{1}{2}$—2 пуда ржаной муки, 1 пудъ печенаго хлѣба или 20 ф. черныхъ сухарей, до 4-хъ ф. коровьяго масла, 3 пуда оленьяго мяса или соленой рыбы и достаточное количество пороху и свинца. Если артель состоитъ изъ хозяевъ и рабочихъ, тогда хозяину идетъ $1\frac{1}{2}$ пая, въ томъ числѣ $\frac{1}{2}$ пая за харчъ, порохъ и снасть, а $\frac{1}{2}$ пая рабочему. См. также превосходный „Сборникъ Матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи". Выпуски I и II, 1873 и 1874 г., не имѣющій себѣ равныхъ въ области европейской литературы по соотвѣтствующимъ предметамъ. О рыбныхъ ловляхъ Уральскаго казачьяго войска см. А. Рябининъ, Уральское казачье войско. Часть I, Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, собр. офицерами Генерал. штаба. С.Пет. 1866. Особенно интересны тутъ предметы дѣлежа улова (стр. 202 и сл.). Плавенное и аханное рыболовство, на которыхъ каждое лицо составляетъ промышленную единицу, не имѣющую нужды въ посторонней помощи, полагаютъ за основаніе при

короткими копьями. «Тяга оленей есть нѣчто въ высшей степени замѣчательное. Въ хорошій годъ она состоитъ изъ многихъ тысячъ и занимаетъ иногда пространство отъ 50 до 100 верстъ. Хотя олени, повидимому идутъ отдѣленіями въ 200—300 штукъ, но такъ какъ эти отдѣленія держатся близко одно около другаго, то цѣлое представляетъ лишь одну сплошную и громадную массу. Хорошій охотникъ убиваетъ ихъ до 100 и болѣе въ какіе нибудь полчаса. Если стадо многочисленно и приходитъ разъ въ безпорядокъ, то звѣри спутываются своими длинными рогами одни съ другими, это еще болѣе облегчаетъ «поколюгу», уменьшая сопротивленіе оленей. Остальныя лодки овладѣваютъ въ тоже время убитыми животными, связываютъ ихъ ремнями вмѣстѣ, и сколько захватитъ каждый, столько ему и принадлежитъ. При этомъ можетъ показаться, что все убитое уносится, и самому охотнику не остается ничего за его тяжелый трудъ; во избѣжаніе этого обычай требуетъ, чтобы *общее* достояніе составляли только немедленно убитыя и плавающія по рѣкѣ животныя, между тѣмъ какъ всѣ тѣ, которыя, будучи ранены, достигаютъ берега и тамъ умираютъ, принадлежали-бы въ собственность охотнику. Вслѣдствіе этого охотники довели свою ловкость до такой достойной удивленія степени, что среди борьбы необычайной лютости, гдѣ ихъ жизнь ежеминутно ставится на карту, гдѣ ихъ физическія и нравственныя способности напряжены до по-

---

раздѣлѣ добычи индивидуальный трудъ; каждый беретъ то, что онъ поймалъ; но на багреньи, гдѣ преобладаетъ случайность и удача, дѣлежъ совершается по артелямъ: ловы производятся здѣсь орудіями по своей дешевизнѣ доступными каждому, наемъ рабочихъ воспрещенъ, слѣд. и богатый и бѣдный участвуютъ въ нихъ на равныхъ условіяхъ. Неводныя рыболовства находятся въ иныхъ условіяхъ: здѣсь промышленною единицею является артель, потому что невода стоютъ дорого и не всякій можетъ ихъ имѣть, и потому что личное участіе здѣсь стоитъ уже на второмъ планѣ, а вслѣдствіе этого справедливость требуетъ, чтобы лица болѣе содѣйствующія ловамъ, т. е., хозяева неводовъ, получали и большую долю. Такимъ образомъ при распредѣленіи улова за единицу принимается главнымъ образомъ пай, которымъ дѣлятъ добычу по числу членовъ артели, тянувшей неводы. Хозяину предоставляется 5 паевъ, (на осеннемъ неводномъ ловѣ), каждому изъ простыхъ рабочихъ по одному паю, включая сюда хозяина, каждому иногороднему работнику также по одному паю, пай этотъ получается нанявшимъ его лицомъ,.. На зимнемъ неводномъ ловѣ, гдѣ ловъ всѣми неводами производится разомъ, въ запертомъ пространствѣ, часто случается, что одни невода получаютъ богатую добычу, другіе попадаютъ на такой участокъ, гдѣ рыбы почти нѣтъ, а потому дѣлежъ происходитъ сообща, именно, вся рыба складывается вмѣстѣ и потомъ раздѣляется на кучи, или, какъ говорятъ здѣсь, на урсы. Каждый неводъ получаетъ одинаковое число кучъ, которыя уже дѣлятся между казаками совершенно тѣмъ-же порядкомъ на паи, какъ и въ осеннемъ ловѣ, съ небольшимъ только измѣненіемъ въ числѣ паевъ.—Изъ этихъ правилъ можно видѣть, что общинное право продолжаетъ господствовать надъ частнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ мѣста обособленію индивидуальнаго труда, въ видѣ-ли затраты на орудіе ловли, или на самую ловлю. Гдѣ неравенство добычи происходитъ отъ однихъ естественныхъ условій—удачи или неудачи, тамъ оно устраняется общиной.

слѣдней крайности, они настолько обладаютъ сознаніемъ, что направляютъ свои удары не иначе, какъ убивая немедленно мелкихъ и болѣе слабыхъ животныхъ, а большимъ только нанося раны, чтобы они могли достигнуть берега. Правда, общественное мнѣніе не одобряетъ этого образа дѣйствій и называетъ подобныхъ охотниковъ дурными людьми, однако, онъ все же, повидимому, пользуется значительнымъ распространеніемъ. Подобная охота на оленей въ водѣ представляетъ сцену въ высшей степени интересную и превышающую всякое описаніе: ревъ тысячъ плывущихъ оленей, громкій трескъ отъ столкновенія ихъ роговъ, ангелы мщенія, извивающіеся съ быстротою молніи и съ опасностью собственной жизни между испуганными животными, крики и возгласы остальныхъ, которые шлютъ одобренія, предостереженія, совѣты, окрашенныя до темна кровью волны рѣки,—все это нужно видѣть самому, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе. По окончаніи охоты совершается дѣлежъ добычи соотвѣтственно упомянутымъ принципамъ.»

Въ лѣтнюю пору русскіе, якуты и тунгусы, населяющіе Жиганскій улусъ Верхоянскаго округа Якутской области [1]), по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, кочуютъ съ своими стадами оленей по тундрамъ близь береговъ Ледовитаго моря и питаются продуктами промысла дикихъ оленей. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ-то подстрѣлены ими олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убьетъ-ли онъ въ теченіи лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и если-бы онъ началъ споръ о томъ, то долженъ на всегда лишиться таланта на охотѣ.

Гренландцы [2]) ловятъ тюленей троякимъ способомъ: отдѣльно съ пузыремъ, совмѣстно на *общей* охотѣ, въ зимнее время на льду. Охота съ пузыремъ ведется въ одиночку въ каюкѣ, и въ тюленя бросается копье на веревкѣ съ пузыремъ. Пузырь поддерживаетъ

[1]) Зап. Спб. Отдѣла. Геогр. Общества, 1856, I, Хитрово, стр. 66—67, цит. у П. Соколовскаго, Экономическій бытъ, Спб. 1872, 104—110. См. тамъ-же описаніе звѣропромышленной артели бурятъ *аба*, стр. 101—103.
[2]) D Cranz. Historie von Grenland. 1770, B. II, 201 и 159.

тюленя близъ поверхности воды и поднимаетъ его на верхъ послѣ окончательнаго утомленія, гдѣ и добиваютъ его малымъ копьемъ. *Совмѣстная* охота состоитъ въ томъ, что партія туземцевъ въ байдарахъ сгоняетъ стукомъ тюленей подъ воду, чтобы ихъ утомить, снова поднять на поверхность и добить копьями. Какъ только появится тюлень, всѣ плывутъ на него, какъ птицы съ громкими криками и стукомъ, и такъ какъ онъ вслѣдъ затѣмъ ныряетъ, то всѣ разбрасываются въ разныя стороны и каждый ищетъ мѣста, гдѣ онъ покажется снова; мѣсто это имъ неизвѣстно, и оно обыкновенно бываетъ около $^1/_8$ мили отъ прежняго пункта появленія тюленя. Такимъ образомъ они преслѣдуютъ тюленя на вольной водѣ въ разныхъ направленіяхъ, на пространствѣ около 2 миль въ продолженіи около двухъ часовъ, пока не утомятъ его до того, что могутъ окружить его и убить. Если тюлени въ тоскѣ пожелаютъ ретироваться на землю, то здѣсь ихъ встрѣчаютъ палками и камнями женщины и дѣти, послѣ чего мужчины ихъ прикалываютъ. Эта охота считается у гренландцевъ весьма веселою и выгодною, такъ какъ на долю каждаго можетъ въ одинъ день достаться отъ 8 до 10 штукъ тюленей.—На льду тюленей бьютъ въ одиночку и по двое у прорубей гарпунами, или поддѣлываясь подъ лежаніе, маханье головой и крикъ тюленя.

Охота гренландцевъ на китовъ (159) и на единороговъ производится только на сѣверѣ, на кашалотовъ-же и на другіе болѣе мелкіе сорты звѣрей также и въ южныхъ частяхъ страны. Отправляясь на ловлю китовъ, гренландцы рядятся, какъ на свадьбу: если кто нибудь изъ нихъ будетъ въ нечистомъ платьѣ, особенно въ томъ, въ которомъ онъ прикасался къ мертвому, то, слѣдуя предсказанію волшебника, китъ непремѣнно ускользнетъ отъ нихъ, или, будучи пойманъ, утонетъ. Женщины отправляются вмѣстѣ съ мужчинами для того, чтобы чинить имъ морское платье и, если понадобится, лодки. Гренландцы плывутъ въ мужскихъ и женскихъ байдарахъ прямо на кита и колютъ его гарпунами, къ которымъ прикрѣплены пузыри изъ кожи большаго тюленя, поддерживающія тѣло кита близъ поверхности воды. Когда китъ утомляется, они убиваютъ его своими мелкими копьями. Послѣ этого мужчины влѣзаютъ на него въ своихъ водяныхъ шубахъ изъ непромокаемыхъ оленьихъ кожъ, имѣя вокругъ головы повязку изъ башмаковъ, чулокъ, рукавицъ и шапки, которыя крѣпко прикрѣплены къ ней. Во всемъ этомъ они прыгаютъ на кита и въ море, причемъ шуба отъ движенія въ водѣ такъ надувается, что они не тонутъ, а держатся на водѣ стоя, рѣжутъ жиръ и изловчаются своими дурными ножами вырѣзывать китовой усъ (котораго лучшіе 500 штукъ стоютъ столько-же, сколько и весь жиръ). При вырѣзкѣ жира дѣ-

ло идетъ весьма безпорядочно. Мужчины, женщины, дѣти, все бѣгаетъ въ суматохѣ съ острыми тонкими ножами, причемъ *каждый*, кто только присутствовалъ при ловлѣ, имѣетъ участіе въ добычѣ. Нужно удивляться, какъ они при всемъ этомъ настолько осторожны, что никому не наносится особеннаго вреда, хотя безъ крови дѣло и не обходится.—Если кто-либо приноситъ домой тюленя или другое животное, въ особенности зимою, когда ихъ бываетъ трудно добыть, то даетъ всѣмъ въ домѣ по куску, въ томъ числѣ и бѣднымъ вдовамъ и, сверхъ того, приглашаетъ въ гости нѣсколькихъ сосѣдей. Но никто даже самый бѣдный никогда не проситъ ѣсть. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности, такъ какъ гостепріимство соблюдается во всей странѣ, относительно какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ.

Главное занятіе алеутовъ на Уналашкѣ [1]), кромѣ рыбной ловли, состоитъ въ охотѣ за тюленями, важность которой для этого народа превосходитъ всякое представленіе, такъ-какъ справедливо можно утверждать, что алеуту безъ тюленя было-бы невозможно жить. Изъ кожи тюленя онъ дѣлаетъ себѣ платье, ковры, ремни, обувь и другія вещи, даже лодка, на которой онъ ежедневно выѣзжаетъ, состоитъ изъ деревяннаго остова, обтянутаго кожами этого животнаго. Мясо употребляется въ пищу, жиръ частью для отопленія, частью для освѣщенія. Горло передѣлывается въ непромокаемые сапоги и панталоны, а изъ пузыреобразнаго желудка изготовляются пріемники для всевозможныхъ жидкостей. Изъ внутренностей дѣлается платье для дождливой погоды, и въ то же время они служатъ вмѣсто оконныхъ стеколъ, чтобы впускать въ хижину дневной свѣтъ; даже щетина бороды тюленя употребляется, какъ украшеніе и головной уборъ, на подобіе страусовыхъ перьевъ въ Европѣ, такъ-что трудно указать хоть одну часть этого животнаго, изъ которой не было-бы извлекаемо какой нибудь пользы. Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть для параллели, что коряки представляютъ собою другой народъ, котораго благосостояніе и богатство, родъ жизни и поддержаніе существованія, пища и одежда стольже исключительно зависятъ отъ одного оленя, какъ алеута отъ тюленя. Шляпы и одежда всякаго рода изготовляются ими изъ оленьихъ шкуръ, желудокъ оленя служитъ для сохраненія различныхъ жидкостей, а мясо повседневной пищей.

Кромѣ байдарокъ одно, двухъ и трехъ-мѣстной у алеутовъ имѣются еще и большія, открытыя байдарки для 15, 20 и болѣе человѣкъ, которыя прежде принадлежали *всей деревнѣ*, а впослѣдствіи были *отняты* Россійско-Американской Компаніей и употребляются

---

[1]) v. Landsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt. 1812, II, 38—41.

для общинныхъ цѣлей, напр., для буксировки разбухшихъ стволовъ дерева, при приходѣ и отходѣ судовъ, при доставкѣ убитаго кита, и т. д. [1]). Когда алеутъ подстережетъ и убьетъ кита, то онъ да-

---

[1]) Классическій примѣръ послѣдствій, которыя влечетъ за собою внезапное и насильственное вторженіе капитализма въ первобытную общину, а также и глубокаго различія между общиннымъ и капиталистическимъ производствомъ, представляютъ слѣдующія замѣчательныя слова Лансдорфа: „Несправедливость и произволъ“, говоритъ авторъ (63), „которые дозволяютъ себѣ надсмотрщики и надзиратели Рос. Амер. Компаніи надъ алеутами, идутъ такъ далеко, что послѣдніе лишились всей собственности и врядъ-ли продолжаютъ обладать даже собственнымъ платьемъ. Уже въ томъ, что компанія успѣла захватить себѣ байдары или кожаныя лодки туземцевъ, лежитъ главная причина угнетенія этого племени, ибо если у человѣка, который всю свою пищу и одежду долженъ добывать на водѣ, *отнимаютъ* его суда, то съ тѣмъ вмѣстѣ у него отрѣзаны всѣ средства заботиться о своемъ существованіи. Алеутъ въ настоящее время на столько рабъ компаніи, что онъ получаетъ отъ нея байдары, кости для стрѣлъ и даже самое платье, и *всю добычу* своей охоты каждый разъ долженъ предоставлять въ ея распоряженіе. Надсмотрщикъ и надзиратель отряжаютъ такое число людей обоего пола, какое необходимо для отправленія охоты или другихъ работъ, для приготовленія шкуръ, для шитья платья, для изготовленія байдаръ, для ловли и сушки рыбы, такъ-что алеутъ потерялъ всю свободу собственной воли и даже произвольное употребленіе ея. Возмутительно видѣть этихъ людей голодными и почти нагими, когда тутъ-же рядомъ видишь магазины Компаніи, наполненные всякою провизіею и платьемъ,. Но не одни алеуты, а также и русскіе промышленники, которые служатъ не какъ ремесленники или надсмотрщики, а просто на работѣ для построекъ, для рубки деревьевъ, для гребли, какъ матросы и пр., отчасти раздѣляютъ ту же участь... Во времена Ванкувера здѣсь можно было встрѣтить многія партіи охотниковъ на морскую выдру и притомъ гораздо болѣе многочисленныя, чѣмъ теперь. Означенный мореплаватель видѣлъ одну флотилію, которая состояла изъ 700 байдарокъ и 1400 алеутовъ. Этотъ примѣръ можетъ служить новымъ доказательствомъ обѣдненія страны въ послѣдніе двадцать лѣтъ, такъ какъ въ настоящее время Р. А. Компанія во всѣхъ своихъ поселеніяхъ не въ состояніи выставить даже 400 байдарокъ“.—Любопытно, что совершенно подобную-же эксплуатацію общиннаго труда на Целебесѣ—прекрасный натуралистъ, но очень плохой экономистъ А. Уалласъ, рекомендуетъ къ подражанію и къ распространенію въ другихъ мѣстахъ: „Эта система общественныхъ полей и общей работы“, говоритъ онъ, „не очень рѣдка на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, и гдѣ она существуетъ, ее слѣдовало-бы *заботливо поддерживать*, потому что она представляетъ громадныя облегченія для введенія новыхъ земледѣльческихъ растеній и новыхъ способовъ обработки. Будучи пріученъ къ этому способу воздѣлыванія своего риса, туземецъ *быстро усвоилъ культивировку кофе* (для голландцевъ?) *тѣмъ же способомъ*; и представляетъ совершенное заблужденіе думать (!), какъ многіе это дѣлаютъ, что ихъ выгоняютъ на работу подобно рабамъ. Они идутъ на свои работы съ шутками, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и сосѣдей; надъ ними нѣтъ никакого надсмотрщика по урокамъ; они работаютъ довольно много (!), но какъ хотятъ, подъ общимъ управленіемъ своего старѣйшины и „контролера“. Сверхъ того они работаютъ для самихъ себя (!), весь продуктъ принадлежитъ имъ самимъ (т. е. продается голландцамъ по принудительной низкой цѣнѣ), и доля всякаго семейства даетъ имъ возможность покупать предметы роскоши и комфорта, которыхъ они прежде никогда не могли имѣть. Такимъ образомъ обычай, освященный временемъ, сила общественнаго мнѣнія и собственный интересъ комбинируются вмѣстѣ для того, чтобы обезпечить регулярное поведеніе рабочихъ на кофейныхъ плантаціяхъ; и хотя, какъ я думаю, на нихъ подчасъ налагаются наказанія за лѣность (то-то же), но только по исключенію, и въ цѣломъ несправедливо примѣняютъ наименованіе „принудительной работы“ къ этой системѣ обработки“. Какая идиллія, подумаешь!

ютъ знать своей деревнѣ, чтобы общими силами добиться полученія добычи. Конецъ стрѣлы, который всегда находится въ ранѣ убитаго животнаго, и который у каждаго алеута отмѣченъ особымъ знакомъ, какъ-бы его гербомъ, служитъ также въ сомнительномъ случаѣ вѣрнымъ доказательствомъ того, кому изъ стрѣлковъ принадлежитъ на основаніи обычнаго права добыча. Прежде существовали особые обычаи для раздѣла убитаго животнаго, такъ что старѣйшина поселенія, стрѣлокъ и каждый другой согражданинъ получалъ свою опредѣленную долю, впослѣдствіи же Р. А. Компанія стала брать одну половину добычи себѣ, предоставляя другую дѣлить алуетамъ между собою, какъ хотятъ.

Коняги [1]) въ маѣ обыкновенно садятся въ двухъ-весельныя байдары и отправляются на отдаленные острова для отъисканія морскихъ выдръ. Успѣхъ охоты требуетъ тихаго моря, за ними можно охотиться только въ маѣ и іюнѣ, добывая ихъ слѣдующимъ образомъ: 50 или 100 байдаръ тихо движутся по водѣ, держась настолько близко одна отъ другой, что выдра не можетъ ускользнуть отъ нихъ. Какъ только животное открыто, немедленно, по данному сигналу, пространство, гдѣ животное должно подняться, чтобы подышать воздухомъ, окружается дюжиною байдарокъ и когда выдра появляется на поверхности, то встрѣчается цѣлою тучею стрѣлъ. За тюленями охота ведется съ помощью копій въ 10—12 фут. длиною, на одномъ концѣ котораго прикрѣпленъ надутый пузырь.—Команчи не обрабатываютъ земли, и существуютъ исключительно охотой. Бизоны, проходящіе громадными стадами черезъ ихъ страну, составляютъ главную ихъ пищу, къ которой единственною придачею служатъ немногія дикія растенія и корни; по этому они могутъ быть названы почти исключительно мясоѣдами. Преслѣдуя бизоновъ, они развиваютъ большую дѣятельность, ловкость и смѣлость. Когда появляется стадо, они подвигаются къ нему тѣсною колонною, постепенно ускоряя быстроту хода, и на незначительномъ разстояніи раздѣляются на двѣ или болѣе группы и, кидаясь на стадо въ загонъ, съ большою быстротою разбрасываютъ свои стрѣлы на право и на лѣво; другіе охотятся за буйволами съ копьями.—Обширныя загородки и плотины, найденныя у Нуткасовъ Маккензи (168), составляли результатъ ассоціаціи труда цѣлаго племени и находились подъ контролемъ начальника, безъ дозволенія котораго никто не могъ ловить здѣсь рыбу.

Ловля лососины въ Колумбіи [2]) славится въ настоящее время во всемъ мірѣ. Разъ въ теченіи года неисчислимыя массы этой благо-

---

[1]) H. H. Bancroft, The Native Races of the Pacific. States, Lond. 1875, I, 76, 77.
[2]) Ib. I, 232.

родной рыбы входятъ въ рѣку изъ океана для метанія икры. Лосось начинаетъ свое движеніе въ апрѣлѣ, но остается на нѣсколько недѣль въ болѣе теплой водѣ у устья и тамъ ловится въ своемъ лучшемъ видѣ племенемъ чинуковъ при помощи узкой сѣти изъ коры или корней, иногда длиною до 500 фут. и глубиною до 15 съ поплавками и подвѣсками. Одинъ конецъ сѣти втаскивается въ рѣку при высокой водѣ и влечется по ней съ берега туземцами, которые берегутъ рыбу и препятствуютъ ей ускользать и перепрыгивать чрезъ сѣть. Далѣе, въ особенности у водопадовъ и у Вилламотты туземцы колютъ лосося копьемъ, стоя на берегу или на доскахъ, помѣщенныхъ надъ водою для этой цѣли, ловятъ его въ мелкія и глубокія сѣти и на большой крючокъ съ приманкой, прикрѣпленной короткою лесой къ длинной палкѣ. Независимо отъ рыбы, добываемой трудомъ туземцевъ, на утесы бросается такое громадное множество рыбы, вслѣдствіе собственныхъ ея усилій пройти сквозь водопадъ, что воздухъ заражается на цѣлые мѣсяцы гніеніемъ этой массы, хотя значительная ея часть въ этомъ вкусномъ состояніи собирается и употребляется въ пищу туземцами.

Охота на бизона [1]) совершается цѣлымъ племенемъ и бываетъ два раза въ годъ, около половины іюня и въ октябрѣ, когда разсылаются оповѣщенія по всѣмъ семействамъ окрестности собраться въ опредѣленный день въ долинѣ Бѣлой Горы недалеко отъ форта Гарри. Здѣсь племя раздѣляется на три группы, на случай встрѣчи со стадомъ бизоновъ. Каждая изъ этихъ группъ сопровождается 500 повозками, сдѣланными исключительно изъ дерева и влекомыми воломъ или лошадью. Съ прибытіемъ партіи на мѣсто начинаются приготовленія къ охотѣ. Начальникъ держитъ рѣчь, въ которой между прочимъ даетъ совѣтъ не застрѣлить другъ друга. На стадо бросаются всѣ вмѣстѣ и каждый отмѣчаетъ свою добычу, переходя къ новой. Эти знаки никогда не оспариваются, но въ случаѣ сомнѣнія въ правѣ собственности туша раздѣляется по ровну между претендентами. Множество мяса пропадаетъ безъ пользы. Впрочемъ, истребленіе бизоновъ есть скорѣе дѣло бѣлыхъ, чѣмъ туземцевъ [2]). По прибытіи бѣлыхъ число бизоновъ стало уменьшаться все болѣе и болѣе, такъ какъ новые пришельцы продѣлывали среди нихъ ежегодно невѣроятную бойню, частью для добычи шкуръ, частью языковъ, такъ что теперь они совершенно исчезли съ лѣваго берега Миссиссипи. Въ 1824 году громадныя стада бизоновъ были видны въ долинахъ Медвѣжьей и Зеленой рѣкъ и даже въ

---

[1]) Paul Kane. Indians of North-America, Lond. 1859, 75—76.

[2]) A. Domenech. Seven Years'Residence in the gr. deserts. of. N. America. L. 1880, II, 231.

долинѣ Колумбіи. Послѣ 1834 года число ихъ въ этихъ областяхъ стало уменьшаться, а съ 1840 года ихъ не встрѣчалось болѣе по рѣкамъ, впадающимъ въ Тихій океанъ. Въ прежнее время стада бизоновъ тихо передвигались съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, смотря по времени года, не имѣя другихъ враговъ кромѣ индійцевъ, которые охотились за ними, какъ и въ настоящее время, чтобы питаться ихъ мясомъ и одѣваться въ ихъ шкуры, но которые сочли-бы святотатствомъ избивать этихъ животныхъ больше, чѣмъ сколько имъ было нужно для личнаго потребленія. Бизонъ представлялъ и представляетъ для индійца тоже, что тюлень для алеута и эскимоса и олень для бурята, т. е. единственное средство прокормленія и существованія.

Индійцы Сѣверной Америки отправляются на охоту за бизонами осенью [1]), по окончаніи жатвы и возвращаются въ деревню не раньше марта, когда начинаются посѣвы. По окончаніи посѣвовъ они снова уходятъ и возвращаются въ іюлѣ, который представляетъ время, когда у бизоновъ начинается течка. Вся деревня отправляется на эту охоту сообща, а если она не довольно многочисленна, то соединяется съ другою деревнею, и это по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобы оказать болѣе сильное сопротивленіе въ случаѣ нападенія враговъ, во вторыхъ, чтобы быть въ состояніи захватить большее количество добычи. Они собираются вмѣстѣ вечеромъ, наканунѣ выступленія на охоту, и избираютъ изъ своей среды въ начальники охоты того, кого признаютъ наиболѣе способнымъ. Обыкновенно это одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ военныхъ вождей. Онъ беретъ себѣ въ помощники всѣхъ остальныхъ вождей и входитъ съ ними въ соглашеніе относительно всего, что должно быть регулировано въ походѣ, предпринимаемомъ для охоты за бизонами. Въ тотъ-же день одинъ изъ начальниковъ держитъ рѣчь въ присутствіи всего собранія, въ которой излагаетъ все, относящееся до границъ, которыя должны быть соблюдаемы во время охоты и наказаній, предназначенныхъ для нарушителей этихъ правилъ. Онъ объявляетъ, что имъ грозитъ отнятіе ихъ оружія, ломка ихъ луковъ и стрѣлъ, хижинъ и всего, что въ нихъ будетъ найдено; этотъ обычай у нихъ считается ненарушимымъ. Причина подобной строгости состоитъ въ томъ, что въ случаѣ нарушенія правилъ охоты, всѣ животныя ускользнули-бы, и деревня была бы въ опасности умереть съ голоду. Всѣ начальники подчинены этому закону: если-бъ его нарушилъ даже самый высшій изъ нихъ, то и онъ не избѣгъ-бы наказанія, не смотря на всю свою власть; въ случаѣ

---

[1]) **N. Perrot. Mémoire sur les moeurs des sauvages de l'Amérique septentrionale. Paris. 1864, 60—61.**

если-бы онъ не захотѣлъ подчиниться, вся молодежь соединилась-бы противъ него, и плохо досталось-бы отъ нея всякому, кто взялся-бы поддерживать его. Этотъ главный начальникъ съ своими помощниками подраздѣляетъ народъ на отряды для открытія дичи, и если найдетъ, что одинъ изъ нихъ находится въ опасности, то возвращается обратно и охраняетъ его отъ нападенія врага. Когда въ деревнѣ много сильной молодежи, способной носить оружіе, то ее дѣлятъ обыкновенно на три отряда, которые, слѣдуя извѣстнымъ правиламъ, окружаютъ въ лѣсу стадо бизоновъ и загоняютъ ихъ пожаромъ въ предназначенныя для нихъ засады. Увѣряютъ, что есть деревни, которыя убивали такимъ образомъ до 1500 бизоновъ, а иногда и болѣе, смотря по числу людей и размѣру ограды, дѣлаемой ими во время охоты. Установивъ свой станъ по близости отъ мѣста бойни, деревни приступаютъ къ раздѣлу добычи между семьями, изъ которыхъ однѣ получаютъ больше, другія меньше, смотря по численности ихъ. Вообще распредѣленіе происходитъ согласно распоряженію начальника, съ соблюденіемъ равенства и справедливости. Каждое семейство снимаетъ шкуры съ животныхъ, доставшихся ему на долю; и всѣ остаются на мѣстѣ до окончательной просушки мяса.—Въ случаѣ охоты на медвѣдя, которая обыкновенно устраивается волонтерами по вызову одного изъ шефовъ и сопровождается соблюденіемъ разныхъ религіозныхъ церемоній, какъ-то усиленнаго поста, черненія лицъ углемъ и т. д., если среди убитыхъ животныхъ найдется одно большихъ размѣровъ и длины, чѣмъ прочія, то оно предназначается для торжественнаго пиршества по возвращеніи ихъ въ деревню и зажаривается цѣликомъ. Все остальное мясо раздѣляется посемейно. Если есть на мѣстѣ союзники или чужестранцы, имъ также дѣлается подарокъ. Если охота была удачна, то приглашаются жители сосѣднихъ деревень и получаютъ двухъ или трехъ животныхъ. Пиршество, на которомъ съѣдается большой медвѣдь, даетъ самъ начальникъ, приглашая на него до 20 человѣкъ и соблюдая большія церемоніи. Бобровъ, зайцевъ, птицу, рыбу бьютъ больше въ одиночку, или мелкими группами при помощи ручныхъ орудій, какъ пики, сѣти, копья, стрѣлы и пр.

«Все было у нихъ общимъ имуществомъ», говоритъ о краснокожихъ Гентеръ [1]). «жатва и охотничья добыча были раздѣляемы по потребности, или каждый бралъ изъ существующаго запаса то, въ чемъ нуждался». «У дикихъ племенъ Панамскаго перешейка [2]) и центральной Америки вообще и у племени Куэба въ частности

---

[1]) Цитир. у Waitz. Anthropologie der Naturvölker, 2-хъ Aufl. Leipz. 1877, III, 128.

[2]) Bancroft op. cit. I, 759.

старѣйшины опредѣляютъ, кто именно изъ жителей долженъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а кто охотою и рыбной ловлею». «Для охоты [2]) они (индійцы) соединяются по 50 человѣкъ, болѣе или менѣе; потомъ они сушатъ мясо на рѣшеткахъ, чтобы оно не портилось; прибывъ въ поселеніе, они дѣлаютъ подарки сеньору (?), а остальное по дружески распредѣляютъ между собою. Также поступаютъ они и съ уловомъ рыбы».

Обычный порядокъ отправленія на охоту у тегуэльчей [2]) состоитъ въ слѣдующемъ: кацикъ, распоряжающійся походомъ и охотой, выходитъ на разсвѣтѣ изъ своего *тольдо* и держитъ громкую рѣчь, въ которой излагаетъ планъ и общую программу охоты. Послѣ этого онъ совѣтуетъ молодежи быть дѣятельною и веселою, припоминая свои собственные охотничьи подвиги въ молодости. По окончаніи этой рѣчи, которая обыкновенно выслушивается невнимательно, молодежь и мальчики ловятъ лошадей при помощи лассо, а женщины сѣдлаютъ и нагружаютъ ихъ всѣми необходимыми вещами, начиная отъ палатокъ и кончая водою. Когда все готово, мужчины поручаютъ лошадей женщинамъ, а сами уходятъ въ лѣсъ и начинаютъ охоту. Два человѣка уѣзжаютъ вскачь и, описывая большій или меньшій кругъ, зажигаютъ огни для обозначенія своихъ слѣдовъ. Черезъ нѣсколько минутъ за ними отправляются нѣсколько другихъ и т. д., пока при кацикѣ не останется лишь мало народу. Охотники размѣщаются полукругомъ, съуживая кругъ у того пункта, куда уже прибыли первые посланцы. Полукругъ этотъ покоится на основной линіи, образуемой медленно движущейся впередъ полосою женщинъ, дѣтей и рабочихъ лошадей. Страусъ и гуанаки бѣгутъ отъ передней линіи, но встрѣчаютъ препятствіе въ разставленныхъ на линіи людяхъ, и когда кругъ хорошо замкнутъ, то на нихъ нападаютъ съ «боласъ», а иногда и съ охотничьими собаками. Индійскій законъ раздѣла охоты предупреждаетъ всякіе споры и состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ, поймавшій страуса, поручаетъ его нести въ станъ другому охотнику, а впослѣдствіи дѣлится съ нимъ добычей, оставляя въ свою пользу перья, мясо отъ головы до грудной кости и одну ногу; если убитъ гуанако, то ловцу принадлежитъ лучшая половина. Когда убитая птица жарится, то охотникъ получаетъ отъ нея лишь самую маленькую долю, или вовсе не получаетъ, разсчитывая отчасти на жаркое другихъ лицъ. Обычай этотъ, какъ увидимъ ниже, пользуется чрезвычайною распространенностью въ различныхъ странахъ свѣта. Кацикъ вообще получаетъ большую долю.

---

[1]) Diego de Landa. Relation des choses de Jucatan. Paris. 1864, 130.
[2]) G. Musters. At Home with the Patagonians. Lond. 1871, 71.

При восходѣ солнца, читаемъ мы у Depons [1]), всѣ индійцы отомаки, способные къ работѣ, отправлялись къ своимъ соотвѣтствующимъ начальникамъ, которые назначали изъ нихъ тѣхъ, которые должны были идти въ тотъ день на рыбную ловлю, или искать черепахъ, или на охоту за кабанами, смотря по времени года. Извѣстное число лицъ во время посѣва или жатвы назначалось также на полевыя работы, плоды которыхъ складывались въ общественныя житницы для распредѣленія ихъ начальникомъ. Никогда одни и тѣ же индійцы не ходили на работу два дня сряду. Остальные, на которыхъ не падала очередь идти на работу, занимались игрою въ мячъ. Женщины все утро занимались приготовленіемъ посуды изъ глины, одѣялъ, корзинъ, мѣшковъ. Въ полдень и они также присоединились къ играющимъ въ мячъ. Въ четыре часа пополудни рыбаки возвращались въ своихъ лодкахъ, нагруженныхъ провизіей. Тотчасъ-же прекращалась игра въ мячъ, всѣ отомаки шли купаться въ рѣку и расходились по домамъ. Женщины и дѣти разгружали лодки и сносили рыбу къ дверямъ начальниковъ, которые распредѣляли ее между всѣми семействами, смотря по числу членовъ въ нихъ. Послѣ того вся деревня приступала къ единственной ѣдѣ въ день, за исключеніемъ нѣкоторыхъ плодовъ и кусковъ земли, которые съѣдались въ другое время. За обѣдомъ слѣдовало второе купанье, а потомъ наступала ночь, и съ нею начинались танцы, которые оканчивались только въ полночь. Тоже самое повторялось каждый день. «Не извѣстно на югѣ Америки никакого другаго индійскаго племени, которое представляло-бы зрѣлище подобной республики, болѣе способной давать урокъ согласія нѣкоторымъ цивилизованнымъ государствамъ, нежели самой получать его»,—иронически замѣчаетъ авторъ.—Ежегодно при паденіи водъ Ориноко, начинающемся въ февралѣ, милліоны черепахъ кладутъ свои яйца на пескѣ береговъ рѣки и дожидаются, пока ихъ маленькія вылупятся, достаточно подростутъ, чтобы обходиться безъ ихъ услугъ. Всѣ индійцы по сосѣдству Ориноко отправляются тогда на берега рѣкъ съ своими семействами, чтобы запастись черепахами, которыхъ они сушатъ на огнѣ, для сохраненія ихъ мяса. Ту-же предосторожность соблюдаютъ они и относительно яицъ, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ извлекаютъ масло. Всѣ эти продукты служатъ имъ для пропитанія и для торговли съ индійцами, живущими далеко отъ Ориноко, которыхъ удерживаютъ дома страхъ или лѣнь.

У южно-американскихъ индійцевъ общественныя охоты [2]) пред-

[1]) F. Depons. Voyage à la partie orientale de la terre ferme. Paris. 1806, I, 294. См. тоже описаніе у I. Gumilla. Histoire de l'Orénoque. 1758. I. 265.
[2]) C. F. v. Marzius. Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München. 1832, 50.

принимаются противъ опасныхъ хищныхъ звѣрей, подобныхъ тигру, или въ видахъ скопленія запаса. Особенно много убиваютъ они обезьянъ, которыхъ обдираютъ, потрошатъ и жарятъ на огнѣ. Раздѣлъ, совершающійся между возвратившимися съ такихъ охотъ, часто длящихся цѣлыя недѣли, отличается равномѣрностью. Тому, который доставляетъ стрѣлочный ядъ, слѣдуетъ особое вознагражденіе. Старѣйшина не присвоиваетъ себѣ никакого особеннаго права охоты, и общія охоты въ округѣ устанавливаются въ условленные дни всею общиною. Все это совершается внутри границъ территоріи, опредѣленной договорами. Среди ботокудовъ вторженіе въ эти права охоты рѣшается единоборствомъ, посредствомъ боя палками, въ которомъ принимаютъ участіе многіе члены племени. Рыбныя ловли частью устраиваются сообща и добычу умѣютъ распредѣлять тѣмъ лучше, что она весьма велика. Если кто-либо былъ столь счастливъ, что убилъ ламантина, дельфина или большаго крокодила, то въ добычѣ большею частью принимаютъ участіе всѣ семьи хижины, даже цѣлой деревни, такъ какъ и безъ того одно семейство не могло бы потребить его достаточно скоро въ свѣжемъ состояніи.

У бассутовъ южной Африки частью происходятъ общія охоты подъ наблюденіемъ и по назначенію начальника. Охота состоитъ въ устройствѣ засадъ и въ загонѣ въ нее антилопъ, гну, квaггъ, газелей и т. п. Обычай требуетъ, чтобы каждый пріобрѣталъ въ собственность ту дичь, которую онъ убилъ самъ, но князю поклоняются первымъ убитымъ животнымъ. Сыновья представляютъ ему головы, какъ символъ его достоинства [1]). Когда какое либо животное было ранено многими охотниками, оно принадлежитъ по праву тому, кто нанесъ первый ударъ. Послѣ снятія кожъ и очистки спѣшатъ нагрузить мясо на рабочій скотъ, который идетъ въ деревню подъ надзоромъ стариковъ. Большія охоты однако не настолько часты, чтобы ихъ доставало всѣмъ любителямъ дичи. Почти ежедневно организуются, поэтому, частныя охоты, требующія болѣе терпѣнія и ловкости.

Въ зимніе мѣсяцы, когда высокая трава совершенно высохнетъ, вслѣдствіе сухого восточнаго вѣтра, и можетъ легко воспламеняться и горѣть, въ южной Африкѣ происходятъ большія охоты. Жители многихъ мѣстностей собираются въ опредѣленный день съ ружьями и луками и отправляются въ лѣсъ. Здѣсь зажигается во многихъ мѣстахъ сухая трава: огонь, поддерживаемый правильно дующимъ вѣтромъ, распространяется съ чрезвычайной быстротою и

---

[1]) L. Magyar. Reisen in Süd-Africa in den Iahren 1849—57. Pest und Leipzig 1859 I, 304—305.

съ громкимъ трескомъ бѣжитъ по густой травѣ среди деревьевъ и по сухимъ листьямъ, такъ что пламя поднимается до верхушки деревьевъ. Охотники еще заранѣе обступили все пространство непрерывною цѣпью и такимъ образомъ легко могутъ перестрѣлять перепуганную и гонимую во всѣ стороны огненнымъ моремъ дичь. При такихъ условіяхъ различныя дикія животныя убиваются сотнями. Впрочемъ, подобная охота довольно опасна, потому что попадаются и хищные звѣри, особенно львы, леопарды, которые продаютъ свою жизнь не дешево, и отъ нихъ пропадаетъ много охотниковъ. Кромѣ того, устраиваютъ на дичь такъ называемые *ваконіо*, или заборы, начиная отъ ручья или рѣки, болѣе чѣмъ на милю, оставляя на правильныхъ разстояніяхъ узкія отверстія. На прямо стоящемъ деревѣ прислоняется въ наклонномъ положеніи тяжелый и большой обрубокъ дерева, прикрѣпленный посредствомъ деревяннаго болта, къ которому въ свою очередь привязана тонкая веревка, протянутая поперекъ надъ отверстіемъ въ заборѣ. Этими-то колодами и пробиваютъ проходящихъ сквозь отверстія звѣрей.

У мандинговъ Гаиме путешественникъ Каллье видѣлъ большія сѣти, сдѣланныя изъ бумажныхъ веревокъ и изъ древесной коры, съ которыми они ходятъ на охоту за газелями и за кабанами: они узнаютъ въ лѣсахъ слѣды этихъ животныхъ, растягиваютъ свои сѣти и ударяютъ тревогу, чтобы загнать ихъ въ эти послѣднія. Какъ только животное попадетъ куда, оно убивается ударами кинжала. Они обыкновенно соединяются въ большомъ числѣ, чтобы вести эту охоту.

«У нѣкоторыхъ источниковъ близъ Колобуга», говоритъ д. Ливингстонъ [1]), «скопилась большая масса дичи—буйволовъ, зебровъ. жираффъ, камасъ, гну, палласовъ, риноцеросовъ и пр.; вслѣдствіе того на земляхъ, прилежащихъ къ мѣсту ихъ истребленія, была устроена западня подъ названіелъ *Нора*. Заборъ состоитъ изъ двухъ плетней въ формѣ буквы V, которая очень высока и плотна по близости отъ угла. Въ этомъ углу, гдѣ плетни должны-бы были соединяться, они образуютъ родъ переулка до 50 ярдовъ длины, въ концѣ котораго построена яма въ 6—8 футъ глубины и около 12—15 фут. ширины. Поперекъ ямы, и особенно близь переулка, гдѣ ожидается паденіе звѣрей, и надъ дальнимъ краемъ, куда животныя могли-бы попытаться ускользнуть, положены бревна. Бревна эти образуютъ родъ кровли и дѣлаютъ выходъ изъ ямы для животныхъ почти невозможнымъ. Все заботливо покрывается короткими зелеными вѣтвями, превращая яму въ родъ простой засады. Такъ какъ

[1]) D. Livingstone. Missionary Travels and Researches in South Africa, Lond. 1857, 20.

означенные плетни имѣютъ часто около 1 мили длины и такое-же разстояніе между концами, то туземцы, дѣлая кругъ въ три или четыре мили по странѣ, соприкасающейся въ отверстіемъ ограды, и постепенно смыкаясь, почти убѣждены въ томъ, что запрутъ здѣсь много дичи. Гоняя ее криками къ узкой части *Норы*, мужчины, спрятавшись въ траву, бросаютъ копьями въ перепуганныя стада, и всѣ животныя кидаются къ отверстію, образуемому заборами, а оттуда въ яму, пока она вся не наполнится живою массою. Нѣкоторыя, правда, ускользаютъ, перепрыгивая черезъ другихъ. Суматоха ужасная: люди въ дикомъ возбужденіи колютъ прекрасныхъ животныхъ съ сумасшедшею радостью; другія бѣдныя созданія задавливаются тяжестью своихъ умершихъ и умирающихъ товарищей... Бакуэны часто убивали отъ 60 до 70 большой дичи въ различныхъ засадахъ въ одну недѣлю, и такъ какъ каждый, и богатый и бѣдный принимаютъ участіе въ добычѣ, то они съ успѣхомъ противодѣйствовали этою пищею дурному дѣйствію исключительно растительной діеты.

Кафры [1]) устраиваютъ по временамъ большія охоты, при помощи которыхъ они безполезно уничтожаютъ громадную массу дичи. Ихъ способъ охоты состоитъ въ томъ, что они въ числѣ нѣсколькихъ сотъ окружаютъ участокъ лѣса и сгоняютъ всю дичь въ одинъ пунктъ. Тогда избирается удобное мѣсто, изъ котораго выпускаютъ животныхъ по одиночкѣ. Здѣсь поставлены самые сильные мужчины и наносятъ животнымъ удары при помощи асагаевъ и кирри (ножи и топоры), такъ что рѣдкое животное уйдетъ живымъ. А такъ какъ, по удостовѣренію Мюллера, они часто въ полдня убиваютъ по нѣскольку сотъ антилопъ, зайцевъ, дикихъ кошекъ, обезьянъ и пр., то они не въ состояніи воспользоваться всей добычей, и многія животныя гніютъ. По ихъ собственнымъ словамъ, подобныя охоты устраиваются менѣе для добычи мяса, чѣмъ ради добычи шкуръ, нужныхъ имъ для одежды. Другая народность Южной Африки бушмены, ведя бродячій образъ жизни, рѣдко связываются въ сколько нибудь обширные и продолжительные союзы. Здѣсь есть только мелкія подраздѣленія племени, которыя связываются половымъ чувствомъ, инстинктивною любовью къ дѣтямъ или вошедшею въ привычку взаимною привязанностью родственниковъ. Самая недостаточность состоящихъ у нихъ въ распоряженіи съѣстныхъ припасовъ препятствуетъ образованію большихъ обществъ; даже означенныя подраздѣленія или семьи принуждены по временамъ расходиться, потому что одно мѣсто не даетъ имъ всѣмъ надлежащаго

---

[1]) Lichtenstein. Reisen in Südlich. Africa in den Iahren 1803 — 1805, Berl. 1811, I, 375, II, 317, 85.

количества пищи. Одна часть ихъ странствуетъ здѣсь, другая тамъ, и только случай сводитъ ихъ снова подчасъ вмѣстѣ, и если обстоятельства благопріятны, если, наприм., охота даетъ имъ въ руки большихъ животныхъ, или если, нужда побудитъ ихъ въ концѣ концовъ предпринять совмѣстный грабежъ, который доставитъ имъ новый богатый запасъ съѣстнаго, тогда только они живутъ продолжительно вмѣстѣ... Если одна шайка что нибудь убила или украла, она скрываетъ это отъ другой, такъ какъ, если другая узнаетъ, что есть, что ѣсть, то явится и станетъ потреблять вмѣстѣ, не спрашивая согласія на то. Такъ какъ все есть общее благо, то всего менѣе можетъ быть удержана добыча для кого-нибудь одного, или въ части ея отказано тому, кто пожелаетъ имѣть ее. Отсюда вытекаетъ невѣроятное обжорство бушменовъ. Чего не съѣдятъ, то истребляютъ, чтобы не досталось другимъ. Скотъ грабятъ въ излишествѣ и убиваютъ, чего не доѣдятъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что до подобнаго дикаго состоянія, несвойственнаго, какъ мы видѣли даже большинству первобытныхъ народовъ, бушменовъ довели въ значительной степени притѣсненія со стороны голландцевъ и лишеніе скота, земли и всѣхъ прочихъ средствъ существованія.

Правильную охоту на слона ведутъ кордофанскіе арабы Бахара [1]). Животныя эти встрѣчаются въ громадномъ числѣ въ дождливое время года въ обитаемыхъ арабами округахъ. Охота на слоновъ этихъ арабовъ описывалась слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько всадниковъ, каждый, вооруженный многими копьями, отъискиваютъ слона, отдѣлившагося отъ стада; потомъ они раздѣляются на двѣ партіи, и въ то время какъ одна партія старается занять вниманіе слона спереди, другая старается нанести слону въ заднюю ляжку сильный ударъ копьемъ; атакуемый слонъ яростно оборачивается къ своимъ врагамъ, которые спасаются быстрымъ бѣгствомъ, между тѣмъ какъ первая партія всадниковъ снова преслѣдуетъ звѣря и старается нанести ему рану въ то же мѣсто. Если это имъ удается, то слонъ снова оборачивается къ ней и т. д., попеременно, пока рана не причинитъ животному такой боли и потери крови, что оно должно будетъ опуститься на землю. Тогда одна большая рана, нанесенная острымъ мечемъ, поканчиваетъ слона.

Когда жители Аннама [2]) прослѣдили тигра до его логовища, то всѣ охотники образуютъ большій или меньшій кругъ, смотря по ихъ числу, и достаточно раздвинутый, чтобы не препятствовать ничьимъ движеніямъ. По окончаніи этихъ приготовленій, руководитель принимаетъ мѣры къ тому, чтобы животное не имѣло никакой

---

[1]) Ruppel. Reisen in Nubien, Kordofan und petr. Arabien. Frankf. 1829, 146.
[2]) H. Mouhot Travels in the Central Parts of Indo-China, T. I, 263.

лазейки для выхода. Нѣкоторые изъ самыхъ храбрыхъ рѣшаются тогда войти въ центръ и срѣзываютъ кустарникъ,—въ теченіи этой операціи ихъ защищаютъ другіе, вооруженные пиками. Тигръ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, вращаетъ глазами, конвульсивно лижетъ свои лапы, приготовляясь такимъ образомъ къ битвѣ, потомъ съ страшнымъ рычаніемъ онъ дѣлаетъ прыжокъ. Немедленно поднимаются всѣ пики и животное падаетъ, пронзенное вдоль и поперекъ.

Любимое удовольствіе всѣхъ афганцевъ [1]), которое достигается различными способами, соотвѣтственно природѣ страны и различію дичи, есть охота. Обширныя партіи часто собираются верхомъ и пѣшкомъ и образуютъ полукругъ, который выметаетъ страну на большое пространство. Они напередъ увѣрены въ томъ, что возьмутъ всякую дичь, попавшую въ ихъ кругъ. Затѣмъ они стараются загнать ее въ долину или другое удобное мѣсто. Замкнувъ кругъ, они нападаютъ на дичь съ собаками и ружьями и часто убиваютъ отъ 100 до 200 штукъ дичи въ одинъ день. Еще чаще нѣсколько человѣкъ ходятъ съ гончими собаками и ружьями бить зайцевъ, лисицъ, оленей, словомъ всякую дичь, какую встрѣтятъ на пути.

Читатель вѣроятно обратилъ уже вниманіе на то, до какой удивительной степени сходны способы охоты и рыбной ловли первобытнаго общества во всѣхъ частяхъ земнаго шара, отъ полюса до полюса. Съ одной стороны, почти повсюду распространено употребленіе огня для поджиганія кустарниковъ и лѣса и сгона дичи въ общую засаду. Съ другой, еще болѣе употребительно участіе въ охотѣ и рыбной ловлѣ многочисленныхъ группъ населенія; иногда одного или нѣсколькихъ племенъ, съ раздѣленіемъ занятій по полу и возрасту, почти безъ исключенія, стремящихся запереть добычу въ кругъ, чтобы такимъ образомъ поймать ее. Столь-же сходенъ и способъ распредѣленія добычи,—въ высшей степени демократическій. И такъ, на подобіе того, какъ орудія первобытной охоты и рыбной ловли поражаютъ своимъ сходствомъ, почти тожествомъ подъ всѣми широтами, точно также схожи и самые способы кооперація труда и потребленія людей, живущихъ охотой и рыбною ловлей.

Постепенное прирученіе стадныхъ животныхъ, пойманныхъ на охотѣ, ведетъ, при благопріятныхъ условіяхъ мѣстности (Азія, Африка, но не Америка), къ превращенію охотничьей общины въ общину отчасти или всецѣло пастушескую. Одомашненіе животныхъ облегчается до извѣстной степени ихъ естественною или пріобрѣтенною склонностью къ сожительству съ человѣкомъ: такъ, по наб-

---

[1]) H. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul etc. Lond. 1839, II, 304—10.

люденіямъ Эрмана, олень имѣетъ влеченіе къ человѣческой мочѣ, собака и свинья къ экскрементамъ. Совмѣстная пастьба скота дозволяетъ уже сожительство большаго числа лицъ на данной территоріи и болѣе тѣсную кооперацію между ними. Среди прежняго единообразія занятій возникаетъ родъ раздѣленія труда по болѣе или менѣе многочисленнымъ группамъ. По словамъ Спармана, у южноафриканскихъ кочевыхъ племенъ каждому отводится какая-либо неотложная обязанность: одни должны постоянно стеречь стада, разбросанныя по лугамъ, и не только препятствовать имъ разбѣгаться, но и защищать ихъ отъ нападенія хищныхъ животныхъ, которыя постоянно залегаютъ на пути въ ожиданіи ихъ, другіе обязаны содержать скотъ въ чистотѣ и доить коровъ два раза въ день; третьи должны ткать ковры и собирать дрова для вечерняго огня; четвертые—добывать пищу и отъискивать коренья. Эти послѣднія занятія принадлежатъ, главнымъ образомъ, женщинѣ, тогда какъ мужчина ходитъ на охоту, наблюдаетъ за силками, поставленными въ различныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ стрѣлы и всѣ прочія орудія, въ которыхъ онъ нуждается. Самыя перекочевки съ мѣста на мѣсто совершаются гораздо правильнѣе по различнымъ временамъ года, чѣмъ безпорядочное преслѣдованіе дичи. Въ опредѣленное время года животныя сгоняются въ одни мѣста, причемъ одни изъ нихъ холостятся, другія подвергаются клейменію. Различіе между выгонами и лугами также ведетъ къ установленію извѣстнаго порядка въ уходѣ за скотомъ. Примѣръ животныхъ, мирно сожительствующихъ вмѣстѣ, пользованіе молокомъ, относящееся къ опредѣленному времени, мягкое обращеніе съ чреватыми животными, не могутъ, по мнѣнію Клемма [1]), остаться безъ моральнаго вліянія на пастушескую общину и должны оказывать смягчающее дѣйствіе на ея образъ мышленія, поступки и нравы. Въ особенности-же, повидимому, послушаніе и податливость, которыя проявляютъ стадныя животныя по отношенію къ своимъ господамъ и пѣстунамъ, должны были дѣйствовать существеннымъ образомъ на настроеніе пастуха по отношенію къ его собственному начальству и старѣйшинамъ. По меньшей мѣрѣ, мы встрѣчаемъ у всѣхъ кочевыхъ народовъ старѣйшинъ, которымъ оказывается уже большее послушаніе, нежели старѣйшинамъ охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ. У Лапландцевъ, которые живутъ отдѣльными семействами, господинъ—отецъ; у Тунгузовъ, но еще болѣе у Монголовъ и Калмыковъ, племенной князь есть тотъ, которому подчиняется все, что относится къ публичной жизни. Онъ опредѣляетъ день, когда племя оставляетъ старое мѣсто стоянки и должно отправляться въ новое странствованіе. Каждый повинуется

[1]) Klemm, III, 3 и слѣд.

его приказаніямъ безъ ропота, каждый подчиняется наказаніямъ, которыя онъ произноситъ. Сверхъ того, каждый охотно признаетъ, когда умеръ князь, сына его за наслѣдника власти. Среди американскихъ охотничьихъ народовъ господствовало вѣчное военное состояніе, они всегда были вооружены и находились на стражѣ противъ людей и животныхъ. Пастушеская жизнь основана болѣе на мирѣ. Война здѣсь—требованіе необходимости, за отсутствіемъ всякихъ другихъ средствъ. Пастухи охотнѣе покидаютъ страну, гдѣ имъ грозитъ опасность, чѣмъ отдавать свои стада на произволъ войны. Такъ, Лапландцы подвинулись назадъ, сибирскіе номады также, и большая масса калмыковъ убѣжала за китайскую границу, когда имъ начала грозить опасность русскаго владычества. Подобный-же міръ прекрасно приспособляется къ пробужденію религіозныхъ идей и подобное устройство ведетъ обыкновенно и незамѣтно къ образованію класса духовенства, которое до тѣхъ поръ дѣлило господство съ свѣтскимъ начальствомъ. Душа охотника или находится въ непрерывномъ и чрезмѣрномъ возбужденіи, или спитъ и видитъ сны. Напротивъ, пастухъ, жизнь котораго болѣе обезпечена, который въ своихъ стадахъ преодолѣлъ заботу о завтрашнемъ днѣ, не нуждается въ томъ, чтобы сегодня предаваться чрезмѣрнымъ усиліямъ, а завтра, насытившись, сну; его работа легка, но она *ежедневно повторяется*, потому онъ обыкновенно умѣреннѣе, веселѣе, спокойнѣе, чѣмъ охотникъ, но не имѣетъ и энергіи охотника, его увѣренности въ собственной силѣ и смѣлой гордости этой послѣдней. Охотникъ грабитъ, пастухъ крадетъ, месть охотника кровава, пастуха скрытна, охотникъ имѣетъ свободу дикаря въ лѣсу, пастухъ прирученъ, какъ и его стада и воспринялъ всѣ цѣнныя свойства таковаго. Подобно собакѣ онъ преданъ и послушенъ своему старѣйшинѣ, подобно овцѣ, онъ дозволяетъ безъ ропота послѣднему отбирать свое имущество и тотъ не беретъ его иначе, какъ зная, что пастухъ произведетъ его вновь. Характеръ пастуха есть умѣренность во всемъ. Болѣе пріятная и спокойная жизнь пастуховъ, пока не наступаютъ внѣшнія препятствія, имѣетъ безконечную продолжительность. Вопреки насильственнымъ нападеніямъ враговъ среднеазіатское пастушество доказанно существуетъ около 4000 лѣтъ въ однихъ и тѣхъ-же формахъ. Правда, оно не принесло никакихъ высшихъ духовныхъ плодовъ, гдѣ его не коснулось вліяніе активной расы. Но все-же слѣдуетъ признать, что кочевые народы гораздо воспріимчивѣе къ культурѣ, нежели охотничьи [1]).

Всѣ эти различія между кочевымъ и охотничьимъ народомъ однако чисто относительны. Изъ того, что кочевой народъ ведетъ бо-

[1]) Klemm, op. cit, III, passim.

лѣе спокойную жизнь, нежели охотничій, нисколько не слѣдуетъ, что въ кочевомъ состояніи наступаетъ царство мира. Хотя съ перваго взгляда простая жизнь пастушескихъ народовъ [1]) не кажется способною произвести расу воиновъ, но самая простота ихъ нравовъ спеціально приспособляетъ ихъ къ военнымъ предпріятіямъ. У странствующихъ народовъ, не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ границъ, не можетъ недоставать поводовъ къ войнѣ, такъ какъ они постоянно вторгаются въ границы пастбищъ одинъ другого. Такимъ-то образомъ возникаютъ обычаи предательской войны. Ихъ суровость и крѣпость даютъ имъ возможность выдерживать усталость продолжительныхъ странствованій, лишеній и изнуреній. Подобная община пастуховъ не нуждается ни въ какомъ коммисаріатѣ. Пища ихъ въ видѣ мяса ихъ быковъ или лошадей, которые привыкли ѣсть одну только траву, можетъ всегда пропитывать ихъ на пути, Они могутъ даже обойтись безъ шатровъ и вмѣсто послѣднихъ можетъ служить имъ почва. Ихъ безразличіе къ жизни дѣлаетъ излишнею всякую предусмотрительность относительно заботы о больныхъ и раненыхъ. Они не стѣсняются въ своихъ движеніяхъ никакою зависимостью отъ мѣстностей; весь міръ одинаковъ для нихъ. Ихъ военная жизнь, включающая продолжительныя странствованія и возвращенія, и истощающая въ корень другія войска, мало отличается отъ обыкновенныхъ ихъ обычаевъ во время мира. Ихъ энтузіазмъ дѣлаетъ ихъ страшными. Они разрушали благороднѣйшіе памятники науки и промышленности съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и то, которое побуждаетъ ребенка разбить въ куски тончайшій механизмъ. Они не придаютъ никакой цѣнности ничему, и для нихъ было веселымъ развлеченіемъ разрушать то, чего они не могли ни оцѣнить, ни понять. Пороки цивилизаціи манили ихъ къ новымъ завоеваніямъ. Побѣда воспламеняла ихъ организмъ. Пораженіе смиряло на время ихъ духъ, но они всегда имѣли открытое отступленіе въ безконечную пустыню, гдѣ они могли, по меньшей мѣрѣ, спастись отъ мести цивилизованныхъ націй, подвергавшихся ихъ угнетенію. Въ своей карьерѣ опустошенія они часто слѣдовали простой необходимости. Когда ихъ первые успѣхи привлекали большое число лицъ къ побѣдному знамени, то удержать въ неподвижномъ положеніи такую громадную массу не было возможности. Прежде всего ихъ пастбища скоро были бы истощены, а во вторыхъ, ихъ вожди могли поддерживать свое достоинство и свое высокое положеніе надъ единоплеменниками только при помощи активныхъ операцій. Иностранныя войска, широко входившія въ составъ ихъ армій, были всегда готовы отпасть отъ насильственнаго союза. Всякій признакъ слабости или неспособ-

[1]) Michie. The Siberian Overland Route. Lond. 1854, 177—183.

ности вождя сдѣлался бы знакомъ общаго распаденія. Изъ этой-то необходимости вѣчнаго движенія возникла идея монгольской универсальной имперіи.

Ближайшую характеристику экономическаго быта кочевыхъ народовъ читатель найдетъ ниже въ главахъ о движимой и недвижимой собственности.

ГЛАВА II.

Общинныя работы по выжиганію лѣсовъ. — Общинныя работы по орошенію, какъ-то, по сооруженію каналовъ и резервуаровъ и регулированію рѣкъ. — Общинная эксплуатація системъ орошенія.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что общинная охота при помощи выжиганія лѣсовъ и степей пользуется самымъ обширнымъ распространеніемъ среди различныхъ народовъ и въ различныхъ странахъ свѣта. Отъ лѣсного или степного пала, пущеннаго совмѣстными силами, съ цѣлью охоты за животными, былъ только одинъ шагъ къ кооперативной расчисткѣ огнемъ лѣсныхъ, болотныхъ и степныхъ пространствъ подъ земледѣльческую культуру. Этотъ родъ первоначальнаго бродячаго земледѣлія одинаково удобно совмѣщается какъ съ охотничьимъ и кочевымъ бытомъ, такъ и съ зачатками осѣдлаго. Къ нему же прибѣгаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ высоко-образованные народы Европы, а также европейскіе колонисты незаселенныхъ лѣсныхъ странъ. Говоря вообще, высшія ступени каждой фазы экономическаго развитія не только переходятъ за предѣлы низшихъ ступеней послѣдующихъ фазъ, но уживаются и съ самыми высшими фазами. Не удивительно поэтому, что къ выжиганію лѣсовъ подъ обработку одинаково обращаются охотничьи народы Сѣверной и Южной Америки, полукочевые народы Африки, кочевые средней Азіи и осѣдлые Европы. Вся разница состоитъ лишь въ томъ, что чѣмъ ниже ступень развитія, тѣмъ болѣе господствующимъ способомъ земледѣлія является выжиганіе лѣсовъ. Способъ этотъ, повидимому, представляетъ первый шагъ болѣе или менѣе систематическаго земледѣлія, наступающаго за истощеніемъ предметовъ рыбной ловли и охоты, если не считать правильнаго собиранія дикихъ сортовъ хлѣба и рису въ Австраліи и въ Сѣв. Америкѣ.

«Лопаты и огня, говоритъ де Рохасъ, [1]) достаточно новокаледон-

---

[1]) De Rochas. La Nouvelle Calédonie. Paris 1882, 169.

цамъ для расчистки земли, деревянной пики для посадки и обработки; этими простыми орудіями они обрабатываютъ земли ровно столько, сколько требуется ихъ культурою и климатомъ.»

Отсутствіе осѣдлаго образа жизни манобовъ (жителей Филиппинскихъ острововъ) [1]) имѣетъ одною изъ причинъ самый способъ ихъ земледѣлія. Незначительная густота населенія, въ связи съ удивительнымъ плодородіемъ почвы, дозволяютъ имъ слѣдовать наклонности къ уединенію и освобождаютъ ихъ отъ искусственной обработки полей и отъ необходимости оставаться всегда на мѣстѣ. Они предпочитаютъ дѣлать свои посѣвы, которые чрезмѣрно богатая почва возвращаетъ имъ во сто кратъ, то здѣсь, то тамъ, при помощи самаго ничтожнаго труда. Система, которой они при этомъ слѣдуютъ, характеристична для многихъ другихъ малайскихъ племенъ и употребляется также многими христіанами Филиппинскихъ острововъ. Она состоитъ въ сущности въ примитивнѣйшей обработкѣ земли. Рубятся большія лѣсныя деревья и нижняя поросль и послѣ должнаго осушенія солнцемъ, подвергаются сжиганію. При этомъ урожай иногда достигаетъ самъ—50. По истощеніи однихъ участковъ переходятъ на другіе.

«На пути изъ Боа-Виста въ Говерно», говоритъ С. Илэръ [2]), «я обращался съ распросами къ нѣкоторымъ неграмъ изъ Бенгуеллы, которые встрѣчались мнѣ по дорогѣ. Они сказали мнѣ, что въ ихъ странѣ (Африка) землю обрабатываютъ также какъ и въ Бразиліи, что тамъ рубятъ деревья и жгутъ ихъ,—это составляетъ занятіе мужчинъ, а потомъ женщины и дѣти сѣютъ и собираютъ жатву. Сходство способовъ обработки, которымъ слѣдуютъ въ Бенгуеллѣ и въ Бразиліи не должно, однако заставлять думать, что варвары и рабы негры были необходимо учителями въ земледѣліи болѣе образованныхъ португальцевъ. Когда послѣдніе прибыли въ Америку, они нашли здѣсь свой нынѣшній способъ въ употребленіи у индійцевъ, и скорѣе этимъ послѣднимъ, а не африканцамъ, слѣдовало бы воздать честь его изобрѣтенія. Система земледѣлія, въ настоящее время господствующая въ Бразиліи, есть система тупинамбовъ, карійосовъ, тупиниквиновъ и другихъ туземныхъ племенъ уничтоженной въ настоящее время подъ-расы тупи. Но если-бы португальцы и не имѣли передъ глазами этого способа обработки земли, то повелительная необходимость, вѣроятно, весьма скоро научила-бы ихъ ему. Что, въ самомъ дѣлѣ другое могли они придумать, когда имъ приходилось сѣять хлѣбъ въ дѣвственномъ лѣсу, какъ не срубить деревья и не сжечь ихъ? Если ихъ можно порицать за что либо

---

[1]) Semper. Die Philippinnen und ihre Bewohner. Würzburg, 1869, 60.
[2]) A. de St. Hilaire. Voyage au Brésil. Paris. 1830, III Partie, I, 1848, 16, 17.

такъ это за то, что они до настоящаго времени удержали эту систему и продолжаютъ истреблять лѣса, лишая тѣмъ страну растительной почвы и воды, а потомковъ богатыхъ рессурсовъ, представляемыхъ лѣсами».

Относительно того, какихъ трудовъ стоило туземцамъ Южной Америки вырубить свои лѣса, читаемъ у путешественника Гумилла [1]) слѣдующее: «въ первый разъ, когда я прибылъ къ индійцамъ, то, при видѣ ихъ грубости, я былъ увѣренъ, что мнѣ достаточно представить имъ, что у нихъ нѣтъ орудій для обработки и очистки земли и для рубки деревьевъ, покрывающихъ ее, чтобы соблазнить ихъ уйти поселиться въ другомъ мѣстѣ; но дѣло шло совсѣмъ не такъ, какъ я думалъ: вынувъ свои каменные топоры съ двумя остріями и вложивъ ихъ въ деревянныя рукоятки соотвѣтствующей прочности, они отвѣтили мнѣ, что своими маканнасъ (родъ лопаты) они расчищаютъ землю, а топорами рубятъ деревья, въ то время, какъ ихъ жены занимаются сожиганіемъ высохшихъ. Я спросилъ ихъ, сколько времени имъ нужно на то, чтобы срубить одно изъ этихъ деревьевъ? Они отвѣтили, что употребляютъ двѣ луны на то, что мы дѣлаемъ въ одинъ часъ обыкновеннымъ топоромъ... Я спросилъ ихъ далѣе, какимъ орудіемъ они пользовались для фабрикаціи топоровъ изъ столь твердаго камня? Они отвѣтили, что рѣзали эти камни при помощи другихъ, а потомъ заостряли ихъ и придавали имъ окончательную форму посредствомъ мягкихъ камней, которые они смачивали водою.

«Если кто въ Бразиліи, говорилъ Бурмейстеръ, [2]) желаетъ обработать кусокъ земли, то онъ избираетъ себѣ участокъ лѣса, отличающійся вмѣстѣ съ легкою доступностью, сильною и тучною растительностью. Какъ только приходитъ къ концу дождливое время года, онъ рубитъ поросли и мелколѣсье избраннаго участка и оставляетъ ихъ лежать нѣсколько недѣль, пока онѣ не высохнутъ на солнцѣ. Потомъ подкладывается огонь. Чѣмъ лучше горитъ дерево, чѣмъ выше поднимается подъ нимъ пламя, тѣмъ больше радость и надежда бразиліанца. Пламя, развивающееся изъ безчисленныхъ пылающихъ стволовъ и вѣтвей, поднимается и до старыхъ, болѣе сильныхъ деревьевъ, обугливаетъ ихъ кору, сжигаетъ ихъ листья и поглощаетъ всѣ нѣжнѣйшія части ихъ сучьевъ. Этимъ дерево убивается, и если бы оно хранило еще какіе нибудь слѣды жизни, то снова появившіяся зеленыя вѣтви обрубаютъ, кору обрываютъ и предаютъ стараго тысячелѣтняго исполина медленной смерти и разложенію подъ вліяніемъ солнца, вѣтра и дождя. Пока эти три

---

[1]) J. Gumilla. Histoire de l' Orénoque, 1758, III, 168.
[2]) Burmeister. Reise nach Brasilien. Berl. 1853. 126.

силы имѣютъ матеріалъ для разрушенія, дерево продолжаетъ стоять среди поля, какъ свидѣтель преступленія; но наконецъ оно становится трухлымъ, сильный ударъ вѣтра бросаетъ его на землю, гдѣ стволъ его распадается въ прахъ и пыль. Когда пламя пожара улеглось, почва немного разрыхлилась и снова увлажнилась первыми потоками дождя, тогда начинается посадка; большихъ объугленныхъ стволовъ не удаляютъ, а оставляютъ на мѣстѣ и ждутъ удобренія земли процессомъ ихъ гніенія; клубки мани и зерна маиса опускаются по возможности правильно въ землю и поле огораживается заборомъ, чтобы не забѣжалъ туда дикій или домашній скотъ. Подобный участокъ въ лѣсу приноситъ доходъ лишь нѣсколько лѣтъ, потомъ нужно устраивать новый, предоставляя старый его участи, вслѣдствіе чего онъ вскорѣ снова заростаетъ лѣсомъ.

Первый и самый грубый родъ земледѣлія у народовъ индійскаго архипелага [1]) состоитъ въ снятіи бѣглой жатвы риса или маиса съ дѣвственной почвы, производительныя силы которой увеличиваются отъ пепла, доставляемаго сжиганіемъ громаднаго лѣса, росшаго на ней. «Этотъ убыточный и грубый способъ, гдѣ бы онъ ни практиковался, по самой своей природѣ предполагаетъ почву не состоящею въ собственности».

Ведды на Цейлонѣ [2]) воздѣлываютъ мелкіе клочки земли, очищаемые изъ подъ лѣса для обработки. Джунгль сожигается, жатва снимается и земля снова заростаетъ. Подъ обработку она снова поступаетъ не ранѣе 5—10 лѣтъ.

Когда жители западнаго берега Африки хотятъ заложить плантацію [3]) или лугаръ, то прежде всего ищутъ достаточно большаго для этой цѣли мѣста. Обыкновенно подобное мѣсто лежитъ не подалеку отъ ихъ поселенія и величина его опредѣляется соотвѣтственно числу жителей послѣдняго. Чтобы расчистить почву, они рубятъ мелкія деревья у корня, большія нѣсколькими футами выше земли... Эту работу они совершаютъ въ сухое время года, и не задолго до наступленія дождливаго поджигаютъ весь сваленный лѣсъ, при чемъ пламя мѣстами совершенно расчищаетъ почву, мѣстами-же оставляетъ много несожженнаго дерева. Въ эту пору года по всей странѣ идутъ пожары—горятъ лѣса, горитъ трава вышиною въ 5—8 футъ.

Глава негритянскаго семейства въ Сіерра-Леоне [4]) въ сопровожденіи пяти или шести другихъ негровъ, отправляются въ поле, которое они называютъ луганъ или лугаръ. Расчистивши почву, они

---

[1]) Crawfurd. History of the Indian Archipelago, 1820, III, 45.
[2]) Bailey. Wild Tribes of the Veddahs of Ceylon, II, 281.
[3]) Winterbottom. Native Africans of Sierra-Leone. Нѣм. изд., 66.
[4]) Atkins. Voyage à Sierra-Leone, 223 (Walckenaer, Histoire gén. des voyage., Paris 1826. IV.

подкладываютъ огонь подъ тростникъ и кустарники и берутъ лопату, имѣющую форму башмачнаго носка, съ тою разницею, что она шириною въ руку, а рукоятка до 12 футъ. Этимъ орудіемъ они вскрываютъ передъ собою землю, не проникая въ нее болѣе 2—3 дюймовъ, и идутъ одинъ за другимъ, разставляя ноги по обѣ стороны борозды и каждый, послѣдовательно поднимая почти одинаковое количество земли... Они смѣшиваютъ землю съ тростникомъ и травою, которыя предварительно сожгли. Когда борозды готовы, они бросаютъ туда сѣмена и прикрываютъ ихъ землею. Но, благодаря лѣности, не производятъ хлѣба достаточно даже для самихъ себя.

Обработанныя поля въ юго-восточной Африкѣ [1]) устроиваются не на открытыхъ травяныхъ пространствахъ, а среди лѣсовъ. Обыкновенно у деревьевъ обрубаются сучья и набрасываются вокругъ стволовъ кучею для того, чтобы поджечь ихъ послѣ того, какъ они высохнутъ въ сухое время года. Огонь убиваетъ деревья, но сожженные стволы оставляются на корню, пока не опрокинетъ ихъ вѣтеръ. Посѣвъ въ дождливое время растетъ весьма скоро и такъ сильно, что маисъ даетъ самъ-180, а иногда и самъ-200. Не смотря на подобное изобиліе, народы эти часто терпятъ голодъ, такъ какъ, вслѣдствіе лѣни, они производятъ меньше, чѣмъ необходимо на годичное, хотя и скудное содержаніе семьи, и никогда не откладываютъ ничего изъ жатвы въ запасъ на случай неурожая, а напротивъ поступаютъ съ собраннымъ хлѣбомъ столь расточительно, что у нихъ обыкновенно за нѣсколько времени до новой жатвы съѣстные припасы выходятъ всѣ.

Народы Мадагаскара [2]) ведутъ земледѣліе иначе и съ меньшимъ трудомъ, нежели европейцы. Они не прибѣгаютъ для обработки почвы ни къ плугу, ни къ быкамъ, а только къ топору, чтобы срубить большія деревья, къ серпу, чтобы срѣзать вѣтви, и еще къ одному орудію, по имени фангали, чтобы вырвать корни и дурныя травы. Когда деревья высохнутъ, то во время большого вѣтра они зажигаютъ ихъ вѣтви и стволы и превращаютъ въ пепелъ, чтобы впослѣдствіи, когда почву смочитъ дождемъ, сѣять на ней корни игнама, рисъ и другія растенія, необходимыя для жизни.

Въ Россіи такъ называемое огневое хозяйство [3]) было въ общемъ употребленіи изстари. Выжигъ лѣса у насъ называется *лядомъ*, кустарника *сыросѣкомъ*, а дерна *кубышомъ*. Общее же названіе подобныхъ культуръ — огнища или палы. Сущность выжига

---

[1]) Magyar, op. cit., 299.
[2]) Dapper, Description de l' Afrique. Amsterdam. 1786, 326—7.
[3]) Совѣтовъ. О системахъ земледѣлія. 1867.

состоитъ въ слѣдующемъ: весной валятъ сначала крупный лѣсъ, потомъ и молоднякъ и оставляютъ такъ до осени. Осенью лядо теребятъ, т. е. обрубаютъ съ поваленныхъ деревьевъ сучья и вѣтви, выбираютъ что нужно на постройки, остальное сносятъ въ кучи или въ костры. Отобранныя деревья отвозятся съ ляда къ первозимью, а хворостъ остается до весны. Весною разваливаютъ хворостъ и зажигаютъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, прямо по выжигу и сѣютъ. Сѣютъ на самомъ сѣверѣ ячмень или рѣпу, южнѣе ячмень и рожь, а еще южнѣе (въ среднихъ губерніяхъ) и пшеницу. Иногда сѣютъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, а гдѣ черноземъ достигаетъ $^1/_2$ аршина, тамъ снимается до 10 жатвъ. Все это заключается часто травосѣяніемъ. Урожай бываетъ рожь и ячмень самъ 7, самъ 15, а иногда и больше. *Сыросѣкъ*, разумѣется, менѣе плодороденъ,— это выжигъ по заросли, образовавшейся на старой, запущенной безъ удобренія, по дальности отъ двора, землѣ. *Кубышъ* есть выжиганіе дерна на плотной землѣ, поросшей мелколѣсьемъ, мхомъ, сорными травами, кочками, на старыхъ выгонахъ и пр. Зажигаютъ при помощи хвороста, бурьяна, соломы и поднятаго плугомъ дерна. Даетъ въ первый годъ отъ 10 до 20 зеренъ ржи, во второй 4, а въ третій и овса не болѣе 2. Употребляется въ Финляндіи, въ Петербургской и въ остзейскихъ губерніяхъ.—Сверхъ того, къ огню прибѣгаютъ при расчисткѣ болотъ и степей. Въ первомъ случаѣ осушенныя предварительно болота иногда жгутъ два года подъ рядъ. Цѣль выжига состоитъ въ истребленіи съ корнями болотной поросли, а иногда и лѣса. Степи жгутъ для очищенія отъ сухой травы преимущественно въ южной и въ восточной Россіи — въ губ. Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Пермской. — Въ Штиріи, Греціи, Испаніи часть земель, въ видѣ лѣсовъ, болотъ и т. п. до настоящаго времени воздѣлывается по системѣ огневаго хозяйства. Въ Голландіи, въ сѣверной Германіи и въ Шварцвальдѣ доселѣ зажигаютъ торфяники. О существованіи огневой системы у древнихъ упоминаютъ Катонъ, Палладій и Виргилій.

Расчистка лѣсовъ подъ посѣвъ, точно также, какъ и вспашка земли, ведется якутами сообща [1]), товариществами. Расчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудившихся и переходитъ по наслѣдству ко всѣмъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя его расчищали.

Дальнѣйшую категорію кооперативныхъ работъ, въ порядкѣ исторической послѣдовательности, представляютъ работы по орошенію земли, сооруженію каналовъ, устройству водныхъ резервуаровъ и

---

[1]) П. А. Костровъ. Очерки юридич. быта Якутовъ. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. Гл. VIII, 1878, 285.

регулированію рѣкъ. Нельзя найти достаточно сильныхъ словъ для выраженія всей важности вліянія, какое оказывали системы орошенія на образованіе и развитіе компактныхъ и устойчивыхъ общественно-экономическихъ тѣлъ, болѣе или менѣе повсюду, гдѣ онѣ вводились. Можно сказать смѣло, что безъ кооперативно-общиннаго орошенія были бы не мыслимы общежитія египетское, персидское, индійское, китайское, японское, мексиканское, перуанское, арабское. Ихъ политическое, сословное, экономическое устройство одинаково покоятся въ послѣднемъ счетѣ на системахъ орошенія и находящихся отъ нихъ въ зависимости способахъ совмѣстнаго воздѣлыванія почвы и завѣдыванія общинными работами. Отсюда видно, насколько важно было бы подвергнуть сравнительному изученію все относящееся къ системамъ орошенія у различныхъ народовъ и въ различныя времена, если бы имѣющійся матеріалъ былъ достаточенъ для этого. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что въ этомъ отношеніи приходится довольствоваться скорѣе отрывочными свѣдѣніями, сообщаемыми путешественниками, нежели сколько нибудь полнымъ и обработаннымъ матеріаломъ. Послѣдующее наше изложеніе представляетъ посильную попытку соединить въ одно цѣлое нѣкоторые существенные факты, относящіеся къ системамъ орошенія, насколько они намъ извѣстны.

Что орошеніе является одною изъ самыхъ раннихъ общественно-экономическихъ работъ, о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія показанія путешественниковъ. У туземцевъ горы Нэпира-Митчеля (въ Австраліи) Эйръ [1]) замѣтилъ въ болотахъ многочисленныя канавы, похожія болѣе на дѣло рукъ цивилизованнаго народа, чѣмъ дикарей; онѣ были значительной ширины; одна непрерывная тройная линія имѣла до 500 ярдовъ длины, 2 фута ширины и отъ 18 дюймовъ до 2 футъ глубины. Эти тройныя линіи вели къ широкимъ, развѣтвляющимся теченіямъ воды; все это покрывало пространство, по меньшей мѣрѣ, въ 10 акровъ и должно было стоить большого труда со стороны туземцовъ, — убѣдительное доказательство ихъ предусмотрительнаго прилежанія. Это были наиболѣе искусные образцы искусства туземцевъ, которые пришлось видѣть автору; окончено было около 1000 ярдовъ; горные потоки были направлены такъ, чтобы проходить чрезъ эти каналы.

«Большая часть обработанныхъ участковъ (на Сандвичевыхъ островахъ) говоритъ Ванкуверъ, [2]) была выше уровня рѣки, и я не могъ понять, какимъ образомъ они такъ хорошо орошаются. Передніе склоны холмовъ не обладали ручьями, а предполагая, что

---

[1]) E. Eyre, op. cit. I. 300—301.
[2]) Vancouver (Bibliothèque Universelle des Voyages, XIV, 133).

массы воды были на вершинѣ, холмы эти такъ изрѣзаны, что оттуда не можетъ дотекать большого количества воды на плантаціи таро. Эти многочисленные разрѣзы ясно видны на оконечности горъ, которыя рѣзко оканчиваются скалами съ острыми вершинами на обработанныхъ участкахъ, и которыя, по мнѣнію автора, были произведены изверженіями вулкана древняго происхожденія. Но когда авторъ проникъ далѣе, то его вниманіе было живо возбуждено однимъ предметомъ, который показалъ ему, какимъ способомъ орошаются плантаціи: это была высокая гора съ пикомъ, которая поднималась непосредственно надъ берегомъ рѣки, и которая остановила-бы автора, если бы туземцы не поставили на ея флангѣ прекрасно сдѣланной изъ камня и глины стѣны, около 24 футъ высоты, которая одновременно есть проходъ во внутрь страны и водопроводъ, питаемый водами, которыя туземцы провели туда съ очень дальняго разстоянія и съ значительнымъ трудомъ. Эта стѣна, которая дѣлаетъ столько-же чести уму архитектора, какъ и ловкости каменщика, была окончаніемъ прогулки автора. Идя назадъ, онъ прошелъ чрезъ плантаціи, которыхъ прекрасный видъ далъ ему благопріятное мнѣніе о земледѣліи туземцевъ».

Образъ правленія на этихъ островахъ, слѣдуя Джервсу [1]), «былъ полный деспотизмъ, смягчаемый до нѣкоторой степени извѣстными обычаями или правилами, которыя были провозглашены въ болѣе ранній періодъ ихъ исторіи и которыя, по своей общеполезности и древности, разсматривались въ свѣтѣ традиціоннаго кодекса. Они относились главнымъ образомъ къ способу держанія земли, къ личной безопасности, къ праву собственности и обмѣну. Такова была сила общественнаго мнѣнія относительно этихъ предметовъ, что вожди не рѣшались дѣйствовать наперекоръ ему. Обычаемъ до извѣстной степени регулировалось количество налоговъ или труда, которые были должны вождю его подданные и его обязанности по отношенію къ послѣднимъ. Этотъ родъ обычнаго права былъ въ особенности обязателенъ относительно способовъ *орошенія*, отъ котораго зависѣла вся цѣнность ихъ жатвы. Онъ регулировалъ количество воды для каждой плантаціи, измѣняя его сообразно сухости временъ года. Ни на какой другой группѣ острововъ Океана [2]) земледѣліе не велось съ такою энергіею, порядкомъ и правильностью, какъ здѣсь. Обработка плодородныхъ острововъ была по истинѣ удивительна. Искусственное орошеніе поддерживалось даже на горныхъ плантаціяхъ *тарро*, которыя были вмѣстѣ съ тѣмъ, разсад-

---

[1]) I. Jarves. History of the Hawajian or Sandwich Islands, Boston, 1843, 33—34.
[2]) Christman u. Oberlaender, op. cit. 324—5.

никами рыбы, и на плотинахъ, раздѣляющихъ ихъ, были посажены всевозможныя полезныя растенія.

Большая часть населенія *папагосъ* [1]) въ Новой Мексикѣ орошаетъ свои земли при посредствѣ каналовъ и плотинъ, проводимыхъ изъ рѣкъ или прудовъ, въ которыхъ накопляется дождевая вода для этой цѣли. Эти плотины поддерживаются всею общиною, но остальныя земледѣльческія операціи отправляются каждымъ семействомъ въ его собственную пользу, что представляетъ достойное замѣчанія измѣненіе среди обычнаго коммунизма дикарей.

Послѣднимъ занятіемъ нашимъ въ Тецкуко, говоритъ Тайлоръ, [2]) было осмотрѣть кладку новой линіи водяныхъ трубъ для производства соли. Авторъ упоминаетъ объ этомъ потому, что трубы эти точно такія же, какъ и тѣ, которыя были введены въ Испаніи маврами и привезены въ Мексику испанцами. Трубы эти сдѣланы изъ блестящей глины; онѣ коническія съ одной стороны, всѣ входятъ въ широкій конецъ сосѣдней трубы. Цементъ состоитъ изъ смѣси глины, жира и волосъ, которыя держатся крѣпко и прочно въ холодѣ, но могутъ быть распущены отъ малѣйшаго примѣненія жару. Тысяча лѣтъ не внесла ни малѣйшаго измѣненія въ способъ изготовленія этихъ трубъ Но здѣсь почва столь ровна, что не можетъ быть обнаружена полная характеристика мавританскихъ водопроводовъ. Авторъ разумѣетъ колонны съ водою, которыя имѣютъ эти черты въ странѣ вокругъ Палермо и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ еще сохранились системы орошенія, введенныя мавританскими завоевателями. Это квадратные столбы въ 20—30 футъ вышины, съ цистерною на верху каждый, куда втекала вода съ высшаго уровня, и изъ которой вели и другія трубы; единственная цѣль всего аппарата была разбить колонну воды и привести давленіе, которое должны были выносить глиняныя трубы къ 30 или 40 футамъ. Вопросъ объ орошеніи весьма интересенъ по отношенію къ будущему Мексики. Авторъ посѣтилъ двѣ или три дачи на плато, гдѣ сады правильно орошаются искусственными каналами, результатомъ чего является здѣсь растительность чудеснаго изобилія и красоты, превращающая эти мѣста въ оазисы среди пустыни. На болѣе низкихъ уровняхъ «tierra templada», гдѣ воздѣлывается сахарный тростникъ, дорогая система доставленія воды была устроена въ гаціендахъ съ наилучшими результатами. Даже въ равнинахъ Мексики и Пуэблы хлѣбныя поля до нѣкоторой степени подвергаюся орошенію. Но, не смотря на этотъ прогрессъ,

[1]) Bancroft, op. cit. I, 538—9.

[2]) E. B. Taylor. Anahuac or Mexico and the Mexicans ancient and modern. Lond., 156 и сл.

страна представляетъ въ высшей степени жалкій недостатокъ одного изъ главныхъ элементовъ богатства и благосостоянія—воды. Въ этомъ отношеніи можно сравнить Испанію и высокія страны Мексики. Ни въ одной изъ этихъ странъ нѣтъ недостатка въ дождяхъ, и все-же обѣ сухи и выжжены, между тѣмъ какъ число и размѣръ руслъ потоковъ показываютъ, съ какою силою горные потоки опускаются здѣсь въ озера и рѣки, становясь скорѣе дѣятелями разрушенія, нежели благоденствія для страны. Довольно странно также и то, что обѣ страны были въ обладаніи расъ, которыя понимали, что вода есть истинная физическая кровь страны и сильно работали надъ сооруженіемъ системы артерій для распредѣленія ея по поверхности земли. Въ обѣихъ странахъ воинственные испанцы одолѣли эти расы, и уже готовыя оросительныя сооруженія были предоставлены разрушенію. Когда мавры были изгнаны изъ ихъ родины—провинцій Андалузіи и Гранады, мѣста ихъ были постепенно заняты другими поселенцами, такъ что большая часть ихъ водопроводовъ и каналовъ пришла въ упадокъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Эти новые колонисты пришли большею частью изъ сѣверныхъ провинцій, гдѣ мавританская система культуры была мало понятна, и невѣроятно, какъ можно это видѣть, что, имѣя наглядную очевидность выгодъ искусственнаго орошенія, они все же пренебрегли возстановленіемъ водныхъ каналовъ на своей собственной почвѣ. Теперь путешественникъ, проѣзжая по южной Испаніи, можетъ видѣть въ опустошенныхъ и осиротѣлыхъ долинахъ остатки мавританскихъ сооруженій, которыя приносили плодородіе полямъ и огородамъ столѣтія тому назадъ и дѣлали страну садомъ Европы.

Была другая нація, которая, повидимому, далеко превзошла, какъ мавровъ, такъ и ацтековъ, величіемъ своихъ инженерныхъ работъ для этой цѣли. Перуанцы прорѣзали горы, наполнили долины и отвели цѣлыя рѣки въ искусственные каналы для орошенія своей жаждущей воды почвы. Историческіе отчеты объ этихъ водяныхъ сооруженіяхъ, о томъ что они были, и даже описаніе путешественниками до сихъ поръ сохранившихся развалинъ, преисполняютъ насъ удивленіемъ. Можетъ показаться почти какою-то фатальностью, что и эта нація должна была быть покорена тою-же расою, и что вслѣдъ за завоеваніемъ, немедленно произошло разрушеніе ея великихъ національныхъ сооруженій. Испанія снова поднялась послѣ многихъ столѣтій приниженія и развиваетъ энергію и ресурсы, которые, повидимому, поставятъ ее высоко среди европейскихъ народовъ, и испанцы снова начинаютъ пріобрѣтать свое собственное положеніе въ этой средѣ. Но они должны были дорого заплатить за ошибки своихъ предковъ въ великіе дни Карла V. Древнихъ мексиканцевъ нельзя, правда, сравнивать съ испанскими ара-

бами или перувіанцами, въ знакомствѣ съ земледѣліемъ и съ способами орошенія; но исторія и развалины, находящіеся въ странѣ еще и въ настоящее время, доказываютъ, что въ наиболѣе густо населенныхъ частяхъ долинъ они сдѣлали значительные успѣхи. Разрушенный водопроводъ Тецкоцинко былъ великимъ произведеніемъ искусства, служившимъ для снабженія водою большихъ садовъ Нецагуалькойотля, которые покрывали большое пространство и возбудили удивленіе завоевателей, вскорѣ потомъ разрушившихъ ихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы они не напоминали завоеваннымъ о дняхъ прошлаго язычества. Но сооруженія, подобныя этому, повидимому, не распространялись по всѣмъ провинціямъ, какъ было въ Испаніи. Въ слабо населенныхъ горныхъ округахъ индійцы воздѣлывали свои мелкіе участки земли киркою и орошали ихъ изъ глиняныхъ сосудовъ' какъ они дѣлаютъ это до настоящаго времени. Испанцы улучшили земледѣліе страны, введя европейскій хлѣбъ, фруктовыя деревья и древне-римскій плугъ, который въ употребленіи въ Мексикѣ донынѣ, какъ и въ Испаніи, гдѣ 2000 лѣтъ не одержали верха надъ употребленіемъ его и не внесли въ него измѣненія. Сравнительно съ этими улучшеніями, странѣ была нанесена испанцами тяжелая несправедливость относительно ея обработки. Завоеваніе стоило жизни нѣсколькимъ стамъ тысячъ рабочаго класса; и еще большее число было отнято отъ обработки земли и обращено въ рабовъ, работавшихъ на завоевателей при постройкѣ домовъ, церквей и въ серебряныхъ рудникахъ. Когда жители были взяты отъ земли, послѣдняя лишилась обработки и большая часть ея превратилась въ пустыню. Еще до завоеванія Мексика страдала много лѣтъ отъ непрерывныхъ войнъ, въ которыхъ не только погибли тысячи на поляхъ битвы, но еще болѣе тысячъ плѣнниковъ приносилось ежегодно въ жертву, при чемъ голодъ уносилъ женщинъ и дѣтей, у которыхъ погибли мужья и отцы. Но бойня и голодъ первыхъ лѣтъ испанскаго завоеванія превзошли во много разъ все, что выстрадала страна передъ тѣмъ. Во время завоеванія Мексики испанцы предоставили туземнымъ оросительнымъ сооруженіямъ придти въ упадокъ и приняли еще болѣе рѣшительныя мѣры по лишенію почвы необходимой ей воды своимъ преступнымъ уничтоженіемъ лѣсовъ на горахъ, окружающихъ долины. [1]) Когда деревья были срублены, то нижняя зелень скоро погибла, и почва, которая служила препятствіемъ для спуска воды въ ея теченіи, была скоро снесена. Въ теченіи четырехъ дождливыхъ мѣсяцевъ каждый сильный ливень по-

[1]) Въ древней Мексикѣ налагались строгія наказанія за истребленіе лѣсовъ, въ видахъ охраненія въ цѣлости системы орошенія. См. W. H. Prescott. History of the Conquest of Mexico. Lond. 1878, 65.

сылаетъ потокъ внизъ по руслу, который течетъ въ рѣку или въ океанъ, или въ мексиканской долинѣ въ соленое озеро, гдѣ онъ только наноситъ вредъ окрестнымъ землямъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ производитъ крайнія опустошенія.

Въ послѣдніе годы испанскіе землевладѣльцы поняли необходимость системы, навязываемой имъ силою обстоятельствъ, и громадныя суммы были израсходованы на сооруженіе оросительныхъ каналовъ даже въ отдаленныхъ государствахъ сѣвера. Въ американской территоріи, недавно пріобрѣтенной отъ Мексики, таже исторія повторилась наиболѣе курьезнымъ образомъ. Мы узнаемъ отъ нѣмецкаго путешественника Фрёбеля, что американскіе поселенцы обошлись не любезно съ системою орошенія, которую они нашли дѣйствующею въ странѣ. Они не обратились къ ея употребленію, она была вмѣшательствомъ въ ихъ идею свободы, ставя препятствія ихъ образу дѣйствій, который они могли усвоить по желанію на своей общественной землѣ. Такимъ образомъ они допустили до разрушенія многія изъ водяныхъ сооруженій. Но, естественно, они скоро стали находить, что сдѣлали ошибку, и въ настоящее время, вѣроятно, сильно заняты водоснабженіемъ. Нельзя быть слишкомъ строгимъ къ испанцамъ XVI столѣтія за экономическую ошибку, въ которую впадаютъ американцы при подобныхъ-же условіяхъ въ XIX столѣтіи.

Отъ обыкновеннаго земледѣлія въ средней Европѣ чилійское земледѣліе [1]) отличается уже съ перваго взгляда большою особенностью, искусственнымъ орошеніемъ, которое здѣсь принадлежитъ къ неизбѣжнымъ условіямъ успѣха. Первое соображеніе для опредѣленія цѣнности земли въ тѣхъ мѣстахъ есть соображеніе объ обиліи воды, или о сравнительной легкости и дешевизнѣ, съ которою вода можетъ быть туда проведена съ значительнаго разстоянія. Какъ ни плодотворна почва, особенно у подошвы Андовъ, гдѣ первобытныя вулканическія массы, благодаря своему тысячелѣтнему разложенію и разрушенію, представляютъ весьма благопріятныя условія для земледѣлія, но климатъ все же таковъ, что растительность чрезвычайно ускоряется благодаря зимнимъ дождямъ, непосредственно же вслѣдъ за тѣмъ безслѣдно погибаетъ въ наименѣе благопріятныхъ странахъ отъ непрерывной засухи. Наученные долгимъ опытомъ чилійцы обнаруживаютъ немалую ловкость въ обращеніи себѣ на пользу даже самаго узкаго ручейка воды. Подобно древнимъ перуанцамъ, они умѣютъ безъ искусственной нивеллировки и орудій, употребляемыхъ для той-же цѣли въ Европѣ, безошибочно вести, каналы, чрезъ весьма неблагопріятныя поверхности; владѣніе этими

---

[1]) **Ed. Pöppig. Reise in Chili, Peru und auf d. Amasonenstrom etc. 1832, I, 113.**

каналами представляетъ громадную важность и потому нерѣдко ведетъ къ спорамъ, которые, при помощи состоящаго въ силѣ древне-испанскаго закона, часто не могутъ быть покончены въ теченіи цѣлаго полупоколѣнія.

Въ древнемъ Китаѣ съ правильнымъ распредѣленіемъ земли между жителями находилось въ связи и снабженіе полей каналами [1]. Императоръ *Ю* въ Шукинѣ говоритъ слѣдующее: «я открылъ проходы девяти рѣкъ (провинцій) и отвелъ ихъ въ море, я углубилъ каналы и отвелъ ихъ въ рѣки». И въ другомъ мѣстѣ: «я установляю границы полей, пролагаю каналы и окружаю поле плотиной съ юга и востока». И такъ, проложеніе здѣсь каналовъ относится къ древнѣйшимъ временамъ. По словамъ Конфуція, «домъ *Ю* былъ низкаго происхожденія, но онъ истощилъ свои силы въ проложеніи каналовъ». Во времена Конфуція и Менгъ-тцу каналы упоминаются еще чаще. Закладка каналовъ велась правительствомъ и пользованіе ими состояло подъ его надзоромъ. Всѣ рвы и каналы находились во взаимной связи. Работы были исполняемы барщиной подъ начальствомъ правительственнаго должностнаго лица (Ціангъ-чинъ). Во всемъ государствѣ размежеваніе земель производилось одинаковымъ образомъ и одинаковою мѣрою [2]: квадратъ земли въ одну *ли*, соотвѣтствовавшей 900 му (му=133 кв. саж. 35 кв. футъ), дѣлился на 9 частей въ формѣ шахматной доски. Средній участокъ былъ общественный, и обрабатывался общими силами поселенныхъ вокругъ него 8 семействъ, изъ коихъ каждому на собственное употребленіе выдѣлялся въ этомъ квадратѣ участокъ въ 100 му. Изъ 100 му средняго казеннаго участка обрабатывалось только 80, а изъ остальныхъ 20 му давалось поселеннымъ вокругъ него 8 семействамъ по $2^1/_2$ каждому подъ домъ и огородъ. Для орошенія полей между каждымъ квадратомъ проведены были канавки, въ которыя текла вода изъ малыхъ и большихъ каналовъ, устроенныхъ между 10, 100, 1000 и 10.000 такихъ участковъ. Въ подобномъ же размѣрѣ рядомъ съ каналами проложены были тропинки, большія и малыя дороги. О дальнѣйшихъ преобразованіяхъ этого поземельнаго устройства мы скажемъ впослѣдствіи, въ главѣ о недвижимой собственности, теперь же замѣтимъ, что, опираясь на систему орошенія, оно служило въ то же время основаніемъ для системы отправленія воинской повинности, а тѣмъ самымъ и всего государственнаго строя. «Если вся страна», говоритъ Платъ [3], «могла

[1] I. H. Plath. Die Beschäftigungen der alten Chinesen. München 1869. 7.
[2] И. Захаровъ. Поземельная собственность въ Китаѣ. Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. С. Петерб. 1853, II, 89 и сл.
[3] D. H. Plath. Gesetz und Recht im alten China. Abhandl. der Akademie der Wissenschaften (Baier.) X Bd. III Abtheilung, 704.

быть разсматриваема, какъ одно большое имѣніе, которое было распредѣляемо княземъ для обработки, какъ домохозяиномъ, къ общей пользѣ всѣхъ (такъ какъ старый Китай не былъ завоеваннымъ государствомъ, которое отняло бы у покоренныхъ народовъ ихъ собственность или прокармливало-бы населеніе рабовъ), то весь народъ былъ организованъ, какъ одна большая промышленная армія. Такъ, напр. пять семействъ составляли одну группу Пи подъ начальствомъ Пи-чанга, при чемъ требовалось, чтобы эти пять семействъ поддерживали себя взаимно (иными словами, они составляли одно изъ подраздѣленій общины); пять подобныхъ-же группъ составляли группу Ліу, подъ начальствомъ Ліу-Сіу, при чемъ требовалось также взаимное поддержаніе при несчастныхъ случаяхъ; четыре Ліу составляли общину или кланъ Гисо—подъ начальствомъ Гисо-цсе; пять подобныхъ Гисо составляли кантонъ—Тангъ подъ начальствомъ Тангъ-цинга, который предписывалъ семействамъ въ случаѣ общественныхъ бѣдствій поддерживать себя взаимно. Пять кантоновъ образовывали Гисеу-округъ, подъ начальствомъ Гисеу-тганга, пять округовъ (2500 семействъ) провинцію Гиангъ (12.500 семействъ). На этомъ же основаніи развилось и военное дѣленіе народа: 5 мужчинъ образуютъ пятерку (у), пять пятерокъ роту (ліангъ), четыре роты одну компанію (мео—100 человѣкъ), пять компаній одинъ батальонъ (ліу—500 человѣкъ), пять батальоновъ—полкъ (ши—2500 человѣкъ), пять полковъ—армейскій корпусъ (кіунъ—12.500 человѣкъ»). Въ подтвержденіе чисто общиннаго характера китайскаго экономическаго строя говоритъ далѣе еще и то обстоятельство, что старѣйшина древняго китайскаго поселенія занимаетъ совершенно такую же роль, какъ и въ Индіи,—созываетъ собраніе, учитываетъ землю, работу, налоги, собираетъ взрослыхъ на войну или на охоту и самъ ведетъ ихъ съ барабанами.

Относительно новѣйшаго состоянія системы орошенія въ Китаѣ имѣются слѣдующія сообщенія путешественниковъ. «Масса человѣческаго труда», говоритъ Барроу [1]), «которая нужна была для скопленія различныхъ матеріаловъ, изъ коихъ состоитъ одинъ изъ громадныхъ китайскихъ водопроводовъ, не могла быть собрана ни въ какое значительное время въ какой либо другой странѣ, кромѣ Китая, гдѣ милліоны населенія по мановенію ока деспота могли быть принуждаемы къ работѣ. Величайшія произведенія въ Китаѣ всегда, какъ и въ настоящее время, выполнялись и выполняются при помощи соединенія человѣческой работы, безъ пособія машинъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда считается абсолютно необходи-

[1]) I. Barrow, Reise durch China etc. Weimar 1804, Собраніе путешествій Sprengel'я, XIV, 184.

мымъ подкрѣпить человѣческую силу механическими силами. Это бываетъ при такихъ каналахъ, которые ведутся черезъ страны слишкомъ гористыя или неровныя, чтобы ихъ можно было прорѣзать непрерывной линіей; поэтому они текутъ отъ одного пункта къ другому по ступенямъ, при которыхъ имѣется наклонная плоскость, такъ что высота отъ высшаго до низшаго канала обыкновенно простирается отъ 6 до 10 футъ и уголъ склоненія до 45—50 градусовъ. Всѣ суда, которыя ходятъ по такимъ каналамъ, должны быть поднимаемы на такія поверхности при помощи попутныхъ вѣтровъ, безъ которыхъ едва ли было бы возможно перевести большія изъ нихъ съ ихъ грузомъ изъ одного канала въ другой; подобнымъ-же образомъ они постепенно спускаются внизъ. Этотъ неумѣлый способъ доказываетъ не столько незнакомство съ шлюзами и другими удобными способами, сколько нежеланіе правительства потерпѣть нововведеніе, которое отняло-бы у многихъ тысячъ людей возможность пріобрѣтать себѣ средства существованія, получаемыя ими теперь, въ ожиданіи этихъ вѣтровъ. Въ Европѣ на это могли бы мало обратить вниманія; но что касается Китая, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всеобщее введеніе машинъ къ облегченію и ускоренію работъ имѣло бы самыя вредныя и мрачныя послѣдствія, хотя-бы по той только причинѣ, что, презирая всякую внѣшнюю торговлю, китайцы не увеличили-бы спроса на произведенія машинъ, если бы даже эти произведенія стали дешевле, между тѣмъ какъ заработная плата должна была-бы значительно понизиться.

Въ теченіи возрастанія риса поля вообще подвергаются орошенію, [1]) гдѣ можно добыть воду. Террассы у основанія горъ снабжаются горными потоками, а поля лежащія выше уровня сосѣдней рѣки орошаются знаменитымъ *водянымъ колесомъ*, которое употребляется во всей странѣ. Колесо это бываетъ трояка̀го рода, смотря по тому, приводится ли оно въ движеніе руками, ногами или силою животнаго,—обыкновенно буйвола или быка. Рисовыя земли поддерживаются подъ орошеніемъ этимъ способомъ, пока не созрѣетъ жатва, когда воды больше не нужно. Необходимо также, или, по крайней мѣрѣ, выгодно, разъ или два въ лѣто обойдти поля и разрыхлить землю среди корней и въ то же время вырвать сорныя травы. Если погода стоитъ сырая, то поля удерживаютъ воду очень долго и тогда не рѣдкость видѣть туземцевъ при сборѣ жатвы бродящими по колѣна въ грязи или въ водѣ. Обработка террассами въ Китаѣ была замѣчена почти каждымъ писателемъ объ этой странѣ и подобно многимъ другимъ предметамъ, значеніе ея или преувеличивалось или умалялось. По мнѣнію автора, она ведется съ наиболь-

---

[1]) R. Fortune. The Tea districts of China and India, I. 229.

шимъ совершенствомъ на нагорныхъ сторонахъ рѣки Минъ близь Фучеу-Фу; покрайней мѣрѣ, тутъ она его всего болѣе поразила. Если плыть на суднѣ по этой красивой рѣкѣ, то террассы представляютъ изъ себя родъ ступеней по бокамъ горъ, одна возвышаясь надъ другой, пока не достигаютъ иногда высоты 600—800 футъ надъ уровнемъ моря. Когда рисъ и другой хлѣбъ еще молодъ, эти террассы покрываются роскошною зеленью и выглядятъ на подобіе садовъ среди мрачныхъ и пустынныхъ горъ. Система террассъ усвоена китайцами, частью для снабженія водою горныхъ склоновъ, гдѣ ростетъ рисъ, частью, для предупрежденія смыва легкой почвы изъ подъ кореньевъ другихъ растеній тяжелыми дождями .. Рисъ ростетъ на низшей террассной почвѣ, и потокъ воды всегда проводится изъ извѣстныхъ источниковъ на вершинахъ горъ и направляется по бокамъ горы, пока не достигнетъ высшей террассы, по которой онъ течетъ и орошаетъ все пространство ея уровня. Когда вода поднимается на 3 или 4 дюйма высоты, что достаточно высоко для риса, она находитъ себѣ выходъ въ отверстіи, сдѣланномъ для этой цѣли къ борту поля, сквозь которое она течетъ на ниже-лежащую террассу, поливаемую ею тѣмъ-же способомъ и т. д. до самой нижней. Такимъ образомъ все пространство рисовыхъ террассъ постоянно поддерживается подъ орошеніемъ, пока снопы жатвы не начинаютъ проявлять желтаго цвѣта созрѣванія; когда не требуется больше воды, она отводится съ ея естественное русло, или ведется въ различныя другія поля для питанія другихъ растеній. Эти горные потоки, изобилующіе во всѣхъ горныхъ округахъ, имѣютъ для земледѣльца громаднѣйшее значеніе, и такъ какъ они вообще берутъ свое начало въ источникахъ, расположенныхъ на возвышеніи, то они могутъ быть отводимы по желанію на всѣ болѣе низкія мѣста горъ.

На о. Лью-Чью рисъ представляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ существованія [1]) и требуетъ большого количества воды; поэтому здѣсь практикуется весьма обширная система орошенія. Почва распредѣлена подъ цѣлый рядъ террассъ, которыя слѣдуютъ одна за другой отъ вершины горъ до дна долины, и вода сосѣднихъ потоковъ направляется на нихъ со стороны посредствомъ плотинъ и каналовъ. Настоящихъ шлюзовъ тамъ не имѣется, но орошеніе такъ регулируется при помощи террассо-образнаго приспособленія почвы, что доставка воды происходитъ постепенно, и никогда не бываетъ столь чрезмѣрна, чтобы произвести какое либо вредное послѣдствіе наводненія или смыва поверхности. Земля вообще раздѣлена на мел-

---

¹) Fr. Hawks. The Expedition (american) to the China Seas and Iapan. Washington, 1856, 311.

кіе участки, принадлежащіе отдѣльнымъ лицамъ, такъ что поверхность страны имѣетъ скорѣе видъ раздѣленной на сады высокой культуры, нежели плодородныхъ полей. При подготовкѣ почвы подъ обработку риса она сначала поливается, а потомъ рабочій низко опускается въ грязь и въ воду, находящуюся въ бороздахъ. Плугъ употребляется лишь при позднѣйшемъ разрыхленіи земли и сопровождается примѣненіемъ бороны. Весь этотъ процессъ совершается въ то время, когда земля залита водою, и хотя это разсматривается европейскими земледѣльцами, какъ дурной родъ хозяйства, онъ, повидимому, прекрасно приспособленъ къ Лью-чьюанскому хозяйству съ его низшими орудіями. Рисъ пересаживается съ мѣсто на мѣсто и даетъ до 20 бушелей на акръ. При орошеніи жители острова Лью-Чью не прибѣгаютъ ни къ большому китайскому водяному колесу, [1]), чтобы поднимать воду изъ большихъ рѣкъ, ни къ безконечной цѣпной помпѣ, чтобы доставлять воду съ болѣе низкой на болѣе высокую плоскость, или съ одной террассы на другую, или на верхушку холма, такъ какъ почти каждый футъ земли, пригодной къ воздѣлыванію риса, здѣсь богато снабженъ водою, даже на высокихъ равнинахъ, изъ большихъ потоковъ, которые распредѣлены повсюду, почти на каждой милѣ поверхности, точно также, какъ и изъ чистыхъ ключей, которые пробиваютъ себѣ путь изъ разсѣлинъ скалъ каждаго склона, часто даже на высочайшихъ вершинахъ. Мелкія плотины, рвы и шлюзы простѣйшаго рода, представляющіе часто не болѣе, какъ глыбы земли и травы для загораживанія выхода изъ террасы—играютъ въ дѣлѣ здѣшняго орошенія чрезвычайно полезную роль.

Производство риса въ Японіи не представляетъ ничего такого, что бы отличало его отъ производства въ Китаѣ и на островѣ Лью-Чью. Пользованіе орошеніемъ, планировка поверхности земли, точно также, какъ открываніе каналовъ, чтобы доставить водѣ доступъ не во всѣмъ частямъ поверхности, пересадка растеній—все это почти одинаково.

Для орошенія своихъ полей [2]) китайцы обладаютъ множествомъ простыхъ и весьма дѣйствительныхъ приспособленій, которыя вѣроятно столь же стары, какъ и исторія ихъ земледѣлія. Кромѣ машины, сооруженной на подобіе нашихъ рѣчныхъ черпальныхъ машинъ и дѣйствующей на подобіе цѣпного насоса, достойно упоминанія другое простое приспособленіе, при помощи котораго вода поднимается на высокихъ берегахъ на 40—50 футъ высоты. Это про-

---

[1]) W. Heine. Die Expedition in die Seen von China, Iapan und Ochotsk. Leipz. 1858, I, 211.

[2]) R. Werner. Die preussische Expedition nach China, Iapan und Siam. Leipz. 1863, III, 276—7.

изводится при помощи колеса большого діаметра, которое совершенно походитъ на подводное колесо, но построено изъ бамбука, и благодаря этому, съ большою прочностью соединяетъ легкость и подвижность, чего не можетъ доставить матеріалъ употребительный въ Европѣ. Вмѣсто лопатокъ, имѣется на периферіи колеса нѣсколько вкось поставленныхъ и на нижнемъ концѣ закрытыхъ бамбуковыхъ трубъ въ 3—4 дюйма діаметромъ. Потокъ приводитъ колесо въ движеніе безъ посторонней помощи и одна труба поднимается за другою, чтобы придя на верхъ, излить свою воду въ положенный рядомъ съ колесомъ жолобъ и течь по немъ дальше на поле. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ [1]), цѣпной насосъ китайцевъ тождественъ съ древне-египетскою системою ведеръ, связанныхъ въ цѣпь и приводимыхъ въ движеніе колесомъ, при чемъ каждое ведро выливало заключающуюся въ немъ воду, проходя черезъ верхнюю точку круга. Съ другой стороны, китайское водяное колесо по своему принципу и дѣйствію весьма похоже на употребляемое въ Персіи, за исключеніемъ лишь небольшихъ отступленій, введенныхъ въ него въ этомъ послѣднемъ государствѣ.

Предупрежденіе наводненія рѣкъ въ Индіи [2]) возможно при помощи сооруженія на верхнихъ пунктахъ искусственныхъ озеръ, резервуаровъ и отвода воды въ другіе каналы; но все это требуетъ и огромныхъ денегъ и научно-инженернаго знанія, котораго у туземцевъ не было и нѣтъ слѣда. Практически, единственный способъ регулированія рѣкъ, на который покушались до сихъ поръ, состоялъ въ искусственномъ поднятіи береговъ. Громадныя массы земли наваливались вдоль береговъ рѣки и тянулись внизъ съ обѣихъ сторонъ. При господствѣ туземныхъ династій, когда общинная система была неприкосновенной, каждая сельская община имѣла наблюденіе за однимъ отдѣленіемъ рѣки, которая протекала въ предѣлахъ ея юрисдикціи. Но какъ только британскій законъ приложилъ къ дѣлу барщинную повинность, жители деревень и собственники земли вдоль береговъ увидѣли, что этотъ планъ сосредоточивалъ издержки охраненія всей страны на ихъ плечахъ, и общинныя и частныя плотины вскорѣ пришли въ упадокъ. Тоже произошло въ Бенгалѣ, когда англичане ввели здѣсь свои суды. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ они преувеличили значеніе индивидуальнаго лица на счетъ общины, и принесли древнія корпоративныя повинности индійской деревни въ жертву новымъ частнымъ правамъ. Туземная система никогда не была полна. Англичане не организовали никакой системы, и подъ британскимъ правленіемъ она совершенно

---

[1]) Th. Allom und Wright. The Chinese Empire illustrated, II, 21.
[2]) V. Hunter. Annals of rural Bengal. Orissa. Vol. II. Lond. 1872, 181.

распалась. Такъ, если хоть одна деревня вдоль рѣки пренебрегала обнесеніемъ ея плотиною, то никакая масса труда со стороны общинъ, лежащихъ какъ выше, такъ и ниже ея, не могла спасти ихъ отъ наводненія. Малѣйшаго прорыва линіи было достаточно для наполненія водою всей страны, и землевладѣльцы и поселяне скоро начали разсуждать, что имъ безполезно поддерживать свои плотины, если ближайшій землевладѣлецъ или община могутъ пренебрегать поддержаніемъ своихъ. Тогда должно было вмѣшаться правительство, но это вмѣшательство состояло не въ вынужденіи старой общинной повинности содержать плотины, но въ поддержкѣ плотинъ на свой собственный счетъ.

«Первоначальные индійскіе раджи», справедливо замѣчаетъ графъ Варренъ, [1]) «афганскіе и могольскіе завоеватели, хотя и были иногда жестоки по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, по меньшей мѣрѣ, прославили свое царствованіе тѣми гигантскими сооруженіями, которыя встрѣчаются въ настоящее время на каждомъ шагу и которыя кажутся произведеніями расы гигантовъ... Компанія не открыла ни одного колодца, не вырыла ни одного бассейна, не провела ни одного канала въ пользу своихъ индійцевъ».

«Въ мадрасской провинціи», пишетъ англичанинъ Джемсъ Вильсонъ [2]), «старинныя сооруженія для орошенія, слѣды которыхъ сохранились до нашего времени, невольно поражаютъ каждаго своею грандіозностью. Плотины, запружая рѣки, образовывали изъ нихъ цѣлыя озера, изъ которыхъ каналы разносили воду на 50 или на 70 миль въ окрестности. На большихъ рѣкахъ такихъ плотинъ имѣлось на каждой отъ 30 до 40... Дождевая вода, стекающая съ горъ, собираема была въ особо устроенные для того пруды, изъ которыхъ многіе доселѣ имѣютъ отъ 15 до 20 миль въ окружности. Всѣ эти гигантскія сооруженія были доведены почти до конца ранѣе 1750 года. Въ эпоху войнъ кампаніи съ монгольскими правителями,—и слѣдуетъ прибавить,—въ теченіи всего періода британскаго владычества въ Индіи, они пришли въ большой упадокъ».

Мы уже подвергли разсмотрѣнію въ другомъ мѣстѣ [3]) вопросъ о системѣ орошенія на островахъ индійскаго архипелага, въ связи съ развитіемъ абсолютной власти тамошнихъ раджей, и потому не станемъ возвращаться къ нему болѣе. Замѣтимъ только мимоходомъ, что нигдѣ болѣе, какъ на этихъ островахъ, гдѣ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, «если землѣ была придана цѣнность общими усиліями всѣхъ, то она по принципу есть общая для всѣхъ» и «гдѣ,

---

[1]) Цитир. у М. Ковалевскаго, Общинное землевладѣніе, стр. 164.
[2]) Account of British India, Edinb. 1843, II, 427 Цитир. у Ковалевскаго, 164.
[3]) См. нашу статью „Община и Государство въ Нидерл. Индіи“, Отечеств. Записки 1881, III, 93 и слѣд.

рисъ, составляющій главную пищу жителей, требуетъ общей системы ирригаціи, которая невозможна безъ ассоціаціи и которая ведетъ къ эксплуатаціи сообща» [1]),—нигдѣ болѣе не проявляется съ такою ясностью начало, что орошеніе представляетъ собою ту основу, на которой сооружается вся политическая и экономическая организація общества.

Ощущеніе путешественника настоящаго времени, читаемъ мы у Теннента [2]), когда онъ день за днемъ проѣзжаетъ по сѣвернымъ частямъ острова Цейлона и проникаетъ въ глубокіе лѣса внутренней страны, это непрекращающееся изумленіе при видѣ непонятнаго множества разрушенныхъ прудовъ, углубленія которыхъ могутъ быть еще прослѣжены, и безчисленнаго множества плотинъ, обросшихъ лѣсомъ и указывающихъ объемъ резервуаровъ, которые въ прежнее время оплодотворяли цѣлые округа, а теперь лежатъ покинутые и пустынные. Каждый подобный прудъ есть земельное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ, одной деревни, и размѣры ихъ таковы, что, по всей вѣроятности, цѣлыя сотни деревень могли быть поддерживаемы однимъ какимъ-либо изъ этихъ внутреннихъ озеръ... Трудъ, необходимый на возведеніе одного изъ этихъ гигантскихъ сооруженій, самъ по себѣ служитъ доказательствомъ густоты мѣстнаго населенія. Но ихъ расширеніе послѣдующими королями и постоянно повторяющіяся извѣстія о томъ, что округъ за округомъ былъ подвергаемъ обработкѣ въ каждое послѣдующее царствованіе, указываютъ на постоянное увеличеніе числа жителей и на множество хозяевъ, которыхъ *соединенныя* и продолжительныя *усилія* были необходимы для поддержанія этихъ расточительныхъ построекъ въ производительной дѣятельности [3]). То же теченіе мысли ведетъ къ болѣе ясному представленію о способахъ, путемъ которыхъ это населеніе было поддерживаемо въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, вопреки частымъ революціямъ и часто повторяющимся вторженіямъ, какъ равно и о тѣхъ причинахъ, которыя повели къ ихъ полнѣйшему исчезновенію, когда внутренній упадокъ разрушилъ *организацію*, на которой покоилась *общественная фабрика*. Обработка земли, какъ она существовала на сѣверѣ Цейлона, находилась въ почти исключительной зависимости отъ запаса воды, сохраняемой въ прудѣ каждой деревни; вода же могла доставляться только *соединен-*

---

[1]) См. ту же статью, стр. 102 и 103.

[2]) I. E. Tennent. Ceylon. Lond. I, 421.

[3]) Практика заносить въ записи сооруженіе сувереномъ прудовъ для орошенія не ограничивается хрониками Цейлона. Сооруженіе подобныхъ же работъ на континентѣ Индіи было отмѣчено мѣстными историками. Мемуары Ориссскихъ раджъ указываютъ на число цистернъ и колодцевъ, вырытыхъ въ каждое царствованіе. Тоже-самое можетъ быть замѣчено относительно Китая и Египта.

нымъ трудомъ всей мѣстной общины, примѣненнымъ прежде всего къ собиранію и сохраненію требуемаго количества воды для орошенія, а потомъ къ распредѣленію ея по рисовымъ полямъ, обработывавшимся *соединенными усиліями жителей*, между которыми жатва раздѣлялась въ соотвѣтствующихъ пропорціяхъ. Въ этихъ операціяхъ до такой степени необходимы были *согласіе* и *союзъ*, что предписанія объ исполненіи ихъ были иногда вырѣзываемы на скалахъ, какъ вѣковѣчное увѣщаніе къ умѣренности и гармоніи. Отсюда, при повторяющихся конвульсіяхъ, которыя опрокидывали слѣдующія одна за другой династіи, и съ легкостью и быстротою, въ другихъ случаяхъ почти непонятною, переносили корону къ узурпаторамъ, легко понять, что масса народа имѣла сильнѣйшіе поводы къ пассивному подчиненію [1]), и была вынуждена инстинктивнымъ страхомъ ввѣряться фатальнымъ результатамъ продолжительнаго сотрясенія. Будучи прерываемы въ своихъ занятіяхъ страхомъ подобныхъ событій, жители удалялись, пока буря не проносилась мимо, и послѣ временнаго разсѣянія возвращались обратно, чтобы снова владѣть своими землями и своимъ деревенскимъ прудомъ. Разореніе, царствующее въ настоящее время въ долинахъ, которыя прежде обрабатывались чингалами, было ускорено безпощаднымъ владычествомъ Малабаровъ въ XIV и послѣдующихъ столѣтіяхъ. Разрушеніе резервуаровъ и прудовъ приписывалось, иногда недостаточной постройкѣ, отсутствію водостоковъ и другихъ облегченій для спуска излишней воды во время господства чрезмѣрныхъ дождей; но независимо отъ факта, что значительное число этихъ прудовъ, хотя и крайне опустошенныхъ, остается въ этомъ отношеніи почти не пострадавшимъ до нашихъ дней, мы имѣемъ свидѣтельства самихъ мѣстныхъ историковъ, которыя, будучи правильно поняты, послѣдовательно отрицаютъ всякую опасность наводненій. Разрушеніе и оставленіе прудовъ должны быть приписаны не столько какому нибудь строительному упущенію, сколько разложенію *сельскихъ общинъ*, которыя ихъ поддерживали столь продолжительно. Разрушеніе резервуара, когда имъ пренебрегали и давали ему придти въ упадокъ, было быстро и неизбѣжно, а такъ какъ разрушеніе резервуара деревни влекло за собою бѣгство всѣхъ зависящихъ отъ него, то вода,

---

[1]) Ту же совершенно правильную мысль высказываетъ Крауфордъ въ своемъ **History of the Indian Archipelago. Edinb. 1820**, III, 3 и слѣд., говоря о полученіи сувереномъ продукта за верховный надзоръ за орошеніемъ земли и распредѣленіемъ воды для этого орошенія. Особенно интересенъ примѣръ государства Бали, гдѣ суверенъ совсѣмъ не заявляетъ права на землю, а только на воду для орошенія. См. уже упомянутую статью "Отеч. Записки" 1881, мартъ стр. 93—94. Ниже мы увидимъ, что и извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ придерживается того же взгляда относительно орошенія.

разъ допущенная уйти, переносила чуму и міазмы на равнины, которыя въ прежнее время были покрыты изобиліемъ. Послѣ подобнаго бѣдствія, какое либо частное возвращеніе поселянъ, даже если бы ему не мѣшалъ страхъ маларіи, было бы не практичнымъ: такъ какъ очевидно, что гдѣ всего *соединеннаго труда* общины стало уже недостаточно для исполненія дѣла сохраненія воды и обработки, то уменьшенныя силы меньшаго числа были-бы въ высшей степени недостаточны, какъ для производства исправленій въ каналахъ, такъ и для возстановленія системы, отъ которой зависитъ культура риса. Такимъ образомъ, процессъ упадка, вмѣсто того, чтобы идти постепенно, какъ въ другихъ странахъ, сдѣлался внезапнымъ и крайнимъ опустошеніемъ на Цейлонѣ. — Изъ слѣдовъ, сохранившихся отъ исторіи старѣйшихъ эмигрантовъ, можно видѣть, что въ своей домашней жизни и гражданскихъ обычаяхъ они принесли съ собою и увѣковѣчили на Цейлонѣ тѣ же самыя цѣли и черты, которыя служили характеристикою арійскихъ расъ, колонизировавшихъ долину Ганга. Подобно древнимъ Ведамъ, чингалайскія хроники изобилуютъ намеками на земледѣліе и стада, на воспитаніе скота и на производство хлѣба. Они говорятъ о сельскихъ общинахъ и объ ихъ соціальной организаціи, какъ о чисто патріархальной. *Женщины были третируемы съ уваженіемъ и почтеніемъ*, и въ качествѣ жрицъ и царицъ пріобрѣли себѣ выдающееся мѣсто въ національныхъ почестяхъ... Индійскимъ королямъ, наслѣдовавшимъ Віайо, Цейлонъ обязанъ первымъ ознакомленіемъ съ земледѣліемъ, сооруженіемъ резервуаровъ и практикою орошенія земли для культуры риса. Первый резервуаръ былъ построенъ на Цейлонѣ наслѣдникомъ Віайо за 504 г. до Р. Хр., и ихъ дальнѣйшее распространеніе до почти невѣроятнаго числа, слѣдуетъ приписывать вліянію буддійской религіи, которая, объявивъ войну уничтоженію животной жизни, научила всѣхъ многочисленныхъ послѣдователей существовать исключительно растительною пищею. Отсюда обиліе садовъ, множество фруктовыхъ деревьевъ и бобовыхъ растеній, посѣвъ сухихъ зеренъ, построеніе резервуаровъ и каналовъ и выборъ земли, расположенной удобно для орошенія. Невозможно преувеличить значеніе этой системы водяной обработки въ странѣ, подобно сѣверному Цейлону, подверженной періодическимъ засухамъ. По физическимъ и по геологическимъ причинамъ способъ обработки въ этой части страны существенно отличается отъ способовъ, практикуемыхъ въ южной части; въ то время какъ въ послѣдней частость дождей и обиліе рѣкъ доставляютъ богатое снабженіе водой, остальная страна зависитъ главнымъ образомъ отъ искусственнаго орошенія и отъ количества дождя, собраннаго въ цистернахъ, или воды, отведенной изъ рѣкъ и проведенной въ

резервуары... Какимъ невыразимымъ благословеніемъ являлось въ виду подобныхъ бѣдствій введеніе хлѣба, разсчитаннаго на прорастаніе подъ водою; чтобы годичнаго снабженія не только хватало на всѣ обыкновенныя требованія, но было бы достаточно для обезпеченія отъ случайностей временъ года, —этого слѣдовало достигнуть остроуміемъ народа при поддержкѣ обязательной заботы сувереновъ. Нечего удивляться, что короли, посвятившіе свою личную энергію на постройку цистернъ и каналовъ, пріобрѣтали своей памяти право на традиціонное уваженіе, какъ благодѣтели своей расы и страны. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ этимъ находится замѣчаніе автора Раджавали, который грустить надъ искорененіемъ великой династіи и упадкомъ страны, «потому что, вслѣдствіе уменьшенія плодородія, послѣдующіе короли не имѣли уже болѣе такого значенія, какъ тѣ, которые восходили на престолъ прежде».—Въ связи съ сооруженіями для поддержки земледѣлія, во вновь заселенные округа была перенесена патріархальная деревенская система, представляющая копію съ существующей съ незапамятныхъ временъ въ Индіи; каждая деревня съ завѣдывающимъ ею старѣйшиною, ремесленниками, цирюльникомъ, астрономомъ и прачкою-мужчиной выучилась вести свои дѣла сама, при помощи деревенскаго совѣта, исправлять свои цистерны и каналы и собирать по двѣ жатвы въ годъ *соединеннымъ трудомъ* всей сельской общины. —Между земледѣльческой системой горныхъ округовъ и долинъ всегда была такая-же разница, какая постоянно отличаетъ въ Индіи обработку при помощи цистернъ—Неуэра Калава и Уанни отъ висячихъ рисовыхъ полей на Кандійскихъ холмахъ. На послѣднихъ резервуары сравнительно рѣдки, такъ какъ туземцы полагаются на вѣрные дожди, которыхъ рѣдко не хватаетъ въ надлежащее время года въ этихъ низменныхъ долинахъ. Потоки ведутся посредствомъ каналовъ, остроумно сдѣланныхъ вокругъ подошвы холмовъ и по вершинѣ склоновъ, чтобы оплодотворять поля, лежащія ниже, которыя составляютъ родъ террассъ, каждая съ узкимъ бортомъ на краю, черезъ который стекаетъ лишняя вода съ высшаго уровня на непосредственно слѣдующій за нимъ, спускаясь послѣдовательно по всѣмъ, пока не ускользнетъ въ глубинѣ долины.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ орошенія въ Афганистанѣ [1]) служитъ отводъ воды изъ ручьевъ, которая иногда просто сворачивается на поля, но чаще ведется къ нимъ при помощи маленькихъ каналовъ. Вода направляется въ эти каналы посредствомъ шлюзъ, которые пересѣкаютъ русло маленькихъ ручьевъ и сносятся въ сторону въ то время, когда вода повышается. Въ болѣе широкихъ рѣ-

---

[1]) Elphinstone. Cabul etc. Lond. 1839, I, 396.

кахъ устраиваются отдѣльныя плотины съ одной стороны, выдающіяся на извѣстное разстояніе въ рѣку, которыя хотя и не вполнѣ запираютъ теченіе, но все же принуждаютъ часть его войти въ каналъ. Изъ канала мелкіе ручьи ведутся на поля, которыя окружены небольшими возвышеніями съ цѣлью задержанія воды. Главный способъ для пріисканія источниковъ, тамъ гдѣ рѣчной воды недостаточно, состоитъ въ проведеніи подземнаго канала, подъ названіемъ каурэзъ. Онъ извѣстенъ подъ тѣмъ-же именемъ въ Персіи, но чаще называется тамъ каннаитъ. Каналъ этотъ сооружается слѣдующимъ образомъ. Прежде всего изслѣдуется мѣсто, всегда лежащее у подошвы горнаго склона, чтобы убѣдиться въ томъ, есть-ли на немъ источники, и въ какомъ направленіи они лежатъ. Когда мѣсто изслѣдовано и установлено, то вырывается, одинъ за другимъ— цѣлый рядъ колодцевъ по направленію отъ долины къ горѣ. Каждый послѣдующій колодецъ глубже предъидущаго, и всѣ они соединяются между собою подземнымъ каналомъ, имѣющимъ наклонъ въ долинѣ. Въ теченіи этого процесса открывается много источниковъ, но рабочій запираетъ ихъ, чтобы они не мѣшали ему работать, пока не дойдетъ до послѣдняго колодца. Тогда онъ открываетъ ключи, вода бросается въ каналъ, поднимается въ колодцѣ до высоты своего источника, и, при помощи дальнѣйшаго канала, переходитъ изъ колодцевъ на поля. Разъ каурэзъ готовъ, колодцевъ больше не нужно, за исключеніемъ развѣ случая, когда приходится чистить при ихъ помощи каналъ. Разстояніе между колодцами простирается отъ 4 ярдовъ до 100. Размѣръ канала обыкновенно не больше того, сколько требуется дать мѣста рабочему для работы, но нѣкоторые шире. Число колодцевъ и длина каналовъ находятся въ зависимости отъ числа встрѣчаемыхъ на пути источниковъ, такъ какъ цѣпь обыкновенно ведется до тѣхъ поръ, пока получено достаточно воды или глубина становится неудобна. Длина бываетъ отъ 2 до 36 миль, но обыкновенно короче 2 миль. Можно думать, что расходъ на такое затруднительное сооруженіе долженъ быть весьма великъ, но богатые охотно помѣщаютъ свои деньги на подобные способы приведенія земли въ состояніе годной для обработки, и нисколько не рѣдкость видѣть бѣдныхъ, которые входятъ въ *ассоціацію* (община), чтобы устроить каурэзъ и раздѣлить между собою орошаемую имъ землю. Каурэзы весьма обыкновенны во всемъ западномъ Афганистанѣ, и число ихъ все возрастаетъ. Они же въ употребленіи во всей Персіи, какъ прежде въ Туркестанѣ, но теперь въ послѣдней странѣ они находятся въ запущеніи; въ Индіи-же они неизвѣстны даже по имени. Таковъ важнѣйшій изъ употребляемыхъ здѣсь способовъ искусственнаго орошенія. Колодцы и пруды употребляются рѣдко, за исключеніемъ развѣ питья, и на югѣ Индіи

подобныхъ резервуаровъ также не много, такъ какъ здѣсь большое количество воды собирается посредствомъ плотинъ, протянутыхъ через долину. Знаменитѣйшая изъ нихъ Гузни, и, кромѣ того, есть величественныя плотины въ Парапомизскихъ горахъ, но онѣ встрѣчаются въ странѣ не часто. Въ Пешаурѣ и на значительномъ пространствѣ восточнаго берега Инда для поднятія воды употребляется персидское колесо; въ большей части мѣстностей вода берется изъ колодцевъ, а мѣстами изъ рѣкъ, на берегу которыхъ сооружены машины. Часть земель по мѣстнымъ особенностямъ не подвергается орошенію и потому принадлежитъ къ числу наименѣе важныхъ и наименѣе производительныхъ.

Наиболѣе употребительные способы ирригаціи въ Персіи [1]) суть слѣдующіе: 1) подземные водопроводы, 2) раздѣленіе и отводъ рѣкъ, 3) плотины и шлюзы и 4) колодцы. Отъисканіе источниковъ и закладка водопроводовъ и каналовъ образуютъ особое ремесло—муканни. По образованію почвы, равно какъ по извѣстнымъ признакамъ растительности, муканни заключаютъ съ достаточною точностью объ источникѣ, бьющемъ внутри земли. Но, чтобы прикрыть свое искусство мистическою тѣнью, они обыкновенно говорятъ, что тайну эту имъ выдалъ споръ тумана, носящагося надъ этимъ мѣстомъ при восходѣ солнца. Рытье колодцевъ и проведеніе подземнаго водопровода совершаются также, какъ и въ Афганистанѣ. Если ближайшая окрестность благопріятна для обработки, то тамъ, гдѣ вышелъ наружу источникъ, въ скоромъ времени сооружается деревня; съ другой стороны, оплодотворяющій потокъ долженъ быть проведенъ по открытымъ каналамъ далѣе. Чрезъ это издержки на сооруженіе часто возрастаютъ до значительной высоты. Издержки эти принимаютъ на себя, частью, отдѣльные предприниматели, частью общины; въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло идетъ о доставленіи воды въ большіе города, расходы беретъ на себя правительство, въ священныя мѣста—благочестивыя учрежденія. Открытые каналы все болѣе теряютъ въ количествѣ воды, вслѣдствіе инфильтраціи и испаренія. Дальнѣйшій вредъ наносятъ имъ тифоны и бурные потоки, такъ что они затягиваются иломъ, запираются, и, если этому не помочь во время, то все предпріятіе пойдетъ прахомъ. Существуютъ правда, старые законы, которые строго запрещаютъ перекапывать существующій источникъ или водопроводъ; но власть имѣющіе люди не руководствуются уже болѣе этими предписаніями, и вырываютъ вблизи болѣе глубокій штоль, или отвлекаютъ чрезъ прямое сообщеніе у канала его воду. Такимъ образомъ, поля данной деревни внезапно теряютъ всю свою растительность, жители должны ихъ

---

[1]) I. E. Polak. Persien. Das Land und seine Bewohner. II, 115 и слѣд.

покидать, и мѣстечки, которыя были обозначены на картахъ болѣе раннихъ путешественниковъ, исчезаютъ безъ слѣда, оставляя по себѣ лишь нѣсколько развалинъ. Каналы, при помощи которыхъ нѣкогда доставлялась въ достаточномъ количествѣ вода пятистамъ тысячъ жителей стараго города Рагесъ, въ настоящее время до того разрушены, что едва ли могутъ удовлетворить маленькую потребность въ водѣ мѣстечка Шахъ-Абдулазиссъ, стоящаго на развалинахъ Рагеса. По временамъ тому или другому предпринимателю удается снова найти водопроводъ, засыпанный въ теченіи столѣтій, и такимъ образомъ пріобрѣсти себѣ чуть не даромъ богатый источникъ воды. Когда, во время пребыванія автора въ Тегеранѣ, шахъ велѣлъ реставрировать одинъ пришедшій въ упадокъ каналъ, то неожиданно выбрызнувшая вода наводнила цѣлую часть города.— Богатство воды здѣсь измѣряется силою, которая требуется для приведенія въ движеніе мельничнаго жернова, подобно тому, какъ способность къ дѣйствію паровой машины измѣряется количествомъ лошадиныхъ силъ; говорятъ: источникъ или водопроводъ во столько-то и столько-то жернововъ. Если многія *сельскія общины* закладываютъ одинъ каналъ сообща, то онѣ установляютъ договорнымъ соглашеніемъ продолжительность *попеременнаго* пользованія. Частные собственники отдаютъ въ наемъ пользованіе водой за цѣну, вычисленную по часамъ, и поэтому сооруженіе канала было бы выгоднымъ дѣломъ, если бы юстиція оказывала предпринимателю болѣе дѣятельную защиту противъ насильственныхъ нарушеній его права собственности. Въ подраздѣленіи и отводѣ рѣкъ персіяне также оказываютъ весьма важныя и достойныя признанія заслуги, при всемъ несовершенствѣ ихъ теоретическихъ знаній и недостаткѣ аппаратовъ. Блестящіе примѣры представляютъ рѣки Кереджъ и Дже-Дже-Рудъ, которыя своими искусственными развѣтвленіями орошаютъ обширные округа Шаріаръ и Вераминъ, всего же больше Зайенде-Рудъ, которому обязана своей блистательной культурой равнина испаганская, и который получилъ свое названіе Зайенде (рождающій) отъ свойства всегда наполнять свое русло свѣжими источниками, даже тогда, когда, вслѣдствіе отвода воды, русло это кажется опустѣвшимъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ съ равниной соприкасается горное ущелье, поставлены крѣпкія плотины, съ цѣлью собрать сбѣгающую внизъ снѣговую воду въ объемистый бассейнъ изъ котораго весною и лѣтомъ, открывая шлюзы, поятъ поля. Прекрасное произведеніе этого рода то, которое захватываетъ горную воду узкаго прохода Каруда и ведетъ ее въ равнину Кашанъ. Сооруженіемъ подобнаго же бассейна у прохода Паскальшъ можно было-бы оплодотворить всю окрестность Тегерана, но нынѣшнее правительство не желаетъ тратить деньги на общественно-полезныя

цѣли, хотя въ будущемъ они принесли-бы сотенные проценты. Въ теченіе прежнихъ столѣтій въ равнинѣ Персеполиса и въ западныхъ частяхъ государства были загораживаемы плотинами большія рѣки, вслѣдствіе чего становились пригодными для обработки большія пространства земли, которыя теперь лежатъ высохшими и пустыми.— Кромѣ упомянутыхъ способовъ орошенія въ Персіи прибѣгаютъ также къ черпальнымъ колодцамъ, чтобы получить нужную для полей воду. Ведро опускается на длинной веревкѣ; когда оно наполняется, то его тянутъ быки, припряженные къ валу, причемъ ихъ сгоняютъ по маленькому наклону у колодца. Подобные колодцы авторъ видѣлъ въ садахъ и поляхъ около Испагани и Шираза, особенно же много ихъ въ мѣстечкѣ Цerганъ у Персеполиса. Мѣстами довольствуются однимъ дождемъ. Такія счастливыя мѣстности суть части Мидіи, Курдистанъ, Хамзе и многія горныя долины Ирана.

По временамъ рѣки въ Персіи совершенно измѣняютъ свое направленіе. Такъ, по словамъ Феррье [1]), рѣка Гери-Рудъ, которая въ настоящее время спускается съ сѣверо-запада Парапомизскихъ горъ и раздѣляется на безчисленное множество вѣтвей для орошенія, лѣтъ 80 тому назадъ, какъ утверждаютъ жители, поворачивала къ сѣверу, пройдя Куссанъ и терялась въ Мургабѣ. Подобному утвержденію дозволительно вѣрить, такъ какъ точно такіе же повороты происходили въ средней Азіи по отношенію ко многимъ другимъ рѣкамъ, не вслѣдствіе естественныхъ причинъ, а, благодаря *совмѣстнымъ усиліямъ* цѣлыхъ племенъ, которыя, покидая прежнее мѣсто жительства, поворачивали теченіе воды, чтобы заставить ее течь въ новое ихъ поселеніе. Глубокія и широкія русла изсушенныхъ рѣкъ во всемъ Хорассанѣ не имѣютъ другой причины, что доказываютъ кровавыя войны, которыя вспыхивали и вспыхиваютъ въ настоящее время между различными племенами этихъ странъ, вслѣдствіе отвода водъ однимъ изъ нихъ. Дѣйствительно, нельзя расчитывать на дождь для питанія земли, когда онъ составляетъ рѣдкость и падаетъ только зимою и въ началѣ весны; отнять воду у временнаго поселенія, значитъ отнять у него всѣ средства существованія, потому что хлѣбныя растенія засыхаютъ и не производятъ больше зерна, луга испытываютъ ту же участь, скотъ, лишенный пищи также погибаетъ, деревья сохнутъ и все это ведетъ къ уничтоженію племени.

Въ окрестностяхъ Ярканда [2]) орошеніе совершается въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: въ дѣйствительности, по малому количеству дождя, вся обработка находится въ зависимости отъ него. Ручьи

---

[1]) I. P. Ferrier. Voyage en Perse 1860, 110.
[2]) R. Shaw. Visits to high Tartary etc. Lond. 1875, 156.

текутъ во всѣхъ направленіяхъ, проходя одинъ подъ другимъ по дорогѣ, и посредствомъ маленькихъ водопроводовъ, надъ болотами и впадинами. Земля здѣсь измѣряется по количеству посѣва (какъ на индійскомъ о-вѣ Бали), такъ что одинъ «патманъ» земли равняется 64 шаракамъ зерна для посѣва (около 990 ф.). Налоги съ земледѣльцевъ взимаются въ количествѣ $^1/_{10}$ доли продукта. Съ этою цѣлью сиркары или сборщики помѣщаются въ каждомъ селеніи, чтобы собирать хлѣбъ суверена. Большая часть налога потребляется администраціею на мѣстѣ и не доходитъ до центральной власти.

Ирригаціонные каналы въ Бухарѣ, [1]) безъ помощи которыхъ земля была бы лишена плодородія, выводятся изъ рѣчекъ; повсюду, куда нельзя провести подобныхъ каналовъ, земля останется необработанною. Недостаточно было вырыть рвы для орошенія полей, слѣдовало еще приспособить ихъ ширину и глубину къ разстояніямъ, на которыя желали вести воду, къ возвышенію мѣстности тамъ, гдѣ каналъ оканчивается, къ массѣ воды, которая необходима для орошенія участковъ во всемъ ихъ объемѣ; вотъ почему въ Бухарѣ можно видѣть каналы шириною и глубиною до одного туаза, другіе вполовину менѣе глубокіе и нѣкоторые не болѣе двухъ футъ глубины. Каналы эти легко загромождаются пескомъ и глиной; ихъ тогда нужно очищать, и землю, извлекаемую изъ нихъ сносятъ на болѣе низкія поля. Между полями и каналами необходимо поддерживать соотвѣтствующій уровень. Эта работа по очисткѣ каналовъ, по повышенію и пониженію полей и пр. занимаетъ земледѣльцевъ въ теченіи зимы съ декабря до марта. Каналы очищаются подъ надзоромъ *мираба*, который, какъ и въ Египтѣ, назначается правительствомъ. Орошеніе производится во время высокой воды, или съ декабря до половины марта, и лѣтомъ, при таяніи снѣга въ горахъ; оно происходитъ въ извѣстномъ порядкѣ: обращается вниманіе на высоту полей, на количество воды, находящейся въ каналѣ, и на потребность въ ней полей. Мирабы должны *руководить* этимъ орошеніемъ; отсюда несправедливости и притѣсненія, сопровождающія выполненіе мѣры наиболѣе существенной для успѣха полевыхъ работъ.

Съ цѣлью улучшенія каналовъ и пользованія водою туркмены [2]) избираютъ изъ своей среды аксакаловъ или хановъ, которые у живущихъ на хивинской и персидской границахъ туркменъ, называются кіачудами. Хотя означенные ханы, при господствѣ полнаго равенства и отсутствіи наслѣдственныхъ сословій между туркменами не имѣютъ никакой дѣйствительной власти, но нѣкоторые изъ нихъ успѣваютъ

---

[1]) Meiendorf. Voyage d'Orenbourg à Boukhara etc. Paris, 1826.
[2]) Н. Петрусевичъ. Записки Кавк. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества.

пріобрѣсти значительное личное вліяніе и, благодаря сношеніямъ съ правительствами Персіи, Хивы, Бухары и Афганистана, мало по малу становятся дѣйствительнымъ начальствомъ. Если вспомнить, что туркмены ведутъ осѣдлую жизнь лишь временно и отчасти, то мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою случай зарожденія государства и сословій, въ которомъ системѣ совмѣстнаго орошенія полей принадлежитъ очевидно наиболѣе рѣшительная роль.

При отсутствіи достаточнаго количества влаги, главное занятіе киргизскаго земледѣльца [1]) составляетъ проведеніе канавъ или *арыка*. Когда требуется провести значительную канаву, то обыкновенно хлѣбопашцы нѣсколькихъ отдѣленій родовъ (братствъ?) соединяются вмѣстѣ и выбираютъ какое нибудь почетное лицо-*аксакала* (бѣлая борода), какъ главнаго начальника, подъ надзоромъ котораго производится вся работа. Кромѣ того выбирается еще два лица *муръ-объ* (отъ арабскихъ словъ эмиръ-князь и объ-вода) и *шебакши*. Обязанность перваго состоитъ въ распредѣленіи воды между участниками въ работѣ, второй, т. е. шебакши—строитель канавы, т. е. завѣдываетъ ея техническимъ исполненіемъ. Всѣ эти три лица вознаграждаются за свои труды участками вновь орошенной земли. Этотъ порядокъ въ предпріятіяхъ нѣсколько обширныхъ соблюдается со всею строгостью, и часто канава или плотина получаетъ названіе въ честь аксакала. Эти лица обязаны также рѣшать сообща споры между участниками и дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ безапеляціонно. Главныя канавы проводятся большею частью перпендикулярно къ теченію рѣки и направляются, по возможности, по мѣстамъ нѣсколько возвышеннымъ, чтобы пускать въ нихъ воду на пашни безъ помощи водоподъемныхъ машинъ. Для достиженія этой цѣли иногда приходится проводить ихъ по насыпямъ черезъ низкія мѣста, но вообще этотъ послѣдній способъ избѣгается киргизами по значительности работы, и всѣ такія сооруженія, т. е. большія насыпи, почти безъ исключенія, принадлежатъ древнимъ временамъ, когда на Сырѣ жили каракалпаки. Второе по важности мѣсто въ земледѣльческихъ работахъ занимаютъ плотины, устраиваемыя съ разною цѣлью, но всегда съ одинаковымъ искусствомъ. Цѣль постройки плотинъ троякая: 1) для огражденія низменныхъ мѣстъ отъ большихъ разливовъ рѣки, 2) для поднятія уровня воды въ небольшихъ рукавахъ и протокахъ и 3) для осушенія заливныхъ озеръ. Одни мѣстности заливаются и орошаются безъ предварительныхъ работъ, каковы окрестности бывшаго Аральскаго укрѣпленія, правый и лѣвый берегъ Дарьи выше форта № 1 и нѣсколько озеръ по низовьямъ

---

[1]) Мейеръ. Киргизская степь Оренбургскаго Вѣдомства. Матеріалы для геогр. и статист. Россіи, собр. офицерами Ген. Штаба, Спб. 1865, 246—7.

Куванъ-Дарьи. Но пользованіе землею при такихъ условіяхъ совершенно случайно, а главное хлѣбопашество ведется при искусственномъ орошеніи. Водоподъемная машина или *чигирь* состоитъ изъ колеса, къ которому прикрѣплены небольшіе сосуды—*чилекъ*, поднимающіе воду (т. е. то же персидское колесо). Весь снарядъ приводится въ движеніе посредствомъ двухъ зубчатыхъ колесъ, на одно изъ которыхъ дѣйствуетъ сила запряженнаго животнаго. Второе орудіе—черпакъ есть ничто иное, какъ лейка съ длинной рукояткой, подвѣшенная надъ водою такъ, чтобы концомъ ея можно было захватывать воду и выбрасывать ее на поверхность земли. Устройство и дѣйствіе ея совершенно одинаково съ водоотливными лейками на нашихъ баркахъ. Эти двѣ машины ставятся обыкновенно не на самой рѣкѣ или канавѣ, а въ особо устроенномъ колодцѣ. Поднятая ими вода собирается иногда въ небольшомъ возвышенномъ резервуарѣ, а, большею частью, выпускается прямо въ борозды и ведется по полямъ, раздѣленнымъ для равномѣрности на лунки отъ одной до нѣсколькихъ кв. сажень величиною, въ которыхъ земля выравнена горизонтально. Лунки эти отдѣлены одна отъ другой валиками, прорывая которые, можно пропускать воду изъ одной въ другую, т. е. онѣ находятся въ извѣстномъ порядкѣ одна ниже другой. Другой способъ искусственнаго орошенія—посредствомъ плотинъ требуетъ *содѣйствія* многихъ лицъ, т. е. ассоціаціи. Такія общества и дѣйствительно соединяются часто для этой цѣли, указаннымъ выше порядкомъ. Поливка пашень употребляется во всей южной степи, гдѣ только рѣки или озера дозволяютъ этотъ способъ обработки земли. На Сыръ-Дарьѣ, у форта № 1 особенно замѣчательны на правомъ берегу—долины или лучше сказать озера—Акъ-Ирекъ и Камышельбашъ. Эти два озера, потому что они почти сполна могутъ наполняться водою изъ Дарьи, не смотря на то, что отстоятъ первое на 25, второе на 50 верстъ отъ нея, составляли въ прежнее время, до поселенія русскихъ, одно земледѣльческое цѣлое, своего рода ирригаціонную систему. Именно, киргизы нѣсколькихъ отдѣленій Кишкене-Чиклинскаго рода пользовались этими долинами такимъ образомъ, что пускали въ одно изъ нихъ воду года на три, на четыре, и въ это время преграждали доступъ воды въ другое, въ которомъ, по окраинамъ образовавшихся на днѣ озеръ устраивали пашни. Когда вода пересыхала, тогда переходили на первое и затопляли второе. Эта система теперь нарушена главнѣйшимъ образомъ черезъ отводъ русскимъ поселянамъ въ долинѣ Акъ-Ирекъ постоянныхъ участковъ земли. Поселяне, конечно, не могли согласиться видѣть свои поля затопленными въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Слѣдствіемъ этого было почти совершенное *прекращеніе хлѣбопашества* на этихъ мѣстахъ; только въ послѣднее время дѣла пошли лучше,

такъ какъ поселяне вошли въ сдѣлку съ киргизами, видя, что несогласіе ведетъ къ раззоренію обѣихъ сторонъ.

Большой жаръ, весьма равномѣрная погода, причемъ дождь идетъ только въ извѣстное время года, а въ другое не идетъ вовсе, дѣлаетъ орошеніе не луговъ, а полей въ Закавказьѣ [1]) совершенно необходимымъ. Въ Арменіи не ростетъ безъ орошенія почти ничего; въ Грузіи также нельзя обойтись безъ него. Въ мѣстностяхъ этихъ странъ, обрабатываемыхъ и нынѣ, повсюду встрѣчаются каналы и основанныя на нихъ системы орошенія; каждый клочокъ земли идетъ въ дѣло. Каналы поддерживаются деревнями; иногда многія деревни соединяются въ одно цѣлое, чтобы сообща поддерживать небольшую систему каналовъ, образуя родъ корпораціи. Каждый несетъ на себѣ тяжесть, пропорціональную величинѣ его собственности, и принимаетъ участіе въ выгодахъ, т. е. въ пользованіи водою, въ теченіи извѣстнаго числа *часовъ*. Корпорація состоитъ подъ начальствомъ выборнаго меруэ, должностнаго лица, которое распоряжается работами и распредѣленіемъ воды, рѣшаетъ споры, относящіеся къ пользованію ею и т. д. Если кто сопротивляется распоряженіемъ меруэ или наноситъ ему обиду, у того община отбираетъ быка, убиваетъ и съѣдаетъ его. При всемъ томъ, если проѣхать по странѣ, то можно видѣть, что прежде она была воздѣлана гораздо сильнѣе; видны большія поверхности степей и крупные лѣса, гдѣ повсюду замѣтны слѣды старыхъ полевыхъ бороздъ, а также безчисленное множество рвовъ, плотинъ, даже развалинъ каменныхъ построекъ, которыя ясно указываютъ на существованіе каналовъ и шлюзовъ. Ширазская степь вся покрыта старыми каналами, постройками и пр., которыя, будучи обозначены на картѣ, показали-бы, что тамъ нѣкогда существовала искусственно заложенная, хорошо обдуманная система каналовъ, теперь-же все это пустыня, хотя почва и превосходна... Треугольникъ земли, образуемый теченіемъ Куры и Аракса, обладалъ нѣкогда какъ автору разсказывали,—большою системой каналовъ. Выше, къ востоку отъ Карабаха, Куру съ Араксомъ соединялъ большой каналъ, длиною отъ 20 до 30 миль, который ясно виденъ и въ настоящее время; отъ этого канала, питавшагося изъ означенныхъ рѣкъ, земля была обработана амфитеатромъ до вершины треугольника, на пространствѣ, быть можетъ, около 100 квадр. миль, которое было орошаемо одними лишь маленькими каналами, доставлявшими воду изъ большого... Сооруженіе подобной системы по плану и выполненію должно было представлять по истинѣ гигантскую работу... Системы орошенія въ кавказскихъ земляхъ старше, нежели народы, которые теперь живутъ

---

[1]) Haxthausen Transkaukasien 1-r Theil, 1856, стр. 52. и сл.

на этой почвѣ; иными словами, было время, когда здѣсь всѣ повиновались *одной* желѣзной волѣ. Системы эти не заключены въ границахъ какого-либо отдѣльнаго изъ нынѣшнихъ народовъ. Но въ свою очередь совершенно невѣроятно, что различные народы вступали между собою въ добровольное соглашеніе о заложеніи общей системы орошенія; во всякомъ-же случаѣ для этого были нужны весьма развитыя государственныя формы, которыхъ здѣсь нигдѣ не существовало. Поэтому, болѣе чѣмъ вѣроятно, что эта система принадлежала времени, когда здѣсь господствовала лишь одна воля, т. е. времени отдѣльныхъ азіатскихъ деспотій—ассирійскихъ, мидійскихъ, персидскихъ. Съ паденіемъ деспотій, съ разрѣшеніемъ ихъ въ мелкія государства, раздѣленныя по народцамъ, эти колоссальныя произведенія, вслѣдствіе происходившихъ тогда войнъ, были разрушены, земля сдѣлалась пустынею, населеніе уменьшилось. Въ настоящее время ихъ нельзя уже поднять собственными силами, чтобы выработать и снова вызвать къ жизни цвѣтущую культуру черезъ возобновленіе великихъ системъ орошенія.

Система каналовъ (175), принадлежащихъ городу Эривани, достойна удивленія, каналы вырыты цѣлесообразно и прочно, обиты и укрѣплены, вода превосходно нивеллирована, нигдѣ не имѣетъ сильнаго спада, каналы содержатся хорошо и въ порядкѣ. Поправки обходятся въ годъ около 100 р. с. Всѣ граждане, пользующіеся водою, должны участвовать денежными взносами и личными услугами соотвѣтственно величинѣ ихъ орошаемыхъ участковъ и необходимаго для того объема воды, который подвергается оцѣнкѣ. Во главѣ всѣхъ дѣлъ по орошенію и каналамъ стоятъ 11 джуваровъ (надзирателей за орошеніемъ). Они избираются гражданами и не нуждаются въ правительственномъ утвержденіи. Съ ними заключается родъ письменнаго договора и они получаютъ, смотря по величинѣ ихъ округовъ, вознагражденіе до 30 р. Сверхъ того, гражданами избирается депутація изъ трехъ надзирателей (мюльксади—владѣльцы или землевладѣльцы) для наблюденія за необходимыми поправками. Каждый владѣлецъ получаетъ воду, смотря по величинѣ его участка, на опредѣленное время, необходимое, чтобы оросить весь участокъ. Всѣ отверстія для орошенія на каждый участокъ обведены стѣною и имѣютъ одинаковую величину, но у кого участокъ малъ, тотъ получаетъ теченіе около половины меньшее, нежели тотъ, у кого участокъ вдвое больше. Смотря по объему теченія въ каналѣ, 12—15 лежащихъ на немъ садовъ образуютъ каждый разъ *общества*, которое получаетъ воду одновременно, потомъ она переходитъ къ ближайшему обществу и т. д. Каждый джуваръ имѣетъ для своего округа доску съ печатью, прилагаемою къ бѣлой глинѣ, которою замазываются водопроводы. Пока стоитъ эта печать на глинѣ и

джуваръ не придетъ и не уничтожитъ штемпеля, никто не имѣетъ права выпускать воды, и лишь послѣ того владѣлецъ открываетъ отверстіе канала на свой участокъ и даетъ водѣ течь. Весною орошеніе нужно каждые 10—15 дней, лѣтомъ почти каждые 5—10 дней.

Въ Эривани авторъ видѣлъ только орошеніе садовъ, позже въ провинціи ему удалось бросить взглядъ также и на орошеніе полей. Поля всѣ расположены такъ, что они имѣютъ отъ канала наклонное положеніе и раздѣлены сплошь на узкія полоски земли въ 4—5 футъ шириною бороздами съ водою, которыя вырываются весьма точно и на правильномъ уровнѣ, при помощи своеобразной машины, называемой по татарски кердовакъ, а по армянски маргасъ. Отсюда вода равномѣрно распространяется на все поле. Относительно пользованія, надзора и пр. учрежденія тѣ же, какъ и въ Эривани.

Рѣка Нилъ [1]) имѣла высокое значеніе по отношенію не только къ обработкѣ земли, но и къ государственной организаціи египетскаго народа. Такъ какъ плодородіе простиралось лишь до тѣхъ мѣстъ, куда достигала вода, то люди были скоро вынуждены основать на берегахъ рѣки прочныя жилища и покинуть кочевую жизнь. Общность интересовъ по обводненію земли волнами, защита и борьба противъ нихъ при слишкомъ сильномъ наводненіи, необходимость предпринимать по этой причинѣ громадныя общественныя сооруженія, ежегодное измѣреніе и исправленіе поземельныхъ владѣній, границы которыхъ стирались наводненіемъ или совершенно перемѣщались волнами,—все это скрѣпляло общую связь народа и рано привело къ регулированнымъ общественнымъ учрежденіямъ, къ прочнымъ государственнымъ и правовымъ отношеніямъ, которыя сдѣлали долину Нила колыбелью культуры. Судоходство по рѣкѣ и по каналамъ облегчало сообщенія въ высшей степени. Пустыни по обѣимъ сторонамъ Нила, точно также, какъ и потоки водъ въ дельтѣ, всегда затрудняли нашествіе на Египетъ большой непріятельской арміи. Такимъ образомъ, рѣка,—которой илъ не только оплодотворяетъ поля, но даже въ настоящее время служитъ для постройки домовъ и хлѣвовъ, дорогъ и плотинъ, для изготовленія сосудовъ и пр., и которая доставляетъ драгоцѣннѣйшую воду для питья,—образуетъ въ собственномъ смыслѣ жизненную силу страны. Эта священная рѣка олицетворялась какъ божество; ея фазы были воплощены въ образы на рельефахъ пьедесталовъ древнѣйшихъ египетскихъ статуй божествъ и королей; ея изображеніе носили монеты римлянъ и Птоломеевъ; она же подала поводъ къ одному изъ прелестнѣйшихъ произведеній искусства грековъ, къ статуѣ Нила въ Braccio nuovo въ Ватиканѣ.

---

[1]) H. Stephan. Das heutige Egypten. Leipz. 1872, 19 и сл.

Независимо отъ простаго измѣренія поверхности земли, какъ для земледѣлія, такъ и для земледѣльца представляло величайшую важность [1]) распредѣлять выгоды наводненія въ должной пропорціи между отдѣльными участками, чтобы земли, имѣвшія слишкомъ низкое положеніе, не могли-бы пользоваться исключительными выгодами оплодотворенія водою, вслѣдствіе постояннаго перелива послѣдней съ земель высшаго уровня. Въ этихъ видахъ была очевидна необходимость приведенія въ извѣстность различныхъ уровней страны и сооруженія точно нивеллированныхъ каналовъ и плотинъ; и если бы было справедливо, что первый египетскій король Менесъ повернулъ теченіе Нила въ новый сдѣланный имъ для этого каналъ, то мы имѣли-бы доказательство, что за-долго до его времени народъ уже располагалъ значительнымъ знаніемъ этой отрасли науки, такъ какъ подобное предпріятіе могло быть лишь результатомъ долговременнаго опыта. Устройство плотинъ имѣло послѣдствіемъ изобрѣтеніе шлюзовъ и всего механизма, относящагося къ нимъ. Регулированіе снабженія водою, впускаемою въ равнины различнаго уровня, глубина воды и время, въ теченіи котораго она продолжала оставаться на поверхности, что опредѣляло соотвѣтствующій взносъ налога, требовали большаго научнаго изученія; и количество жатвы на поступающій годъ было удостовѣряемо безошибочными предсказаніями по существующему наводненію. Это естественно повело къ подробнымъ наблюденіямъ надъ повышеніемъ Нила въ теченіи наводненія; для измѣренія его постепеннаго увеличенія и упадка были построены въ различныхъ частяхъ Египта нилометры, а для наблюденія за каждодневной перемѣной и провозглашенія благопріятнаго или неблагопріятнаго состоянія этого явленія были назначены особыя *должностныя лица*. Отъ отчетовъ этихъ лицъ зависѣло время, выбираемое для открытія каналовъ, которыхъ устья были заперты, пока рѣка не достигала опредѣленной высоты (Plin. lib. XVIII, 18), по поводу чего въ странѣ провозглашались великія празднества, чтобы дать возможность каждому обнаружить свои чувства относительно громаднаго благодѣянія, оказываемаго богами Египту. Введеніе воды Нила внутрь страны помощью этихъ каналовъ было изображаемо аллегорически подъ видомъ союза Озириса и Изиды; моментъ снятія плотины, которая отдѣляла русло канала отъ Нила, ожидался съ глубокимъ нетерпѣніемъ, и можно думать, что принимались во вниманіе многія предзнаменованія для того, чтобы удостовѣриться въ выборѣ благопріятнаго момента для этой церемоніи.

Величайшіе властелины древняго Египта, начиная отъ Мериса до

---

[1]) J. G. Wilkinson. The Manners and Customs of Ancient Egyptians. Lond. 1878 II, 363 и сл.

Рамзеса II и Неко посвящали свои заботы сохраненію и усовершенствованію системы орошенія [1]). Начиная съ господства персовъ, именно, съ царствованія дѣятельнаго Дарія, система орошенія приходитъ въ упадокъ. При Птоломеяхъ была введена для искусственнаго орошенія «водяная улитка» Архимеда. Римляне посылали преступниковъ въ Египетъ для оказанія помощи при работахъ орошенія. Императоры Троянъ и Адріанъ пытались помочь сооруженію сѣти каналовъ, но успѣхъ ихъ былъ незначителенъ. Въ гнилое византійское время упадокъ распространялся все далѣе. При господствѣ калифовъ арабы сначала пускали въ дѣло и въ Египтѣ свое умѣнье строить гидравлическія сооруженія, которыхъ блестящіе образцы позже представили въ культурѣ южной Испаніи. Магометанское законодательство опредѣлило, что отъ естественно-орошаемой земли должна поступать въ налогъ $^1/_{10}$, а отъ искусственно орошаемой $^1/_{20}$ часть продукта. При многократной перемѣнѣ династій и связанныхъ съ нею безпорядкахъ, дальнѣйшее развитіе было задержано. Съ побѣдою турецкой расы и особенно подъ господствомъ мамелюковъ-беевъ наступило самое сильное разрушеніе жизненныхъ артерій страны. Страшныя опустошенія чумы и голода явились послѣдствіями запущенія старинныхъ мудрыхъ правилъ для регулированія водныхъ силъ. Культурная почва во всемъ нижнемъ Египтѣ, сравнительно съ древностью, уменьшилась на половину; болѣе 400 миль великолѣпнѣйшей плодородной земли превратилось здѣсь въ пустыню, болота или озера, что равнялось потерѣ многихъ провинцій. Французская экспедиція сознала настоятельную необходимость помощи, но ея господство было слишкомъ кратко. Поэтому, одною изъ большихъ заслугъ было положить первое энергическое начало къ возстановленію системы каналовъ и достигнуть значительныхъ успѣховъ въ этой области. Такая роль выпала на долю Мехмета-Али. Онъ велѣлъ выкопать большой каналъ, названный Махмудіе по имени тогдашняго султана Махмуда, отъ Александріи до западнаго рукава Нила (1819 г.) на сумму $7^1/_2$ милл. фр. и съ затратою рабочей силы 250.000 человѣкъ, изъ которыхъ около 20.000 потеряли жизнь, вслѣдствіе недостаточныхъ приспособленій, отъ эпидемій и голода. Этотъ каналъ возстановилъ связь Александріи съ Ниломъ и поднялъ этотъ городъ отъ 6000 въ концѣ XVIII столѣтія (въ древности 600.000) до 200.000 жителей. Въ дельтѣ и въ остальномъ Нижнемъ и Верхнемъ Египтѣ Мегметъ-Али, съ помощью французскаго гидротехника Линана де Бельфонъ и другихъ инженеровъ, произвелъ много улучшеній.

При низкомъ стояніи воды въ рѣкѣ и каналахъ, вода подни-

[1]) H. Stephan, op. cit. 15 и слѣд.

мается на поля при помощи подъемныхъ и насосныхъ аппаратовъ, которые приводятся въ движеніе человѣкомъ и животными, а въ новое время также мѣстами и паровою машиной. Подъемный аппаратъ составляетъ рядъ ведеръ, связанныхъ въ цѣпь и приводимыхъ въ движеніе колесомъ, при чемъ каждое ведро выливаетъ заключающуюся въ немъ воду, проходя черезъ верхнюю точку круга. Эта система ведеръ въ высшей степени напоминаетъ цѣпной насосъ китайцевъ. Когда вода поднимается въ каналахъ, такъ что ея уровень стоитъ выше полей, то въ плотинахъ каналовъ открываются отверстія и когда нужно, снова запираются. Когда Нилъ достигъ высшей точки своего поднятія, и всѣ каналы наполнены, то всѣ запоры, часто первобытнѣйшаго сорта, запираются, и тѣмъ вызывается буквальное наводненіе полей, насколько послѣднія не заняты теченіемъ рѣки непосредственно. Когда вода упала, и начинается спаданіе Нила, то очистка каналовъ отъ ила, исправленіе плотинъ и пр. При Аббасъ-Пашѣ улучшеніе сооруженій для орошенія опять остановилось. Къ счастью, Саидъ-Паша снова принялся съ ревностью за работу улучшенія сѣти каналовъ, которая ему обезпечивала также выгоды въ его индустріальныхъ предпріятіяхъ. Для весьма настоятельной очистки Махмудія было назначено 7000 феллаховъ, которые на этотъ разъ работали по строго опредѣленному напередъ и хорошо обдуманному плану, и потому привели къ успѣшному окончанію дѣло, при незначительной лишь потерѣ жизней. Его-же, Саида-Паши, участію обязано скорое сооруженіе Суэзскаго канала. Правительство Измаила-Паши тоже не отставало въ этихъ стремленіяхъ. Оно построило новые шлюзы и нѣкоторые новые каналы, особенно въ Верхнемъ Египтѣ, послѣ засухи 1868 года. Пробовали прибѣгать къ паровой силѣ для очистки каналовъ, но это еще только планъ, хотя и весьма грандіозный. Въ настоящее-же время феллахъ является на работу съ одной лопаткой и маленькимъ плетенымъ мѣшкомъ, который онъ наполняетъ иломъ и даетъ уносить дѣтямъ на головахъ. Такимъ образомъ для означеннаго дѣла требуются сотни тысячъ рабочихъ въ годъ,—въ одномъ Верхнемъ Египтѣ 150.000 на четыре мѣсяца ежегодно. Рабочихъ ставятъ соотвѣтствующія деревни. Каждая деревня несетъ повинность покончить свой опредѣленный участокъ подъ надзоромъ своего шейхъ-эль-беледа, отвѣтственнаго передъ правительствомъ (община). Такъ какъ рабочіе должны часто стоять въ илу, а иногда проводить въ каналахъ и ночи, и снабженіе ихъ предметами необходимости недостаточно, то занятіе это не рѣдко наноситъ опасность здоровью и даже даетъ поводъ къ эпидеміямъ, не говоря о чрезмѣрной затратѣ рабочей силы.

Вообще говоря, хотя и справедливо, что земледѣліе суще-

ственно облегчается въ Египтѣ доброкачественностью и щедростью почвы и полезною помощью Нила, но оно все же требуетъ трудной и заботливой работы [1]). Вопреки общепринятому въ Европѣ мнѣнію, именно орошеніе, для котораго Нилъ даетъ не болѣе какъ только матеріалъ, требуетъ постоянной, внимательной и неустанной дѣятельности, такъ какъ оно должно регулироваться, обращаться на пользу и эксплуатироваться при помощи плотинъ и каналовъ, правильной работы на черпальныхъ машинахъ, черпанія человѣческими руками, запиранія однихъ, открыванія другихъ полей. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Нильской долины можно пускать воду просто и непосредственно на поля; большія пространства, орошаемыя самою природою, безъ помощи человѣческаго труда, встрѣчаются почти лишь тогда, когда Нилъ превзошелъ обычную высоту своего ежегоднаго поднятія. Работы на этомъ поприщѣ множество, и она вполнѣ превышаетъ трудную обработку почвы, которой требуетъ природа другихъ земель. Феллахъ привлекается къ громаднѣйшимъ и продолжительнѣйшимъ работамъ по сооруженію каналовъ и плотинъ и по выполненію другихъ публичныхъ повинностей на основаніи произвольнаго мнѣнія и рѣшенія правительства. Если послѣднему кажется необходимой та или другая работа здѣсь или тамъ, то безъ дальнихъ размышленій вызываются феллахи изъ ближайшихъ и дальнихъ мѣстностей и приставляются къ работѣ. Тутъ не помогаетъ никакое сопротивленіе, правительство столь же мало церемонится съ ними, столь же мало допускаетъ какое-либо вниманіе, снисхожденіе, сожалѣніе, какъ и вознагражденіе или плату; напротивъ, люди должны очень часто прокармливать себя сами и еще приносить свои орудія. Кромѣ дѣйствительныхъ публичныхъ повинностей [2]), феллаховъ заставляютъ еще работать въ частную выгоду вице-короля, напр. на желѣзныхъ дорогахъ, по орошенію и обработкѣ его имѣній, по постройкѣ дворцовъ и множеству другихъ работъ столь-же частнаго происхожденія. Часто и въ этихъ случаяхъ имъ ничего не платятъ, хотя барщина и считается отмѣненною. Еще въ 1868 году погибла масса людей при сооруженіи канала. Къ тѣмъ-же работамъ привлекаются и ремесленники — владѣльцы барокъ, возовъ, лошадей, верблюдовъ и пр. по желанію и потребности правительства.

---

[1]) Lüttke. Aegyptens Neue Zeit. Leipz. 1873 1, 118.
[2]) Ib. II, 99.

ГЛАВА III.

ОБЩИННЫЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ И НѢКОТОРЫЯ ПРОМЫШЛЕННЫЯ РАБОТЫ.

Дальнѣйшую стадію общинныхъ работъ, соединенныхъ усилій многихъ лицъ, представляютъ совмѣстныя земледѣльческія работы въ тѣсномъ смыслѣ слова, работы по сооруженію домовъ, судовъ и пр. При сколько нибудь внимательномъ изученіи этого предмета не трудно убѣдиться, что занятія этой категоріи на соотвѣтствующей ступени развитія составляютъ не исключеніе, а такое-же общее правило, какъ и болѣе раннія совмѣстныя занятія охотой, рыбной ловлей, уходомъ за скотомъ, выжиганіемъ лѣсовъ и пр. Въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда земледѣліе нуждается въ орошеніи, по одной уже этой причинѣ оно представляетъ наиболѣе обширную и тѣсную земледѣльческую кооперацію, какая только вообще извѣстна въ исторіи. Иными словами, кооперативное земледѣліе, постройка домовъ, судовъ и пр. не болѣе какъ частные случаи развитія того самого общиннаго начала, которое проникаетъ собою повсюду рыболовный, охотничій и кочевой бытъ. И если свидѣтельства наблюдателей объ этой частной формѣ организаціи труда отличаются значительною скудостью и неопредѣленностью, то единственно потому, что европейскіе путешественники, большею частью, совершенно слѣпы ко всѣмъ формамъ экономической жизни, несходнымъ съ европейскою. Надѣляя каждаго туземца «по образу и подобію своему», атрибутами продавца или покупателя, они обыкновенно сами лишаютъ себя возможности видѣть въ надлежащемъ свѣтѣ общинный характеръ первобытнаго производства, не смотря на всю важность этого предмета для правильнаго сужденія объ общественно-экономическомъ строѣ народовъ, стоящихъ на раннихъ ступеняхъ развитія.

Повидимому, естественно думать, говоритъ Гохштеттеръ [1]), что введеніе плуга, молотилки или мельницы и другихъ подобныхъ ве-

---

[1]) F. v. Hochstetter. Neu-Seeland etc. Stutg. 1867, 212.

щей принесло туземцамъ Новой Зеландіи неисчислимыя выгоды и что съ ними не можетъ быть связано никакого вреда или убытка ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для цѣлаго народа; однако вытекающія отсюда выгоды носятъ весьма сомнительный характеръ. Прежде, напр., туземцы имѣли обыкновеніе работать отъ 20 до 30 человѣкъ на одномъ полѣ *сразу;* въ настоящее время работаетъ плугъ, а люди сидятъ на полѣ смѣясь и шутя, жуя и куря и думая, что европейцы изобрѣли всѣ эти вещи только для того, чтобы избавить ихъ отъ труда. Такимъ-же образомъ туземецъ, построившій съ большими расходами мельницу и ожидающій, что она ему смелетъ большое количество пшеницы, которую онъ продастъ съ значительною прибылью пакегамъ (европейцамъ), находитъ впослѣдствіи, что онъ ошибся въ разсчетѣ. Сосѣдніе туземцы слышатъ про мельницу; согласно туземному коммунизму, они смотрятъ на его муку, какъ на свою, и въ короткое время запасъ муки съѣденъ. Мельница, на которой мельникъ не хочетъ работать, чтобы другіе могли пожать лавры, стоитъ безъ дѣла. Деньги и трудъ потрачены безъ пользы, и предприниматель, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться богаче отъ своей мельницы, сдѣлался бѣднѣе, чѣмъ прежде.

Какъ идутъ у нихъ дѣла при земледѣліи, такъ точно идутъ они и при кораблестроеніи. Туземцы Таурангской гавани сдѣлали, напр., сбереженія и работали цѣлые годы съ цѣлью накопленія себѣ денегъ на покупку шкуны, чтобы можно было сказать: «мы такіе же судовладѣльцы и капитаны, какъ и пакега». Они собрали сумму въ 800 ф. стерл. продажей пшеницы и картофеля и наконецъ пріобрѣли себѣ компаніею отъ тридцати до сорока человѣкъ, прекрасную шкуну. Но что-же дальше? «Мы такъ долго работали», сказали они, «что теперь нужно отдохнуть», и вотъ судно лежитъ въ водѣ, а туземцы на берегу. Разъ или два, быть можетъ, сдѣлано было путешествіе въ Аукландъ, но они продали передъ тѣмъ столько своихъ произведеній, что у нихъ не оставалось болѣе ничего ни продавать, ни нагружать; какъ дѣтямъ, имъ надоѣла игрушка, шкуна лежитъ безъ пользы, она принадлежитъ сорока человѣкамъ вмѣстѣ, а слѣдовательно никому; ни одинъ не желаетъ поправить случайнаго поврежденія, судно идетъ ко дну и снова потеряны трудъ и деньги. Если-бы эти тридцать или сорокъ человѣкъ оставались при своихъ старыхъ каноэ, то для нихъ было-бы гораздо лучше.

Авторъ рисуетъ превосходную картину такого положенія вещей, когда первобытному обществу, благодаря неумѣнію или недобросовѣстности пришельцевъ, навязываются совершенно чуждыя ему экономическія формы жизни, идущія ему, какъ коровѣ сѣдло. Оно принуждено носить эти формы безъ всякаго смысла и пониманія, совер-

шенно внѣшнимъ образомъ, на подобіе того, какъ тѣ же новозеландцы носили въ первое время европейское платье: извѣстно, что ихъ дамы надѣвали себѣ мужскіе панталоны на шею вмѣсто шарфа, а мужчины, держа въ рукахъ шляпы, нахлобучивали себѣ на голову коробки изъ подъ этихъ шляпъ. Жаль только, что подобныя отношенія, на ряду съ комическимъ элементомъ, заключаютъ въ себѣ не мало и трагическаго.

«Нѣкоторые классы туземнаго населенія Новой Зеландіи», читаемъ у Полака[1]), «исполняли до сихъ поръ одно и тоже занятіе *сообща*. Главный начальникъ, вооруженный властью рѣшать вопросъ о жизни и смерти, трудится бокъ о бокъ съ рабомъ, который подчиненъ его прямой юрисдикціи. Это состояніе комбинаціи труда нераздѣльно съ обществомъ въ состояніи варварства. Житель внутренней страны обрабатываетъ землю, обѣгаетъ лѣса для отъисканія предметовъ могущихъ служить пищею, и пускаетъ въ ходъ всѣ свои способности хитрости и изобрѣтательности, чтобы ловить различныхъ птицъ, наполняющихъ эти пустыни. Племена, живущія на морскихъ берегахъ, и составляющія главную часть или $^9/_{10}$ населенія, имѣютъ устройство чисто соціальное, скомбинированное сильнѣйшею связью взаимной полезности.» Автора увѣряли, что они часто употребляютъ неводъ въ нѣсколько сотъ футъ длины, который составляетъ трудъ почти *каждаго* члена общины и состоитъ во всеобщемъ пользованіи всѣхъ владѣльцевъ-производителей. Эта система всеобщей помощи, представляетъ своеобразный планъ первобытнаго общества. О новозеландцахъ можно сказать, что они уже прошли этотъ первый шагъ и вступили на первую ступень цивилизаціи, которая обозначается раздѣленіемъ труда въ общинѣ и различіемъ призваній, преслѣдуемыхъ единственно и намѣренно только лицами, которыхъ личныя способности и наклонности образуютъ вѣрнѣйшій критерій прогресса цивилизаціи.

На сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи[2]) обработка почвы производится *сообща*, посредствомъ заостренныхъ кольевъ изъ желѣзнаго дерева и деревянныхъ же лопатокъ: мужчины, двигаясь шеренгою, кольями поднимаютъ большія глыбы земли, расчищенной изъ подъ обгорѣлаго лѣса; по мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ, за ними двигаются женщины и разбиваютъ землю на меньшіе комы; за женщинами слѣдуетъ рядъ дѣтей, окончательно разрыхляющихъ ее. Обработанная земля дѣлится на участки по семьямъ.

Жители Каролинскихъ острововъ [3]) при построеніи лодокъ,

---

[1]) Plak. Manners and Customs of the New-Zealanders. 1840, I, 106.
[2] Вѣстникъ Европы, 1874, Іюнь. „Клиперъ Изумрудъ“.
[3]) Fr. Lütke. Voyage autour du monde. Paris, 1863, III.

въ которыхъ совершаютъ продолжительныя и опасныя путешествія, принимаются за дѣло слѣдующимъ образомъ. Какъ только кто нибудь захочетъ построить лодку, онъ начинаетъ съ того, что пріискиваетъ на своемъ островѣ дерево, которое пріобрѣтаетъ отъ какого-либо собственника (?) въ обмѣнъ за покрывала, веревки и другіе предметы своей промышленности. Онъ разсчитываетъ напередъ и увѣренно на помощь своихъ соотечественниковъ, которые непремѣнно согласятся срубить для него дерево; для достиженія этой цѣли они берутся за него со всѣхъ сторонъ сразу и рубятъ его по круговой линіи до сердцевины, чтобы дерево, падая, не раскололось у основанія и не сдѣлалось безполезнымъ для предположенной цѣли. Не имѣя хорошихъ и годныхъ топоровъ, они работаютъ весьма медленно, и часто отдыхая. Разъ срубленное, дерево тащится при помощи веревокъ на берегъ къ *общинному дому*, и его оставляютъ сохнуть на солнцѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ начинается работа подъ руководствомъ опытнаго строителя, которыхъ на всей группѣ острововъ всего три; строитель произноситъ *длинную рѣчь*, измѣряетъ стволъ и пр. Тогда назначается до 30 человѣкъ и болѣе, *обязанныхъ* работать. Барка съ веслами вообще есть дѣло одного дня. Иногда съ великимъ трудомъ рубятъ много деревьевъ, пока окажется одно годное. Можно судить, какой это громадный трудъ и при плохихъ орудіяхъ въ особенности. Но за то по окончаніи устраивается общее празднество; мужчины, женщины, дѣти, *все*, что въ состояніи работать, бѣжитъ на рыбную ловлю и занимается приготовленіемъ обычныхъ у нихъ кушаній—изъ кокосовъ, плодовъ хлѣбнаго дерева, арроу-рута и т. д.

Все заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сооруженіемъ общиннаго судна цѣлой общиной, и что частное лицо, покупающее въ дикой странѣ дерево за покрывала и пр., —представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ плодъ авторскаго воображенія.

Жены туземцевъ Америки [1]), подобно амазонкамъ, женщинамъ народовъ Фракіи, Скифіи, Испаніи и другихъ варварскихъ народовъ древности, работаютъ въ поляхъ, какъ и въ настоящее время можно часто видѣть женщинъ въ Гасконіи, Беарнѣ и Брестѣ, ведущими плугъ въ то время, какъ ихъ мужья прядутъ на станкѣ. Зерно, которое они сѣютъ, есть маисъ, представляющій главную пищу почти всѣхъ осѣдлыхъ націй Америки отъ одного конца до другаго. Всѣ женщины деревни въ Канадѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, соединяются *вмѣстѣ* для грубой полевой работы. Они составляютъ различныя многочисленныя группы, смотря по различію

[1]) P. Lafitau. Moeurs des sauvages américains. II, 1724, 77—78.

мѣстностей, гдѣ расположены ихъ поля и переходятъ отъ поля къ полю, помогая себѣ взаимно. Это происходитъ съ тѣмъ меньшимъ трудомъ и съ тѣмъ большей быстротою, что поля не отдѣлены заборами или рвами, и, повидимому, представляютъ всѣ вмѣстѣ одинъ участокъ; но между ними не бываютъ вслѣдствіе этого споровъ изъ за границъ (потому что нѣтъ границъ), которыя каждая изъ нихъ умѣетъ узнавать прекрасно (?). Начальница поля, на которомъ идетъ работа, распредѣляетъ между всѣми работницами сѣмена для посѣва, которыя они получаютъ въ маленькія корзинки отъ 4 до 5 пальцевъ вышины и такой же ширины, чтобы они могли опредѣлить самое число полученныхъ ими зеренъ... Онѣ содержатъ свои поля въ большой чистотѣ и сильно заботятся о вырываніи сорныхъ травъ до самого времени жатвы. Есть также время, назначенное для того, чтобы работать всѣмъ *сообща*; въ подобномъ случаѣ каждая изъ нихъ несетъ съ собою связку маленькихъ палочекъ до 1—1½ фута длиною, снабженныхъ особеннымъ знакомъ и окрашенныхъ въ зеленую краску. Эти палочки служатъ имъ для обозначенія ихъ урока и для доказательства ихъ труда. По случаю вязанія пшеницы устраивается всенощное празднество, и тогда и только тогда женщины призываютъ къ себѣ въ земледѣльческихъ работахъ на помощь мужчинъ.

«Что меня всего болѣе поразило», говоритъ французскій миссіонеръ Гёкенъ[1]), «по прибытіи въ среду этихъ индійцевъ (калиспелы близь р. Орегона), и чему я не могу перестать удивляться все болѣе и болѣе,—это чисто братское милосердіе и глубокое согласіе, которое изъ всего этого племени дѣлаетъ какъ бы одно семейство. Любовь, уваженіе и послушаніе своимъ начальникамъ не имѣютъ здѣсь границъ, и согласіе, господствующее между начальниками, представляетъ зрѣлище полнѣйшаго единенія. «Никогда, говорятъ они, наши уста не требуютъ, а наши сердца не желаютъ ничего, кромѣ одного и того-же». Начальникъ въ качествѣ отца снабжаетъ своихъ дѣтей, т. е. все племя, пищею. Всякая убитая на охотѣ коза приносится къ его жилищу; тамъ она раздѣляется на столько-же частей, сколько имѣется семействъ. Благодаря разумной экономіи, будущее также предусмотрѣно, и часть каждаго животнаго откладывается въ запасъ для тѣхъ, которые должны весною *обрабатывать землю*. Распредѣленіе совершается съ удивительнымъ безпристрастіемъ: старикъ и больной, вдова и сирота имѣютъ свои вѣрныя доли, точно также, какъ и самъ охотникъ. Не есть-ли это возвращеніе къ тому счастливому времени, когда,

---

[1]) Annales de la Propagation de la Foi. T. XVIII, A. Lion 1846. Lettre du R. P. Smet, Mission des montagnes rocheuses, со словъ отца Гёкена.

какъ насъ поучаютъ дѣянія святыхъ Апостоловъ, всѣ имѣли лишь одну душу и одно сердце?»

Среди туземцевъ Flak-Leads, Kalopels, Eas-rings и Needle-Hearts, говоритъ Доменечъ[1]), братскій союзъ и повиновеніе начальникамъ поистинѣ удивительны. Начальники—дѣйствительные отцы своихъ народовъ; они всегда говорятъ спокойно, но никогда не говорятъ на вѣтеръ. Они регулируютъ охоту, рыбную ловлю и собираніе корней и плодовъ. Вся дичь и рыба приносятся къ ихъ вигвамамъ и распредѣляются на столько порцій, сколько имѣется семействъ; раздѣлъ производится съ самымъ точнымъ безпристрастіемъ. Старики, больные и вдовы получаютъ часть равную съ частью самихъ охотниковъ.

Каждая деревня Криковъ[2]) имѣла общественное огороженное поле, которое было подраздѣлено границами между отдѣльными семействами; звукъ роговъ провозглашалъ начало полевыхъ работъ, которыя выполнялись сообща, и изъ жатвы прежде всего отдѣлялась опредѣленная доля въ пользу общины, изъ которой старѣйшина (мико) долженъ былъ удовлетворять нуждающихся. Все у индійцевъ было общимъ имуществомъ, или происходила общая обработка и общее потребленіе всего: жатва и охотничья добыча раздѣлялись по потребности или каждый бралъ изъ существующихъ запасовъ, что ему было нужно.

Индійцы Юкатана[3]) имѣютъ прекрасный обычай помогать другъ другу во всѣхъ своихъ работахъ. Во время посѣва тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ у себя достаточно народа для этого дѣла, соединяются группами въ числѣ 20 и 20 и работаютъ совмѣстно, смотря по величинѣ поля каждаго изъ нихъ, и не оставляя работы, пока все не кончено. Земли въ настоящее время суть общія, и первый кто занялъ ихъ, владѣетъ ими. Они сѣютъ во многихъ мѣстахъ съ тою цѣлью, чтобы, если на одномъ полѣ жатва была недостаточна, другое пополняло бы этотъ недостатокъ. Обрабатывая землю, они не прибѣгаютъ ни къ какому удобренію, за исключеніемъ сжиганія передъ посѣвомъ сорныхъ травъ... Подобно тому, какъ мужчины оказываютъ другъ другу взаимную помощь при обработкѣ полей (191), женщины прядутъ и ткутъ совмѣстно, разсчитываясь взаимно результатами своихъ трудовъ.

Говоря объ одномъ изъ племенъ группы Майо, поселенномъ внутри Мексики, въ мѣстности Шевиль и заключающемъ въ себѣ не

---

[1]) A. Domenech. Seven Years Residence in the great deserts of North America. Lond. 1861, II, 344.

[2]) Waiz. Anthropologie etc. III, 128 и слѣд. (Ссылки на Бартрама, Картье и Гёнтера).

[3]) Diego de Landa. Relation des choses de Jucatan. Paris 1864, 129.

болѣе 100 семействъ, американскій путешественникъ Стифенсъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Отдѣльныя семьи обрабатываютъ землю сообща. Продукты урожаевъ поступаютъ на храненіе въ особо устроенные для того магазины, изъ которыхъ ежегодно отпускается количество, необходимое для прокормленія всего племени. Пища изготовляется въ общей кухнѣ и отпускается отдѣльнымъ семействамъ на домъ» [1]).

Классъ земледѣльцевъ въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ въ прежнее время былъ весьма значителенъ [2]); за исключеніемъ королей, принцевъ, сеньоровъ и солдатъ, находившихся подъ знаменами, всякій предавался болѣе или менѣе культурѣ почвы и считалъ себѣ за честь работать въ деревнѣ... Въ этихъ работахъ женщины и дѣти помогали своимъ мужьямъ и отцамъ. Послѣдніе, вооружившись киркою, служившею для поднятія почвы, шли впереди, дѣлая маленькія отверстія въ землѣ; женщины шли за ними съ мѣшками на плечѣ, изъ которыхъ они брали маисъ маленькими горстями, разбрасывая по одному или по два зерна въ каждое отверстіе, которое, проходя, прикрывали ногами. Одна шеренга слѣдовала за другою, пока не было обсѣменяемо все поле; каждая шеренга шла совершенно прямо, какъ будто она была проведена по шнурку, и отверстія лежали на равномъ разстояніи одно отъ другаго, такъ что растенія, поднимаясь, образовывали совершенно одинаковыя параллели.—Для сохраненія хлѣба у нихъ существовали обширныя общественныя житницы, помѣщаемыя обыкновенно рядомъ съ храмами и у королевскихъ дворцовъ. Хлѣбъ содержался въ нихъ такъ хорошо, что сохранялся отъ 15 до 20 лѣтъ.

Всѣ жители, занесенные въ списокъ кальпулли (родъ общины), говоритъ Зурита [3]), имѣли право обработывать его земли; обыкновенно выдѣляли въ каждомъ такомъ имѣніи особый фондъ, который былъ обрабатываемъ сообща соединенными кальпулли, для удовлетворенія потребностей арміи во время войны.

Въ Перу [4]) распредѣленіе земли возобновлялось ежегодно и владѣнія отдѣльныхъ земледѣльцевъ возрастали или уменьшались соотвѣтственно числу членовъ семействъ. То же приспособленіе соблюдалось относительно куракасовъ (высшій классъ) съ тою разницею, что имъ назначали доменъ, соотвѣтствующій высшему достоинству ихъ положенія... Вся территорія была обрабатываема всѣмъ народомъ. Прежде всего обращались къ землямъ, принадлежащимъ

---

[1]) Цитир. у Ковалевскаго, „Общинное землевладѣніе". стр. 38, прим. 3.

[2]) Brasseur. Histoire des nations du Méxique et de l'Amerique Centrale. Paris, 1858, I, 634.

[3]) Zurita. Rapport sur les différentes classes de chefs. etc. p. 50—60.

[4]) W. H. Prescott. History of the Conquest of Peru. Philad. 1874, 53—54.

солнцу. Потомъ обрабатывались земли стариковъ, больныхъ, вдовъ, сиротъ и солдатъ, находящихся на службѣ; короче всей той части общины, которая по болѣзни или по другой причинѣ была не способна позаботиться сама о себѣ. Потомъ народъ допускался работать на своей собственной землѣ, каждый на себя, но съ общимъ обязательствомъ *помогать* своимъ сосѣдямъ, когда могутъ потребовать этого извѣстныя обстоятельства, напр. тяжесть молодой и многочисленной семьи. Послѣдними они обрабатывали земли Инки. Это исполнялось съ соблюденіемъ чрезвычайныхъ церемоній всѣмъ населеніемъ въ цѣлости. На восходѣ солнца они сходились въ одно мѣсто по призыву съ какой нибудь сосѣдней башни или возвышенія, и всѣ жители округа—мужчины, женщины и дѣти являлись одѣтые въ свое лучшее платье, покрытые украшеніями, какъ бы на какое либо большое празднество. Они несли на себѣ трудъ дня съ тѣмъ-же веселымъ духомъ, съ пѣніемъ своихъ народныхъ балладъ, въ которыхъ увѣковѣчивались героическіе подвиги Инковъ, регулируя свои движенія подъ тактъ пѣсни, и все смѣшивалось въ хорѣ, который назывался обыкновенно «triumph» или «haiki». Подобное же учрежденіе существовало по отношенію къ мануфактурамъ и земледѣльческимъ продуктамъ страны. Стада ламъ, или перуанскихъ овецъ были присвоиваемы исключительно солнцу или Инкѣ, отъ котораго, какъ жалованный даръ, поступали въ небольшомъ числѣ къ отдѣльнымъ лицамъ, безъ права ихъ убивать, а только передавать, какъ общую собственность, наслѣдникамъ. Число ихъ было громадно. Они были распредѣлены по различнымъ провинціямъ, главнымъ образомъ, въ болѣе холодныхъ частяхъ страны, гдѣ они были ввѣрены заботамъ опытныхъ пастуховъ, которые водили ихъ на различныя пастбища, смотря по временамъ года. Значительное число ихъ отправлялось ежегодно въ столицу, ко двору для потребленія и для религіозныхъ жертвъ и празднествъ. Уходъ за этими животными былъ соединенъ съ величайшимъ остроуміемъ и сопровождался мельчайшими подробностями. Въ опредѣленное время года ихъ стригли, и шерсть ихъ складывали въ общественные магазины. Потомъ ее раздѣляли между всѣми семействами въ такомъ количествѣ, какое удовлетворяло ихъ потребностямъ, и вручали женщинѣ которая умѣла хорошо прясть и ткать. Когда эта работа приходила къ окончанію, и семейство снабжалось грубымъ но теплымъ покровомъ, соотвѣтствующимъ горному климату (въ долинахъ корона снабжала жителей такимъже образомъ хлопкомъ, замѣнявшимъ до извѣстной степени шерсть), то народъ требовался къ работѣ на Инку. Количество требуемой матеріи, какъ и родъ и качество фабрикаціи были предварительно опредѣляемы въ Куцко. Потомъ дѣло распредѣлялось

между различными провинціями. Должностныя лица назначенныя для этой цѣли, наблюдали за распредѣленіемъ шерсти, чтобы производство различныхъ предметовъ было довѣрено самымъ опытнымъ рукамъ. Они не останавливались на этомъ, но входили отъ времени до времени въ жилища и наблюдали за тѣмъ, чтобы дѣло было выполнено исправно. Эта домашняя инквизиція (?) не ограничивалась одною работою на Инку. Она включала въ себя и надзоръ за работой на семейства, и были приняты мѣры, чтобы всякое хозяйство употребляло данный ему матеріалъ. Всякая старуха, всякое дитя имѣли свое занятіе. То же самое происходило въ другихъ отрасляхъ промышленности. Рудники принадлежали Инкѣ и разрабатывались въ его пользу... Ремесленника правительство снабжало матеріаломъ, и ни отъ кого не требовалось, чтобы онъ посвящалъ большую долю своего времени на общественное дѣло, чѣмъ было установлено. Одного смѣнялъ другой на такой-же срокъ, и слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ, кто занимался правительственными работами,—замѣчаніе это относится одинаково и къ земледѣльческому труду,—содержались все это время на казенный счетъ. Эта постоянная смѣна труда имѣла въ виду, чтобы никто не былъ обремененъ трудомъ сверхъ мѣры, и чтобы всякій имѣлъ время для удовлетворенія потребностей своего собственнаго хозяйства. По мнѣнію одного высокаго испанскаго авторитета, невозможно было улучшить въ чемъ-либо систему распредѣленія, такъ заботливо она была приспособлена къ условіямъ жизни и удобствамъ ремесленниковъ. Правительство, повидимому, всегда имѣло въ виду интересы народа. Часть земледѣльскаго продукта и мануфактурныхъ предметовъ перевозилась въ Куцко къ министру, въ непосредственное распоряженіе Инки и его двора. Но гораздо большая часть была складываема въ магазины, разбросанные по разнымъ провинціямъ. Эти громадныя каменныя зданія дѣлились между солнцемъ и Инкою, хотя Инка присвоивалъ себѣ больше. Благодаря мудрому распоряженію, всякій недостатокъ въ платежахъ Инки могъ быть пополненъ изъ запасовъ солнца. Но подобная необходимость бывала рѣдко, и, напротивъ, хлѣбъ Инки значительною частью раздавался народу-же (не удивительно, если для того и собирался общественнымъ должностнымъ лицомъ—Инкой). Эти магазины были найдены испанцами по ихъ прибытіи наполненными запасами разнообразнѣйшихъ продуктовъ и мануфактуръ страны: маисомъ, кокой, хиной, шерстяными и бумажно-хлопчатыми матеріями тончайшей доброты, вазами и утварью изъ золота, серебра и мѣди, словомъ, всевозможными предметами роскоши или пользы, какіе только умѣли производить перуанцы. Чиновники вели контроль производству хлѣба. Пути сообщенія были великолѣпные.

Сказанное на предъидущихъ страницахъ обнаруживаетъ поразительное сходство между общественно-экономическими организацiями древнихъ и нынѣ существующихъ земледѣльческихъ американскихъ народовъ, не смотря на все различiе въ степени ихъ цивилизацiи. Общинно-родовой бытъ съ тѣсною ассоцiацiею работъ и объединительною дѣятельностью представителей родовой власти одинаково свойственъ обитателямъ нынѣшней Мексики и Юкатана, какъ и древнимъ мексиканцамъ и перуанцамъ. Сходство это сказывается съ ясностью даже въ такихъ мелкихъ подробностяхъ ихъ экономическаго быта, какъ, напр., общественныя житницы, служащiя для распредѣленiя хлѣба. Правда, испанскими писателями неоднократно навязывались древнимъ цивилизацiямъ такiя оригинальныя свойства которыми они, повидимому, не обладали въ дѣйствительности. Но именно въ этомъ отношенiи и принесло большую пользу сравненiе ихъ съ условiями жизни многихъ новѣйшихъ племенъ и въ томъ числѣ самихъ туземныхъ индiйцевъ. «Испанскiе писатели», справедливо говоритъ Морганъ [1]), «оставили вопросъ о землевладѣнiи у южныхъ племенъ въ неисходной путаницѣ. Если они находили общину, состоявшую изъ личностей, владѣвшихъ землею сообща, которой послѣднiя не могли отчуждать, и если одно лицо изъ нихъ признавалось ихъ начальникомъ, то означенные писатели немедленно трактовали эту страну, какъ феодальное имѣнiе, начальника какъ феодальнаго лорда, а народъ, владѣвшiй землею сообща, какъ его вассаловъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ это значило переворачивать вверхъ дномъ факты. Одна вещь ясна, именно, что эти земли были обладаемы сообща общиною личностей; но другой, не менѣе существенной, не было показано, именно,—природы союза, который соединялъ этихъ лицъ. Если это былъ родъ или часть рода, то весь предметъ могъ бы быть разъясненъ сразу».

Когда долженъ быть предпринятъ военный походъ въ большую даль [2]), и община не обладаетъ достаточными съѣстными припасами, то она соединяется для обработки участка земли, чтобы имѣть достаточное количество, напр. муки мандiока. Эта культура полей, предпринимаемая сообща, представляетъ единственное, что можно найти у первобытныхъ жителей *Бразилiи* по части совмѣстнаго дѣйствiя всѣхъ для общей цѣли, которую можно сравнить съ барщинной работою.

«Мы рѣшились», говоритъ Шомбургкъ [3]), «сдѣлать предложенiе старому дружественному начальнику Кайкурангу, чтобы онъ продалъ

---

[1] L. H. Morgan. Ancient Society. New Jork. 1877, 535 и слѣд.

[2]) C. F. v. Marzius. Von dem Rechtszustande unter den Einwohnern Brasiliens, Müuch. 1832, 18.

[3]) K. Schomburgk. Reisen in Britisch Guiana. Leipz. 1847, II, 237.

6

намъ кусокъ поля съ зрѣлыми manihot, изъ которыхъ женщины должны были ежедневно готовить намъ хлѣбъ. Участокъ этотъ былъ *общинною* собственностью, созванное народное собраніе должно было рѣшить, и послѣ краткаго совѣщанія Кайкурангъ воротился къ намъ съ единогласнымъ согласіемъ. Два топора, одинъ лѣсной ножъ, какъ общая собственность и нѣсколько маленькихъ подарковъ женѣ и дѣтямъ начальника были покупною цѣною».

Мангаджи Южной Африки [1]) представляютъ весьма трудолюбивую расу и, въ прибавку къ работѣ по желѣзу, изготовленію хлопковыхъ тканей и корзинъ, предаются обширной обработкѣ почвы. Весь народъ деревни отправляется работать въ поле. Не рѣдкость видѣть вмѣстѣ за упорной работой мужчинъ, женщинъ и дѣтей, причемъ грудные младенцы лежатъ подъ тѣнистыми кустами. Когда нужно разчистить новый участокъ лѣсной земли, они поступаютъ точно такъ, какъ фермеры Америки. То же самое примѣняется къ Балонда, обитающимъ на сѣверѣ Замбези.

У Басутовъ, Бапеловъ и Матебеловъ [2]) земледѣліе въ наибольшей чести, и приняло наибольшіе размѣры. Оба пола отдаются ему здѣсь съ одинаковою ревностью. Другія племена возлагаютъ еще на своихъ женщинъ заботу расчищать и засѣвать поля, но въ этомъ состояніи вещей происходитъ постепенное улучшеніе... Басуты собираются ежегодно, чтобы вскопать и засѣять поля, предназначенныя на личное содержаніе своего начальника и его первой жены. Пріятно видѣть въ этихъ случаяхъ цѣлыя сотни черныхъ, построенныхъ въ правильную линію, и попеременно то поднимающихъ то опускающихъ свои лопаты съ совершенною правильностью. Воздухъ сотрясается отъ пѣсень, цѣль которыхъ облегчать трудъ рабочихъ и поддерживать мѣру ихъ движеній. Начальникъ считаетъ своею обязанностью присутствовать при этомъ и наблюдать за приготовленіемъ жирныхъ быковъ, предназначенныхъ въ пищу его рабочимъ. Всѣ классы народа прибѣгаютъ къ той же системѣ для облегченія и ускоренія работъ, но только между подданными одного начальника поддерживается взаимность.

Такъ какъ поля жителей Судана [3]) никогда не удобряются, и почва легка и песчана, то послѣ двухъ или трехлѣтней обработки жатва естественно уменьшается. Тогда расчищается другой участокъ, а прежній оставляется лежать подъ паромъ, пока новый участокъ не обнаружитъ признаковъ истощенія и снова не понадобится возвратиться къ обработкѣ стараго. Поля почти нигдѣ *не огоражи-*

[1]) Livingstone, op. cit. 110.
[2]) Casalis, op. cit 167—170.
[3]) J. Petherick. Egypt, the Soudan and Central Afrika, 1861, Lond. 167, 247 и 395.

ваются, а если это и дѣлается, то при помощи сухихъ вѣтвей деревьевъ, снятыхъ при расчисткѣ участка, со стороны ближайшей къ стану. Чтобы не дать скоту портить жатву, станъ обыкновенно располагается около мили разстоянія отъ обработанныхъ полей; и чтобы уменьшить рискъ отъ потравы (?), поля *не изолированы, не раздѣлены*, но всѣ граничатъ одни съ другими... Въ Кордофанѣ нѣтъ никакихъ плетней между полями... Обезпечивъ свою жатву, Джуры въ *большомъ* числѣ, отправляются искать желѣзную руду.

У Бареа и Кунама въ Абиссиніи, по словамъ Мюнцингера [1]), не водится, какъ онъ находилъ *въ другихъ мѣстахъ*, чтобы цѣлое общество пахало одно поле и раздѣляло межъ собою жатву, и это предупреждаетъ многіе споры; нигдѣ одно поле не принадлежитъ двумъ господамъ. Если два хозяина соединяютъ своихъ быковъ въ одно ярмо, то сегодня работаютъ на полѣ одного, а завтра другого (а если поля собственность общины?). Мужчины, женщины, дѣти, богатые и бѣдные, старые и молодые, никто не отказывается отъ полевыхъ работъ. Пастьба скота, охрана восходящаго посѣва, плодовъ и жатвы суть общія работы обоихъ половъ, но у Богосовъ женщина отъ полевыхъ работъ свободна. Бареа и Кунама пашутъ быками и коровами, не оставляя въ покоѣ даже молочныхъ коровъ.

По словамъ Винтерботтома, [2]) въ Сіерра-Леоне обработка полей выполняется сообща цѣлыми деревнями, и жатва дѣлится по числу сотрудничавшихъ между собою членовъ семействъ или по потребности каждаго. Тотъ же обычай существуетъ на Фернандо-По и у Іолофовъ и когда то существовалъ на Золотомъ Берегу [3]), гдѣ въ настоящее время вѣроятно вышелъ изъ употребленія, вслѣдствіе возвышенія цѣнности земли.

Объ общихъ работахъ въ Египтѣ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

На Цейлонѣ каждая община сама исправляла свои каналы и цистерны и собирала по двѣ жатвы въ годъ *соединеннымъ трудомъ* всѣхъ своихъ членовъ.

Относительно общинныхъ работъ на Явѣ и на другихъ островахъ Малайскаго архипелага можно найти свѣдѣнія въ нашей статьѣ «Государство и община въ Нидерландской Индіи», Отеч. Зап., мартъ 1881 года.

Въ деревняхъ сѣвернаго Целебеса, замѣчаетъ А. Уалласъ [4]), кофейныя плантаціи и рисовыя поля обработываются сообща. Началь-

---

[1]) W. Munzinger: Ostafricanische Studien. Schaffhausen 1864, 481—2.
[2]) Winterbottom. Account etc. of. Sierra-Leone, 1805, 76.
[3]) Waitz, Anthropologie, II, 84.
[4]) Civilisation in Northern Celebes (Transact. of the Ethnogr. Society o London. New Series IV, 65).

никъ и нѣсколько стариковъ рѣшаютъ, въ какіе дни недѣли требуется работать на нихъ, и гонгъ бьетъ въ 7 часовъ утра сборъ рабочимъ. Мужчины, женщины и дѣти совмѣстно работаютъ по очисткѣ сорныхъ травъ, сбору кофе и жатвѣ рису; почасовой работѣ каждаго семейства ведется счетъ, и когда собрана жатва, каждый получаетъ соотвѣтствующую долю.

Тѣ кооперативныя общества, говоритъ г. Ковалевскій [1]), о которыхъ упоминается въ ст. 20 книги IX Ману, какъ о соединеніи людей, имѣющемъ цѣлью содѣйствовать своимъ трудомъ успѣху общаго предпріятія, уже однимъ фактомъ своего существованія указываютъ на распространеніе въ Индіи съ древнѣйшихъ временъ не только начала общиннаго владѣнія землею, но и общинной эксплуатаціи послѣдней членами родовыхъ союзовъ... Сверхъ того, существованіе родовой общины въ Индіи еще за четыре вѣка до Р. Хр. прямо доказывается приводимымъ у Страбона свидѣтельствомъ генерала Александра Македонскаго Неарха, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Индіи встрѣтилъ обработку земли цѣлыми рядами, дѣлившими между собою къ концу году продукты урожаевъ, точь въ точь, какъ это имѣетъ мѣсто еще и въ наше время въ немногихъ, правда, общинахъ сѣверно-западной Индіи.

Грандіозную систему общественныхъ земледѣльческихъ работъ представляетъ исторія Китая. «Слова Менгъ-чу», говоритъ Платъ [2]), «предполагаютъ въ древности надѣлъ земель всѣмъ земледѣльцамъ отъ государства. Въ древнѣйшее время не было никакой частной собственности, но вся земля принадлежала государству (т. е. большой общинѣ, соединенной главнымъ образомъ системою канализаціи и орошенія) которое распредѣляло ее между земледѣльцами, принимая во вниманіе плодородіе земли и численность членовъ семействъ... Въ маленькомъ календарѣ Гіа говорится слѣдующее: «надсмотрщикъ за земледѣліемъ (нунгсо) распредѣляетъ равномѣрно поля (весною)». Что участки въ государствѣ правильно распредѣлялись между народомъ, и что народъ перемѣщался съ мѣста на мѣсто, это обнаруживается изъ многихъ мѣстъ древнихъ писателей; но обыкновенно земля оставалась за народомъ, если политическія соображенія или неурожай не побуждали къ перемѣщенію... Лингсе (также родъ правительственныхъ надсмотрщиковъ) сбирали въ деревняхъ хлѣбъ, который доставляла *общая работа*, точно также какъ хлѣбъ съ домовъ, поступавшій въ видѣ штрафа, если кто либо не работалъ

[1]) Общинное землевладѣніе, 92 и 101—102. См. также **Elphinstone. History of India. Lond.** 1865, 72: „Въ нѣкоторыхъ деревняхъ права землевладѣльцевъ осуществляются сообща, всѣ работаютъ на общину и раздѣляютъ между собою чистый продуктъ, удовлетворивши требованія правительства“.

[2]) **Plath. Die Beschäftigungen der alten Chinesen**, 7, 12. 17, 33.

и налогъ съ людей, не имѣвшихъ прочнаго призванія. По Шолю, выручка съ поля отъ совмѣстной работы сдавалась должностнымъ лицамъ хлѣбныхъ магазиновъ, публичныхъ складовъ лингъ-чу, ше-чу и цингъ-чу. Они дѣлали изъ этого хлѣба ссуды поселянамъ подъ долговыя росписки, изготовлявшіяся въ двухъ экземплярахъ; они распредѣляли хлѣбъ весною между всѣми нуждающимися, а осенью получали его обратно... Вся полевая работа была на основаніи вышесказаннаго отправляема подъ надзоромъ и руководствомъ надсмотрщиковъ за земледѣліемъ, такъ что частному производителю оставалось мало мѣста. У одного древняго писателя говорится: «въ первый мѣсяцъ весны императоръ предписываетъ приниматься за полевыя работы и велитъ надсмотрщикамъ за земледѣліемъ осмотрѣть границы въ предмѣстьяхъ мѣстности, осмотрѣть дороги и привести ихъ въ порядокъ, присмотрѣть въ точности за холмами, горами, склонами, покатостями, долинами и низинами, чтобы установить различіе, что нужно для почвы, и гдѣ можно получить самъ-5 и научить народъ правиламъ. Они должны быть лично на мѣстѣ и все имѣющее отношеніе къ земледѣлію регулировать заботливо. Когда земледѣльцу изложено правило, онъ болѣе не находится въ неизвѣстности. Въ первые мѣсяцы зимы императоръ предписываетъ 100 должностнымъ лицамъ позаботиться о собираніи запасовъ въ житницы; лица эти должны присмотрѣть всюду, чтобы люди собрали все, поправили пограничные барьеры, входы и мосты и заперли поперечныя дороги. Потомъ приносятся жертвы предкамъ, императоръ проситъ небо и духа-охранителя имперіи послать ему счастливый новый годъ. Крестьянамъ даютъ праздникъ и приглашаютъ ихъ отдохнуть. Каждый долженъ свое частное поле обработывать исправно и въ области объемомъ въ 30 ли, 10.000 земледѣльцевъ, обработывающихъ поля, должны работать на каждомъ по два вмѣстѣ... Надсмотрщики за посѣвами—сеекіа, по Тчеу-ли, имѣютъ власть надъ посѣвомъ полей; они различаютъ своевременно и поздно поспѣвающіе посѣвы, знаютъ всѣ ихъ названія, и какая почва соотвѣтствуетъ каждому. Они составляютъ объ этомъ таблицы и выставляютъ ихъ въ подраздѣленіяхъ страны. Они посѣщаютъ участки и повѣряютъ посѣвы, подтверждаютъ хорошій или дурной урожай года, и составляютъ сообразно этому регламентъ для взиманія податей, которыя уменьшаются, если жатва, вслѣдствіе засухи или наводненія, была плоха. Эти-же должностныя лица уравниваютъ потребленіе народа, приходятъ въ случаѣ нужды къ нему на помощь и регулирютъ трудъ.

«Главное занятіе народа—земледѣліе; громадное перенаселеніе страны [1]) принудило жителей довести эту отрасль народнаго

[1]) R. Werner. Die preuss. Expedition nach China, Japan etc. L. 1863, III, 272.

хозяйства до такого совершенства, которое возбуждало уже удивленіе самыхъ раннихъ посѣтителей страны и все еще заслуживаетъ уваженія, хотя, подобно многому другому въ царствѣ Средины, часто подвергается преувеличеніямъ. Нельзя отрицать, что китайцы превзошли насъ въ умѣньи извлекать наибольшую выгоду изъ плодородной земли, но они остаются позади насъ, когда идетъ рѣчь объ улучшеніи безплодной почвы. Первымъ они обязаны частью, лучшей обработкѣ почвы, частью, удобренію и обращенію съ посѣвомъ. Земледѣліе въ Китаѣ можетъ быть гораздо вѣрнѣе названо садоводствомъ; всѣ поля производятъ впечатлѣніе садовыхъ грядъ, и рисъ, замѣняющій нашъ хлѣбъ, не сѣется, а сажается былинка за былинкой. Подобный способъ можетъ быть однако употребляемъ только въ странѣ, какъ Китай, гдѣ трудъ такъ необычайно дешевъ и гдѣ нѣтъ *крупнаго* землевладѣнія. Земледѣліе въ большихъ размѣрахъ неизвѣстно; каждая семья обладаетъ, и обыкновенно въ непосредственной близости отъ дома, такимъ количествомъ земли, чтобы жить ея продуктами, и, быть можетъ, излишкомъ ея удовлетворять свои другія потребности. Этому участку земель посвящается совокупная дѣятельность его владѣльцевъ, и онъ обработывается такъ, какъ у насъ совершенно невозможно, потому что работа гораздо дороже. Деревни, большею частью, построены весьма просторно, такъ какъ всякій крестьянскій дворъ, какъ замѣчено выше, непосредственно окруженъ принадлежащей къ нему землей» [1]).

Отсюда однако ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ заключать, что китайское земледѣліе настоящаго времени ведется мелкими крестьянами-*собственниками*. Ниже мы увидимъ, что значеніе при-

---

[1]) Тотъ-же взглядъ на китайское земледѣліе высказывается другимъ остроумнымъ и образованнымъ путешественникомъ Барроу, и слѣдовательно можетъ быть признанъ вполнѣ вѣрнымъ. „Говоря вообще, если я долженъ высказать свое мнѣніе о томъ, какими заслугами обладаютъ китайцы въ земледѣліи, то я не постою за утвержденіемъ, что, еслибы кому либо изъ китайскихъ крестьянъ дали столько земли, сколько могъ бы вскопать лопатой онъ самъ съ своимъ семействомъ, то онъ воспользовался бы землею лучше и произвелъ бы болѣе предметовъ для существованія человѣка, чѣмъ любой европеецъ. Но если бы отдать въ Китаѣ какому либо фермеру отъ 50 до 100 моргеновъ лучшей земли за умѣренную плату, то я утверждаю, что онъ будетъ не въ состояніи возвратить сумму этой платы втрое, на что обыкновенно расчитываетъ британскій фермеръ, и врядъ ли будетъ въ состояніи поддержать свое семейство, заплатившн требуемую заработную плату за обработку земли. Собственно говоря, въ Китаѣ вовсе не существуетъ **крупныхъ арендныхъ имѣній**. Жители пользуются всѣми выгодами, связанными съ тѣмъ, что земли распредѣлены довольно **равномѣрно**, выгодами, дѣйствіе которыхъ, быть можетъ, стало бы соотвѣтствовать ожиданіямъ тѣхъ, которые расположены въ пользу подобной системы, если бы онѣ не были перевѣшиваемы тѣми условіями, которыхъ не встрѣчаютъ монополистическіе фермеры въ Британіи. Одно изъ такихъ условій есть обыкновеніе почти въ каждой части страны собираться въ города и въ деревни, такъ что въ лежащей

надлежности земли государству продолжаетъ еще сохраняться въ Китаѣ, да и было-бы странно, если бы это было иначе въ такой странѣ, гдѣ вся система орошенія по прежнему завѣдывается государствомъ и его должностными лицами. Притомъ, даже отдѣльныя семьи крестьянъ настолько многочисленны, что сами по себѣ представляютъ маленькія общины.

Мы не станемъ здѣсь перечислять многочисленныхъ общинныхъ земледѣльческихъ работъ, встрѣчающихся въ Россіи и въ юго-славянскихъ областяхъ, каковы сѣнокошеніе, общественныя запашки, помочи и т. п., полагая, что относящіеся сюда факты достаточно извѣстны читателю, а ограничимся двумя, тремя примѣрами. Ниже мы увидимъ, что даже при выдѣленіи пахотныхъ участковъ въ отдѣльную собственность, но съ удержаніемъ въ силѣ трехпольной системы, земледѣліе во многихъ отношеніяхъ продолжаетъ сохранять характеръ общинной работы. Уже по одной этой причинѣ не можетъ быть отказано въ громадномъ экономическомъ значеніи общиннымъ земледѣльческимъ работамъ въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ пахотная земля еще, большею частью, подвергается передѣламъ.

По праздникамъ, говоритъ г. Вильеръ [1]), зажиточные крестьяне Лужскаго у. С.-Пет. губ. деревни Княжей Горы собираютъ сосѣдей на «помочь» или на «толоку». Это дѣлается для того, чтобы пользуясь хорошей погодой сжать разомъ хлѣбъ, скосить траву, убрать сѣно по высушкѣ въ стоги или въ скирды. Помоча не работаютъ безплатно, а за хозяйскій обѣдъ, паужинъ и ужинъ и за угощеніе вечеромъ, по окончаніи работы. Въ сентябрѣ, когда хлѣбъ у нѣкоторыхъ крестьянъ уже вымолоченъ, опять настаетъ время помочей. Женщины и дѣвки собираются всѣ вмѣстѣ у каждаго хозяина въ деревнѣ по очереди. Одни «крошутъ» капусту, т. е. отдѣляютъ «хряпу» отъ «сѣраго» (листа) и отъ валовъ и кладутъ каждый сортъ въ отдѣльные чаны, называемые «дошниками». Другія рубятъ капусту въ этихъ чанахъ сѣчками... Помочи для корошенія капусты продолжаются недѣли двѣ. При рубкѣ и корошеніи капусты дѣвки поютъ пѣсни. Какъ только кончаются эти помочи, начинаются другія для мятья льна, продолжающіяся также недѣли двѣ... Зимою дѣвки собираются послѣ ужина на «супрядку». Такъ называется

между ними странѣ часто не найдешь ни одного жилья; причиною этого обыкновенія является страхъ шаекъ разбойниковъ, которые нападаютъ на слабые и беззащитные поземельные участки. Слѣдствіе подобной системы то, что тогда какъ земли у деревень обработаны чрезвычайно хорошо, отдаленныя земли почти совершенно безполезны; ибо, не имѣя никакихъ рабочихъ животныхъ, они предприняли бы безконечный трудъ, если бы стали носить на себѣ удобреніе на эти поля, а произведенія ихъ обратно въ деревню". I. Barrow. Reise durch China. Weimar 1804 (перев.) стр. 255.

[1]) Зап. И. Р. Г. Общ. Т. IV, Спб. 1871. „Деревня Княжая Гора".

общее пряденіе дѣвушекъ. Сюда приходятъ къ нимъ парни изъ сосѣднихъ деревень. Иногда они ставятъ свѣчку, одну, много двѣ, и то, большею частью, если пришли сватать дѣвку. Парни ходятъ вокругъ съ дѣвушками, играютъ въ гармонь, а дѣвки пляшутъ. Если дѣвка встала, и парень сѣлъ на ея прялку, то дѣвка должна ее выкупить, поцѣловавъ три раза мальца. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ не прядутъ, а гуляютъ въ той-же избѣ. По субботамъ то же не прядутъ. Лѣтомъ дѣвки выжигаютъ полосу хозяина избы, въ которой они собирались на супрядку. Супрядки продолжаются до Великаго поста, съ этого времени дѣвки ткутъ каждая въ своей избѣ.

Въ Малороссіи [1]) изъ числа общинныхъ работъ находятся въ употребленіи: 1) оранка; два или три хозяина спрягаются вмѣстѣ и затѣмъ пашутъ то у одного, то у другого. При этомъ математической точности не соблюдается; у кого больше земли и сѣмянъ, у того больше и выорутъ, разумѣется, съ общаго согласія, безъ всякаго вознагражденія; 2) толока; при полевыхъ работахъ лѣтомъ, а также и зимою при вывозкѣ сѣна и лѣса сзывается толока. Иногда нѣсколько хозяевъ сговариваются и помогаютъ другъ другу; харчи и вино поставляетъ тотъ, у кого работаютъ. Другого рода толока сзывается болѣе зажиточными людьми, которымъ работаютъ за хорошее угощеніе; 3) парубоцкая громада.

Особенность южной полосы Самарской губерніи, говоритъ г. Матвѣевъ [2]), гдѣ вообще въ употребленіи не соха, а плугъ—это болѣе крупныя семьи. Эта особенность сложилась подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій хозяйства: чтобы орать цѣлину южной полосы плугомъ, нужно довольно значительное количество рабочаго скота, которымъ мало-тягольная семья располагать не можетъ.

Жители Курганскаго округа и другихъ мѣстностей средней и южной Сибири [3]) соблюдаютъ при молотьбѣ слѣдующія правила: «они кладутъ снопы сушенаго хлѣба въ два ряда, комлями или соломою внутрь, съ колосьями въ наружную сторону; тогда въ два ряда молотятъ, двигаясь взадъ и впередъ. Въ это время старушки и дѣти раскладываютъ другой такой-же рядъ сноповъ, и когда молотильщики переходятъ къ другому разложенному ряду, то тѣ-же старухи идутъ къ перемолоченному первому ряду, выбираютъ солому или переворачиваютъ снопы, чтобы еще помолотить, если въ колосьяхъ еще остались зерна».

---

[1]) Зап. Р. И. Г. Общ. по отдѣл. этногр. Т. II, Спб. 1869. П. Чубинскій. „Очеркъ юрид. обыч. въ Малороссіи".

[2]) Очерки народн. юридич. быта Самарск. губ. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. VIII, 1878, 16.

[3]) Отеч. Записки" 1876, май, „Записки барона А. Е. Розена", 17—18.

У якутовъ [1]) нѣкоторыя работы исполняются помочами. Хозяинъ помочей обязанъ приготовить для помочанъ завтракъ и сытный обѣдъ, съ приличнымъ количествомъ кумыса или водки. На помочь, гдѣ не предвидится этихъ напитковъ, народу собирается не много, да и то такого, который—плохой работникъ, «не стоитъ своего горла», по мѣстному выраженію. При жатвѣ хлѣба на помочи сбираются только однѣ женщины, угощеніе которыхъ состоитъ изъ чая или саламаты или заварухи.

Въ Болгаріи [2]) часто устраиваются такъ называемые тълки (помочь, толока). Всѣ работаютъ въ пользу пригласившаго. Обыкновенно на тълкѣ выбирается кукуруза, прядутъ или ткутъ; но иногда тълки устраиваются и для полевыхъ работъ, т. е., для жатвы, молотьбы и пр. Домачинъ устраиваетъ приглашеннымъ ужинъ. Всѣ гости хорошо одѣты, играютъ и поютъ. Оджаковъ разсказываетъ, что по народному мнѣнію, нѣкоторыя полевыя работы необходимо должны совершаться всѣмъ селомъ; сюда, между прочимъ, относится сажанье винограда. На эту работу сзываются всѣ односельчане и знакомые, а также дѣвушки, чтобы веселѣе было работать и собирается столько народа, что вся работа оканчивается въ нѣсколько часовъ. Когда работа окончена, то пригласившій угощаетъ всѣхъ виномъ, а потомъ приглашаетъ ихъ въ свой домъ, гдѣ работавшіе ѣдятъ, пьютъ и веселятся до глубокой ночи.—Здѣсь-же въ большомъ обыкновеніи товарищества для баштованья, т. е. для воздѣлыванія лука и овощей на нанятой землѣ. Для этой цѣли образуется артель въ 10—30 человѣкъ съ капиталомъ и 500—1000 дукатовъ подъ начальствомъ главаря. Работа совершается обыкновенно въ товариществѣ, наемную плату вносятъ всѣ вмѣстѣ и по внесенной суммѣ пользуются частью дохода. Всякій, находящійся въ части, вноситъ залогъ не менѣе 25% со стоимости его части. Работы совершаются подъ присмотромъ главаря, онъ производитъ расходы и собираетъ всѣ вырученныя деньги. Когда работы окончены и все распродано, артель собирается, и доходъ раздѣляется между участниками по частямъ; въ случаѣ убытка онъ падаетъ на всѣхъ артельщиковъ, которые обязаны возвратить главарю затраченные имъ деньги. Кромѣ баштованья такія-же артели собираются въ Старой Планинѣ и отправляются въ Добруджу жать жито у турокъ. Въ нихъ участвуютъ подъ начальствомъ *драгомана* или *войводы* парни, дѣвушки и подростки. Работаютъ въ Болгаріи также и «*на*

---

[1]) Н. А. Костровъ. Очерки юрид. быта якутовъ. Зап. И. Г. О. по отдѣл. этногр. VIII, 1878, 288. У лопарей и кореловъ также бываютъ помочи по постройкѣ домовъ. Ср. статьи А. Ефименко.

[2]) Зап. И. Р. Г. Общ. по отдѣл. этнографіи, Гл. IV; Спб. 1871. Юридическій бытъ болгаръ (по Богишичу) Майнова, 604 и сл.

зарядъ». Это бываетъ тогда, когда нѣсколько семействъ сговариваются совершить нѣкоторыя работы вмѣстѣ. Часто идутъ на зарядъ съ лошадьми, волами и возами. Отъ *тълки* работа на зарядъ отличается тѣмъ, что договаривающіеся работаютъ другъ у друга и притомъ всѣ равномѣрно; работниковъ бываетъ при этомъ меньше чѣмъ на тълкѣ, именно 5, 6 и до 10 человѣкъ.

Въ Сербіи [1]), при снятіи жатвы *мобою* (родъ помочи и толоки), работы идутъ въ такомъ порядкѣ: «одни жнутъ, кладя пучки за себя, другіе подбираютъ эти пучки, третьи вяжутъ снопы, четвертые плетутъ для сноповъ веревки; сообразно съ самымъ раздѣленіемъ этого труда веревки плетутъ люди пожилые, снопы вяжутъ тѣ, у которыхъ мышцы поздоровѣе, собираютъ пучки ребятишки (лѣтъ до 17), а жнетъ народъ сильный, неустающій, — мужчины и женщины».

Такъ называемые сербы-граничары (на военной границѣ въ Австріи) ведутъ, какъ извѣстно, самое широкое задружное хозяйство [2]). Поля обработываются у нихъ мужчинами и женщинами сообща, но послѣднія имѣютъ во всемъ привилегію большей и болѣе тяжелой работы.

Въ Грузіи, говоритъ Гакстгаузенъ [3]), господствуютъ еще повсюду традиціонныя права и обычаи, основанные на соціальной жизни. Такъ какъ, напр., по большей части, въ плугъ необходимо впрягать отъ 8 до 10 паръ воловъ, то образовались прочныя земледѣльческія общества, въ которыхъ одинъ долженъ поставлять плугъ, другой пару быковъ и т. д. Поля всѣхъ дворовъ пашутся, вслѣдствіе этого въ строго опредѣленномъ порядкѣ и т. д.

Хотя каждая гуфа, говоритъ Ландау [4]), состоитъ изъ неизмѣннаго, потомственнаго участка, но этотъ участокъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ разсматривать, какъ неограниченную собственность; напротивъ, въ многоразличныхъ отношеніяхъ здѣсь проявляется ограниченіе права пользованія, и притомъ въ такой степени, что по отношенію къ ней можно справедливо говорить объ *общеніи* полей. Это общеніе выступаетъ уже въ томъ, что гдѣ порядокъ уравненія въ одномъ или во многихъ клинахъ (Gewände) измѣняется, эти послѣднія снова могутъ быть передѣлены на основаніи первоначальнаго дѣленія; но еще въ высшей степени замѣтно это общеніе въ отношеніи къ *пользованію* землями. Дѣленіе полей въ отдѣльности, точно также, какъ ихъ общее дѣленіе на *три поля*, смотря по перемѣнѣ рода хлѣба, дѣлало необходимымъ опредѣленный общій

---

[1]) Современникъ 1865, Т. CVIII, „Сербское село“, 136—137.
[2]) Caragoli. Ungarn, Militairgrenze, Slavonien, Croatien, Berl. 1832, I, 222.
[3]) Haxthausen. Transkaukasien, I, 77.
[4]) G. Landau. Die Territorien etc. Hamb. u. Gotha, 1854, 62—63.

порядокъ. Не въ волѣ отдѣльнаго человѣка заключается то, гдѣ онъ пожелаетъ посѣять яровой или озимый хлѣбъ; онъ связанъ извѣстнымъ расположеніемъ поля; во время оранія и жатвы онъ находится въ зависимости отъ своихъ сосѣдей, и что еще болѣе сообщаетъ всему этому общинный характеръ,—это отдыхъ, возвращаемый каждому полю въ каждый третій годъ и наступающее съ паромъ превращеніе пароваго поля въ пастбище для общинныхъ стадъ. Уже древнія Weisthümer постановляютъ не рѣдко, что время жатвы должно быть опредѣляемо старѣйшинами деревень. Въ одномъ швейцарскомъ отъ 1536 г. говорится, что «деревенскіе старѣйшины должны во время жатвы посѣщать поля, на которыхъ растутъ пшеница, овесъ, или другіе плоды, и, смотря по необходимости, запрещать или дозволять снятіе жатвы». Относительно пароваго поля (Staffelweide) крестьяне должны придти къ соглашенію, говорится въ другомъ Weisthum, и чего захочетъ большинство, тому и быть. Точно также должно зависѣть отъ большинства «начинать пользованіе паромъ». Леопольдъ въ своей «System der Thüringischen Landwirtschaft» приводитъ старообычное соглашеніе въ своемъ мѣсторожденіи Нордгаузенѣ: «Начиная съ заказного срока озимаго или ярового поля, не должно тамъ ни пасти, ни гонять скотъ; пока сѣмена не лопнули, не допускается кошеніе травы, и даже ведущія черезъ поле дорожки должны быть загорожены. Послѣ жатвы свиньи и гуси имѣютъ преимущество, и только послѣ нихъ являются коровы и овцы. Начиная съ Михаилова, дня никто не долженъ обносить поля своего плугомъ, вслѣдствіе общей пастьбы, и къ дню Мартина каждый долженъ быть готовъ съ обработкой озимаго поля. Наконецъ, никто не долженъ переносить ярового посѣва въ озимое поле, и наоборотъ». То же самое разсказываетъ проф. Ганнсенъ про сѣверо-фризскій островъ Сильтъ. Здѣсь всѣ поля одного клина въ прежнее время всегда обрабатывались и жались *одновременно*. Какъ только крестьянство принимало рѣшеніе взяться за ту или за другую работу, то въ назначенный для нея день давался знакъ, или посредствомъ звонка или тѣмъ, что крестьянскій фогтъ надѣвалъ свою красную шапку, знакъ своей должности, и заставлялъ трубить въ рогъ. Иногда, вмѣсто этого, онъ разсылалъ по домамъ объявленіе, обернутое вокругъ палочки—Thingwall. Тоже самое происходило при пастьбѣ на привязи и расчисткахъ, при пастьбѣ и запираніи скота, при рубкѣ лѣса и косьбѣ луговъ. Такъ, всѣ однородныя работы происходили въ *одинъ день*. Такимъ-же образомъ сообщаетъ Гакстгаузенъ (Die ländliche Verfassung der Provinzen Ost. und West-preussen, стр. 273, примѣч.), что еще въ настоящее время въ Альтъ-Маркѣ встрѣчаются общины, въ которыхъ каждый вечеръ сходятся отцы семействъ у деревенскаго старосты, чтобы посовѣтовать-

ся, что предпринять на слѣдующій день. Утромъ всѣ выходятъ въ одинъ часъ, не рѣдко ждутъ другъ друга, чтобы это произошло въ замкнутомъ порядкѣ и въ одно и тоже время возвращаются обратно. Таково дѣйствительное, въ особенности въ Германіи, искони существовавшее, объусловленное самою природою отношеній, общеніе полей.

Интересно также всеобщее распространеніе помочи или толоки. Приведемъ нѣсколько характерныхъ, относящихся къ этому предмету фактовъ, изъ сочиненія **Véron-Réville**, «**Le régime colonger en Alsace. Metz.** 1866». Въ Зюндгоффенѣ, «всякій житель обязанъ въ этотъ день обрабатывать земли сеньора съ тою сбруею, которую онъ обыкновенно употребляетъ для себя. Тотъ, у кого нѣтъ рабочаго скота, вооружится лопатой, чтобы удалять все, что могло бы мѣшать движенію плуга. Рабочіе получатъ на полѣ отъ мера, вмѣстѣ съ сѣномъ (для скота), сыръ и хлѣбъ, а въ тотъ часъ, когда хозяинъ возвратится домой обѣдать, имъ подадутъ два сорта говядины и два сорта вина». Въ Обергергхеймѣ, «когда исполняются эти повинности (?), мэръ помѣщаетъ на каждомъ концѣ поля по горшку, содержащему мѣру вина и по новому ковшу. Каждый плугъ получаетъ, кромѣ того, по бѣлому хлѣбу. Когда плуги возвращаются съ полей, мэръ даетъ имъ, сколько пожелаютъ, вина, жареной говядины и супу, съ хорошимъ ржанымъ хлѣбомъ. Если кто либо изъ колоновъ имѣетъ какую-либо вражду противъ мэра и отказывается идти къ нему въ дворъ, то мэръ пошлетъ ему домой два куска телятины, два куска жаркаго, кружку вина и хлѣбъ въ два су». Въ Аппенвиллерѣ: «если хозяинъ пренебрегаетъ подачей завтрака рабочимъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ право собрать снопъ, который можетъ удержать, не ломаясь, связка изъ ивы. Онъ возвращается домой, молотитъ пшеницу и несетъ зерно къ мельнику. Отъ него онъ идетъ къ булочнику, заказываетъ испечь себѣ хлѣбъ, и когда поѣлъ достаточно, то возвращается къ своему труду, если еще не наступила ночь». Или: «мэръ Кунгейма даетъ имъ вина, хлѣба и всего остальнаго; если они не довольны, онъ прибавитъ меду и пива; если у него нѣтъ меду, онъ нальетъ воды въ корзинку, въ которой недавно былъ улей, и подастъ имъ этого напитка. Онъ нальетъ также воды на снопъ овса: это будетъ для нихъ пиво и они должны будутъ имъ довольствоваться». Колоны Гюнингена, обязанные доставить вино, предназначенное базельскому капитулу, отправлялись за нимъ въ Ипштейнъ, во дворъ мэра, который былъ обязанъ давать имъ ѣсть и пить и «орѣховъ столько, чтобы имъ доставало до лодыжки». Потомъ они спускались по Рейну и отправлялись въ домъ прево. «Здѣсь», прибавляетъ общинный свитокъ, «имъ давали пить и ѣсть въ изобиліи, и напаивали ихъ такъ ловко, что они не могли дойти до лодки, иначе, какъ покачи-

ваясь». Авторъ подводитъ, правда, эти и другія подобныя работы подъ понятіе барщины, которую колоны должны были отбывать въ пользу сеньора въ вознагражденіе за предоставленныя въ ихъ пользованіе общинныя земли, но это онъ говоритъ очевидно, вслѣдствіе непониманія дѣла. Знай онъ параллельные факты изъ исторіи другихъ странъ, онъ, разумѣется, сказалъ бы другое.

Слѣдующій примѣръ [1]), повидимому, представляетъ намекъ на нѣчто въ родѣ общественной запашки. «24 мая 1572 г. было постановлено почтеннымъ совѣтомъ и всею общиною, что когда пожелаютъ работать сообща, то архитекторъ велитъ прозвонить три раза наканунѣ «au Salve» и на другой день поутру «à l'Angelus» еще три раза. Послѣ этого увѣдомленія каждый немедленно явится въ залу совѣта, снабженный своимъ топоромъ и лопатой, самъ или въ лицѣ взрослаго слуги. Работники послѣдуютъ послушно за архитекторомъ, какъ они должны, всюду, куда онъ ихъ поведетъ: они станутъ работать добросовѣстно, какъ на самихъ себя. Если кто либо не явится лично, или не пошлетъ вмѣсто себя способнаго рабочаго, то Антонъ Меттенбергеръ и Іоганнъ Гирценъ, назначенные для этого, возьмутъ у него немедленно залоги, которые сложатъ въ соляной магазинъ. Никто не будетъ изъятъ отъ общинной работы, если не представитъ въ оправданіе болѣзни или работы на сеньора. Для расчистокъ предшествующаго года будетъ установленъ день. Каждый долженъ помѣститься на своемъ участкѣ, чтобы можно было видѣть, всѣ ли кончили свой урокъ».

Въ числѣ повинностей фермера, говоритъ Мэнъ [2]) была одна—доставлять одного человѣка *на помощь* при сборѣ жатвы лорда. Въ древней Франціи крестьянинъ приходилъ лично, но въ Англіи все дѣло сошло на то, что фермеръ теряетъ день труда одного изъ своихъ рабочихъ; но лордъ однако не въ выигрышѣ отъ этого, потому что посланный къ нему рабочій дѣлаетъ по возможности меньше, и, по обычаю, имѣетъ право на обѣдъ, который стоитъ больше, чѣмъ цѣнность его труда въ самомъ лучшемъ случаѣ.

Сколько можно судить изъ приведенныхъ фактовъ, «помочь» или «толока» составляетъ переживаніе первоначальныхъ общинныхъ работъ, исполнявшихся въ пользу всей общины. Въ этомъ убѣждаетъ какъ праздничный характеръ работъ этой категоріи, одинаково встрѣчающійся у перуанцевъ, какъ и у бассутовъ, у сербовъ, какъ и у англичанъ, такъ и то обстоятельство, что они отправляются въ

---

[1]) Bonvallot. Coutumes de la Haute-Alsace, dite de Ferette, Colmar. Paris 1870, 211.

[2]) Maine. The Decay of Feudal Property in France and England. Fortnightly Review, 1877, 468—9.

пользу старѣйшины, сеньора, лорда. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, старѣйшина является олицетворителемъ общины, коль скоро сама община расчленилась до такой степени, что стала нуждаться въ особой объединительной власти или функціи. Практически, общинная работа на старѣйшину представляетъ одинъ изъ первоначальныхъ видовъ налога, или, что то же, вознагражденія за отправленіе означенной объединительной функціи.

Діодоръ Сицилійскій [1]) разсказываетъ, что книдяне и родяне колонизировали Липарскіе острова къ сѣверу отъ Сициліи. «Такъ какъ они сильно терпѣли отъ Тирренскихъ пиратовъ, то они вооружили суда, чтобы защищаться противъ этихъ вторженій и раздѣлились на два отдѣльные класса; одинъ принялъ на себя обязанность обрабатывать земли острова, которыя объявили общею собственностью; другому была ввѣрена забота о защитѣ. Сложивъ такимъ образомъ въ одно цѣлое всю свою собственность, и *обѣдая вмѣстѣ за общественными столами*, жители острововъ жили общиною въ теченіи многихъ лѣтъ; но впослѣдствіи они раздѣлили между собою земли Липари, гдѣ находился ихъ городъ; что касается другихъ острововъ, то ихъ продолжали обработывать сообща. Наконецъ они пришли къ тому, что раздѣлили и всѣ острова на 20 лѣтъ; по истеченіи этого срока, они снова бросали жребій».

Существованіе общинныхъ формъ землевладѣнія, а, вмѣстѣ съ ними и общинныхъ работъ, въ средневѣковой Франціи подтверждается во множествѣ тогдашнихъ кутюмовъ. Заимствуемъ нѣсколько примѣровъ у Бонмера [2]). «Ассоціаціи существовали, говоритъ онъ, tacite, даже принудительно, благодаря одному факту общаго сожительства годъ со днемъ. Члены ассоціаціи назывались parsonniers отъ стараго французскаго слова partçon. Они жили и ѣли вмѣстѣ, отъ одной краюхи хлѣба, общую хлѣбъ-соль,—compani; compaing, copain, какъ еще говорится въ иныхъ школахъ, изъ общаго горшка и на общій счетъ. Кутюмъ Барри требуетъ, чтобы жилище и расходы были у нихъ общіе; кутюмъ Бурбонне говоритъ о смѣшеніи имуществъ;—Пуату, что каждый изъ нихъ долженъ внести свое имущество въ общее дѣло хозяйства. Говоря вообще, всѣ свободныя лица, пользующіяся своими правами, становились при описанныхъ условіяхъ «единымъ цѣлымъ, сообщинниками въ дви-

---

[1]) См. P. Violet. Caractère collectif des premières proprietés immobilières. Bibl. de l'école des Chartes. Paris 1872, p. 467. Эта прекрасная статья, въ которой авторъ, между прочимъ, доказываетъ слѣдующія два важныя положенія: 1) что существованіе у древнихъ народовъ общихъ столовъ служитъ указаніемъ на общинное поземельное владѣніе и 2) что такимъ-же указаніемъ служатъ неотчуждаемость и раздѣлъ земли у древнихъ, переведена нами на русскій языкъ и помѣщена въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1882 годъ.

[2]) E. Bonnemère. Histoire de l'association agricole. Paris, 1850, 22 и слѣд.

жимости, наслѣдствѣ и завоеваніи». Однако, нѣкоторые кутюмы, напр. шатонёвскій въ Тимерре, шартрскій, дрёзскій требуютъ, чтобы между соучастниками ассоціаціи существовало родство. Кутюмы орлеанскіе, монтаржійскіе настаиваютъ на явочномъ договорѣ или за подписью лицъ, и, за исключеніемъ случая спеціальнаго соглашенія, общеніе не простирается на недвижимое и на наслѣдственное имущество. Впрочемъ, на права каждаго могли оказывать вліяніе частныя условія. Такъ, напр. въ овернскомъ кутюмѣ: «всѣ договоры и условія, какъ относительно наслѣдства, такъ и иные, взаимные или нѣтъ, изложенные и утвержденные въ контрактѣ общей ассоціаціи, устроенной и поставленной на ноги лицами, способными къ заключенію договоровъ, не больными... законны, дѣйствительны и обязательны для заключившихъ эту ассоціацію или ихъ потомковъ». Въ другихъ случаяхъ это была дѣйствительная ассоціація капитала и труда, какъ, напр., въ кутюмѣ Пуату: «общество можетъ учредиться такъ, что одинъ изъ его членовъ внесетъ въ него свой трудъ и свое имущество, а другой только трудъ или только имущество». Кутюмъ епископства и графства Верденскаго также признаетъ ассоціацію съ различными взносами. Эта черта пропорціональности ясно указывается въ слѣдующей выдержкѣ изъ комментаріевъ юрисконсульта Муленскаго, помѣщенныхъ въ означенномъ кутюмѣ: «есть другой родъ универсальнаго общенія, который установляется ими посредствомъ брачнаго или иного договора относительно всего ихъ движимаго и недвижимаго имущества, такъ что вся собственность, которую пріобрѣли договаривающіеся, входитъ всецѣло въ общеніе, и, въ случаѣ ликвидаціи таковаго, снова раздѣляется между ними, соотвѣтственно долямъ и паямъ, ими усвоеннымъ, точно также какъ и движимость и доходы, пріобрѣтенные во время существованія означеннаго общенія, хотя бы кто изъ участниковъ или сочленовъ и не имѣлъ никакого наслѣдственнаго имущества во время учрежденія общины; наши крестьяне называютъ эту ассоціацію—s'affilier (усыновлять), такъ какъ доля того, кто принимается въ общину, регулируется обыкновенно числомъ дѣтей, и онъ получаетъ часть подобную части каждаго изъ нихъ». Существованіе этихъ земледѣльческихъ общинъ было въ средніе вѣка и даже до XVIII столѣтія не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Вотъ нѣсколько цитатъ, которыя не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ орлеанскихъ кутюмахъ 1704 г. говорится слѣдующее: «въ прежнее время въ этомъ королевствѣ было *общимъ обычаемъ* учреждать молчаливое общество между многими живущими лицами, пребывающими вмѣстѣ годъ и день, какъ сказано въ великомъ Coutumier, составленномъ во времена Карла VI». Тамъ-же читаемъ: «молчаливое общество особенно употребительно между жителями деревень,

среди которыхъ имѣются большія семейства, живущія въ общеніи и имѣющія начальника, который даетъ предписанія и приказы и обыкновенно бываетъ самый старшій изъ нихъ, какъ легко видѣть въ Барри, Ниверну, Бурбоннэ, Ксантонжѣ и въ другихъ мѣстахъ». Въ прежнія времена молчаливое общеніе между лицами (кромѣ супруговъ), живущими вмѣстѣ на общій кошелекъ и расходы, составляло всеобщій обычай королевства, какъ то доказываетъ авторитетъ Бомануара, учителя Езебія Лоріерскаго въ его диссертаціи въ концѣ сочиненій Луазеля, фоліантъ 12 и 13 (Commentaires sur la coutume de la Rochelle, par M. R. I. Valin)»... «Ибо, повидимому, существовалъ *родъ необходимости* примѣнять этотъ обычай къ пользованію полями, гдѣ эти общины или товарищества встрѣчаются такъ часто даже въ кутюмахъ, которые не говорятъ о нихъ (Traité de la communauté par D. Lebrun)». «Эти ассоціаціи были прежде весьма часты и весьма полезны, но въ настоящее время употребленіе ихъ не очень значительно (De Ferrière, Diet de droit)». «Источникъ происхожденія общинъ жителей, какими мы ихъ видимъ *въ настоящее время*, не извѣстенъ какъ слѣдуетъ», говоритъ Денизаръ (1768). Во всякомъ случаѣ, авторъ не затрудняется приписать имъ происхожденіе только что упомянутое.

Слѣдующая цитата, относящаяся также къ XVIII столѣтію, сводитъ все дѣло на пользы и выгоды короля и сеньора, какъ это дѣлалось въ тѣ времена неоднократно: «что касается до деревенскихъ общинъ», говоритъ «Новый французскій практикъ» 1712 года,—«то многіе полагаютъ, что они не могутъ продавать или отчуждать своихъ луговъ или общиннаго имущества, которое состоитъ только въ ихъ пользованіи, и собственность на которое принадлежитъ королю или сеньору, уступившимъ имъ таковое, чтобы привлечь обитателей на свою землю, дать имъ средства придать ей цѣнность и прокармливать на нихъ животныхъ, и слѣд., что нынѣшніе жители не могутъ продавать ихъ въ ущербъ тѣмъ, которые придутъ вслѣдъ за ними, подъ опасеніемъ, чтобы земли не сдѣлались безплодными и пустынными за недостаткомъ этихъ удобствъ». Имя серва тогда измѣнилось, онъ сталъ называться вилланомъ,—отъ villa, compagne, village. Общинный домъ принялъ названіе celle, cella, cellula—тѣсный домъ, единица жилья. «Такъ какъ дитя, находящееся въ celle (т. е. живущее съ отцомъ и матерью), исключало изъ наслѣдства своего брата, который жилъ внѣ celle, то и сеньоры исключали дѣтей, жившихъ внѣ celles изъ наслѣдства ихъ отца (De Laurière)». Это подтверждаетъ, говоритъ Бонмеръ, что дѣйствительно *нужно* было жить въ ассоціаціи, чтобы имѣть право на наслѣдство. Иными словами, община была свободная ассоціація, которую сеньоръ терпѣлъ и поощрялъ въ виду большей вѣр-

ности и правильности, оказываемыхъ ея членами услугъ. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Мэнъ [1]), что эти ассоціаціи вовсе не были добровольными товариществами, а представляли группу родственниковъ; каждая изъ нихъ была тѣмъ, что индусы называютъ соединенною и нераздѣльною семьею, собраніемъ предполагаемыхъ потомковъ одного общаго предка, поддерживающихъ общій очагъ и общій столъ въ теченіи многихъ поколѣній. Перехода отъ нея земли къ лорду по смерти не могло быть потому, что подобная корпорація *никогда* не умираетъ, и наслѣдство въ ней вѣчно. Сеньоръ и лордъ наслѣдовали землю только послѣ тѣхъ фермеровъ, которые держали ее отдѣльно. Относительно же ассоціаціи вилланов часто упоминается, что лордъ не получаетъ обратно ихъ земли, потому что находитъ вознагражденіе въ ихъ большей способности отбывать его повинности. Иными словами, захвативши власть надъ общиной, гг. лорды и сеньоры и ихъ приспѣшники—юристы хотѣли увѣрить самихъ себя, что община обязана своимъ существованіемъ только тѣмъ выгодамъ, какія она приноситъ своимъ господамъ.

Значительное число деревень до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о существованіи этихъ общинъ жителей и сохранило имена **celle, celles, cellelle**. Такія наименованія встрѣчаются въ Обѣ, Алліе, Луаръ и Шерѣ, Эндрѣ, Пюи-де-Домѣ, двухъ Севрахъ и пр. Что касается до самой организаціи этихъ земледѣльческихъ общинъ, то въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее мѣсто изъ одного стараго писателя и юрисконсульта Ніевры, Гюи Кокилля, который заслужилъ названіе *справедливаго*: «слѣдуя древнему установленію полеваго хозяйства въ странѣ Ніевры, которая представляетъ дѣйствительное мѣстопребываніе и источникъ происхожденія мызъ, многія лица должны быть соединяемы въ одно семейство, чтобы вести это весьма затруднительное и состоящее изъ многихъ отправленій хозяйство въ странѣ, самой по себѣ весьма неудобной для обработки; одни обработываютъ землю и присматриваютъ за быками, и обыкновенно въ плугъ впрягается до шести быковъ, другіе предназначены для присмотра за коровами и молодыми жеребятами въ поляхъ, третьи—для ухода за овцами и баранами, четвертые—за свиньями. Эти семейства, составленныя такимъ образомъ изъ многихъ лицъ, изъ которыхъ каждый занятъ соотвѣтственно своему возрасту, полу и способностямъ, управляются однимъ лицомъ, которое носитъ имя господина общины, избирается въ эту должность другими, даетъ предписанія всѣмъ другимъ и ведетъ дѣла, возникающія въ городахъ, на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ; это

[1] H. S. Maine: Lectures on the early history of institutions, Lond. 1875, 6—7.

же лице имѣетъ право налагать на своихъ сочленовъ обязательства по движимому имуществу, относящіяся къ интересу всей общины, и оно же назначается въ сборщики налоговъ и субсидій; на основаніи этихъ доказательствъ не трудно понять, что эти общины суть дѣйствительныя семейства и товарищества, которыя, съ точки зрѣнія науки, представляютъ какъ-бы тѣло, составленное изъ многихъ членовъ, какъ бы ни были отдѣлены эти члены одни отъ другихъ; они составляютъ одно тѣло посредствомъ братства, дружбы и экономической связи». «Въ этихъ общинахъ заботятся о дѣтяхъ, которыя еще ничего не умѣютъ дѣлать, въ той надеждѣ, что они выучатся въ будущемъ; заботятся о тѣхъ, которые находятся въ полной силѣ возраста, за то что они дѣлаютъ; заботятся и о старикахъ, какъ ради ихъ совѣта, такъ и по воспоминанію о томъ, что они сдѣлали въ прежнее время. Такимъ образомъ во всѣхъ возрастахъ и всякими способами они поддерживаютъ другъ друга, на подобіе политическаго тѣла, которое, посредствомъ замѣщенія, должно существовать вѣчно. И такъ какъ раздѣлъ и распаденіе этихъ сельскихъ хозяйствъ представляетъ ихъ истинное разрушеніе, то было постановлено старыми законами этой страны, какъ относительно семействъ и хозяйствъ сервовъ, такъ и относительно свободно наслѣдуемыхъ мызъ, съ цѣлью сохранить ихъ общеніе, что тѣ, которые выйдутъ изъ общины, не станутъ наслѣдовать другимъ и эти послѣдніе имъ».

Эти общества существовали въ Ниверне, гдѣ мы находимъ ихъ существованіе въ началѣ XVII столѣтія, какъ доказываетъ слѣдующая выдержка изъ дополненнаго изданія сборника постановленій Панона, Жана Шеню, въ 1610 году: «У насъ въ Берри и Ниверне очень много подобныхъ обществъ, въ особенности въ домахъ Мажей, которыя, слѣдуя конституціи страны, всѣ состоятъ изъ соединеній большого числа лицъ и общинъ». А вотъ что говоритъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ противниковъ ассоціаціи или общины, Троплонгъ: «ассоціація находится въ чести не съ сегодняшняго только дня: римляне говорили объ ней съ энтузіазмомъ и примѣняли ее съ величіемъ... Но эпохою особенно щедрою на ассоціацію были средніе вѣка; именно они дали начало этимъ супружескимъ общеніямъ, этому порядку, наиболѣе соотвѣтствующему чувствамъ привязанности и довѣрія, на которыхъ покоится бракъ, именно они образовали эти многочисленныя общества сервовъ и земледѣльцевъ, которые покрывали и оплодотворяли почву Франціи; они же размножили эти многочисленныя религіозныя конгрегаціи, оказавшія столь важныя услуги своими работами по расчисткѣ земель и поселеніемъ среди покинутыхъ деревень... Быть можетъ, тогда говорили меньше о духѣ ассоціаціи, чѣмъ въ настоящее время, но самый этотъ духъ дѣйствовалъ энер-

гически». «Ассоціація всѣхъ членовъ семейства подъ одною кровлею, на одной землѣ, въ видахъ соединенія труда и доходовъ, представляетъ фактъ общій, характеристическій, начиная съ юга Франціи и кончая ея противоположною стороною. Въ особенности часто встрѣчаются эти общества въ селахъ и деревняхъ. Географія кутюмовъ сохраняетъ ихъ слѣды въ провинціяхъ наиболѣе противоположныхъ между собою по обычаямъ и нравамъ; они господствуютъ въ странахъ права писаннаго, какъ и въ странахъ обычая, въ тѣхъ, гдѣ обычаи соединяютъ бракъ съ приданымъ, и въ тѣхъ, гдѣ господствуетъ имущественное общеніе супруговъ. Въ области дѣйствія парламента Тулузскаго,—въ С. Онжѣ, Ангуме, Бретани, Анжу, Пуату, Турени, Маршѣ, Берри, Ниверне, Бурбонне, двухъ Бургундій, Орлеане, страны Шатрень, Нормандіи, Шампаньи, Бассиньи и пр. населенія были весьма привязаны къ этому роду ассоціацій и мѣстные статуты благопріятствовали имъ.

Нѣкоторыя изъ описанныхъ ассоціацій или семейныхъ общинъ сохранились до новѣйшаго времени. Вотъ что говоритъ Дюпенъ старшій въ своей «Excursion dans la Nièvre» объ одной изъ этихъ общинъ, которую онъ посѣтилъ въ 1840 году въ С. Бененъ де Буа не подалеку отъ Невера [1]): «Группа зданій, изъ которыхъ состоитъ мѣстечко Жо (Jault), расположена на небольшомъ возвышеніи у вершины прекрасной луговой долины, обведенной горизонтомъ лѣсистыхъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ, при закатѣ солнца, рисуются церковь и монастырь С. Бененъ де Буа. Главный домъ мѣстечка не отличается ничѣмъ замѣчательнымъ по наружности. Войдя въ него, находишь длинный нижній этажъ,—обширную залу, въ каждомъ углу которой стоитъ по большому камину съ верхушкою около 9 футъ ширины (и этого не слишкомъ много, чтобы дать мѣсто столь многочисленному семейству). Около одного изъ этихъ каминовъ имѣется отверстіе въ большую хлѣбную печь, а съ другой стороны, каменный букъ для стирки, одинаковый старости съ домомъ; онъ врѣзанъ въ стѣну и сдѣлался отъ времени глянцовитымъ. Тутъ-же рядомъ въ темномъ помѣщеніи находится не глубокій колодецъ, въ которомъ вода никогда не истощается, и который съ избыткомъ удовлетворяетъ потребностямъ хозяйства. Во всю длину большой залы идетъ корридоръ, въ который выходитъ рядъ дверей изъ отдѣльныхъ комнатъ, настоящихъ келій, въ которыхъ каждая семья имѣетъ особое помѣщеніе. Эти комнатки содержатся очень чисто; въ каждой двѣ постели, иногда три, смотря по числу дѣтей, два дубовыхъ шкафа отлично отлакированныхъ, или сундукъ и шкафъ, столъ, два стула и кое какая утварь,—

---

[1]) Bonnemère, Histoire des paysans. Paris. II, 449 и слѣд.

вотъ и вся мебель... Существованіе этой общины ведетъ свое начало съ незапамятнаго времени. Документы, хранимые хозяиномъ въ ковчегѣ, восходятъ къ 1500 году и говорятъ объ общинѣ, какъ о чемъ-то весьма древнемъ въ эту эпоху. Авторъ спросилъ, была-ли собственность, послужившая ядромъ общинѣ, первоначально имуществомъ сеньора?—Хозяинъ съ гордостью утверждалъ, что нѣтъ, и настаивалъ на томъ, что это имущество наслѣдственное, свободное. Какъ бы то ни было, но обладаніе этимъ участкомъ удерживалось въ семьѣ Жо, и съ теченіемъ времени послѣдовательно возрастало трудомъ и бережливостью ея членовъ, такъ что въ рукахъ нынѣшнихъ владѣльцевъ составило въ общей суммѣ имѣніе цѣнностью превышающее 200.000 фр. и это, не смотря на всѣ приданыя, выплаченныя женщинамъ, выходившимъ замужъ въ другія семьи...

Авторъ желалъ узнать, какъ именно и какими средствами удалось помѣшать раздробленію, раздѣлу и въ концѣ концовъ разложенію общины. Въ началѣ естественнымъ хозяиномъ общины былъ отецъ семейства, потомъ его сынъ, и это естественное наслѣдованіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока поддерживалась прямая линія, и пока можно было выбрать старшаго съ надлежащими способностями. Но, по мѣрѣ того, какъ близость родства уменьшалась черезъ удаленіе, такъ что оставались одни только боковые родичи, среди мужчинъ для завѣдыванія дѣлами стали избирать самаго способнаго, а среди женщинъ для управленія хозяйствомъ самую толковую. Впрочемъ, порядокъ этого домашняго господства весьма мягокъ, и предписаній не бываетъ почти никакихъ. Каждый, по словамъ хозяина, знаетъ свое дѣло и исполняетъ его. Главная обязанность хозяина выполненіе внѣшнихъ дѣлъ, покупка и продажа скота, пріобрѣтеніе имущества именемъ общины, когда представляется удобный случай и есть требуемыя средства, что однако не дѣлается безъ совѣта сотоварищей; такъ какъ, согласно замѣчанію Гюи-Кокиля, «всѣ они жили отъ одного хлѣба, спали подъ одною кровлей, видѣлись ежедневно, и хозяинъ былъ бы или слишкомъ золъ или слишкомъ гордъ, если-бы не входилъ въ сношенія и не спрашивалъ мнѣнія своихъ parsonniers относительно общихъ дѣлъ». Имущество общины состоитъ: 1) изъ прежняго имущества, 2) изъ новыхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на сбереженіе за общій счетъ, 3) животныхъ всякаго рода и 4) общей кассы, въ настоящее время помѣщенной у нотаріуса. Кромѣ того, каждый имѣетъ еще частное имущество, состоящее изъ приданаго жены и наслѣдства послѣ матери, или пришедшее къ нему въ видѣ дара, по завѣщанію или инымъ способомъ, независимо отъ общины. Община считаетъ своими дѣйствительными членами однихъ мужчинъ. Одни только они образуютъ голову (caput) общины. Дѣвушки и женщины, пока

желаютъ оставаться въ общинѣ и работать, содержатся и прокармливаются ею, какъ во время здоровья, такъ и болѣзни; но головы общины они не составляютъ. Когда они выходятъ замужъ на сторону (что бываетъ обыкновенно), община даетъ имъ денежное приданое. Эти приданыя, которыя были очень малы первоначально, поднялись въ послѣднее время до суммы въ 1350 фр. Разъ получивъ это приданое, ни онѣ сами, ни ихъ наслѣдники, не имѣютъ больше претензіи ни на что въ имуществѣ общины. Только, ставши вдовами, онѣ могутъ возвратиться и жить въ домѣ, какъ и до брака. Что касается до постороннихъ женщинъ, которыя выходятъ замужъ за членовъ общины, то ихъ приданыя не смѣшиваются съ имуществомъ общины, по той причинѣ, что имъ не желаютъ дозволить пріобрѣсти въ ней личныя права. Эти приданыя образуютъ отдѣльное имущество; но онѣ обязаны внести въ общую кассу 200 фр. для обезпеченія цѣнности мебели, отданной въ ихъ распоряженіе. Сдѣлавшись вдовами, онѣ имѣютъ право остаться въ общинѣ и жить въ ней съ своими дѣтьми; если не желаютъ, могутъ удалиться, и въ этомъ случаѣ получаютъ обратно 200 франк., первоначально внесенные ими.

Всякій мужчина, членъ общины, умирающій не женатымъ, не передаетъ наслѣдства никому. Одной душею становится меньше въ общинѣ, которая всецѣло остается для другихъ и притомъ не въ силу права наслѣдованія доли, считавшейся за умершимъ а въ силу права *не уменьшенія* (jure non decrescendi): таково первоначальное и основное условіе ассоціаціи. Если умершій былъ женатъ и оставилъ дѣтей, то они становятся членами общины, въ которой каждый изъ нихъ составляетъ единицу, не въ силу наслѣдственнаго права (такъ какъ отецъ имъ ничего не передалъ), но jure proprio, въ силу одного того факта, что они родились въ общинѣ. Если это дочери, онѣ имѣютъ право на приданое; сверхъ того, онѣ получаютъ и раздѣляютъ съ братьями отцовское имущество, если таковое имѣется; но онѣ не могутъ претендовать ни на что именемъ отца въ имуществѣ общины, потому что ихъ отецъ не имѣлъ никакого права передавать какую либо часть имущества женщинамъ, которыя его унесли-бы въ чужую семью; но онъ былъ членомъ общины на условіи жить въ ней, работать и не имѣть другихъ наслѣдниковъ, кромѣ самой общины. Отсюда видно, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ, свойственный ниверневскимъ общинамъ. Они не похожи на обыкновенныя договорныя общества, въ которыхъ смерть одного члена влечетъ за собою распущеніе общества; древнія ниверневскія общины имѣютъ иной характеръ: они составляютъ родъ тѣла, коллегіи (corpus collegium), гражданскаго лица, на подобіе монастыря, города,

которое продолжается и увѣковѣчивается черезъ подстановку лицъ такъ, что изъ замѣны однихъ лицъ другими не вытекаетъ перемѣнъ въ самомъ существованіи корпораціи, въ ея образѣ существованія, въ завѣдываніи принадлежащими ей вещами.

Что касается честности, то нѣтъ ни одного случая, когда бы членъ этого общества былъ приговоренъ къ наказанію за какой-либо проступокъ. Этотъ фактъ подтвердили всѣ, кого могъ только спросить авторъ. Сверхъ того, семейство это отличается благотворительностью. Ни одинъ бѣдный не пройдетъ мимо, не получивъ хлѣба или супу.

Описанная семейная община представляетъ поразительное сходство не только съ юго-славянской задругой, но и съ римскою семьею. Съ первой она имѣетъ одинаковую организацію, одинаковое устройство власти хозяина и хозяйки. Со второю въ особенности бросается въ глаза сходство наслѣдственнаго права.

Существенныя черты сербской задруги заключаются въ слѣдующемъ [1]). По смерти отца, естественнаго главы семейства, ему наслѣдуетъ лицо по свободному выбору домашней общины. Потому въ старѣйшины выбирается обыкновенно способнѣйшій. Если послѣдній не оправдываетъ возложеннаго на него довѣрія, то приступаютъ къ новымъ выборамъ. Глава семейства представляетъ всю семейную общину въ сношеніяхъ съ политическою властью, уравниваетъ споры и руководитъ дѣлами дома, въ которыхъ принимаетъ участіе все семейство. Взрослые мужчины и женщины работаютъ въ полѣ и въ лѣсу, младшіе стерегутъ скотъ и попеременно ходятъ въ школу. Распоряженіямъ старѣйшины члены общины повинуются добровольно. Выручка отъ полеваго хозяйства, иногда отъ овощей и вина, скота, особенно отъ разведенія свиней и отъ продажи шкуръ животныхъ, строеваго дерева и дровъ образуетъ главные источники общихъ доходовъ общины. На продажу, на крупную покупку и на заключеніе займовъ необходимо согласіе большинства членовъ общины. Старѣйшина есть также опекунъ у остающихся безъ родителей дѣтей. Онъ обязывается воспитать ихъ въ согласіи съ ихъ матерью и какъ предписываетъ § 519 сербскаго гражданскаго кодекса: «сдѣлать изъ нихъ хорошихъ, честныхъ и полезныхъ для отечества людей». Сама вдова, если она даже бездѣтна, располагаетъ правомъ пользованія оставленною послѣ мужа въ домашней общинѣ долей, но обязана послѣднюю посильно поддерживать. Если она выходитъ замужъ, то получаетъ изъ общаго имущества, подобно взрослымъ дѣвушкамъ общины, приличное снаряженіе. Право наслѣдства въ задругѣ законъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ (§ 528): «род-

---

[1]) F. Kanitz. Serbien, 1868, 79.

ство въ домашней общинѣ имѣетъ при открытіи наслѣдства преимущество передъ родствомъ внѣ общины, даже если бы послѣднее было въ *ближайшей* степени. Принятіе въ общину чужеземца исключаетъ по отношенію къ наслѣдству даже родство по крови внѣ общины, если оно происходило съ вѣдома и по единогласному рѣшенію общины. Однако малолѣтнія дѣти, если они слѣдуютъ за выходящею изъ общины матерью, удерживаютъ свои права также и внѣ задруги. Сверхъ того, права родства внѣ общины сохраняются при наслѣдованіи и тогда, когда членъ общины попалъ въ плѣнъ, или подвергся другой подобной-же опасности и нуждѣ, или службѣ отечеству».—Горе и радость отдѣльныхъ членовъ задруги тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбою всей задруги. Чѣмъ больше отдѣльное лице способствуетъ своимъ трудомъ усиленію благосостоянія общины, тѣмъ болѣе бываетъ и претензія его на совокупное имущество въ случаѣ его выхода изъ союза, тѣмъ большее наслѣдство можетъ онъ оставить своимъ дѣтямъ. Отдѣльная дѣятельность членовъ общины въ этомъ родѣ не только не стѣсняется общиною, но поощряется и поддерживается.

Описанныя основы сербской домашней общины объусловливаютъ и характеризуютъ также и наружность и внутреннее устройство сербскаго крестьянскаго двора. На первомъ планѣ стоитъ домъ старѣйшины. Онъ сразу бросается въ глаза, какъ по своей величинѣ такъ и по способу постройки, и образуетъ стройный центръ, вокругъ котораго группируются отдѣльно другъ отъ друга маленькіе домики женатыхъ членовъ семейства. Домъ старѣйшины обыкновенно возведенъ изъ дерева и кирпича, имѣетъ бѣлую окраску, и, вмѣстѣ съ большимъ пространствомъ кухни, содержитъ отъ двухъ до трехъ маленькихъ комнатъ... Маленькіе домики обыкновенно выстроены на скорую руку. Въ нихъ находятся спальни женатыхъ членовъ семьи и все, что они пріобрѣтаютъ отдѣльно, такъ какъ общіе запасы плодовъ, стадъ, орудій сохраняются въ житницахъ, кладовыхъ и пр., принадлежащихъ всей задругѣ. Они называются вайате, суть квадратной формы, состоятъ изъ плетенки ивовой и тростниковой и подобно вигвамамъ индійцевъ, покоются на столбахъ, чтобы обезпечить запасы отъ рыскающихъ вокругъ домашнихъ животныхъ.—Общинное хозяйство ведется попеременно одною изъ замужнихъ женщинъ. Она въ такомъ случаѣ носитъ имя редуши (отъ редъ—рядъ, порядокъ), заботится съ помощью младшихъ женскихъ членовъ общины о кухнѣ для всего семейства и распоряжается силами всѣхъ прочихъ женщинъ дома для полевой работы и другихъ домашнихъ занятій. Какъ и у всѣхъ юго-славянскихъ племенъ, женщина у сербовъ дѣлитъ почти всѣ работы мужа. Она никогда не бываетъ праздною, но всегда занята. Возвратясь съ тяжелой

работы въ полѣ, она прядетъ, ткетъ, краситъ необходимыя для бѣлья и одежды дома ткани. Большое благосостояніе или отправленіе материнскихъ обязанностей ничего не измѣняетъ въ этомъ. Сербская женщина работяща въ гораздо большей степени, чѣмъ болѣе любящій удобства мужчина. Въ Сербіи никогда не увидишь мужчинъ или дѣтей въ оборванномъ бѣльѣ, и это есть, конечно, лучшій критерій любви сербскихъ женщинъ къ порядку и труду.

Пока сѣверо-славянскія племена не были разложены римско-германскими элементами, они обладали, какъ и словаки въ Штирійской Каринтіи и Краинѣ, подобнымъ же семейнымъ правомъ, происходящимъ изъ древнѣйшаго періода славянской исторіи. Прекрасное мѣсто изъ старо-чешской поэмы «Любушинъ судъ» знакомитъ насъ въ поэтической формѣ съ основными положеніями славянскаго семейнаго права: «Каждый теперь господствуетъ надъ своимъ домомъ, мужчины пашутъ, женщины шьютъ платье, но если умираетъ глава дома, всѣ дѣти правятъ сообща имѣньемъ, выбирая себѣ главу изъ рода, который, если будетъ полезенъ, выставляется на видъ съ совѣтниками, рыцарями, главами племенъ». Здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ описана картина учрежденій, которыя еще и въ настоящее время характеризуютъ семью юго-славянъ, и которыя были описаны ближе у Дезича въ главѣ о сербской задругѣ. Другой основательный знатокъ юго-славянскаго аграрнаго и семейнаго устройства Утѣшеновичъ, даетъ характеристику ея въ слѣдующемъ: «Читатель замѣтилъ, что мы этихъ отношеній нигдѣ не называемъ излюбленнымъ выраженіемъ «патріархальныхъ». На это мы имѣемъ достаточную причину, считая это обычное у кабинетныхъ ученыхъ, удобное, но ни въ какомъ случаѣ не точное обозначеніе совершенно не подходящимъ къ этимъ семейнымъ отношеніямъ; самъ народъ съ своей стороны не называетъ ихъ такъ, но обозначаетъ ихъ понятіями, которыя взяты изъ обществовѣдѣнія: дружина, дружество, задруга (общество, ассоціація, взаимность). Господарь, по своему понятію, значитъ не господинъ или властитель, а хозяинъ дома, правитель дома. Слову соотвѣтствуетъ также вполнѣ и сущность вещи. Въ чистомъ патріархатѣ господствуетъ отецъ, патріархъ, дѣти безъусловно повинуются; тамъ существуютъ лишь обязанности и никакихъ правъ на сторонѣ потомства. У юго-славянъ это совершенно иначе. Здѣсь нѣтъ никакого слѣда рабскаго подчиненія домохозяину или даже только черезчуръ далеко идущей патріархальной власти съ его стороны. Полное равенство относительно общиннаго имущества, какъ въ акціонерномъ обществѣ, и разумное подчиненіе управляющему руководству хозяина дома, на ряду съ правомъ обсужденія и рѣшенія по большинству голосовъ,—такова сущность отношеній. Здѣсь, быть можетъ, славянское стремленіе къ обществу созда-

ло постоянное, соотвѣтствующее ему положеніе; это тѣ союзы родственниковъ, которые имѣютъ въ прочномъ владѣніи семейства заповѣдныя поземельныя хозяйства, какъ семейныя имущества: общественные правовые организмы, которые имѣютъ внутри и снаружи опредѣленныя сферы права».

Подобныя только что описаннымъ семейныя общины существуютъ еще во множествѣ на такъ называемой Военной Границѣ, а также въ Славоніи и Кроаціи.

Мы упомянули выше о близкомъ сходствѣ французской семейной общины съ римскою семьею по отношенію къ праву наслѣдованія. Сошлемся въ доказательство этого на слѣдующія слова величайшаго противника общинной собственности Фюстель-де-Куланжа, отрицающаго ее даже и тамъ, гдѣ существованіе ея не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и, слѣдовательно въ данномъ случаѣ наилучшаго адвоката упомянутаго сходства между семьею-общиной и семьею, которую всѣ привыкли приводить въ доказательство наиболѣе индивидуалистическаго семейнаго учрежденія, какое когда либо существовало: «Такъ какъ сынъ есть естественный и обязательный продолжатель культа, то онъ наслѣдуетъ также и имущество. Отецъ не имѣлъ надобности писать завѣщаніе, и *не личная воля* отца дѣлала сына наслѣдникомъ; сынъ наслѣдуетъ въ силу собственнаго полнаго права, **ipso jure heres exsistit**, говоритъ юрисконсультъ. Продолженіе собственности, какъ и культа, есть для него обязательство, точно также какъ и право. Желаетъ-ли онъ или не желаетъ, наслѣдство упадаетъ на его долю, каково бы оно ни было, даже съ своими тягостями и долгами. Чтобы составить себѣ правильную идею о наслѣдованіи у древнихъ, не слѣдуетъ представлять себѣ имущества, которое переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія. Имущество неподвижно, какъ очагъ и могила, съ которыми оно связано. Переходитъ не имущество, а человѣкъ. Человѣкъ, а не имущество является въ назначенный часъ,—по мѣрѣ того, какъ семья развертываетъ свои поколѣнія,— чтобы продолжать культъ и принять на себя заботу объ имѣніи» [1]). Спрашивается, о какомъ-же имуществѣ тутъ можетъ идти рѣчь? Исключительно о семейно-общинномъ, т. е. о такомъ, которое принадлежитъ въ собственность не одному лицу, а всѣмъ членамъ семьи въ совокупности, настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, иными словами, объ имуществѣ, совершенно похожемъ на имущество семейной общины Жо, юго-славянской задруги и т. под. Что по отношенію къ отцу семейства, какъ это справедливо утверждаетъ Мэнъ, римское право не съумѣло отдѣлить принадлежащее ему право распоряженія семейнымъ имуществомъ отъ права личной

---

[1]) La Cité Antique. Paris, 1864, 85.

собственности на послѣднее, это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла,—соціально-экономической его подкладки. Нельзя также не замѣтить, что понятіе о патріархальной власти дѣйствительно сильно злоупотреблялось, и послѣднюю очень часто находили и находятъ тамъ, гдѣ нѣтъ и самого ея слѣда. Отсутствіе права распоряжаться имѣніемъ по наслѣдству выставляетъ патріархальную власть римскаго pater familias далеко не въ томъ абсолютномъ видѣ, какъ то привыкли утверждать юристы.

ГЛАВА IV.

Постройка жилищъ общими усиліями.—Общее пользованіе жилищами.—Общее потребленіе пищи.

Въ настоящей главѣ мы хотѣли-бы привлечь вниманіе читателя къ вопросу объ общинномъ сооруженіи и пользованіи жилищами, а также объ общихъ столахъ, устраиваемыхъ первобытными народами. Сооруженіе жилищъ общимъ трудомъ деревни или клана естественно сопровождается и помѣщеніемъ въ нихъ большаго числа лицъ, совершенно такимъ-же образомъ, какъ общее добываніе предметовъ пищи охотой, рыбной ловлей, скотоводствомъ, первоначальнымъ земледѣліемъ,—общее производство лодокъ и сѣтей сопровождается общимъ потребленіемъ и пользованіемъ всѣми этими предметами. Повсюду въ подобныхъ случаяхъ характеръ производства объусловливаетъ и опредѣляетъ характеръ потребленія, и если первое бываетъ отмѣчено чертами непосредственно-общественнаго процесса, то и второе необходимо носитъ подобную-же окраску. Всѣ эти виды общественнаго производства и потребленія представляютъ на раннихъ ступеняхъ развитія не исключеніе, а общее правило, и смѣняютъ одно другое съ простою необходимостью природы,—совмѣстное потребленіе слѣдуетъ за совмѣстнымъ производствомъ той-же самой группы сообщинниковъ въ качествѣ естественнаго и необходимаго возстановленія потраченныхъ ею предварительно совмѣстныхъ усилій. Такимъ образомъ оба эти звена всеобщаго жизненнаго процесса,—производства и потребленія, при первоначальной простотѣ общественной организаціи, не разрознены между собою до такой степени искусственными препонами общественнаго раздѣленія труда и связаннаго съ нимъ антогонистическаго процесса обмѣна, какъ это мы видимъ въ современномъ европейскомъ обществѣ. Именно по этой, а не по иной причинѣ цѣлые классы этого послѣдняго дѣлаются не способны понимать, на какомъ странномъ основаніи можно требовать себѣ такъ

называемаго «права на трудъ». Для туземца Маркизскихъ или Палаускихъ острововъ право на трудъ есть ничто иное, какъ право на самое человѣческое существованіе, оспаривать которое было бы нѣсколько затруднительно: разъ будучи на землѣ, разсуждаетъ онъ, человѣкъ долженъ жить; а такъ какъ по законамъ физическаго организма, жизнь человѣка поддерживается пищею, то ему необходимо имѣть что ѣсть.

При постройкѣ новаго дома на Нукачивѣ, [1]) сосѣди оказываютъ другъ другу попеременную помощь. Часто строютъ дома лишь для времяпровожденія, и достаточныя лица обладаютъ во многихъ частяхъ своей долины подобными жилищами, или, скорѣе, хижинами, которыя могутъ быть сооружены въ нѣсколько дней. Постройка большаго жилища, въ которомъ можетъ жить совмѣстно многочисленное семейство, производится столько-же мужчинами, какъ и женщинами; если же мужчины принесли необходимые для закладки дома камни сами, т. е. безъ помощи женщинъ, то именно вслѣдствіе этого построенный изъ этихъ камней домъ становится для женщинъ *табу*, т. е. послѣднія никогда ни осмѣливаются въ него вступить. Всякій достаточный островитянинъ имѣетъ, покрайней мѣрѣ, одну такую хижину—табу, которая находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ жилаго дома.

По словамъ Земпера [2]), на Палаускихъ островахъ въ каждой деревнѣ существуетъ особое общественное зданіе, подъ названіемъ *баи*, въ которомъ живетъ община рупаковъ или благородныхъ, вмѣстѣ съ молодыми дѣвушками, удаляющимися изъ семействъ, чтобы проводить здѣсь время до брака. Это же зданіе служитъ повсюду мѣстомъ пріема иноземцевъ, гостей, празднествъ и собраній общины для сужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Сооружается это зданіе обязательною работою мѣстнаго населенія, соединеннаго по возрастамъ въ особыя корпораціи—клёббергелли. Другой, болѣе ранній посѣтитель тѣхъ-же острововъ Гоккинъ [3]) не можетъ достаточно нахвалиться красотою постройки, рѣзьбою и внутреннимъ убранствомъ этихъ зданій, не смотря на примитивныя орудія, при помощи которыхъ они строились.

Когда начальникъ на Сандвичевыхъ островахъ [4]) приказывалъ строить жилище, всѣ его фермеры (!) или вассалы должны были принимать участіе въ трудѣ, хотя каждая группа принимала на себя отдѣльный трудъ. Въ то время, какъ одни отправлялись въ

---

[1]) Langsdorff. Op. cit. I, 110.
[2]) Semper. Die Palau-Inseln, passim.
[3]) Hokkin's Bericht von den neuesten Reisen nach den Pelew-Inseln, 1805, Sprengel's Biblioth., XXIII, 30—31.
[4]) Jarves. Op. cit. 75.

горы для доставки дерева для дома,—другіе собирали траву для соломы, или дѣлали веревки, которыми связывалась кровля и прикрѣплялась къ дому солома. Коль скоро матеріалъ былъ на лицо, продѣлывались отверстія въ бревнахъ, изготовлялись стволы деревъ для крыши и ставился весь остовъ. Тогда кровельщики исполняли свое дѣло, и такимъ образомъ большой домъ могъ быть начатъ и конченъ въ три дня. Дерево, часто большихъ размѣровъ, приносилось изъ далека, изъ внутренности страны. Всѣ тяжести носились на палкахъ, поддерживаемыхъ плечами людей.

Каждая пирога новозеландцевъ [1]) вмѣщаетъ обыкновенно отъ 6 до 8 человѣкъ. Независимо отъ этихъ лодокъ, которыя, принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, каждая деревня обладаетъ сообща двумя или тремя большими военными пирогами, предназначенными для нападенія.

Маленькія общества, найденныя Кукомъ въ южныхъ частяхъ Новой Зеландіи, повидимому, имѣли многія вещи въ видѣ общей собственности и особенно прекрасныя ткани и рыболовныя сѣти.

На островахъ Фиджи [2]) новобрачный всегда уводитъ свою жену въ домъ отца, обычай не мало способствующій увеличенію числа тѣхъ, которые живутъ подъ одною кровлею, гдѣ находится иногда отъ 10 до 12 женатыхъ мужчинъ, образующихъ каждый съ своимъ семействомъ многочисленное общество, котораго различные члены (надо отдать имъ въ томъ честь), помогая другъ другу взаимно добывать средства существованія, живутъ всегда въ добромъ согласіи и проводятъ свое время въ изобиліи, среди удовольствій и празднествъ.—Жители острова Таити имѣютъ, большею частью, лишь одинъ большой домъ для многихъ семействъ; сюда они сходятся днемъ, чтобы поболтать, но особенно по вечерамъ, когда страхъ привидѣній и суевѣріе заставляютъ ихъ любить совмѣстное пребываніе многихъ для взаимнаго одобренія и успокоенія.

Ново-зеландцы живутъ въ общеніи [3]) числомъ отъ 40 до 50; семьи иногда бываютъ отдѣлены одни отъ другихъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ ихъ хижины, вообще очень плохія, соприкасаются одна съ другою.

Мендана сдѣлалъ замѣчаніе, [4]) что всякій домъ или жилище на Маркизскихъ островахъ былъ, слѣдуя выраженію Фигуероа, общиною; испанцы судили по числу одѣялъ, которыя они видѣли положенными на полъ, и которыя означали мѣста для спанья, что каж-

---

[1]) Marion (d'Urville, III, pièces justificatives, 66—67).
[2]) Morenhaut, op. cit 69 и 78.
[3] Cook. Deuxième voyage, Vol. IX. (Bibl. Universelle des voyages), 27 .
[4]) Marchand, Vol XV. (Bibl. Univers.). 407.

дый домъ долженъ былъ заключать въ теченіи ночи значительное число индивидуумовъ, лежащихъ pêle-mêle.

На о—вѣ Уаланѣ [1]) дома, сооружаемые народомъ, весьма обширны и имѣютъ до 40 футъ вышины при соотвѣтствующей длинѣ. Кромѣ домовъ въ каждомъ округѣ имѣется большой общественный домъ, гдѣ держатся собранія народа и гдѣ сохраняются пироги, точно также, какъ орудія полезныя для цѣлой общины... На пиршествахъ мужчины ѣдятъ сообща и имъ прислуживаетъ молодежь. Женщины и дѣти ѣдятъ отдѣльно и соединяются такимъ-же образомъ для работъ, которыя ограничиваются материнскими обязанностями и фабрикаціею матеріи для «маросъ» (покрывала). Мужчины строютъ дома и пироги, воздѣлываютъ плоды.

Болѣе оживленной сцены, по словамъ Уилліамса, [2]) какъ покрытіе кровлей дома на островахъ Фиджи, нельзя себѣ представить. Когда собрано достаточное количество матеріала вокругъ дома, крыша котораго предварительно бываетъ покрыта сѣткою изъ тростника, то собирается отъ 40 до 300 мужчинъ и мальчиковъ; каждый, изъ нихъ дожидается какой нибудь работы и каждый рѣшился быть весьма шумнымъ при выполненіи ея. Рабочіе внутри постройки условливаются съ тѣми, которые находятся снаружи, при чемъ каждый связываетъ то, что кладетъ другой. Когда всѣ заняли свои мѣста и жарко принялись за работу, то крики принести травы, тростнику и прутьевъ и отвѣты на все это, произносимые 200—300 возбужденныхъ голосовъ, въ соединеніи съ утаптываніемъ соломы и громкими возгласами радости, раздающимися изъ каждаго отдѣленія постройки, представляютъ родъ миніатюрнаго Вавилона, которому Фиджіецъ, особенно плодовитый на всякую разновидность рева и гвалта, совершенно отдаетъ себя.

Представьте себѣ гигантскій улей, говоритъ Тёрнеръ, [3]) тридцати футъ въ діаметрѣ, ста въ окружности, и поднятый надъ землею на высоту около 4 футъ на множествѣ короткихъ столбовъ, въ разстояніи 4 футъ одинъ отъ другаго, вокругъ всей постройки— и вы получите правильное понятіе о внѣшнемъ видѣ дома самоанцевъ... Лицо, желающее строить себѣ домъ, снабжаетъ плотниковъ пищею и помѣщеніемъ и сговаривается съ своими сосѣдями на счетъ помощи при доставкѣ дерева изъ лѣса, установкѣ столбовъ и другой тяжелой работы. Строитель самоанскаго дома не получаетъ никакой опредѣленной платы, но предоставляетъ оцѣнку своего труда сужденію, великодушію и средствамъ лица, прибѣгающаго къ его помощи. Если о комъ нибудь скажутъ, что онъ уплатилъ своимъ стро-

[1]) Duperrey. Bibl. Univers. XVIII, 175.
[2]) T. Williams. Fiji and he Fijians, Lond. 1870, 73.
[3]) G. Turner. Nineteen Years in Polynesia. Lond. 1861, 256, 262.

ителямъ скупо, то это служитъ выраженіемъ весьма тяжкаго порицанія. Подобный приговоръ позоритъ его какъ человѣка, лишеннаго всякаго вѣса и недостойнаго уваженія, и портитъ репутацію не только его самого, но и семьи и клана, къ которымъ онъ принадлежитъ. Все племя или кланъ представляетъ родъ банка для каждаго изъ своихъ членовъ. Связь отдѣльнаго лица съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ племенемъ, посредствомъ рожденія или брака, даетъ ему участіе во всей собственности племени и сообщаетъ ему право пойдти ко всякому своему другу и просить его о помощи для уплаты строителю своего дома. У одного онъ возьметъ коверъ, цѣною въ 20 шилл., у другаго нѣчто еще болѣе цѣнное, у третьяго какое нибудь туземное платье, стоющее 5 шил., у четвертаго 5 или 6 ярдовъ каленкору, и такимъ образомъ онъ можетъ, безъ большихъ усилій, собрать 200 или 300 полезныхъ вещей, стоющихъ, быть можетъ, 50 ф. и, благодаря этому, хорошо заплатить строителямъ. Въ томъ или другомъ случаѣ расплата можетъ быть скуповата; но, на основаніи извѣстныхъ указаній, строитель предвидитъ подобный результатъ заранѣе и уходитъ со всею своею *партіей*, оставляя домъ неконченнымъ. Существуетъ установившійся обычай, что главная часть уплаты должна быть сдѣлана послѣ того, какъ приведена къ окончанію одна сторона дома; въ это-то время неудовлетворенный строитель покидаетъ все и уходитъ. Домъ съ одной стороною и отсутствіе строителей — своего рода публикація. Лицо, которому принадлежитъ домъ, не можетъ прибѣгнуть для окончанія его къ другой партіи. Установившееся правило промышленности гласитъ, то никто не можетъ взяться за дѣло, оставленное другою партіею. По этому означенное лицо не имѣетъ другаго выбора, какъ пойти и поладить съ первоначальнымъ плотникомъ, чтобы довести свой домъ до приличнаго окончанія и вида. — Самоанскимъ семействомъ авторъ называетъ (280) группу родственниковъ—сыновей, дочерей, дядей, двоюродныхъ братьевъ, племянниковъ, племянницъ и пр., которая можетъ простираться до 50 человѣкъ. Они обыкновенно обладаютъ большимъ домомъ въ качествѣ общаго rendez-vous и для пріема гостей, и четырьмя или пятью меньшими домами—всѣ рядомъ одни съ другими.

Путешественникъ Джуксъ [1]) описываетъ слѣдующими чертами видѣнный имъ на Новой Гвинеѣ пустой домъ туземцевъ. Домъ этотъ, говоритъ онъ, или какъ его ни называть, былъ около 6 футъ высоты, построенъ изъ глины и покоился на множествѣ неправильно разставленныхъ столбовъ, большая часть которыхъ казалась обрубками деревьевъ, срубленныхъ на этой высотѣ и оставленныхъ на

---

[1]) J. Beete Jukes. Surveying Voyage of H. M. S. Fly. Lond. 1847, I, 271 2.

корню. Полъ, настланный надъ этими столбами, повидимому, состоялъ изъ прибитой къ нимъ рамы, на которую были положены рѣдкія доски, сдѣланныя, очевидно, изъ наружной коры саговой пальмы, расщепленной, выровненной и высушенной. Полъ этотъ былъ совершенно ровный и гладкій и держался устойчиво подъ ногами. Домъ былъ около 30 футъ ширины и около 300 длины. Мы прошли его весь изъ конца въ конецъ и насчитали около 109 шаговъ. Крыша была сдѣлана изъ рамы, на подобіе арки, прикрытой прекрасной кровлей изъ листьевъ саговой пальмы. Она была вышиною въ 16 или 18 футъ въ центрѣ, отъ котораго наклонно опускалась со всѣхъ сторонъ къ полу. Она была совершенно не промокаема, такъ что, не смотря на сильный дождь, сквозь нее не проникало ни капли. Стѣны по концамъ дома были прямы и сдѣланы изъ бамбуковыхъ столбовъ, соединенныхъ между собою; съ каждаго конца было по три двери въ формѣ готической арки, съ наибольшею шириною въ центрѣ. Внутренность дома имѣла видъ совершенно на подобіе большого туннеля. Внизу съ обѣихъ сторонъ шелъ рядъ камеръ; каждая изъ нихъ была квадратной формы, пространствомъ около 10 футъ, со стѣнами изъ бамбука отъ пола до крыши и съ маленькою дверью, очень хорошо сдѣланной изъ расщепленнаго бамбука. Внутри этихъ камеръ мы нашли низкія рамы, покрытыя коврами, повидимому, постели, а надъ головою въ стѣну были вбиты крючки и гвозди, на которыхъ висѣли луки, стрѣлы, корзины, каменные топоры, барабаны и другіе хозяйственные предметы. Въ каждой камерѣ было мѣсто для огня (кусокъ глины), надъ которымъ была поставлена маленькая рама изъ палокъ, повидимому, для того, чтобы вѣшать что-либо для изготовленія или сушки на огнѣ. Сверхъ того, на стѣнѣ каждой камеры висѣло по связкѣ сѣна для зажиганія огня. Еще нѣсколько очаговъ находилось въ различныхъ мѣстахъ дома. Между каждыми двумя камерами было узкое отверстіе для двери, около 3 футъ вышины, закрытое хорошо сдѣланною изъ бамбука дверью, изъ которой маленькая лѣстница давала особый выходъ наружу. Съ каждаго конца дома было нѣчто въ родѣ площадки или балкона,—выступъ пола, но безъ поперечныхъ досокъ, прикрытый наклоннымъ выступомъ крыши. Часть дома общая, т. е. незанятая отдѣльными камерами, составляла около $^1/_3$ его ширины и содержалась весьма чисто. Темнота была довольно большая, такъ какъ свѣтъ проникалъ только изъ дверей по обоимъ концамъ дома и изъ дверей, ведущихъ въ камеры.

Какъ назвать общество, обитавшее въ подобномъ домѣ? Семействомъ, братствомъ, родомъ, кланомъ? За одно можно поручиться, что это было собраніе родичей, ведущихъ общее хозяйство и спящихъ подъ одною кровлею.

У эскимосовъ [1]) имѣются двоякаго рода жилища—лѣтнія и зимнія. Лѣтнія ихъ обиталища суть палатки изъ шкуръ животныхъ, растянутыхъ на 10—14 шестахъ, которые собраны вверху въ пучокъ и опираются на раму, служащую въ то же время входомъ. Въ такихъ палаткахъ помѣщается обыкновенно отъ 10 до 20 человѣкъ.—Зимнія жилища гораздо разнообразнѣе строеніемъ. Вообще они строются изъ камня и торфу; стропила крыши и столбы, поддерживающіе центральную часть крыши, сдѣланы изъ дерева. Что касается до внутренняго устройства дома, то проходъ, ведущій чрезъ него, узокъ и длиненъ, и входя въ домъ необходимо сначала опускаться, а потомъ снова подниматься, чтобы достигнуть средины его. Послѣдняя состоитъ изъ одного апартамента, только ложи и скамьи для постелей раздѣляютъ ее на различныя части для отдѣльныхъ семействъ. Въ каждой ложѣ имѣется особый очагъ или лампа изъ тюленьяго жира. Главный проходъ включаетъ въ себѣ повсюду маленькую боковую комнату для кухни... Въ прежнія времена въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, повидимому, существовалъ обычай имѣть общественныя зданія для собраній, въ особенности по поводу торжествъ. Подобныя зданія продолжаютъ находиться во всеобщемъ употребленіи среди западныхъ эскимосовъ; объ нихъ-же говорятъ и на Лабрадорѣ; въ Гренландіи они извѣстны больше по традиціи и назывались здѣсь kagsee, тогда какъ въ другихъ округахъ названіе ихъ было kagge, karrigi, kashim. Хотя жилые дома строются обыкновенно болѣе, чѣмъ для одного семейства, но число таковыхъ рѣдко превышаетъ три или четыре. Въ южной Гренландіи однако встрѣчаются дома болѣе, чѣмъ въ 60 футъ длины и содержащіе въ себѣ ложи для 10 семействъ. На мысѣ Барроу Симпсонъ нашелъ около 50 домовъ съ двумя karrigi для 300 жителей. Эскимосы вообще могутъ считаться болѣе осѣдлымъ народомъ, нежели кочевымъ, хотя столѣтіе тому назадъ, судя по описанію Кранца, они кочевали больше, чѣмъ оставались на мѣстахъ. Такъ какъ домъ сооружается и ремонтируется *соединеннымъ трудомъ*, то едва-ли можно сказать, что онъ принадлежитъ отдѣльнымъ собственникамъ; если-бы такіе и нашлись, то на нихъ лежали-бы одни только тяжести и обязательства безъ всякихъ дѣйствительныхъ правъ владѣнія. Но между главами различныхъ семействъ всегда находился одинъ, который былъ въ бóльшемъ уваженіи у всѣхъ жителей дома, нежели остальные.

У эскимосовъ [2]) рѣдко можно найти деревню безъ дома для тан-

---

[1] D-r H. Rink. Tales and Traditions of the Eskimo. 1875, 7—8.

[2] B. Seemann. Narrative of the Voyage of H. M. Herald, during the years 1845—51. Lond. 1853, II, 59.

цевъ—зданія, построеннаго *соединенными силами* всей общины по тому же самому плану какъ и жилища, но болѣе обширнаго и сухаго, благодаря поднятію пола на три фута или около того надъ почвою.

У бурятъ [1]) каждый улусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ, большею частью, видъ круга или эллипсиса. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юртъ съ разными хозяйственными пристройками. Въ одной изъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ, старикъ со старухой, иногда съ какими нибудь сиротами-родственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ, живетъ сынъ этого старика со своей женою и своими дѣтьми. Если у старика еще есть женатые сыновья, то они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди по обѣ стороны юрты отца (буряты часто строютъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ). У всего этого единокровнаго семейно-родового круга, пашни, покосы, утуги, скотъ все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ вблизи, въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр. его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ, и тутъ опять въ одной общей загороди, посрединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, и по бокамъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ живутъ болѣе отдаленные родственники, называемые уже «сосѣдями». Такимъ образомъ, улусная родовая община, по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе расширяется, распадаясь на особыя, отдѣльныя загороди или группы юртъ, связь которыхъ съ центромъ ослабляется по мѣрѣ удаленія отъ него. Наконецъ наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ, усвоивая ту же организацію, тотъ-же строй улусной родовой общины. Но связь между улусами не прекращается окончательно. Вся группа подобныхъ улусовъ, большею частью лежащихъ вблизи другъ отъ друга, представляетъ изъ себя цѣлое, одинъ родъ или, точнѣе, родовую общину, подраздѣляющуюся въ видѣ особыхъ генеалогическихъ вѣтвей въ болѣе близкія по связи членовъ улусныя родовыя общины, которыя въ свою очередь состоятъ изъ болѣе мелкихъ частей — семей. Въ кулинканскомъ улусѣ перваго абаганатскаго рода Кудинскаго вѣдомства, а также въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ улусахъ, вмѣсто отдѣльныхъ юртовыхъ хозяйственныхъ построекъ, существуютъ общинныя всеулусныя: таковы напр., общія всеулусныя хлѣбопекарни, общія

[1]) Соколовскій. Экономич. бытъ, стр. 87, по Щапову.

кузницы, кладовыя или амбары и т. п. Организація не ограничивается соединеніемъ отдѣльныхъ мелкихъ улусовъ въ большія родовыя общины; эти послѣднія находятся въ нѣкоторомъ отношеніи въ общей федеративной связи другъ съ другомъ, которая сказывается въ случаяхъ общей нужды.—Рогатый скотъ, всегда составляющій главный источникъ жизненнаго обезпеченія пастушеской общины бурятъ, распредѣленъ по улуснымъ дворамъ болѣе равномѣрно, чѣмъ, напр., лошади, козы, олени и пр. Въ интересахъ родовой и скотоводческой бурятской общины, побуждаемой инстинктомъ единокровной соціальной симпатіи, всегда было, разумѣется, возможно равномѣрное и удовлетворительное обезпеченіе средствами къ жизни, получаемыми отъ скота, мясомъ, молокомъ, масломъ, кожами и пр.

Жилища якутовъ [1]) лѣтомъ—уросы (родъ легкихъ коническихъ шатровъ), зимою—юрты (родъ хижины изъ тонкихъ бревенъ въ видѣ срѣзанной пирамиды). Вдоль стѣнъ юрты устраиваются изъ лежачихъ шестовъ широкія нары, которыя служатъ постелями. По числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, нары разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій досками или лошадиными шкурами. Посрединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится чувалъ, родъ очага или открытаго камина съ трубою, проведенной въ кровлю; въ немъ безпрестанно горитъ огонь для тепла и для варенья пищи. Вокругъ юрты располагаются нѣсколько сараевъ для коровъ, которыя зимою стоятъ подъ крышей и кормятся сѣномъ. Жилища якутовъ сильно разсѣяны: юрта отъ юрты состоитъ въ двухъ верстахъ и болѣе. Лишь мѣстами, гдѣ многолюднѣе, встрѣчаются стойбища, состоящія изъ нѣсколькихъ юртъ.

Кромѣ чума (лѣтнее холодное строеніе) вотяки [2]) имѣютъ на своемъ дворѣ еще особыя двухъ-этажныя лѣтнія помѣщенія (юкенось), въ нижнемъ этажѣ которыхъ хранится хлѣбъ и всякая рухлядь, а верхній этажъ (азбаръ кенóсь) служитъ также для лѣтняго помѣщенія семьи. Это помѣщеніе (азбаръ кенóсь) раздѣлено на отдѣльныя маленькія комнатки съ нарами (каркась кенóсь) для каждой брачной пары, гдѣ супруги хранятъ свое добро и куда безъ ихъ позволенія никто не можетъ войти. У вотяковъ не существуетъ родового раздѣла; поэтому, если женится сынъ, то ему строится только особая клѣть на дворѣ. Въ томъ только случаѣ, когда на дворѣ не находится мѣста, женатый сынъ устраиваетъ особый

[1]) Н. А. Костровъ. Очерки юрид. быта якутовъ. Зап. И. Р. Г. О. по отд. этногр. VIII, 1878, 261.
[2]) В. Бухтеревъ. Вотяки. Вѣстн. Европы, сентябрь 1880, стр. 637.

дворъ, но всегда не далеко отъ своего семейства. Вслѣдствіе этого число членовъ вотяцкой семьи всегда велико,—не рѣдко человѣкъ до 20 и болѣе.

Жилища островитянъ Фокса [1]) (алеутовъ) называются «уллоа» и состоятъ изъ громадныхъ ямъ отъ 100 до 300 футъ длины и отъ 20 до 30 футъ ширины. Они покрыты шестами и землей и имѣютъ на верху отверстія, сквозь которыя люди опускаются внутрь при помощи лѣстницъ. Внутренность жилища подраздѣлена на части камнями, и человѣкъ до 300 иногда занимаютъ одинъ изъ этихъ домовъ сообща. Кромѣ лампы въ выдолбленномъ камнѣ, отвѣчающей любому назначенію,—какъ для варки пищи, такъ и для освѣщенія, никакихъ иныхъ очаговъ не имѣется. Вокругъ стѣнъ этихъ жилищъ многія семейства имѣютъ особые аппартаменты, гдѣ они спятъ и сидятъ за работою; аппартаменты эти образуютъ вогнутыя траншеи, вырытыя по всей внутренней сторонѣ ямы и прикрываемыя рогожами. Лѣтнимъ жилищемъ алеутовъ служитъ судно, перевернутое дномъ кверху.

Подобныя алеутскимъ жилища встрѣчаются и у другихъ американскихъ народовъ сѣвера, напр. у калошей (тлинкиты). Входъ— маленькая дверь сбоку. Огонь, горящій день и ночь, занимаетъ обыкновенно середину комнаты. Надъ нимъ отверстіе, для пропуска дыму, громадныхъ размѣровъ, а по бокамъ комнаты апартаменты, употребляемые въ видѣ кладовыхъ, бань и комнатъ отдѣльныхъ семействъ. Главная комната есть общая и отличается большой нечистотою.

У нуткасъ многія семейства живутъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ со стадами грязныхъ собакъ и дѣтей, причемъ всѣ спятъ на рогожахъ вокругъ центральнаго огня. Дома у нуткасъ, когда для племени ихъ требуется болѣе одного, правильно расположены по улицамъ; они различаются объемомъ, смотря по средствамъ занимающихъ ихъ лицъ и держатся *сообща*, подъ управленіемъ начальника. У индійцевъ, живущихъ южнѣе [2]), хижины состоятъ изъ тростниковой рогожи, растянутой на шестахъ. Бѣднѣйшіе люди и цѣлыя племена постоянно живутъ въ подобныхъ хижинахъ, улучшенныхъ присоединеніемъ нѣсколькихъ бѣличьихъ шкуръ. Въ то время, какъ богатые строютъ прочные дома изъ досокъ, вырубленныхъ посредствомъ костяныхъ клиньевъ, большинство живетъ въ домахъ на подобіе нуткасскихъ и почти столь-же *большихъ*. Эти дома иногда простираются до *нѣсколькихъ сотъ футъ длины* и раздѣлены на

---

1) Bancroft. The Native Races etc. I 89, 169, 1[illegible]

2) Ib. 211, 241, 259.

рядъ комнатъ, такъ какъ въ каждомъ домѣ помѣщается много семействъ.

Молодые чинуки, женясь, приводили своихъ женъ въ домъ отца, и такимъ образомъ многія поколѣнія дружно жили въ своихъ *громадныхъ* жилищахъ, пока не были вынуждены раздѣлиться, вслѣдствіе многочисленности, при чемъ главная власть отправлялась не старѣйшиной, но наиболѣе дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ хозяйства.

У колумбійцевъ внутренней группы жилища часто *достаточно велики*, чтобы помѣстить многія семейства, каждое изъ которыхъ въ подобномъ случаѣ располагается особымъ очагомъ на центральной линіи длины, причемъ опредѣленное-же пространство отпускается подъ его вещи, но другихъ подраздѣленій не существуетъ.

На о-вѣ Ванкуверъ [1]) дома строются слѣдующимъ образомъ: различное число крѣпкихъ столбовъ, смотря по предполагаемой длинѣ дома, въ 18 футъ высоты, вбиваются въ землю, и ихъ вершины грубо выдалбливаются для принятія круглаго бревна, которое тянется во всю длину зданія; подобный-же рядъ столбовъ въ 5 ф. вышины сооружается тогда параллельно и свыше 20 ф. съ другой стороны перваго ряда; потомъ болѣе мелкія бревна, достигающія отъ высшаго до низшаго ряда столбовъ, привязываются внизу крѣпкими веревками изъ коры кедра, а поперекъ ихъ помѣщаются малые столбы, подобнымъ же образомъ прикрѣпленные, дополняя остовъ строенія. Дома сильно разнообразятся объемомъ, иные бываютъ отъ 20 до 25 ф. ширины и отъ 60 до 70 ф. длины.... Внутренность многихъ *большихъ* домовъ раздѣлена на отдѣленія тростниковыми рогожами, что даетъ возможность многимъ семействамъ занимать одинъ и тотъ же домъ, и въ центрѣ каждаго отдѣленія имѣется маленькій очагъ для варки пищи, домъ котораго выпускается сквозь крышу.

Дома ирокезовъ, говоритъ Лафито [2]), имѣютъ форму бочки или садовой бесѣдки; ширина ихъ простирается отъ 5 до 6 саженей, вышина соотвѣтствуетъ ширинѣ, а длина зависитъ отъ количества *«огней»*. На каждый огонь приходится отъ 20 до 25 фут. пространства болѣе, нежели въ тѣхъ вигвамахъ, которые имѣютъ отъ 30 до 40 ф. длины, и въ которыхъ имѣется только одинъ огонь. На каждый такой «огонь» приходится по 4 столба, которые служатъ основою и поддержкою всей постройки.

Женатый сынъ часто помѣщается въ вигвамѣ отца и матери [3]);

---

[1]) C. Wilson. Indian tribes (Trans. of the Ethnol. Soc. of London, IV, 286—7).
[2]) Lafitau, op. cit. 8—9.
[3]) Scoolcraft, op cit. Part II, 63.

здѣсь каждый имѣетъ свое мѣсто для сна — abbinos, которое занять другому столь же непристойно, какъ войти въ чужую спальню.

Изъ всѣхъ индійскихъ поселеній самыя интересныя, какъ и самыя обширныя суть тѣ, которыя принадлежатъ населенію Новой Мексики [1]), къ западу отъ Санта-Фе, въ настоящее время обитаемыя сунисами, но прежде, безъ сомнѣнія, принадлежавшія іемезамъ, моквеямъ и другимъ племенамъ, жившимъ въ долинахъ Челли-Іако, Сіерра-Мадре и многочисленнымъ, платящимъ подать, туземцамъ западнаго Колорадо и Джилы. Эта громадная и въ настоящее время пустынная страна, была густо населена, какъ до, такъ и послѣ завоеванія, если можно о томъ судить по числу пуэблосовъ (это названіе часто придается жилищамъ, городамъ и деревнямъ этихъ широтъ, точно также, какъ и ихъ жителямъ), встрѣчаемыхъ путешественниками между Санта-Фе и 114° западн. долготы, что обнимаетъ пространство около 8°. Эти пуэблосы или индійскіе города состоятъ изъ каменныхъ строеній, на подобіе тѣхъ, которыя встрѣчаются въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, Орегонѣ и Колумбіи, и представляютъ большіе дома, съ двумя крыльями, съ прямыми углами и одинаковой вышины и ширины съ центромъ. Эти два крыла соединены вмѣстѣ полукривой стѣной, обнимающей обширный дворъ, въ которомъ видны одна или нѣсколько цилиндрическихъ построекъ, называемыхъ estufas... Иногда эти estufas построены внутри дома, а не отдѣлены отъ него. Пуэблосы, которые часто доставляютъ жилище значительному населенію, имѣютъ отъ 2 до 4 этажей небольшой высоты, и, будучи осматриваемы со двора, представляютъ колоссальную лѣстницу въ 2—4 ступени; ибо каждый этажъ имѣетъ террассу, образующую полъ лежащаго надъ нимъ этажа. Рядъ широкихъ ступеней даетъ точную идею о странномъ видѣ этихъ курьезныхъ памятниковъ. Внѣшній фасадъ выглядитъ на подобіе весьма высокой стѣны, пробуравленной маленькими окнами, которыя даютъ свѣтъ и воздухъ внутренности комнатъ. Нижній этажъ зданія вообще содержитъ въ себѣ столько-же рядовъ комнатъ, сколько имѣется этажей въ домѣ; эти комнаты получаютъ свѣтъ и воздухъ сквозь окна во внѣшнемъ фасадѣ, или въ фасадѣ по направленію къ двору или, иначе, въ крышѣ. Такъ какъ во всемъ зданіи нѣтъ постоянной лѣстницы, то поднятіе изъ нижняго этажа въ первый этажъ совершается посредствомъ деревянныхъ ступеней, въ точности схожихъ съ нашими; тотъ же способъ поднятія усвоенъ изъ перваго этажа во второй и т. д. до верхушки зданія. Нижніе эта-

[1]) Domenech, op. cit. II, 262.

жи образуютъ террассы, на которыя семейства собираются отдыхать, болтать или курить, проводя долгіе часы въ наслажденіи dolce far niente. Эти террассы или платформы служатъ также для вѣшанія маиса, растеній и всевозможныхъ сортовъ зимнихъ припасовъ, которые употребляются въ пищу лишь послѣ того, какъ были продолжительно выставлены на солнце.

Въ пуэблосахъ Новой Мексики [1]) дома суть общая собственность и мужчины и женщины одинаково участвуютъ въ постройкѣ ихъ; мужчины сооружаютъ деревянный остовъ, женщины дѣлаютъ штукатурку, для чего смѣшиваютъ золу, глину и уголь. Онѣ же изготовляютъ кирпичи, высушенные на солнцѣ, смѣшивая пепелъ съ землею и водою, втискивая эту массу въ широкія колоды и подвергая ее дѣйствію солнца. Многіе дома выстроены изъ камня на глинѣ. Аппартаменты хорошо устроены и чисто содержатся; одна комната назначена для приготовленія пищи, другая для зерноваго хлѣба и зимнихъ запасовъ пищи, остальныя для спаленъ. На балконахъ вокругъ дверей, открывающихся на нихъ, поселяне собираются болтать и курить. По мнѣнію нѣкоторыхъ, поселяне эти суть потомки ацтековъ, что однако не доказано, а скорѣе вѣрно то, что испанцы за ихъ миролюбіе оставили ихъ въ покоѣ, и они до настоящаго времени продолжаютъ жить при прежнихъ обычаяхъ. Бани, или какъ испанцы называютъ ихъ estufa, принимаютъ различныя пропорціи, соотвѣтственно самимъ пуэблосамъ. Каждая деревня имѣетъ отъ 1 до 6 подобныхъ странныхъ сооруженій. Громадная подземная комната представляетъ собою одновременно баню, общую комнату, залъ для совѣщаній, клубный залъ и церковь. Она состоитъ изъ широкой впадины, крыша которой находится приблизительно на уровнѣ почвы, иногда немного выше, и поддерживается тяжелыми столбами или колоннами каменной работы. По сторонамъ стоятъ скамьи, а посрединѣ комнаты квадратный каменный ящикъ для огня, въ которомъ постоянно поддерживается сгараніе ароматическихъ растеній.

Слѣдующее сообщеніе заимствовано изъ бумагъ извѣстнаго путешественника Сквайра по Новой Мексикѣ и Калифорніи лейтенантомъ Эмори [2]): «въ поселеніи Пимосъ мы были поражены красотою и порядкомъ сооруженій для орошенія и дренажа земли. Пшеница, рожь и хлопокъ представляютъ жатву этого миролюбиваго и умнаго народа. Во время нашего посѣщенія былъ сборъ жатвы всѣхъ родовъ, и жниво показывало, что она была роскошна. Хлопокъ былъ

---

[1]) Bancroft, op. cit. I, 534—5.
[2]) R. G. Latham. The natural History of the Varieties of man. Lond. 1850, 390—391.

собранъ и помѣщенъ для сушки въ сараѣ. Поля подраздѣлены валиками изъ земли на прямоугольники отъ 100 до 200 футъ для удобства орошенія. Плетни состояли изъ кольевъ съ переплетомъ изъ ивы, и эта особенность представляетъ примѣръ экономіи въ земледѣліи, достойный подражанія со стороны мексиканцевъ, которые вовсе не употребляютъ плетней... Скота у нихъ лишь немного и онъ употребляется на обработку. У нихъ есть нѣсколько лошадей и муловъ, которые цѣнятся очень высоко. Они оказались большими охотниками до мѣны, которую вели совершенно честно. Капитанъ Джонсонъ пишетъ, что когда его партія пришла въ деревню, то спросила хлѣба, предлагая заплатить за него. Пимосы дали имъ хлѣба, но платы не хотѣли брать, говоря: *«хлѣбъ для ѣды, а не для продажи, берите сколько хотите»*... Врядъ-ли можно сомнѣваться, что пимосы суть индійцы, описанные отцами Гарціасъ и Педро Фонтомъ, какъ обитающіе на южномъ берегу Джилы, въ сосѣдствѣ съ Casas Grandes. Они жили въ двухъ деревняхъ, по имени Утункутъ и Сутаквизау и описываются этими изслѣдователями, какъ мирные и прилежные воздѣлыватели почвы. Когда отецъ Фонтъ пробовалъ убѣдить ихъ въ выгодахъ, какія могли-бы произойти для нихъ изъ учрежденія христіанскихъ миссій, гдѣ индійскій алькадъ управлялъ-бы съ строгою справедливостью, начальникъ отвѣчалъ, что въ этомъ не было для нихъ никакой надобности. «Мы вѣдь не крадемъ», сказалъ онъ, «мы рѣдко ссоримся, на что-же намъ алькадъ?»—Casas Grandes встрѣчаются въ Тараумара (высшая мѣстность Сіерра-Мадре на водораздѣлѣ западныхъ потоковъ Ріо-Гранде и Ріо-Якви и тѣхъ, которые впадаютъ въ Калифорнійскій заливъ). Слѣдующее описаніе одного изъ этихъ домовъ весьма замѣчательно: зданіе это сооружено по плану ново-мексиканскихъ, т. е. состоитъ изъ трехъ этажей съ террассою надъ ними и безъ всякаго входа въ нижній этажъ. Входъ—во второмъ этажѣ, такъ что необходимо взбираться по висячей лѣстницѣ. Жители Новой Мексики строютъ дома такимъ же образомъ, чтобы быть менѣе подверженнымъ нападеніямъ своихъ враговъ. Несомнѣнно, что ацтеки имѣли тѣ же причины сооружать свои дома по этому же плану, такъ какъ каждый слѣдъ крѣпости, сохранившейся отъ нихъ, защищался съ одной стороны низкимъ возвышеніемъ, а съ другой стѣною около 7 футъ толщины, фундаменты которой сохранились до сихъ поръ. Въ этой крѣпости можно видѣть камни величины мельничныхъ жерновъ: стропила крыши изъ сосны и хорошо сработаны. Въ центрѣ этого обширнаго сооруженія есть маленькое возвышеніе, сдѣланное для стражи и наблюденія за непріятелемъ. Тамъ-же найдено было нѣсколько рвовъ и множество домашней утвари, глиняныхъ сосудовъ, горшковъ, ковшей и мелкихъ

стакановъ изъ itetli (обсидіанъ). Casas Grandes есть одна изъ немногихъ развалинъ, существующихъ въ Мексикѣ, первоначальные обитатели которой, какъ полагаютъ, пришли съ сѣвера... Страна здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ миль покрыта руинами построекъ, способныхъ къ помѣщенію населенія, по меньшей мѣрѣ, въ 20 или въ 30.000 душъ. Casas Grandes въ особенности благопріятна для помѣщенія такого числа жителей. Расположенныя на берегу широкой рѣки, которая періодически наводняетъ значительную часть низкихъ окрестностей, они окружены вѣчною зеленью. Есть также развалины водопроводовъ, и, короче, множество указаній, что прежніе ихъ обитатели были люди, которые умѣли пользоваться выгодами природы и улучшать ихъ при помощи искусства; но кто они были и что сталось съ ними, этого сказать невозможно. На южной сторонѣ рѣки Джилы есть другой образчикъ этихъ странныхъ развалинъ; и можно сдѣлать наблюденіе, что всюду, гдѣ встрѣчаются подобные слѣды, тамъ окружающая страна неизбѣжно представляетъ громадное плодородіе почвы и обиліе лѣса и воды. [1])

Юнгъ посѣтилъ деревню Пойевъ или Пайевъ на одномъ изъ притоковъ Черной Рѣки (Гондурасъ) [2]), относительно которой онъ даетъ намъ слѣдующій отчетъ: «индійская община, къ моему удивленію, была помѣщена въ одномъ большомъ домѣ около 85 ф. длины и 35 ф. ширины, въ которомъ всѣ туземцы жили въ совершенно патріархальномъ стилѣ. Вокругъ были построены ясли, тѣсно одни около другихъ, раздѣленныя двумя или тремя пальмовыми досками. Каждый изъ этихъ апартаментовъ принадлежалъ отдѣльному семейству. Съ одной стороны дома было отдѣлено мѣсто около 10—16 футъ ширины и скрыто отъ взоровъ зелеными листьями, которые были замѣняемы, какъ скоро вяли. Въ этомъ мѣстѣ держали женщинъ во время ихъ беременности и нѣсколько дней спустя, пока онѣ снова становились способны исполнять свои разнообразныя обязанности.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы, по всѣмъ признакамъ, имѣемъ предъ собою то положеніе общества, о которомъ Морганъ [3]) говоритъ слѣдующее: «оно привело бы мать и ея дѣтей въ одинъ и тотъ-же родъ, послужило къ устройству общиннаго хозяйства на основѣ рода и придало бы роду матери преобладаніе въ хозяйствѣ. Семейство продолжало-бы быть окруженнымъ остатками брачной системы, при-

---

[1]) Прекрасное описаніе Casas Grandes въ Новой Мексикѣ содержится у Bartlett'a въ его „Personal Narrative", и здѣсь же имѣются указанія на извѣстія старыхъ и новыхъ путешественниковъ.

[2]) E. G. Squier. The States of Central America. New-Iork. 1858, Ch. XII, 226 и слѣд.

[3]) L. Morgan. Ancient Society. New-Iork. 1877. 343 и слѣд.

надлежащей къ болѣе раннимъ условіямъ. Подобное семейство, состоящее изъ брачныхъ паръ съ ихъ дѣтьми, естественно находило-бы себѣ кровъ съ родственными семействами въ *общинномъ хозяйствѣ*, въ которомъ различныя матери и ихъ дѣти были-бы одного и того же рода, а предполагаемые отцы этихъ дѣтей другаго рода. Общія земли и обработка соединенными силами повели бы къ соединенному пользованію *домами* и къ коммунизму въ жизни, такъ какъ гинекократія требуетъ для своего образованія наслѣдованія въ женской линіи. Женщины, сосредоточенныя такимъ образомъ въ обширныхъ хозяйствахъ, снабжаемыхъ изъ общихъ запасовъ,—хозяйствахъ, въ которыхъ ихъ собственный родъ такъ значительно преобладаетъ въ числѣ, произвели бы явленія материнскаго права и гинекократіи, которые открылъ и прослѣдилъ Бахофенъ, при помощи отрывковъ исторіи и традиціи».

Въ Бразиліи [1]), если многія семейства живутъ въ одной постройкѣ, то каждое изъ нихъ владѣетъ тою частью, въ которой оно вѣшаетъ свой коверъ и зажигаетъ свой огонь, преимущественно, какъ собственностью. Здѣсь, на этомъ, большею частью, отграниченномъ на стѣнѣ колышками участкѣ, предпринимаетъ каждое семейство свои особыя дѣла, въ которыхъ его сосѣди, вслѣдствіе врожденной лѣни, нисколько не заинтересованы. Такъ какъ мѣсто для огня существенно для каждаго подраздѣленія, то бразильскій дикарь опредѣляетъ величину хижины числомъ мѣстъ для огня, подобно тому, какъ это принято и у сѣверо-американцевъ. Эти жилища, точно также, какъ и хижины *вождя, служащія для собраній*, разсматриваются только какъ собственность жителей, хотя бы многія семейства, или даже весь родъ принималъ участіе въ ихъ сооруженіи. Двери, общія всѣмъ отдѣленіямъ, на ночь припираются или запираются щеколдами извнутри, въ теченіи-же дня стоятъ открытыми, или въ отсутствіи жителей запираются при помощи деревянной задвижки, или при помощи обвитой вокругъ задвижки бумажной нитки. Это полное довѣріе къ честности сосѣдей, подобіе которому мы находимъ только у скандинавовъ крайняго сѣвера, представляетъ прекрасную черту характера американскихъ дикарей. Ихъ заслуга не умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что они обладаютъ лишь немногими и вообще легко пріобрѣтаемыми вещами. Орудія, украшенія изъ перьевъ и домашняя утварь суть для нихъ предметы высокой цѣнности, хотя они и могутъ пріобрѣтать сами почти всѣ эти вещи, правда, не безъ труда и траты времени. Но что всѣ живутъ при равныхъ

---

[1]) **Marzius**, op. cit. 33 и слѣд.

условіяхъ возможнаго пріобрѣтенія, что здѣсь нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, какъ въ цивилизованныхъ государствахъ, въ этомъ, повидимому, заключается палладіумъ индійской честности. И въ простомъ дикарѣ воспламеняется жажда къ пріобрѣтенію того, что онъ можетъ добыть только съ трудомъ и лишь исключительно, и соблазненный злыми помышленіями и онъ также становится воромъ.

Эррера въ своей «Исторіи Америки» [1]) говоритъ: «береговыя племена Венецуэлы живутъ въ большихъ домахъ, столь обширныхъ, что въ нихъ вмѣщается до 160 человѣкъ; дома эти крѣпко построены, хотя и покрыты пальмовыми листьями и имѣютъ форму колокола».

Когда жителей Антильскихъ островов [2]) просятъ срубить дерево для сооруженія жилища ихъ сосѣдей, то они идутъ туда всѣ вмѣстѣ и послѣ двухъ-трехъ часовой работы они вамъ набрасываютъ до 100 шаговъ дерева въ кучу, а потомъ отправляются пить и кутить весь остальной день и часто всю ночь: но на всякій иной трудъ они употребляютъ не болѣе 1 часа въ день и то столь лѣниво, что, кажется, они смѣются надъ дѣломъ. Все остальное ихъ время уходитъ на то, что жены ихъ чешутъ и разрисовываютъ, что они играютъ на флейтѣ и мечтаютъ. За то на женъ взвалена вся работа.

Дома караибовъ называются carbets [3]). Одинъ подобный carbet имѣлъ около 60 футъ ширины; онъ былъ сдѣланъ на подобіе залы. Маленькіе стобы подъ нимъ были 9 футъ вышины, большіе пропорціонально выше.

Бразильскія женщины строютъ легкіе дома... [4]) Въ подобной хижинѣ почти всегда живутъ многія семейства вмѣстѣ и многія хижины вмѣстѣ называются португальцами Raucharia. На одномъ и томъ-же мѣстѣ остаются, большею частью, не долго.

Нравы и мѣстныя условія оказываютъ сильное вліяніе на способъ постройки южно-американскихъ жилищъ. [5]) У перуанцевъ всякое хозяйство имѣетъ свое отдѣльное жилище сравнительно незначительныхъ размѣровъ; у гарани, у мокеевъ, гваранисовъ, чикитовъ, кромѣ частныхъ жилищъ, въ каждой деревнѣ существуетъ обширный общинный домъ для пріема иностранцевъ, посѣтителей, а у послѣдняго изъ этихъ народовъ для молодыхъ людей обоего пола, которые удаляются изъ своихъ семействъ, чтобы жить вмѣстѣ до брака.

---

[1]) I. 216.

[2]) Du Tertre. Histoire génerale des Antilles. Paris, 1667, II, 382.

[3] Labat. Nouveau Voyage aux isles de l'Amerique. 1722, II, 84.

[4] M. Prinz zu Wied Neu-Wied. Reise nach Brasilien in den Jahren 1815 bis 1817, I, 19.

[5]) D. Orbigny. L'Homme americain. Paris 1839, I, 190.

Басуты южной Африки [1]) сохраняютъ свое зерно въ большихъ соломенныхъ постройкахъ формы церкви, кровля которыхъ непроницаема для дождя. Кафры дѣлаютъ для этого глубокія ямы въ оградахъ, гдѣ запираются ихъ быки. Стѣны этихъ ямъ заботливо выровнены. Отверстіе, имѣющее лишь такой діаметръ, который дозволяетъ одному человѣку войдти и выйдти, находится на поверхности земли. Когда подземная житница наполнена, отверстіе ея закупориваются герметически и все закрывается толстымъ слоемъ глины и земли.

Въ поселеніяхъ народа Кимбунда [2]) отдѣльныя хижины или либата укрѣплены оградою изъ столбовъ и рвомъ внѣ ограды и всегда сооружаются отдѣльно, такъ что между ними остается промежутокъ въ 300—400 саженъ. Поселеніе состоитъ изъ большаго или меньшаго числа такихъ либата. Каждая либата управляется главою семейства ея собственникомъ—**sekulu**, а всѣ либаты поселенія подчинены **erombe seculu**, т. е. старѣйшинѣ. **Libata** послѣднихъ больше объемомъ, чѣмъ другія. Въ либатѣ живетъ 80—160 душъ и всѣ они тѣсно поддерживаютъ и защищаютъ другъ друга противъ общихъ враговъ.

Подобно другимъ племенамъ первобытнаго состоянія, [3]) готтентоты жили совмѣстно въ своихъ крааляхъ или деревняхъ, подобно членамъ одного семейства, держа свою собственность въ рогатомъ скотѣ и овцахъ, какъ родъ *общаго* капитала, на который всѣ имѣли равныя права. Когда отдѣльное лицо убивало быка или овцу, то убитое животное вызывало общій пиръ; и лицо, которому оно принадлежало, имѣло столь же мало пищи на другой день въ своемъ домѣ, какъ и любой изъ его сосѣдей. Тѣ же обычаи продолжаютъ держаться среди кафровъ, бушменовъ и намаквовъ. Если дюжина людей оставляетъ краалъ, чтобы идти на охоту, и только одинъ охотится съ успѣхомъ, то болѣе счастливый охотникъ раздѣляетъ свой запасъ съ своими менѣе счастливыми товарищами.

Городской домъ или палаверъ [4]) называется **burri** и тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что онъ покоится на столбахъ и не имѣетъ стѣнъ, чтобы въ немъ всегда было прохладно. Вокругъ дома внутри сдѣлана земляная скамья, на которой можно садиться и даже лежать. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ такъ велики, что въ нихъ помѣщается отъ 200 до 300 человѣкъ, и здѣсь производятся всѣ общественныя дѣла, которыя жители имѣютъ съ своими сосѣ-

---

[1]) Casalis, op. cit. 176.
[2]) Magyar, op. cit. 304—305.
[3]) Philip. Researches in South Africa, Lond. 1827, I, 6—7.
[4]) Winterbottom, op. cit. 117.

дями. Мужчины проводятъ здѣсь большую часть своего времени, болтаютъ между собою и разсказываютъ мѣстныя новости; иностранцы, приходящіе въ мѣстечко, отправляются сюда и остаются здѣсь до тѣхъ поръ, пока имъ не дадутъ квартиры. Такъ какъ это есть мѣсто для всеобщихъ собраній жителей, то оно напоминаетъ родъ биржи и объясняетъ до извѣстной степени первобытный обычай сидѣть за воротами города, гдѣ, какъ на самомъ свободномъ мѣстѣ, ведутся всѣ общественныя совѣщанія, произносятся приговоры правды и справедливости и держится открытый рынокъ [1]). Тутъ-же при свидѣтеляхъ и для памяти совершаются и всякаго рода договоры. Верхняя часть бурри или палавера, служитъ житницей, въ которой сохраняется рисъ.

У нѣкоторыхъ дайакскихъ племенъ на Борнео [2]) дома представляютъ собою не хижины и даже не простые дома обыкновенныхъ размѣровъ. Они помѣщаютъ въ себѣ отъ 100 до 200 лицъ каждый и построены надъ почвой, на столбахъ. Эта форма архитектуры домовъ важна сама по себѣ, но важна еще и потому, что она же встрѣчается на Новой-Гвинеѣ и была также найдена на Явѣ.

Общее жилище въ Тунгонгѣ (Борнео) [3]) столь-же грубое, какъ и громадное, простирается до 594 футъ длины и передняя комната или корридоръ идетъ во всю длину зданія и имѣетъ 21 футъ ширины. Задняя часть раздѣлена рогожными перегородками на частные аппартаменты различныхъ семействъ, и изъ нихъ 45 отдѣльныхъ дверей ведутъ въ общій аппартаментъ... Вдовцы и молодые не женатые мужчины занимаютъ общую комнату, такъ какъ лишь тѣ, которые имѣютъ женъ, имѣютъ право на привиллегію отдѣльнаго помѣщенія. Полъ этого зданія поднятъ надъ почвою на 12 футъ, и способъ восхожденія—стволъ дерева съ сдѣланными на немъ зарубками, самая затруднительная и неудобная лѣстница [4]). Спереди зданія расположена терраса въ 50 фут. ширины, сдѣланная, подобно полу, изъ расщепленнаго бамбука. Эта платформа, кромѣ обыкновенныхъ жителей, подобно общей комнатѣ, даетъ прибѣжище свиньямъ, собакамъ, обезьянамъ и домашней птицѣ, представляя бойкую сцену суматохи и шума. Здѣсь же совершаются обыкновенно домашнія работы, изготовленіе рогожъ и т. д.

Нѣкоторые изъ племенъ на Борнео [5]) живутъ въ жалкихъ, низ-

---

[1]) Интересно, что совершенно такія же зданія для тѣхъ-же общественныхъ цѣлей встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Индіи, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Авганистанѣ, на Палаузскихъ и на другихъ океанійскихъ островахъ.

[2]) R. G. Latham op. cit. 168.

[3]) H. Keppel. The Expedition to Borneo L. 1846, I, 51.

[4]) Жилища Борнео и Новой Гвинеи поразительно сходны съ жилищами озерныхъ деревень, открытыхъ въ Швейцаріи.

[5]) Noor. Notices of the Indian Archipelago. Singapore, 1837, 2.

кихъ жилищахъ, покрытыхъ листьями, но *большинство* домовъ суть *громаднаго размѣра*, поставлены на столбы и пригодны для помѣщенія отъ 50 до 200 человѣкъ. Безопасность отъ нападенія враговъ есть великая цѣль этихъ построекъ.—Кампонгъ [1]) баттаковъ на Суматрѣ можетъ содержать въ себѣ отъ 100 до 200 человѣкъ, одну треть которыхъ составляютъ дѣти. Дома внутри хорошо убраны, украшены рѣзною работою и имѣютъ иногда 100 футъ длины, *не раздѣляясь* на отдѣленія внутри: родители и родственники всѣхъ степеней живутъ вмѣстѣ, если могутъ согласиться и если зданіе можетъ вмѣстить ихъ. Входъ, запираемый ими на ночь, идетъ по лѣстницѣ въ центръ дома снизу. Съ каждой стороны дома имѣются широкія окна.

У монгольскихъ горныхъ племенъ Индіи [2]) жилища различной величины, смотря по селеніямъ, состоятъ или изъ нѣсколькихъ домовъ или только изъ одного... Длина большихъ домовъ простирается отъ 100 до 160 футъ. Раздѣляются на 12—20 комнатъ и содержатъ отъ 100 до 200 человѣкъ. Проходъ идетъ съ одной стороны и въ него открываются отдѣльныя комнаты.

Согласно показанію коммиссара Джемса, [3]) содержащемуся въ его отчетѣ о кадастраціи Густнугура въ области Пешавуръ, отъ 17 апр. 1852 г., въ нѣкоторыхъ округахъ этой области существуетъ обычай періодическаго обмѣна не только земель, но и *жилищъ* между отдѣльными поселеніями и ихъ подраздѣленіями (кунди). Тоже самое явленіе подтверждаетъ другой коммиссаръ кадастраціи въ той-же области, Лёмсденъ въ отчетѣ 17 янв. 1855 года относительно нѣкоторыхъ селеній въ округѣ Юзуфчаль.

Дома сингпосовъ или каконовъ на китайской границѣ [4]) вообще представляютъ ничто иное, какъ длинные сараи съ крышею изъ травы и бамбуковыхъ листьевъ и стѣнами изъ расщепленнаго бамбука. Полъ жилища поднятъ на 3 фута отъ почвы. Эти жилища иногда имѣютъ до 100 футъ длины и подраздѣлены на отдѣленія, розданныя различнымъ семействамъ. По временамъ можно видѣть громадные дома, занимаемые могущественными начальниками (?); дерево этихъ домовъ такихъ громадныхъ размѣровъ и длины, что заставляетъ удивляться тѣмъ, кто могъ построить ихъ при помощи одной ручной работы.

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе на удивительное сходство какъ способовъ постройки, такъ и внутренняго устройства жилищъ у самыхъ различныхъ первобытныхъ народовъ. Океанійцы

---

[1]) Appendix of the Battas.
[2]) H. Spencer. Decriptive Sociology etc. Tabl. XLI.
[3]) M. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе, стр. 81.
[4]) Watson and Kaye. The people of India. Lond. 1868, I.

и южно-американцы, древніе и новые мексиканцы, индійцы и малайцы одинаково сооружають свои жилища общими силами, одинаково раздѣляютъ ихъ внутри на семейные аппартаменты, оставляя извѣстное пространство общимъ, одинаково живутъ въ нихъ большими обществами. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что большіе дома представляютъ неизбѣжную принадлежность жизни первобытныхъ народовъ. Но они все же весьма многочисленны, какъ убѣдился самъ читатель, и, по всей вѣроятности, являются одною изъ обширныхъ фазъ экономическаго роста. Любопытно замѣтить, что чрезвычайно грубая раса баттаковъ на Суматрѣ, какъ и нѣкоторыя южно-американскія и океанійскія племена, еще не додумались до подраздѣленія общаго дома на отдѣльныя помѣщенія. Въ самомъ этомъ подраздѣленіи не трудно видѣть у различныхъ народовъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ ступеней, начиная отъ особаго мѣста въ вигвамѣ сѣверо-американца до отдѣльной комнаты въ средне-американскомъ или мексиканскомъ пуэблосѣ. Матеріалъ для перегородокъ между отдѣльными помѣщеніями, становится, съ повышеніемъ цивилизаціи, все прочнѣе и непроницаемѣе, причемъ совершается постепенный переходъ отъ рогожъ къ коврамъ и кожамъ, а отъ кожъ къ дереву и камню, оттѣняя такимъ образомъ все болѣе и болѣе возрастающія требованія изолированія семьи и отдѣльнаго лица.

Въ порядкѣ нашего изложенія намъ предстоитъ теперь перейти къ краткому разсмотрѣнію вопроса объ общихъ столахъ, или, что тó же, объ общеніи пищи, которое у первобытныхъ народовъ является естественнымъ послѣдствіемъ совмѣстнаго добыванія ея.

Если въ одной мѣстности Австраліи, говоритъ Эйръ [1]), имѣется какая нибудь особенная разновидность пищи въ большемъ изобиліи чѣмъ въ другой, или такая, которая можетъ быть найдена только въ извѣстной мѣстности, то вообще сюда сходится все племя, чтобы участвовать въ потребленіи ея. Если этого нѣтъ, то они разсѣеваются по своему округу отдѣльными группами или отдѣльными семьями. Въ извѣстное время года, обыкновенно весною или осенью, когда пища наиболѣе изобильна, нѣсколько племенъ сходятся въ территоріи одного изъ нихъ съ цѣлью всеобщаго празднества, или обмѣна пищи, одежды, орудій, оружія и прочихъ предметовъ, которыми обладаетъ каждое изъ нихъ. «Я имѣлъ неоднократный случай», говоритъ Лессонъ, [2]) «находиться среди туземцевъ острова

---

[1]) Eyre. op. cit. 218.
[2]) Lesson. Voyage autour du monde. Paris. 1838, II; 497.

Уалана (Океанія), когда они ѣли и распредѣляли пищу, и всегда видѣлъ большое число мужчинъ, обѣдавшихъ совмѣстно, которымъ прислуживали молодые люди, съѣдавшіе впослѣдствіи остатки ихъ обѣда».

Если кто либо изъ охотниковъ-австралійцевъ, [1]) вопреки всѣмъ стараніямъ, возвращается въ станъ съ пустыми руками, то онъ занимаетъ свое мѣсто при огнѣ, на которомъ остальные готовятъ свою пищу, повидимому, не обращая вниманія на то, что они дѣлаютъ. Онъ не обращается ни съ какимъ воззваніемъ къ ихъ симпатіямъ, ни даже съ какимъ-либо намекомъ на свой неуспѣхъ, напротивъ, шутитъ и смѣется съ ними, съ такою-же беззаботною миною, какъ будто бы у него у самого жарилась на огнѣ лучшая часть кенгуру. По мѣрѣ того, какъ трапеза продолжается, сначала одинъ, потомъ другой, ни говоря ни слова, и даже не глядя на него, протягиваютъ ему кусокъ, который онъ принимаетъ, быстро хватая и безъ всякихъ знаковъ признательности. Съ другой стороны, если охотникъ имѣлъ особенную удачу, то, спрятавъ свою дичь въ какомъ нибудь вѣрномъ мѣстѣ по близости отъ стана, онъ возвращается къ своимъ товарищамъ съ пустыми руками, какъ будто-бы его охота была вполнѣ неудачна, занимаетъ свое мѣсто межъ ними и нѣсколько времени молчитъ о славномъ дѣлѣ. Немного погодя, онъ обращается къ кому либо плохо или вовсе неужинавшему, и говоритъ ему самымъ беззаботнымъ образомъ, чтобы тотъ принесъ дичь, оставленную тамъ-то, какъ будто-бы убивать кенгуру или эму было для него дѣломъ каждаго дня. Товарищъ охотно повинуется, и весь родъ испускаетъ общій крикъ одобренія, восхваляя его ловкость и охотничье умѣнье надъ всѣми другими черными пріятелями прошедшаго, настоящаго и будущаго.

Хотя сношенія между туземцами Новой Каледоніи, читаемъ у Де-Рохаса, [2]) не достаточно часты отъ племени къ племени, но взамѣнъ этого, они постоянны между деревнями одного и того-же племени, и столь близки между жителями одной и той-же деревни, что они живутъ совсѣмъ въ коммунизмѣ. Большое число молодежи не имѣетъ даже жилья и живетъ другъ у друга. Въ часъ, когда опустошаются горшки съ пищею, приближается кто хочетъ, чтобы взять свою долю, никто не помѣшаетъ ему въ этомъ. Составляетъ общераспространенный обычай многимъ семействамъ имѣть общій столъ, но съ раздѣленіемъ половъ, при чемъ дѣти остаются съ женщинами. Новокаледонцы имѣютъ, по мнѣнію автора, инстинктъ коммунистичес-

---

[1]) Oldfield. The Aborigenes of Australia. Trans. of the Ethnolog. Society of Lond. New Series, 1861, III. 271.

[2]) De Rochas, op. cit. 252.

кой доктрины. Во всякомъ случаѣ они столь-же охотно раздѣляютъ собственное имущество, какъ и жаждутъ раздѣла чужого. Нужно сказать въ ихъ похвалу, что они обнаруживаютъ при всякихъ обстоятельствахъ величайшее великодушіе. Авторъ могъ сдѣлать это наблюденіе въ цѣлой тысячѣ случаевъ. Какъ только давали одному изъ нихъ подарокъ, онъ спѣшилъ раздѣлить его съ другими, не удерживая за собою непремѣнно бо́льшей доли. Но, слѣдуетъ прибавить, что въ этомъ отношеніи они скорѣе слѣдуютъ обычаю, отъ котораго не могли-бы уклониться, не подвергаясь отреченію со стороны общественнаго мнѣнія, нежели приводятся въ движеніе чувствомъ сердца, такъ какъ, если они могутъ спрятать обладаемыя ими вещи, или что имъ дано, то они прекрасно воздерживаются (?) отъ раздѣла. Какъ-бы то ни было, свободно или обязательно ихъ великодушіе, но въ связи съ непредусмотрительностью, оно дѣлаетъ то́, что они часто нуждаются въ необходимомъ. Паразиты и лѣнивцы (чисто европейская точка зрѣнія!) потребляютъ много и приносятъ мало. «Вотъ предвкушеніе того, что вы хотите дать намъ, соціальные реформаторы, убивши свободу, заставивши ея бояться, вмѣсто того, чтобы заставить ее любить,—эту дочь небесъ, переодѣтую вами въ послѣдовательницу ада». При такой горячности темперамента и чувствъ, сужденія и выводы автора относительно значенія общинныхъ порядковъ быта новокаледонцевъ слѣдуетъ принимать cum grano salis.

Каждые 30—40 человѣкъ туземцевъ Палаузскихъ острововъ, [1]) принадлежатъ къ группѣ, называемой клёббергёль, въ которую вступаютъ съ малолѣтняго возраста. Назначеніе этихъ группъ состоитъ въ обязательномъ участіи въ разнаго рода общественныхъ работахъ подъ названіемъ «макезангъ». Къ числу этихъ работъ принадлежатъ: постройка большихъ домовъ, сооруженіе большихъ судовъ, шитье парусовъ къ нимъ и крученіе канатовъ, ловля большой рыбы, особенно, сильныхъ скатовъ, наконецъ работы по доставленію припасовъ и устройству большихъ *празднествъ*, сопряженныхъ съ *угощеніемъ*... Если кто видитъ этихъ людей исключительно въ такіе дни (напр. въ дни приготовленія къ празднествамъ, вообще, въ дни общинныхъ работъ), тотъ вынесетъ съ собою убѣжденіе, что съ такимъ физически сильнымъ и работящимъ народомъ можно бы сдѣлать многое. Но ихъ энергія скоро прекращается и они возвышаются до подобныхъ усилій лишь потому, что этого требуютъ ихъ старинные обычаи. Всякая работа по ихъ собственному желанію, напр. та, къ которой хочетъ привлечь ихъ европеецъ (т. е. наемная, за ничтожную плату, забылъ прибавить авторъ) очень скоро утомляетъ

---

[1]) Semper. Die Palau-Inseln, 35 и слѣд., 93.

ихъ. Они не могутъ понять, что бѣлые люди, у которыхъ есть все, чего желаетъ ихъ сердце, истощаются въ трудахъ до самаго конца жизни, чтобы только накоплять все больше и больше имущества. Сами они совершенно счастливы ежедневнымъ пользованіемъ тѣми благами, которыми надѣлила ихъ природа.

Если кто нибудь изъ индійцевъ [1]) голодаетъ, то всѣ члены племени складываются, чтобы помочь ему. Когда у сосѣдей не хватаетъ хлѣба, ихъ приглашаютъ поискать таковаго у себя.

«Наши родственники, сказалъ одинъ изъ старѣйшинъ, [2]) пришли къ намъ изъ отдаленной страны, и мы не должны терпѣть, чтобы они оставались въ нищетѣ среди нашихъ семействъ. Всѣ мужчины, одинъ за другимъ, предложили охотиться для насъ и согласились, что каждый отдастъ намъ часть того, что убьетъ самъ. Мы были снабжены пищею столь-же хорошо, какъ и остальные охотники, такъ что въ случаѣ недостачи собственной дичи мы напередъ были увѣрены въ полученіи части добычи нашихъ друзей». Первый медвѣдь, убитый молодымъ охотникомъ, служитъ для угощенія всѣхъ сосѣдей, по обычаю индійцевъ. Тотъ же обычай по отношенію къ тюленю существуетъ у гренландцевъ.

Если кому нибудь изъ камчадаловъ [3]) нужна вещь, которая есть у сосѣда, онъ идетъ къ нему, хотя, быть можетъ, вовсе его не знаетъ, и излагаетъ свою потребность безъ всякихъ церемоній. Подчиняясь обычаямъ страны, владѣлецъ даетъ ему все, что онъ у него проситъ. Въ случаѣ нужды послѣдній возвращаетъ просителю визитъ и, въ свою очередь, беретъ у него, что требуется; такимъ образомъ, каждый имѣетъ все, что ему нужно.

У эскимосовъ [4]) отъ каждаго тюленя, пойманнаго на зимней станціи въ теченіи сезона ихъ пребыванія въ зимнихъ домахъ, между всѣми жителями мѣста распредѣлялись небольшіе куски мяса, съ соотвѣтствующимъ количествомъ жира; въ случаѣ недостатка мяса для столь большого числа лицъ, общіе жильцы дома получали свою долю первые. Въ подобныхъ случаяхъ не пропускали никого, и, слѣд., самый бѣдный не могъ нуждаться въ пищѣ, пока вообще была достаточна обычная ловля тюленей. Кромѣ этого общаго распредѣленія, всякій, убивающій перваго тюленя, приглашалъ остальныхъ раздѣлить съ нимъ трапезу. Однако слѣдуетъ замѣтить, что когда населеніе мѣста превышало извѣстную цифру, или когда, тю-

[1]) Perrot. Mémoire sur les moeurs etc. des sauvages de l'Amér. Septentrionale. 1864, 70—71.

[2]) I. Tanner. Mémoires ou trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord, Paris, 1835, I, 62.

[3]) Kracheninnikof. Histoire de Kamischatka. II, 99.

[4]) Rink. Tales and Traditions of the Eskimo. 1875. 27.

лени бывали въ большомъ изобиліи, это распредѣленіе мяса и жиру, вѣроятно, ограничивалось только нѣсколькими ближайшими домами или родственниками. То же самое утверждалъ сто лѣтъ тому назадъ и Кранцъ, [1]) прибавляя: «никто изъ нихъ, даже самый бѣдный, никогда не попроситъ ѣсть; да въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности, такъ какъ гостепріимство соблюдается во всей странѣ, какъ относительно знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ».

У лопарей, [2]) гдѣ семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ или племянниковъ, тамъ хозяйство у каждаго свое, и имѣютъ они только общій столъ; иногда-же имѣютъ все общее, до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ за кѣмъ нибудь утайки изъ заработка; лишь замѣтятъ, тотчасъ начинается дѣлежъ.

У бурятъ [3]) всѣ члены одной загороди не только работаютъ сообща, но иногда и обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще, при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Если въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ жаренину, то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ, могутъ не стѣсняясь идти сюда какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ.

У южно-американцевъ [4]) въ обѣдѣ принимаютъ участіе жители хижины, почти также, какъ и каждый сосѣдъ или родственникъ, находящійся въ наличности; каждый, безъ соблюденія ранга, отрѣзываетъ себѣ при этомъ кусокъ жаркого и садится съ нимъ въ углу хижины или подъ тѣнью дерева, вдали отъ огня и отдѣльно отъ другихъ.

Когда отдѣльный готтенготъ [5]) убиваетъ быка или овцу, то убитое животное вызываетъ общій пиръ; и лицо, которому оно принадлежало, имѣетъ столь же мало пищи въ своемъ домѣ на слѣдующій день, какъ и любой изъ его сосѣдей. Тѣ же обычаи примѣняются среди каффровъ, бушменовъ и намаквовъ. Если дюжина людей оставляетъ краалъ, чтобы идти на охоту за дичью и только одинъ имѣетъ успѣхъ, то счастливый охотникъ раздѣляетъ свою добычу съ менѣе счастливыми его сотрудниками по охотѣ.

Племя каминкоевъ [6]) въ южной Африкѣ явилось навѣстить лагерь Ле-Валльяна. У него не было на всѣхъ водки, и потому онъ предложилъ по стакану только начальнику и тѣмъ, кто, по внѣш-

---

[1]) Historie von Grenland. 1770. II, 222.

[2]) А. Я. Ефименко, Юрид. бытъ лопарей. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. 1878, VIII, 14 и слѣд.

[3]) Соколовскій. Экономич. бытъ, § 7 и слѣд. (по Щапову).

[4]) I. Philip. Researches in South Africa. Lond. 1827, I. 6—7.

[5]) Spix und Martius. Reise in Brasilien. Münch. 1823, I, 389.

[6]) Le Vaillant. Premier Voyage dans l'intérieur de l'Afrique. Paris, 1819, II, 115.

нему виду и возрасту, казался ему болѣе другихъ достойнымъ уваженія: каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что они удерживали жидкость во рту, не проглатывая ея, а потомъ всѣ приблизились къ своимъ товарищамъ, не получившимъ ея, и стали переливать ее изо рта въ ротъ, подобно тому какъ птицы небесныя кормятъ другъ друга изъ клюва въ клювъ.

Было бы утомительно и безполезно цитировать сполна рядъ описаній общаго потребленія пищи и напитковъ и особенно частыхъ пиршествъ, который содержится въ многочисленной литературѣ путешествій. Сказаннаго достаточно для того, чтобы составить себѣ приблизительно точное понятіе о степени распространенія этого обычая. Выше мы уже упоминали, что согласно изслѣдованіямъ Віоле, общіе столы имѣли весьма значительное распространеніе и у древнихъ [1]), и слѣдовательно представляютъ институтъ, который столь же неизбѣжно связанъ съ извѣстными состояніями экономической культуры, какъ и пользованіе общими жилищами, сѣтями, судами и пр.

ГЛАВА V.

Гостепріимство. — Дареніе. — Случайный и измѣнчивый характеръ труда и потребленія. — Отсутствіе способовъ сношеній.

Отъ разсмотрѣнія общаго потребленія пищи и напитковъ намъ предстоитъ непосредственный переходъ къ оцѣнкѣ того значенія, какое имѣютъ въ экономической жизни первобытныхъ народовъ гостепріимство и дареніе.

Что такое гостепріимство? Съ перваго взгляда подобный вопросъ можетъ показаться страннымъ. Кому же неизвѣстно, что гостепріимство есть одно изъ лучшихъ свойствъ нравственной природы человѣка, — добродѣтель, которую можно поставить на ряду съ вели-

[1]) Слѣды подобныхъ учрежденій встрѣчаются также у китайцевъ: „Увѣковѣченіе семействъ въ Китаѣ черезъ усыновленіе въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ“, говоритъ Фр. Дэвисъ (China. A general Description of that Empire L. 1857, 344) „не менѣе способствуетъ густотѣ народонаселенія, какъ и способъ, при помощи котораго эти семейства живутъ и поддерживаютъ свое существованіе. Это универсальная система скопленія населенія по наиболѣе экономическому плану. Императоръ замѣчаетъ въ своихъ священныхъ инструкціяхъ, что „нѣкогда подъ одною кровлею жили девять поколѣній; и что въ одномъ семействѣ Чангъ-ци Кчангъ-гоу *семсотъ человѣкъ* раздѣляло ежедневный *столъ*“. Такимъ путемъ всѣ, имѣющіе общее имя, должны удерживать въ памяти свое общее происхожденіе и родство. Права родства вслѣдствіе этого укрѣпляются и становятся обязательными, и поддержанная, кромѣ того, общественнымъ мнѣніемъ семейная собственность имѣетъ назначеніемъ давать средства существованія наибольшему числу лицъ“.

чайшими заслугами личности по отношенію къ своимъ ближнимъ. И при всемъ томъ, подобный взглядъ на гостепріимство имѣетъ чисто европейское происхожденіе. Только въ Европѣ, и нигдѣ болѣе, гостепріимство признается добродѣтелью, т. е. такою нравственною, а не юридическою обязанностью, которая обнаруживаетъ въ человѣкѣ широкую натуру, которая, слѣдовательно, далеко не всякому подъ силу. Неудивительно, поэтому, что европейскіе путешественники, посѣщающіе какую либо не европейскую страну, поражаются всеобщимъ распространеніемъ столь цѣнной добродѣтели и воздаютъ за нее хвалу народамъ, находящимся на раннихъ ступеняхъ развитія. Между тѣмъ, у этихъ народовъ гостепріимство совсѣмъ не добродѣтель, а логическій выводъ изъ общественной организаціи труда. Добродѣтелью гостепріимство становится лишь въ той странѣ, гдѣ общественное раздѣленіе труда обособило интересы и провело рѣзкую черту между «моимъ» и «твоимъ». Тамъ же, гдѣ господствуетъ общинный трудъ и общинное потребленіе, гостепріимство есть простое общеніе имущества. Въ высшей степени характерно то, что обычай гостепріимства, составляющій для европейскаго общества родъ упорнаго переживанія стараго общественнаго устройства, возводится имъ въ добродѣтель, между тѣмъ какъ противоположное качество человѣческаго характера, составляющее плоть отъ плоти и кровь отъ крови новѣйшей общественной организаціи, признается за порокъ. По нашему мнѣнію, единственное правильное объясненіе такой живучести инстинктивныхъ чувствованій и ассоціацій идей, основанныхъ на унаслѣдованномъ опытѣ общинно-родоваго быта, можетъ заключаться только въ томъ, что основы этого послѣдняго съ теченіемъ времени испытали одно только формальное преобразованіе, которое оставило нетронутымъ ихъ внутреннее содержаніе.

На указанное нами свойство гостепріимства у первобытныхъ народовъ впервые обратилъ вниманіе, если мы не ошибаемся, остроумный писатель Оттъ [1]). «Всякому извѣстно(?), говоритъ онъ, что первобытные народы, тѣ, которыхъ называли дикарями или варварами, не знаютъ недвижимой собственности. Всякое племя, правда, приспособляется къ территоріи, гдѣ оно основалось; но, занимая почву, оно только владѣетъ ею, не пріобрѣтая собственности на нее. Не останавливаясь долго на одномъ мѣстѣ и, снимая свои шатры чтобъ отправляться на розысканіе новыхъ очаговъ, оно въ то же время покидало всѣ права на территорію, занимаемую прежде. Племя представляло лишь большую семью; въ ея средѣ не происходило никакихъ подраздѣленій земли. Самое большее что опредѣлялись у земледѣльческихъ племенъ тѣ участки, которые отдѣльныя

[1]) M. A. Ott. Traité d'économie sociale 1851, 211—213.

семейства должны были обработывать каждый годъ. Но эти переделы не имѣли ничего постояннаго, они возобновлялись періодически, и не влекли за собою никакой индивидуальной собственности. Еще замѣчательнѣе, что сама движимая собственность долгое время остается неизвѣстною въ теченіи перваго возраста человѣчества. Правда, у первобытныхъ народовъ встрѣчается индивидуальное владѣніе, но это владѣніе теряется вмѣстѣ съ занятіемъ, оно подчинено общему владѣнію племени, оно принадлежитъ всѣмъ членамъ племени почти столько-же, какъ и самому владѣльцу вещи. Еще въ самое послѣднее время католическіе миссіонеры, пропагандирующіе христіанство на островахъ Дружбы, сообщили столь-же новые, какъ и любопытные факты относительно общенія имуществъ, господствующаго на этихъ островахъ, и которое европейскіе путешественники описывали подъ именемъ гостепріимства. Они познакомили насъ также съ экономическими результатами этого учрежденія, которыхъ они сами бывали жертвою. Именно этому отсутствію идеи собственности слѣдуетъ приписывать и привычку къ воровству, въ которомъ столько упрекали дикарей. Овладѣвая собственностью другихъ, эти первобытные люди не думаютъ нарушать право, о которомъ у нихъ нѣтъ и идеи. Подобные же обычаи встрѣчаются и у варварскихъ народовъ всѣхъ частей свѣта. Нравы германскихъ расъ, завоевавшихъ римскую имперію, показываютъ, что и у этихъ народовъ собственность также была неизвѣстна. У нихъ учрежденіе, замѣнявшее ее, есть право охраны, покровительства, обычая, gewere по нѣмецки, saisine во французскомъ обычномъ правѣ. Племя ввѣряло воину его оружіе, земледѣльцу его скотъ и его орудія труда, женщинѣ ея хозяйственную утварь. Изъ этихъ учрежденій рождалась saisine—право охраны, имѣвшее очень много отношеній съ владѣніемъ и очень мало съ собственностью».

Вотъ что говоритъ миссіонеръ Калинонъ [1]) о гостепріимствѣ на островахъ Дружбы. «Въ цѣломъ пища въ этой странѣ такъ рѣдка, что я и мои собратья полагаемъ, что короли ея считали бы себя богачами, если бы могли имѣть каждые сутки такой обѣдъ, какой имѣютъ во Франціи изъ картофеля. Если такова участь королей, то вы поймете, какова должна быть участь народа. Голодъ дѣйствительно есть наибольшій его бичъ, и, мы убѣждены, что онъ сокращаетъ жизнь большаго числа канаковъ. Эта крайняя бѣдность океанійскихъ народовъ происходитъ не отъ скупости природы; во Франціи нашлось бы немного земли, если еще нашлось бы, похожей на здѣшнюю по плодородію... Эта бѣдность и это состояніе обычнаго голода суть результаты лѣни и гостепріимства, которое вырождается въ споли-

---

[1]) Annales de la Propagation de la Foi. Sept. 1846.

ацію. Лѣнь заходитъ у туземцевъ такъ далеко, что они спятъ половину своего времени, а остальное проводятъ сидя, даже если обрабатываютъ землю. Ихъ никогда нельзя видѣть на ногахъ, развѣ когда они идутъ куда либо, и никогда они не сдѣлаютъ шага съ простою цѣлью прогуляться. Если вы войдете въ какой либо домъ, вы найдете всю семью безъ дѣла, и очень часто спящею. Просыпаются, чтобы принять васъ, но встаютъ не всегда, или ложатся до окончанія визита. Если они приходятъ къ вамъ съ визитомъ, то имъ часто случается лечь у васъ и даже заснуть до утра (то же самое разсказываетъ Земперъ про жителей Палаузскихъ острововъ). Признать это неудобнымъ значило бы желать прослыть за плохо воспитаннаго человѣка. Если васъ избавляютъ отъ сна, то по меньшей мѣрѣ, вамъ говорятъ уходя, что идутъ спать, и, слѣдуя хорошему тону, вы должны отвѣтить, что это хорошо. Обычная формула вѣжливости при встрѣчѣ съ кѣмъ либо—malo e mohe—здороваго сна!

«Гостепріимство, помѣщенное у насъ въ ряду христіанскихъ добродѣтелей, не заслуживаетъ здѣсь этого имени; такъ какъ не говоря о томъ, что его нѣтъ въ сердцѣ, оно очевидно противоположно благосостоянію общества и влечетъ за собою цѣлый кортежъ пороковъ, имѣющихъ во главѣ ту неизлѣчимую лѣнь, о которой я говорилъ выше. Правда, что оно *дѣлаетъ* изъ этихъ большихъ населеній *одно семейство*, что оно даже *соединяетъ одинъ островъ съ другимъ*; но это семейство почти не похоже на тѣ, о которыхъ говорится въ Дѣяніяхъ Св. Апостоловъ. Это обширная община, гдѣ всякій имѣетъ право брать и гдѣ никто не даетъ себѣ труда приносить. Въ дѣйствительности это менѣе гостепріимство, чѣмъ всеобщее нищенство, разрѣшенное идеями страны, или, если желаете, право жить на счетъ другихъ (кто же эти другіе, если *всѣ* живутъ такимъ образомъ?). Дома, съѣстные припасы, животныя, дѣти, любые предметы, хотя и считаются принадлежащими отдѣльнымъ собственникамъ, въ дѣйствительности образуютъ общую собственность. Человѣкъ, напр., строитъ домъ для себя и для своей семьи, другой желаетъ помѣститься въ немъ и можетъ сдѣлать это въ силу права гостепріимства. Кто приготовляетъ себѣ обѣдъ, тотъ обязанъ раздѣлить его со всѣми, кто явится, и если число ртовъ окажется слишкомъ велико, то никто иной, какъ онъ же долженъ поститься. Вы собственникъ извѣстнаго предмета; но стоитъ кому нибудь взглянуть на него, и съ этой минуты зритель пріобрѣтаетъ его; вы должны предложить ему таковой, извиняясь, что даете мало, и ваше предложеніе никогда не встрѣтитъ отказа. Отецъ, мать имѣютъ дѣтей: ихъ просятъ у нихъ, нужно ихъ уступить(?), и такъ далѣе во всемъ остальномъ. Все это

происходитъ повседневно, при первой встрѣчѣ, на дорогѣ, въ собраніяхъ, съ удивительною любезностью и вѣжливостью.

«Вотъ что практикуется между равными; относительно начальниковъ необходимо сдѣлать маленькое дополненіе. Эти послѣдніе рѣшаютъ вопросъ о жизни своихъ подданныхъ, которыхъ они могутъ убить по произволу за проступки, заслуживающіе среди насъ лишь легкаго выговора, и хотя религіозныя идеи уже сильно смягчили даже у невѣрныхъ этотъ жестокій деспотизмъ, но со времени моего пріѣзда на о-въ Тонга было нѣсколько случаевъ такого рода. Эти начальники располагаютъ трудомъ своихъ людей, употребляя ихъ на своихъ плантаціяхъ и лодкахъ; понятно, что рабочіе возвращаются вечеромъ съ постнымъ видомъ въ свои дома, гдѣ они ничего не находятъ съѣстнаго. Женщины и дѣвушки суть собственность начальниковъ, которыми они располагаютъ, частью, для самихъ себя, частью, для иностранцевъ, которымъ они ихъ продаютъ или отдаютъ.

«Вы, быть можетъ, подумаете, что такой порядокъ, окрещенный европейцами именемъ гостепріимства, что такой порядокъ, говорю я, какъ-бы недостаточенъ онъ ни былъ, все-таки имѣетъ то хорошее, что онъ удовлетворяетъ потребностямъ слабой части общества. Нисколько, мой почтеннѣйшій отецъ; при господствѣ этого закона, который только и состоитъ, какъ я упомянулъ выше, въ обязанности давать, хотя и съ сожалѣніемъ, тому, кто является съ просьбою, но нисколько не обязываетъ подавать помощь тѣмъ, которые не могутъ придти,—больные и старики остаются въ совершенно покинутомъ положеніи; послѣднія минуты ихъ жизни ускоряются голодомъ».

Авторъ несомнѣнно усиливаетъ краски, частью, подъ вліяніемъ европейской точки зрѣнія и не отдавши себѣ яснаго отчета въ природѣ общественно-экономической организаціи жителей острововъ Дружбы, частью, навязывая туземцамъ тѣ пороки, которыми они обязаны никому иному, какъ европейцамъ. Въ первомъ отношеніи авторъ относится съ порицаніемъ къ факту всеобщаго гостепріимства, потому что не понимаетъ, что, за отсутствіемъ раздѣленія труда, всѣ туземцы острововъ составляютъ одну неразрывную общину производителей, добывающихъ свое пропитаніе у богатой плодородіемъ природы за самое небольшое количество труда. Малѣйшаго размышленія достаточно, чтобы признать въ подобномъ обществѣ общеніе движимаго имущества вполнѣ необходимымъ и естественнымъ учрежденіемъ. Строго говоря, у туземцевъ не было гостепріимства, потому что всѣ были хозяевами и никто не былъ гостемъ, слѣд. и принимать было некого. Дальнѣйшій упрекъ автора тонганцамъ, что они дарятъ своихъ дѣтей, опять-таки вытекаетъ не

изъ чего иного, какъ изъ непониманія туземнаго родства, на основаніи котораго всякое дитя и безъ всякаго усыновленія имѣетъ множество матерей и отцовъ. Еще болѣе не правъ авторъ, когда онъ жалуется на туземное начальство за то, что оно мучитъ людей работой и продаетъ ихъ женъ и дочерей иностранцамъ. Все это прямой результатъ вліянія самихъ иностранцевъ, которые всюду въ первобытныхъ странахъ усиливаютъ власть начальниковъ въ ущербъ большинству народа, чтобы лучше эксплуатировать съ ихъ помощью этотъ послѣдній.

Въ обычаяхъ Сандвичанъ [1]) преобладало большое гостепріимство. Подарки дѣлались столь щедро, что существовало почти общеніе имущества, и никто не отказывалъ въ пищѣ своему злѣйшему врагу, если тотъ пришелъ къ нему въ домъ.

Народы Новой Каледоніи, какъ и всѣ океанійцы, которыхъ мы знали до настоящаго времени [2]), отличаются большимъ гостепріимствомъ, которое дѣлаетъ то, что все у нихъ есть общее. Этотъ обычай кажется очень хорошимъ, но въ дѣйствительности онъ имѣетъ довольно печальныя послѣдствія, потому что поддерживаетъ эти народы въ невѣроятной лѣности, заставляя ихъ разсчитывать на рессурсы остальныхъ (чьи-же?). Они никогда не откажутъ ни въ чемъ, хотя бы это было преступленіе(?); они сопровождаютъ даже свой подарокъ лестными словами, но въ глубинѣ души они предаются сожалѣнію(?), что не могутъ поступить иначе.

А вотъ результатъ утраты гостепріимства. Въ прежнія времена, говоритъ Гохштеттеръ [3]) прославляли гостепріимство маори, разсказывая черты ихъ благородства и великодушія, но въ настоящее время подобныхъ вещей слышно мало. «Юная школа» маори мало о чемъ заботится кромѣ денегъ «pakeha». Печальнѣйшія доказательства ухудшенія нравовъ и характера туземцевъ при сношеніяхъ съ европейцами представляютъ въ большомъ числѣ города въ свойственномъ имъ классѣ городскихъ маори. Слишкомъ гордые или лѣнивые, чтобы наниматься на службу къ европейцамъ и правильной работой добывать себѣ средства существованія, они бродятъ по улицамъ и трактирамъ, являясь физически и морально испорченными пролетаріями, которые становятся тяжестью для европейцевъ и ужасомъ для своихъ соотечественниковъ. Такимъ-то образомъ вся европейская цивилизація и колонизація, не смотря на нѣкоторыя выгоды, принесенныя ею туземцамъ, дѣйствуетъ на этихъ послѣднихъ, какъ медленный ядъ, который разъѣдаетъ ихъ внутреннюю жизнь, подобно

---

1) Lavres, op. cit. 33—4.
2) Rougeyron, Mission de la Nouvelle Calédonie. (Annales de la Prop. de la Foi, XIII, 1846) 406.
3) Hochstetter, op. cit. 467 и слѣд. См. также. Diffenbach. Neu-Zealand, 26—27.

другому яду, ввозимому сюда, вмѣстѣ съ эпидеміями, не только китоловами и торговцами, но и всякимъ европейцемъ. Наивность нравовъ исчезаетъ передъ формальностями цивилизаціи. Гостепріимный дикарь становится разсчетливымъ и себѣ на умѣ торговцемъ, наша одежда дѣлаетъ его безпомощнымъ, наша пища дѣлаетъ его больнымъ. Свѣжей и полной жизненной силѣ, съ какою распространяется и расширяется англо-саксонская раса, противостоитъ маори, какъ болѣе слабая сторона, а поэтому въ борьбѣ за существованіе онъ выдергиваетъ жребій смерти. Сами маори говорятъ: «также точно, какъ трилистникъ убилъ папортникъ, европейская собака—собаку маори, какъ крыса маори была уничтожена крысою пакега, точно также постепенно и самъ нашъ народъ будетъ вытѣсненъ и уничтоженъ европейцами».

Система общаго интереса въ собственности каждаго, говоритъ Тернеръ [1]), о которой мы упоминали, держится среди самоанцевъ съ великою прочностью. Они чувствуютъ выгоды этой системы, когда отправляются путешествовать. Не только расходы на построеніе дома, но и каное, штрафы, приданое и всякія другія надобности покрываются упомянутымъ способомъ (см. выше о сооруженіи дома). Они считаютъ себя вправѣ получить жилье всюду у своихъ друзей и оставаться въ немъ подолгу. Тотъ же обычай даетъ имъ право просить и занимать другъ у друга на всякую сумму. Каное, орудія, украшенія, монета—все это охотно ссужается однимъ другому, соединенному съ первымъ въ одно племя или въ одинъ кланъ. Человѣкъ не можетъ вытерпѣть, когда его назовутъ скупымъ или не любезнымъ. Если у него есть то, о чемъ его просятъ, то онъ или отдаетъ просимое, или прибѣгаетъ къ худшему выходу сказать ложь, что у него нѣтъ этой вещи, или что онъ уже отдалъ ее другому. Эта система общей собственности составляетъ тормозъ для энергическаго человѣка, и подобно раку подъѣдаетъ корни индивидуальнаго или національнаго прогресса. Какъ бы сильно ни былъ молодой человѣкъ расположенъ къ труду, онъ не можетъ сохранить для себя своего заработка: все скоро выходитъ изъ его рукъ въ общее обращеніе. Единственная вещь, которая примиряетъ отчасти съ этой системой, пока она не уступитъ мѣсто индивидуальной независимости болѣе передовой цивилизаціи, это тотъ фактъ, что при такомъ состояніи вещей у нихъ нѣтъ никакихъ законовъ о бѣдныхъ. Больной, старикъ, слѣпой и даже бродяга всегда имѣетъ домъ и очагъ, пищу и одежду, насколько, по его мнѣнію, онъ нуждается въ этомъ. Иностранецъ можетъ съ перваго взгляда подумать, что самоанецъ есть бѣднякъ изъ бѣдняковъ, но проживя десять лѣтъ съ этимъ самоанцемъ, онъ

[1]) G. Turner. Nineteen Years in Polynesia. Lond. 1861, 258 и сл.

не будетъ въ состоянiи втолковать ему, что такое есть дѣйствительная бѣдность въ европейскомъ смыслѣ этого слова. «Какъ же это», всегда скажетъ онъ, «нѣтъ пищи? развѣ у него нѣтъ друзей? Негдѣ жить? Гдѣ же онъ росъ? Развѣ нѣтъ жилищъ у его друзей? Развѣ у васъ люди не имѣютъ никакой любви одни къ другимъ»?— Самоанцы народъ скорѣе земледѣльческiй, чѣмъ промышленный. Вдобавокъ къ ихъ собственнымъ потребностямъ, ихъ гостепрiимный обычай щедро и безвозмездно удовлетворять потребности посѣтителей со всѣхъ концовъ страны, привлекаетъ на ихъ плантацiи большой наплывъ публики. Тотъ фактъ, что партiя дикарей можетъ путешествовать отъ одного конца территорiи своего клана до другого, не сдѣлавши ни пенни расходу на помѣщенiе и пищу, является поощренiемъ къ экскурсiямъ ради развлеченiя, дружескимъ визитамъ и всякаго рода путешествiямъ. Едва ли проходитъ день, чтобы въ деревенскомъ домѣ для гостей не было нѣсколькихъ чужестранцевъ на продовольствiи всѣхъ семействъ окрестности.

Если одна партiя голодныхъ южно-американцевъ [1]) встрѣчается съ другою, у которой съѣстные припасы еще не вполнѣ истощены, то послѣдняя раздѣляетъ съ вновь пришедшими то немногое, что у нея остается, не ожидая, чтобы ее объ этомъ попросили, хотя подвергается черезъ это той же опасности погибнуть, какъ и тѣ, кому она помогла съ такою гуманностью и величiемъ души. Въ Европѣ въ подобныхъ случаяхъ мы нашли бы мало расположенiя къ столь благородной и великодушной щедрости.

Жители Гвiаны [2]) строго соблюдаютъ гостепрiимство. Когда иноземецъ входитъ въ жилище индiйца, онъ увѣренъ, что будетъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ и по его желанiю. Передъ нимъ будетъ поставлена пища, напитокъ «казири», если нѣтъ «паивари», и ему будетъ оказана всякая любезность, если онъ самъ ведетъ себя вѣжливо и пристойно. Правда, что индiецъ считаетъ и себя самого въ правѣ разсчитывать на подобный-же прiемъ, но это не болѣе, какъ справедливость. Они очень охотно посѣщаютъ своихъ друзей на большомъ разстоянiи. Расчищая и засаживая свои поля, они разсчитываютъ на снабженiе въ теченiи 12 мѣсяцевъ. Посѣщая своихъ друзей, они отсутствуютъ, быть можетъ, около 3 мѣсяцевъ въ году; но отъ этого ничего не выигрывается, такъ какъ друзья навѣрное отплатятъ имъ собственнымъ визитомъ. Такимъ образомъ отдаленныя семьи сохраняютъ между собою связь и поддерживаютъ обширное знакомство со страною.

---

[1]) Lafitau, op. cit. 90.
[2]) W. H. Brett. The Indian Tribes of Guiana. New-york. 1852, 76.

Якатекъ (житель Юкатана) щедръ и гостепріименъ;[1]) никто не входитъ въ его домъ, кому онъ не предложилъ-бы немедленно пить и ѣсть,—днемъ супа или обычнаго напитка, ночью—своего обѣда. Если у него нѣтъ у самого, то онъ пойдетъ поискать въ сосѣдствѣ; если на пути къ нему присоединятся люди, то онъ со всѣми раздѣлитъ то немногое, что у него есть.

«На другой день», разсказываетъ Таннеръ,[2]) пришелъ молодой индіецъ съ кожею бизона, только что приготовленной, и прекрасною парою новыхъ мокассинъ. Онъ разсказалъ, что дорогой былъ ласково принятъ въ вигвамѣ Криковъ (чужаго племени), которые его не понимали, но дали поутру шкуру, на которой онъ спалъ и мокассины. Это гостепріимство весьма обыкновенно среди индійцевъ, которые не имѣли *никакихъ сношеній съ бѣлыми*, и это есть первая добродѣтель, которой старики обучаютъ дѣтей въ своихъ вечернихъ бесѣдахъ съ ними».

Гостепріимство камчадаловъ чрезмѣрно[3]) и доводится до крайности,—до того, что происходитъ соперничество изъ за него. Они ходятъ другъ къ другу въ гости и живутъ по мѣсяцу и по шести недѣль, пока великодушный хозяинъ, видя свой запасъ провизіи истощеннымъ, не дѣлается вынужденъ дать своему гостю намекъ отправляться во свояси. Это исполняется при помощи подачи ему за обѣдомъ блюда, называемаго «толкутой», составленнаго изъ множества мяса, рыбы и овощей, смѣшанныхъ вмѣстѣ и весьма труднаго приготовленія. Это le dernier ressort хозяина дома, и въ моментъ, когда подается это блюдо, гости понимаютъ намекъ и на слѣдующій день уѣзжаютъ, не выражая ни малѣйшаго неудовольствія, такъ какъ этотъ образъ дѣйствій понятенъ между ними.

«Какъ на пути туда, такъ и на обратномъ пути, камчадалы[4]) принимали насъ въ своихъ жилищахъ весьма дружелюбно и угощали съ большою сердечностью. Они дарили намъ куропатокъ, рыбу, ягоды, корни въ большомъ количествѣ».

Буряты[5]) помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіи, въ сиротствѣ и т. п. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродныя сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ роднымъ жилищамъ и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами безъ всякаго спроса взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и родичи-одноулусники за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Если въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то бу-

---

[1]) Diego de Landa, op. cit. 111.
[2]) Tanner. op. cit. 160.
[3]) P. Dobell. Travels in Camtshatka and Siberia. Lond. 1830, I, 82.
[4]) Sarytscheff. 1-er Theil, 180.
[5]) Соколовскій, Эконом. бытъ, 92. Ссылка на статью Щапова.

ряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ, могутъ, не стѣсняясь идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ. «У братскихъ бурятъ», говорилъ одинъ манзурскій крестьянинъ Щапову, «все не по нашему, все артелью; ломоть хлѣба раздѣлятъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ».

Киргизъ [1]) отправляясь въ дальнюю дорогу, если только есть на пути аулы, никогда не заботится о томъ, чтобы брать съ собою припасы: мало того, что его всюду накормятъ, но въ случаѣ, если бы онъ не заѣхалъ во встрѣчный аулъ хоть на минуту, почтутъ это за недоброжелательство, если это знакомый; чужого-же, который ѣдетъ мимо и не останавливается, почтутъ просто за барантача.

Путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, [2]) найдетъ въ каждомъ жилищѣ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Въ Болгаріи [3]) богатыя семьи часто строютъ въ общее пользованіе колодецъ или мостъ, который и называется по ихъ имени: Поповъ колодезь или Шатовъ колодезь (тотъ-же обычай въ Турціи и Крыму). Или сажаютъ на общую пользу фруктовое дерево, иногда даже на чужой землѣ, что не умаляетъ общаго права на плоды его. Всякой путникъ можетъ войти въ чей угодно виноградникъ, наѣсться тамъ плодовъ и даже унести съ собою столько, сколько можно захватить въ руку; односельчанамъ однако не дозволяется пользоваться этимъ правомъ въ виноградникахъ другъ у друга, такъ какъ каждый имѣетъ свой собственный виноградникъ и огородъ, и это стѣсненіе права собственности сдѣлано только для однихъ странниковъ.

Исландцы [4]) отличаются своимъ чрезвычайнымъ гостепріимствомъ. Хотя и нѣтъ болѣе въ обычаѣ того, чтобы давать чужеземцу, при отъѣздѣ, богатые подарки, но тѣмъ не менѣе всюду гость увѣренъ въ лучшемъ пріемѣ, безъ всякой надобности въ рекомендаціи или въ чемъ либо подобномъ; хозяинъ постоянно сѣдлаетъ свою лошадь и сопровождаетъ ѣдущаго иноземца на значительное разстояніе отъ своего дома.

---

[1]) Красовскій. Матеріалы для геогр. и статист. Россіи, собр. офиц. Генер. Штаба, ч. 1-я, 1865 391—2.
[2]) Костровъ. Очерки юрид. быта якутовъ. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этног. VIII. 1878, 265.
[3]) Майновъ. Юрид. бытъ болгаръ (по Богишичу). Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. IV, 1871, 600.
[4]) Helms. Island und die Isländer. Leipz. 1869, 116.

На Индійскомъ архипелагѣ [1]) гостепріимство есть добродѣтель, практикуемая повсюду. На Явѣ путешественникъ нигдѣ не можетъ быть въ потерѣ. Обычай страны дѣлаетъ для яванца вопросомъ чести снабдить иноземца пищею и всѣмъ нужнымъ, покрайней мѣрѣ, на день и на ночь. Насколько естественно гостепріимство въ ихъ пріемахъ, видно изъ того, что примѣненіе его выросло въ установившійся обычай. Оно распространяется и на европейца, и послѣдній можетъ навѣрное разсчитывать найти простой, но искренній пріемъ, который представляетъ пріятную противоположность безсердечному и отталкивающему отчужденію при тѣхъ же обстоятельствахъ среди туземцевъ Индіи. (Англичане въ Индіи завоеватели-начальники, а на Явѣ нѣтъ. Путешественникъ Кларке разсказываетъ совершенно подобный же примѣръ различія въ обращеніи крымскихъ татаръ съ иностранцами и съ русскими, особенно съ военными).

Въ западной Африкѣ гостепріимство всеобщее. По словамъ Винтерботтома, [2]) изъѣздивъ всю страну вдоль и поперекъ, онъ не помнитъ случая, когда бы, будучи не въ состояніи двинуться дальше отъ голоду, жару или усталости, онъ не былъ встрѣченъ въ деревнѣ съ радостью и съ всевозможнымъ гостепріимствомъ. Тотчасъ же приносили ковры и убѣждали его и его друзей отдохнуть на нихъ. Если это было время ѣды, то имъ предоставляли свободный выборъ, или садиться безъ церемоній за общій столъ, или подождать, пока будетъ изготовлено что нибудь лучшее.

Въ странѣ каффровъ, [3]) если придетъ человѣкъ десять голодныхъ, то даже изъ самаго жалкаго обѣда удѣляется каждому равномѣрная доля; кусокъ мяса переходитъ изо рта въ ротъ; каждый кусокъ даютъ попробовать каждому, причемъ каждый благодаритъ за то, что получилъ. Когда они убиваютъ штуку скота, созываются всѣ люди изъ близкаго сосѣдства, и мясо потребляется сообща, что въ случаѣ большого числа гостей часто совершается въ одинъ день. Кто бьетъ скотъ только для себя и самъ ѣстъ свою говядину, того они называютъ воромъ, ибо воры украденное мясо также съѣдаютъ втайнѣ. Чужеземцы всегда находятъ у нихъ даровой пріютъ и ѣду и путешественники никогда не берутъ съ собою поэтому съѣстныхъ припасовъ на дорогу.

Въ юговосточной Африкѣ, [4]) путешественникъ, проходящій деревней въ часъ обѣда, входитъ безъ церемоніи въ первый попавшійся домъ и встрѣчается здѣсь съ радостью. Хозяинъ дома уго-

---

[1]) J. Crawfurd. Op. cit. I, 53.
[2]) Winterbottom, op. cit. 275.
[3]) Döhne. Das Kafferland etc. 32.
[4]) A. Proyart. Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes de l'Afrique. 1776, 73.

щаетъ его какъ можетъ лучше, и когда тотъ отдохнулъ, онъ провожаетъ его по дорогѣ. Миссіонеры часто пускались въ путь безъ провизіи и безъ товаровъ, за которые могли бы пріобрѣсти себѣ ее; повсюду ихъ принимали радушно и не давали терпѣть нужды ни въ чемъ. Когда негръ замѣчаетъ, что у гостя нѣтъ аппетита, онъ ищетъ лучшій кусокъ на блюдѣ, откусываетъ отъ него и отдаетъ остальное гостю, говоря: «кушайте по моему слову». Эта вѣжливость очень далека отъ нашихъ нравовъ, но она въ природѣ вещей: мы видимъ, какъ двое маленькихъ дѣтей угощаютъ другъ друга въ саду плодами, къ которымъ они предварительно прикладываютъ собственные зубы.

Несчастный Мунго-Паркъ, [1]) павшій жертвою предательства негровъ, тѣмъ не менѣе, посылаетъ ихъ гуманности и гостепріимству слѣдующій громкій диффирамбъ: «Я не могу забыть самого безкорыстнаго милосердія, самой мягкой заботливости, съ какими эти добряки негры, начиная отъ короля Сего и кончая бѣдными женщинами, которыя въ разныя времена принимали меня въ своихъ хижинахъ умирающимъ отъ нужды,—сочувствовали моему несчастію и помогали моему спасенію. Я, впрочемъ, обязанъ представить это свидѣтельство болѣе спеціально въ пользу женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Послѣдніе принимали меня иногда хорошо, иногда-же очень худо: это различалось, смотря по особенному характеру тѣхъ, къ кому я обращался. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жесткость, порожденная скупостью, въ другихъ ослѣпленіе фанатизма закрывали всякій доступъ жалости. Но со стороны женщинъ я не помню ни одного примѣра жесткости сердца. Во время моей величайшей нищеты и во всѣхъ моихъ путешествіяхъ я ихъ постоянно встрѣчалъ добрыми и сочувствующими и могу сказать справедливо, какъ уже сказалъ раньше мой предшественникъ Лейдіардъ: я никогда не обращался вѣжливо и дружески къ женщинѣ, безъ того, чтобы не получить отъ нея вѣжливаго и дружескаго отвѣта. Когда я былъ голоденъ и имѣлъ жажду, когда я былъ вымокши или боленъ, онѣ не медлили, какъ мужчины, сдѣлать великодушное дѣло. Онѣ приходили ко мнѣ на помощь съ такою открытостью и добротою, что когда я хотѣлъ пить, то предлагаемый ими мнѣ напитокъ принималъ отъ этого особенную сладость; когда я былъ голоденъ, то самая грубая пища казалась мнѣ превосходнымъ блюдомъ. Эти доброта и снисходительность особенно сильно развиты у нихъ къ своимъ родственникамъ и дѣтямъ».

Правда, подобное гостепріимство, въ отношеніи не только къ роди-

---

[1]) **Mungo Park. Voyage dans l'intérieur de l'Afrique, fait en 1795, 96 et 97. Paris, an VIII, T. II, p. 5 et s.**

чамъ и единоплеменникамъ, но и къ случайнымъ чужеземцамъ, какъ доказалъ примѣръ самого Парка, не мѣшаетъ инымъ первобытнымъ народамъ догонять этихъ послѣднихъ за предѣлами своей общины, убивать и грабить ихъ. Но такова уже нравственность изолированныхъ племенъ. Въ подобномъ образѣ дѣйствій обвиняютъ особенно черкесовъ и курдовъ. Объ авганцахъ Эльфинстонъ [1]) говоритъ слѣдующее: «покровительство, оказываемое обычаями гостепріимства, не простирается за предѣлы авганской деревни, или, по меньшей мѣрѣ, племени; и были несомнѣнные примѣры, что хищническія племена угощали путешественника и отпускали его съ подарками, и все-же грабили его, догнавъ его послѣ того, какъ онъ выходилъ изъ подъ ихъ покровительства... Въ своемъ обращеніи съ иноземцами, они обнаруживаютъ смѣсь симпатіи и равнодушія, великодушія и жадности».

Иными словами, первобытные народы гостепріимны между собою и по отношенію къ тѣмъ, кого могутъ считать своими временными друзьями, гостепріимны въ кругу общиннаго труда, и утрачиваютъ гостепріимство на границѣ этого круга, гдѣ начинается территорія врага. Но такъ или иначе, а гостепріимство оказывается одинаково свойственнымъ охотничьимъ и рыболовнымъ, кочевымъ и земледѣльческимъ народамъ, и описаніемъ различныхъ его проявленій можно было бы, при желаніи, наполнить цѣлые томы [2]).

Если оказаніе гостепріимства совпадаетъ во многихъ случаяхъ съ общеніемъ движимаго имущества, а впослѣдствіи удерживается въ силѣ, какъ переживаніе и обломокъ учрежденій стариннаго экономическаго строя, то и о дареніи можно сказать совершенно то же самое. То, что путешественники называли взаимнымъ обмѣномъ подарковъ у многихъ первобытныхъ народовъ, въ дѣйствительности служило выраженіемъ существующаго между ними общенія движимыхъ вещей. Но были и другіе, довольно многочисленные случаи, когда предоставленіе подарковъ являлось безвозмезднымъ отчужденіемъ дѣйствительнаго частнаго имущества. Взаимное обращеніе подарковъ, по всей вѣроятности, является первоначальной почвою, на которой развивается *внутренній* обмѣнъ, подобно тому, какъ взаимный грабежъ порождаетъ обмѣнъ внѣшній.

Любимые роды пищи у австралійцевъ [3]) часто посылаются въ видѣ подарковъ отъ одного мужчины къ другому, а иногда двѣ

---

[1]) Elphinstone. The Account of the Kingdom of Cabul, II, 237.

[2]) См. напр. E. Clarke. Travels etc. Lond. 1813, I, 584, E. Grandidier. Voyage dans l'Amérique du Süd, 83, Cranz, op. cit. II, 222 и пр. Гостепріимство русскихъ представляетъ, повидимому, единственное свойство этого народа, заслужившее одобреніе иностранныхъ путешественниковъ.

[3]) Eyre. loc. cit. 385.

группы туземцевъ встрѣчаются и обмѣниваютъ между собою различныя вещи. Среди молодежи часто встрѣчались голодные бѣдняки, которые при помощи своей ловкости или терпѣнія добывали какой нибудь ничтожный съѣстной припасъ, но были принуждаемы правилами вѣжливости дикарей, дѣлить свою ничтожную добычу съ группою ожидающихъ акулъ, тогда какъ сами тѣ, ловкость или трудъ которыхъ добыли ее, едва смѣли попробовать ея и навѣрно получали самую мизерную долю... Дикари часто бываютъ готовы мѣнять свои сѣти, оружіе и другую утварь на европейскіе товары, а *иногда* они даютъ ихъ безъ просьбы о томъ и безъ эквивалента; между собою они *всегда* поступаютъ такимъ образомъ.

Отаитяне, говоритъ Лессонъ, [1]) не переставали приплывать ежедневно на бортъ корвета «La Coquille», причемъ многіе изъ нихъ являлись съ привиллегіею друга дома или tayo. Въ прежнее время это былъ искренній обмѣнъ взаимной защиты и протекціи. Но теперь титулъ tayo или друга имѣетъ не больше цѣны, нежели въ Европѣ. Онъ дается изъ эгоизма тому, кто полезенъ. Всѣ они нанесли въ первый день различныхъ подарковъ и не хотѣли ничего брать взамѣнъ, чѣмъ возбудили удивленіе. Но за то на другой день они воротились съ пустыми руками и хватали все, что плохо лежитъ. Напрасно я подавлялъ своего друга дарами шерстяныхъ и льняныхъ тканей; чѣмъ болѣе я ему давалъ, тѣмъ сильнѣе дѣлалась у него жажда обладанія, и, я думаю, что онъ унесъ бы все, что было въ моей каютѣ и все же не удовлетворился-бы. Мое форменное платье особенно искушало его жадность, потомъ онъ попросилъ рому, потомъ это, потомъ то,—такъ что было необходимо отказаться отъ столь дорого стоющей дружбы, тогда какъ путемъ обмѣна было легко добыть любопытные предметы, которые мы всѣ хотѣли повезти съ собой въ Европу. Каждый изъ насъ отбросилъ отъ себя своего tayo и почувствовалъ облегченіе.

Новокаледонцы [2]) столь же охотно дѣлятся своимъ имуществомъ, какъ и жаждутъ раздѣленія чужаго. Нужно сказать въ ихъ похвалу, что они обнаруживаютъ при всякихъ обстоятельствахъ величайшее великодушіе... Какъ только дѣлали одному изъ нихъ подарокъ, онъ спѣшилъ его раздѣлить съ другими, не удерживая за собою непремѣнно большей доли.

Жители маркизскихъ острововъ [3]) часто дарили другъ другу взаимно предметы, которые только что купили цѣною того, что у нихъ было самаго драгоцѣннаго. Ихъ взаимная вѣрность обнаруживалась

---

[1]) Lesson op. cit. I, 267.
[2]) De Rochas, op. cit. 252.
[3]) Marchand. (Bibl. Universelle des voyages, XV, 423 и сл.)

даже въ совершаемомъ ими воровствѣ; предметъ, утащенный ими съ судна, переходилъ изъ рукъ въ руки, причемъ тотъ, который укралъ, казалось, нисколько не безпокоился знать, въ чьи руки попадетъ окончательно (?) предметъ, увѣренный, что рано или поздно онъ къ нему вернется (?). «Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать этотъ народъ въ его сношеніяхъ съ иностранцами, *невозможно* разъяснить принципы его поведенія; въ немъ не видишь ничего, кромѣ противорѣчій и непослѣдовательности».

Во время празднества по случаю уплаты податей, которая здѣсь, вопреки Британіи, соединяется со всѣмъ, что нравится народу [1]), фиджійцы любятъ развлекаться какъ только могутъ; пища доставляется въ изобиліи и повсюда видна щедрость, приближающаяся къ общенію имуществъ; но все же существуетъ нѣчто подобное равенству между тѣми, которые получаютъ и даютъ, и возвращеніе подобныхъ-же даровъ заботливо ожидается и напередъ принимается въ соображеніе.

Если начальникъ самоанскихъ острововъ [2]) желаетъ вступить въ бракъ, то главы семейства соперничаютъ между собою въ доставленіи ему всего, что необходимо для празднестваа и для исполненія церемоній. Онъ же, съ своей стороны, долженъ сполна вознаградить ихъ за все это, раздавая имъ тонкія покрывала, которыя онъ получаетъ въ приданое за невѣстой. Начальникъ старается взять себѣ жену изъ семейства другаго шефа и потому черезъ свою жену получаетъ долю подарковъ, достойную ранга дочери начальника. До извѣстной степени главы семействъ являются банкирами начальника. Его тонкіе ковры почти всѣ переходятъ къ нимъ и другая собственность также, (потому что это не его собственность, а общая). Они въ свою очередь готовы доставить пищу, ковры и другую собственность, когда ему нужно обратиться къ нимъ. Главы семействъ видятъ такимъ образомъ въ бракѣ начальника источникъ пріобрѣтенія и поощряютъ подобныя супружества, такъ что начальникъ женится иногда до 50 разъ, хотя имѣетъ при себѣ не болѣе двухъ женъ.

Тёрнеръ касается въ данномъ случаѣ, повидимому, весьма интереснаго обычая самоанцевъ, но, смотря на дѣло съ точки зрѣнія европейца, по обыкновенію, не столько разъясняетъ, сколько затемняетъ его смыслъ. Какая выгода главамъ семействъ доставлять начальнику припасы, чтобы немедленно получать ихъ обратно? Очевидно, начальникъ здѣсь не собственникъ припасовъ, а только ихъ распредѣлитель, какъ это и дѣйствительно доказано относительно другихъ первобытныхъ народовъ.

---

[1]) Williams. Fiji and the Fijians. Lond. 1870, 33. Подобно тому, какъ въ другихъ странахъ отбываніе «помочей» въ пользу начальника.

[2]) Turner, op. cit. 280 и слѣд.

На островахъ Тонга [1]) въ дни язычества случаи похоронъ и свадьбы были всегда сопровождаемы громадными пиршествами, соответствующими достоинству заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Родственники и друзья всегда заготовляли къ этому времени различную движимую собственность и приносили ее въ подарокъ. Она сносилась въ общій *запасъ*, изъ котораго *снова* распредѣлялась тѣми, кто былъ уполномоченъ на это, между собравшеюся компаніею. Эти распредѣленія собственности часто вели къ горькимъ семейнымъ и племеннымъ спорамъ и представляли время, когда жадность туземцевъ обнаруживалась во всей силѣ.

По словамъ Земпера [2]), на Палаузскихъ островахъ принесеніе даровъ къ праздникамъ, имѣющимъ религіозное и частное значеніе, возлагается въ видѣ принудительной обязанности, или такъ называемаго «макезанга» на всѣ «клöббергëлли» или группы общинныхъ рабочихъ мѣстности.

Эллисъ [3]) подробно описываетъ празднество, отправляемое въ Новый Годъ на островѣ Мадагаскарѣ, для котораго король и жители, убиваютъ столько быковъ, сколько могутъ, и приглашаютъ каждый всякаго. Иные нарочно выкармливаютъ къ этому дню быковъ, и чѣмъ лучше они выкормлены, тѣмъ больше почета ихъ владѣльцамъ.

На островахъ Фиджи [4]) во всемъ объемѣ обнаруживается этикетъ, когда начальникъ даетъ большой пиръ. Уже за мѣсяцъ передъ тѣмъ идутъ приготовленія къ празднеству, садятъ для него овощи, и перестаютъ бить свиней, а также собирать фрукты, чтобы не было недостатка въ ѣдѣ. За два или за три дня до пиршества весь народъ на ногахъ. Они гордятся щедростью (?) своего вождя, и каждый приноситъ столько свиней, черепахъ, ямсу и другихъ съѣстныхъ припасовъ, сколько только можетъ. Все занято приготовленіями къ празднеству и король руководитъ всѣмъ этимъ. При этомъ случаѣ они отдѣлываются отъ предубѣжденія противъ поваренного искусства, въ иныхъ случаяхъ исполняемаго только рабами: каждый, даже самъ король, помогаетъ готовить пищу. Накопляютъ такія массы съѣстныхъ припасовъ, что однажды, при подобномъ празднествѣ, 200 человѣкъ занимались 6 недѣль ихъ разставленіемъ, при чемъ шесть кучъ, составлявшихъ эту массу, содержали около 50 тоннъ жаренаго ямса и картофелю, 15 тоннъ пуддингу, 70 черепахъ, 200 тоннъ сыраго ямса и т. п. Одинъ только пуддингъ имѣлъ 7 метровъ объема. Когда все готово, начинается раздача, сообразно строжайшему этикету. Различныя племена и ихъ начальники садят-

---

[1]) T. West. Ten years in South-Central Polynesia. Lond. 1865, 269.
[2]) Semper, loc. cit. 35 и слѣд.
[3]) W. Ellis. History of Madagaskar, I, 365—6.
[4]) Christman und Oberlaender, op. cit. 159.

ся на мѣстѣ праздника; туи-рара или церемоніймейстеръ завѣдываетъ раздачею кушаній, и опредѣляетъ количество частей, смотря по значенію племени. Онъ призываетъ одно племя за другимъ. При произнесеніи его имени, каждое племя благодаритъ и посылаетъ извѣстное число молодежи, чтобы принести пищу. Такъ идетъ, пока не роздано все. Тогда мужчины ѣдятъ на свободѣ и посылаютъ женамъ ихъ долю на домъ, чтобы и онѣ не ушли съ пустыми руками... Обязанность подданныхъ снабжать такимъ образомъ съѣстными припасами своего главу вытекаетъ изъ своеобразнаго общественнаго устройства страны, которое имѣетъ совершенно феодальный (?!) видъ. Начальники большихъ областей признаются королями; подъ ихъ начальствомъ стоитъ извѣстное число другихъ начальниковъ, которые обязаны платить первымъ подати и поставлять на войну людей и оружіе. Подати состоятъ однако не только изъ даровъ, съ радостью вручаемыхъ, но и изъ повинностей, для выполненія которыхъ подданные еженедѣльно должны ставить въ распоряженіе короля людей. Они работаютъ въ поляхъ, кроютъ дома, помогаютъ при постройкѣ каное, ловятъ рыбу, получаютъ по истеченіи извѣстнаго времени подарокъ и возвращаются домой. Если королю придетъ въ голову самому собирать подати, то это очень большая тягость для тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь такимъ визитомъ; онъ является тогда съ 20—30 каное, на которыхъ помѣщается быть можетъ 1000 человѣкъ, и всѣхъ ихъ долженъ продовольствовать начальникъ, котораго онъ посѣщаетъ. Правда, король при разставаніи даетъ подарокъ, который однако находится внѣ всякаго отношенія къ сдѣланному на него расходу.

Если подъ работами туземцевъ здѣсь разумѣть общинныя работы, подъ празднествами взаимныя посѣщенія племенъ, а подъ поѣздками короля для сбора подати любимыя туземцами путешествія къ дружескимъ кланамъ,—то передъ нами будетъ, хотя и нѣсколько иная, но зато болѣе вѣрная картина щедрости фиджіанцевъ. Для всего этого требуется только нѣсколько посбавить спѣси начальнику и королю, который, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ не такъ силенъ и страшенъ, какъ рисуетъ его авторъ.

У Нуткасовъ, говоритъ Банкрофтъ, [1]) пища не разсматривается, какъ общая собственность, но каждый можетъ прибѣгать въ случаѣ нужды къ запасамъ своего сосѣда. Накопленіе собственности, сверхъ необходимыхъ потребностей жизни, является желательнымъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы распредѣлять ее въ качествѣ подарковъ въ большіе праздники и тѣмъ пріобрѣтать себѣ репутацію богатства и щедрости; и такъ какъ эти празднества бываютъ часто,

[1]) H. Bancroft. The Native Races. I, 191.

то человѣкъ обѣднѣвшій часто можетъ захватить свѣжее мѣстечко у племени. Вмѣсто отдачи, каное и ковры часто *уничтожаются*; а это доказываетъ, что мотивъ этого вида распоряженія собственностью состоитъ не въ желаніи благопріятствовать друзьямъ, а только въ стремленіи проявить *равнодушіе* къ богатству. Это очевидно наиболѣе замѣчательный обычай и производитъ сильное вліяніе на весь народъ.

Тутъ мы очевидно вступаемъ въ послѣдующую фазу экономическаго развитія, когда частная собственность на движимое имущество пользуется уже значительнымъ фактическимъ распространеніемъ, но все же отъ времени до времени подвергается гоненію, въ видахъ прославленія глубоко вкоренившагося стараго обычая, продолжающаго привлекать симпатію населенія. Слѣдующій примѣръ еще болѣе подтвердитъ справедливость этого толкованія.

Главное употребленіе, дѣлаемое Атами на Ванкуверовомъ островѣ [1]) изъ накопленія личной собственности, состоитъ въ періодическомъ распредѣленіи ея среди приглашенныхъ гостей, изъ которыхъ отъ каждаго ожидается возвращеніе этой вѣжливости соотвѣтствующими подарками въ другомъ подобномъ-же случаѣ. Слѣдующія подробности относятся къ распредѣленію собственности отдѣльными лицами между другими лицами ихъ племени. Одѣяла обыкновенно даются мужчинамъ, игрушки и краски для лица женщинамъ. Не менѣе двухъ одѣялъ обыкновенно дается одному и тому же лицу за одинъ разъ. Иногда новое ружье разбирается, и ложе, замокъ и стволъ раздаются различнымъ лицамъ. Разрушеніе извѣстныхъ родовъ собственности служитъ той же цѣли, какъ и ея распредѣленіе. Каное, напр., рѣдко дарятся; въ нихъ дѣлаютъ дыру и топятъ ихъ. Владѣлецъ показываетъ этимъ актомъ совершенное *равнодушіе* къ своей собственности; онъ отдаетъ ее, онъ уничтожаетъ ее, «сердце его очень сильно». Но тотъ же человѣкъ, который только что отдѣлался отъ всей почти своей собственности, въ ближайшую минуту поднимаетъ споръ изъ за игрушки. Рабы рѣдко отдаются кому либо при распредѣленіи. Странный обычай распредѣленія, распространенный между береговыми племенами, (слѣдовательно тѣми, которые раньше другихъ пришли въ сношенія съ иностранцами и познали смыслъ частной движимой собственности), считается нѣкоторыми необходимымъ въ виду воровскихъ привычекъ жителей, потому что онъ препятствуетъ отдѣльному лицу удерживать за собою украденное; но каково бы ни было его начало, прочность его вѣроятно обезпечивается наслажденіемъ, которое доставляетъ этотъ обычай двумъ сильнымъ свойствамъ человѣческой природы—гордости своимъ поло-

---

[1]) P. Sproat. Scenes and Studies of savage life. Lond. 1868, III.

женіемъ и любви къ показной жизни (?). Подобное разсѣяніе собственности между Атами доказываетъ, какъ говорятъ туземцы, «сильное сердце распредѣлителя» (мужество). Обычай этотъ цѣнится теперь не такъ высоко, какъ поколѣніемъ раньше; но все же пріобрѣтеніе собственности съ цѣлью ея распредѣленія есть руководящій мотивъ для дѣятельности Атовъ, и, не принимая этого во вниманіе, никто не въ состояніи понять ихъ характеръ или оцѣнить трудности на пути ихъ исправленія. Собираніе собственности съ цѣлью ея распредѣленія есть постоянная страсть нѣкоторыхъ туземцевъ, которая обыкновенному наблюдателю кажется нежелательною и праздною. Индіецъ, стоящій передъ вами въ совершенно разорванномъ одѣялѣ, можетъ имѣть въ своемъ сундукѣ дома 20 новыхъ одѣялъ и столько-же ярдовъ каленкора. Все, что онъ пріобрѣтаетъ сверхъ непосредственныхъ потребностей, идетъ на увеличеніе этого запаса, пока не придетъ его день въ зимнее время, когда онъ даетъ свой праздникъ и распредѣляетъ дары между гостями, сообразно достоинству каждаго. Чтобы *всѣмъ* достало подарковъ на подобномъ пиру, одѣяло иногда рвется на двадцать частей; и говорятъ, хотя этому трудно повѣрить, что цѣнность или количество даннаго каждому гостю точно запоминается. Обычай требуетъ, чтобы даръ былъ брошенъ быстро въ лицо получателя, чтобы показать, что онъ идетъ отъ добраго сердца. Даритель не смотритъ на дѣло такъ что онъ разстается съ своею собственностью; онъ считаетъ ее выгодно помѣщенною, ибо нынѣшніе получатели постараются возвратить ему на своемъ праздникѣ, съ излишкомъ. Лицо, раздавшее наиболѣе собственности, пріобрѣтаетъ наибольшую славу, и по временамъ получаетъ голосами племени *высшее достоинство.* Достоинство это не есть достоинство высшаго класса; оно лишь пожизненное и отличается отъ древняго, наслѣдственнаго достоинства.

Колумбійцы племенъ Puget, Sound и Bajada Point [1]) охотно выказываютъ свое богатство и щедрость на ярмаркахъ и празднествахъ, раздавая излишнюю собственность въ видѣ подарковъ.

Непредусмотрительность характера индійцевъ представляетъ непреодолимое препятствіе ихъ успѣху, и у чиппевеевъ она отягчается обычаемъ, который бѣлые до сихъ поръ не имѣли возможности искоренить. По смерти родственника они уничтожаютъ ружья, ковры, сѣти, все, чѣмъ они обладаютъ, кончая разореніе разнесеніемъ *своихъ* жилищъ на куски. Когда оканчиваются эти увлече-

---

[1]) Bancroft, op. cit. I, 217.
[2]) T. Simpson. Narrative of the Discoveries in the North Coast of America. Lond. 1843, 74.

нія горя, они обращаются къ ближайшей факторіи за возстановленіемъ запаса предметовъ необходимости, и такимъ образомъ ихъ долги возобновляются. Долги умершихъ во всякомъ случаѣ пропадаютъ для компаніи.

Тотъ-же обычай, но повидимому съ исключительною цѣлью снабдить покойника потребными ему вещами, составляющими при жизни его частную собственность, встрѣчается у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ. На могильныхъ курганахъ сжигаютъ оружіе и одежду умершаго, иногда, рабовъ его и рабынь, жену или женъ, а у Тирибисъ Коста-Рики [1]) въ составъ истребляемой собственности еще недавно входили какъ фруктовыя деревья, посаженныя покойникомъ, такъ и принадлежащій ему домашній скотъ.

При своихъ посѣщеніяхъ, индіецъ центральной Америки [2]) всегда приноситъ какой нибудь подарокъ, какой онъ можетъ предложить, каждый по своему достоинству; посѣщаемый отвѣчаетъ подобнымъ же даромъ.

Среди себя [3]) караибы не имѣютъ никакой торговли, ничего не продаютъ и не покупаютъ, но весьма щедро даютъ другъ другу всѣ вещи, которыми они могутъ облегчить нужду своихъ соотечественниковъ, не очень безпокоя самихъ себя.

«Въ первое время нашего знакомства», говоритъ Веддель, [4]) я выразилъ желаніе имѣть нѣкоторые предметы, которые они (жители Огненной Земли) носили при себѣ, и они давали мнѣ ихъ, не требуя вознагражденія; но теперь они уже пріобрѣли *идею торговли* и въ обмѣнъ за предметы ихъ простого производства, они просятъ чего нибудь блестящаго, напр. пуговицъ и пр.»

Нѣсколькими милями выше Сенны (юго-западная Африка) расположенъ островъ Пита, говоритъ Ливингстонъ, [5]) съ значительнымъ туземнымъ населеніемъ, которое, повидимому, хорошо снабжено пищею. Половина племени, утверждая, что они старѣйшины, пришли на бортъ судна и дали намъ нѣсколько колосьевъ зеленаго маиса въ качествѣ *секвати*. Это не есть обыкновенный подарокъ, но даръ, который обыкновенно получается обратно, по меньшей мѣрѣ въ двойной цѣнности. Когда у скупаго туземца залежится мелкая пища или нѣсколько колосьевъ маиса, которые врядъ-ли имѣютъ какую нибудь цѣнность, такъ какъ дюжина ихъ лучшей птицы стоитъ всего два ярда сукна, а корзина маису всего полъ-ярда, то онъ дѣлаетъ изъ нихъ секвати. При этомъ сердце его наполняется тѣмъ

[1]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе. 33—34.
[2]) Diego de Landa, op. cit. III.
[3]) Du Tertre. Hist. géner. des Antilles etc. Paris. 1667, II, 383
[4]) Weddel (Bibl. Universelle des Voyages, XXI, 277).
[5]) Livingstone. Zambese 1865, 37.

удовольствіемъ, которое было нѣкогда описано, какъ живое предчувствіе грядущей благодати, и онъ не доволенъ, если не получитъ за свой подарокъ двойной его цѣнности. Мы скоро выучились не уважать секвати отъ простого народа, но напрасно было говорить хитрому африканцу—«продай его, я куплю его.» «Нѣтъ, сэръ, это секвати, это *не для* продажи,» былъ неизмѣнный отвѣтъ. Такъ какъ это считалось любезностью, то мы всегда подчинялись этой обычной вѣжливости со стороны старѣйшинъ, отклоняя подобныя же попытки частныхъ лицъ.

Начальникъ каффровъ [1]) относится ко всѣмъ какъ отецъ, и всѣ обращаются къ нему, какъ дѣти къ отцу. Онъ въ точности знаетъ каждаго, принимаетъ участіе въ его горѣ и радостяхъ; если кто заболѣетъ, то немедленно должно быть дано ему знать о томъ, подъ опасеніемъ штрафа. Если у кого не достаетъ требуемыхъ средствъ существованія, то онъ сейчасъ-же идетъ къ Инкози и проситъ у него корову для доенія, или штуку скота, чтобы убить ее. Если же у Инкози нѣтъ ни того, ни другаго, то онъ остается у него до тѣхъ поръ и получаетъ содержаніе, пока снова не найдется дома, что ѣсть, и потому жилище Инкози постоянно посѣщается многими. Подобная благотворительность Инкози носитъ чисто обязательный характеръ.

Всѣ семейства остяковъ [2]), принадлежащія къ одному роду, обыкновенно держатся тѣсно одни около другихъ, даже и во время своихъ кочевыхъ походовъ, и общая нравственность предписываетъ, чтобы въ подобномъ родовомъ цѣломъ богатый дѣлился своимъ имуществомъ съ бѣднымъ. Остяки, вообще, очень бѣдный народъ и живутъ лишь тѣмъ, что приноситъ имъ каждый день. Поэтому, помощь, которую они могутъ оказать своимъ ближнимъ, состоитъ въ сущности только въ томъ, что они братски дѣлятъ между собою добычу дня. Самое замѣчательное въ этомъ то, что никто не проситъ у другаго милостыни, но смотритъ на безцеремонное обращеніе къ собственности своего ближняго, какъ на безусловное право.

Если богатый самоѣдъ [3]) отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ оленѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушенія этого обязательства со стороны богачей бы-

---

[1]) I. Döhne. Das Kafferland und seine Bewohner. Berlin, 1843, 16—17.

[2]) M. A. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—44. S.-Petersb. 1853, 286.

[3]) А. Ефименко. Юрид. бытъ самоѣдовъ. Зап. И. Р. Г. О. этногр. VIII, 1878, стр. 231.

ваютъ очень рѣдко; оттого рѣдко случается, чтобы самоѣды крали у самоѣдовъ, между тѣмъ, какъ у русскихъ они крадутъ часто.

Согласно представленію бурятъ, [1]) ни одинъ членъ ихъ скотоводческой общины не мыслимъ, да и не можетъ существовать безъ рогатой скотины, хотя бы то безъ одной коровы. Вслѣдствіе этого они изстари имѣли обычай даромъ давать коровъ тѣмъ бурятамъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не имѣли ни одной скотины. Даже и теперь еще этотъ старинный обычай соблюдается, хотя и не съ прежней безкорыстностью. И теперь еще богатые скотомъ буряты имѣютъ обычай раздавать дойныхъ коровъ бѣднымъ, безскотнымъ сродичамъ.

Въ большихъ кланахъ курдовъ [2]) считается обыкновеніемъ, чтобы начальникъ постоянно держалъ открытый столъ. Всѣ подарки скотомъ и плодами поля, которые члены племени приносятъ своему хану или бегу, возвращаются имъ при этихъ случаяхъ снова обратно. Вообще на востокѣ нравы и учрежденія противодѣйствуютъ накопленію богатства. Персидскій, курдскій или турецкій князь вынужденъ обычаемъ имѣть очень много слугъ, и держать открытый столъ, вообще дѣлать значительные расходы. Всѣ полученные имъ подарки, или выжатыя деньги снова возвращаются этимъ путемъ назадъ въ народъ. Въ Персіи и Турціи какъ шахъ, такъ и султанъ при помощи конфискацій имущества разбогатѣвшихъ любимцевъ заботятся о томъ, чтобы въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ не скоплялось большихъ сокровищъ. Абовіанъ (армянскій ученый) увѣряетъ, что иной курдскій родовой князь, чтобы отвѣчать праву гостепріимства, вынужденъ ежедневно убивать отъ 20 до 40 овецъ, приготовлять отъ 4 до 5 пудъ пилава изъ рису и раздавать своимъ гостямъ по нѣскольку фунтовъ кофе и табаку.

Не рѣдкость видѣть гренландцевъ, говоритъ Уимперъ [3]), слагающихъ имущество всего племени въ одно цѣлое. Самый *ловкій охотникъ* обязанъ снабжать деревню провизіей, и никто, даже онъ самъ, не воображаетъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ совершаетъ какую нибудь заслугу. Тотъ же обычай въ различной степени развитія встрѣчается также на Аляскѣ и на Юконѣ. Начальники, принадлежащіе почти безъ исключенія къ числу *наилучшихъ охотниковъ*, пріобрѣтаютъ и сохраняютъ за собою свое высокое положеніе не иначе, какъ часто раздавая народу средства существованія; они часто одѣты и прокормлены хуже, чѣмъ послѣдніе жители деревни. Великодушіе среди нихъ есть правило, а не исклю-

[1]) Соколовскій. Экономич. бытъ, по Щапову, стр. 90.

[2]) M. Wagner. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden, Leipz. 1852, II, 229, слѣд.

[3]) Fr. Whimper. Voyages et aventures dans l'Alaska, Paris 1871, 346.

ченіе. Они не допустятъ, чтобы женщина или дитя страдали отъ голоду или холоду, пока у нихъ есть что дать имъ въ видѣ пищи и одежды.

На островахъ Фиджи [1]) жители привыкли разсматривать имущество своихъ вождей какъ свое собственное, а потому не удивительно, что они примѣняютъ этотъ взглядъ также и къ имуществу иностранцевъ.

Въ высшей степени характерно это сосредоточеніе дѣйствительнаго общественнаго интереса въ лицѣ старѣйшины или начальника. Тутъ мы видимъ, между прочимъ, что первоначальныя политическія учрежденія всегда имѣютъ въ виду всеобщій интересъ, а не интересъ самого правительства. Говорить въ подобныхъ случаяхъ о помощи правительства частнымъ лицамъ или о его вмѣшательствѣ въ дѣла гражданъ нѣтъ возможности, потому что правительство и общество еще совершенно тожественны, и слѣд. общество въ лицѣ князя или старѣйшины вмѣшивается исключительно въ свои собственныя дѣла.

Дѣлая по обычаю кому нибудь подарокъ, [2]) киргизъ всегда разсчитываетъ на болѣе цѣнное отдареніе.

Всѣ торжественные случаи въ жизни лопаря, [3]) какъ-то: родины, крестины, свадьбы, крестованья, все это сопровождается обмѣномъ подарковъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ подарки, какъ бы закрѣпляютъ заключающійся союзъ. При крестованіи между лопарями обыкновенно дарится олень безъ всякихъ условій и формальностей. Этотъ олень поступаетъ въ собственность всей семьи и обратно не возвращается. При свадьбахъ также не малую роль играютъ подарки. При заключеніи свадебнаго договора женихъ и невѣста обмѣниваются подарками; женихъ даритъ родныхъ невѣсты, а невѣста родныхъ жениха. Еще есть обычай дарить молодыхъ, «класть въ чарку» оленя, платокъ, деньги. Эти подарки дѣлаются собственностью мужа и жены. При крестинахъ кумъ и кума обмѣниваются подарками: онъ даритъ ситцу на нарукавники, она—шерстяныя вареги. Иногда кумъ даритъ кумѣ оленя, который дѣлается ея собственностью и идетъ съ нею въ приданое. Младенцу дарятъ на крестинахъ самку оленя, приплодъ которой считается его собственностью. На родинахъ свекрови дарится платокъ или повойникъ; бабкѣ-же за трудъ не платятъ и подарковъ не даютъ; а только черезъ 6 недѣль для нея бываетъ обѣдъ. Особенное пристрастіе къ подаркамъ имѣютъ фильманы (финманы). Получивъ подарокъ, они

---

[1]) At home in Fiji. By Gordon Cunning. Lond. 1881.

[2]) Красовскій, Область Сибирск. Киргизовъ. Матеріалы генер. штаба. Ч. I, 1865, 396.

[3]) А. Я. Ефименко. Юридич. обычаи лопарей, op. cit. 33.

считаютъ своею обязанностью непремѣнно отдарить. Этимъ ихъ обычаемъ пользуются поморы. Въ свободное время нерѣдко ходятъ они въ гости къ фильманамъ и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое фильманы считаютъ лакомствомъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Отказаться отъ подарка фильмана, значитъ нанести ему сильное оскорбленіе. Дарятъ начальниковъ, какъ восточные народы,—куриными яйцами, соленой семгой, холстиной и пр.

У самоѣдовъ [1]) въ большомъ употребленіи не только дѣлать, но и получать обратно подарки, согласно пословицѣ: «даютъ подарки, глядятъ отдарковъ». Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и торжественныхъ случаяхъ жизни подарки обязательны. Невѣста, отправляясь въ чумъ жениха, везетъ ему подарки, состоящіе изъ мужскаго платья, промысловыхъ снастей и тому под. Родильница, послѣ каждыхъ родовъ, получаетъ отъ отца оленя. Русскому, дающему свое русское имя, самоѣдъ даритъ ежегодно лучшаго оленя. Если самоѣдъ дѣлаетъ подарокъ, сверхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ обычай сдѣлалъ это обязательнымъ, напр. даритъ что нибудь гостю, то ждетъ отплаты и даже требуетъ ея. Такъ, Кастренъ разсказываетъ слѣдующее: «хозяйка чума подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца. Я щедро вознаградилъ ее за рыбу, но ничто, кромѣ кольца, не могло удовлетворить самоѣдку, и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума».

Дареніе между якутами [2]) весьма часто. Но если якутъ даритъ чѣмъ нибудь якута, то при этомъ имѣетъ въ виду, что пріятель отдаритъ его непремѣнно вещью большей цѣны, чѣмъ подаренная; словомъ, онъ закидываетъ удочку въ карманъ своего пріятеля (тентярянъ-берярь). Русскимъ также дарятъ при пріѣздѣ ихъ.

Словомъ, учрежденіе даренія оказывается у первобытныхъ народовъ распространеннымъ не менѣе гостепріимства, общаго стола, общей работы, и вообще составляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ интегральную часть общинно-родовой системы. Намъ, кажется, поэтому, что, указывая на эгоистическую сторону даренія первобытныхъ народовъ, описывающіе этотъ предметъ путешественники впадаютъ въ двоякую ошибку. Съ одной стороны, они, повидимому, принимаютъ за коренной и исконный обычай туземцевъ то корыстное измѣненіе послѣдняго, которое въ сущности составляетъ ре-

---

[1]) А. Ефименко. Юрид. обычаи самоѣдовъ. Записки Р. И. Т. О. по отд. этногр. 1878, VIII, 189—190.
[2]) Костровъ, Юридич. бытъ якутовъ, Op. cit. стр. 285.

зультатъ торговыхъ сношеній туземцевъ съ иностранцами. Именно эти-то сношенія своими приманками и превращаютъ дареніе въ орудіе полученія добычи. Съ другой-же стороны, они совершенно упускаютъ изъ виду, что прямою цѣлью даренія является поддержаніе взаимныхъ общинно-родовыхъ связей, какъ это, между прочимъ, прекрасно можно видѣть на примѣрѣ дареній между родственниками-лопарями, по случаю различныхъ событій родового характера, каковы свадьбы, родины и пр., а слѣд. и отдариваніе представляетъ не одностороннюю выгоду для дарящаго, а неизбѣжную часть сдѣлки. Обмѣнъ подарками представляетъ ничто иное, какъ возстановленіе общенія имущества, переживаніе этого послѣдняго. Любопытно, что даже въ западной Европѣ этотъ обломокъ глубокой старины сохранилъ до настоящаго времени всю свою обязательную силу.

Человѣкъ началъ свою производительную дѣятельность среди хаоса; онъ производилъ и потреблялъ когда случится и что случится; онъ то умиралъ съ голоду массами, то объѣдался до смерти, единственно отъ недостатка регулярности въ своемъ экономическомъ процессѣ. По этому изображеніе главныхъ особенностей общинной организаціи первобытныхъ народовъ было бы не полно, еслибы мы не обратили вниманія на слѣдующія три характеристическія черты этой организаціи, которыя ставятъ ее въ рѣзкое противорѣчіе съ нынѣшнею европейскою: 1) случайный и непостоянный характеръ труда, 2) случайный и непостоянный характеръ потребленія и 3) отсутствіе путей сообщенія между различными племенами и даже ихъ подраздѣленіями.

Самая забота о существованіи туземцевъ Новаго Валлиса [1]) никогда не идетъ дальше настоящаго момента; у нихъ нѣтъ завтрашняго дня; они ѣдятъ и спятъ, пробуждаются и ищутъ себѣ пищу: вотъ ихъ жизнь.

Домашняя жизнь островитянъ Дружбы [2]) не на столько рабочая, чтобы быть утомительной, и не на столько праздная, чтобы быть названа лѣнивою. Природа по отношенію къ нимъ столь расточительна, что они рѣдко предаются большому труду. По счастливой комбинаціи обстоятельствъ ихъ обычныя занятія на столько немногочисленны и *не продолжительны*, что у нихъ остается довольно времени для отдыха; трудъ и дѣла не смущаютъ ихъ удовольствій и они не отказываются никогда отъ послѣднихъ, кромѣ случая пресыщенія ими. Женщины прядутъ и ткутъ ткани и дѣлаютъ ковры

---

[1]) Dumont d'Urville. Voyage d'Astrolabe. Paris 1830, I, 469.
[2]) Cook. Voyage III, X, (Bibl. Univers.) 65.

замѣчательной красоты: мужчины занимаются земледѣліемъ, сооруженіемъ домовъ и пирогъ, рыбною ловлею и другими дѣлами, относящимися къ мореплаванію. Земледѣліе у нихъ стоитъ на высокой ступени совершенства.

Вся дѣятельность мендосановъ (маркизцы) [1]) направляется на удовольствія: они устаютъ отъ *нечего дѣлать*. Спокойные на счетъ средствъ своего существованія, получаютъ они то, что щедро даетъ имъ земля и вовсе не думаютъ принудить ее трудомъ къ большему развитію богатства. Земледѣліе, первое изъ искусствъ, которое человѣкъ обыкновенно старается усовершенствовать, какъ будто, не заслуживаетъ заботъ съ ихъ стороны; видно только нѣсколько правильно разбитыхъ плантацій банановыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ; остальное предоставлено заботамъ природы.

Хотя человѣкъ рожденъ для труда, говоритъ Лафито [2]), и безъ труда онъ скучаетъ отъ бездѣлья, но это не примѣняется къ американскимъ дикарямъ. Они дѣлаютъ себѣ честь изъ своей праздности, и если исключить нѣкоторые пустяки, которые не требуютъ у нихъ значительнаго времени, еще менѣе размышленія или прилежанія, то они почти всегда сидятъ *со сложенными руками*, устраивая только собранія, занимаясь пѣніемъ, игрою, сномъ и тому подобнымъ ничего не дѣланіемъ.

Лѣность есть одна изъ главныхъ чертъ въ характерѣ ботокудовъ [3]). Преисполненный натуральной распущенности, ботокудъ обыкновенно бездѣятельно покоится въ своей хижинѣ, пока потребность пищи не даетъ ему себя знать, но и тогда онъ дѣлаетъ употребленіе изъ права сильнаго, заставляя своихъ женъ и дѣтей исполнять большую часть работы. Однако ихъ лѣнь не такъ велика какъ гварани, согласно описаніямъ Азари. Обѣщайте имъ немного муки и глотокъ водки и они пойдутъ съ вами на цѣлый день на охоту.

Всѣ владѣльцы фаціендъ, у которыхъ работаютъ ботокуды [4]), плачутся на ихъ невѣроятную лѣность. Въ цѣлый день сильный ботокудъ сдѣлаетъ меньше, чѣмъ негръ въ три, четыре часа. Ихъ нелюбовь къ труду такъ велика, что они рѣдко выдерживаютъ въ работѣ дольше 3—4 дней. Часто они исчезаютъ съ работы, не требуя вознагражденія. Индійцы шипороки считаются самыми работящими и выдерживаютъ по 12—16 дней во время жатвы. Среди всѣхъ индійцевъ Южной Америки ботокудъ стоитъ на самой низкой нравственной ступени, и только жители самой южной оконечности страны и Огненной Земли могли бы поровняться съ нимъ въ этомъ

[1]) Marchand, op. cit. 419.
[2]) Lafitau, op. cit. II, 1—2.
[3]) Neuwied, op. cit. II, 17.
[4]) Tschudi. Reisen durch Süd-Amerika. Leipz. 1866, II, 284.

отношеніи. Индійцы сѣвера, запада и юга Бразиліи всѣ умственно развиты гораздо болѣе ботокудовъ и превосходятъ ихъ въ смѣлости, интеллигенціи и въ промышленномъ искусствѣ.

Плодородіе земли въ южной Америкѣ таково, что нѣсколькихъ дней труда вполнѣ достаточно для удовлетворенія потребностей многихъ семействъ [1]). Американцевъ обвиняютъ въ лѣни, но если имъ нужно такъ мало времени для доставленія себѣ пищи въ излишествѣ, то на какомъ основаніи стали бы требовать, чтобы они возлагали на себя безъ надобности *лишній* трудъ? Различіе состояній, торговля, могутъ возбуждать европейскаго земледѣльца, внушая ему идею повысить свое положеніе; но у свободнаго человѣка лѣсовъ, каковъ могъ-бы быть стимулъ подобнаго дѣйствія?

Индійцы [2]) не признаютъ въ мірѣ болѣе чистаго наслажденія, какъ напиваться до пьяна и не работать. Самые крѣпкіе напитки суть для нихъ самые лучшіе.

Индіецъ проводитъ свою жизнь въ пьянствѣ и спаньѣ; онъ покидаетъ свой гамакъ, и то съ сожалѣніемъ, единственно въ то время, когда дурная погода дѣлаетъ безполезною работу его жены въ полѣ, и заставляетъ его идти на охоту или на рыбную ловлю, причемъ онъ всегда съумѣетъ принять мѣры, чтобы усталость одного дня обезпечила ему существованіе и покой на цѣлую недѣлю.

Всѣ занятія дикарей скорѣе необходимое развлеченіе [3]), безъ котораго самая жизнь была-бы невыносима, нежели тяжелая работа; они проводятъ всю жизнь въ такой праздности, что когда ихъ видишь прикладывающими руки къ работѣ, то думаешь, что скука и тоска отъ лѣни, а не осмысленное движеніе заставляютъ ихъ взяться за работу.

Но все это не мѣшаетъ южно-американскимъ индійцамъ имѣть въ случаѣ нужды неслыханное терпѣніе въ работѣ. Такъ, по словамъ Шомбургка [4]), орудія и сосуды индійцевъ, не смотря на каменные и костяные ножи, которыми они дѣлаются, сработаны съ такою чистотою и вкусомъ, которые могли бы устыдить европейскаго ремесленника. Орудія почти всѣ были сдѣланы изъ сердцевины исполинскаго Lecythis или Brosimum. Если подумать о трудѣ, котораго требуетъ одна только срубка подобнаго дерева для людей, у которыхъ топоры рѣдкость, а затѣмъ обработка сердцевины, разрѣзываніе ея безъ пилы, передѣлка ее въ дубину или въ лукъ, то удивленіе передъ терпѣніемъ этихъ людей возрастаетъ еще болѣе. Часто автору приходилось видѣть, какъ они брали кусокъ стараго

---

1) D'Orbigny. op. cit. 209.
2) Devpons, op. cit. I, 294.
3) Du Tertre, op. cit. II, 380.
4) Schomburgk. Reise in Britisch Guiana. Leipz. 1843, I, 424.

желѣза, стараго лѣсного ножа и употребляли его какъ пилу, и даже при этомъ нуженъ былъ цѣлый день на то, чтобы пропилить одинъ дюймъ въ деревѣ. Конечно, индіецъ работаетъ лишь тогда, когда имѣетъ охоту и проводитъ многіе мѣсяцы и болѣе надъ изготовленіемъ какого нибудь лука или дубины; время не имѣетъ для него никакой цѣнности, и онъ охотно даетъ за пилу, за ножъ продуктъ многихъ часовъ труда.

Рошфоръ разсказываетъ [1]), что караибы, при видѣ печальнаго и тоскующаго христіанина, имѣли обыкновеніе говорить съ нимъ слѣдующимъ образомъ: «кумъ, ты очень несчастливъ, подвергая свою персону столь продолжительнымъ и столь опаснымъ путешествіямъ и давая грызть себя столькимъ заботамъ и опасеніямъ. Страсть имѣть собственность заставляетъ тебя выносить всѣ эти труды и награждаетъ тебя всѣми этими заботами; ты безпокоишься не менѣе о томъ богатствѣ, которое ты уже, пріобрѣлъ, какъ и о томъ, котораго ты ищешь. Ты постоянно опасаешься, чтобы кто нибудь не обокралъ тебя въ твоей странѣ или на морѣ, или чтобы твои товары не потерпѣли кораблекрушенія и не были поглощены волнами. И такъ, ты старѣешь раньше времени, твои волосы сѣдѣютъ, твой лобъ покрывается морщинами, тысячи недуговъ работаютъ надъ твоимъ тѣломъ, тысячи печалей роются въ твоемъ сердцѣ, и ты приближаешься быстрыми шагами къ могилѣ. Отчего ты не довольствуешься вещами, которыя производитъ для тебя твоя страна? Почему, подобно намъ, не презираешь богатства? Мѣшаетъ-ли вамъ богатство умирать? Идетъ-ли оно съ вами въ могилу?»

Калоши [2]), повидимому, отличаются чрезвычайно сильною лѣнью, и это качество объясняется тѣмъ фактомъ, что природа очень къ нимъ дружелюбна; лососины въ изобиліи, оленей и медвѣдей можно добыть охотой сколько угодно, а ягодъ безчисленное множество.

Камчадалы [3]) лѣнивы, какъ всегда. Излишество рыбы, которую они ловятъ безъ всякаго труда и сильная привычка къ ней суть причины, что они не занимаются ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ.

Въ лѣсныхъ горахъ Гань-су [4]) нѣкоторые тангуты, но очень не многіе, занимаются точеніемъ деревянной посуды, чашекъ для ѣды и для сохраненія масла. Болѣе другихъ развитое, можно сказать даже единственное, занятіе между тангутами, это сученіе сарлочьей (рѣже, бараньей) шерсти для сукна, изъ котораго дѣлается вся мѣстная одежда. Уходъ за скотомъ составляетъ единственное заня-

---

1) De Rochefort. Histoire des Iles Antilles de l'Amérique. Rotterd. 1658.
2) Whimper. Alaska. 1869. 83—4.
3) Sarytchew. op. cit. 1-er Theil. 181.
4) Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ. 1876, 264—5.

нятіе тангута, отрывающее этого человѣка хотя немного отъ той абсолютной лѣни, которой онъ предается въ теченіи всей своей жизни. По цѣлымъ часамъ спятъ взрослые и малые возлѣ очага палатки, ничего ровно не дѣлая, а только попивая чай, который составляетъ такую-же необходимость для тангутовъ, какъ и для монголовъ.

Киргизъ [1]) во всемъ предпочитаетъ спокойствіе, которое однако всегда носитъ характеръ лѣности. Нельзя назвать ни одного времени года, когда-бы въ немъ закипала большая дѣятельность, ни одного занятія, къ которому-бы онъ былъ особенно склоненъ; осень еще какъ будто-бы лучшее въ этомъ отношеніи время года, потому что у лѣниваго азіатца въ эту пору начинаетъ мелькать нѣчто похожее на тревогу; но, набивъ достаточное количество дичи, и заколовъ недостающее по разсчету для зимы число головъ домашняго скота, киргизъ уже и спокоенъ, а на женщинѣ, кромѣ заботъ о пищѣ, лежатъ еще обязанности по заготовленію матеріаловъ для жилья и одежды.

Жители Вуди [2]) (въ Центральной Африкѣ), повидимому, имѣютъ въ своемъ распоряженіи все необходимое для жизни, и представляютъ самый лѣнивый народъ во всемъ свѣтѣ. Женщины прядутъ немного хлопку и ткутъ изъ него грубую ткань около 6 дюймовъ ширины; мужчины цѣлый день праздно лежатъ въ своихъ хижинахъ или въ тѣни общественнаго зданія на столбахъ (палаверъ), стоящаго на открытомъ мѣстѣ среди хижинъ.

Что дѣлали его отцы, [3]) то дѣлаетъ и онъ, вѣрный вѣковой традиціи. Подобно имъ, онъ заставляетъ работать жену, продаетъ дѣтей, которыхъ она родила, обращаетъ въ рабство всякаго, на кого можетъ наложить руку, и за исключеніемъ времени, когда онъ сражается, чтобы обратить въ свои слуги другихъ, онъ довольствуется питьемъ, пѣньемъ, танцами, чтобы отогнать грызущую его скуку, ведя жизнь беззаботной и веселой обезьяны. Нѣкоторые, весьма немногіе, изготовляютъ бумажныя ткани, столярничаютъ, куютъ желѣзо или мѣдь, приготовляютъ соль и т. под. Но общее ихъ правило—работать сколько возможно меньше, и постоянный ихъ обычай ничего не откладывать въ запасъ, сверхъ необходимаго снабженія, изъ опасенія, чтобы начальники или сосѣди не позавидовали этому необычайному богатству и не разграбили его. Можно прибавить, что рабство есть одна изъ главныхъ причинъ праздности негровъ; оно дѣлаетъ трудъ унизительнымъ для

---

[1]) Красовскій. Область сибирскихъ киргизовъ. Матер. генер. штаба, 1864, I, 398.

[2]) Denham and Clapperton. Narrative of Travels in Africa etc. Lond. 1826, 54.

[3]) J. H. Speke. Les Sources du Nil. Paris. 1865, 14—16.

господъ, которые отталкиваютъ его отъ себя, какъ нѣчто уподобляющее ихъ рабамъ. Всѣ внутреннія занятія падаютъ такимъ образомъ на женщинъ, которыя варятъ пиво, готовятъ пищу, молочные хлѣбы, дѣлаютъ горшки и корзины, заботятся о домѣ и дѣтяхъ, все это не считая помощи, оказываемой ими рабамъ, употребленнымъ въ земледѣліи, и надзора за стадами, который также ввѣряется имъ иногда.

Плоды и корни суть обыкновеннѣйшая пища негровъ, [1]) подарокъ природы, который не стоитъ имъ ни заботъ, ни труда. Они могли бы увеличить ихъ количество и улучшить качество при помощи самой незначительной культуры; но лѣность останавливаетъ ихъ и богатѣйшій между ними тотъ, кто можетъ себѣ доставить запасъ рису на годъ. За то женщины несутъ трудъ тяжкій.

Взрослые барабра (въ провинціи Донгола) [2]) проводятъ большую часть года въ полнѣйшей праздности, за исключеніемъ немногихъ ремесленниковъ, которые занимаются ткачествомъ, кузнечествомъ, построеніемъ лодокъ и водяныхъ колесъ, и которые работаютъ самое большое часа по два въ день; дѣтямъ и рабамъ предоставлено гонять воловъ около водянаго колеса, открывать и закрывать ведра и гонять птицъ съ созрѣвающихъ полей. Всѣхъ дѣятельнѣе женщины, которыхъ занятіе—домашнее хозяйство, ограничивающееся приготовленіемъ плодовъ и печеніемъ хлѣба; онѣ же носятъ издалека воду, жнутъ плоды, молотятъ ихъ маленькими палками, очищаютъ и прядутъ бумагу.

Они лучше не станутъ ѣсть два дня, [3]) чѣмъ будутъ работать на полѣ два часа сряду. Мужчины занимаются только охотой, рыбной ловлей, собираніемъ меда, постройкой хижинъ, войной и разъѣздами; полевая работа въ ихъ глазахъ есть постыдное занятіе и исполняется только ихъ женами, которыя, такъ сказать, вполнѣ содержатъ своихъ лѣнивыхъ мужей... Главныя страсти народа Кимбунда суть: лѣнь, ѣда, питье, танцы, музыка и развратъ. Сказать правду, они лишь тогда рѣшаются на какуюнибудь работу, когда ихъ принуждаетъ къ тому необходимость.

Въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ единственное занятіе суданцевъ [4]) есть пастьба скота, которая выполняется младшими членами общины, оставляя людей среднихъ лѣтъ и стариковъ на полную праздность; единственная ихъ работа присутствовать на рынкахъ сосѣднихъ деревень на разстояніи 5—10 миль въ опредѣленные дни не-

---

[1]) Atkins. Voyage à Sierra-Leone. (Walckenaer. Histoire gener. des voyages en Afrique, I. IV) 74.
[2]) Rüppel, op. cit 42.
[3]) L. Magyar, loc. cit. 214—15.
[4]) Petheric. Egypt, The Soudan and Central Africa. 1861, 167.

дѣли, продавать овецъ, козъ или скотъ и покупать для своего хозяйства нѣкоторыя мелочи, которыхъ ихъ собственная промышленность не производитъ. Ихъ дѣловой сезонъ начинается съ дождями, когда они снимаютъ свои станы, и на спинѣ быковъ переносятъ свои передвижныя жилища и утварь во внутрь страны, гдѣ каждое семейство очищаетъ себѣ участокъ земли для производства маиса.

Какъ можно естественно ожидать, народы Индійскаго архипелага [1]) ненавидятъ всякое примѣненіе труда въ такой-же степени, какъ любятъ возбужденіе... Великое препятствіе ко всякой реформѣ среди этихъ націй состоитъ въ томъ, что лишь весьма немногіе изъ нихъ, имѣя достаточно на сегодня, станутъ заработывать что нибудь на завтра. «Carpe diem» есть поговорка, соблюдаемая здѣсь болѣе абсолютно, чѣмъ въ роскошномъ Римѣ. Желаніе всякаго европейца сберечь что либо на случай болѣзни и на старость есть чувство, котораго эти народы, повидимому, не испытывали никогда, и подобная вкоренившаяся непредусмотрительность, къ несчастью, поощряется въ нихъ съ ранняго дѣтства, тѣмъ обиліемъ и расточительностью, съ какими природа снабжаетъ ихъ ограниченныя потребности. Возможность голода есть вещь, которой они не могутъ понять.

Если вы желаете, говоритъ Кеппель [2]) объ обитателяхъ индійскаго архипелага, чтобы туземецъ сдѣлалъ для васъ что нибудь такое, что, быть можетъ, займетъ у него 3—4 дня, то вы должны ему дать лишь столько рису и табаку, сколько достанетъ ему на одинъ день; если вы дадите ему больше, онъ не вернется, пока у него останется хоть кусочекъ; но если вы дадите ему лишь ровно столько, сколько нужно на день, то онъ явится на свой постъ на другой день. Вообще они не выносятъ контроля и рѣдко остаются на службѣ долго, хотя бы съ ними и обращались хорошо.

Въ Сиріи, въ мѣстностяхъ открытыхъ для арабовъ, [3]) нужно сѣять съ ружьемъ въ рукахъ. Какъ только хлѣбъ пожелтѣлъ, его прячутъ въ *матмуты* или подземелья. Изъ него извлекаютъ по возможности меньше на посѣвъ, такъ какъ сѣютъ столько, чтобы прожить; однимъ словомъ, ограничиваютъ всякую промышленность удовлетвореніемъ первыхъ потребностей... Каждая семья въ деревняхъ дѣлаетъ себѣ грубую ткань изъ хлопка, въ которую одѣвается. Каждый домъ имѣетъ свою переносную мельницу, въ которой жена мелетъ рожь или дурро для пропитанія. Земледѣльческое орудіе—простая вѣтвь дерева, отрубленная подъ развѣтвленіемъ. Въ

---

[1]) Bickmore. Travels in the East Indian Archipelago. Lond. 1868, 186.
[2]) Keppel. The Expedition to Borneo. Lond. 1846, II, 156.
[3]) Volney. Voyage en Egypte et en Syrie, 1823, III, 129—130, passim.

горахъ виноградниковъ не обрѣзываютъ, деревьевъ не щепятъ. Все здѣсь обнаруживаетъ слѣды простоты первыхъ временъ, которая, быть можетъ, какъ и теперь, была не болѣе, какъ грубостью нищеты. Когда спрашиваешь о причинѣ этого недостатка промышленности, то повсюду получаешь отвѣтъ: «это достаточно хорошо, этого довольно, на что послужило-бы дѣлать болѣе»?

Такимъ образомъ неравномѣрность и незначительное количество труда можно считать болѣе или менѣе общимъ правиломъ жизни первобытныхъ народовъ. Отсюда отсутствіе богатства, за исключеніемъ лишь самыхъ необходимыхъ предметовъ и бездна свободнаго времени. Для наполненія этого времени работою нужно соединеніе множества условій, которыя, большею частью, наступаютъ или только для рабовъ, трудящихся на самихъ дикарей, или въ формѣ принудительной работы на европейцевъ (голландскія, испанскія, португальскія и иныя колоніи). Во многихъ-же случаяхъ означенное непостоянство труда является непреодолимою преградою для прогресса. Переходъ къ болѣе постояннымъ и правильнымъ занятіямъ, подъ вліяніемъ пропаганды европейцевъ, обыкновенно бываетъ безуспѣшенъ; нужно, чтобы онъ произошелъ самъ собою. Но исторія не ждетъ, потребности возрастаютъ отъ столкновенія съ новыми народами, средства къ ихъ удовлетворенію, не прибавляются, — и вотъ передъ нами одна изъ существенныхъ причинъ вымиранія первобытныхъ расъ.

Насколько незначительно регулированъ трудъ, столь же мало регулировано и потребленіе на раннихъ ступеняхъ развитія. Сегодня работы много, завтра абсолютная лѣнь; сегодня голодъ, завтра обжорство.

Въ 1831 году близь факторіи Іорка [1]) на сѣверѣ Америки произошло расточительное избіеніе оленей. Туземцы взяли нѣсколько мяса для немедленнаго употребленія, но тысячи тѣлъ были пущены по теченію, заражали гніеніемъ берега или плавали по Гудсонъ-Баю, гдѣ питали морскихъ птицъ и полярнаго медвѣдя. Точно въ видѣ отместки за эту варварскую бойню, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти, олени послѣ того ни разу больше не посѣтили этой страны въ подобныхъ числахъ. Такому собственному неблагоразумію туземцевъ слѣдуетъ приписать послѣдовавшіе случаи смерти отъ голоду и покиданіе престарѣлыхъ и безпомощныхъ.

---

[1]) T. Simpson. Narrative of the Discoveries on the North Coast of America. Lond. 1843.

Ѣда для американцевъ-дикарей то же, пишетъ одинъ миссіонеръ, [1]) что напитки для пьяницъ Европы. Эти всегда жаждущія души съ удовольствіемъ умерли бы въ чашѣ мальвазіи, а дикари въ кастрюлѣ съ мясомъ; тѣ только и говорятъ, что о напиткахъ, эти—только о ѣдѣ.... Они думаютъ, что глупо и нелѣпо отказываться отъ самаго большаго удовольствія, какое они могутъ имѣть въ своемъ раю, т. е. въ желудкѣ... Первое, что они дѣлаютъ, вставая по утру, это протягиваютъ руку къ своей коробкѣ изъ коры за мясомъ и принимаются за ѣду. Они кончаютъ день какъ начинаютъ; кладя голову на подушку, они имѣютъ еще кусокъ во рту.

Наши монголы, говоритъ Мишіе [2]), проспавши свою первую ѣду и выпивши свой чайникъ чаю, поставили снова кастрюльку на огонь и приготовили остатокъ козы, на каторый они еще разъ опрокинулись послѣ обѣда, попозже. Прожорливость и объемъ монгольскаго желудка равняются тѣмъ-же качествамъ желудка дикаго звѣря. Они ѣдятъ, когда могутъ, и постятся когда должны, и ихъ пищевареніе никогда не разстраивается ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ условій. Они очень сильно походятъ на своихъ верблюдовъ этими полезными качествами, столь необходимыми въ пустынѣ. Наши монголы, правда, ничего не ѣли со времени оставленія Ханъ-Кіа-Коу. Они постились, покрайней мѣрѣ, недѣлю и шли почти безъ сна все это время, и, тѣмъ не менѣе, не чувствовали усталости, которую должны были испытывать. Конечно, съ ними было немного проса и китайскаго тѣста, небольшое количество котораго они опускали въ чай, когда пили его, но настоящей пищи они не имѣли никакой. Они рѣдко носятъ съ собою мясо, находя болѣе удобнымъ нести его у себя въ желудкѣ.

Заведенные съ давняго времени огороды поддерживались у однихъ тоёновъ (жители курильскихъ острововъ; [3]) но курильцы мало заботились поддерживать огородничество... Въ 1830—31 гг. приступлено было вновь къ разведенію огородныхъ овощей; посаженныя овощи родились хорошо, но курильцы ихъ съѣли, не оставивъ даже на сѣмена до слѣдующаго года.

Разсказы о томъ, что тамъ-то напр, якутъ съѣлъ въ три дня лошадь, а тамъ-то выпилъ за одинъ присѣстъ пудъ топленаго масла—не рѣдкость, и хотя они на первый разъ кажутся совершенно невѣроятными, однако совершенно справедливы [4]). Англій-

---

[1]) Perrot, op. cit. 175.

[2]) A. Michie. The Siberian Overland route. Lond. 1867, 108—9.

[3]) А. Полонскій. Курилы. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. Спб. IV, 1871, 367.

[4]) Костровъ. Очерки юрид. быта якутовъ. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. 1878, VIII, 266.

скій путешественникъ Симпсонъ призвалъ къ себѣ однажды въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали ровно по пуду мяса, а масло они должны были пить или ѣсть большими ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній имѣлъ сначала преимущество. «У него зубы хороши», сказалъ старикъ, «но помощью святыхъ (здѣсь онъ перекрестился) я его скоро догоню». Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей подъ надзоромъ своего секретаря. Когда путешественникъ возвратился черезъ два часа, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили растянувшіеся на полу обжоры, которые, цалуя землю, благодарили за обильный обѣдъ. Послѣ того, они, какъ змѣи, три, четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ положеніи, не пили и не ѣли, и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. При каждой богатой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ родня молодаго, другаго родня молодой, и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе. Вообще должно сказать, что обжорство не только не считается у якутовъ какимъ-либо порокомъ, но, напротивъ, особенною доблестью.

Одинъ изъ нашихъ якутъ, говоритъ Сарычевъ [1]), взялъ на дорогу четыре пуда масла и жиру и два пуда ржаной муки. Все это должно было продержаться долго, но не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ уже сталъ жаловаться, что ему нечего ѣсть; сначала я не хотѣлъ вѣрить, что одинъ человѣкъ въ такое короткое время могъ все это съѣсть, но прочіе якуты совсѣмъ поразили меня, сказавъ, что онъ при случаѣ съѣдаетъ дома въ 24 часа заднюю четверть большого быка или полпуда жиру и столько-же жидкаго масла.

Чрезмѣрное потребленіе тюленьяго мяса эскимосами [2]) даетъ вѣрное объясненіе недостатка этихъ животныхъ. По древнимъ обычаямъ эскимосовъ, всѣ участвуютъ во всемъ. Когда они перемѣщаются въ большомъ числѣ, то тяжесть, лежащая на каждомъ отдѣльномъ поселеніи для ихъ прокормленія, бываетъ чрезмѣрна. Количество, потребляемое членами одного семейства, показалось-бы чужеземцу громаднымъ, но оно скорѣе составляетъ необходимость ихъ особенной жизни и организаціи, нежели результатъ чрезмѣрной жадности: при дѣятельномъ упражненіи и постоянномъ пребываніи тѣла на холодѣ, органическія потери должны быть громадны. Когда они сидятъ дома и отдыхаютъ, работая надъ своею костяною утварью, надъ сѣтями для

---

[1]) Sarytschew, I, 129.
[2]) E. K. Kaue. Arctic Explorations. Philadelphia, 1856.

птицъ и пр., они ѣдятъ, какъ и мы въ болѣе цивилизованныхъ странахъ, для животнаго удовольствія и для проведенія времени. Но, будучи на охотѣ, они ѣдятъ только разъ въ день и то часто лишь по окончаніи дневнаго труда; они выходятъ на ледъ безъ завтрака, и, за исключеніемъ холодной закуски въ большемъ количествѣ, не ѣдятъ ничего до самаго своего возвращенія. Во время изобилія можно приблизительно вѣрно опредѣлить дневную порцію эскимоса въ 8—10 фунтовъ, съ супомъ и водою до $^1/_2$ галлона.

Для первобытнаго человѣка, читаемъ у Бёртона [1]), ѣда есть цѣль существованія, забота его дня, сновидѣніе всей его ночи. Цивилизованный человѣкъ, никогда не имѣвшій голода, который не былъ-бы удовлетворенъ немедленно, не можетъ понять, до какой степени душа его дикаго брата находится подъ господствомъ желудка; онъ не можетъ понять восторга, въ какой ввергаетъ видъ трупа старой козы человѣческое животное, поглощаемое голодомъ, и ревниваго взгляда съ которымъ этотъ голодный смотритъ на того, кто ѣстъ.

Тотъ самый бушменъ, который съ пятью земляками съѣстъ жирную овцу въ одинъ часъ [2]), въ теченіе же полуночи цѣлую квагту съ кожею и шерстью, въ состояніи терпѣть голодъ отъ 3 до 16 дней и даже дольше, если ему и не предшествовало подобное пиршество. Часто причина подобнаго воздержанія простая лѣнь; бушменъ охотнѣе зашнуруетъ себѣ брюхо и проспитъ голодъ, чѣмъ предприметъ тѣлесный трудъ на доставленіе пищи.

«Что касается до моихъ готтентотовъ, то я не преувеличиваю [3]), говоря, что они съѣли по 8 фунтовъ зебры каждый въ одинъ часъ и потомъ понемногу еще по 3 или 4 фунта прежде, чѣмъ заснули».

Самый способъ [4]) ѣсть ясно показываетъ прожорливость аппетита готтентотовъ. Отрѣзавъ отъ животнаго большой кусокъ, они начинаютъ рѣзать его съ края, и, проходя по немъ спиралью вокругъ, пока не дойдутъ до середины, дѣлаютъ изъ мяса ремень въ 2—3 ярда длины, смотря по объему куска. Все животное изрѣзывается въ такіе куски, и пока нѣкоторые заняты этимъ дѣломъ и развѣшиваніемъ мяса на вѣтвяхъ деревьевъ, другіе поджариваютъ свернутые въ свитки ремни на пеплѣ. Какъ только мясо хорошо согрѣется, они снимаютъ его съ огня, хватаютъ обѣими руками и, приставивъ одинъ конецъ ремня ко рту, скоро поканчиваютъ цѣлый ярдъ мяса.—Когда бушменамъ удается пригнать къ стану стадо скота, этотъ скотъ убивается въ такомъ количествѣ, что

---

[1]) Burton. Voyage aux grands Lacs de l'Afrique Orientale 1862, 593.
[2]) Lichtenstein, op. cit. 318.
[3]) Thompson. Biblioth. Univers. des voyages XXIX. 178.
[4]) J. Barrow. Travels into the interior of South Africa. 1806, 102.

скоро дѣлается добычею гнили и заражаетъ воздухъ смрадомъ. Колонисты, преслѣдующіе бушменовъ, узнаютъ мѣста ихъ расположенія по стадамъ коршуновъ, носящихся надъ ними.

Общими чертами нравовъ большей части южноамериканскихъ индійцевъ признаются между прочимъ, слѣдующія [1]): жадность до обжорства, когда у нихъ есть чѣмъ удовлетворить себя, умѣренность въ случаѣ нужды до того, что могутъ обходиться безъ всего, не показывая и вида, что желаютъ чего-бы то ни было, вражда къ труду, занятіе только настоящимъ, отсутствіе всякаго безпокойства о будущемъ, неспособность къ предусмотрительности и размышленію.

«Удивительно видѣть, сколько они ѣдятъ, ихъ обжорливость выше всякаго описанія» [2]).

«Кажется страннымъ, что туземцы Аруанскихъ острововъ [3]) не сажаютъ у себя кокосовыхъ орѣховъ, но причина заключается попросту въ томъ, что они не могутъ рѣшиться закопать въ землю такую прекрасную вещь, имѣя въ виду собираніе плодовъ только черезъ 12 лѣтъ. Кромѣ того, если не сторожить плода днемъ и ночью, то его, вѣроятно, выроютъ и съѣдятъ.

Послѣ жатвы у жителей Камбоджи [4]) начинается пиршество, одна деревня зоветъ другую въ гости, убивается много быковъ, ѣдятъ послѣ продолжительныхъ лишеній до обжорства и болѣзней. Въ голодное время питаются отростками бамбука, летучими мышами и т. под.

Жители сѣверной Австраліи [5]) при своихъ переселеніяхъ терпятъ часто такія лишенія отъ голода что утоляютъ его муки, глотая шарики изъ глины.

Китъ есть величайшее лакомство, какое только достается австралійцу [6]). Когда онъ стоитъ около гигантскаго трупа одного изъ этихъ чудовищъ, онъ можетъ быть сравненъ съ мышью, стоящею передъ высокимъ пирогомъ. Невозможно цивилизованному человѣку войти въ представленіе дикаря при такихъ обстоятельствахъ, такъ какъ первый никогда не былъ въ подобномъ положеніи, никогда не имѣлъ такого количества пищи, помѣщенной предъ нимъ сразу. Поэтому, когда туземный собственникъ найдетъ кита, выброшеннаго на берегъ въ его владѣніяхъ, всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. Вмѣсто того,

---

[1]) De la Condamine. Voyage dans l'Amerique, 1745.
[2]) J. Gumilla, Histoire de l'Orénoque. 1758, II, 12.
[3]) Уалласъ. Малайскій архипелагъ, 488.
[4]) Mouhot, op. cit. 249.
[5]) Keppel. Indian Archipelago, II, 156.
[6]) G. Grey. Two Expeditions in Australia. II, 276—7.

чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ исполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этою цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло съ женою и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи. Исполнивъ эту обязанность, онъ натираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ женъ, и, приготовленный такимъ образомъ, прорѣзываетъ свой путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки, и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать свою дорогу въ китѣ, и вы видите, какъ они лазятъ взадъ и впередъ по вонючему остову, выбирая лучшіе куски.

Мы видимъ изъ сказаннаго, что лѣнь и чрезмѣрныя усилія, съ одной, обжорство и голодъ, съ другой стороны, представляютъ самые существенные недостатки экономической организаціи первобытныхъ народовъ, которые однако непосредственно вытекаютъ изъ самыхъ условій, въ какія она поставлена. Не подлежитъ сомнѣнію, что основною ихъ причиною является невозможность регулировать производство и потребленіе сравнительно незначительнаго числа людей, которымъ, въ силу самой ихъ обстановки, необходимо добывать себѣ средства существованія не иначе, какъ съ опредѣленнаго пространства земли и опредѣленными только способами. Племя охотниковъ или рыболововъ легче подвергнется вымиранію отъ голода въ случаѣ недостаточности пищи, чѣмъ внезапно перейдетъ въ высшее состояніе культуры. Всѣ эти недостатки лишь мало по малу уступаютъ мѣсто все болѣе и болѣе машинообразному и правильному отправленію двухъ великихъ экономическихъ процессовъ—производства и потребленія, по мѣрѣ возрастанія цивилизаціи, а, вмѣстѣ съ нею, и числа участниковъ въ общественномъ хозяйствѣ, и, что всего важнѣе, по мѣрѣ расширенія сношеній между ними. Чтобы оцѣнить всю громадную важность путей сообщенія для правильнаго снабженія населенія средствами существованія, достаточно обратить вниманіе на то, что отдѣльные члены племени, находящагося на низшихъ ступеняхъ развитія, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній бываютъ лишены возможности ступить на территорію сосѣдей, подъ опасеніемъ потери жизни. Понятна отсюда вся изолированность и безпомощность подобныхъ племенъ въ случаѣ недостатка пищи. Вотъ нѣсколько поучительныхъ примѣровъ подобнаго состоянія вещей.

У народа, говоритъ де Рохасъ [1]), у котораго не существуетъ

---

[1]) De Rochas. La nouvelle Calédonie, 248—250.

различія профессій, каждый умѣетъ обрабатывать землю, построить пирогу, хижину, сплести сѣть для рыбной ловли, словомъ, удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ; обмѣновъ бываетъ лишь очень мало. Но что еще болѣе уменьшаетъ ихъ число, — это разрозненность въ какой живутъ отдѣльныя племена, хотя они воздѣлываютъ участки различнаго положенія и качества, большей или меньшей легкости орошенія, болѣе или менѣе благопріятнаго положенія ихъ относительно лучей солнца, и хотя продукты ихъ, по всѣмъ этимъ причинамъ болѣе или менѣе различны. Кокосы, бананы очень рѣдки на югѣ острова и вовсе не рѣдки въ нѣсколькихъ лье къ сѣверу. Тѣмъ не менѣе, обмѣновъ не происходитъ вовсе. Есть только нѣсколько мѣстностей, располагающихъ рынками. Прибрежные жители Муйона не воздѣлываютъ тарони ингаме, развѣ только въ недостаточномъ количествѣ, но предаются весьма дѣятельной ловлѣ рыбы, продукты которой они мѣняютъ на хлѣбъ, приносимый имъ въ опредѣленные дни земледѣльцами долины Конни. Случается иногда, что покупается пирога, что заказывается хижина и пр., но эти случаи рѣдки и не даютъ начала ни отдѣльнымъ профессіямъ, ни послѣдующей торговлѣ... Ни въ какомъ углу цивилизованнаго міра *обращеніе* между людьми не *ограничено* въ такой степени, какъ на Новой Каледоніи. Чтобы пойти въ чужое племя, нужно быть съ нимъ знакомымъ или пожелать быть съѣденнымъ. Посѣщенія, отдаваемыя другъ другу туземцами, почти всегда *коллективны*. Начальникъ получаетъ приглашеніе на праздникъ отъ одного изъ своихъ сосѣдей и отправляется туда съ большимъ парадомъ, въ сопровожденіи свиты своихъ избранныхъ воиновъ. Кромѣ этихъ случаевъ только родственники или друзья отдаютъ сосѣдямъ визиты. Аристократическая каста заключаетъ довольно часто браки между союзными племенами, и эти союзы поддерживаютъ сношенія и посѣщенія. Но сами племена, какъ бы ни мало они были удалены другъ отъ друга, *не сообщаются* между собою *вовсе*; различія въ языкѣ были бы сами по себѣ препятствіями въ этихъ сношеніяхъ (хотя возникли, какъ результатъ отсутствія сношеній). Только сосѣди могутъ понимать другъ друга, потому что ихъ идіомы близки, и потому что здѣсь, какъ и во всемъ свѣтѣ, на границѣ говорятъ на двухъ языкахъ.

На Новой Зеландіи *нѣтъ* публичныхъ *дорогъ* [1]); тропинки существовали между деревнями, но ни одна изъ нихъ не была сдѣлана, или поддерживаема,—это были просто слѣды ногъ, не намѣренно оставленные странниками.

Въ Сиріи [2]) отъ города до города нѣтъ ни дилижансовъ, ни по-

[1]) A. Thomson. The Story of New Zealand. Lond. 1859, I, 94 и слѣд.
[2]) Volney, op. cit. 134—5.

чты... Отношенія поддерживаются между городами частными возничими, которые никогда не имѣютъ постоянныхъ сроковъ отправленія. Причина въ томъ, что они не могутъ иначе отправляться въ дорогу, какъ группами или караванами. Никто не путешествуетъ въ одиночку въ виду малой безопасности дорогъ... Дороги въ горахъ весьма тяжелы, потому что жители, вмѣсто того, чтобы исправлять ихъ, дѣлаютъ ихъ почти *непроѣздными*, для того, говорятъ они, чтобы отнять у турокъ возможность привести свою кавалерію.

«Въ моемъ описаніи Веддъ Нильгала и Бинтенне», говоритъ Байли [1]), «хорошо держать въ умѣ, что хотя они живутъ на разстояніи, не превышающимъ 50 миль, но между ними не имѣется *никакихъ сношеній*. Ни одинъ отдѣльный Ведда одного округа *никогда* не видалъ такого-же Ведду другаго округа. Они совершенно различны, но только въ географическомъ отношеніи. Они наслѣдовали одни и тѣ же обычаи, суевѣрія, имена и діалектъ».

Въ отношеніи сухопутныхъ дорогъ китайцы [2]) остаются *позади* большей части образованныхъ народовъ. Если исключить окрестности столицы и нѣсколькихъ мѣстностей, гдѣ связь каналовъ съ судоходными рѣками перерывается горами, то врядъ-ли можно найти во всей имперіи дорогу, которая заслуживала бы названіе чего либо большаго *тропинки*.

Но за то въ Китаѣ, какъ и въ Египтѣ, водяные пути сообщенія съ успѣхомъ замѣняли и замѣняютъ сухопутные, и только этимъ объясняется компактный и слитный характеръ той и другой цивилизаціи. Въ Перу та же цѣль достигалась при помощи прекрасныхъ дорогъ.

Никакой настоящей *дороги не существуетъ* въ мѣстностяхъ Африки, о которыхъ мы говоримъ, пишетъ Спикъ [3]), и худшая дорога, которую можетъ взять путешественникъ, есть та, которою обыкновенно слѣдуютъ торговые караваны. Это, впрочемъ, касается не только того, что частость сообщеній мало по малу подрываетъ, благодаря злоупотребленію, дѣлаемому изъ нея, традиціи гостепріимства, но также и того, что постоянныя сношенія съ полуцивилизованнымъ торговцемъ постепенно портятъ врожденную честность туземцевъ, даютъ исходъ ихъ страстямъ и знакомятъ ихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, престижъ котораго прежде поддерживалъ въ нихъ страхъ.

«Пестрый образъ карты народовъ въ этой части Африки», говоритъ

---

[1]) I. Bailey. Wild Tribes of the Veddahs of Ceylon (Transact. of the Ethnol. Society, II, 281).
[2]) I. Barrow. Reise durch China etc. 1804. 186.
[3]) Speke. Les Sources du Nil, 14.

Швейнфуртъ [1]), «вызываетъ на сильное размышленіе того, кто хочетъ себѣ дать разъясненіе о причинахъ, которыя, повидимому, совершенно исключили изъ программы исторіи этого континента прогрессъ и достиженіе высшей ступени культуры. При почти совершенномъ *отсутствіи сношеній* между сосѣдними племенами различнаго языка,—такъ какъ только на полчаса перейти въ чужую область, было бы смѣлымъ дѣломъ, за которое отдѣльное лице обыкновенно должно было бы заплатить своею жизнью,—намъ то встрѣчается *перенаселеніе* отдѣльныхъ, особенно благословенныхъ мѣстностей, имѣвшее послѣдствіемъ выселеніе и совершенное измѣненіе образа жизни, причемъ пастушескіе народы переходили въ земледѣльцевъ, или земледѣльцы превращались въ пастуховъ; то мы видимъ вымирающій остатокъ погибшаго народа, который оказываетъ отчаянное сопротивленіе противъ окружающаго его насилія; то замѣчаемъ какъ мелкія, развѣтвившіяся племена покоряются и привлекаются къ повинностямъ и т. д.:—все это представляетъ намеки, которые даются намъ въ руки, чтобы разъяснить безпримѣрную путаницу народовъ, приливъ и отливъ расъ и образованіе языковъ во внутренней Африкѣ.»

Предоставляемъ самому читателю судить о томъ, до какой чрезвычайно-сильной степени указанныя на предъидущихъ страницахъ отрицательныя условія правильнаго существованія измѣняютъ картину жизни первобытныхъ народовъ, составленную на основаніи привычныхъ признаковъ окружающей насъ европейской дѣйствительности. Постоянство занятій и потребленія, быстрота и правильность способовъ перемѣщенія,—представляютъ для европейца то же, что воздухъ для дыханія, и, подобно этому послѣднему, признаются имъ за нѣчто подразумѣвающееся само собою, всеобщее и вѣчное. А между тѣмъ какую продолжительную и преисполненную жертвъ исторію оставило за собою все относящееся къ происхожденію и развитію означенныхъ положительныхъ условій существованія, служащихъ опорою новѣйшей цивилизаціи, и какое глубочайшее значеніе имѣютъ тѣ физическія и моральныя послѣдствія для общества, которыми она сопровождается? Достаточно будетъ одного примѣра для выясненія только что сказаннаго. Абсолютная свобода воли и дѣятельности первобытнаго человѣка обыкновенно является аксіомою въ глазахъ современнаго европейца, который сравниваетъ вольную жизнь въ степяхъ и лѣсахъ съ стѣсненною и встрѣчающею тысячу преградъ жизнью въ густо населенномъ европейскомъ городѣ. Но такъ-ли это; дѣйствительно-ли человѣкъ, стоящій на низшихъ ступеняхъ развитія, менѣе стѣсненъ въ выборѣ своей дѣятель-

[1]) G. Schweinfurth. Im Herzen von Africa. Leipz. 1872, 2-te Auflage, 64.

ности, нежели средній европеецъ? Оставляя въ сторонѣ всѣ прочія опроверженія этой мысли, довольно сослаться на фактъ неполнаго удовлетворенія одной частной потребности первобытнаго человѣка, на недостаточность способовъ его передвиженія, чтобы убѣдиться въ противномъ. Нуждаясь въ перемѣнѣ мѣста, какъ въ одномъ изъ средствъ существованія, онъ не можетъ показаться на сосѣдней территоріи; отсутствіе дорогъ не дозволяетъ ему двигаться правильно, малѣйшее бѣдствіе съ домашнимъ скотомъ оставляетъ его при однихъ только личныхъ способахъ перемѣщенія. Онъ, правда, свободенъ, говоря теоретически, уйти въ каждую минуту жизни, куда пожелаетъ, но, принимая на себя всѣ тяжкія условія, которыя дѣлаютъ это передвиженіе фактически почти невозможнымъ.

Совсѣмъ иное дѣло современный европеецъ: когда ему понадобится перемѣнить свое мѣстопребываніе, къ его услугамъ готово по нѣскольку поѣздовъ въ сутки въ самыя отдаленныя мѣстности. Въ выборѣ времени для своего перемѣщенія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, онъ стѣсненъ только срокомъ отхода поѣзда, насколько этотъ послѣдній обусловливается не одними только его личными интересами, а интересами массы. Но въ этомъ-то кажущемся стѣсненіи личности подавляющимъ давленіемъ массы и проявляется великое начало цивилизаціи, неизвѣстное никакому первобытному народу. Самое стѣсненіе, самая механичность и правильность общественнаго производства, перемѣщенія и потребленія ведутъ къ предоставленію каждому отдѣльному индивидууму такой свободы выбора дѣйствій, о какой и не снилось вольному сыну лѣсовъ и степей, подавляемому болѣе компактною массой. Именно потому, что правильное отправленіе поѣздовъ въ опредѣленные только сроки обусловливается участіемъ въ перемѣщеніи громадныхъ массъ народа, каждый индивидуумъ воленъ ѣхать не съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ поѣздомъ, а съ какимъ ему заблагоразсудится. Непрерывность и правильность движенія по желѣзнымъ дорогамъ нисколько не зависятъ отъ того, приняло или не приняло участіе въ этомъ движеніи то или другое отдѣльное лицо. Желающихъ ѣхать въ срокъ отправленія поѣзда во всякомъ случаѣ будетъ достаточно,—вотъ на чемъ покоются всѣ разсчеты предпринимателей. Такимъ-то образомъ механическое воздѣйствіе массъ на индивидуума, характеризующее исключительно новѣйшую цивилизацію, одно только создаетъ условіе дѣйствительной индивидуальной свободы личности, которой первобытный человѣкъ лишенъ фактически, если не въ собственномъ представленіи. Онъ также дѣйствуетъ рядами и шеренгами, съ тою великою разницею, что въ силу полной однородности своего положенія съ массою, онъ не способенъ ни на минуту изъ нея выступить. То же самое справедливо и относительно правильнаго снабженія на-

селенія продовольствіемъ и работою. О какой самостоятельности личности можетъ идти рѣчь среди народа, который, какъ въ Индіи, періодически вымираетъ милліонами съ голоду, то, вслѣдствіе отсутствія правильныхъ путей сообщенія съ мѣстностями, которыя могли-бы снабдить его пищею, то вслѣдствіе порчи и разрушенія способовъ воздѣлыванія земли?

ГЛАВА VI.

Понятія первобытныхъ народовъ о движимой собственности.—Движимая собственность у народовъ рыболовныхъ и охотничьихъ.—Движимая собственность у народовъ кочевыхъ и земледѣльческихъ.—Знаки собственности.—Воровство.—„Муру“.

Въ высшей степени интересный экономико-юридическій процессъ представляетъ постепенное выдѣленіе и обособленіе все болѣе и болѣе частной движимой собственности изъ области собственности общинной. Жаль только, что существующій по этому предмету матеріалъ отличается крайнею разбросанностью и скудностью, и потому дозволяетъ не болѣе какъ намеки относительно дѣйствительнаго хода означеннаго процесса. Слѣдующую общую характеристику обособленія движимой собственности, которое обыкновенно предшествуетъ обособленію собственности на землю, можно, кажется, считать болѣе или менѣе универсальною. Въ прямой зависимости отъ общиннаго труда по добыванію средствъ существованія, движимыя вещи, какъ мы имѣли уже случай видѣть, первоначально принадлежатъ сообща всѣмъ членамъ родственной или родовой охотничьей, рыболовной, пастушеской и земледѣльческой общины. При такомъ состояніи общества даже дѣйствительное выдѣленіе индивидуальнаго труда, напримѣръ того или другаго болѣе ловкаго охотника и рыболова въ общинѣ, женщины въ семьѣ и пр., не ведетъ еще за собою выдѣленія индивидуальной собственности на отдѣльно добытый продуктъ. Но мало по малу трудъ отдѣльнаго члена общины, поставленнаго въ изолированныя отъ другихъ условія производства, начинаетъ служить естественнымъ мотивомъ для выдѣленія отдѣльной движимой собственности. На первыхъ порахъ подобное выдѣленіе относится не къ той или другой индивидуальной личности, а къ меньшей общинѣ. Такимъ образомъ возникаетъ движимая собствен-

ность братства, рода, семейства. Но обособленіе движимой собственности не останавливается на этомъ, а идетъ все далѣе и далѣе, пока каждый самостоятельный членъ семейства не будетъ признанъ дѣйствительнымъ, отдѣльнымъ собственникомъ тѣхъ или другихъ предметовъ оружія, орудій, украшеній, одежды, утвари, скота, даже женъ или рабовъ. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, и самимъ женамъ и даже рабамъ имѣть очень рано свою отдѣльную собственность, а по мѣрѣ эмансипаціи тѣхъ и другихъ, отдѣльныя ихъ права все болѣе укрѣпляются и возрастаютъ. Коль скоро то или другое орудіе, добытое индивидуальнымъ трудомъ, признается и индивидуальною собственностью или, по меньшей мѣрѣ, собственностью меньшей общины, то естественнымъ послѣдствіемъ этой принадлежности является и отдѣльная собственность на произведенія, добытыя съ помощью этого орудія. Такъ, напр., при общей ловлѣ рыбы отдѣльными снастями, добыча распредѣляется между участниками, сообразно количеству и размѣру снастей каждаго, такъ какъ эти послѣднія представляютъ въ подобномъ случаѣ измѣняемую величину, въ отличіе отъ постоянной, — текущаго труда каждаго владѣльца снастей. На ряду съ самостоятельнымъ трудомъ, потраченнымъ на изготовленіе орудія и на самое производство той или другой вещи, стоитъ и завоеваніе, представляющее на первоначальныхъ ступеняхъ развитія также родъ самостоятельнаго и преисполненнаго опасностей труда. Такимъ образомъ обособляющійся трудъ является единственною первоначальною причиною возникновенія частной собственности на движимыя вещи, все равно, обособляется ли при этомъ меньшая община отъ большей, или отдѣльный индивидуумъ отъ семьи. Но пока отношеніе принадлежности продолжаетъ оставаться непосредственнымъ отношеніемъ только одной данной личности къ продукту собственнаго производства, оно отличается шаткостью и неопредѣленностью. Судьба той или другой вещи, хотя уже и выдѣленной въ отдѣльную собственность, остается долговременно связанной волею цѣлой общины, къ которой принадлежитъ собственникъ. Только правильное и частое отчужденіе кладетъ конецъ этому состоянію, но и то далеко не сразу. Самъ владѣлецъ сохраняетъ за собою въ теченіи продолжительнаго времени право выкупить вещь обратно. Послѣ него то же право принадлежитъ членамъ его семьи, рода, общины, племени. За долги и правонарушенія отдѣльныхъ лицъ отвѣчаетъ семья, родъ, община. Только полное и безповоротное отчужденіе вещи ставитъ рѣзкую и опредѣленную грань между «моимъ» и «твоимъ» и придаетъ понятію «вещи» точный и опредѣленный смыслъ. Такое отчужденіе или что то же, мѣна, является естественнымъ послѣдствіемъ обособленія труда. Человѣкъ, поставленный въ возможность дѣлать что либо особое отъ другихъ, въ скоромъ времени необхо-

димо совершенствуется въ своемъ промыслѣ, увеличиваетъ производство и пріобрѣтаетъ запасъ для сбыта. Такъ какъ у первобытныхъ народовъ наиболѣе сильные и ловкіе работники обыковенно избираются въ вожди, то неудивительно, что первая частная собственность—одежда, оружіе и пр. образуется у этихъ послѣднихъ. Однако мы видѣли въ предъидущей главѣ, что и они не имѣютъ права располагать ею въ свою собственную пользу, а обязаны раздавать ее отъ времени до времени обратно народу. Отсюда слѣдуетъ, что и этотъ родъ частной собственности долговременно поглощается общиной.

Обратимся теперь къ изложенію ряда собранныхъ нами данныхъ, относящихся къ первобытному состоянію права собственности на движимое имущество, на сколько оно выражается въ быту различныхъ рыболовныхъ, охотничьихъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ, постепенно выдѣляясь и обособляясь изъ общей массы общинныхъ правъ, по мѣрѣ усложненія труда въ обществѣ.

По словамъ Моренгаута [1]), фиджійцы живутъ многочисленными обществами родичей, въ числѣ 10—12 женатыхъ мужчинъ съ семействами, члены которыхъ помогаютъ другъ другу *взаимно доставлять средства существованія* и проводятъ время въ изобиліи, среди удовольствій и празднествъ.

Индійцы, поселенные у мыса С. Лукаръ въ Калифорніи [2]) казалось, пользовались *сообща всѣмъ*, чѣмъ обладали. Когда они вымѣнивали рыбу на старые ножи, которыми суда были хорошо снабжены, они отдавали ихъ первому попавшемуся индійцу, который былъ около нихъ, и когда находили, что получили довольно, то не слѣдовало болѣе надѣяться на продолженіе съ ними торга.

Законъ раздѣла охоты у южно-американскихъ тегуэльчей [3]) состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ, поймавшій страуса, поручаетъ его нести въ станъ другому охотнику, а впослѣдствіи дѣлится съ нимъ добычей, оставляя въ свою пользу перья, мясо отъ головы до грудной кости и одну ногу; если убитъ гуанако, то ловцу принадлежитъ лучшая половина.

У сѣверо-американскихъ индійцевъ [4]) частныя права поддерживаются и охраняются. Покупка, завоеваніе или трудъ даютъ частное или общинное право собственности на все продолженіе жизни. Поднятіе и преслѣдованіе оленя не даетъ никакого права на это животное, если другой индіецъ убьетъ его; но если первый нанесетъ оленю рану, то онъ можетъ заявить требованіе на этого оленя, хотя бы дру-

---

[1]) Morenhaut, op. cit. 69.

[2]) W. Rodgers (Bibl. Universelle des Voyages, II, 21).

[3]) G. Musters. At Home with the Patagonians, Lond. 1871, 71.

[4]) H. Schoolcraft, op. cit. 193.

гой и убилъ его; вообще, они дѣлятъ мясо, шкура-же принадлежитъ первому охотнику. Бакъ (94) разсказываетъ про одного чиппевея, что онъ послѣ голоднаго дня убилъ звѣря музу изъ *чужаго ружья* и отдалъ его, согласно охотничьему праву, безъ всякихъ разсужденій владѣльцу ружья.

«И этотъ грубый человѣкъ», говоритъ Марціусъ о бразильскихъ индійцахъ [1]), «знаетъ различные роды цѣнности; онъ различаетъ вещи, которыя обезпечиваютъ ему матеріальную пользу и другія, къ которымъ онъ стремится изъ гордости и честолюбія. Среди Миранда, которыхъ я созвалъ въ барабанъ для обмѣна оружія и украшеній, былъ одинъ, у котораго было ожерелье изъ зубовъ рѣдкой змѣи. Напрасно я предлагалъ ему за ожерелье много топоровъ; гордость его сопротивлялась всякому искушенію, такъ какъ этотъ трофей охотничьей удачи поднималъ его въ глазахъ соплеменниковъ; но никто изъ нихъ не осмѣлился бы украсть украшеніе у охотника, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ никто не укралъ-бы извѣстныхъ знаковъ ордена, чтобы носить ихъ самому. Эти вещи служатъ у нихъ единственными залогами, какъ бы вмѣсто честнаго слова, что долгъ будетъ уплаченъ... До ознакомленія съ европейцами самыми цѣнными движимыми вещами бразильскаго дикаря вѣроятно были каное, съ трудомъ выдолбленныя каменными топорами и огнемъ. Со временъ же появленія европейцевъ желѣзные сосуды и другіе продукты цивилизаціи увеличили число собственниковъ, а съ ними и покушеніе къ воровству; но эти европейскіе продукты составляютъ еще такую рѣдкость и владѣніе ими такъ замѣтно, что открытіе кражи и требованіе возвращенія украденнаго, слѣдуютъ одно за другимъ почти непосредственно. Въ этомъ можетъ лежать причина рѣдкости воровства между сосѣдями. Иначе дѣло стоитъ во время войны, когда собственность побѣжденнаго увозится какъ добыча, или въ жару побѣды истребляется. Частною собственностью,— въ родѣ того, какъ у нашихъ предковъ считались оружіе у мужчинъ, платья и ленты у женщинъ,—и бразилецъ признаетъ оружіе и украшенія у мужчинъ, украшенія и платье, если оно имѣется, у женщинъ, которое для нихъ, впрочемъ, также составляетъ украшеніе. Все прочее—ковры, горшки, сосуды для приготовленія пищи (и хижина) составляютъ собственность семейства. Если нѣсколько семействъ живутъ въ одной хижинѣ, то означенные предметы лишь рѣдко служатъ всѣмъ сообща, потому что каждое изъ нихъ обладаетъ своими и не нуждается въ чужихъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отдѣльное лицо находитъ вѣрнѣйшее обезпеченіе собственности во всеобщемъ равенствѣ и въ малой цѣнности этой послѣдней для

[1]) Marzius, op. cit. 40 и слѣд.

другихъ. Лишь очень рѣдко сберегаетъ индіецъ свою собственность у старшины, не считая ея безопасной у себя въ хижинѣ. Это случается преимущественно съ украденными вещами, особенно съ жизненными предметами».

У алеутовъ [1]), кто первый попалъ въ тюленя стрѣлою, тотъ имѣетъ право на его шкуру. Чья стрѣла впервые попала въ морскаго медвѣдя, тотъ получаетъ половину шкуры и внутренности, и, сверхъ того, имѣетъ право другую половину шкуры отдать любому сотоварищу по охотѣ; тотъ, чья стрѣла была вторая, получаетъ шею и прочія внутренности; третья стрѣла даетъ право на пузырь, четвертая и пятая на передніе, шестая и седьмая на задніе плавники. Мясо-же раздѣляется между всѣми, принимающими участіе въ охотѣ поровну. Въ началѣ ежегодной охоты, тотъ, кому придется убить перваго морскаго льва, раздѣляетъ приходящуюся ему часть между всѣми своими сосѣдями; но кости должны быть ему возвращены обратно, и когда онѣ собраны всѣ, то бросаются въ море.

Если охотникъ гренландецъ [2]) убьетъ тюленя стрѣлой, но послѣдній ускользнетъ и позже будетъ добитъ другимъ, то звѣрь все-же принадлежитъ первому, если его стрѣла находится въ тѣлѣ животнаго. Если оба попадаютъ одновременно, то дѣлятъ звѣря вдоль, и каждый беретъ половину. Если будетъ найденъ мертвый тюлень со стрѣлою въ тѣлѣ, то онъ принадлежитъ находчику, который долженъ возвратить владѣльцу его стрѣлу. Китъ всегда общая добыча охотниковъ, хотя бы его убилъ и одинъ изъ нихъ. Если кто либо занимается уженіемъ рыбы, а другой подойдетъ и возьметъ на время уду въ руки, то рыба, клюющая въ это время, принадлежитъ ему (уда представляетъ незначительную цѣнность, непосредственный трудъ уженія—бóльшую). Если многіе встрѣтили животное на землѣ, то оно принадлежитъ тому, кто попалъ ближе всѣхъ къ сердцу.

Только что изложенные факты наглядно показываютъ намъ, съ какою внимательностью и тонкою разборчивостью относятся первобытные народы къ оцѣнкѣ всѣхъ случайностей, способствующихъ наиболѣе справедливому рѣшенію вопроса, кому именно изъ охотниковъ принадлежитъ право личной собственности на ту или иную убитую, при спеціальныхъ условіяхъ, дичь. Тутъ ясно обозначается тотъ моментъ развитія общества, когда начинаютъ особенно оцѣниваться такія качества отдѣльной личности, какъ бóльшая ловкость, храбрость, сообразительность, быстрота натиска, и обладающая ими личность получаетъ нѣкоторыя особыя отъ другихъ права. Впрочемъ, подобная тщательная оцѣнка преимуществъ отдѣльнаго

---

[1]) Sarytschef, op. cit. II, 125.
[2]) H. Helms. Grönland und die Grönlaender. Leipz. 1868, 90—91.

охотника, по всей вѣроятности, относится къ охотѣ небольшими группами или въ одиночку, гдѣ самое положеніе охотника служитъ источникомъ возникновенія для него особыхъ правъ. Что-же касается до совмѣстной охоты большихъ группъ, то здѣсь обыкновенно лучшія качества лучшихъ охотниковъ оцѣниваются лишь на столько, на сколько они служатъ интересамъ цѣлой группы.

Нижеслѣдующая характеристика имущественнаго быта эскимосовъ, принадлежащая датскому писателю Ринку, составляетъ одно изъ лучшихъ изслѣдованій въ области экономическихъ отношеній первобытныхъ народовъ, какое только намъ извѣстно. Въ виду этого особеннаго интереса предмета, мы рѣшаемся изложить его съ нѣсколько большими подробностями, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы прибѣгали прежде.

Родъ жизни эскимосовъ [1]) есть главнымъ образомъ охотничій и рыболовный; поэтому, они могутъ быть разсматриваемы, сравнительно съ другими народами, какъ не имѣющіе никакой правильной собственности. Они обладаютъ только необходимѣйшими орудіями, утварью и запасомъ провизіи, менѣе чѣмъ на одинъ годъ; и это имущество никогда не переходитъ за извѣстныя границы, опредѣленныя традиціей или обычаемъ. Понятія объ этихъ границахъ, которыя имѣютъ большое значеніе по отношенію къ соціальному порядку эскимосовъ, и законы или обычаи, которые будутъ разсмотрѣны ниже, могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ: 1) право собственности, принадлежащее *всей ассоціаціи* или вообще, болѣе, нежели одному семейству, простирается на зимній домъ, который, впрочемъ, имѣетъ дѣйствительную цѣнность только по отношенію къ дереву, употребляемому на построеніе его, все-же остальное строится изъ такихъ матеріаловъ, которые можно найти вездѣ; 2) право собственности, принадлежащее *одному* или, самое большее, *тремъ родственнымъ семействамъ*, обнимаетъ палатку, всѣ хозяйственныя вещи, лампы, деревянныя блюда, каменные горшки, лодку или *уміакъ*, которая одна можетъ помѣстить въ себѣ всѣ эти вещи, вмѣстѣ съ палаткой; далѣе идутъ одни или двое саней съ запрягаемыми въ нихъ собаками, запасъ зимней провизіи на два или на три мѣсяца и, наконецъ, измѣнчивый, но всегда незначительный, запасъ продуктовъ для мѣны; 3) право собственности, принадлежащее *отдѣльному лицу*, распространяется на одежду, которой, если не у всѣхъ, то у главныхъ членовъ семейства, имѣется по двѣ перемѣны, рѣдко болѣе; на принадлежности шитья женщины и на нѣкоторыя орудія для работы по дереву; на оружіе для сухопутной охоты и на каюки. Лишь немногіе перво-

---

[1]) H. Rink. Tales and Traditions of the Eskimo. 1875, 9 и слѣд.

классные охотники за тюленями имѣютъ по два каюка, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ смѣны принадлежащихъ къ нимъ снарядовъ, именно большой гарпунъ съ пузыремъ и веревкою, пузырное копье или дротикъ, меньшій гарпунъ съ пузыремъ, прикрѣпленнымъ къ его клинку; птичье копье или стрѣла; уды и различные мелкіе предметы. Каюки обыкновенно бываютъ предназначены только для одного лица.

За исключеніемъ домовъ западныхъ эскимосовъ, которые, будучи изъ дерева, имѣютъ значительную цѣнность, условія собственности, повидимому, почти одинаковы повсюду. Туземцы перевозятъ съ собою въ своихъ каюкахъ почти все свое движимое имущество во время лѣтнихъ странствій, и, приставая къ какой нибудь узкой полосѣ земли, которую нужно пересѣчь, они переносятъ на себѣ каждую вещь, вмѣстѣ съ лодкою. Не смотря на весьма ограниченное стремленіе къ накопленію собственности, эскимосы поддерживаютъ между собою родъ обмѣна, и для этой цѣли предпринимаютъ нѣкоторыя изъ самыхъ отдаленныхъ своихъ путешествій.

Жизнь охотничьяго народа, и въ томъ числѣ эскимосовъ, повидимому, даетъ образоваться извѣстной естественной взаимнопомощи или соединенному владѣнію вещами, которое ограничивается болѣе или менѣе широкими кругами отдѣльныхъ лицъ и регулируется извѣстными правилами и обычаями. То, что отдѣльное лицо заработываетъ своимъ трудомъ, дѣлается, благодаря этому сотрудничеству, доступнымъ для другихъ, и это ограниченіе его права собственности необходимо должно имѣть противовѣсъ въ извѣстныхъ обязательствахъ со стороны другихъ лицъ. Иными словами, такъ какъ право собственности у всѣхъ охотничьихъ народовъ подвергается спеціальному ограниченію, то личныя права ихъ и обязанности должны имѣть соотвѣтствующія особенности.

Меньшія общины или подраздѣленія племени эскимосовъ, покоющіяся на взаимномъ союзѣ, подходятъ подъ слѣдующія три категоріи: семейства, обитателей одного дома и обитателей одного зимовища или одной деревни. Между самими зимовищами, повидимому, подобной связи не существуетъ. Обратимся прежде всего къ семейству. Послѣднее въ узкомъ смыслѣ обнимаетъ неженатыхъ дѣтей, вдовъ и другихъ безпомощныхъ лицъ, которыя были усыновлены на основѣ родства и занимаютъ болѣе или менѣе служебное положеніе. Такъ называемые рабы или военноплѣнные западныхъ эскимосовъ живутъ въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ. Самый способъ жизни этого народа врядъ-ли допускаетъ иное обхожденіе съ рабами, чѣмъ съ подчиненными членами семьи. Въ болѣе широкомъ смыслѣ семейство обнимаетъ и женатыхъ дѣтей, когда они не имѣютъ отдѣльнаго хозяйства, пріобрѣтая въ тоже время отдѣльный каюкъ

для лѣтнихъ работъ. Соединенная собственность, употребленіе принадлежностей охоты и общій трудъ для пріобрѣтенія средствъ существованія, повидимому, совмѣстно опредѣляютъ дѣйствительное общеніе жизни семьи или родственниковъ. Право быть усыновленнымъ въ семьѣ можетъ быть предъявляемо также вотчимами и мачихами. Вновь вступившая въ бракъ пара обыкновенно присоединяется къ родителямъ извѣстной семьи, и коль скоро родители другой семьи становятся болѣе неспособны содержать себя сами, то и они раздѣляютъ жилище съ дѣтьми. Сверхъ того, братья, сестры безъ жениховъ равно какъ вдовы братьевъ также усыновляются семьею, если этого требуютъ обстоятельства. Гдѣ теща есть членъ семьи, тамъ подчинена ей падчерица или жена хозяина дома. У иныхъ мужчинъ бываетъ и по двѣ жены, въ томъ числѣ одна конкубина. Благодаря такимъ приспособленіямъ, каждая семья имѣетъ болѣе, нежели одного кормильца. Если сыновей больше нежели одинъ, то иногда второй сынъ, пріобрѣтая каюкъ и палатку, устраиваетъ особенное семейство и хозяйство. Владѣлецъ каюка или палатки разсматривается такимъ образомъ, какъ глава семейства, и называется обыкновенно другими членами семьи—*итуатъ* т. е. «собственникъ»... Когда мужчина умираетъ, то старшій сынъ его наслѣдуетъ каюкъ и палатку, съ обязанностями, лежащими на кормильцѣ. Если нѣтъ взрослаго сына, его мѣсто занимаетъ ближайшій родственникъ и усыновляетъ его дѣтей, какъ своихъ пасынковъ. Но когда эти послѣдніе выростаютъ и сами дѣлаются кормильцами, то ихъ мать вдова, можетъ, по произволу, или учредить особое хозяйство съ ними безъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ къ усыновителю, или оставаться въ прежнемъ. Что касается до наслѣдства вообще, то слѣдуетъ помнить, что у гренландцевъ оно представляетъ скорѣе вопросъ обязанностей и тягостей, нежели личной выгоды. Еще болѣе: единственное дѣйствительное наслѣдственное имущество — каюки и палатки требуютъ ежегоднаго ремонта и покрытія новыми шкурами въ такомъ количествѣ, какое можетъ доставить одинъ охотникъ среднимъ числомъ въ теченіи года. Слѣдуетъ еще замѣтить, что раздѣленіе семьи не нарушаетъ родственныхъ отношеній и связей даже на большомъ разстояніи.

Ближайшимъ родомъ общины является соединеніе жителей одного дома, въ которомъ обитаетъ болѣе, нежели одно семейство. Въ качествѣ общаго обычая, это существуетъ только въ Гренландіи, гдѣ часто живутъ вмѣстѣ три или четыре, а иногда и большее число семействъ. Каждое изъ нихъ, однако, въ главныхъ чертахъ имѣетъ собственное хозяйство; каждая семья въ узкомъ смыслѣ, т. е. брачная пара съ дѣтьми, имѣетъ собственную комнату, съ особымъ ложемъ, съ лампою, стоящею впереди его, между тѣмъ

какъ неженатые члены и гости спятъ у оконъ и по боковымъ помѣщеніямъ. Такъ какъ домъ строится и поддерживается общимъ трудомъ, то нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ какого нибудь одного собственника; а если бы и нашелся такой, то на немъ-бы лежали только всѣ тягости и обязанности, безъ всякихъ реальныхъ правъ владѣнія. Но среди главъ отдѣльныхъ семействъ, обыкновенно выдѣляется одинъ, къ которому имѣютъ большее уваженіе остальные жители дома, хотя и не въ такой степени, какъ члены семьи, уважающей своего такъ называемаго, *штуата*.

Третій родъ общины представляетъ то, что можно назвать сосѣдствомъ,—иначе, жители одной деревни или зимовища. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ все зимовище можетъ состоять изъ одного только дома. Если обратить вниманіе на то, какъ широко разбросано населеніе, и какъ далеко находятся одна отъ другой деревни, то не трудно будетъ понять, что сосѣди, живущіе вмѣстѣ въ подобной изолированной мѣстности, должны приходить постоянно во взаимное прикосновеніе, какъ въ самой деревнѣ, такъ и на своихъ охотничьихъ угодьяхъ, что и побудило ихъ образовать союзъ общенія, отдѣленный отъ остального населенія. Но еще менѣе, нежели между обитателями одного дома, кто либо изъ нихъ разсматривается какъ глава, или какъ личность, снабженная какою либо властью для управленія своими сосѣдями. Народныя преданія во многихъ случаяхъ показываютъ, что люди, успѣвшіе пріобрѣсти себѣ подобное господство, разсматривались какъ узурпаторы не принадлежащей имъ власти, и убійство ихъ или побѣда надъ ними считались благодѣяніемъ для всего общества въ его цѣломъ. Что касается до положенія пришельцевъ, то, какъ общее правило, никто изъ отдаленной мѣстности не можетъ поселиться въ такомъ мѣстѣ безъ общаго согласія его жителей.

Главные обычаи въ отношеніи къ собственности и къ пріобрѣтенію слѣдующіе. Отъ каждаго тюленя, пойманнаго на зимней станціи, небольшіе куски жира и мяса распредѣляются между всѣми жителями зимовища, а въ случаѣ недостаточности, обитатели дома получаютъ ихъ первые. Такимъ образомъ пищу и жиръ для лампы получаетъ даже самый бѣдный, и никто не нуждается въ необходимомъ. Кромѣ этого общаго распредѣленія, всякій, убивающій тюленя, приглашаетъ остальныхъ раздѣлить съ нимъ пищу, если только населеніе мѣстности не слишкомъ велико, или тюлени не ловятся въ большомъ количествѣ, когда онъ ограничивается раздѣломъ съ ближайшими домами или родственниками. Внѣ границы подобныхъ мѣстъ уже обитаемыхъ, каждый имѣетъ право поставить домъ, гдѣ хочетъ, и отправляться на охоту и рыбную ловлю, куда пожелаетъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одна партія впервые

устроить извѣстное рыболовное угодье и помѣстить заборы поперекъ рѣки, не дѣлается никакихъ возраженій другимъ партіямъ, которыя прибѣгаютъ къ употребленію ихъ или даже портятъ ихъ. Всякій, нашедшій куски плавающаго дерева или вещи, потерянныя въ морѣ или на сушѣ, разсматривается, какъ правомѣрный ихъ собственникъ; и, чтобы осуществить свое право, онъ долженъ только перетащить найденный предметъ черезъ край прилива воды и положить около него камень, все равно, гдѣ бы ни было жилище находчика. Если тюлень былъ проколотъ и взятъ съ гарпуномъ, воткнутымъ въ него а пузырь былъ отдѣленъ, то первый охотникъ теряетъ право на животное. Тюлень становится тогда собственностью того, кто убилъ его окончательно. То же самое имѣетъ мѣсто тогда, когда животное убиваетси большимъ гарпуномъ и охотничья веревка порвалась, хотя-бы малый гарпунъ или пузырное копье и удержало-бы привязанный къ нему пузырь. Но если животное уходитъ съ пузыремъ далеко, то первый охотникъ также теряетъ свое право, какъ и въ томъ случаѣ, когда недоставало пузыря. Орудіе, находившееся въ животномъ, отдается обратно собственнику, когда онъ объявляетъ себя. Всѣ другія найденныя имущества разсматриваются, какъ собственность находчика. Если два охотника одновременно попадаютъ въ птицу или въ тюленя, то дѣлятъ добычу на равныя части, вмѣстѣ со шкурой, находящейся на тюленѣ. Но если это происходитъ съ оленемъ, то животное принадлежитъ тому, чья стрѣла попала ближе къ сердцу (большая ловкость), а другой получаетъ лишь кусокъ мяса. Всѣ роды дичи или животныхъ, которые составляютъ рѣдкость, по объему-ли ихъ или по другимъ необычайнымъ условіямъ ихъ добыванія, признаются въ большей степени, нежели обыкновенные виды, общею собственностью. Отъ моржа и меньшихъ ластоногихъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ они встрѣчаются рѣдко, убившій беретъ только голову и хвостъ, остатокъ отдается на потребленіе публики. То же самое происходитъ съ первою поимкою такихъ животныхъ, которыя появляются только въ опредѣленное время года или со всякою животною добычею во время долгаго недостатка и дурныхъ видовъ на охоту. Если попадется животное большихъ размѣровъ, особенно китъ, то оно разсматривается, какъ общая собственность и безразлично принадлежитъ каждому, кто можетъ придти и оказать помощь въ потребленіи его, какому-бы зимовищу онъ ни принадлежалъ, и принималъ-ли онъ участіе въ ловлѣ звѣря или нѣтъ. На этомъ основаніи разрѣзываніе кита происходитъ безъ всякаго порядка и контроля, и если кому либо въ подобномъ случаѣ приходится ранить другаго, то онъ не несетъ отвѣтственности за это. Въ южной Гренландіи, гдѣ медвѣди встрѣчаются рѣдко, говорятъ, что убитый медвѣдь принадлежитъ первому,

кто открылъ его, оставляя совершенно въ сторонѣ того, кто убилъ его. Если домой вовсе не приносится тюленей или другихъ большихъ животныхъ, то тѣ семейства, у которыхъ наиболѣе запасовъ, вообще приглашаютъ другихъ жильцовъ дома, но не сосѣдей по зимовищу, раздѣлить съ ними хлѣбъ насущный; или же одно или два семейства входятъ въ это соединенiе долями, внося свою часть каждое. Если кто либо изъ нихъ отдалъ другому въ ссуду орудiе или оружiе, и послѣднiй потерялъ или испортилъ его, то онъ не обязанъ давать собственнику какое либо вознагражденiе за потерю или вредъ. Еще болѣе: если кто либо пренебрегалъ употребленiемъ своихъ лисьихъ силковъ, а другой пришелъ и поставилъ ихъ и присматривалъ за ними, то послѣднiй становится собственникомъ попавшей въ нихъ дичи. Если человѣкъ сожалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ заемъ, онъ вправѣ освободиться отъ него. Вообще, продажа въ кредитъ въ особенности въ долгосрочный, составляетъ у нихъ рѣдкость.

Принимая во вниманiе сказанное относительно собственности и подраздѣленiя народа на отдѣльныя общины, въ связи съ подраздѣленiемъ собственности на только что упомянутые классы, не трудно придти къ заключенiю, что право всякаго индивидуума держать количество собственности, большее опредѣленнаго, если не регулируется закономъ, то ревниво контролируется остальнымъ обществомъ; и что въ дѣйствительности, излишекъ какой нибудь вещи, принадлежащiй индивидууму или общинѣ и приводимый въ извѣстность по способу, указанному традицiею или обычаемъ, передается тѣмъ, кто имѣетъ въ ней недостатокъ. Съ этой точки зрѣнiя, первый классъ вещей есть тотъ, который принадлежитъ отдѣльному лицу, напр. его одежда, орудiя, и оружiе или то, что спецiально употребляется имъ на себя. Эти вещи разсматриваются эскимосами какъ имѣющiя сверхъ-естественное отношенiе къ собственнику, что могло-бы намъ напомнить отношенiе между тѣломъ и душой. Отдавать ихъ другимъ въ ссуду не въ обычаѣ; но если лицо обладаетъ большимъ количествомъ вещей, *чѣмъ обыкновенно*, то общественное мнѣнiе, безъ сомнѣнiя, принудило бы его дозволить употребленiе ихъ другимъ [1]). Только что упомянутый обычай, что отданный въ ссуду предметъ, будучи потерянъ или испорченъ, не долженъ быть непремѣнно возвращенъ или возмѣщенъ собственнику, очевидно показываетъ, что если человѣкъ имѣетъ что нибудь сбереженное или годное къ отдачѣ въ ссуду, то оно разсматривается,

---

[1]) Этотъ взглядъ на вещи показываетъ, что у первобытныхъ народовъ въ ихъ простомъ и неиспорченномъ мiровоззрѣнiи индивидуальною собственностью является лишь то, что потребляется даннымъ индивидуумомъ. Иными словами, потребленiе есть собственность.

какъ *излишнее* для него, а потому не отвѣчающее тому же праву собственности, какъ болѣе *необходимая* его собственность, и слѣдовательно должно быть помѣщаемо въ ряду тѣхъ имуществъ, которыми обладаютъ съ нимъ сообща другіе. Послѣдствіе было то, что излишнія орудія и оружіе существовали рѣдко (а не причина-ли?). Только первоклассные охотники обладаютъ двумя каюками: однимъ для плаванія въ открытомъ морѣ, другимъ для закрытыхъ внутреннихъ водъ; но если бы имъ удалось пріобрѣсти по третьему каюку, то они были бы обязаны давать его по временамъ въ ссуду одному изъ своихъ родичей или сожителей по дому и рано или поздно потеряли бы его.

Слѣдующій, второй классъ предметовъ собственности составляютъ тѣ вещи, которыя принадлежатъ всей семьѣ—лодка и шатеръ, провизія, собранная въ лѣтнее время и небольшой запасъ кожъ и другихъ предметовъ, предназначенный или для семейнаго употребленія или для обмѣна.

Третій классъ состоитъ изъ всего принадлежащаго сообща жильцамъ дома, а именно: самаго дома, запаса съѣстныхъ припасовъ, достаточнаго для праздничныхъ обѣдовъ и пр.—Четвертый классъ составляетъ то, что раздѣляется съ жителями мѣстности, сосѣдями одной и той же деревни, напр. мясо и жиръ, полученные отъ всѣхъ тюленей, добытыхъ во время стоянки на зимнихъ квартирахъ.—Пятый классъ и послѣдній—есть та добыча, которая раздѣляется съ жителями сосѣднихъ деревень, въ виду-ли величины пойманнаго животнаго или же въ виду случайнаго голода или недостатка. Словомъ, вся система собственности покоится самымъ строгимъ архитектурнымъ образомъ на основѣ труда, расширяющейся и съуживающейся, смотря по объему коопераціи или разъединенія силъ.

Важнѣйшее достоинство только что изложеннаго изслѣдованія Ринка объ эскимосахъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, то ему одному изъ немногихъ удалось опредѣлить то генетическое сочетаніе различныхъ видовъ права собственности, сохранившееся всего лучше у первобытныхъ народовъ, которое покоится на постепенномъ усложненіи труда отдѣльныхъ группъ, выдѣляющихся изъ общаго родоваго общежитія. Авторъ, какъ мы видѣли, различаетъ права собственности соединенія жителей сосѣднихъ деревень, соединенія жителей отдѣльной мѣстности, соединенія нѣсколькихъ семействъ въ одномъ зимнемъ домѣ, отдѣльнаго семейства и, наконецъ, отдѣльной личности. Изъ этой единовременной группировки имущественныхъ правъ все болѣе и болѣе узкихъ круговъ одного и того-же общежитія, можно сдѣлать несомнѣнный выводъ, какимъ образомъ это общежитіе пришло къ ней. Оно очевидно все болѣе и болѣе приватизировало собственность на различные предметы необ-

ходимаго потребленія, по мѣрѣ того, какъ разросталось и приходило, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ обособленію труда между отдѣльными, все болѣе близкими по родству, группами. Но оно въ то же время и удерживало прежній общинный характеръ собственности для болѣе широкихъ группъ, имѣющихъ совмѣстное жительство, но лишь на меньшее количество предметовъ, и притомъ въ болѣе исключительныхъ случаяхъ. Большинство же предметовъ потребленія переходило въ болѣе узкія кольца общежитія и, наконецъ, часть ихъ становилась частною собственностью отдѣльныхъ лицъ. Черта сохраненія прежнихъ формъ чисто общинной собственности сказывается съ ясностью какъ въ совокупномъ потребленіи соединеніемъ деревень всякой экстренной и крупной добычи, такъ и въ томъ ограниченіи правъ всякаго индивидуума, на основаніи котораго онъ не можетъ считать *своею* полною собственностью тѣхъ предметовъ общей потребности, которые *ему лично не нужны*.

Собственность, принадлежащая отдѣльнымъ лицамъ на Ванкуверовыхъ островахъ, [1]) состоитъ, большею частью, изъ рабовъ, ковровъ, каное, мушкетовъ, пикъ, копьевъ, орудій, покрывалъ, деревянныхъ сосудовъ, копьевъ для рыбы и сѣтей, сухихъ кожъ тюленей, игрушекъ, кожъ, жиру и мѣховъ. Каждый свободный человѣкъ удерживаетъ за собою то, что онъ добылъ своимъ трудомъ; и было старымъ обычаемъ племени, что младшій сынъ семьи, если онъ не имѣетъ женъ и дѣтей, долженъ отдавать свои заработки старшему брату. Рѣчь идетъ о старыхъ обычаяхъ, которые значительно ослабѣли подъ вліяніемъ и отъ соприкосновенія иноземцевъ.

На Новой Зеландіи, по словамъ Томсона, [2]) поземельная собственность признавалась повсюду, но индивидуальная движимая собственность была неизвѣстна (невозможно и невѣрно—вторая всюду и всегда предшествуетъ первой). Катящіеся камни не обростаютъ мхомъ, слѣд. эта система служила препятствіемъ для пріобрѣтенія движимой собственности. Здѣсь не существовало бережливости, этого принципа соціальнаго прогресса. Накоплять богатство не для расточенія было неприлично; и воины, вмѣсто того, чтобы оставлять свои цѣнности дѣтямъ, помѣщали ихъ, вмѣстѣ съ своими костями, въ гробу (значитъ, была таки индивидуальная движимость). Благодаря общенію собственности среди ново-зеландцевъ никто не могъ сдѣлаться ни богатымъ, ни бѣднымъ. Прожектеры и спекулянты никогда не приводили семействъ къ голодной смерти, и во всей странѣ ни одинъ несчастный не умиралъ съ голоду. Каждый пользовался грубыми произведеніями страны, и страхъ передъ тяжкою

---

[1]) G. M. Sproat. op cit. 79—80.
[2]) A. S. Thomson. The Story ot the New-Zealand. Lond 1859, I, 96.

работою въ рабочемъ домѣ никогда не мутилъ умъ дикаря. Независимость и соціальное благосостояніе народа были порождены главнымъ образомъ обработкою собственныхъ земель. Каждое независимое племя управлялось поэтому само собою, и это дѣлалось въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ и законами табу. Правленіе это выражалось въ народныхъ собраніяхъ, общественное-же мнѣніе было хорошо извѣстно и провозглашалось духовенствомъ. Обида, нанесенная членомъ другаго племени члену своего племени, отражалась какъ обида на всемъ племени, тогда какъ обиды и несправедливости, наносимыя членами одного племени, отзывались только на одномъ виновникѣ. Но какой-же выводъ изъ всего этого? Для развитія цивилизаціи у жителей Новой Зеландіи (Т. II, 303) одинаково съ распространеніемъ англійскаго языка, важна индивидуализація собственности, и пока большая часть земли, принадлежащей въ настоящее время въ общую собственность, не будетъ скуплена (?), и не прекратится нынѣшняя система соединеннаго туземнаго труда,—до тѣхъ поръ индивидуализація не пойдетъ впередъ. Туземцы должны (?) держать землю индивидуально, какъ пожалованную отъ короны, прежде чѣмъ они станутъ работать, подобно англичанамъ (авторъ хотѣлъ сказать въ пользу англичанъ). Общая собственность, въ настоящее время господствующая у нихъ, парализируетъ ихъ умъ, порождаетъ споры и иногда кровопролитіе, препятствуетъ развитію промышленности дѣятельныхъ и поощряетъ лѣнь праздныхъ. Люди работаютъ на другихъ, а не на самихъ себя; исключительное обладаніе, великій и универсальный мотивъ промышленности, не существуетъ среди нихъ; какъ они родились, такъ и умираютъ. Даже энергическіе поселенцы Виргиніи миссіонеры въ Новомъ Плимутѣ нашли систему общей собственности непреодолимымъ препятствіемъ для своего успѣха; наиболѣе цивилизованы изъ новозеландцевъ тѣ, которые держатъ землю, какъ частную собственность отъ короны. Большія затрудненія окружаютъ здѣсь индивидуализацію собственности, но нѣтъ ни одного, которое не могло бы быть превзойдено разумнымъ и осторожнымъ законодательствомъ; тѣмъ болѣе, что умы туземцевъ очень чувствительны къ этому важному вопросу, и многіе изъ нихъ (?) видятъ необходимость его разрѣшенія.

Земперъ разсказываетъ, [1]) что, въ благодарность за гостепріимство и за постоянные подарки со стороны «крея» (родъ старѣйшины или вождя) и его жены на Палаузскихъ островахъ, онъ какъ-то подарилъ послѣднему мѣшокъ рису. Это обстоятельство всполошило все государство. Немедленно явившіеся къ нему съ палками двое его знакомыхъ держали слѣдующую преисполненную

---

[1]) Op. cit. 79.

гнѣва рѣчь: «Какъ ты хочешь, докторъ, чтобы мы не были на тебя злы. Мы всѣ здѣсь твои братья; *твоя собственность есть также наша и наоборотъ. Хочешь-ли отъ меня денегъ? Возьми ихъ*. Развѣ мы тебѣ не присылали ежедневно кукау и все, чего ты желалъ? Развѣ мы не всегда при тебѣ, когда ты въ насъ нуждаешься? *Выбирай все, что есть въ моемъ домѣ, я отдамъ тебѣ*. Но мы не принадлежимъ къ людямъ низшаго класса, которые работаютъ за деньги на другихъ людей; если мы принимаемъ плату, то имѣемъ право заставлять за себя работать своихъ слугъ. Ты же кричишь на насъ, какъ будто мы твои слуги. Думаешь-ли ты, что клёббергелль, который строилъ тебѣ домъ и котораго я начальникъ, не отомститъ тебѣ за брань, которую ты мнѣ разъ послалъ... Мы твои братья, мы должны съ тобою все обсуждать, и если бы ты спросилъ нашего совѣта, то мы конечно сказали-бы тебѣ, что мѣшка рису было *для крея слишкомъ много*, и что еще пройдетъ много ночей, прежде чѣмъ ты снова будешь ѣсть въ своей странѣ свѣжій рисъ». Эта замѣчательная рѣчь является безспорнымъ доказательствомъ того, что на Палаузскихъ островахъ господствуетъ общеніе движимаго имущества, которое побуждаетъ палаузцевъ оказывать немедленное и энергическое сопротивленіе всякаго рода попыткамъ къ водворенію началъ частной движимой собственности. Иными словами, мы присутствуемъ въ данномъ случаѣ при такой-же борьбѣ за существованіе двухъ противоположныхъ формъ собственности, какая происходитъ и происходила, какъ увидимъ ниже, во многихъ странахъ между двумя противоположными формами—общиннаго и частнаго брака.

Обращаясь къ кочевымъ и къ полукочевымъ народамъ, мы видимъ, что у нихъ движимая собственность индивидуализируется уже болѣе, хотя главный предметъ ея, скотъ, очень часто представляетъ общинное имущество большей или меньшей родовой общины.

Подобно другимъ племенамъ, находящимся въ некультивированномъ состояніи, говоритъ Филипъ, [1]) готтентоты живутъ совмѣстно въ своихъ крааляхъ или деревняхъ, какъ бы члены одного семейства, держа свой скотъ и главную собственность, какъ родъ *общаго* капитала, на который всѣ имѣютъ одинаковое право. Когда отдѣльное лицо убиваетъ быка или овцу, то убитое животное служитъ предметомъ общаго пира, и лицо, которому оно принадлежало, имѣетъ столь же мало пищи въ своемъ домѣ на слѣдующій день или на дальнѣйшій, какъ и любой изъ его сосѣдей. Тотъ же обычай, соблюдается и среди каффровъ, бушменовъ и намакновъ. Если дюжина людей оставляетъ краалъ, чтобы идти на охоту за дичью, и толь-

---

[1]) I. Philip. Researches in South Africa. Lond. 1827, I, 6—7.

ко одинъ имѣетъ успѣхъ, то счастливый охотникъ раздѣляетъ свою добычу съ менѣе его счастливыми сотрудниками по охотѣ.

Народы южной Африки [1]) прежде всего пастушескіе. Стада, обладаемыя ими, составляютъ до сихъ поръ ихъ главное богатство. Они снабжаютъ ихъ имуществомъ, необходимымъ для свадебъ, братскихъ союзовъ, выкуповъ, болѣзней, похоронъ. Уходъ за скотомъ разсматривается, какъ занятіе весьма благородное и достойное лицъ высшаго ранга. Есть даже начальники, которые считаютъ своей обязанностью прерывать отъ времени до времени теченіе своей администраціи, чтобы возвращаться къ занятіямъ ранняго юношества. Это ставятъ имъ всегда въ большую заслугу, которая оказывается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо вести скотъ въ мѣста отдаленныя. Имѣя при себѣ многочисленныхъ пастуховъ, начальникъ обходитъ отъ времени до времени стада и указываетъ пастухамъ на тѣхъ животныхъ, которыя должны составлять ихъ пищу.

У народа Кимбунды [2]) всѣ главы семейства, принадлежащаго къ одному селу или округу, тѣсно держатся вмѣстѣ, ради всеобщей пользы и взаимной защиты; однако движимое имущество разсматривается, какъ отдѣльная собственность каждаго, и охрана и защита таковаго, равно какъ и отклоненіе покушенія и наказаніе за него, составляютъ частное дѣло соотвѣтствующихъ главъ семейства, и зависимыхъ отъ нихъ, а на судъ общины вносятся лишь тѣ дѣла, которыя касаются всей общины. Ясно, что частная собственность еще до такой степени слаба, что даже не добилась общественной защиты.

У Марутзи скотъ составляетъ собственность мужа и жены [3]) вмѣстѣ: первый не можетъ располагать имъ безъ согласія своей жены (женская филіація). При всемъ томъ мужъ и жена рѣдко ѣдятъ одного и того-же быка.

Главная собственность каффровъ—живой скотъ [4]). Все ихъ богатство состоитъ въ скотѣ и оцѣнивается не деньгами, а числомъ головъ быковъ, [5]) которыми обладаетъ *каждый*. Они держатъ деньги только для покупки скота и превращаютъ ихъ въ скотъ, когда только могутъ. Высшая почесть у нихъ быть владѣльцемъ скота. Мужчины присматриваютъ за нимъ и доятъ коровъ; мальчики пасутъ и стерегутъ скотъ на пастбищѣ. Они никогда не дозволяютъ своимъ женамъ дотронуться до скота или помогать имъ въ молоч-

---

[1]) Casalis, loc. cit. 161—2,
[2]) L. Magyar. op. cit. I, 270.
[3]) Campbell (Bibl. Univers. XXIX) 361.
[4]) C. Maclean. Kafir Laws und customs. Mount Coke. 1858, 72.
[5]) F. Fleming. Kaffraria and its Inhabitants. 1854, 94 и слѣд.

номъ хозяйствѣ, которое считаясь одною изъ привилегій ранга, оставляется исключительно на долю мужчинъ... Въ мирное время всякій крааль имѣетъ главнаго пастуха. Онъ всегда ѣздитъ передъ скотомъ, и при помощи особеннаго свиста, которому пріучены повиноваться быки, ведетъ ихъ съ одного пастбища на другое, часто сквозь непроходимые кустарники. Уходя съ пастбища, сожженнаго солнцемъ, каффры поджигаютъ его со всѣхъ сторонъ и тѣмъ подготовляютъ себѣ послѣ дождей новое роскошное пастбище. У главнаго пастуха есть два помощника; во время войны число ихъ увеличивается. Скотъ есть очевидно собственность родовыхъ группъ.

Въ разговорѣ каффръ [1]) часто говоритъ о своихъ женахъ, наряду со своимъ скотомъ, и ежедневный опытъ представляетъ печальное доказательство, что онъ смотритъ на первыхъ, какъ на нѣчто менѣе цѣнное, нежели на вторыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ обращается со скотомъ съ гораздо большимъ чувствомъ, чѣмъ по временамъ съ женою. Строить, копать, сѣять, сажать и жать—эти занятія вполнѣ лежатъ на женщинахъ; сверхъ того, онѣ же рубятъ дрова и носятъ воду.

Если спросить, чѣмъ собственно владѣютъ негры Центральной Африки, [2]) то нужно отвѣтить, что многіе изъ нихъ, имѣя свое имущество въ Европѣ, были бы богатыми людьми. Только все ихъ богатство состоитъ въ скотѣ. Другаго богатства они не знаютъ; другое имущество есть второстепенное, которое скоро погибаетъ, между тѣмъ, какъ богатство въ скотѣ увѣковѣчивается чрезъ непрерывное возобновленіе. Они обладаютъ большимъ числомъ быковъ, чѣмъ козъ и овецъ. Скотъ и мелкія животныя малорослы и плохой породы.

Богатство мужчинъ у народа зулусовъ [3]) состоитъ главнымъ образомъ изъ скота, женъ и дочерей. Каждая женщина стоитъ столько-то головъ скота, и каждая дочь продается за 10, 20, 50 головъ, смотря по ея происхожденію, талантамъ и красотѣ. Гдѣ господствуетъ полигамія, законъ наслѣдства становится весьма сложенъ; система правилъ установлена съ цѣлью соотвѣтствовать каждому случаю, такъ какъ каждая жена имѣетъ собственный домъ или семью и свое опредѣленное мѣсто въ линіи брачнаго родства, а также первое, второе, третье мѣсто въ инвентарѣ своего господина [4]).

---

[1]) Kay. Travels and Researches in Caffraria. 1833, 172.

[2]) A. Kaufmann. Schilderungen aus Central Afrika. Briten und Lienz. 1862, 100.

[3]) L. Grout. Zulu. Lond. etc. Philadelphia, 116.

[4]) Наслѣдственное право первобытныхъ народовъ вообще представляетъ самую слабую сторону изслѣдованій, относящихся къ ихъ исторіи и жизни. То немно-

Бареа и Кумана (въ Абиссиніи) [1]) лишены всякихъ сословныхъ различій, и самая собственность пользуется у нихъ лишь незначительнымъ распространеніемъ. Оно и понятно, такъ какъ эти народы живутъ среди вѣчныхъ опасеній, мало думая о будущемъ. Сверхъ того, они не номады и не скотоводы, слѣд. не имѣютъ движимой собственности, между тѣмъ какъ составляетъ фактъ, что движимая собственность изощряетъ понятіе собственности вообще. Они также почти не ведутъ торговли и почти не знаютъ денегъ и другой движимой собственности, кромѣ жатвы, которая должна служить только настоящему. Земли вволю, а потому и понятіе о собственности на нее не можетъ быть у нихъ сильно. Отсюда слѣдуетъ важное юридическое положеніе: лицо не должно испытывать никакихъ притѣсненій ради вещи. Поэтому, особенно за долгъ и преступленія противъ собственности, оно не можетъ быть никогда обращено въ рабство... Воровствомъ называется нарушеніе права собственности, совершенное *внутри* округа, но оно не есть преступленіе; если оно доказано, то украденная вещь разсматривается, просто какъ долгъ. Здѣсь въ особенности обнаруживается, какъ эти народы низко ставятъ собственность. Пойманнаго вора нельзя ни ранить, ни убить, ни подвергнуть штрафу; самое большее, что онъ можетъ получить отъ своихъ преслѣдователей, это—пару ударовъ; украденное имущество у него отбираютъ и даютъ ему уйдти. Нѣтъ рѣчи о плѣнѣ, рабствѣ, выкупѣ пойманнаго вора. Преслѣдуемый своими земляками воръ никогда не убиваетъ себя: онъ старается убѣжать, покидая свою добычу и преслѣдователи остерегаются нанести ему раны, потому что пролитая кровь вора требуетъ кровной мести. Если кто потеряетъ свою собственность, напр. скотъ, то сначала самъ старается разъузнать то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ; если имѣетъ опредѣленное подозрѣніе, то отъ старѣйшины деревни получаетъ право на домашній обыскъ. Если найдетъ свой скотъ живымъ, то дѣло тѣмъ и кончается. Если найдетъ только мясо и шкуру, то беретъ себѣ вмѣстѣ съ оружіемъ и утварью, служившими для убоя и варки пищи, и имѣетъ право на полное возстановленіе цѣнности. Тельная корова оцѣнивается втрое. Вора не судятъ, а добиваются у него добровольнаго возмѣщенія, или въ свою очередь у него крадутъ. Все это указываетъ на преобладаніе общинной собственности надъ частною.

«Торговля (во внутренней Африкѣ) скучна и въ высшей степени затруднительна [2]). Клыкъ слона обыкновенно принадлежитъ *четыремъ*

гое, что намъ удалось найти, относится къ недвижимой собственности. Нѣсколько болѣе сдѣлано по этому предмету въ Россіи.

[1]) Münzinger, op. cit. 483.

[2]) Laird. Expedition into the Interior of Africa. Lond. 1837, I, 167.

или *пяти* лицамъ; и такъ какъ каждый дѣйствуетъ независимо отъ своихъ партнеровъ, то клыкъ вообще приносится на бортъ за долго до дѣйствительной продажи».

Туареги Бени Умміа [1]) различаютъ два рода имуществъ, передаваемыхъ по наслѣдству: законное и незаконное имущество. Первое—то, которое пріобрѣтено индивидуальнымъ трудомъ и обладаніе которымъ священно: деньги, оружіе, купленные рабы, стада, жатва, съѣстные припасы. Второе—имущество несправедливое, то, которое завоевано съ оружіемъ въ рукахъ и владѣніе коимъ покоится только на правѣ силы. Таково коллективное имущество, завоеванное всѣми дѣятельными членами семьи и сохраняемое ихъ стараніями: *реферъ* или обычныя права, пріобрѣтенныя на караваны и на путешественниковъ; *гарама*, или пошлина за покровительство, уплачиваемая райями; *имрадъ* или права на лица и на имущество племенъ, приведенныхъ въ зависимость; *мелакъ* или территоріальныя пошлины, какъ за право прохода, такъ и за право обработки, пользованія водою и пр.; наконецъ, *сольтуа* или право приказывать и получать повиновеніе. По смерти главы семейства, когда открывается наслѣдство, всѣ законныя имущества раздѣляются по ровну между всѣми дѣтьми, безъ различія первородства или пола. Что касается до имущества второй категоріи, незаконнаго, составляющаго исключительный удѣлъ дворянства, то оно переходитъ по праву старшинства безъ раздѣла къ старшему сыну старшей сестры: безъ раздѣла, къ одному только лицу, но безъ возможности отчужденія,—чтобы сохранить главѣ семейства и самому семейству матеріальныя средства поддерживать свое вліяніе и преобладаніе; къ старшему сыну старшей сестры,—чтобы обезпечить противъ всякихъ случайностей чистоту крови (женская филіація) и сохранить семейную традицію во главѣ племени.

Все имущество семьи бедуиновъ [2]) состоитъ въ движимости, которой инвентарь таковъ: нѣсколько верблюдовъ самцевъ и самокъ, козъ, куръ, кобыла съ жеребенкомъ, палатка, копье въ 13 ф. длины, кривая сабля, кременное ружье, трубка, переносная мельница, кострюля, кожаное ведро, печка для жаренія кофе, покрывало, кое-какая одежда, бурнусъ изъ черной шерсти, наконецъ, вмѣсто всѣхъ украшеній нѣсколько стеклянныхъ или серебряныхъ колецъ, которыя жена носитъ на рукахъ и на ногахъ. Все ихъ искусство сводится на приготовленіе грубыхъ шатровъ, покрывалъ и масла. Вся ихъ торговля состоитъ въ обмѣнѣ верблюдовъ, козъ, лошадей и молока

[1]) Duveyer. Les Touaregs du Nord. Paris 1864, 393 и слѣд.
[2]) Volney. Voyage en Egypte et en Syrie. 1823, II, 117.

на оружіе, одежду, небольшое количество рису или хлѣба и денегъ, которыя они зарываютъ въ землю.

Будучи всецѣло пастушечьимъ народомъ, жители Дамара [1]) не имѣютъ никакого понятія о постоянныхъ жилищахъ. Вся страна разсматривается, какъ общественная собственность. Какъ только съѣдена трава, или истощена вода въ одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое. Не смотря на это и на слабую идею, которую они вообще имѣютъ о «моемъ» и «твоемъ», тотъ, кто первый прибываетъ въ извѣстную мѣстность, есть хозяинъ ея, пока онъ находитъ нужнымъ оставаться въ ней, и никто не можетъ помѣшать ему въ томъ, не спросивши предварительно его и не получивши его дозволенія. То же самое соблюдается и относительно иноземцевъ. Кахикене считался самымъ богатымъ и могущественнымъ начальникомъ въ цѣлой странѣ. Его богатство (его-ли?) по обыкновенію состояло только изъ быковъ и овецъ. Чтобы дать понятіе о числѣ головъ скота, имъ обладаемыхъ (имъ-ли?), достаточно сказать, что первыя стада стали появляться рано утромъ и продолжали прибывать безъ перерыва до поздняго вечера слѣдующаго дня. Еще болѣе: они шли не рядами въ одинъ или въ два, но вся долина берега рѣки Свакопа была буквально покрыта живою массою скота. И при всемъ томъ, это была только незначительная доля принадлежащаго ему (?) скота. По прошествіи трехъ недѣль нельзя было встрѣтить ни одной травинки или какой нибудь зелени на многія мили вокругъ.

Каждое стадо оленей у лапландцевъ (лопарей) [2]) состоитъ изъ 300—500 животныхъ. Съ подобнымъ числомъ животныхъ лапландецъ можетъ жить въ благосостояніи, но если у него ихъ не болѣе 50, то онъ лишенъ независимости, т. е. неспособенъ образовать отдѣльнаго хозяйства, а долженъ соединить свое маленькое стадо со стадомъ богатаго лапландца, котораго онъ становится въ нѣкоторомъ родѣ слугою.. Лапландецъ, имѣющій 1000 оленей, считается богатымъ; не рѣдкость видѣть отъ 1500 до 2000 оленей въ рукахъ одного лапландца.—Здѣсь повидимому рѣчь идетъ не объ индивидуальномъ лапландцѣ, а о цѣлыхъ родахъ, изъ которыхъ одинъ, разумѣется, можетъ быть богаче другаго, какъ это бываетъ и у прочихъ кочевыхъ народовъ.

Корелы [3]) живутъ обыкновенно большими семьями, которыя состоятъ не только изъ родителей и дѣтей, но часто также и изъ дядей и племянниковъ. Отецъ въ семьѣ самодержавный правитель,

---

[1]) C. I. Andersson. Lake Nhami. South-West Africa. Lond. 1856. 114—115.
[2]) C. Brooke. (Bibliothèque Univers. des Voyages, XLX) 244—5.
[3]) А. Я. Ефименко. Юридическіе обычаи кореловъ. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. 1878. XIII, 109.

и, въ качествѣ таковаго, распоряжается какъ общимъ семейнымъ имуществомъ, такъ и заработками своихъ не отдѣленныхъ дѣтей: уходя на промыслы, эти послѣднія по возвращеніи отдаютъ деньги родителямъ. Власть и права отца послѣ его смерти переходятъ къ старшему его сыну, а если есть братья, то къ старшему брату, т. е. къ дядѣ его сыновей. Покуда братья живутъ вмѣстѣ, всѣ ихъ заработки поступаютъ въ общую собственность... Если дяди живутъ съ племянниками, то имѣютъ не только общій съ ними столъ, но и все хозяйство: *общій скотъ*, вмѣстѣ обрабатываютъ землю и т. под.

У номадовъ, говоритъ Ле Плэй [1]), порядокъ общей собственности есть прямое послѣдствіе пастушеской жизни и организаціи собственности на скотъ: группа шатровъ всегда имѣетъ характеръ общенія пастуховъ, какъ въ томъ случаѣ, когда стада принадлежатъ крупному собственнику, такъ и тогда, когда они составляютъ общую собственность. Всякій индивидуумъ, входящій въ составъ этой группы, всегда заинтересованъ въ выгодахъ производства; онъ имѣетъ право при всякомъ положеніи вещей на часть продуктовъ, максимумъ которой опредѣленъ самою природою его потребностей. Прямые потомки одного и того же отца остаются у номадовъ связанными въ группу; они живутъ подъ абсолютною властью главы семейства въ общинномъ порядкѣ. Можно сказать, что все между ними нераздѣльно, за исключеніемъ одежды и орудій. Когда возрастаніе семьи не дозволяетъ болѣе всѣмъ членамъ семьи оставаться въ соединеніи, тогда старѣйшина провозглашаетъ полюбовный раздѣлъ и опредѣляетъ долю общей собственности, которую слѣдуетъ отдать вѣтви, отдѣляющейся отъ рода. Съ другой стороны, существованіе общины часто продолжается и по смерти старѣйшины семейства; въ этомъ случаѣ, боковые родственники, даже тѣ, которые соединены лишь связью отдаленнаго родства, остаются въ соединеніи подъ управленіемъ того, кто можетъ проявлять съ наибольшею силою патріархальную власть... Принципъ общинности примѣняется одинаково и къ осѣдлымъ народамъ. У полуномадовъ, подчиненныхъ русскому господству, пахатная земля, даже эксплуатируемая индивидуально каждымъ семействомъ, въ основаніи составляетъ нераздѣльную собственность племени. У башкиръ характеръ индивидуальной собственности не проявляется въ дѣйствительности ни въ чемъ, кромѣ жилищъ и ихъ непосредственныхъ принадлежностей.

У бурятъ, какъ мы видѣли выше, скотъ составляетъ собственность улуса. То же самое справедливо относительно киргизовъ, монголовъ, туркменовъ, афганцевъ и многихъ другихъ азіатскихъ коче-

---

[1]) Le Play. Les Ouvriers Européens, 1855, стр. 18, 19, 49, 50.

выхъ и полукочевыхъ народовъ. Личная собственность, большею частью, ограничивается одеждой, украшеніями, утварью и т. п.

Слѣдующіе два интересные примѣра постепеннаго выдѣленія частной собственности, основанной на самостоятельномъ трудѣ отдѣльнаго члена общинной группы, приводитъ Мэнъ въ своей книгѣ «Lectures on the early History of Institutions», Lond. 1875, 108: «Является несомнѣннымъ», говоритъ онъ, «что членъ племени имѣлъ значительно большее право распоряжаться собственностью, которую онъ пріобрѣлъ, нежели собственностью, которая дошла до него, какъ до члена племени, и что онъ имѣлъ бóльшее право на пріобрѣтеніе, сдѣланное его собственнымъ трудомъ, безъ чужой помощи, нежели на пріобрѣтеніе, сдѣланное изъ выгодъ, происходящихъ отъ обработки земли племени... Различіе между собственностью благопріобрѣтенною и наслѣдственною или полученною отъ родственниковъ, и болѣе широкое право отчуждать первую изъ нихъ, найдены были во многихъ собраніяхъ древняго права, въ томъ числѣ, въ нашемъ собственномъ. «Обыкновенный доходъ отъ обученія», говоритъ Reporter въ Madras High Court Reports, «подлежитъ раздѣленію (между членами семьи), если такое обученія было пріобрѣтено на расходы семьи и во время полученія поддержки отъ семьи. Другое дѣло, если обученіе было пріобрѣтено на расходы лицъ, не состоящихъ членами семьи». Подобное этому различіе, приводится въ Corus Bescna, Ancient Laws of Ireland, 111,5: «если членъ племени профессіонистъ, т. е. если онъ пріобрѣлъ собственность судебною дѣятельностью или поэзіею, или какой либо другою профессіей, то онъ можетъ отдать $^{2}/_{3}$ ея церкви, но если это законная собственность его племени, онъ не можетъ давать». Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что правила ирландскаго Brehon Law, регулирующія право индивидуальныхъ членовъ племени *отчуждать* ихъ отдѣльную собственность, соотвѣтствуютъ правиламъ индусскаго браманскаго закона, регулирующимъ право индивидуальныхъ членовъ соединенной семьи *пользоваться* индивидуальною собственностью. Различіе существенно: въ индусскомъ законѣ коллективное пользованіе правило, а отдѣльное исключеніе; въ ирландскомъ же законѣ, права индивидуальной собственности оттѣняются уже гораздо рѣзче».

До какой невѣроятной степени общинная движимая собственность въ Индіи поглощаетъ частную, видно изъ слѣдующаго примѣра. «Среди индусовъ [1]) продолжаетъ еще существовать правило общаго права, которое кажется мало соотвѣтствующимъ истиннымъ началамъ равенства. Отецъ, умирая, оставляетъ много дѣтей

[1]) Dubois. Moeurs etc. des peuples de l'Inde. Paris. 1825, II, 43—4.

мужскаго пола, которые по небрежности или по другой причинѣ не приступаютъ къ законному раздѣлу наслѣдства. Одинъ изъ нихъ, благодаря своему прилежанію или своимъ трудамъ, становится богатымъ, тогда какъ другіе,—распущенные или лѣнтяи, накопляютъ одни долги. Эти послѣдніе, живя долго въ нищетѣ и блуждая изъ страны въ страну, внезапно узнаютъ, что братъ ихъ, поступая совершенно наоборотъ имъ самимъ, пріобрѣлъ себѣ блестящее состояніе. Они немедленно являются къ нему, принуждаютъ его раздѣлить съ ними блага, которыя онъ пріобрѣлъ въ потѣ своего лица, и въ вознагражденіе за это дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за долги, служащіе результатомъ ихъ распущенности. Сами кредиторы имѣютъ право обращать на него свои иски. Еще болѣе: если братья, упустившіе раздѣлить отцовское наслѣдство, умираютъ, не приступивши къ раздѣлу, то же общеніе имуществъ и долговъ существуетъ и между ихъ дѣтьми и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не произойдетъ раздѣлъ».

Указанный здѣсь родовой обычай, дающій право кредитору обращаться съ искомъ къ родственникамъ должника, существуетъ также въ западной, а, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ майора Серпа Пинто, и въ центральной Африкѣ. Африканскіе законы, говоритъ Винтерботтомъ [1]), даютъ право кредитору безъ созыва палавера овладѣть имуществомъ или личностью своего должника и даже захватить собственность или личность каждаго, кто живетъ съ должникомъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ; если-же онъ не имѣетъ возможности привести это въ исполненіе, то приноситъ жалобу въ палаверъ. Однако первый обычай въ *большемъ* употребленіи. Слѣдуя ему, кредиторъ хватаетъ кого либо изъ жителей того мѣста, гдѣ живетъ его должникъ, или одного изъ его родственниковъ, и старается привести его въ палаверъ, гдѣ дѣло скоро приходитъ къ концу; если же этого не бываетъ, то онъ можетъ продать схваченное лицо въ рабство. По словамъ Серпа Пинто, въ центральной Африкѣ за долгъ одного бѣлаго отвѣчаетъ негру всякій другой бѣлый.

Другимъ проявленіемъ мало развитой частной собственности является слѣдующій древній обычай мандинговъ: если мандингъ [2]) продалъ какую нибудь вещь утромъ, то онъ можетъ потребовать ее назадъ, возвращая уплаченную за нее цѣну, до заката солнца. И такъ, если куплена курица или яйца, то ѣсть ихъ въ первый-же день представляетъ большой рискъ.—По нашему мнѣнію, это право выкупа указываетъ на ту особенность, что ссуда движимыхъ ве-

---

[1]) Winterbottom, op. cit. 170.
[2]) Atkins. Voyage à Sierra Leone. (Walckenaer. Paris, 1825, IV) 152.

щей должна была предшествовать ихъ полному отчужденію или обмѣну и перешла въ послѣднее черезъ право выкупа, развившееся изъ возвращенія ссуженной вещи. До настоящаго времени срочная продажа бумагъ на биржѣ, соединенная съ обязательствомъ выкупить бумагу обратно, носитъ названіе ссуды бумагъ.

Перейдемъ теперь къ наблюденіямъ надъ первоначальными формами права собственности на движимость у болѣе образованныхъ, земледѣльческихъ народовъ. Тутъ дѣло уже усложняется на столько, что каждый членъ семьи пріобрѣтаетъ себѣ отдѣльную движимую собственность.

Въ сербской задругѣ [1]) чѣмъ больше отдѣльное лице способствуетъ своимъ трудомъ благосостоянію общины, тѣмъ больше и права его на долю совокупнаго имущества въ случаѣ выхода его изъ союза, тѣмъ большее наслѣдство можетъ онъ оставить своимъ дѣтямъ. Отдѣльная дѣятельность членовъ общины въ этомъ родѣ не только не стѣсняется общиною, но поощряется и поддерживается... Въ маленькихъ домикахъ членовъ задруги помѣщаются ихъ спальни и все, что они *пріобрѣтаютъ отдѣльно:* общіе запасы плодовъ, орудій и пр. сохраняются въ житницахъ, кладовыхъ и пр., принадлежащихъ всей задругѣ.

Въ Болгаріи [2]) члены задруги отправляются обыкновенно на заработки («печаяба» и «кьяръ») по садоводству или въ видѣ артели нанимаются жать жито къ богатымъ землевладѣльцамъ близь Добруджи. Заработокъ ихъ *частная* собственность, за исключеніемъ случая, когда на ихъ счетъ, въ отсутствіи ихъ, нанимаются дома работники. Иногда покупаютъ на заработанныя деньги землю, которая входитъ въ составъ задружной и только при раздѣлѣ достается собственнику ея. Во все время пребыванія въ задругѣ, члены ея пользуются доходами съ задружнаго имущества и только при женитьбѣ теряютъ право на пользованіе имуществомъ всей задруги. Каждая дѣвушка имѣетъ собственный огородъ или садъ, гдѣ сажаетъ цвѣты и плодовыя деревья, плоды и цвѣты съ которыхъ она можетъ продавать въ свою пользу, а деньги за нихъ нанизывать на ожерелье. Дочери выдаются замужъ по возрасту, и, переходя въ другую задругу, ничего не получаютъ отъ своей и теряютъ на имущество послѣдней всякія права, но пріобрѣтаютъ право на имущество другой задруги. Замужнія женщины заботятся объ одеждѣ своихъ мужей и

---

[1]) F. Kanitz. Serbien, стр. 79 и слѣд.

[2]) Богишичъ. Юрид. бытъ болгаръ. См. Майновъ, Зап. Р. И. Г. О. по отдѣл. этногр. IV 1871, 580 и слѣд.

дѣтей; если въ задругѣ одинъ изъ членовъ овдовѣетъ, то самая близкая родственница обязана обшивать его; вдоваго отца обыкновенно обшиваетъ и одѣваетъ старшая невѣстка. Вдовы, если бездѣтны и отецъ живъ, возвращаются въ родную семью и получаютъ $^1/_4$ мужнина имѣнья, въ противномъ случаѣ остаются въ мужниной задругѣ. Движимое наслѣдство (въ Лесковцѣ) братья дѣлятъ только для виду, чтобы знать, чье оно. При дѣйствительномъ раздѣлѣ братья получаютъ поровну, а сестры вдвое меньше, но безъ вычета полученнаго при выходѣ замужъ, что получаютъ и братья въ томъ-же размѣрѣ. Дѣлежъ происходитъ поколѣнный, если между дальнею роднею и поголовный, если между братьями.

Малороссы [1]) считаютъ единственнымъ источникомъ богатства земледѣльческій трудъ: «Якъ вілъ, да коса, дакъ и грошей киса», говоритъ народная пословица, т. е., имѣя орудія для земледѣльческаго труда, и не имѣя даже своей земли, можно достигнуть благополучія. Трудъ народъ считаетъ вообще единственнымъ справедливымъ способомъ для пріобрѣтенія права собственности. Онъ не признаетъ, напр., права на лѣсъ вполнѣ неприкосновеннымъ, потому что на лѣсъ не употреблено человѣческаго труда, вслѣдствіе чего и порубку чужаго, въ особенности казеннаго лѣса народъ не считаетъ воровствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, между тѣмъ какъ бортяное дерево признается неприкосновеннымъ, потому что на него положенъ трудъ... Мужъ долженъ всю свою семью «годувать,» «обувать» и «споряжать верхнюю одежду», напр. свитку, шапку, кожухъ, кожушанку и поясъ. Жена же должна для всѣхъ заготовлять нижнюю одежду, для мужа и сыновей сорочки и штаны, для дочерей сорочки и пр. Жена распоряжается льномъ, коноплей (только не въ зернѣ и не на корню, а въ волокнахъ); изъ нихъ она выдѣлываетъ полотно, ручники, хустки и пр. Къ хозяйству-же жены принадлежитъ и пряжа нитокъ изъ шерсти для сукна, которое выдѣлывается на валушѣ (сукновальная мельница). Отдача денегъ за выдѣлку сукна дѣло хозяина. То, что хозяйка сама сдѣлаетъ, она можетъ подарить или продать кому либо, и деньги, вырученныя отъ продажи употребляютъ на наряды своимъ дочерямъ, покупая намиста, сережки, стенжки, каблучки, платки, пояса и пр. Въ распоряженіи жены находятся также овцы съ получаемымъ отъ нихъ сыромъ и масломъ; она можетъ распоряжаться этими продуктами полноправно; излишекъ она имѣетъ право продать и деньги употребить, куда ей заблагоразсудится; точно также можетъ распоряжаться молокомъ, сыромъ, масломъ отъ коровы, всѣмъ, что соберетъ съ

[1]) П. Чубинскій. Очеркъ юридич. обычаевъ въ Малороссіи. Зап. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. 1869, II, 681.

огорода и что не слишкомъ необходимо для зимы, например̂ъ «соняшникова насіння, гарбузови и всяки высадки и насиння для городини: капуста, буряки, цибуля, часникъ, чуркове, каунове и всяке друге насиння; продуктами птицеводства»: «се бабьске хозяйство».

Мать собираетъ для каждой дочери «скриню»—платье, бѣлье и пр. Запасается скриня съ самаго дѣтства дѣвушки. Еще послѣ свадьбы родители обоихъ супруговъ дарятъ имъ разныя вещи и скотъ. Эти вещи составляютъ семейное имущество, распорядителемъ котораго является мужъ. «Скриня» же есть частная собственность жены... По смерти родителей дѣти почти постоянно раздѣляются: «два коти на одномъ сали», говоритъ народъ, или «два коти въ однімъ мішку не помирятся»; другая причина та, чтобы не дать повода болѣе лѣнивому жить на счетъ болѣе трудолюбиваго. Дѣлежъ наслѣдства производится безъ особенной точности, смотря по потребности. Въ одномъ случаѣ по смерти отца осталось три сына; у одного изъ нихъ было много дѣтей; при дѣлежѣ произошло несогласіе; дѣло дошло до громады; громада рѣшила подѣлить всю худобу и земли на три части, а зерновые продукты раздѣлить по душамъ. Если послѣ родителей остается нѣсколько дѣтей, изъ коихъ нѣкоторые малолѣтніе, то старшій братъ, сдѣлавшись хозяиномъ, долженъ въ цѣлости сохранить оставшееся имущество. Но то, что онъ пріобрѣтетъ путемъ своего *труда* и своихъ *заботъ*, принадлежитъ ему, за исключеніемъ приплода отъ скота, такъ какъ это не есть слѣдствіе его личныхъ трудовъ и заботъ [1]). Вообще старшій братъ есть только охранитель наслѣдства, а все пріобрѣтенное имъ самимъ, принадлежитъ ему.

Въ Самарской губерніи [2]) женщина не есть дольщица имущества семьи; въ этомъ отношеніи положеніе ея въ большой и въ малой семьѣ одинаково, хотя ея имущественное положеніе въ малой семьѣ лучше: въ послѣдней, снороваляя *коробью*,—приданое дочери-невѣсты, она не стѣснена контролемъ остальныхъ членовъ семьи, на который такъ горько жалуются бабы въ большой семьѣ, говоря что у нихъ «и стѣны глаза имѣютъ». Въ большой и малой семьѣ женщина самостоятельная имущественная единица, а не дольщица общаго достоянія семьи. Женщинѣ дозволяется имѣть свое отдѣльное

---

[1]) Обычаи пріобрѣтенія движимой собственности поражаютъ своимъ сходствомъ въ самыхъ различныхъ странахъ свѣта. Такъ, по словамъ Diego de Landa, op. cit. 135, у индійцевъ Юкатана малолѣтнія дѣти умершаго отца подчиняются опекунству наиболѣе близкаго родственника, который, по приходѣ ихъ въ совершеннолѣтіе, возвращаетъ имъ наслѣдственное имущество; но наслѣдники не получаютъ ничего изъ того, что было сжато на наслѣдственной землѣ, а также не получаютъ ни меду, ни какао, благодаря тому труду, который причинили опекуну какаовыя деревья и ульи.

[2]) Матвѣевъ. Op. cit. 21.

имущество, коробью, чего не полагается остальнымъ членамъ семьи. За нею признается право получать въ свою пользу деньги за грибы, ягоды, а въ малой семьѣ за молочный скопъ, яйца и птицу. Кромѣ того, бабамъ даются изъ общаго достоянія семьи волокна льна, пеньки и поскони, а также шерсть для изготовленія бѣлья и одежды какъ себѣ, такъ и семьѣ, при чемъ остатки идутъ въ пользу бабъ. Все это распредѣляется между ними въ такомъ порядкѣ: свекровь беретъ полную долю, на долю каждаго холостаго сына беретъ еще по полу-долѣ. Сноха вдова-полъ-доли. Большуха въ семьѣ, если не свекровь, не имѣетъ преимущества, а только распоряжается женской работой—квашней и стряпней, и, какъ говорится, «не смотритъ изъ чужихъ рукъ куска», почему и служитъ предметомъ зависти для другихъ бабъ. Крестьянскимъ дѣвушкамъ при этомъ дѣлежѣ льна, пеньки, поскони и шерсти не дается ничего; съ ними дѣлятся матери изъ своей части и изъ части сыновей подростковъ, а сестры за это должны снаряжать всѣмъ нужнымъ для одежи своихъ холостыхъ братьевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, гдѣ крестьяне живутъ подѣлившись, дѣвушкамъ изъ означеннаго женскаго добра стали выдѣлять части равныя съ подростками. Семья, не освобождая дѣвушку отъ общей работы, даетъ ей возможность работать на себя; напр., тамъ, гдѣ есть бакчи или огороды, сажанье на нихъ овощей, полотье и уборка ихъ, а также отчасти уборка сѣна, полотье яровыхъ хлѣбовъ, дѣланіе кизяка и гульки—это ихъ достояніе. Гульками называется праздничная уборка хлѣба и сѣна партіями дѣвушекъ отъ 6 до 10 человѣкъ, которыя нанимаются разсчетливыми хозяевами ниже существующей цѣны. На эти заработки подъ наблюденіемъ и заботами матери и изъ долей льна, пеньки и поскони какъ матери, такъ и подростковъ, дѣвушка копитъ себѣ коробью, снаряжая которую въ большой семьѣ, она стѣснена контролемъ большака и большухи а также и прочихъ членовъ семьи, ревниво наблюдающихъ, чтобы бабы не тащили чего лишняго для коробьи дочерей... Ключи отъ коробьи всегда хранятся у женщинъ, хозяинъ можетъ вскрыть коробью только въ случаѣ подозрѣнія. «Когда баба пойдетъ мести», говорятъ крестьяне, «то весь домъ вымететъ». По смерти бездѣтной жены коробья возвращаются въ ея семью и тамъ ее получаетъ мать умершей, а за ея смертью, дѣвушки-дочери, а если ихъ нѣтъ, то холостые братья. Раздѣлы бываютъ только въ большой семьѣ, гдѣ есть нѣсколько полноправныхъ дольщиковъ семейнаго имущества, напр. женатыхъ сыновей, послѣ смерти отца, причемъ имущество дѣлится на равные паи и бросается жеребій. Выдѣлы и отдѣлы бываютъ въ малой семьѣ, причемъ разница между ними та, что при выдѣлѣ дается полный пай, а при отдѣлѣ часть пая по усмотрѣнію отца. Если

же при жизни отца-хозяина сынъ уходилъ изъ семьи по собственной волѣ, то это называется отходомъ, и тутъ сыну могутъ не дать ничего, какъ это обыкновенно и бываетъ. Подростки и вообще холостые семьи, кто бы они ни были: кровныя-ли дѣти, племянники или пріемыши, солдатскія-ли дѣти, незаконнорожденные-ли, всѣ, какъ рабочая сила, получаютъ изъ женскаго добра (т. е. матеріала для снабженія бѣльемъ и одеждой) по одинаковой долѣ и снабжаются одинаковой, по возможности, стоимости обувью, одеждою и бѣльемъ. Разница только въ томъ, что въ одной мѣстности поселенцы даютъ бабамъ всѣ нужные матеріалы для снаряженія мужей и холостыхъ членовъ семьи, а въ другой бабы сами должны изыскивать средства для одѣванія мужей и дѣтей, если шерсти, поскони и пр. не хватаетъ на это изъ общаго достоянія дома [1]).

Сходные съ этими въ общихъ чертахъ юридическіе обычаи—вѣроятно, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ сношеній съ болѣе развитыми народами,—существуютъ у лопарей, кореловъ и самоѣдовъ [2]). У лопарей приданое накопляется отцомъ и матерью и поступаетъ въ распоряженіе какъ жены, такъ и мужа, даже послѣдняго болѣе, а прочимъ роднымъ до него дѣла нѣтъ. По смерти жены до истеченія трехъ лѣтъ приданое возвращается въ ея семью, а послѣ трехъ и шести лѣтъ не возвращается и поступаетъ въ нераздѣльную собственность семьи мужа. Кромѣ того, лопари даютъ въ приданое оленей, называемыхъ безсмертными, такъ какъ число должно быть всегда цѣло и неизмѣнимо. Въ домашнемъ хозяйствѣ жена лопаря можетъ распоряжаться рыбою, мужъ птицею, жена исключительныхъ доходовъ съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній вообще не имѣетъ. По смерти родителей, братья при несогласіи дѣлятся, въ дѣлежѣ не участвуютъ братья прежде отдѣленные. У кореловъ приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ, ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, разной обуви и рукавицахъ. Приданое послѣ смерти жены остается у мужа только въ томъ случаѣ, если остались дочери; если-же жена умретъ бездѣтною, или у нея останутся только сыновья, то приданое возвращается ея роднымъ, матери и сестрамъ. По смерти отца имущество его дѣлится между братьями поровну, а домъ идетъ къ старшему, съ обязанностью выплаты суммы, приходящейся въ пользу остальныхъ. Сыновья, отдѣленные при жизни, въ наслѣдствѣ не участвуютъ. Если нѣтъ сыновей—наслѣдницы

---

[1]) Хорошую сводную работу по вопросу о движимой собственности представляетъ статья И. Тютрюмова: „Крестьянское наслѣдственное право". Слово, 1881, № 1 и 2.

[2]) А. Ефименко. Записки И. Р. Г. О. по отдѣлу этногр. 1878, VIII, три статьи passim.

дочери. У самоѣдовъ приданое пріобрѣтается отцомъ и считается его собственностью, потому что все имущество самоѣдовъ находится въ полномъ распоряженіи мужчинъ. Приданымъ не можетъ безусловно распоряжаться жена, а распоряжается имъ мужъ. Если жена умретъ вскорѣ послѣ замужества и бездѣтной, то приданое возвращается ея отцу или роднѣ. Жены имѣютъ собственности крайне мало, мужъ распоряжается всѣмъ, женѣ только изрѣдка дозволяется продать въ свою пользу убитаго пыжика (шкурку молодаго оленя), пимы (обувь) или камусы (кожа съ лапъ оленя). Самоѣды очень любятъ дѣлиться. Сколько нибудь состоятельный отецъ послѣ женитьбы сына тотчасъ старается отдѣлить его въ особый чумъ. Иногда отдѣлившіеся живутъ своимъ совершенно особымъ хозяйствомъ; иногда же, хотя и отдѣляются въ особый чумъ, но продолжаютъ составлять общую съ родителями семью, имѣютъ съ ними общій трудъ, домоводство и пропитаніе. Причиною раздѣловъ и отдѣловъ считаются семейныя неудовольствія и распри. Всѣмъ имуществомъ семьи распоряжается отецъ, однако неотдѣленные сыновья имѣютъ свою отдѣльную собственность, которая отъ нихъ вполнѣ зависитъ. Имущество матери наслѣдуется преимущественно ея сыновьями, но часть получаютъ и дочери. У богатыхъ самоѣдовъ есть дорогія шкуры лисицъ и другихъ звѣрей, которыя считаются неприкосновенною родовою собственностью и передаются въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Процессъ ускореннаго обращенія семейно-общинной движимой собственности въ индивидуальную отличается слѣдующими чертами. «Въ настоящее время», говоритъ г. Ивановъ, [1]) «въ жизни крестьянскихъ семействъ есть такое безмѣрное скопище неразрѣшимыхъ трудныхъ задачъ, что если еще и держатся крѣпко большія крестьянскія семейства (я говорю о подгородныхъ), то только, такъ сказать, соблюденіемъ внѣшняго ритуала, и внутренней правды тутъ уже мало. Довольно часто мнѣ приходится сталкиваться съ однимъ изъ такихъ большихъ крестьянскихъ семействъ. Во главѣ семьи стоитъ старуха лѣтъ 70, женщина крѣпкая, по своему, умная и опытная. Но весь ея опытъ почерпнутъ въ крѣпостномъ правѣ и касается хозяйства исключительно земледѣльческаго, гдѣ участвуетъ своими трудами весь домъ, при чемъ весь доходъ идетъ въ руки старухи, а она уже распредѣляетъ его по своему усмотрѣнію и по общему согласію. Но вотъ прошла шоссейная дорога, и вдругъ кадушка капусты, распродаваемая извощикамъ, стала приносить столько доходу, что сдѣлалась выгоднѣе цѣлаго года работы на пашнѣ, положимъ, одного человѣка. Вотъ уже явное нарушеніе въ одина-

---

[1]) „Изъ деревенскаго дневника". „Отеч. Записки", сентябрь. 1880, стр. 38—39.

ковости труда и заработка. Прошла машина, телята стали дорожать, потребовались въ столицу. Одинъ изъ сыновей пошелъ въ извощики и въ полгода заработалъ больше всей семьи, работавшей въ деревнѣ годъ. Другой братъ пожилъ дворникомъ въ Петербургѣ, получая въ мѣсяцъ по 15 р., чего бывало не получалъ и въ годъ. А младшій братъ съ сестрами цѣлую весну, цѣлое лѣто драли корье и не выработали третьей части того, что выработалъ извощикъ въ два мѣсяца... И вотъ, благодаря этому, хотя по виду въ семьѣ все ладно, всѣ несутъ въ нее «поровну» плодъ своихъ трудовъ, но на дѣлѣ не то: дворникъ «скрылъ» отъ маменьки четыре красныхъ бумажки, а извощикъ скрылъ еще того больше. Да и какъ тутъ поступить иначе? Эта вотъ дѣвушка ободрала себѣ до крови руки, и цѣлое лѣто билась съ корьемъ, чтобы выработать пять цѣлковыхъ, а извощикъ выработалъ 25 въ одну ночь за то только, что попутался съ господами по Питеру часовъ съ 12 вечера до бѣлаго свѣта. Кромѣ того, авторитетъ старухи еще значилъ бы и значилъ бы очень много, если бы заработокъ семьи былъ исключительно результатомъ земледѣльческаго труда. Въ этомъ дѣлѣ она точно авторитетъ; но спрашивается: что же такое можетъ она смыслитъ въ дворницкомъ, извощицкомъ и въ другихъ новыхъ заработкахъ? Что она тутъ понимаетъ, и что можетъ присовѣтывать? Авторитетъ ея поэтому чисто фиктивный и если значитъ что нибудь, то для остающихся дома бабъ, да и бабы очень хорошо знаютъ, что мужья ихъ относятся къ старухѣ съ почтеніемъ и покорностью только по виду, такъ какъ вполнѣ подробно знаютъ достатки своихъ мужей, знаютъ, много ли кѣмъ отъ нея скрыто и сами скрываютъ эти тайны наикрѣпчайшимъ образомъ. Авторитетъ главы фиктивный и фиктивны всѣ семейно-общинныя отношенія; у всякаго скрыто нѣчто отъ старухи, представительницы этихъ отношеній, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже въ томъ видѣ, какъ теперь, и двухъ дней. Всѣ захотятъ болѣе искреннихъ отношеній, и это желаніе непремѣнно приведетъ къ другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добылъ, тѣмъ и пользуйся».

Трудно найти другой примѣръ, въ которомъ такъ наглядно выражалось бы глубокое значеніе, принадлежащее въ процессѣ образованія индивидуальной движимой собственности, самостоятельному отъ семьи-общины труду и заработку, прошедшему черезъ обмѣнъ. Какъ только внутреннее сложеніе хозяйства пришло къ такому положенію вещей, то можно сказать смѣло, что первобытной формѣ семьи-общины наступилъ уже конецъ, и на смѣну ей пришла иная, болѣе сложная форма организаціи семейнаго труда. Врядъ ли можно также сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ со-

бою не искусственное, а совершенно естественное разложенiе большой семьи.

Постепенное образованiе частной собственности сопровождается примѣненiемъ къ ней извѣстныхъ внѣшнихъ обозначенiй, которыя носятъ различный характеръ, смотря по уровню развитiя народа. Такъ, напр., извѣстно, что эскимосы и нѣкоторые индiйцы крайняго сѣвера Америки усвоили себѣ привычку прикасаться языкомъ ко всякому предмету, переходящему въ ихъ собственность. Служитъ ли этотъ обычай выраженiемъ какой то таинственной связи, установляемой между лицомъ и вновь прiобрѣтаемымъ имуществомъ, или же онъ означаетъ простое желанiе проявить актъ потребленiя вещи,—неизвѣстно. Но такъ называемое табу у островитянъ Океанiи, хотя во многихъ случаяхъ имѣетъ смыслъ чисто религiозный, не лишено и экономическаго значенiя. «Система табу, говоритъ справедливо Томсонъ [1]), вообще описывалась цивилизованными людьми, которые противопоставляютъ дикарей себѣ самимъ, какъ унизительное суевѣрiе. Но неправильно мѣрять обычаи ново-зеландцевъ мѣрою настоящихъ англичанъ, хотя тотъ, кто разсмотритъ поближе англiйскiе обычаи, найдетъ въ нихъ самихъ не мало такого, что сильно напоминаетъ о табу. Еслибы новозеландецъ писалъ исторiю Англiи для употребленiя своихъ соотечественниковъ, то онъ сообщилъ бы, что въ извѣстныя времена рыба въ рѣкахъ и птицы въ воздухѣ становились здѣсь табу; что земля считается здѣсь столь священною, что лица, гуляющiя по ней, подвергаются наказанiямъ; что среди римско-католическихъ племенъ животная пища воспрещается въ опредѣленное время года, и что тысячи людей бросаются въ тюрьмы и обращаются въ рабство за нарушенiе многочисленныхъ табу въ Англiи. Новозеландская система табу выдержитъ сравненiе съ законами, процвѣтавшими въ Англiи менѣе тысячелѣтiя тому назадъ. Развѣ здѣсь не существуетъ иногда и въ настоящее время вѣры въ божественное право королей и иныхъ священниковъ? Нѣкоторые законы, вынуждаемые табу Новой Зеландiи, находятся въ согласiи съ седьмою заповѣдью. Наложенiе табу на посѣвъ и поля представляетъ типъ англiйскихъ законовъ для охраны собственности внѣ дома; женщина, состоящая подъ табу для мужчинъ—есть бракъ; табу больныхъ аналогично съ карантинными мѣрами противъ проказы, чумы и желтой лихорадки. Всякое табу, относящееся къ умершимъ, есть законъ противъ святотатства, а табу, наложенное на рѣки и земли, чтобы повредить непрiятелю, встрѣчаетъ себѣ параллель въ новѣйшей системѣ блокады. Теперь табу пришло въ большiй или меньшiй упадокъ. Одинъ любопытный остатокъ его про-

---

[1]) A. Thomson. The Story of New Zealand. Lond. 1859, I 104.

ложилъ себѣ путь въ среду новой цивилизаціи. Хлѣбная жатва откладывается въ сторону или подвергается табу, съ цѣлью купить лошадь, плугъ или овцу, и никакое искушеніе не можетъ соблазнить его владѣльца употребить деньги, полученныя отъ продажи этого хлѣба, на какую нибудь другую цѣль, а не на ту, для которой былъ посѣянъ хлѣбъ».

Табу въ Новой Зеландіи [1]) господствовало надъ землею, воздухомъ, огнемъ и водою, надъ движимою собственностью, надъ жатвой на корню, надъ мужчиной, женщиной и дитятею и всею домашнею прислугою. Цѣлью всеобщаго табу, повидимому, является защита права собственности. Примѣръ: личность начальника, воиновъ его, все, что имъ принадлежало, особенно орудія, украшенія, матеріи и пр., все до чего они прикасались, были табу. Такимъ образомъ ихъ вещи были обезпечены отъ воровства, порчи и пр. До наступленія желѣзнаго вѣка табу имѣлъ полезное вліяніе на массы... Ясно, что это табу было существенно для права собственности, и что ему, при обыкновенныхъ условіяхъ, въ отсутствіи собственника, можно было довѣрить самые драгоцѣнные предметы. Дѣти и рабы (которые, по исключенію, сохраняли жизнь) должны были носить на спинѣ пищу, такъ какъ спина взрослаго есть табу, значитъ, пища, лежащая на ней, всякому безполезна. Если взрослый вошелъ въ кухню, вся посуда не годится, никто не смѣетъ до нея дотронуться. Дѣти не смѣютъ дотронуться до огня взрослыхъ. Если взрослый напился изъ вашей кружки, она—его, потому что вамъ она уже не годится. Мертвый—тоже табу, поэтому на время и тотъ табу, кто хоронилъ его или дотрогивался до него. При снятіи картофеля всѣ деревенскія дороги и тропинки были табу для туземцевъ: слухъ о богатой жатвѣ легко соблазнялъ сосѣда къ желанію овладѣть плодородной жатвой; поэтому на вопросъ «каковъ урожай?», отвѣтъ всегда былъ: «нехорошъ».

«Однажды», говоритъ Де-Рохасъ [2]), проходя деревней, съ молодымъ новокаледонцемъ—гидомъ, я увидалъ, что снявъ свою рубашку, единственную одежду, бывшую у него на тѣлѣ, и которая однако его стѣсняла, онъ положилъ ее на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ тропинки, и помѣстилъ сверху стебель травы, который связалъ извѣстнымъ образомъ. Что ты тамъ дѣлаешь? говорю я ему.—Я оставляю свою рубашку, чтобы взять ее вновь, когда мы будемъ возвращаться обратно.—А если ее украдутъ?—Развѣ въ твоей странѣ могли бы украсть рубашку, на которую наложено табу»?

Мандинги, по словамъ Каллье [3]), оставляютъ въ поляхъ про-

---

[1]) D. Mowrad. Das alte New-Zeeland, 1871. 29, 31, 39.
[2]) De Rochas, op. cit 259.
[3]) Caillé. Op. cit. 54.

дукты почвы, прикладывая къ нимъ мелкіе клочки исписанной бумаги, чтобы удалить воровъ,—и никто до нихъ не дотрогивается.

У самоѣдовъ и кореловъ [1]) въ большомъ употребленіи клейма. Клейма эти прикладываются вмѣсто печати къ бумагамъ, къ собственности, особенно къ оленямъ и къ овцамъ. Каждое семейство имѣетъ свое собственное клеймо, которое передается по наслѣдству изъ рода въ родъ, причемъ родственники, напр. родные братья дѣлаютъ въ нихъ маленькія измѣненія, сохраняя въ основаніи общее семейное клеймо. Подобныя же клейма встрѣчаются въ Архангельской губерніи у русскихъ, зырянъ и лопарей на кольяхъ, тычинкахъ, деревьяхъ, дровахъ, дугахъ и пр. [2]).

Въ непосредственной связи съ вопросомъ о признаніи и узаконеніи права частной движимой собственности, находится вопросъ о нарушеніи этого права, т. е. о воровствѣ—кражѣ. Благодаря совершенно оригинальному характеру, которымъ отличаются правонарушенія этого рода въ глазахъ первобытныхъ народовъ, факты, сообщаемые относительно этого предмета путешественниками, представляютъ большую поучительность.

Въ томъ или въ другомъ отдѣльномъ случаѣ, говоритъ Форстеръ [3]), мы испытали расположеніе таитянъ къ воровству, но никогда не потеряли ничего цѣннаго: наши носовые платки, которые имъ было легче всего достать, были сдѣланы изъ ихъ же собственной густой матеріи, такъ что укравши ихъ, туземцы приходили въ разочарованіе, и съ большимъ весельемъ возвращали ихъ обратно. По нашему мнѣнію, этотъ порокъ у таитянъ не имѣетъ столь ненавистной природы, какъ у насъ. Народъ, потребности котораго удовлетворяются съ такою легкостью и въ способѣ жизни котораго столько равенства, можетъ имѣть весьма мало мотивовъ красть другъ у друга, и его открытые дома безъ запоровъ служатъ явнымъ доказательствомъ честности во взаимныхъ отношеніяхъ таитянъ. Поэтому порицаніе относится въ значительной степени къ намъ самимъ, къ тому искушенію, въ которое мы вводимъ ихъ и противъ котораго они не имѣютъ возможности устоять. Они, повидимому, вовсе не помышляютъ о своемъ проступкѣ; большое значеніе, при этомъ, слѣдуетъ, быть можетъ, приписывать соображенію, что они не нанесутъ намъ существеннаго ущерба какимъ нибудь маленькимъ воровствомъ.

---

[1]) А. Ефименко, op. cit. 109 и 188.
[2]) Пр. Ивановъ, Юридич. знаки, Арх. губ. Вѣд. 1870, 34 (у Якушкина, 28).
[3]) G. Forster. A Voyage round the World. 1877, I, 344—5.

Народъ Таити [1]) упрекали въ воровствѣ; но всѣ народы, близкіе къ натуральному состоянію, будучи соблазняемы новизною предметовъ, которые европейцы раскрываютъ передъ ихъ глазами, имѣютъ тенденцію къ овладѣнію таковыми, готовые бросить потомъ предметъ, возбудившій ихъ желанія. Вообще говоря, актъ воровства никогда не разсматривался у нихъ, подобно намъ, какъ безчестный. Въ ихъ средѣ собственность была священна; относительно же европейцевъ, которые съѣзжаютъ на ихъ берегъ, стремясь искусить ихъ тысячью различныхъ предметовъ, воровство было не болѣе, какъ ловкая продѣлка, и воръ, какъ у спартанцевъ получалъ апплодисменты своихъ друзей, когда умѣлъ показать ловкость.

Говорили, что новокаледонцы [2]) воры; чтобы быть точнымъ, слѣдовало бы сказать: наклонны къ воровству. Это значитъ, что они охотно совершаютъ его, когда увѣрены въ безнаказанности. Такимъ образомъ поступали они въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ европейцами, когда начальники и простолюдины подавали другъ другу руки, чтобы красть; но повсюду, гдѣ европейцы взяли подъ свое покровительство начальниковъ, они перестали терпѣть отъ кражъ. Европейцы засвидѣтельствовали о многихъ мѣстностяхъ, что они оставляютъ тамъ свои дома открытыми среди туземцевъ. Но если новокаледонцы оказываются честными относительно европейцевъ, которые имѣютъ столько вещей, способныхъ возбудить ихъ алчность, то они лишь очень рѣдко воруютъ другъ у друга, тѣмъ болѣе рѣдко, что родъ коммунизма, существующаго между ними, отстраняетъ побужденія къ воровству и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ и дѣлаетъ опаснымъ промыселъ вора.

На Сандвичевыхъ островахъ [3]) воровство наказывалось весьма строго; пострадавшіе возстановляли свою потерю изъ собственности виновной стороны, даже если она была сильнѣйшая и хватали всякій, попавшійся на глаза предметъ. Общественное мнѣніе было столь единодушно по этому предмету, что весь народъ сталъ бы поддерживать того, кто требуетъ возстановленія своихъ правъ. Покушеніе къ воровству сильно уменьшалось, но за то ненавистность этого преступленія увеличивалась, благодаря широкому гостепріимству и даренію, господствовавшимъ у туземцевъ.

Быть можетъ, именно беззаботности и легкости, свойственной маркизцамъ [4]) обоего пола, слѣдуетъ приписывать рѣшительную наклонность къ кражѣ, которую они обнаружили относительно иностранцевъ и ту странную легкость, съ какою они возвращали укра-

---

[1]) Lessor, op. cit. I. 421.
[2]) De Rochas, op. cit. 259.
[3]) Jarves. Op. cit. 33—34.
[4]) Marchand, (Bibl. Universelle XV) 419.

денный ими предметъ по первой просьбѣ, не заставляя просить себя и даже смѣясь. Можно думать, что кража этихъ новыхъ предметовъ, которые выставляются передъ ними и на которые они смотрятъ только какъ на пріятныя бездѣлушки, представляется въ ихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ игры, которой они не придаютъ никакой важности. Казалось, что они тщеславились своею кражею передъ французами, или, что они смотрѣли на свое владѣніе, какъ на законно пріобрѣтенное, или, что они забыли про тотъ актъ, которымъ они себѣ его доставили. Нельзя однако думать, чтобы они не имѣли прочной идеи собственности (?), и чтобы они не знали, что воровать дурное дѣло. Но за то въ обмѣнѣ они проявляли величайшую честность: ни одинъ не пытался, получивши цѣну, унести назадъ проданный имъ предметъ. Вѣрные между собою, они въ точности передавали европейскіе товары тѣмъ, которые доставили предметы обмѣна; они не пытались красть другъ у друга припасы, приносимые ими. Вѣрность ихъ другъ къ другу простиралась даже на воровство, совершаемое ими. Предметъ, украденный на суднѣ, переходилъ изъ рукъ въ руки, безъ всякаго безпокойства со стороны виновника кражи относительно того, въ чьи руки попадетъ его предметъ, такъ какъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что рано или поздно послѣдній воротится къ нему (?).

Единственный недостатокъ въ характерѣ добродушныхъ палаузцевъ [1]), это ихъ наклонность къ воровству, когда открывается удобный къ тому случай; но знатныхъ нужно исключить изъ этого; также и между собою они не совершаютъ кражи, а имѣютъ другъ къ другу величайшее довѣріе; они оставляютъ свои дома безъ защиты, ихъ копья и сосуды свободно лежатъ вокругъ, и часто у нихъ на цѣлую англійскую милю нѣтъ сосѣдей.

Островитяне маріанскихъ острововъ [2]) чувствуютъ ужасъ передъ убійствомъ человѣка и воровствомъ. Эти острова несправедливо назвали «Isles des Larrons». Будучи далеки отъ того, чтобы быть ворами, островитяне такъ довѣрчивы одни къ другимъ, что совсѣмъ не запираютъ своихъ домовъ. Они всегда оставляютъ жилища открытыми, а между тѣмъ никто не обкрадываетъ своихъ сосѣдей.

«Не смотря на свою щедрость, новокаледонцы [3]) большіе воры, что нисколько не удивительно, если взять во вниманіе ихъ нищету. Самый ничтожный предметъ является искушеніемъ для нихъ. Если-бы мы не устроили въ началѣ постояннаго присмотра, то они скоро свели бы насъ къ такой-же голытьбѣ, какъ и сами. Однако мы не имѣли очень значительныхъ потерь, и должно ска-

---

[1]) Hodkin, См. также Semper, 208.
[2]) Le Gobien, 61.
[3]) Rougeyron. Annales de la Propag. de la Foi, XVIII, 406.

зать, къ ихъ чести, что они сдѣлали въ этомъ отношеніи большой успѣхъ».

«Новозеландцы [1]) до мелочности честны относительно собственности другихъ лицъ. Бѣлые люди среди нихъ оставляютъ каждую вещь открытой и ничего не знаютъ о кражѣ. Я часто смущалъ ихъ вещами очень цѣнными въ ихъ глазахъ, но они всегда приносили назадъ гвоздь, зернышко заряда, или кѣмъ нибудь потерянный курокъ».

«Въ защиту добродѣтели сѣверо-американскихъ индѣйцевъ [2]) можетъ быть приведено очень многое; если имѣть въ виду, какъ бы слѣдовало, что у нихъ нѣтъ законовъ для наказанія за кражу, что въ ихъ странѣ неизвѣстны ключи и замки, что никогда никто не давалъ имъ предписаній, что на голову вора не можетъ пасть никакое человѣческое возмездіе, кромѣ неудовольствія, которое возбуждаетъ его характеръ въ окружающемъ его народѣ,—если имѣть все это въ виду, то нельзя не удивляться ихъ честности. Какъ бы ни казалось это страннымъ, но при отсутствіи всякихъ правовыхъ системъ, въ этихъ маленькихъ общинахъ можно встрѣтить весьма часто миръ, счастье и спокойствіе, которымъ могли-бы у нихъ позавидовать многіе короли и императоры. Праву и добродѣтели они оказываютъ защиту, порокъ исправляютъ наказаніемъ, и среди простоты и довольства природы у нихъ царитъ симпатія супружеская, отцовская и сыновняя».

«Мы вскорѣ до того убѣдились въ ненарушимой вѣрности туземцевъ при заливѣ Кастри [3]) и въ почти религіозномъ уваженіи, какое они имѣли къ собственности, что мы оставляли въ ихъ хижинахъ и за печатью ихъ честности наши мѣшки, полные тканей, желѣзныхъ орудій и всего, служившаго намъ для обмѣна, при чемъ они никогда не злоупотребляли нашею довѣрчивостью; мы ушли изъ этого залива въ томъ убѣжденіи, что они даже не подозрѣвали, что кража преступленіе».

Когда дикарь сѣверо-американецъ [4]) совершилъ покражу и уличенъ, его принуждаютъ возстановить украденное или покрыть воровство другимъ способомъ. Если этого удовлетворенія не дается, то пострадавшій можетъ пойдти съ друзьями въ хижину вора, съ лукомъ и стрѣлами, какъ на непріятеля, и здѣсь взять и разграбить бы все принадлежащее послѣднему, и виновный не вправѣ

---

[1]) Dieffenbach. New Zealand, 26.
[2]) G. Catlin. North American Indian. Lond. 1876. II, 10.
[3]) Laperouse. Voyage autour du Monde (Bibl. Univers. des Voyages, 1834), XII, 347.
[4]) Perrot, op. cit. 73.

сказать противъ этого хоть слово. Если же обвиняемый чувствуетъ себя невиннымъ во взводимомъ на него преступленіи, то онъ бросается къ оружію и сопротивляется грабежу. Зрители, находящіеся на мѣстѣ, хватаютъ наиболѣе увлекшихся; но если дѣло идетъ только между заинтересованными сторонами, то оно не обходится безъ кровопролитія или убійства. Въ случаѣ, если обвиняемый, будучи невиннымъ, убиваетъ своего обвинителя, никакого дальнѣйшаго удовлетворенія не требуется: его невинность охраняетъ его отъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій убійства. Но если онъ дѣйствительно виновенъ, онъ приговариваетъ самъ себя и никогда не оспариваетъ факта; онъ терпѣливо выноситъ, чтобы у него взяли втрое или вчетверо больше противъ того, что онъ укралъ. Если въ его вещахъ нашли чужую занятую вещь, то возвращаютъ кредитору безъ всякихъ затрудненій,—туземцы никогда не приписываютъ себѣ ничего, что не ихъ.

Кража у чинуковъ [1]) считалась преступленіемъ, но возвращеніе украденнаго удаляло всякій слѣдъ безчестія. Права собственности соблюдаются эскимосами съ большою точностью по отношенію къ нимъ самимъ; но воровать у чужеземцевъ—что они дѣлаютъ съ большою ловкостью—считается скорѣе заслугою, чѣмъ преступленіемъ. Успѣшный воръ, когда жертвою является иностранецъ, получаетъ одобреніе всего племени.

Нѣкоторые изъ нуткасовъ, пришедшіе торговать съ экипажемъ Кука, [2]) обнаружили расположеніе къ обману; они хотѣли унести товары, ничего не давая въ вознагражденіе; но вообще все это случалось рѣдко. Во всякомъ случаѣ, они такъ живо желали получить желѣза, мѣди и всякаго другого металла, что лишь немногіе изъ нихъ имѣли силу сопротивляться желанію украсть этотъ товаръ, когда находили къ тому случай. Жители острововъ Южнаго Океана крали у Кука все, что имъ попадало подъ руку, никогда не входя въ то, полезна ли имъ вещь или безполезна. Новизны предметовъ было достаточно для того, чтобы заставить ихъ рѣшиться пустить въ ходъ всѣ роды косвенныхъ способовъ для совершенія воровства, откуда слѣдуетъ, что они были побуждаемы болѣе дѣтскимъ любопытствомъ, чѣмъ нечестною склонностью. Нельзя оправдать тѣмъ же способомъ туземцевъ у входа Нутки, которые уносили собственность; они были воры въ полномъ смыслѣ слова, потому что не таскали другихъ вещей, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ могли извлечь пользу, и которыя имѣли въ ихъ глазахъ дѣйствительную цѣнность. Къ счастью, они чувствовали уваженіе только къ ме-

---

[1]) Bancroft, op. cit. I, 240 и 63.
[2]) Cook. Troisième Voyage (Bibl. Univer. XV) 392.

талламъ. Они не коснулись ни бѣлья, ни другихъ подобныхъ вещей, которыя экипажъ могъ оставлять ночью на сушѣ, не давая себѣ труда беречь ихъ. Есть много поводовъ думать, что между ними самими воровство весьма распространено, и что оно-то и даетъ мѣсто ихъ частымъ и многочисленнымъ спорамъ.

У эскимосовъ Бичи и Парри [1]) подмѣчена сильнѣйшая склонность къ воровству. Они, разумѣется, имѣютъ понятіе о моемъ и твоемъ, даже считаютъ нравственнымъ пріобрѣтеніе мѣною, при чемъ символомъ у нихъ служитъ—лизаніе предмета, переходящаго изъ чужаго владѣнія въ ихъ владѣніе. Парри разсказываетъ странную черту: старуха украла у англичанъ серебряный наперстокъ, но принесла его назадъ, говоря, что онъ къ ней не подходитъ.

«Одинъ изъ эскимосовъ», говоритъ Россъ [2]), «хотѣлъ взять наковальню, но, замѣтивъ, что не можетъ ее сдвинуть, накинулся на молотокъ. Но такъ какъ безъ этого предмета нельзя было обойтись, то за нимъ побѣжали; видя, что его догоняютъ, онъ бросилъ молотокъ въ снѣгъ и убѣжалъ, а это даетъ понять, что онъ имѣлъ представленіе о своемъ дурномъ поступкѣ. Другой эскимосъ принесъ обратно желѣзную дверку отъ лисьей ловушки, которую его братъ предварительно унесъ. Онъ, повидимому, былъ того мнѣнія, что хотя воровать и худо, но это не бѣда, если собственникъ не замѣчаетъ отсутствія своей вещи. Такъ какъ они не дѣлали изъ этого тайны для своихъ друзей, то тѣ не упускали случая увѣдомлять экипажъ, и когда воры были открываемы, то, не отрицая своихъ дѣйствій, они смѣялись надъ ними, какъ надъ удачной шуткой. Послѣ этого они принесли нѣсколько примирительныхъ жертвъ; въ одномъ случаѣ это былъ тюлень».

Но о тѣхъ же эскимосахъ на Гренландіи Эцель [3]) говоритъ слѣдующее: «въ своихъ отношеніяхъ къ европейцамъ туземцы соотвѣтствуютъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить имъ, сообразно ихъ ступени развитія. Иногда противъ нихъ поднимаютъ обвиненіе, что они не оказываютъ никакого уваженія къ праву собственности; однако, воровство почти неизвѣстно между ними. Возможность ѣздить цѣлые годы съ открытыми сундуками, не потерявши ничего, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы названія закона или полиціи, и гдѣ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, искушеніе бывало очень сильно, возможность держать свои жилища и кладовыя безъ замковъ, не открывши ничего, что могло бы возбудить даже подозрѣніе въ кражѣ,—даетъ основанія смотрѣть на подобныя постыдныя обвиненія какъ на грубую неспра-

[1]) Klemm. op. cit. I, 295.
[2]) A. Etzel. Grönland. Stuttg. 1860, 339.
[3]) Ross. (Bibl. Univers. XII) 12.

ведливость или односторонній взглядъ. Напротивъ, кредиторы, которые не поняли правильно наклонности гренландцевъ дѣлать *займы*, нерѣдко бывали обмануты ожиданіемъ вѣрной и своевременной уплаты, потому что по легкомыслію гренландцы часто забываютъ объ уплатѣ; но, навѣрно, столь же многіе вполнѣ чувствуютъ и признаютъ обязанность возвращенія долга.»

Честность коряковъ [1]) замѣчательна. Часто они запрягаютъ цѣлый рядъ оленей, когда вы оставили поутру ихъ станъ, чтобы догнать васъ на разстояніи 5—10 миль и отдать вамъ ножъ, трубку или какую нибудь другую вещь, забытую вами впопыхахъ при отъѣздѣ. Сани путешественника, нагруженные табакомъ, бусами и товарами всякаго рода были оставляемы безъ надзора около ихъ шатровъ, но ни разу не пропало ничего. Съ самимъ путешественникомъ почти повсюду коряки обращались съ такою-же нѣжностью и великодушіемъ, какія онъ встрѣчалъ въ цивилизованныхъ странахъ и у христіанъ; и если-бы онъ не имѣлъ ни друзей, ни денегъ, то обратился-бы съ просьбою о помощи къ племени бродячихъ коряковъ съ гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ ко многимъ американскимъ семействамъ.

Лопари [2]) смотрятъ строже на преступленія, совершаемыя въ своей сферѣ и вредящія интересамъ другъ друга, чѣмъ на такія, жертвою которыхъ дѣлается посторонній человѣкъ, обыкновенно русскій. Причина этого сами русскіе: они не только не внесли къ лопарямъ цивилизующаго нравственнаго начала, но и развили въ нихъ склонность къ обману, лживость и тому под. качества. Не мудрено, что лопари, обманываемые и разоряемые русскими, стали наконецъ обнаруживать въ сношеніяхъ съ ними коварство и ложь,— эти естественныя орудія слабыхъ и угнетенныхъ людей; но разъ освоившись съ этою тактикой, лопари не могли уберечься отъ ея вліянія и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкія кражи, утайки, обманы, учеты, недодачи теперь очень нерѣдки, а если направлены противъ русскихъ, то почти и не считаются за преступленіе. Между тѣмъ, по словамъ автора «Новыхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о лапландцахъ въ Финнмархіи» 1792 г. (14), у нихъ не было ни воровства, ни драки. Ф. Пошманъ, писавшій о лопаряхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сообщаетъ слѣдующее: къ чести лопарей можно сказать то, что у нихъ воровства совсѣмъ нѣтъ; никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы могъ положить свой багажъ. Но лопари ничего не опасаясь, оленьи кожи кладутъ въ лѣсу (то же дѣлаютъ сѣверо-американскіе индійцы, Таннеръ, I, 99), домашнія вещи всѣ бываютъ разбросаны и оставлены подлѣ

[1]) G. Kennan. Tent life in Siberia. Lond. 1871, 150.
[2]) А. Ефименко, op. cit. 47.

жилья; возвращаясь домой почти черезъ полгода, лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости. Если понадобится лопарю что ни на есть безъ хозяина, то онъ, взявъ, оставляетъ клеймо. — Тоже почти и теперь во внутреннихъ отношеніяхъ между ними. Обходъ звѣря въ чужомъ ухожьѣ или обловъ чужого озера считается у лопарей большимъ преступленіемъ.

У самоѣдовъ [1]) изъ видовъ кражи наиболѣе распространено воровство оленей. Но въ то же время чумъ остается въ тундрѣ съ вещами хозяина одинъ, и никто ихъ не тронетъ. Украсть оленя у русскаго или у зырянина самоѣды преступленіемъ не признаютъ, а скорѣе молодечествомъ. Да это и не мудрено, такъ какъ самоѣды знаютъ, что стада русскихъ и зырянъ суть ихъ собственность, перешедшая въ руки этихъ послѣднихъ посредствомъ обмана и даже насилія, и притомъ кормятся на ихъ-же тундрахъ.

Среди якутовъ [2]) мошенничество развилось, благодаря сношеніямъ съ ссыльными.

Въ недавнее время одно изъ главныхъ занятій киргизовъ [3]) была баранта, т. е. война между отдѣльными родами, заключавшаяся, главнымъ образомъ, во взаимномъ отгонѣ скота. Это средство обогатиться считалось ничуть не предосудительнымъ, но воровство, т. е. тайная кража небольшого числа скота или имущества, осуждалось всегда весьма строго. Начало этихъ междоусобій было почти всегда законное, именно они происходили обыкновенно отъ нежеланія одной изъ спорящихъ сторонъ покориться приговору старшинъ. Въ такомъ случаѣ обиженная сторона имѣла законное право добиться удовлетворенія силою, т. е. дѣлала нападеніе, угоняла скотъ и захватывала людей. Само собою разумѣется, что обкраденные платили тѣмъ-же, считая, что у нихъ взято болѣе, чѣмъ слѣдовало по судебному приговору. Такъ, взаимное воровство и убійства все болѣе запутывали вопросъ, и ссоры и междоусобія тянулись десятками лѣтъ и дѣлались наконецъ родовою местью.

El terbigue, говоритъ Дома, [4]) есть воровство, но кромѣ того это почти война, это набѣгъ. Число людей, исполняющихъ предпріятіе, важность воровства, исполненнаго надъ цѣлою частью племени, свойства партизановъ, сложившихся, въ компанію, которые, во всякомъ случаѣ, суть рыцари, т. е. воины,—всѣ эти обстоятельства хотя и не могутъ служить оправданіемъ въ глазахъ скрупулезнаго европейца, все же представляютъ мотивы, въ высшей степени достойные одобренія въ Сахарѣ. Храбрые enfants perdus выстав-

---

[1]) Ib. 205.
[2]) Костровъ, op. cit. 288.
[3]) Л. Мейеръ. Киргизск. степь оренбургск. вѣдомства, op. cit. 253—257.
[4]) E. Daumas. Les chevaux du Sahara et les moeurs du désert. Paris. 1858. 257.

ляютъ себя на показъ, чтобы нанести вредъ враждебному племени. У того племени, въ составъ котораго они входятъ, не можетъ быть по этому поводу ничего, кромѣ радости и тріумфа... Мы опускаемся еще ступенью ниже, мы встрѣчаемся съ чистымъ грабежемъ, выполняемымъ ворами по профессіи. Это уже не война, даже въ уменьшенномъ видѣ, это просто на просто кража. Она не составляетъ предмета развлеченія для цѣлаго племени, но все же служитъ матеріаломъ для поздравленій и похвалъ среди друзей, подъ условіемъ, однако, что воровство не будетъ совершено въ самомъ племени или въ союзномъ племени, что было-бы стыдомъ, но только у врага; говорятъ: «такой-то храбръ, онъ крадетъ у врага». Шайками, артелями воруютъ барановъ, верблюдовъ и пр. въ опредѣленное время года, и потомъ дѣлятся добычею *поровну*, отдавая начальнику большую долю.

Всѣ кафры [1]) извлекаютъ главныя средства существованія изъ мяса и молока своихъ стадъ; въ теченіе ихъ войнъ, ограниченное земледѣліе, которое они ведутъ, почти всегда окончательно запускается. Если у нихъ украдутъ скотъ, они приходятъ къ полной нищетѣ и къ необходимости дѣлаться ворами въ свою очередь. Это именно и произошло съ мантатами; неспособные оказывать сопротивленіе болѣе сильному племени зволе, они были разорены и выгнаны изъ страны; тогда они соединились съ другими кланами, которыхъ участь была таже, и, сдѣлавшись сильны числомъ и отчаяніемъ, бросились какъ лавина на слабыя и мирныя племена внутренной страны; они были сопровождаемы своими женами и дѣтьми, и, безъ сомнѣнія, увели съ собою нѣсколько скота, что могли спасти отъ грабежа; но значительная ихъ часть, особенно женщины, повидимому, стали жертвою голода и, быть можетъ, доходили даже до людоѣдства.

Во время своихъ посѣщеній экспедиціи Денгама и Клаппертона, [2]) женщины Логгуна въ Африкѣ выпрашивали и въ то же время старались украсть всякіе предметы, привлекавшіе ихъ взоръ. Когда ихъ кражу открывали, онѣ принимались хохотать отъ души, хлопали руками и ногами и кричали: «ахъ, какой ловкій! Чуть только подумаешь о чемъ-нибудь, а онъ и отгадаетъ!».

Самый замѣчательный недостатокъ мандинговъ, читаемъ у М. Парка, [3]) составляетъ быть можетъ, та непреодолимая наклонность къ воровству, которою обладаютъ всѣ классы этого народа; въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ основаній къ ихъ оправданію, пото-

[1]) Thompson. Voyage dans l'Afrique méridionale etc. (1823—24), 23. (Voyages par Montemont, 1455).
[2]) Denham and Clapperton (Bibl. Univers. XXVII) 256.
[3]) Mungo Park, op. cit. II, 5.

му что они сами смотрятъ на воровство, какъ на преступленіе, и не предаются ему обыкновенно одни относительно другихъ. Правда, это соображеніе значительно смягчаетъ ихъ вину; и прежде, чѣмъ смотрѣть на этотъ народъ, какъ на болѣе распущенный, чѣмъ другіе, было бы хорошо изслѣдовать, лучше ли вели бы себя низшіе классы какой либо европейской страны будучи поставлены въ подобныя же условія относительно иноземца, чѣмъ эти негры вели себя относительно насъ. Не слѣдуетъ забывать, что законы страны не обезпечивали намъ никакой защиты, что каждый могъ обворовывать насъ безнаказанно и что нѣкоторыя изъ нашихъ вещей были въ глазахъ негра столь-же драгоцѣнны, какъ были-бы въ глазахъ европейца бриллiанты или жемчугъ. Предположимъ, что индійскій торговецъ нашелъ способъ попасть въ Европу, неся на спинѣ коробку съ драгоцѣнными камнями, и что законы страны, гдѣ онъ находился, не давали бы ему никакого обезпеченія его личности: въ подобномъ случаѣ, если чему слѣдовало-бы удивляться, такъ это не тому, что у него украли-бы часть драгоцѣнностей, а тому, что первый встрѣтившійся воръ оставилъ что-либо другому. Не смотря на все зло, причиненное воровствомъ мандинговъ, все-же нельзя думать, чтобы нравственное чувство и естественное начало справедливости были въ нихъ погашены или извращены. Эти чувствованія были только на время заглушены подъ вліяніемъ искушенія, для сопротивленія которому нужна была чрезвычайная добродѣтель. Но, съ другой стороны, они же покрываютъ этотъ недостатокъ обильнымъ гостепріимствомъ.

Негры—іолофы [1]) крадутъ вещи пальцами ногъ, въ то время какъ вы имъ смотрите на руки.

Въ числѣ способовъ наказывать за воровство и за другія преступленія въ высшей степени замѣчателенъ обычай «муру» на Новой Зеландіи, совершенно напоминающій наши древнія «потокъ и разграбленіе». [2]) Въ золотой вѣкъ Новой Зеландіи, по словамъ Монрада, [3]) здѣсь господствовали два учрежденія «табу» и «муру». О табу мы уже говорили. Европеецъ, не знающій туземныхъ тонкостей, переводилъ слово «муру», словомъ «разбой», такъ какъ и на самомъ дѣлѣ выраженіе это на ходячемъ языкѣ означаетъ приблизительно «грабежъ». Рѣчь идетъ о регулированной системѣ грабежа, которая соотвѣтствуетъ закону о вознагражденіи за вредъ въ нашемъ правѣ. При употребленіи его въ дѣло ничто не было обезпечено отъ захвата власть имѣющихъ, и потому естественно, ослабѣвала охота пріобрѣтать движимое имущество. Проступки, за которые

---

[1]) Atkins. Voyage à Sierra Leone. (Walckenaer, 1826, IV) 117.

[2]) Интересные факты объ этомъ учрежденіи помѣщены въ статьѣ М. Кулишера „Ростовщики и Ростовщичество, Слово. 1879, іюнь.

[3]) D. Monrad. Das alte Neuseeland, Brem. H.

людей грабятъ, должны представляться весьма странными какому нибудь «пакега». Сгораетъ жилище кого-либо изъ туземцевъ; онъ обрываетъ съ него доски, и потокъ огня распространяется, напримѣръ, на ограду кладбища, гдѣ, быть можетъ, уже нѣсколько сотъ лѣтъ никого не хоронили. За это-то преступленіе жителя грабятъ. Онъ теряетъ свои каное, рыбачью сѣть, свиней, запасы. Такъ какъ блюстители означеннаго закона, сами получали вознагражденіе, и, вмѣстѣ, опредѣляли размѣръ его, и такъ какъ во многихъ случаяхъ, напр. при упомянутомъ пожарѣ житницы, сумма вознагражденія состояла во всемъ томъ, на что исполнители закона могли указать, то личная собственность очевидно являлась здѣсь слишкомъ непостояннымъ и текучимъ капиталомъ. Между тѣмъ, сопротивленіе подобнымъ экзекуціямъ было столь слабо, что не рѣдко считалось униженіемъ, даже важнымъ оскорбленіемъ не подвергнуться разграбленію. Кромѣ того, достойную презрѣнія личность, которая дѣлала себя виновною въ сопротивленіи, исключали изъ права грабить дорогого ближняго, чтобы заплатить себѣ за испытанную потерю. Въ окружающихъ мѣстечкахъ распространяется слухъ, что у одного туземца сгорѣла житница, и что при этомъ несчастіи его дитя испытало опасныя раны отъ огня. Въ одномъ изъ этихъ мѣстечекъ живетъ родъ матери, а по представленіямъ маори, дитя принадлежитъ *гораздо болѣе женѣ, чѣмъ мужу*. Сверхъ того, мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ преисполненный надеждъ юноша, слѣдовательно представлялъ цѣнность для всего племени вообще, но особенно для женскаго рода. Поэтому дѣла нельзя погасить. Къ виновнику является съ предварительнымъ оповѣщеніемъ цѣлая шайка представителей женскаго рода; кто нибудь вызываетъ его на поединокъ, а потомъ грабятъ весь домъ до нитки. Только что описанное преступленіе имѣетъ, однако, громадное значеніе. Меньшіе проступки, промахи и правонарушенія вызываютъ меньшее наказаніе и болѣе слабыя разграбленія. Главнымъ послѣдствіемъ *муру* было непрерывное распущеніе движимой собственности въ такомъ размѣрѣ, что она до извѣстной степени становилась *общественною* собственностью... Никто не зналъ опредѣленно, кто черезъ мѣсяцъ будетъ пользоваться его каное, спать на его коврахъ или завертываться въ его одѣяло. Одинъ и тотъ же сюртукъ перебывалъ на спинѣ у шести различныхъ лицъ, и каждый носитель получалъ его путемъ законнаго муру. За сожженіе дуба, подъ которымъ нѣкогда лежалъ прахъ дѣда дикаря, слѣдуетъ «муру» или штрафъ, потому что это равносильно съ убійствомъ дѣда. Въ настоящее время обычай муру устарѣлъ главнымъ образомъ потому, что всѣ снабжены дешевыми орудіями и не вводятся въ искушеніе чужимъ имуществомъ. Въ прежнее время завистникъ подстерегалъ владѣльца лопаты или лодки

и выискивалъ поводы къ «муру». Но при этомъ всякое обыкновенное воровство или грабежъ были вообще рѣже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Какъ ни разнорѣчивы съ перваго взгляда приведенныя нами наблюденія путешественниковъ относительно склонности различныхъ первобытныхъ народовъ къ воровству и способы объясненія этой склонности, но все же онѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ результатамъ: 1) въ предѣлахъ своихъ собственныхъ общежитій первобытные народы, еще не вошедшіе въ торговыя сношенія съ европейцами, или очень мало смыслятъ въ виновности совершаемаго ими воровства, или вовсе не имѣютъ о ней понятія, что объясняется господствующимъ у нихъ общеніемъ движимаго имущества; 2) при первоначальныхъ сношеніяхъ съ европейцами, совершаемое туземцами воровство представляетъ не столько сознательное завладѣніе чужимъ имуществомъ, сколько непосредственный результатъ весьма понятнаго любопытства къ невиданнымъ ими европейскимъ товарамъ; 3) туземцы, испорченные уже вліяніемъ европейскихъ торговцевъ, предаются воровству у чужеземцевъ болѣе или менѣе сознательно, имѣя въ виду достиженіе той или другой экономической выгоды; 4) чѣмъ болѣе изолировано то или другое первобытное племя, тѣмъ, повидимому, оно наивнѣе по отношенію къ воровству у чужеземцевъ; примѣромъ этого могутъ служить островитяне Южнаго Океана; напротивъ, племя, помѣщенное среди другихъ враждебныхъ племенъ, что встрѣчается гораздо чаще, возводитъ воровство у непріятеля въ одну изъ отраслей почетнаго труда. Въ историческомъ порядкѣ всѣ эти факты располагаются приблизительно слѣдующимъ образомъ: за признаніемъ воровства овладѣніемъ частью общаго имущества, и при томъ не для себя одного, а для цѣлаго общества, слѣдуетъ воровство изъ любопытства и изъ выгоды, во всѣхъ его многоразличныхъ формахъ простой кражи, баранты, грабежа, обмана и т. д. Нечего и прибавлять, что строгость наказанія за воровство находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со степенью преступнаго значенія, какая приписывается этому послѣднему. Ни у одного изъ перечисленныхъ нами народовъ нельзя найдти ничего напоминающаго систему европейскихъ наказаній за этотъ видъ гражданскаго правонарушенія. Возвращеніе или возстановленіе украденнаго, иногда съ излишкомъ,—таково, повидимому, самое сильное наказаніе за воровство, насколько дѣло идетъ не о врагѣ. Лишеніе преступника свободы и даже обращеніе его въ рабство встрѣчаются сравнительно очень рѣдко, во всякомъ случаѣ гораздо чаще за другія преступленія, нежели за воровство. Причина столь легкаго отношенія къ нарушеніямъ частной собственности, состоитъ, съ одной стороны, въ той сравнительно ничтожной роли,

какую играетъ движимая собственность въ хозяйственномъ укладѣ первобытнаго общества, а съ другой,—въ томъ важномъ обстоятельствѣ, что юридическіе обычаи послѣдняго слагаются подъ давленіемъ интересовъ и понятій цѣлой массы населенія, а не одного только богатаго класса, имѣющаго что терять.

ГЛАВА VII.

Понятія первобытныхъ народовъ о собственности на землю. Недвижимая собственность у народовъ рыболовныхъ и охотничьихъ. Недвижимая собственность у народовъ кочевыхъ. Недвижимая собственность у нѣкоторыхъ земледѣльческихъ народовъ. Значеніе труда въ исторіи образованія первоначальной недвижимой собственности.

Общинная собственность на землю является естественнымъ и непосредственнымъ обычно-юридическимъ выраженіемъ всей совокупности общинныхъ работъ и потребленій, которымъ предаются первобытные народы. Земля есть пріемникъ, хранитель первоначальнаго матеріала, изъ котораго состоятъ произведенія, добываемыя у нея общиннымъ трудомъ. Сознаніе принадлежности земли въ общую собственность представляетъ, поэтому, ни что иное, какъ перенесеніе на землю, или, лучше сказать, на неразрывно связанный съ нею полезный матеріалъ, понятія коллективнаго труда и пользованія. Что идея общинной собственности на землю, какъ на территорію охоты, рыбной ловли, пастьбы скота и пр. болѣе или менѣе свойственна всѣмъ первобытнымъ народамъ, это давно уже не составляетъ тайны. Такъ напр., французскій писатель прошлаго столѣтія Гоге [1]) говоритъ по этому предмету слѣдующее: «первый установленный законъ былъ тотъ, чтобы обозначить и обезпечить каждому жителю достаточное количество земли; но въ тѣ времена, когда обработка земли не была еще извѣстна, земли были въ *общеніи*; не было ни границъ, ни оградъ, которыя регулировали-бы раздѣлъ ихъ; всякій бралъ свои средства существованія, гдѣ счи-

---

[1]) Goguet. De l'origine des lois, des arts et des sciences. Paris. 1820 (1-е изд. 1758) I. 47.

талъ удобнымъ». Туже мысль высказываетъ упомянутый уже экономистъ пятидесятыхъ годовъ Оттъ, говоря: «*всѣмъ извѣстно*, что первобытные народы, тѣ, которыхъ называли дикарями и варварами, *не знаютъ недвижимой собственности*; все племя представляло лишь большую семью, въ ея средѣ не происходило *никакихъ подраздѣленій* земли». Отсюда очевидно слѣдуетъ, что отсутствіе недвижимой собственности отожествлялось съ общеніемъ земли, какъ то предполагалъ еще Руссо, по мнѣнію котораго продукты земли первоначально принадлежали всѣмъ, а самая земля никому. При всемъ томъ слѣдуетъ сознаться, что принадлежность земли въ общую собственность всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ скорѣе принималась до сихъ поръ на вѣру, какъ нѣчто подразумѣвающееся само собою, нежели служила цѣлью сколько нибудь обстоятельныхъ изслѣдованій. За исключеніемъ нѣсколькихъ монографій о собственности въ Индіи, на Явѣ, въ Алжирѣ, въ Мексико, въ Перу и двухъ или трехъ сборныхъ сочиненій, каковы труды Лавеле, Летурно и Лебона, намъ неизвѣстно ни одной работы, въ которой вопросъ о недвижимой собственности внѣ-европейскихъ народовъ былъ-бы подвергнутъ подробному и систематическому обсужденію. Даже въ означенныхъ сводныхъ сочиненіяхъ весь матеріалъ по этому предмету заключается въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фактахъ, что не мѣшаетъ, напримѣръ, профессору Ганнсену въ его послѣдней книгѣ ссылаться на Лавеле, какъ на авторитетъ по вопросу о существованіи общинной недвижимой собственности у внѣ-европейскихъ первобытныхъ народовъ. Между тѣмъ, въ многочисленной литературѣ путешествій имѣется по означенному вопросу довольно цѣнный матеріалъ, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ подробной разработки.

Незнакомство европейца съ дѣйствительными понятіями дикарей о собственности на землю вело ко многимъ практическимъ и теоретическимъ недоразумѣніямъ. Въ однихъ случаяхъ предполагалось, что дикари совершенно лишены этой идеи, потому, что не обрабатываютъ обитаемой ими земли, въ другихъ, хотя собственность ихъ на землю и признавалась, но въ то же время считалась низшею, и потому долженствующею уступить свое мѣсто европейской. «Повидимому, не составляетъ зла», говоритъ напр., Ливингстонъ [1]), «если люди, обработывающіе почву, заявляютъ право на аппропріацію земли, на которой другіе люди только охотились, лишь-бы при этомъ обезпечивалось послѣднимъ какое-либо вознагражденіе за потерю средствъ къ существованію. Первоначальная идея собственности, повидимому, была та, что это право дается «подчи-

[1]) Livingstone. Missionary Travels and Researches in South Africa. Lond. 1867, 103.

неніемъ», или воздѣлываніемъ почвы. Но это скорѣе принципъ чартистовъ, который слѣдуетъ принимать съ оговоркой, такъ какъ признаніе его въ Англіи повело бы къ захвату всѣхъ громадныхъ земельныхъ пространствъ, перешедшихъ отъ предковъ, тѣми, кто желаетъ обрабатывать ихъ. И въ разсматриваемомъ случаѣ вторженіе сразу ведетъ къ тому, что подъ плугъ идетъ меньше земли, чѣмъ подъ лопату туземцевъ, такъ какъ бассуты, зулусы и кафры Наталя обрабатываютъ большія пространства земли и подрываютъ нашихъ фермеровъ, когда имѣютъ достаточныя поля».—Д-ръ Арнольдъ [1]) замѣчаетъ: «право собственности идетъ на столько въ параллель съ трудомъ, что цивилизованныя націи никогда не стѣснялись взять въ свое обладаніе страны, обитаемыя только племенами дикарей,—страны, въ которыхъ только охотились, но которыя никогда не подвергались обработкѣ. Ваттель, величайшій авторитетъ по международному праву, относится столь благопріятно къ тому же факту, что, порицая занятіе земли уже обитаемой, онъ мягко замѣчаетъ: «не будетъ превосходить виды природы, если дикарямъ отведутся болѣе узкія границы». Эти слова легко истолковываются въ смыслѣ полнаго захвата.—Гепфортъ Диксонъ оспариваетъ право индійцевъ на землю слѣдующимъ образомъ: «Почва! У нихъ нѣтъ никакой почвы! Почва не больше была ихъ, чѣмъ море и небо наши. Они имѣли право ходить по ней; но имѣть ее въ собственность и охранять отъ вторженія всѣхъ другихъ людей есть требованіе, котораго краснокожій никогда не дѣлалъ, да еслибы выучился его дѣлать, то цивилизованный человѣкъ никогда бы на него не согласился. Никакое охотничье племя не имѣетъ и даже и не можетъ имѣть подобнаго права, потому что, по строгой политической философіи, единственное исключительное право, какое кто либо можетъ пріобрѣсти на землю, есть то, которое онъ самъ создаетъ себѣ, посредствомъ котораго онъ входитъ въ нее путемъ труда и затратъ, одинаково къ собственной, какъ и ко всеобщей выгодѣ».—Этотъ аргументъ подвергался иному примѣненію. Владѣніе большимъ пространствомъ земли, которая держится только для цѣлей парковъ и охоты, было разсматриваемо нѣкоторыми, какъ противное закону природы, и революція доставила случай конфисковать нѣкоторыя изъ этихъ пустыхъ земель, чтобы онѣ могли быть употреблены болѣе производительнымъ и полезнымъ образомъ. Пока этотъ законъ примѣнялся къ дикарямъ, его считали авторитетнымъ; но онъ тотчасъ же отрицался, какъ скоро имъ пользовались англійскіе и французскіе реформаторы. Въ Австраліи тотъ же аргументъ былъ направляемъ въ пользу смѣщенія скваттеровъ съ занятыхъ ими

---

[1]) I. Bonwick. The Last of the Tasmanians, Lond. 1870, 325 и слѣд.

земель, сдѣлавшемуся необходимымъ вслѣдствіе давленія населенія. Скваттеры имѣли свои пастбища, которыя были у нихъ отняты вполнѣ или отчасти и розданы подъ фермы для воздѣлыванія другимъ классамъ. Скваттеры отрицали примѣненіе аргумента, какъ несправедливаго въ принципѣ, хотя сами прибѣгали къ его помощи при захватѣ земель туземцевъ.

Обращаясь къ другой сторонѣ дѣла,—къ праву туземцевъ на свою землю, мы находимъ хорошіе авторитеты, напримѣръ знаменитаго юриста Гроція, которые отрицаютъ право одного народа захватить необработанныя земли другаго. Лордъ Бэконъ писалъ: «мнѣ нравится плантація на чистой землѣ, т. е. тамъ, откуда народъ не былъ пересаженъ съ тою цѣлью, чтобы насаждать въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ это скорѣе искорененіе, чѣмъ насажденіе». Ваттель разрѣшаетъ присвоивать себѣ только не употребляемыя никѣмъ земли, оставляя прочія подъ властью и въ собственности туземцевъ. Вольтеръ иронически замѣчаетъ по поводу борьбы между Франціею и Англіею за суприматію въ Сѣверной Америкѣ: «они совершенно согласны въ одномъ пунктѣ, это въ томъ, что туземцы не имѣютъ ни малѣйшаго права на спорную землю». Старый делаварскій сахемъ говорилъ по поводу того-же столкновенія: «Французы требуютъ всю землю по одну сторону Огіо, англичане по другую, гдѣ же лежитъ земля индійцевъ»?

Вопросъ о полномъ сознаніи права собственности на землю на раннихъ ступеняхъ развитія былъ бы уже рѣшенъ въ томъ случаѣ, еслибы европейцы прислушивались къ жалобамъ, какія постоянно заявляются туземцами на отобраніе у нихъ земель. «Караибы», говоритъ Рошфоръ [1]), «прекрасно и сильно умѣютъ упрекать европейцевъ въ узурпаціи ихъ родной земли какъ въ явной несправедливости. Ты изгналъ меня, говоритъ этотъ бѣдный народъ, изъ С. Кристоффля, изъ Ніевы, изъ Монферра, изъ С. Мартина, изъ Антигое, изъ Гарделупы, изъ Барбуда, со Св. Евстахія, которые тебѣ не принадлежали и на которые ты не могъ имѣть законной претензіи. И ты еще угрожаешь намъ ежедневно лишить насъ послѣдней, остающейся у насъ земли? Что станется съ несчастнымъ караибомъ? Не пойти-ли ему жить въ море, съ рыбою? Твоя земля несомнѣнно весьма дурна, если ты ее покидаешь, чтобы придти и взять мою; или ты настолько лукавъ, что пришелъ сюда преслѣдовать меня съ радостнымъ сердцемъ»?

Другой прекрасный примѣръ глубокой привязанности дикарей къ почвѣ представляетъ рѣчь Краснаго Облака, предводителя племени Сіу, сказанная въ 1870 году президенту Гранту: «Великій Духъ

---

[1]) De Rochefort. Histoire des Iles Antilles de l'Amérique, 1658, 403.

сдѣлалъ меня сразу тѣмъ, что я есть. Посмотрите на меня. Я родился тамъ, гдѣ восходитъ солнце, а теперь я прихожу къ вамъ отъ его заката. Чей голосъ былъ прежде всего слышанъ въ этой странѣ? Голосъ краснаго человѣка, напрягавшаго лукъ. Великій отецъ (президентъ), можетъ быть, расположенъ къ намъ хорошо и дружелюбно, но я не вижу никакихъ доказательствъ этого. Что я другъ бѣлыхъ, доказываетъ мое пребываніе здѣсь. Мой народъ таетъ, какъ снѣгъ на солнечной сторонѣ горы. Мы не хотимъ съ вами никакой войны. Какъ могли бы мы этого хотѣть, когда васъ множество, а насъ горсть? Но вы окрашиваете нашу траву нашею кровью. Пусть великій отецъ уберетъ фортъ, изъ за котораго пролилась кровь, и между нами будетъ миръ. Въ моей странѣ есть два кряжа горъ. Я не хочу, чтобы вы прокладывали тамъ дороги. Три раза уже я вамъ сказалъ это и говорю теперь въ четвертый разъ. Вы вогнали въ моей странѣ столбы въ землю. Я хочу, чтобы вы ихъ убрали. Мы пришли сюда отъ заката солнца, чтобы спросить нашего великаго отца, почему не сдерживаются данныя намъ обѣщанія? Вещи, которыя я долженъ былъ получить, были украдены вашими людьми на пути, и только маленькій остатокъ дошелъ до меня. Мы здѣсь бѣдные и голые. Великій духъ создаетъ не всѣхъ своихъ дѣтей равными. Вы родились, чтобы читать и писать, насъ-же великій духъ создалъ для охоты, и всякій хочетъ жить по своему. Люди, которыхъ посылалъ намъ президентъ, не имѣютъ ни ума, ни сердца—это теперь сдѣлалось мнѣ ясно. Что бѣлые являются въ мою страну и убиваютъ дичь, въ томъ вина великаго отца. Онъ посылаетъ своихъ пьяницъ къ намъ, потому что не можетъ ихъ терпѣть у себя. Вы—тѣ, которые должны были сдержать миръ. За землю, на которой вы строите свои желѣзныя дороги, я не получилъ и оловяннаго кольца. Это я хотѣлъ сказать своему великому отцу. Вы дѣлаете и имѣете всякую аммуницію; почему не даете намъ ничего такого? Боитесь-ли вы, что мы, слабые, начнемъ войну, съ вами, сильными? Мы желаемъ имѣть порохъ не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы убивать дичь. Со временемъ, мы разумѣется, должны будемъ взяться за земледѣліе, но такъ сразу это не дѣлается».

Въ доказательство того, что принадлежность въ собственность земли не находится въ зависимости отъ рода занятій, и что на нее одинаково имѣетъ право народъ, переходящій отъ охоты къ земледѣлію, приведемъ слѣдующую замѣчательную рѣчь главы племени Миссизассовъ къ своимъ соплеменникамъ, сохраненную Кревенуромъ [1]): «Развѣ вы не видите, что бѣлые живутъ зерномъ, а мы мясомъ? Что мяса

---

[1]) I. Ranke. Grundzüge der Physiologie des Menschen. Leipz. 1872, 164—5.

часто бываетъ недостаточно, и что ему нужно 30 мѣсяцевъ, чтобы вырости? Что каждое изъ тѣхъ чудесныхъ зеренъ, которыя они опускаютъ въ землю, возвращается имъ болѣе, чѣмъ во 100 разъ? Что у мяса, которымъ мы живемъ, четыре ноги, чтобы убѣжать отъ насъ, а у насъ только двѣ, чтобы догнать его? Что зерна остаются на мѣстѣ и ростутъ тамъ, гдѣ сѣютъ ихъ бѣлые люди? Что для насъ зима есть время тяжелой охоты, а для нихъ время спокойствія? Потому-то у нихъ столько дѣтей и живутъ они дольше нашего. На этомъ основаніи я говорю каждому, кто хочетъ меня слышать, что прежде нежели кедры нашей деревни умрутъ отъ старости и прежде чѣмъ сахарные клены нашей долины перестанутъ намъ давать сахаръ, племя мелкихъ хлѣбосѣятелей истребитъ племя мясоѣдовъ, если эти охотники не рѣшатся сами сѣять».

«Посмотрите вокругъ на эти горы и на эту прекрасную гавань», говорилъ одинъ изъ начальниковъ туземцевъ по случаю продажи земли англичанамъ на о-вѣ Новой Зеландіи, [1]) «они прочны и не могутъ быть уничтожены. То, что мы получимъ за нихъ, составитъ лишь небольшой кусокъ для каждаго изъ насъ и скоро будетъ уничтожено: табакъ скоро выкуренъ, трубки разобьются и платье износится. Не этого мы ожидаемъ въ уплату. Мы хотимъ извлечь изъ бѣлаго человѣка другія выгоды; мы желаемъ, чтобы онъ защищалъ насъ во время войны съ другими племенами и раздѣлялъ съ нами хорошія вещи, которыя есть у него. Но сдержитъ-ли свое обѣщаніе бѣлый человѣкъ? Посмотрите на Портъ-Джаксонъ и скажите, что сдѣлалось съ туземцами? Когда бѣлый человѣкъ построитъ себѣ домъ, и мы придемъ къ его дверямъ, развѣ онъ не скажетъ намъ «пошелъ вонъ», какъ, напр., мнѣ сказали сегодня утромъ, когда я пришелъ на корабль»? Но большинство было въ пользу продажи земли и она была рѣшена. Всѣ вещи, которыя должны были поступить къ нимъ за нее, были подвергнуты разсмотрѣнію, и когда контрактъ былъ заключенъ, начальникъ сказалъ своимъ землякамъ: «я знаю, что кидаться на вещи вашъ обычай, но съ какою цѣлью? *Не каждый* получитъ мушкетъ, *не каждый* покрывало [2]). Я мало думаю о себѣ, потому что смотрю въ будущее, но я раздѣлю вещи между вами». Онъ сдѣлалъ такъ, и всѣ были довольны».

«Готтентоты», писалъ голландскій хирургъ Рибекъ [3]) въ апрѣлѣ

---

[1]) E. Dieffenbach. New Zealand and the new Zealanders. Lond. 1841. 22.

[2]) Извѣстны и другіе интересные примѣры того, какъ именно дѣлятся различныя цѣльныя вещи между нѣсколькими представителями первобытныхъ народовъ. Если напр. при раздѣлѣ ружья одному достается курокъ, другому стволъ, а третьему ложе, то отсутствіе всякой идеи личной собственности становится совершенно очевиднымъ.

[3]) Casalis. Les Bassoutos. Paris, 1859. VII и 165, 167.

1660 г., «долго распространяясь о фактѣ, что мы съ каждымъ днемъ занимаемъ все большее пространство страны, которая принадлежала имъ въ теченіи вѣчности. Они спрашивали насъ, позволили-бы мы имъ распоряжаться такимъ образомъ, если бы они переселились къ намъ въ Голландію? Въ отвѣтъ на наблюденіе, которое мы ихъ просили сдѣлать, что травы не достаточно для ихъ скота и для нашего, они прибавили: «развѣ у насъ нѣтъ достаточныхъ причинъ стараться помѣшать вамъ имѣть скотъ?... Если его будетъ у васъ много, то вы придете его пасти съ нашимъ, а потомъ скажете, что страна не достаточно велика для васъ и для насъ»... Въ Европѣ довольно часто примѣняется эпитетъ номадовъ къ племенамъ южной Африки, но нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго. Одни только намаквы и бушмены, принадлежащіе къ расѣ готтентотовъ, подходятъ подъ это названіе... Что же касается до бечуановъ и кафровъ, то нѣтъ примѣра, чтобы они покинули свою страну, если только не принуждаетъ ихъ къ тому вторженіе или другое какое нибудь совершенно исключительное обстоятельство... Упорное сопротивленіе, которое противопоставляютъ захвату колонистовъ амакози, тембуки и бассуты, доказываетъ достаточно, до какой степени эти народы привязаны къ обитаемымъ ими странамъ. Они выражаютъ эту привязанность словами, могущими тронуть сердце и возбудить энтузіазмъ: «у насъ, наша земля, земля отцовъ нашихъ». «Вы просите, чтобы я *разрѣзалъ* землю», говорилъ старѣйшина бассутовъ бѣлымъ, которые предлагали ему разгородиться, и привелъ въ примѣръ приговоръ Соломона о разсѣченіи дитяти для указанія дѣйствительной его матери. Продажа или другіе виды отчужденій земли неизвѣстны этимъ народамъ. Страна принадлежитъ всей общинѣ, и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Начальники указываютъ своимъ вассаламъ доли земли, которыя они должны занимать, а эти послѣдніе даютъ каждому отцу семейства участокъ пригодный къ обработкѣ и соотвѣтствующій его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечено для владѣльца на все время, пока онъ остается на мѣстѣ; если онъ переселится въ другое мѣсто, то долженъ сдать поле обратно начальнику, отъ котораго получилъ его, чтобы послѣдній могъ имъ располагать въ пользу другаго лица. Границы полей обозначены съ достаточною точностью. Случаи споровъ подвергаются рѣшенію третейскаго суда сосѣдей, а въ послѣдней инстанціи суду начальника».

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ», говоритъ Филипъ [1]), основаніемъ претензіи служило то, «что участки земли были пріобрѣтены (колонистами у

[1]) J. Philip. op. cit. 17.

готтентотовъ) правильною покупкою, и что туземцы нисколько не спорили за территорію, а уступали свои наиболѣе цѣнныя владѣнія за пустяки. Мы не имѣемъ никакихъ способовъ удостовѣриться, какъ были заключаемы подобныя сдѣлки, и понимали ли туземцы, что при посредствѣ такихъ сдѣлокъ они отказывались отъ права пастбища и занятія земли въ случаѣ нужды; но весьма вѣроятно ихъ пониманіе шло не дальше того, что они уступаютъ совмѣстное и дружеское пользованіе источниками и растущей около нихъ травою».

«Земля эгбовъ въ странѣ Іорубѣ», читаемъ у Бёртона [1]), «ни въ какомъ случаѣ не есть «ничья» земля, и незнаніе этого жизненнаго факта въ случаѣ переселенія сюда европейцевъ несомнѣнно поведетъ къ такимъ-же аграрнымъ войнамъ, которыми Новая Зеландія недавно скандализировала міръ. Неотчуждаемость земли представляетъ одну изъ коренныхъ идей негровъ. Каково бы ни было владѣніе землею, оно никакъ не можетъ быть отчуждено на всегда или продано. Начальникъ за постоянную ренту дозволитъ иноземцу обработывать никому не нужную общинную землю, но это сдѣлка чисто личная. Если первый владѣлецъ умретъ, то наслѣдникъ или замѣститель долженъ искать возобновленія найма, и отказъ въ послѣднемъ оправдаетъ въ африканскомъ умѣ изгнаніе его. Съ другой стороны, если начальникъ настаиваетъ на повышеніи условій, то наслѣдникъ въ свою очередь можетъ настаивать на уплатѣ прежней суммы постоянной ренты, и среди наиболѣе цивилизованныхъ племенъ голосъ народа будетъ на его сторонѣ. Никто, живущій въ западной Африкѣ, не можетъ игнорировать этого факта».

«Когда къ деревнѣ принадлежитъ никѣмъ не занятая земля [2]), то старѣйшина деревни обыкновенно имѣетъ право продавать ее на время своей жизни; но впослѣдствіи часто возникаютъ споры о правѣ владѣнія, какъ бы ни была значительна уплаченная за землю сумма. Европейцы поступаютъ, поэтому, всего умнѣе, если они покупаютъ подобную землю подъ условіемъ вносить за нее годичный платежъ. Когда подобная покупка заключена въ надлежащей формѣ, въ общемъ собраніи старѣйшинъ страны, тогда они могутъ безъ опасеній передавать ее по наслѣдству; впрочемъ, само собою разумѣется, что они должны быть въ состояніи постоять за предоставленное имъ право».

Собственность у жителей Маркизскихъ острововъ, по словамъ Гаффареля [3]), установлена столь же неправильно, какъ и семей-

---

1) R. Burton. Abeocuta and the Camaroons Mountains. Lond. 1863, II, 96.
2) Winterbottom, op. cit, 75.
3) P. Gaffarel. Les colonies françaises, 1880, 387—8.

ство: «въ самомъ дѣлѣ, всѣ тутъ собственники и никто не собственникъ; на основаніи права такая-то или такая-то долина принадлежитъ начальнику (?), который уступаетъ участки ея, но никогда окончательно. Владѣльцы почвы могутъ быть на основаніи закона (французскаго?) согнаны съ нея. Въ дѣйствительности-же они обезпечены въ томъ, что останутся на землѣ, которую они сдѣлали плодородною, такъ какъ начальники, легальные собственники (sic), каждый разъ, когда имъ придетъ фантазія передать или отчудить свои права, прилагаютъ большія заботы къ тому, чтобы въ договорѣ было постановлено, что прежніе жители останутся на той землѣ, гдѣ они обыкновенно жили, и это условіе всегда соблюдается съ точностью. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что островитяне начинаютъ усвоивать себѣ французское законодательство, и что режиму коллективной собственности будетъ въ свое время противопоставленъ здѣсь единственный справедливый (?) режимъ индивидуальной собственности».

На островахъ Фиджи [1]) все племя имѣетъ совокупный интересъ въ земляхъ семействъ, и отчужденіе земли можетъ правомѣрно совершиться только съ согласія всего племени, черезъ старѣйшину и главъ семействъ. Въ этомъ состоитъ причина того, что туземецъ, когда онъ продаетъ европейцу участокъ земли, вовсе не думаетъ о полномъ ея отчужденіи; напротивъ, если покупщикъ оставляетъ часть земли безъ употребленія, то туземецъ строитъ на ней безъ дальнихъ церемоній домъ и обработываетъ ее по прежнему. Отсюда происходитъ и то, что фиджіанецъ считаетъ себя до извѣстной степени какъ бы привязаннымъ къ землѣ. Европеецъ, знающій это, прекрасно обходитъ это затрудненіе; но кто не знаетъ, тотъ попадаетъ въ непріятности. Такъ произошло съ однимъ миссіонеромъ, который, съ согласія старѣйшины и заинтересованныхъ членовъ семьи, купилъ себѣ участокъ земли. Послѣдніе естественно разсчитывали на то, что они будутъ обработывать почву и строить домъ; но миссіонеръ, не знавшій этого обычая, взялъ для этого своихъ людей. Тогда онъ внезапно увидѣлъ себя окруженнымъ вооруженными дикарями, которые потрясали своими копьями и дубинами и привели его въ такой страхъ, что онъ убѣжалъ на свое судно и отказался отъ всего дѣла. Но туземцы только хотѣли этимъ подтвердить свои права. — По новѣйшимъ свѣдѣніямъ [2]), земля на островахъ Фиджи есть собственность племени, а собственность на деревья простирается только на плоды.

Только что приведенныхъ фактовъ, намъ кажется, совершенно

[1]) Christmann und Oberlaender, op. cit. 162 (Oceanien).
[2]) Globus. 1881, № 5, 79.

достаточно, чтобы убѣдить кого угодно, что первобытные народы не только проявляютъ живое чувство собственности на землю, но по самому существу дѣла, не имѣютъ ни желанія, ни возможности отчуждать ее пришельцамъ, иначе, какъ на условіи временнаго пользованія плодами съ никѣмъ не занятой земли. Неотчуждаемость первобытной поземельной собственности бросаетъ, между прочимъ, совершенно оригинальный свѣтъ на тѣ любопытныя сдѣлки объ уступкѣ земель предполагаемыми начальниками туземцевъ, какія такъ часто заключаются европейцами. Такъ, напр. мы читаемъ у Годкина [1]) слѣдующее: «капитанъ Клюеръ говорилъ съ королемъ (Палаузскихъ островovъ) объ его землѣ и сильно прославлялъ послѣднюю; на это король сказалъ, что его земля должна на будущее время быть *землею англичанъ* и *подарилъ* имъ такимъ образомъ *землю* (!?)». О томъ, что король Сандвичевыхъ острововъ или королева Отаити уступаютъ свою страну англичанамъ или французамъ, можно прочесть въ газетахъ еще и въ настоящее время.— Дальнѣйшее изложеніе фактовъ относящихся къ первобытному землевладѣнію должно привести къ убѣжденію, что землевладѣніе это, сверхъ неотчуждаемости, болѣе или менѣе повсюду носитъ характеръ коллективный.

«Вообще», говоритъ Эйръ [2]), «было предполагаемо, но весьма несправедливо, что туземцы Австраліи не имѣютъ никакой идеи о собственности на землю или о правахъ, связанныхъ съ нею. Въ дѣйствительности же каждый округъ съ радіусомъ въ 10 — 20 миль разсматривается какъ собственность тѣхъ, кто въ немъ охотится. Сверхъ того, эти округа еще подраздѣляются между отдѣльными членами племени. Каждый мужчина имѣетъ право на извѣстный участокъ земли, которaго границы онъ всегда можетъ указать. Эта собственность подраздѣляется отцомъ между сыновьями въ теченіи его жизни и какъ-бы нисходитъ по наслѣдству. Мужчина можетъ располагать своею землею, промѣнять (?) ее другому лицу, но женщина ни въ чемъ не наслѣдуетъ, а среди сыновей первородство не предоставляетъ никакихъ спеціальныхъ правъ. Одно племя можетъ придти въ территорію другаго не иначе, какъ съ дозволенія или по особому приглашенію послѣдняго, причемъ съ чужеземцами или посѣтителями обращаются очень хорошо». Слѣдующее письмо д-ра Ланга, начальника сиднейской коллегіи въ Новомъ Южномъ Валлисѣ къ д-ру Годкину, подтверждаетъ все вышесказанное. «На вопросъ вашъ, имѣютъ ли туземцы австралійскаго

---

[1]) Op. cit. 30—31.
[2]) E. J. Eyre. Journ. of the Expedit. of Discovery into Central Australia. Lond. II, 296.

континента какую либо идею о собственности на землю, я отвѣчаю самымъ рѣшительнымъ образомъ,—да. Извѣстно, что эти островитяне не обработываютъ земли, а существуютъ единственно рыбною ловлей и охотой, а также дикими корнями и отчасти дикимъ медомъ: плоды здѣсь чрезвычайно рѣдки. Вся раса раздѣлена на племена, болѣе или менѣе многочисленныя, смотря по обстоятельствамъ, и обозначенныя именами мѣстностей, въ которыхъ они обитаютъ; хотя они вообще являются бродячими племенами, но перемѣщеніе ихъ ограничено опредѣленными и точными предѣлами, за которые они переходятъ рѣдко, исключая случаевъ войны и празднествъ. Словомъ, каждое племя имѣетъ свой собственный округъ, границы котораго хорошо извѣстны всѣмъ вообще туземцамъ, и внутри этого округа всѣ дикія животныя разсматриваются, какъ собственность обитающаго въ немъ или скорѣе проходящаго по немъ *племени*, на подобіе того, какъ и европейцами, на основаніи европейскихъ законовъ, пастбищная земля считается собственностью ея владѣльцевъ. Въ дѣйствительности, такъ какъ страна занята главнымъ образомъ для спеціальныхъ цѣлей, то различіе между европейскими и туземными идеями о собственности есть болѣе воображаемое, чѣмъ дѣйствительное: туземная трава доставляетъ пищу какъ кенгуру, принадлежащимъ туземцамъ, такъ и дикому скоту европейцевъ; единственная разница состоитъ въ томъ, что кенгуру не обозначены особенными клеймами, подобно скоту, нѣсколько болѣе дики и съ бо́льшимъ трудомъ поддаются ловлѣ. Какъ европейскій законъ и обычай считаютъ вторженіе всякаго другаго бѣлаго человѣка въ пастбище признаннаго владѣльца за правонарушеніе и подвергаютъ за него наказанію, такимъ-же образомъ и туземцы каждаго отдѣльнаго племени, обитающіе въ отдѣльномъ округѣ, смотрятъ на вторженіе въ него всякаго другаго племени туземцевъ, какъ на правонарушеніе, за которое слѣдуетъ подвергать наказанію силою оружія. Подобныя нарушенія, представляютъ столь же частую причину туземныхъ, какъ и европейскихъ войнъ; человѣкъ въ своемъ естественномъ состояніи, такъ же ревнивъ по своимъ правамъ и чрезвычайно воинственъ. Справедливо, что европейскіе поселенцы не обращаютъ никакого вниманія на эти туземныя раздѣленія земли, часто прогоняютъ черного туземца съ его охотничьей территоріи или даже совсѣмъ уничтожаютъ посредствомъ насилія, разсѣянія, болѣзней и пр. на подобіе того, какъ и кенгуру изгоняется съ той же территоріи европейскимъ рогатымъ скотомъ. Но особые округа не только составляютъ собственность отдѣльныхъ племенъ; отдѣльныя части этихъ округовъ повсюду признаются туземцами за собственность отдѣльныхъ членовъ (?) этихъ племенъ; и когда собственникъ такого отдѣленія территоріи рѣшитъ сжечь траву своего

участка, что дѣлается для возращенія лѣса, то не только всѣ члены его собственнаго племени, но цѣлыя племена изъ другихъ округовъ приглашаются къ нему на охоту и на пиръ и танцы, слѣдующіе за нею; дикія животныя на этой территоріи разсматриваются всѣ какъ собственность владѣльца земли. Идея собственности на почву для цѣлей охоты есть всеобщая среди туземцевъ. Они рѣдко жалуются на вторженіе европейцевъ; напротивъ, они довольны, что тѣ поселились здѣсь, какъ они говорятъ, на ихъ землѣ; они не замѣчаютъ, что ихъ собственныя жизненныя условія сильно измѣнились отъ этого къ худшему, что ихъ средства существованія постепенно все болѣе и болѣе уменьшаются и число ихъ самихъ также: короче, въ простотѣ сердца они пустили къ себѣ на грудь змѣю, и та укусила ихъ на смерть. Они ожидали выгодъ и благословенія отъ европейскаго вторженія, а оно сдѣлалось причиною ихъ гибели».

Только что сказанное относительно поземельной собственности подтверждаютъ и другіе два писателя, Грэй и Лангъ [1]), ссылаясь, впрочемъ, главнымъ образомъ, на то же самое письмо д-ра Ланга. Грэй въ особенности настаиваетъ на правѣ отца (?) дѣлить поземельную собственность между сыновьями, когда имъ всего по 14 и 15 лѣтъ. Лангъ указываетъ, между прочимъ, на одно важное отступленіе отъ права исключительной собственности каждаго племени на свою охотничью землю. Каждое племя, говоритъ онъ, отдѣлено и обособлено отъ другихъ; свиданія между двумя или тремя племенами происходятъ только въ случаяхъ настоятельной необходимости, послѣ приготовленій и церемоній, столь же заботливыхъ и точныхъ, какъ между германскими княжествами. Это право племени на исключительное занятіе территоріи модифицируется однако въ извѣстныхъ случаяхъ въ пользу племенъ вообще. Когда извѣстные предметы пищи, матеріалы для оружія и тому под. добываются только въ спеціальной мѣстности, то по временамъ назначаются общіе пропуски, дающіе право всѣмъ племенамъ придти въ ту мѣстность, безъ нанесенія обиды племени, обитающему въ ней или тѣмъ племенамъ, черезъ страну которыхъ необходимо проходить для достиженія ея. Въ видѣ иллюстраціи авторъ приводитъ сборъ Бунна-Бунна,—сосновыхъ шишекъ въ Куинсландѣ. Сосна Бунна-Бунна производитъ весьма крупныя шишки, ради которыхъ черезъ каждые три, четыре года всѣ племена сбѣгаются сюда съ большаго разстоянія. Сверхъ того, къ той же категоріи предметовъ относится родъ земляники—Нурпъ, который ростетъ въ большомъ количествѣ на пес-

---

[1]) G. Grey. Two Expeditions in Australia, I, 236 и S. Lang. The Aborigenes of Australia. Melbourne, 1865, 5 и слѣд.

чаныхъ холмахъ и по теченію рѣки Гленели. Всѣ сосѣднія племена имѣютъ право приходить сюда и дѣйствительно являются въ большомъ числѣ, когда ягода созрѣетъ. Холмъ внутри округа Сиднея, на которомъ добывается особенный родъ весьма твердаго камня, пригоднаго для изготовленія каменныхъ томагавковъ, служилъ предметомъ подобнаго-же права; такова-же была одна каменоломня песчаника у С. Кильда, близь Мельбёрна, которая была въ особенности пригодна своимъ матеріаломъ для полировки и изготовленія каменныхъ томагавковъ... Кромѣ общаго права собственности на землю, это право принадлежитъ различнымъ членамъ семейства племени; оно всегда ревностно охраняется и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ теченіи тѣхъ временъ года, когда члены племени не находятся въ соединеніи, каждое семейство располагается на своей собственной землѣ.

Такъ называемая означенными писателями поземельная собственность отдѣльныхъ членовъ семейства, по всей вѣроятности, сводится просто на общинную собственность членовъ извѣстнаго родового подраздѣленія племени. Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ собственныя слова авторовъ, относящіяся къ распредѣленію собственности между сыновьями при жизни отца, такъ и болѣе или менѣе извѣстныя родовыя отношенія австралійцевъ. Если отецъ распредѣляетъ землю *при жизни*, то это означаетъ несомнѣнно общинно-семейную собственность, а не личную. Съ другой-же стороны, австралійскій отецъ не то, что англійскій, и семейство его также: у австралійскихъ дѣтей много отцовъ и много матерей; иными словами, тамошнее семейство есть скорѣе цѣлый родъ или отдѣльная часть его. Независимо отъ этого, приводимые Лангомъ факты схожденія многихъ племенъ въ одну и ту же мѣстность для пользованія сообща извѣстными произведеніями почвы, наглядно свидѣтельствуютъ, до какой степени господствуетъ у туземцевъ коллективное землевладѣніе и въ какой степени преобладаетъ оно надъ индивидуальнымъ, если только это послѣднее не составляетъ плода воображенія наблюдателей. Тотъ же фактъ общаго землевладѣнія австралійскаго племени подтверждаютъ и другіе новѣйшіе путешественники. [1])

Туземцы Новой Каледоніи, по словамъ де Рохаса [2]), признаютъ и уважаютъ поземельную собственность, точно также, какъ и европейцы (?). Каждый человѣкъ, благородный или плебей, обладаетъ извѣстнымъ пространствомъ земли. Нѣтъ надобности въ оградѣ для обозначенія границъ; каждый признаетъ борозду, отдѣляющую

---

[1]) См. напр. G. Angas: Savage Life in Australia etc. 1847, 88 и E. H. Giglioli. Viaggio intorno al Globo della Magenta. Milano. 1876, 790.

[2]) De Rochas. Op, cit. 261.

его поле отъ поля его сосѣда и никто не потерпитъ вторженія. Сами начальники уважаютъ собственность своихъ подчиненныхъ. Существованіе и обезпеченность территоріальной собственности должны обратить на себя вниманіе каждаго, кто хочетъ отдать себѣ отчетъ въ соціальномъ состояніи и въ прогрессѣ цивилизаціи у новокаледонцевъ. Эта собственность высшаго порядка, нежели движимая собственность. Идея исключительнаго права на орудіе, на пирогу, на рыболовную сѣть обща народамъ самымъ отсталымъ; но нельзя сказать того же объ идеѣ исключительнаго права на часть земли.

Но если понятіе объ исключительной поземельной собственности является позже, чѣмъ понятіе о движимой собственности, то на какомъ-же основаніи можетъ быть развита у новокаледонцевъ индивидуальная собственность на землю, когда они, по словамъ того же автора, живутъ почти въ полномъ общеніи движимаго имущества? Все дѣло опять таки въ томъ, что, на подобіе Эйра, Грея и Ланга, авторъ принялъ пользованіе общинною землею отдѣльныхъ подраздѣленій родовъ за исключительную собственность отдѣльныхъ лицъ. Говоря вообще, такая рѣдкость, какъ «отдѣльное лицо» существуетъ на океанійскихъ островахъ только въ воображеніи европейцевъ.

Относительно устройства поземельной собственности на островахъ Товарищества высказывались весьма различныя и запутанныя мнѣнія, и только тщательный анализъ можетъ открыть дѣйствительное ихъ значеніе. Такъ напр., по словамъ Мёренгаута, [1]) земли и имущества, которыми обладали благородные, отнюдь не были разсматриваемы, какъ бенефиціи, пожалованныя княземъ и не возвращались къ князю ни въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ, ни въ теченіи малолѣтства имѣющихъ право на нихъ; князь не могъ ихъ конфисковать, безъ всякаго предлога, для присоединенія къ своимъ землямъ. Эта собственность разсматривалась какъ частная и ненарушимая, хотя большая часть ея продукта всегда была отвлекаема и требуема по произволу въ пользу класса Arii, доходъ котораго не былъ постояненъ и состоялъ изъ того, что онъ получалъ отъ своихъ подданныхъ или могъ у нихъ отнять. Такъ какъ поземельная собственность была главнымъ или, лучше сказать, единственнымъ богатствомъ этихъ народовъ, то власть начальниковъ всегда зависѣла отъ качества и количества ея; такимъ образомъ, чѣмъ болѣе они могли прокармливать народа, тѣмъ болѣе они были увѣрены въ пріобрѣтеніи подданныхъ. Отсюда крайнее стремленіе каждой семьи (?) обезпечить нераздѣльность своего имѣнія, что-

---

[1]) Moerenhaut, op. cit. II, 11.

бы увѣковѣчить свою власть, и введеніе извѣстнаго рода майората (?), молчаливаго признанія права старшинства... Начальники могли легко отнять свинью, плоды, срубить дерево на землѣ одного изъ своихъ подданныхъ (такъ какъ было условлено, что одна часть всего этого принадлежала начальникамъ), но они лишь рѣдко осмѣливались отнимать (!) самую землю у ея собственника. Когда начальникъ говорилъ: чья эта свинья, дерево или другая вещь? то собственникъ никогда не отвѣчалъ «моя», а «наша съ тобою», т. е. *общая*.

Если даже изъ приведеннаго описанія трудно вывести себѣ опредѣленное представленіе о поземельной собственности на островахъ Товарищества, то еще болѣе темными являются разъясненія Эллиса. [1] «Всякій участокъ земли (на Таити) имѣетъ своего собственника; и даже отдѣльныя деревья имѣютъ иногда *однихъ* собственниковъ, а земля подъ ними *другихъ*. Подраздѣленіе земли съ точностью обозначено или естественными границами, напр. горнымъ хребтомъ, потокомъ рѣки, или искусственными». И далѣе: «Въ прежнее время (т. е. до введенія христіанства), населенность острововъ была столь значительна, что каждое хлѣбное и кокосовое дерево имѣло своего собственника, а иногда отдѣльныя деревья имѣли, говорятъ, даже по *два* собственника. Но впослѣдствіи встрѣчались обширныя группы или рощи деревьевъ, которыя не имѣли другихъ собственниковъ, кромѣ начальника округа, въ которомъ они росли, (онъ же и землевладѣлецъ, къ которымъ Эллисъ причисляетъ не низшій, а средній классъ народа, такъ называемыхъ b u e-r e a t i r a, отдающихъ будто-бы свои земли въ наемъ фермерамъ за сборъ натурой и обязательство военной службы!). Плоды этихъ деревьевъ въ прежнее время было въ обычаѣ собирать по ихъ созрѣваніи, не спрашивая *ничьего согласія* на это. Землевладѣлецъ могъ удержать для своего собственнаго употребленія извѣстное число деревьевъ, обозначая ихъ такими знаками, которые бы указывали, что они суть r a h u c i a, т. е. подвергнуты запрещенію. Этотъ обычай былъ связанъ съ извѣстными идолопоклонническими церемоніями, которыя прекратились съ уничтоженіемъ системы (европейцами). По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, общество стало болѣе заботиться о своихъ деревьяхъ, и практика собиранія кѣмъ попало плодовъ съ незагороженныхъ деревьевъ сдѣлалась вообще нежелательною. Однако въ большей части поселеній существуетъ *много* людей, которые *не имѣютъ другихъ кромѣ этого источниковъ* для добыванія себѣ пищи. Для того, чтобы дать подобнымъ людямъ возможность получать пищу, и

[1]) Ellis. Polynesian Researches, 1837, III, 116 и слѣд.

въ то же время обезпечить *собственнику* право распоряженія плодами, растущими на принадлежащей ему землѣ, былъ составленъ 25 § правилъ и примѣненъ къ большинству деревьевъ, плоды которыхъ служатъ пищею». Названный параграфъ входитъ въ составъ законоположенія, введеннаго въ дѣйствіе европейцами на Таити съ согласія (?) высшихъ сословій въ 1822 году, и гласитъ слѣдующее: «Не влѣзайте, безъ разрѣшенія, на *чужое* дерево за пищей; человѣкъ, который это дѣлаетъ, есть преступникъ. Слѣдуетъ обращаться объ этомъ къ собственнику за дозволеніемъ. Человѣкъ, который крадетъ пищу въ саду или около дома, беретъ то, что не даетъ ему собственникъ земли. Если собственникъ земли пожелаетъ подвергнуть его судебному преслѣдованію, то это будетъ исполнено, и онъ будетъ наказанъ. За пищу, украденную изъ сада, онъ долженъ исполнить *работу* въ пользу владѣльца загороженнаго мѣста, напр. построить заборъ такой длины, какой соотвѣтствуетъ цѣнности украденной вещи. Но если это была пища, растущая дико или внѣ ограды, то укравшій долженъ *сдѣлать* сорокъ фатомовъ (мѣра длины) дороги или четыре фатома каменной *работы*». Другою статьею того же закона воспрещается охота на дикихъ и бродячихъ свиней, подъ предлогомъ, что они *ничьи*, и всѣ такія свиньи объявляются собственностью землевладѣльцевъ долины. «До введенія христіанства», продолжаетъ Эллисъ (206), «земли часто мѣняли собственниковъ въ теченіе внутреннихъ войнъ, и потомки тѣхъ, которые въ то время владѣли землею или занимали ее, заявили требованіе на нее. Но такъ какъ обладатели земель въ моментъ уничтоженія идолопоклонства удерживали ее за собою или какъ плодъ завоеванія, или какъ даръ отъ короля, то европейцы имѣли основаніе думать, что тогдашніе владѣльцы земли должны быть разсматриваемы, какъ ея законные собственники, и что не должно допускаться никакихъ требованій, относящихся къ предшествующему періоду. Этотъ законъ, въ силу котораго земли острововъ были превращены въ *частную собственность* (freehold property) ихъ владѣльцевъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ по своему вліянію на собственность, какой только когда либо былъ изданъ. Неотчуждаемое право на почву переходило на основаніи его отъ отца къ сыну, и никто не могъ быть лишенъ этого естественнаго права, иначе какъ вслѣдствіе очевиднаго нарушенія законовъ страны».

Вся ошибка только что цитированныхъ нами авторовъ заключалась, повидимому, въ томъ, что они смотрѣли на архаически-родовые экономическіе порядки туземцевъ съ точки зрѣнія феодальныхъ учрежденій Европы. Именно, вслѣдствіе этого, простое старшинство въ родѣ, не соединенное ни съ какими фактическими преимуществами, являлось въ ихъ глазахъ атрибутомъ какой-то помѣщичьей

власти, феодальнаго права надъ вассалами и т. под. Какъ ни запутаны, однако, приводимые ими факты, все же одно вытекаетъ изъ нихъ несомнѣнно, а именно, что до введенія христіанства на островахъ Товарищества господствовало самое широкое общинное землевладѣніе, съ нѣкоторыми ограниченіями по отношенію къ извѣстной части фруктовыхъ деревьевъ. Напротивъ, капиталистическую частную собственность, очевидно, ввели здѣсь европейцы, причемъ, по обыкновенію, не обнаружили ничего иного, кромѣ непониманія мѣстныхъ порядковъ, недобросовѣстности и жадности къ богатству и къ закрѣпощенію въ батрачество туземнаго труда. Какъ иначе объяснить слова Мёренгаута, что начальникъ рѣдко отнималъ землю, и что продукты земли считались у него общими съ воздѣлывателями таковой? Какой иной смыслъ можно придавать, далѣе, утвержденію Эллиса,—что однимъ деревомъ владѣло часто по два собственника, и что *большинство населенія* островов питалось плодами съ деревьевъ, и дикими свиньями, не спрашивая ничьего согласія на то? Плоды хлѣбнаго дерева и дикія свиньи составляютъ, какъ извѣстно, *главную* пищу туземцевъ. Другимъ доказательствомъ широкаго распространенія общиннаго землевладѣнія на означенныхъ островахъ служитъ упоминаемое Эллисомъ предъявленіе многими прежними собственниками претензіи на право владѣнія ею. Совершенно подобный-же случай имѣлъ мѣсто, какъ сейчасъ увидимъ, на Новой Зеландіи, гдѣ общинная собственность существуетъ на глазахъ у каждаго.

На Новой Зеландіи, по словамъ Гохштеттера [1]), поземельная собственность была общая для цѣлаго племени. Но отдѣльныя племена постоянно были вовлекаемы во взаимныя столкновенія, порождаемыя необыкновенно воинственнымъ національнымъ духомъ. Дѣти у нихъ принадлежали болѣе всему племени, нежели отцу... Маори,—главнымъ образомъ, земледѣльческій народъ, но земледѣліе они ведутъ весьма расточительнымъ способомъ. Прежде всего они въ высшей степени осторожны въ выборѣ площади для земледѣлія; не хуже опытнѣйшаго европейскаго сельскаго хозяина умѣютъ они оцѣнивать плодородіе и доходность почвы и избираютъ для своихъ полей одни лишь лучшіе участки. Почва очищается выжиганіемъ и потомъ обработывается отъ руки. Такъ какъ не имѣется никакого плодосмѣна и удобренія, то почва обыкновенно утомляется послѣ двухъ трехъ урожаевъ, и приходится очищать новое мѣсто. Чтобы, такимъ образомъ, постоянно получать выгодную жатву съ хорошей почвы, по примѣру своихъ отцовъ, маори долженъ имѣть свободный выборъ между многими полями и потому

[1]) Hochstetter, op. cit. 212 и 486.

его землевладѣніе служитъ не столько для немедленной потребности, сколько на всякій случай въ будущемъ. При экстенсивномъ земледѣліи, при непрерывной перемѣнѣ обработываемыхъ участковъ, онъ нуждается въ несоотвѣтственно большомъ количествѣ пахатной земли, изъ которой ежегодно пользуется лишь малой долей. Вообще считаютъ по 1 акру на человѣка, но изъ этого количества воздѣлывается ежегодно не болѣе трети. Къ этому присоединяется колеблющееся правовое отношеніе туземцевъ къ почвѣ. На Новой Зеландіи не было и нѣтъ никакой безхозяйной земли, но нѣтъ также ни государственной, ни частной. Страна или земля, обитаемая племенемъ, была его общею, коллективною собственностью, но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ могъ защищать и отстаивать ее отъ сосѣднихъ племенъ. Горная цѣпь, рѣка, рукавъ моря обозначали вообще границы отдѣльныхъ племенныхъ территорій. Внутри этихъ границъ земля считалась общею собственностью всѣхъ сочленовъ племени, подобно водѣ и воздуху. Каждый могъ пользоваться ею, гдѣ хотѣлъ, и только если семейство или жители деревни обработывали или обсаживали извѣстные участки, они получали на таковые извѣстный родъ собственности до тѣхъ поръ пока продолжали обработку. И такъ, земля пріобрѣталась только черезъ оккупацію и собственность на нее сохранялась только черезъ непрерывное примѣненіе владѣнія; при этомъ, владѣніе отдѣльнаго лица обезпечивалось только связью его съ племенемъ. Другого понятія о частной собственности не было.

Если эти отношенія еще до вторженія европейцевъ вели къ безконечнымъ распрямъ и кровавымъ войнамъ, въ которыхъ истреблялись цѣлыя племена, то, съ появленіемъ колонизаціи на Новой Зеландіи, и когда, благодаря опредѣленіямъ договора въ Вайтанги (статья 2), поземельная собственность пріобрѣла денежную цѣнность, снова возгорѣлась сильнѣйшая борьба даже между отдѣльными вѣтвями племенъ. Правительству (англійскому) предъявлялись при покупкахъ земли какъ племенами, такъ и отдѣльными начальниками, самыя преувеличенныя и абсурдныя требованія. Каждый желалъ заявить претензію на право собственности, ссылаясь на то, что онъ на какомъ либо берегу однажды ловилъ рыбу или провелъ ночь, что онъ на участкѣ срѣзалъ тростникъ для крыши, ловилъ крысъ или хоронилъ родственниковъ, что онъ тамъ сражался или выводилъ военный танецъ, что онъ при рубкѣ лѣса поранилъ себѣ руку или ногу. Все это давало предлогъ, по меньшей мѣрѣ, къ требованію вознагражденія. Точно такъ же и племена, которыя, быть можетъ, въ предшествующія столѣтія *мимоходомъ обладали этими землями*, заявляли права на возстановленіе своего прежняго владѣнія. Туземныя права на землю, были

поэтому всегда труднѣйшимъ дѣломъ для англійскаго правительства, такъ какъ послѣднее при каждой покупкѣ должно было рѣшать мудреную задачу узнать среди сотенъ претендентовъ правомѣрнаго владѣльца. До вайтангскаго договора начальники часто *продавали цѣлыя графства* за пару фунтовъ табаку или за нѣсколько орудій. По заключеніи договора, правительство платило туземцамъ среднимъ числомъ по шиллингу за акръ. Но ихъ требованія становились съ году на годъ все выше. Если имъ говорили: «земля вамъ дана отъ Бога не для того, чтобы держать ее впустѣ, но въ Библіи написано: ты долженъ обрабатывать землю, чтобы она тебѣ приносила во сто разъ большіе плоды», то они весьма остроумно отвѣчали: «да, но нигдѣ не написано, что мы должны вамъ продавать землю по одному шиллингу за акръ». Въ концѣ концовъ поземельная лига въ Вайнито, составившаяся изъ вліятельныхъ старѣйшинъ, порѣшила препятствовать всѣми мѣрами дальнѣйшей продажѣ земли туземцами англійскому правительству или сдѣлать ее вовсе невозможною. Чтобы понять стремленіе этой партіи, нужно знать отношеніе ново-зеландца къ почвѣ и составить себѣ идею о цѣнности этого владѣнія для туземцевъ и объ упорствѣ, съ какимъ оно защищается. Уже въ августѣ 1859 года движеніе это распространилось съ сѣвера на югъ острова и довело напряженность отношеній между туземцами и колонистами до бѣгства многихъ изъ послѣднихъ въ города. Однако въ то время о войнѣ еще не было и рѣчи, и все дѣло ограничивалось лишь пассивнымъ сопротивленіемъ. Туземцы желали такихъ соціальныхъ и политическихъ учрежденій и такой организаціи отношеній, которыя предохраняли бы ихъ расу отъ вымиранія. Движеніе не было направлено непосредственно противъ англійской королевы; лишь одно было высказано ясно, и въ чемъ всѣ туземцы были согласны,—это, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, правительству не слѣдуетъ болѣе продавать земли. Это казалось туземцамъ единственнымъ средствомъ оградить себя отъ все возрастающаго вліянія европейцевъ, шедшаго рука объ руку съ упадкомъ ихъ собственной расы. Но правительство нуждалось въ землѣ для ежедневно прибывающихъ поселенцевъ. Чтобы получить землю передъ нимъ были два пути: мирный (?), состоящій въ предоставленіи туземцамъ правъ подданныхъ англійской короны, на которыя они, въ качествѣ таковыхъ, имѣли право разсчитывать. Для этой цѣли надлежало бы положить конецъ поземельному коллективизму отдѣльныхъ племенъ, чрезъ дарованіе отдѣльнымъ туземцамъ, и колонистамъ королевскаго титула на опредѣленно-отграниченные участки земли, и, вмѣстѣ съ упорядоченными (?!) отношеніями собственности, ввести также и упорядоченную европейскую юрисдикцію между туземцами. Это, быть можетъ (?),

удовлетворило бы потребности народа, разсѣяло-бы недовѣріе, и правительству оставалось-бы еще довольно земли для милліоновъ колонистовъ изъ 80 милліоновъ акровъ, если бы оно даже надѣлило землею до 50,000 туземцевъ, — (которымъ эта земля принадлежитъ по вайтангскому договору въ общинномъ смыслѣ), — въ качествѣ неотчуждаемой наслѣдственной собственности отдѣльныхъ семействъ. Но для проведенія въ дѣло этой системы необходимо было сильное правительство, посвящающее себя съ любовью дѣлу туземцевъ. Аукландское правительство пропустило надлежащее время, и потому принуждено было вступить на другой путь,—путь насилія. Тогда-то началась кровавая и продолжительная война, длившаяся около 6—7 лѣтъ, и послѣ тяжкихъ лишеній и затратъ для обѣихъ сторонъ, приведшая къ окончательному подчиненію туземцевъ.

Въ предъидущемъ съ достаточною ясностью и точностью изложены признаки, свидѣтельствующіе о господствѣ на Новой Зеландіи именно общинной поземельной собственности, а также и ближайшая обстановка этого учрежденія, изъ разсмотрѣнія которой не трудно составить себѣ идею объ исторической ступени, занимаемой этимъ видомъ обладанія землею. Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ такимъ положеніемъ вещей, когда вольная заимка первобытной почвы обезпечиваетъ родственной группѣ заимщиковъ одно лишь право пользованія ихъ участками, пока продолжается обработка послѣднихъ. Какъ только обработка прекращается, земля снова поступаетъ въ свободное распоряженіе общины и можетъ ею надѣляться другимъ группамъ родственниковъ. Подобную форму обладанія землею на соотвѣтствующей ступени развитія можно считать вполнѣ универсальною, такъ какъ она встрѣчается у различныхъ народовъ земнаго шара, обладающихъ вольною почвою въ большомъ количествѣ. Но если мы должны отнестись къ автору съ благодарностью, за столь вѣрное изображеніе фактовъ, то съ выводами его относительно необходимости упорядоченія отношеній собственности туземцевъ, посредствомъ превращенія ея изъ общинной въ индивидуальную, мы не можемъ согласиться. Напротивъ, все показываетъ намъ, что подобная реформа сослужила-бы недобрую роль для исконныхъ интересовъ туземцевъ, хотя, разумѣется, способствовала-бы обогащенію на ихъ счетъ европейскихъ колонистовъ, что и сбылось дѣйствительно въ новѣйшія времена.

Гораздо менѣе опредѣленности и точности находимъ мы у Уэста[1]) въ его поверхностномъ изображеніи порядковъ землевладѣнія на

[1]) T. West. Ten Years in South Central Polynesia. Lond. 1865, 262.

островѣ Тонга. «Феодальный принципъ», говоритъ онъ, «состоявшій въ томъ, что вся страна принадлежала исключительно королю, регулировалъ распоряженіе и способъ владѣнія землями и необходимо придавалъ управленію общиной форму крѣпостного права. Король былъ главнымъ должностнымъ лицомъ и послѣднимъ источникомъ аппеляціи. Его власть нерѣдко передавалась правителямъ различныхъ группъ острововъ или крупныхъ округовъ, а отъ нихъ низшимъ должностнымъ лицамъ. Земля держалась подъ видомъ бенефицій (?). Крупные лендлорды (?) обладали землями на наслѣдственномъ правѣ, въ связи съ своими должностями, но тѣмъ не менѣе, держали ихъ по волѣ высшаго правительства. Они въ свою очередь подраздѣляли земли между своими семействами и подвластными. Король нуждался въ военной поддержкѣ отъ крупныхъ начальниковъ, и они охотно оказывали таковую, какъ титулъ, при помощи котораго они получали свое владѣніе землею. Чрезъ ихъ посредство король получалъ общую подать съ народа. Начальники въ свою очередь заявляли права на услуги или собственность подчиненныхъ имъ лицъ. Это право не было регулировано никакимъ специфическимъ закономъ, такъ что вошли въ обычай громадныя злоупотребленія. Низшіе классы прикрѣплялись къ землѣ и угнетались тѣми, кто былъ выше. Такъ, если отдѣльное лицо (?) или семейство обладало цвѣтущими землями, запасомъ свиней или птицы, или какимъ нибудь другимъ богатствомъ, то оно никогда не было въ безопасности отъ лукавыхъ взглядовъ своего начальства; все это отнималось, и тѣмъ оказывалось препятствіе общему улучшенію почвы или пріобрѣтенію собственности массою населенія.... Въ дѣйствительности различіе между дворянствомъ и низшими классами было обозначаемо болѣе вѣжливостью первыхъ, нежели какимъ либо преимуществомъ въ домахъ, одеждѣ или пищѣ; чтобы довести это различіе до крайнихъ предѣловъ, начальники имѣли условный или придворный этикетъ, который примѣняли и употребляли только въ ихъ собственномъ кругу.“

Послѣднія слова автора относительно отсутствія экономическаго различія между высшими и низшими классами на Тонганскихъ островахъ однимъ ударомъ сваливаютъ весь построенный имъ карточный домикъ тонганскаго феодализма, лендлордовъ и ихъ вассаловъ. Судя по системѣ родства, существующей на означенныхъ островахъ, и очень близкой къ системѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ,—тонганскіе лендлорды суть просто на просто родовые старѣйшины, получающіе свое пропитаніе частью собственнымъ трудомъ, частью отъ щедротъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ. Такъ называемое обираніе народа является опять таки ничѣмъ инымъ, какъ общеніемъ движимаго имущества и соединенныхъ съ

нимъ обычаевъ даренія и гостепріимства. Общины полубродячихъ земледѣльцевъ и общинное землевладѣніе — вотъ общая основа тонганской общественной организаціи, подобно новозеландской, фиджіанской и многимъ другимъ.

Нѣчто подобное только что описанной королевской собственности на землю, открылъ и первый посѣтитель Палаузскихъ острововъ Уильсонъ [1]). «Все, что наши люди», говоритъ онъ, «могли понять на этотъ счетъ, есть то, что туземцы не имѣли другой собственности, кромѣ собственности на свой трудъ и прилежаніе, и, что король (котораго не было) былъ, повидимому, общимъ собственникомъ земель. Домъ лица (?), его мебель и лодки были разсматриваемы, какъ его частная собственность; то же самое разумѣлось объ участкѣ земли, который отдавался въ его распоряженіе, пока онъ его занималъ или обрабатывалъ; но всякій разъ, какъ онъ переселялся въ другое мѣсто съ своею семьею, участокъ этотъ возвращался къ королю, который распоряжался имъ по своей волѣ. Всякая семья имѣла для своего содержанія участокъ земли, который и обрабатывала по необходимости; время же, остававшееся за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, семья употребляла на занятіе различными ремеслами, которыя поддерживали ее въ постоянной дѣятельности, доставляя ей нѣкоторыя удовольствія и наслажденія». Если изъ этого описанія выпустить личность короля и признать изображаемую въ немъ семью подраздѣленіемъ женскаго рода, то остальное будетъ довольно близко подходить къ дѣйствительному положенію вещей.

„Земля на Самоанскихъ островахъ, по словамъ Тёрнера [2]), *принадлежитъ* одинаково и *начальникамъ* и *главамъ семействъ*. Границы участка, принадлежащаго каждому семейству, точно опредѣлены, и лицо, признаваемое въ данное время главою семейства, имѣетъ право располагать имъ. Тоже самое примѣняется къ начальникамъ. Имъ принадлежатъ опредѣленные участки земли. Необработанныя пространства подчиняются праву тѣхъ, кто занимаетъ землю по краямъ ихъ. Лагуны и рифы разсматриваются, какъ собственность ближайшихъ къ нимъ деревень. Хотя право продажи (?) земли и исполненіе другихъ важныхъ обязанностей, имѣющихъ отношеніе къ членамъ семейства, и совмѣщаются въ лицѣ главы семейства, но послѣдній ничего не можетъ предпринять безъ формальнаго совѣщанія съ остальными. Если бы онъ пожелалъ придерживаться противоположнаго образа дѣйствій, то у него отнялибы достоинство главы и передали бы другому. И такъ, члены се-

[1]) H. Wilson. Relation des Iles Pelew. 1788, 303.
[2]) Turner. Polynesia, 284.

мейства могутъ лишить достоинства своего главу, а главы семействъ своего начальника, и отдать таковое брату, дядѣ или другому члену семейства, который, по ихъ убѣжденію, будетъ дѣйствовать въ большемъ согласіи съ ихъ желаніями. Эти сельскія *общины*, съ числомъ жителей отъ 200 до 500, считаютъ себя совершенно отдѣльными и независимыми отъ другихъ, свободными дѣйствовать самостоятельно на *своей собственной* землѣ и въ своихъ дѣлахъ. Сверхъ того, эти деревни соединяются съ общаго согласія въ одно цѣлое въ числѣ 8 или 10 и образуютъ округъ для взаимной защиты. Нѣсколько деревень извѣстны какъ главныя въ округѣ, и, согласно древнему обычаю, самый высшій начальникъ живетъ въ одной изъ этихъ деревень въ качествѣ главы ея."—Что земля на Самоанскихъ островахъ принадлежитъ не начальникамъ и главамъ семейства, а самимъ общинамъ, избирающимъ тѣхъ и другихъ, это намъ кажется единственнымъ вѣрнымъ выводомъ изъ нѣсколько спутанной и темноватой аргументаціи Тёрнера.

У Атовъ на Ванкуверовыхъ островахъ [1]) не имѣется ясной идеи индивидуальной собственности на землю. Земля принадлежитъ всему племени. При сношеніяхъ съ другими племенами наслѣдственный начальникъ представляетъ собственника—народъ. Однако автору извѣстно нѣсколько случаевъ, когда отдѣльными лицами были выставляемы требованія на участки земли. Въ одномъ случаѣ младшій начальникъ, занимавшій съ *семействомъ* и *друзьями* маленькій островъ, заявлялъ право на признаніе его индивидуальнымъ владѣльцемъ острова. Автору извѣстенъ также случай, когда начальникъ одного племени охранялъ доступъ къ озеру и не допускалъ никого къ проходу безъ своего дозволенія; но, быть можетъ, это дѣлалось не въ личной его выгодѣ, а только онъ имѣлъ власть въ интересѣ цѣлаго племени препятствовать лососямъ подниматься по рѣкѣ. Лицо, занимающее съ своимъ семействомъ отдѣльный домъ, и остающееся на одномъ мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, могло бы укрѣпить идею о своемъ правѣ на землю настолько, что не допустило бы другихъ лицъ срубить цѣнное *дерево* около его жилища или занять соприкасающуюся съ нимъ землю. Извѣстный охотникъ небольшаго племени, гдѣ немного лицъ, которыя стали-бы сомнѣваться въ его правѣ, быть можетъ, началъ бы смотрѣть на страну по берегу рѣки, какъ на свою охотничью территорію; или земля стала бы разсматриваться, какъ собственность главы большого семейства, который не пожелалъ-бы допустить къ охотѣ на ней никого кромѣ своихъ пріятелей. Но все это исключенія изъ того общаго правила, что все простран-

---

[1]) M. Sproat. op. cit. 79.

ство племенной земли есть *общая* собственность всѣхъ свободныхъ людей племени. Это правило сохраняется тѣмъ легче, что въ дѣйствительности земля почти не утилизируется отдѣльными лицами, за исключеніемъ, быть можетъ собиранія ягодъ женщинами, если она не представляетъ хорошаго мѣста для бобровъ, ласокъ или оленей. Земледѣліе здѣсь не практикуется, быть можетъ, частная собственность не возникаетъ вообще тамъ, гдѣ не началось еще земледѣліе. Но хотя частная собственность на землю не признается вполнѣ этимъ народомъ, тѣмъ не менѣе всякое племя поддерживаетъ исключительное право своихъ членовъ на территорію племени, со включеніемъ всѣхъ земель, занимаемыхъ или употребляемыхъ періодически или случайно, каковы мѣста для зимнихъ и лѣтнихъ становъ, рыболовные и охотничьи участки и мѣста для похоронъ, и стало бы сильно сопротивляться вторженію посторонняго въ эти мѣста. Сказанное объ этомъ народѣ Кукомъ, «что нигдѣ въ его различныхъ путешествіяхъ, онъ не встрѣчалъ ни одного дикаго племени или націи, которые имѣли бы столь строгое право на всякую вещь, производимую ихъ страною», совершенно справедливо относительно этихъ племенъ, но только какъ племенъ. Въ многочисленныхъ бухтахъ и рѣкахъ границы рыболовныхъ угодій и собственность на острова опредѣлены точно. Но на морскомъ берегу, на извѣстномъ разстояніи отъ деревни, точныя границы земли, принадлежащей различнымъ племенамъ, часто остаются открытыми, пока не установятъ ихъ, вслѣдствіе спора, возникающаго о приставшемъ къ берегу китѣ или другомъ животномъ.

У Нуткасовъ [1]) границы племенной собственности опредѣлены совершенно точно, но отдѣльныя лица рѣдко заявляютъ права собственности на землю. У Такули границы территорій, принадлежащихъ различнымъ деревнямъ, обозначаются горами, рѣками и другими естественными предметами, и права поселеній, какъ и отдѣльныхъ лицъ уважаются повсюду. Населеніе каждой деревни имѣетъ извѣстное пространство земли, которую оно разсматриваетъ какъ свою, и гдѣ оно можетъ охотиться и ловить рыбу; но оно не можетъ переходить этихъ границъ, не купивши привилегіи у тѣхъ, кто имѣетъ право на землю. У Чинуковъ права личной собственности на такіе предметы, какъ рабы, каное и орудія, были защищаемы; но они не имѣли никакой идеи о личной собственности на землю, права на которую оставались за племенемъ въ видахъ охоты и рыбной ловли.

Земледѣліе у краснокожихъ [2]) находится въ дѣтствѣ; они не от-

---

[1]) Bancroft, op. cit. I, 123, 183, 298, 238.
[2]) Domenech, op. cit. 245 и 337.

носятся къ этому занятію съ уваженіемъ, хотя обитаютъ въ странѣ большаго плодородія. Сельскій трудъ не совмѣстимъ съ ихъ дикою, безпокойною и независимою натурою. На сѣверѣ, западѣ и югѣ землю обрабатываютъ вообще женщины или рабы. Сами индійцы сочли-бы для себя постыднымъ подобное занятіе. Племена, которыя не раздѣляютъ этого варварскаго предразсудка, всѣ или полуцивилизованныя или близкіе сосѣди американскихъ поселеній.... Аналогія между организаціею индійскаго правительства и правительства древнихъ скифовъ поразительна: въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, лишь съ легкими отклоненіями, мы находимъ *общеніе* земли, раздѣленіе на племена, выборныхъ начальниковъ, общественныя собранія и поклоненіе солнцу.

Отношенія собственности у краснокожихъ [1]) развиты неполно, хотя установлены болѣе или менѣе твердо. Границы земли, принадлежавшей каждому племени, перейти черезъ которыя чужеземцу нельзя было безъ дозволенія, были почти всюду опредѣлены точно и ясно. Земля считалась или собственностью начальника (?) или собственностью народа и была именно въ позднѣйшее время многими народами объявлена неотчуждаемою, въ пользу чего одинъ Озагъ приводилъ тотъ мотивъ, что земля принадлежитъ не только имъ, но и ихъ потомкамъ. Гдѣ земля была общею собственностью, тамъ отдѣльное лицо, обработывавшее участокъ, имѣло право пользованія имъ, пока продолжало обрабатывать его.

У индійцевъ Майнасъ [2]) только въ окрестностяхъ Мойомбамба сильная тѣснота населенія вызвала право собственности на землю. У индійцевъ на Ориноко мѣста для рыбной ловли и охоты и другія въ томъ-же родѣ составляютъ общую собственность племени, между тѣмъ какъ поле считается частною собственностью, пока продолжаетъ воздѣлываться.

Какъ ни низка степень образованія бразильскихъ индійцевъ [3]), но все же эти народы уже пришли къ понятію собственности, какъ цѣлой общины, такъ и отдѣльнаго лица. Изъ ложнаго представленія, что южно-американцы не вели никакого земледѣлія или не ведутъ и теперь, произошло не менѣе распространенное заблужденіе, что они не обладаютъ никакою недвижимою собственностью. Напротивъ, за исключеніемъ бродячихъ Мурасъ, здѣсь не существуетъ ни одного народа, который сколько нибудь не занимался бы земледѣліемъ. Номадовъ азіатскихъ степей, существованіе которыхъ основывается на стадахъ скота, въ Южной Америкѣ нѣтъ

---

1) Waitz, III, 128 и слѣд.
2) Id. I, 437.
3) D-r Marzius, op. cit. 33 и слѣд.

и слѣда. Насколько семьи одного рода или одного племени живутъ, распространившись по извѣстному участку земли, область эта разсматривается каждымъ отдѣльнымъ лицомъ какъ собственность всей общины. Это понятіе въ душѣ индійца ясно и живо. Но собственность племени онъ представляетъ себѣ какъ нераздѣльное, никакому отдѣльному лицу не принадлежащее общее имущество. Онъ не допуститъ отдѣльное лицо изъ сосѣдняго племени поселиться на этой почвѣ, хотя цѣнность ея для самого себя представляетъ столь ничтожною, что покидаетъ часто безъ причины свое жилище, чтобы произвольно и по капризу занять другое мѣсто, въ которомъ ему также не окажетъ помѣхи ни одинъ членъ племени. Это ясное понятіе объ опредѣленной собственности цѣлаго племени, основывается преимущественно на необходимости въ томъ, чтобы послѣднее обладало особою лѣсною областью, какъ исключительною охотничьею территоріею: тогда какъ требуется всего нѣсколько акровъ земли, чтобы добыть полевые плоды для многочисленной общины, достаточное количество дичи бываетъ разбросано лишь по гораздо большей земельной площади. Иногда подобные охотничьи союзы выходятъ даже за предѣлы земли, обитаемой племенемъ. Границы ихъ—рѣки, горы, скалы, водопады и большія деревья. Эти границы покоются частью на традиціи, частью, на ясно выраженныхъ договорахъ, заключаемыхъ съ участіемъ волшебниковъ и съ большою торжественностью. Иногда на границѣ вѣшаются на деревьяхъ корзинки, тряпки и другіе знаки. Переходъ черезъ границу охотничьей территоріи есть одинъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ войнамъ. Добровольныя уступки земли происходятъ молчаливо, причемъ одно племя уходитъ, а другое занимаетъ его мѣсто.

Въ предъидущемъ было указано, что дикарь смотритъ на обработываемый имъ участокъ земли до извѣстной степени какъ на собственность своего племени. Но въ болѣе узкомъ смыслѣ это есть та же недвижимая собственность, какъ и хижина, хотя обѣ эти недвижимости проявляются скорѣе какъ собственность цѣлаго семейства, или многихъ семействъ, живущихъ вмѣстѣ въ одной хижинѣ, чѣмъ принадлежатъ исключительно одному лицу. Здѣсь встрѣчается, слѣдовательно, замѣчательное сходство съ юридическими обычаями древнихъ грековъ и германцевъ. Подобныя недвижимости также и индійцами пріобрѣтаются только *сообща*, а потому тѣмъ естественнѣе разсматриваются, какъ общинная собственность. Одно или многія семейства обработываютъ совмѣстнымъ трудомъ участокъ первобытнаго лѣса и засаживаютъ его мандіокой, маисомъ, пизангомъ, хлопкомъ и пр. Безъ помощи желѣзныхъ топоровъ подобные участки воздѣлываются лишь съ большимъ трудомъ. Земледѣліе выполняется женскою половиною одного или многихъ соединенно живущихъ

семействъ. Пока остаются на одномъ мѣстѣ, продолжаютъ обрабатывать тотъ-же самый незначительный участокъ годъ за годомъ, такъ какъ было-бы слишкомъ затруднительно постоянно поднимать вновь все новыя части лѣса и покидать обработанныя. Благодаря этой многолѣтней работѣ, участокъ и плоды становятся собственностью семейства (или подраздѣленія рода). Сосѣди фактически признаютъ правомѣрность владѣнія тѣмъ и другимъ, такъ какъ не заявляютъ требованія на участокъ и не пользуются имъ по снятіи плодовъ. Насколько земля существуетъ въ изобиліи и совсѣмъ лишена цѣнности, можно сказать, что индійцу частная собственность чужда, и что онъ пріобрѣтаетъ себѣ, при помощи личнаго воздѣлыванія лѣса, только подчиненное право собственности и пользованія отъ своихъ товарищей по племени и совладѣльцевъ общей поземельной области. Вмѣстѣ съ этимъ мы имѣемъ передъ собою первые зачатки верховной и „полезной“ собственности (dominium divisum: directum et utile). Пріобрѣтеніе «полезной» собственности происходитъ непосредственно при помощи первоначальнаго завладѣнія или послѣ того, какъ она была покинута другимъ лицомъ. Впрочемъ, понятія индійца объ этомъ предметѣ весьма мало развиты. Онъ пользуется полученной землей, не видя въ ней ни лена, ни наслѣдственной аренды, которая была-бы формально предоставлена ему всею общиною. Всѣ подобныя черты, которыя хотя въ отдаленной степени могли-бы напомнить о принципѣ *феодальной системы*, не только здѣсь, но и во всей туземной Америкѣ *совершенно неизвѣстны*. Если даже вся система управленія Инковъ въ Перу посредствомъ утверждавшихся ими и находившихся подъ ихъ надзоромъ членовъ ихъ семейства, куракасовъ, можетъ на первый взглядъ представлять сходство съ *феодальными отношеніями*, то, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что она *весьма отлична* отъ послѣднихъ. Впрочемъ, при постепенномъ расширеніи власти Инковъ надъ многочисленными племенами, равными по грубости первобытнымъ бразильскимъ, она была единственною формою правленія... По смерти главы семейства поземельная собственность остается у семейства. Этотъ косвенный способъ (?) пріобрѣтенія совершается однако, какъ безъ завѣщательнаго распоряженія, такъ и безъ опредѣленнаго наслѣдственнаго договора, а просто въ силу *существующаго обычая*.... Кромѣ подобныхъ обработанныхъ участковъ, предметомъ недвижимой собственности у большей части народцевъ бываютъ еще хижины или дома, насколько послѣдніе строются въ большихъ размѣрахъ и имѣютъ достаточную прочность.

До сихъ поръ мы говорили о поземельныхъ порядкахъ у народовъ рыболовныхъ и охотничьихъ и перешедшихъ къ бродячему земледѣлію непосредственно отъ охоты и рыболовства, каковы,

большею частью, американскіе народы и нѣкоторые океанійскіе, незнавшіе пастушеской жизни. Скажемъ теперь въ краткихъ чертахъ о поземельной собственности у кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ. Этого предмета мы уже принуждены были коснуться въ главѣ о движимой собственности. Поэтому не станемъ повторять сказаннаго выше, а приведемъ въ дополненіе къ нему нѣсколько новыхъ примѣровъ.

У бассутовъ, бапеле и матебеле [1]) земледѣліе въ большой чести и получило значительное распространеніе. Здѣсь оба пола предаются ему съ одинаковою охотою. Другія племена еще оставляютъ на своихъ женахъ заботу очищать и засѣвать поля, но это положеніе дѣлъ стремится къ улучшенію. Продажа или другіе виды отчужденія земли неизвѣстны этимъ народамъ. Страна принадлежитъ *всей общинѣ* и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Верховные начальники указываютъ своимъ вассаламъ (?) пространства земли, которыя они должны занять, а эти послѣдніе надѣляютъ каждаго отца семейства участкомъ земли пригодной для обработки, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечивается для земледѣльца до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнитъ мѣстности; если онъ перейдетъ въ другое мѣсто, онъ обязанъ сдать свое поле начальнику, чтобы тотъ могъ распорядиться имъ въ пользу другаго, нуждающагося въ землѣ. Границы полей обозначены съ достаточною точностью. Спорные случаи рѣшаются третейскимъ судомъ, а въ окончательной инстанціи начальникомъ.

Въ концѣ концовъ весьма трудно опредѣлить границы страны, въ которой обитаетъ каждый изъ бродячихъ народовъ Южной Африки [2]), не только потому, что они постоянно переносятся съ одного мѣста на другое, но и потому, что деревни двухъ, а иногда и трехъ племенъ часто такъ близки между собою, что нельзя отвѣтить на вопросъ, которому изъ нихъ принадлежитъ территорія. Сверхъ того, народы эти не имѣютъ такого понятія о территоріи, какое приписываютъ этому слову европейцы. Земля, по ихъ мнѣнію, не должна никогда быть разсматриваема, какъ исключительная собственность; она никогда не имѣетъ въ ихъ глазахъ такой цѣнности, чтобы спорить за обладаніе ею. Въ землѣ только и цѣнятся вода и трава, находящіяся на ней, и какъ скоро не остается болѣе ни воды, ни травы, почва бросается, какъ безполезная. Если готтентоты найдутъ незанятый источникъ, они считаютъ себя въ правѣ поставить при немъ свои шатры; а когда они

[1]) E. Casalis, op. cit. 167.
[2]) Burchell. Voyage dans l'intérieur de l'Afrique méridionale. (A. Montémont, Voyages, 1855), 20.

уходятъ, другіе могутъ, при желаніи, придти туда и построить тамъ свои хижины. Это послѣднее наблюденіе, хотя вѣрное по отношенію къ различнымъ племенамъ, примѣняется, тѣмъ не менѣе, болѣе строго къ краалямъ или семействамъ каждаго отдѣльнаго племени. Съ одной стороны поселенія племени кора смѣшаны съ поселеніями бачапиновъ, съ другой, съ поселеніями банончаръ; въ центрѣ они смѣшаны съ поселеніями помѣси готтентотовъ и касаются краалей бушменовъ.

Что касается до права собственности на почву, говоритъ М. Паркъ [1]), то, повидимому, земли, еще покрытыя первобытными лѣсами, разсматривались, какъ принадлежащія королю, а гдѣ правительство не монархическое, государству. Когда частное лицо свободнаго состоянія имѣло надобность обработать бо́льшее количество земли, чѣмъ состоявшее въ его распоряженіи, оно обращалось къ начальнику округа съ просьбою о дозволеніи занять извѣстный участокъ земли, подъ условіемъ обработки ея въ опредѣленный срокъ. При исполненіи этого условія земля принадлежала владѣльцу и, насколько авторъ могъ судить, переходила къ его наслѣдникамъ.

На основаніи права каффровъ [2]), вся земля находится во власти начальника и никто не имѣетъ права отчуждать или продавать землю, а также никому не принадлежитъ *исключительное право* на землю луговую. Если кто покидаетъ крааль, близь котораго онъ воздѣлывалъ землю, то онъ, по обычаю, можетъ, даже по прошествіи цѣлаго ряда лѣтъ, получить эту землю обратно отъ того, кто владѣетъ крааломъ и пахатною землею, прежде бывшею въ его употребленіи, но не имѣетъ права на возвращеніе такихъ земель, которыя были подняты и введены въ обработку послѣднимъ владѣльцемъ. Начальникъ можетъ прогнать отдѣльное лицо изъ его крааля и овладѣть его жатвою и житницею, или можетъ удалить его изъ своего племени въ другое, хотя подобные случаи и рѣдки. Земля не продается и не отчуждается на всегда, но всякій можетъ занять пустой участокъ, и пока онъ занимаетъ и воздѣлываетъ его, никто, кромѣ начальника, не можетъ вмѣшаться въ его право... Единственная поземельная собственность, признаваемая обычаями каффровъ, есть та, которая была обработана, вмѣстѣ съ хозяйствомъ или помѣщеніемъ крааля. Она можетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и можетъ быть конфискована только въ случаѣ какого нибудь политическаго преступленія.

---

[1]) M. Park. op. cit. II, 5.

[2]) C. L. Maclean. A Compendium of Kafir Laws and Customs. Mount Coke. 1858. 149.

У нѣкоторыхъ племенъ Абиссиніи [1]) вещное право весьма просто; такъ какъ Бени-Амеръ не болѣе, какъ пастухи, то у нихъ есть только движимая собственность. Земля, трава, дороги и вода — *общая* собственность всей націи. Исключеніе составляютъ колодцы, первое пользованіе которыми принадлежитъ вырывшему ихъ. Палатка, всегда составляющая собственность жены, которая приноситъ ее изъ дому при выходѣ замужъ, переходитъ по смерти жены къ дочерямъ ея.

Общимъ правиломъ можно признать, что въ Африкѣ земля населена рѣдко и большія пространства ея лежатъ безъ употребленія; поэтому каждая родовая группа можетъ взять себѣ участокъ земли, гдѣ захочетъ, и подвергнуть его обработкѣ. Порядокъ этотъ одинаково наблюдается кромѣ перечисленныхъ племенъ, у многихъ другихъ, напр. у Фуллаховъ, негровъ Конго, Мандинговъ [2]); у послѣднихъ нужно только указать начальнику тотъ участокъ, который думаешь занять. Земля вручается подъ условіемъ, что она снова возвратится въ *общинное* владѣніе, если не будетъ обработана въ опредѣленный срокъ. Сверхъ того, частное обладаніе еще и потому не представляетъ большой необходимости, что во многихъ мѣстностяхъ каждая деревня обрабатываетъ свой участокъ *сообща* (на Золотомъ Берегу и въ Конго). Поле остается необработаннымъ въ продолженіи 5—7 лѣтъ.

Признавая, что власть начальника не есть собственность на землю, а только право распоряжаться ею въ интересахъ всей общины, мы должны придти къ общему выводу, что у пастушескихъ и полуосѣдлыхъ народовъ Африки земля, большею частью, составляетъ общее достояніе племени, причемъ отдѣльные ея участки отходятъ въ частное пользованіе отдѣльныхъ родовыхъ группъ, исключительно въ той мѣрѣ и на такой срокъ, насколько прилагается къ нимъ обособленный трудъ послѣднихъ. Выводъ этотъ, какъ видитъ читатель, есть тотъ же самый, который вытекалъ изъ разсмотрѣнія поземельныхъ порядковъ охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ.

У кочевыхъ народовъ Азіи и сѣверной Европы, земля также, большею частью, составляетъ *общую собственность* племенъ. У лапландцевъ, самоѣдовъ, тунгусовъ и пр. недвижимыя имущества — земли, море, горы, рыбныя воды, не дѣлятся между отдѣльными лицами, а остаются *общею собственностью* родовъ и ихъ подраздѣленій. Кочующіе коряки [3]), разсѣянные по огромному пространству тундры, представляютъ, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ пользо-

[1]) Münzinger, op. cit. 318.
[2]) Klemm. op. cit. III, 337.
[3]) Соколовскій, op. cit. passim.

ванію этою тундрою, *прочный союзъ*. У одного единокровнаго улуса бурятъ пашни, покосы, утуги, скотъ, *все общее*... Каждый наслегъ якутовъ (2, 3 и болѣе родовъ) имѣетъ общія земли: степи, поля, острова на рѣкахъ, удобные для сѣнокоса и пастьбы скота, составляющаго единственное имущество якутовъ, рѣки и озера, важныя для рыболовства, лѣса, богатые звѣремъ.—Въ прежнее время вольный киргизъ [1]) никѣмъ и ничѣмъ не могъ быть стѣсненъ въ своемъ желаніи зимовать одинъ годъ на границѣ Китая, другой прогостить со всѣмъ своимъ скотомъ и имуществомъ у родственниковъ, живущихъ въ предѣлахъ Оренбургской степи.... Все это располагало киргизовъ думать (?), что вся степь есть общее достояніе народа и лишь въ самое послѣднее время, благодаря административному дѣленію степей на области и округа и стѣсненію со стороны русскаго правительства безцѣльныхъ (?) переселеній, многіе изъ киргизовъ пріобрѣли нѣкоторую осѣдлость и даже стали называть занимаемые ими участки своею неотъемлемою собственностью.—Всѣ земли лопарей [2]), также, какъ рѣки, рѣчки, ручьи, озера и лѣсныя угодья раздѣлены по родамъ и передаются въ наслѣдственную собственность. Семужьи тони также составляютъ общую собственность лопарей цѣлаго погоста. Озерныя тони составляютъ собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ отдавать въ аренду безъ согласія общества или даже продавать.

Обращаясь къ вопросу о поземельной собственности у народовъ, окончательно перешедшихъ къ земледѣлію, мы остановимъ вниманіе читателя на тѣхъ громадныхъ общежитіяхъ, существованіе которыхъ основывалось на гигантскихъ системахъ орошенія и которыя на этомъ основаніи представляютъ много сходнаго въ своихъ организаціяхъ.

Фискальныя правила Инковъ [3]) и законы, относящіеся къ собственности, представляютъ наиболѣе замѣчательныя черты перуанскаго общественнаго устройства. Вся территорія имперіи была раздѣлена на три части: одна принадлежала солнцу, другая Инкѣ, третья народу. Какая изъ трехъ частей была наибольшая, неизвѣстно; пропорціи существенно измѣнялись, смотря по провинціи. Распредѣленіе земли производилось по одному и тому-же общему принципу при всякомъ новомъ завоеваніи, присоединяемомъ къ монар-

[1]) Красовскій, op. cit. passim.
[2]) Ефименко, op. cit. passim.
[3]) W. H. Prescott. History of the Conquest of Peru. Philadelphia. 1874, 50.

хіи; но пропорціи измѣнялись, сообразно возрасту населенія и большему или меньшему количеству земли, требовавшейся для прокормленія жителей. Земли, предназначенныя для солнца, доставляли доходъ на поддержку храмовъ, дорогихъ церемоніаловъ перуанскаго богослуженія и многочисленнаго священства. Земли, оставленныя для Инки, служили на поддержку государственнаго строя, а также многочисленныхъ членовъ хозяйства и рода Инки и покрывали различныя требованія правительства. Остальныя земли были раздѣляемы *поголовно* и *равными долями* между народомъ. Было предписано закономъ, чтобы каждый женился въ опредѣленномъ возрастѣ. Когда совершалось это событіе, община или округъ снабжали своего члена жилищемъ, которое, будучи сооружено изъ плохихъ матеріаловъ, стоило не дорого; послѣ этого ему назначали участокъ земли, достаточный для содержанія его и жены. Каждому вновь родившемуся дитяти отводили прибавочный участокъ, при чемъ количество земли, даваемое сыну, было вдвое больше, чѣмъ даваемое дочери. Раздѣлъ земли возобновлялся *ежегодно*, и размѣръ обладанія владѣльцевъ былъ увеличиваемъ или уменьшаемъ соотвѣтственно числу членовъ семейства. Тоже самое приспособленіе было наблюдаемо по отношенію къ куракасамъ, за исключеніемъ того, что имъ былъ отводимъ доменъ, находившійся въ соотвѣтствіи съ высшимъ достоинствомъ ихъ положенія. Болѣе глубоко продуманнаго и дѣйствительнаго по своимъ послѣдствіямъ аграрнаго закона невозможно и предположить. Въ другихъ странахъ, говоритъ Брассёръ, гдѣ былъ введенъ такой законъ, дѣйствіе его по прошествіи извѣстнаго времени уступило мѣсто естественному ходу событій: при высшихъ умственныхъ способностяхъ однихъ и расточительности другихъ, явилось неравенство имуществъ. Даже желѣзный законъ Ликурга пересталъ дѣйствовать по прошествіи извѣстнаго времени, и растаялъ передъ духомъ роскоши и жадности. Наиболѣе близкое сходство съ поземельнымъ устройствомъ Перу, имѣло, быть можетъ, устройство Іудеи, гдѣ, при великомъ національномъ юбилеѣ, однажды въ каждое полустолѣтіе, имѣнія возвращались къ своимъ первоначальнымъ владѣльцамъ. По всей вѣроятности, дѣло здѣсь состояло въ томъ, что земли, состоявшія въ частномъ пользованіи, въ юбилейный годъ возвращались въ общину и подвергались новому передѣлу. Важная особенность Перу состояла въ томъ, что здѣсь не только пользованіе землею кончалось по прошествіи года, но и въ теченіи этого періода владѣлецъ не имѣлъ никакой власти отчуждать свое пользованіе или увеличивать его; по окончаніи краткаго срока онъ оставался совершенно въ томъ-же положеніи, въ какомъ былъ и вначалѣ. При всемъ томъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ любви къ порядку и отвращенія къ новизнѣ, которыя

характеризовали перуанскія учрежденія, всякій новый раздѣлъ земли обыкновенно подтверждалъ границы прежняго владѣнія отдѣльнаго лица, и послѣднее изъ годичнаго могло превратиться въ пожизненнаго собственника.

Переходя къ описанію системы древняго землевладѣнія въ центральной Америкѣ и Мексикѣ, мы должны предупредить читателя, что авторъ, у котораго мы заимствуемъ относящіяся къ этому предмету свѣдѣнія, явнымъ образомъ преувеличиваетъ значеніе феодализма въ общественномъ устройствѣ этихъ странъ. Отъ подобнаго отношенія къ дѣлу одинаково предостерегаютъ, какъ мы видѣли, такіе опытные и осторожные писатели, какъ Марціусъ и Морганъ, хотя должно сознаться, что зачатковъ феодальнаго процесса въ означенныхъ аграрныхъ системахъ совершенно отрицать невозможно. Но такъ или иначе, преобладающимъ содержаніемъ этихъ послѣднихъ является не феодализмъ, а общинно-родовой бытъ, какъ это, по нашему мнѣнію, наилучшимъ образомъ доказываютъ уцѣлѣвшіе до настоящаго времени общинно-родовые порядки землевладѣнія и земледѣлія у современныхъ индійскихъ племенъ Мексики и Юкатана.

Согласно древнему Юкатанскому законодательству [1]), всякій до извѣстной степени имѣлъ право на обладаніе землею. Земли были раздѣлены на большое число леновъ, розданныхъ принцамъ, находившимся въ родственной связи съ королевскою фамиліею; но будучи наслѣдственными сеньорами, они еще не становились черезъ это собственниками земли или господами населенія. Въ первыя времена монархіи, въ эпоху, когда еще не существовало рабства, сеньоры перваго или втораго класса не могли требовать отъ своихъ вассаловъ ничего иного, кромѣ извѣстной доли налога или повинностей, состоящихъ въ обработкѣ поочереди одной части земель, оставленныхъ при каждой деревнѣ въ личную собственность батаба или сеньора перваго класса. Вассалы, все равно къ какому-бы классу они ни принадлежали, были *собственниками земли*. Сеньоръ никогда не имѣлъ права лишить ихъ полей или отдать эти поля другимъ, и вассаламъ было не менѣе запрещено отчуждать свои земли, какъ и сеньорамъ свои привиллегіи и достоинства. Земли могли отдаваться на время въ наемъ или въ залогъ, но какъ у израильтянъ, они должны были по истеченіи срока договора возвращаться обратно въ семью. Охота, рыбная ловля въ рѣкахъ, въ озерахъ или въ морѣ, соляныя копи были свободны для всѣхъ и каждаго; но охотникъ, рыболовъ и извлекатель соли уплачивали

[1]) Brasseur de Bourbourg. Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique Centrale. Paris. 1858, I, 56, 603, 632—3.

налогъ, пропорціональный добычѣ ихъ труда, который поступалъ въ королевскую кассу. Никогда налогъ не распредѣлялся поголовно, но по городамъ, деревнямъ, селеніямъ. Коголлудо и Ланда, говоря о землевладѣніи, упоминаютъ объ общей собственности. Въ Никарагвѣ земля также не знала отчужденія, и если членъ племени желалъ измѣнить свое мѣстопребываніе, онъ долженъ былъ оставить всю свою собственность родственникамъ и ничего не могъ унести съ собою. По смерти отца собственность его раздѣлялась между сыновьями поровну, за исключеніемъ того сына, который помогалъ отцу зарабатывать ее и потому получалъ болѣе прочихъ. Дочери не наслѣдовали ничего и получали только то, что могло быть имъ дано по доброй волѣ братьями.—Земли Юкатана до настоящаго времени продолжаютъ составлять собственность общинъ, и тотъ, кто первый завладѣлъ участкомъ, пріобрѣтаетъ его въ пользованіе [1]).

Послѣ завоеванія какой нибудь провинціи, короли Анагуэ [2]), обыкновенно оставляли на мѣстахъ туземныхъ начальниковъ, высшихъ и низшихъ. Народъ сохранялъ за собою свою собственность; обычаи, обряды и существующее правительство были уважаемы, и сеньоры удерживали за собою уголовную и гражданскую юрисдикцію на всемъ пространствѣ своей территоріи. Князья-завоеватели отдѣляли пропорціональную часть территоріи и обращали ее въ государственное имущество. Побѣжденные обработывали ее *сообща*, дѣлая на ней посѣвы, смотря по качеству почвы. Этотъ родъ почетнаго налога выплачивался интендантамъ суверена, котораго они дѣлались вассалами. Сверхъ того, они были подчинены военной службѣ, которая является повинностью, возложенною на всѣ завоеванныя провинціи. Внутри имперіи земля была раздѣлена между короной, дворянствомъ и народомъ. Существовалъ точный кадастръ, указывающій пространство земель и имена ихъ владѣльцевъ. Коронныя земли, всегда сохраняемыя во власти суверена, были уступаемы обыкновенно дворянамъ высшаго ранга, т. е. людямъ дворца. Послѣдніе владѣли ими, не подвергаясь никакому обложенію, кромѣ почетныхъ даровъ,—букетовъ и птицъ, въ случаѣ посѣщенія суверена. Обязанности ихъ состояли въ наблюденіи за постройкой и ремонтомъ резиденцій суверена, насажденіемъ и уходомъ за садами, снабженіемъ дворца необходимыми рабочими и слугами. Они же составляли придворный штатъ суверена и его обычную свиту. Дворянство, какъ нѣкогда въ Европѣ, держало земли подъ видомъ бенефицій, маіоратовъ и аллодіальныхъ земель; въ такомъ видѣ застали его

---

1) Diego di Landa. Relation des choses de Jucatan. Paris, 1864, 129 и слѣд.
2) Brasseur, op. cit. I, 603.

испанцы. Одни выводили свои права изъ древней оккупаціи или наслѣдственнаго владѣнія, другіе изъ пожалованій суверена. Эти имѣнія могли продаваться (?) и отчуждаться, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не выходили изъ дворянскаго сословія; однако обычай состоялъ въ переходѣ ихъ отъ отца къ сыну по началу первородства (?). Въ случаѣ неспособности старшаго, отецъ назначалъ другаго сына, но никогда дочерей. Эти лены, какого бы они класса ни были, были изъяты отъ всякихъ налоговъ; но сеньоры должны были сохранять вѣрность къ суверену и, кромѣ того, поддерживать его своими людьми, своимъ имуществомъ и своими вассалами во время войны или возстанія. Calpulli было имя, придаваемое землѣ народа или общинѣ. Территорія, образуемая кальпулли, была болѣе или менѣе велика, смотря по раздѣленію почвы, какое съ самаго начала сдѣлали первые завоеватели или колоны Анагуэ. Жители или владѣльцы calpulli были членами одной семьи или одного рода, который далъ имъ свое имя во время раздѣла. Принадлежащія имъ земли были вѣчною и неотчуждаемою собственностью не каждаго лица въ отдѣльности, а цѣлой общины. Тотъ изъ жителей, который обработывалъ извѣстную часть земли, имѣлъ на нее право, пока продолжалъ ее воздѣлывать, и въ это время никто не могъ основаться на ней; но если онъ пренебрегалъ обработкой безъ надлежащей причины, какъ напримѣръ, не былъ несовершеннолѣтній, сирота, боленъ или не въ состояніи работать, то годъ спустя начальникъ кальпулли могъ располагать его участкомъ въ пользу другаго. Никто не имѣлъ права отчуждать земель кальпулли подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; но лицо, расчистившее участокъ, могло отдать его въ наемъ иноземцу на извѣстное число лѣтъ. Старѣйшины рода составляли совѣтъ кальпулли; они избирали начальника, который носилъ названіе кальпулли и которому ввѣрялся надзоръ за общинными дѣлами. Суверенъ располагалъ иногда извѣстною частью кальпулли въ пользу своихъ придворныхъ, но послѣдніе пользовались ею лишь пожизненно и не могли ничего оставить своимъ наслѣдникамъ. Территорія города или деревни была раздѣлена на столько кальпулли, сколько заключалось въ ней кварталовъ; изъ этой совокупности составлялось то, что называлось altepetlalli, т. е. земля или округъ города. Всѣ жители, внесенные въ списокъ кальпулли, имѣли право обработывать здѣсь землю; обыкновенно въ каждомъ округѣ поселенія отдѣляли участокъ, который обработывался соединенными кальпулли сообща, чтобы удовлетворять потребностямъ арміи во время войны.

Въ этой характеристикѣ поземельныхъ порядковъ древней Мексики необходимо провести строгое различіе между собственно-экономическою и политическою сторонами дѣла. Насколько первая изъ

нихъ, быть можетъ, изображена вѣрно, настолько-же вторая извращена существовавшими до послѣдняго времени въ литературѣ мнѣніями, на основаніи которыхъ Мексика, при завоеваніи ея испанцами, считалась вполнѣ развитой феодальной монархіею съ королемъ, леннымъ дворянствомъ и вилланами. Но въ настоящее время теоретическая разработка этого вопроса достигла уже такихъ успѣховъ, что подобныхъ воззрѣній на Мексику болѣе раздѣлять невозможно. Для разъясненія этого приведемъ слѣдующее мѣсто изъ статьи новаго французскаго изслѣдователя Мексики Банделье „Историческое развитіе Мексики" (Das Ausland, 1882, № 33). „Каждое племя въ Мексикѣ", говоритъ онъ, „состояло изъ извѣстнаго числа родовыхъ группъ, называемыхъ calpulli; изъ которыхъ каждое пользовалось сообща опредѣленною частью почвы. Ежегодно они избирали своихъ начальниковъ, и одинъ изъ этихъ послѣднихъ былъ уполномоченнымъ для обсужденія, вмѣстѣ съ другими делегатами, общихъ дѣлъ общины. Слѣды этой организаціи встрѣчаются нерѣдко еще и въ настоящее время. Отправленіе правосудія каждая родовая группа удерживала за собою; военная-же повинность непосредственно относилась къ этой группѣ и только косвенно связывалась съ авторитетомъ племени. Послѣднее было органомъ для лучшей защиты отдѣльныхъ единицъ отъ враждебныхъ нападеній. Былъ необходимъ общій главнокомандующій племени; поэтому избирался вождь, который долженъ былъ руководить военными силами. Этого-то вождя сочли въ исторіи Мексики за императора или короля. Но должность эта была не наслѣдственна и власть вождя ограниченна. Онъ былъ только военный *сахемъ*, исполнитель распоряженій совѣта; судебныя дѣла вѣдалъ не онъ, а, на подобіе прокезовъ, одинъ изъ членовъ совѣта, такъ что каждое племя имѣло двухъ вождей, въ качествѣ высшихъ исполнителей народной воли. Поэтому племена, которыя были расбросаны по нынѣшней поверхности Мексики во времена перваго прибытія испанцевъ, представляли ничто иное, какъ военныя демократіи, независимыя одна отъ другой въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, и совершенно чуждыя всякой мысли объ общей національности или объ единомъ государствѣ. Между различными племенами лежали широкіе пояса необитаемыхъ областей,—нейтральныя страны, при помощи которыхъ отдѣльныя общины боязливо замыкались одна отъ другой. Однако испанцы, войдя на берега Мексики, уже нашли здѣсь слѣды нѣкотораго преобладанія, которымъ извѣстныя племена располагали на далекія разстоянія. Это преобладаніе было въ такой степени перетолковано, что исторія сдѣлала изъ него мексиканскую имперію. Если-же обратиться къ очевидцамъ — свидѣтелямъ завоеванія, а также къ остаткамъ древнихъ нравовъ и учрежденій на самомъ

мѣстѣ, то раскроется картина, весьма подобная той, которую представляли первобытные обитатели Соединенныхъ Штатовъ въ XVII столѣтіи. Подобно пяти племенамъ ирокезовъ, обложившимъ плодородную долину западнаго Нью-Іорка и заключившимъ тамъ союзъ для защиты и нападенія, для того, чтобы впослѣдствіи дѣлать вылазки во всѣхъ направленіяхъ и подчинять себѣ туземцевъ сосѣднихъ странъ,—три группы индійцевъ высокой долины Мексики еще за 100 лѣтъ до прибытія Кортеса образовали конфедерацію и придали своимъ нападеніямъ на сосѣдей большій вѣсъ и большее расширеніе. Эти три племени были: *Мексико*, равнявшееся не болѣе 40.000 человѣкъ и ограничивавшееся болѣе или менѣе искусственнымъ островомъ среди озера, *Тецкуко* и *Плакапано*, обитавшія на берегахъ того-же озера. Положеніе первыхъ было по отношенію къ вспомогательнымъ военнымъ средствамъ индійцевъ вполнѣ недоступно для осады. Это сильное положеніе сразу доставило перевѣсъ мексиканскому племени надъ его обоими сосѣдями, послѣ чего всѣ три племени соединились для совмѣстныхъ грабежей, имѣвшихъ цѣлью увеличеніе ограниченныхъ природою средствъ существованія. При этомъ уничтожались лишь такія племена, которыя оказывали неуклонное сопротивленіе; въ другихъ-же случаяхъ побѣжденныхъ только грабили и принуждали поставлять въ извѣстное время опредѣленные продукты. Побитое племя сохраняло свою автономію, оно управлялось, по прежнему, своими вождями; никакой мысли о составной имперіи не послѣдовало за первыми нападеніями, не имѣвшими другой цѣли, кромѣ устрашенія жителей, въ видахъ дальнѣйшей ихъ эксплуатаціи. Такимъ-то образомъ такъ называемая Мексиканская имперія во времена завоеванія была простою цѣпью запуганныхъ индійскихъ племенъ, которыя жили отдѣльно и боясь даже одно другого, не говоря о постоянномъ страхѣ вылазокъ изъ неприступнаго гнѣзда грабителей, помѣщеннаго посрединѣ между ними.

Тотъ-же авторъ въ послѣдующей статьѣ своей (Ausland, 1882, № 41, стр. 815) сообщаетъ, что „онъ отлагаетъ до другого случая описаніе обычаевъ, нравовъ, въ особенности организаціи индійцевъ Пуэбло, основанной на своеобразномъ коммунизмѣ. Эта организація свойственна не однимъ только послѣднимъ, но встрѣчается или встрѣчалась въ XVI столѣтіи среди всѣхъ племенъ Америки отъ перуанскихъ Инковъ до бродячихъ ордъ сѣвера... У мексиканскихъ туземцевъ родовая группа (Gens) была единицею общественной организаціи. Группа эта происходила отъ давно умершаго родоначальника, но, сверхъ того, вытекала изъ предшествующаго учрежденія, которое признавало только происхожденіе отъ *родоначальницы-матери*. Согласно этому древнему представле-

нію, какъ оно существуетъ еще и въ настоящее время между индійцами Новой Мексики, дѣти принадлежали къ материнскому роду, а мужъ даже не проводилъ ночи въ общемъ съ женою домѣ, а спалъ въ общинномъ помѣщеніи для собраній, словомъ, игралъ совершенно подчиненную женѣ роль. Эти группы были суверенны, и изъ ихъ добровольнаго союза образовались племена.

Въ ожиданіи будущихъ трудовъ Банделье, интересно сравнить съ этими поземельными порядками нынѣшнее аграрное устройство Мексики, хотя-бы и по другимъ источникамъ. Вмѣстѣ съ землею, говоритъ К. Лампъ [1]), испанцы приняли отъ туземцевъ также и старинный способъ обработки, старинную культуру. Для этой послѣдней они нашли достаточныя рабочія силы среди индійцевъ, такъ что имъ не нужно было ввозить сюда негровъ. Поэтому населеніе вообще осталось при старыхъ языкахъ и нравахъ. Вмѣсто туземныхъ господъ стали повелѣвать чужіе: въ этомъ состояла вся перемѣна, которую испытала Мексика. Это состояніе вещей спокойно продержалось въ теченіи трехъ столѣтій. Въ настоящее время мексиканское общество разбивается на два совершенно различные класса. Многочисленнѣйшій изъ нихъ состоитъ изъ индійскаго осѣдлаго населенія деревенскихъ и земельныхъ общинъ, которое живетъ еще при тѣхъ же воззрѣніяхъ и нравахъ и представляетъ по платью и по типамъ почти тотъ же самый видъ, какъ и предки его за триста лѣтъ. Отъ этой малоподвижной массы кормится на подобіе паразитовъ подвижный элементъ старо-испанскихъ спекулянтовъ, рантье и политиковъ креоловъ пролетаріатской помѣси. Въ деревняхъ со временъ завоеванія измѣнилось лишь немногое. Причина этой прочности заключается въ системѣ *коллективнаго землевладѣнія*, господствующей въ деревняхъ. По исконному обычаю, земля принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, а совокупности членовъ общины. Отдѣльное лицо не есть собственникъ; оно только пользуется участкомъ, который обрабатывается имъ. Правда, смотря по своей рабочей силѣ и охотѣ къ труду, каждый можетъ воздѣлывать большій или меньшій участокъ земли, а слѣдовательно и получать большій или меньшій доходъ; но если онъ покидаетъ деревню, то теряетъ и свое право [2]); только улучшенія, которыя онъ произвелъ, оплачиваются ему. Такимъ образомъ каждый привязанъ къ деревнѣ,— какъ бѣдный, который оставаясь въ ней, по крайней мѣрѣ, увѣ-

---

[1]) K. Lamp. Die mexicanische Gesellschaft. Deutsche Rundschau, Januar 1881, 90 и слѣд.

[2]) „Если, говоритъ Зурита, кто либо изъ членовъ кальпулли оставлялъ послѣднюю и выселялся въ другую кальпулли, то онъ былъ лишаемъ принадлежавшаго ему дотолѣ участка; этотъ послѣдній снова становился общиннымъ владѣніемъ членовъ общины и пр.“ Zurita op. cit 55 и 61.

ренъ въ своемъ существованіи, такъ и богатый, который, покинувъ деревню, потерялъ бы и условія своего богатства. Испанцы оставили эти отношенія въ томъ же видѣ, въ какомъ нашли ихъ. Вотъ какова была вообще ихъ система. Управленіе ихъ вовсе не было тѣмъ, что мы подъ нимъ понимаемъ; оно ограничивалось и ограничивается въ существенномъ лишь тѣмъ, чтобы поддерживать въ индійцахъ послушаніе къ господствующей расѣ и обращать на службу этой послѣдней рабочую силу индійцевъ въ горномъ дѣлѣ и въ другихъ предпріятіяхъ. Для достиженія обѣихъ цѣлей существовавшій у индійцевъ строй жизни былъ чрезвычайно удобенъ, такъ какъ каждая деревня представляла собою особое общество, которое не легко соединялось съ другими, а между тѣмъ исполняло требуемое сверху легче, чѣмъ отдѣльное лицо.

Послѣ завоеванія испанцы захватили въ свое обладаніе для своихъ крупныхъ хозяйствъ богатыя водою и землею устья долинъ. Деревнямъ были оставлены одни только камни. Деревни выносили такой захватъ, пока ихъ держало въ рукахъ старо-испанское господство; но онѣ не забыли своихъ правъ. Даже изъ временъ испанскаго господства есть сообщенія о спорахъ относительно границъ между деревнями и имѣніями. При неровности мѣстности и большой растянутости владѣній, границы послѣднихъ никогда не были точно опредѣлены. Подобная необезпеченность вообще даетъ поводы и пищу страсти присоединять къ себѣ землю; у туземцевъ же эта страсть развивается до крайней степени: не даромъ-же всѣ они крестьяне; частью, ихъ влечетъ къ тому нужда, вслѣдствіе сильнаго возрастанія ихъ числа. По всей странѣ начинаются споры о землѣ. Подобно тому, какъ горы висятъ грозно надъ долинами, такъ горныя деревни угрожаютъ долинамъ. Столкновенія до сихъ поръ носятъ лишь мѣстный характеръ и потому мало опасны; но уже существуютъ задатки объединенія общинъ... Если общины придутъ къ соединенію, то они несомнѣнно выйдутъ изъ борьбы съ побѣдой. Еслибы подобное движеніе имѣло успѣхъ, то общественный бытъ Мексики получилъ бы такое устройство, основою котораго послужили-бы общины съ коллективнымъ землевладѣніемъ, т. е. съ извѣстною самостоятельностью, задача же защищать ихъ извнѣ и между собою, равно какъ привести ихъ во взаимную между собою связь выпала-бы на долю самодержца. Состояніе это прежде господствовало въ Парагваѣ, а въ настоящее время въ общихъ чертахъ существуетъ въ Россіи.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ исторіи поземельной собственности въ Китаѣ, насколько то дозволятъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники [1]). «Мое» и «твое» никогда не играло въ

[1]) D. J. H. Plath. Gesetz und Recht im alten China. Abhandl. der Akad.

Китаѣ столь большой роли, какъ у насъ, и всѣ запутанныя отношенія обязательственнаго права большею частью не знакомы китайцамъ. Въ древности это еще болѣе было такъ, потому что въ Китаѣ вовсе не существовало частной собственности на землю. Свѣдѣнія объ этомъ, правда, весьма недостаточны, но, повидимому, дѣлаютъ несомнѣннымъ фактъ, что при первыхъ трехъ династіяхъ, когда въ Китаѣ начала развиваться гражданственность, земля составляла общественное достояніе. Въ ту эпоху ранняго развитія у китайцевъ еще не могла явиться мысль о благодѣтельности родовыхъ преимуществъ; оттого самое достоинство государя не было наслѣдственнымъ, преемственно переходившимъ въ его родѣ; государь избирался общимъ совѣтомъ правительственныхъ лицъ. Земля, какъ единственный въ то время источникъ продовольствія и богатства каждаго, принадлежала обществу, которое распредѣляло ее между своими сочленами, смотря по званію каждаго. Страна и тогда уже была раздѣлена на удѣлы подъ управленіемъ назначаемыхъ государемъ удѣльныхъ князей. Князья эти, управляя народомъ на правахъ государей, не были наслѣдственными владѣтелями удѣловъ; какъ самъ государь пользовался доходами съ земель извѣстнаго удѣла, принадлежавшаго ему по званію главы имперіи, такъ и князья получали доходы съ земель своего удѣла по званію правителей его. Подобно тому и чиновники въ вознагражденіе своей службы, пока находились въ должности, пользовались доходами съ земель въ извѣстномъ удѣлѣ, въ которомъ они находились по обязанности. Изъ простыхъ людей тотъ только имѣлъ долю въ общественной землѣ, кто могъ обработывать землю и нести повинности въ пользу общества, словомъ, человѣкъ отъ 20 до 60 лѣтъ.

Мало по малу вошло въ обычай назначеніе родственниковъ императора въ правители и во владѣтели удѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилились и ихъ права. Съ теченіемъ времени удѣльное право стало предоставлять владѣтелю все, что ни находилось внутри удѣла,—слѣдовательно земли по преимуществу стали принадлежать ему. Были и еще лица владѣвшія землями: 1) члены побочной линіи владѣтельныхъ князей и люди, оказавшіе заслуги имперіи и 2) служащіе въ государственной службѣ, начиная съ министра и до низшаго чиновника. Подобно тому, какъ дворы государя и удѣльныхъ князей содержались произведеніями ихъ удѣловъ, а подать вносилась предметами

---

der Wissenschaften (Bayerischen). X Bd. III Abtheil. 690.—Id. Die Beschäftigungen der alten Chinesen. München. 1869.—Ed. Biot. Mémoire sur la condition de la proprietè territoriale en Chine. N. Journ. Asiatique III, T. VI, 255—336.— *И. Захаровъ*. Поземельная собственность въ Китаѣ. Труды членовъ росс. духовн. миссіи въ Пекинѣ. Спб. 1853. Томъ II, 4.

первой необходимости,—чиновники, въ вознагражденіе своей службы правительству, получали отъ него, смотря по классу, извѣстное количество пахотныхъ земель, оброкъ съ которыхъ замѣнялъ имъ жалованье и могъ достаточно обезпечить ихъ состояніе. Земли эти составляли принадлежность *должности*, а отнюдь не лица, исправляющаго должность, такъ что со смертью его или съ лишеніемъ должности земли переходили къ преемнику его; напротивъ, удѣльныя и ленныя земли составляли вѣчную собственность владѣтеля, наслѣдственную въ старшемъ колѣнѣ. Этотъ законъ майората существуетъ въ Китаѣ по отношенію къ князьямъ до настоящаго времени. Простой народъ не могъ владѣть землями, а получалъ отъ князя участки въ годичное пользованіе: очень часто происходила ревизія, съ цѣлью опредѣлить состояніе населенія, и какъ только въ данномъ мѣстѣ оказывалось болѣе людей, чѣмъ сколько могло прокормиться по роду культуры, императоръ перемѣщалъ земледѣльцевъ въ другія мѣста и давалъ имъ другія земли для обработки; тоже дѣлалось въ годы засухи, мѣстнаго голода и пр. Повидимому, все дѣло при этомъ состояло въ томъ, что обширныя родовыя группы передѣляли между собою землю, какъ это мы встрѣчаемъ въ Афганистанѣ и въ Индіи. Какъ именно распредѣлялась земля между отдѣльными семействами, объ этомъ мы уже говорили во второй главѣ настоящаго сочиненія. Такъ какъ свойства земли были неодинаковы и всѣ пашни были раздѣлены на три разряда, съ подраздѣленіемъ каждаго на три вида, то землепашцы, для уравненія въ поземельныхъ налогахъ и въ средствахъ пропитанія, или получали болѣе средней мѣры (по 100 му на душу), или почва выдѣленнаго участка была самаго низшаго качества, или же переводились съ худой на лучшую землю, если у земледѣльца было многочисленное семейство съ большимъ числомъ способныхъ къ работѣ мужчинъ. Это непрерывное стремленіе уравнять шансы обработки между отдѣльными группами земледѣльцевъ опять таки представляетъ не что иное, какъ обычную особенность общинныхъ передѣловъ, при которыхъ, какъ извѣстно, всегда обращается вниманіе на различіе участковъ по плодородію, и лучшей земли дается меньше, а худшей больше. Впрочемъ, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Біо, подобное уравненіе участковъ въ Китаѣ составляло уже результатъ позднѣйшей, болѣе сложной системы; первоначально-же количество земли за каждою семьею было постоянное, но качество разнообразилось, смотря по числу лицъ въ семействѣ. Такъ, земля высшаго качества въ опредѣленномъ участкѣ представляла семью въ 7 душъ и въ 3 плательщика податей; земля средняго качества соотвѣтствовала семьѣ въ 6 человѣкъ, и двѣ семьи соединялись вмѣстѣ, чтобы составить 5 плательщиковъ; земля низшаго качества представляла семью въ

5 душъ и въ два плательщика. При этомъ способѣ, многочисленныя семьи получали хорошія, а малочисленныя—худыя земли. Такое устройство и раздѣленіе полей сообщило имъ названіе общественныхъ (гунъ-тянь). Онѣ назывались также колодезными (узинъ-тянь), потому что размежеваніе давало пашнямъ видъ, похожій на китайскій письменный знакъ, изображающій слово колодезь. На этой системѣ, какъ на фундаментѣ, стояло все зданіе государства, съ его земскимъ управленіемъ, удѣлами, повинностями и налогами. Система общественныхъ полей существовала очень долго, и слѣды ея сохранились мѣстами (Корея) до настоящаго времени. При усиленіи удѣльныхъ князей съ половины царствованія Тчоусской династіи усилились и сборы, а съ ними потребовались измѣненія и въ означенной системѣ. Желая населить плодородныя, но мало тронутыя пустоши, правительство Чинской династіи въ 350 г. до Р. Хр., положило начало уничтоженію общественныхъ пашень, позволивъ каждому занимать земли сколько и гдѣ угодно въ свою личную собственность. Послѣ соединенія всѣхъ удѣловъ въ 221 г. до Р. Хр., мѣра эта была окончательно распространена по всему китайскому государству. Но впослѣдствіи размноженіе населенія сдѣлало недостаточными и вновь занятыя земли. Благодаря между прочимъ военному положенію, бѣдные бросали свои земли въ пользу богатыхъ или закладывали ихъ и продавали. Словомъ, образовалась крупная поземельная собственность, которая сдавалась въ аренду за тяжкіе оброки тѣмъ-же бѣднякамъ. Такимъ образомъ возникъ родъ крѣпостного состоянія или поземельнаго рабства. Тогда зашла рѣчь объ возстановленіи уничтоженныхъ Чинскою династіею общественныхъ полей, откуда и пошли всѣ позднѣйшія бѣдствія. Желаніе такого возстановленія стало пускать все болѣе и болѣе глубокіе корни; оставалось только отобрать земли въ казну для надѣла ихъ народу. Но этого не хотѣли крупные владѣльцы, да и сами правители находили эту мѣру несообразной духу вѣка.

Однако послѣ долгихъ колебаній перемѣна совершилась. Въ 9 г. по Р. Хр. министръ Ванъ-Манъ, похитившій престолъ у потомковъ Уаньскаго дома, желая привлечь къ себѣ расположеніе народа, рѣшился привести въ исполненіе проекты правительственныхъ лицъ, такъ часто предлагавшіеся прежнимъ государямъ. Съ этою цѣлью повелѣно всѣ земли въ государствѣ переименовать въ государевы (ванъ-тянь). Всякій подданный имѣлъ право владѣть землею, но не болѣе какъ въ размѣрѣ одного цина; продажа этого опредѣленнаго участка воспрещалась, дабы каждый, съ потерею поземельной собственности, не лишился средствъ къ существованію. По всей вѣроятности, при этомъ шла рѣчь не о полномъ отчужденіи земли, котораго тогда не могло быть, а только объ отчужденіи пользованія.

17

Земли, оказавшіяся по этому узаконенію лишними, у кого-бы они ни находились, всѣ должны были поступить въ казну и отойдти въ вѣдѣніе слободъ и деревень для раздачи нуждающимся въ нихъ. Но вскорѣ, испугавшись противодѣйствія богатыхъ, Ванъ-Мань отмѣнилъ свою мѣру. При всемъ томъ уже въ концѣ V вѣка уравненіе поземельной собственности приведено въ дѣйствіе въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ такое уравненіе силъ и имущества требовалось для регулированія повинностей и налоговъ. По этой причинѣ въ 485 году по Р. Хр. постановлено давать по 40 му земли мужчинѣ, имѣющему отъ 15 до 60 лѣтъ и по 20 му *женщинѣ*; сверхъ того, каждому дому по 20 му подъ шелковицу и другія деревья; малолѣтніе, старики и вдовы получаютъ противъ взрослыхъ вполовину. Пахатныя земли принадлежатъ казнѣ, и *ежегодно* въ первую луну производится раздача земель достигшимъ 15-лѣтняго возраста и возвращеніе въ казну земель тѣхъ, кто уже переступилъ за 60 лѣтъ и сдѣлался неспособнымъ къ казеннымъ работамъ, или умеръ. На этихъ земляхъ воспрещается садить деревья, чтобы не подать чрезъ то повода къ присвоенію этихъ земель въ частную собственность, такъ какъ земли, выдѣленныя подъ *деревья*, должны составлять вѣчную потомственную собственность каждаго и никогда не возвращаются въ казну. Еслибы у кого и было земли болѣе закономъ опредѣленнаго количества 20 му, то и въ такомъ случаѣ излишекъ не отбирается въ казну, но всякій можетъ продать его другому, только не покупать впослѣдствіи болѣе узаконеннаго количества. По пресѣченіи рода, земли эти, оставшіяся безъ владѣльца, берутся въ казну и раздаются неимѣющимъ ихъ; при раздачѣ бѣдный имѣетъ преимущество передъ богатымъ, родственникъ передъ чужимъ. Гдѣ земли недостаточно, а между тѣмъ полновозрастные имѣютъ въ ней нужду, оттуда дозволяется переселяться въ мѣста просторныя и малонаселенныя. Если-же полновозрастные переселяться не желаютъ, то земли, прежде назначенныя подъ деревья, должны быть обращаемы въ пахотныя и удовлетворять нуждающихся въ нихъ. Это ограниченіе поземельной собственности коснулось также и высшаго сословія. Князья, родственники императора и вельможи всѣ должны владѣть опредѣленными участками земли, а земскимъ высшимъ и низшимъ чинамъ выдѣлены такъ называемыя *должностныя* земли, приписанныя къ извѣстной должности, но не составлявшія собственности лица, исполнявшаго ее (отъ 6 до 15 цинъ). Такое распредѣленіе поземельной собственности, такая раздача земель всѣмъ подданнымъ, уравнивавшая всѣхъ производителей въ отношеніи къ средствамъ пріобрѣтенія, естественно ведетъ къ заключенію, что Вейское правительство имѣло всѣ земли въ казнѣ, иначе оно не могло-бы такъ свободно располагать ими по своему усмотрѣнію. Это былъ обходъ

мѣры Ванъ-Маня, которая признавалась слишкомъ насильственной. Новою мѣрою предоставлялось владѣльцу земли добровольно продать *излишнюю* землю тому, кто въ ней имѣлъ потребность; законъ только воспрещалъ покупать больше опредѣленнаго количества и продавать свой законной мѣры участокъ. Уравненіе поземельной собственности (читай: передѣлы) продолжалось и при послѣдующихъ династіяхъ.

Переходъ казенныхъ земель въ частную собственность, совершавшійся посредствомъ самовольной сдѣлки землепашцевъ, произвелъ измѣненіе въ соображеніяхъ правительства. Всѣ попытки разныхъ династій Китая уравнять поземельную собственность и перевести земли изъ частныхъ рукъ въ казну не увѣнчались успѣхомъ. Продажа, закладъ и сосредоточеніе земель въ рукахъ одного владѣльца существовали у нихъ во всѣ времена, не взирая на запрещенія (но были-ли это сдѣлки надъ собственностью или надъ пользованіемъ?). Вскорѣ введенъ былъ общій поимущественный налогъ, и не владѣющіе землями бѣдные были вполнѣ освобождены отъ налоговъ. Послѣ возстановленія права неограниченнаго владѣнія землею, собственность эта въ Китаѣ находится въ одинаковомъ состояніи уже болѣе 1000 лѣтъ. Но послѣдствіемъ новой системы собственности и налоговъ былъ упадокъ земледѣлія, увеличеніе промышленности, образованіе бродячаго народа, увеличеніе поземельной собственности у богатыхъ людей. Кромѣ пріобрѣтенія на законномъ основаніи, богатые произвольно присвоивали себѣ земли, принадлежавшія бѣднымъ частнымъ лицамъ, или даже казнѣ. Раздѣленіе земель на казенныя и частныя и назначеніе ихъ осталось прежнее.

Въ связи съ настоящимъ предметомъ, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя наблюденія Дж. Стаунтона [1]), переводчика китайскаго уголовнаго кодекса. «Долго спорили о томъ», говоритъ онъ, «и до сихъ поръ продолжаетъ оставаться спорнымъ вопросомъ, составляетъ-ли общеупотребительный въ Китаѣ способъ владѣнія землею свободную собственность, которая совмѣщается въ земледѣльцѣ безъ ограниченія и контроля, или же дѣйствительный и универсальный собственникъ почвы есть суверенъ, между тѣмъ какъ номинальный ея владѣлецъ, подобно земиндару въ Индіи, есть не болѣе, какъ управляющій или сборщикъ доходовъ своего хозяина. Истина, вѣроятно, лежитъ въ рединѣ между обѣими крайностями. Хорошо извѣстно, что многіе изъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ европейцами въ Кантонѣ, имѣютъ значительныя земельныя владѣнія, и что они считаютъ эти владѣнія за наиболѣе обезпеченную, если не за наиболѣе важную, часть своей собственности. Миссіонеры, жившіе въ Пекинѣ

---

[1]) S. I. Francis Davis. China. Lond. 1857. 344.

подъ покровительствомъ двора, также имѣли земельныя имущества, пожалованныя имъ различными императорами для поддержки ихъ учрежденій. Кромѣ того, обыкновенный взносъ землевладѣльца въ казначейство предполагается не свыше $^1/_{10}$ продукта,—пропорція весьма отличная отъ той, которая требуется отъ райотовъ или отъ дѣйствительныхъ воздѣлывателей земли въ Индіи, и которая оставляетъ достаточно въ рукахъ землевладѣльца, чтобы дать ему возможность удержать значительный доходъ для самого себя, по уплатѣ жалованья рабочимъ и процентовъ на капиталъ, употребленный на обработку его собственности. Такъ какъ въ Китаѣ нѣтъ публичныхъ фондовъ, то покупка земли есть главный, если не единственный способъ сдѣлать капиталъ производительнымъ безъ страха и риска коммерческихъ предпріятій.

Земледѣльческія и землевладѣльческія отношенія древняго и даже новаго Египта уже по сходству основаній, лежащихъ въ системахъ орошенія, представляютъ весьма близкую аналогію съ соотвѣтствующими отношеніями Перу, Мексики, Китая. Во всѣхъ этихъ общежитіяхъ существовала одинаково мощная общественная кооперація, руководимая изъ одного общаго центра; поэтому неудивительно, что и самыя формы экономическихъ и юридическихъ отношеній въ существенныхъ чертахъ совпадали между собою. Такъ, напр. тройное дѣленіе продукта въ древнемъ Египтѣ между воинами, духовенствомъ и земледѣльцами, которое прекратилось съ греческимъ завоеваніемъ, такъ и бьетъ въ глаза своимъ поразительнымъ сходствомъ съ соотвѣтствующими учрежденіями Китая и Перу. Завѣдываніе хозяйственными функціями чрезъ посредство должностныхъ лицъ, ведущихъ все дѣло по извѣстной общей системѣ, представляетъ вторую крупную черту сходства между всѣми этими древними цивилизаціями.

Фараонъ, читаемъ у Стефана [1]), сдѣлавшій Іосифа своимъ министромъ и женившій его на дочери старшаго геліопольскаго священника, былъ, согласно Лепсіусу, Сетосъ I, отецъ великаго Рамзеса II, Сезостриса или Сезоориса грековъ. Дочь послѣдняго нашла Моисея въ Нилѣ. Исполненіе должности Іосифомъ приходится такимъ образомъ на XIV столѣтіе до Р. Хр. и происшествію, описываемому Моисеемъ, было-бы теперь около $3^1/_2$ тысячъ лѣтъ. Фараонъ, по предложенію Іосифа, скупилъ пшеницу, а потомъ черезъ частичную ея перепродажу «взялъ себѣ всѣ деньги въ странѣ». При позднѣйшей дороговизнѣ народъ снова жаловался на отсутствіе хлѣба. Такъ какъ народъ не имѣлъ болѣе денегъ, то онъ долженъ былъ отдавать свой скотъ, за который получалъ хлѣбъ. По прошествіи извѣстнаго времени, такъ какъ дороговизна продолжалась, народъ пришелъ снова

---

1) H. Stephan. Das heutige Aegypten. Leipz. 1872, 130.

къ фараону и сказалъ: «всѣ деньги, весь хлѣбъ—у нашего господина; купи нашу землю за хлѣбъ, чтобы мы и наша земля стали крѣпки фараону и не умерли съ голоду». Такимъ образомъ выходитъ, что Іосифъ купилъ для фараона весь Египетъ, за исключеніемъ полей духовенства. Тогда онъ раздѣлилъ землю между всѣмъ народомъ въ пользованіе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они отдавали фараону $^1/_5$ жатвы а $^4/_5$ удерживали для себя, для пищи, для посѣва, для дома и дѣтей, и чтобы собственность на землю (?) отнынѣ навсегда принадлежала фараону. Не будетъ большою смѣлостью предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, столь обыкновеннымъ у всѣхъ народовъ въ древнія времена пластическимъ бытописаніемъ, которое сводитъ на одинъ моментъ развитіе столѣтій и драматически оживляетъ ихъ, чрезъ пріуроченіе къ опредѣленнымъ личностямъ. Въ Египтѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, въ теченіи столѣтій мало по малу совершилось преобразованіе аллодіальнаго устройства въ феодальное. Что въ древнѣйшія времена поземельная собственность и на основѣ ея аллодіальное устройство важнѣйшихъ факторовъ государственной жизни въ Египтѣ составляло общее правило, слѣдуетъ изъ того-же самаго описанія Моисея; сохранившіяся надгробныя изображенія также очень часто показываютъ намъ свободнаго землевладѣльца среди его владѣній и жизненной обстановки. Вслѣдствіе всякаго рода повинностей во время войны и мира, вслѣдствіе голодовокъ и другихъ бѣдствій, благосостояніе свободныхъ земледѣльцевъ было поколеблено, причемъ, благодаря увеличенію народонаселенія и свойствамъ права наслѣдованія, а также и недостатку прогрессивнаго развитія въ ремеслахъ и соотвѣтствующихъ улучшеніяхъ въ земледѣліи, отдѣльные участки земли, служившіе базисомъ политическаго и матеріальнаго существованія, сдѣлались недостаточны, а расширеніе земли было замкнуто въ опредѣленныя границы. Такимъ образомъ произошло то, что свободные землевладѣльцы, чтобы защитить себя отъ матеріальныхъ бѣдствій, уступили свою землю, какъ это случилось $2^1/_2$ тысячелѣтія позже въ государствѣ франковъ. Но уступка послѣдовала въ древнемъ Египтѣ не отдѣльнымъ магнатамъ подъ обязательствомъ вѣрности, какъ при ленной системѣ, а равно и не церкви, съ ея сильно организованною защитою, какъ въ первыя столѣтія западно-европейскихъ среднихъ вѣковъ, но самому могущественнѣйшему государю, нерѣдко обожествлявшему свою собственную особу на изображеніяхъ древнихъ храмовъ. Поля духовенства, пользовавшагося вліяніемъ у государя, постоянно оставались безъ уменьшенія и составляли для этого класса хотя не исключительную, но все-же солидную поддержку. Во времена Іосифа изложенный процессъ развитія могъ быть только на нѣсколько лѣтъ ускоренъ и обнять почти всю зем-

лю. Фараоны пріобрѣли себѣ собственность на всѣ поземельные участки и отдавали пользованіе ими народу. Происходило-ли это въ формахъ лена, или, какъ это вѣроятно, въ формѣ наслѣдственной аренды или эмфитевтическаго отношенія, объ этомъ неимѣется до сихъ поръ достаточныхъ заключеній; вѣрно лишь то, что въ самой собственности на землю пользователь не имѣлъ больше никакихъ правъ, и напротивъ, остается невыясненнымъ, насколько самостоятельно онъ могъ распоряжаться своими правами пользованія путемъ оставленія ихъ по наслѣдству, отчужденія временнаго и вѣчнаго и т. д.

Таковъ взглядъ на исторію египетскаго землевладѣнія Стефана, раздѣляемый также Уилькинсономъ [1]). Мы-же, съ своей стороны возьмемъ на себя смѣлость замѣтить, что египетскіе фараоны, на подобіе другихъ восточныхъ сувереновъ, по всей вѣроятности, располагали землею не въ качествѣ дѣйствительныхъ собственниковъ, а на чисто политическомъ правѣ, которое вытекало изъ завѣдыванія системою ирригаціи и, соотвѣтственно усложненію общественнаго строя и размноженію населенія, укрѣплялось все болѣе и болѣе. Такъ, напр. въ то время, какъ по мнѣнію Біо, древній китайскій императоръ былъ единственнымъ собственникомъ всей земли, Платъ и Захаровъ утверждаютъ, что земля древняго Китая составляла государственное и даже общественное достояніе. Подобное-же смѣшеніе понятій можетъ быть легко допущено и по отношенію къ характеристикѣ землевладѣнія въ Египтѣ.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что упадокъ земледѣлія въ Египтѣ совпадаетъ приблизительно съ тѣмъ періодомъ времени, когда было исполнено описанное превращеніе въ отношеніяхъ поземельной собственности, и права на нее народа были умалены. Эти впечатлѣнія воспринялъ, повидимому, Ликургъ во время своего путешествія по Египту, когда онъ хотѣлъ обезпечить укрѣпленіе своего устройства въ Спартѣ при помощи изреченія оракула: «наступитъ уничтоженіе Спарты, коль скоро неравный раздѣлъ земли начнетъ вызывать большія различія въ имѣніи гражданъ». Впослѣдствіи Египетъ попеременно подпадалъ эфіопскому, персидскому и македонскому господству. Для этого времени Діодоръ даетъ намъ наглядную картину общаго состоянія вещей. Вся земля, говоритъ онъ, раздѣлена на три части. Одна принадлежитъ въ собственность жрецамъ, другая королю, третья воинамъ. Есть еще, продолжаетъ онъ, другіе классы гражданъ въ Египтѣ: пастухи, земледѣльцы и ремесленники. Земледѣльцы снимаютъ (?) за небольшую цѣну участки земли у короля, священниковъ и воиновъ и проводятъ все свое время въ полевой работѣ, такъ какъ они съ дѣтства пріучены къ земледѣлію,

[1]) Wilkinson, op. cit. I, 331.

а потому и имѣютъ въ немъ болѣе опытности, нежели другіе народы.—Послѣ блистательно начавшейся, но вскорѣ до крайности выродившейся династіи Птоломеевъ, народъ подъ конецъ до того упалъ, что было достаточно 9 римскихъ когортъ, чтобы держать въ страхѣ всю страну, надъ чѣмъ смѣется Страбонъ. Императоръ Августъ съумѣлъ защитить Египетъ отъ грабежа сенаторовъ и крупныхъ римскихъ спекулянтовъ, которые съ разорительною системою большихъ хозяйствъ и рабскаго хозяйства довели дѣло въ провинціи Сѣверной Африкѣ до того, что половина всего недвижимаго имущества принадлежала шести римскимъ семействамъ. Августъ придалъ странѣ значеніе императорской, а не сенатской провинціи и запретилъ сенаторамъ и рыцарямъ вступать въ нее безъ цезарскаго дозволенія. Но народъ былъ угнетенъ поставкою хлѣба въ Римъ и тяжелой системой податей, удержавшейся со временъ Птоломеевъ. Послѣдовалъ рядъ возстаній, которыя были подавлены при Авреліанѣ и Діоклетіанѣ. Эксплуатація народа владыками дошла до крайности при восточно-римскомъ господствѣ; вымогательства логофетовъ византійскаго двора (см. Прокопъ и Агафій) работали въ пользу арабскаго завоеванія, порождая всеобщее недовольство; въ томъ-же направленіи дѣйствовали преисполненныя путаницъ пререканія съ принявшими христіанство египтянами о тріединствѣ Христа и о природѣ его.

Съ арабскимъ завоеваніемъ въ VII столѣтіи, относительно сельскаго быта вошелъ въ силу магометанскій законъ, по которому $^1/_5$ завоеванной земли принадлежитъ въ собственность борцамъ, а $^4/_5$ калифу, какъ главѣ государства. Изъ этой доли калифъ одарилъ мечети, а большую часть сдалъ въ пользованіе, и притомъ за уплату десятины, если земля сдавалась мусульманамъ, и пятины, если христіанамъ. Такъ какъ большая часть египтянъ приняла исламъ, то они и взяли на себя означенное пользованіе. Если нельзя было уплатить подати деньгами или продуктами, то платили рабами. Рабство всегда существовало въ Египтѣ, при Птоломеяхъ и римлянахъ оно было развито болѣе систематически, при христіанствѣ изгнано, при арабахъ снова введено въ большомъ объемѣ; но обременительнымъ это рабство не было.—Дальнѣйшая перемѣна въ аграрномъ устройствѣ послѣдовала въ 1171 г., когда Салагединъ уничтожилъ господство фатимидовъ. Онъ раздѣлилъ большіе участки земли между своими воинами въ видѣ леновъ, а его наслѣдники награждали такимъ-же образомъ своихъ преторіанцевъ-мамелюковъ, которыхъ они брали къ себѣ на службу изъ чужихъ странъ, напр. изъ Черкессіи. Беи ихъ пріобрѣли себѣ извѣстную самостоятельность, которая не была сломана даже по завоеваніи Египта турецкимъ султаномъ Селимомъ въ 1517 году;

они ограничивали власть пашей и отягощали феллаховъ. Послѣ кроваваго ихъ уничтоженія 11 марта 1816 года Мегметомъ-Али, послѣдній отобралъ ихъ участки, ссылаясь на то, что они были имъ сданы вопреки закону Корана. Подобнымъ-же образомъ онъ поступилъ и съ землею вакуфной, впрочемъ вознаградивъ мечетей государственною рентой. Безхозяйныя имущества, оставшіяся по окончаніи господства мамелюковъ, онъ присвоилъ себѣ. Этимъ способомъ образовались въ Египтѣ такъ называемые *шифликъ*, т. е. собственныя земли вице-короля; въ настоящее время, благодаря позднѣйшимъ прикупкамъ, они представляютъ $1^1/_2$ милліона федановъ, т. е. около четверти культивированныхъ земель Египта; тѣмъ-же именемъ обозначаются имѣнія принцевъ. Прежде тѣ и другія земли обрабатывались барщиною подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, въ настоящее-же время барщина уничтожена, хотя феллахамъ отъ этого не легче. На ряду съ шифликъ, въ числѣ различныхъ категорій египетскаго землевладѣнія слѣдуетъ упомянуть еще *ибадіе*. Это—имѣнія, переданныя вице-королемъ, подъ условіемъ разработки, въ частныя руки, въ полную собственность. Прежде они отдавались безвозмездно, въ настоящее же время отдаются за уплату налога въ 10%, но въ первые три года свободны отъ взноса податей. Всѣ прочія земли называются *мири*, т. е. государственная собственность по Корану. Они отдаются феллахамъ въ пользованіе за уплату хараджа или подати и остаются въ рукахъ феллаховъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе исправно выплачиваютъ подать. Распоряженіемъ 1857 года было установлено въ либеральномъ смыслѣ право наслѣдованія. На основаніи религіознаго закона правительственная земля по смерти пользователя не могла переходить къ его наслѣдникамъ, а должна была возвращаться обратно государству (принципъ старообщиннаго передѣла) [1]). Означенное-же распоряженіе даруетъ право наслѣдованія по смерти пользователя его наслѣдникамъ обоего пола въ законномъ порядкѣ, и только за отсутствіемъ таковыхъ, казна беретъ землю себѣ и снова отдаетъ ее въ пользованіе, при чемъ жители ближайшей деревни имѣютъ право преимущества. Посаженныя пользователемъ деревья,

[1]) То же самое правило господствуетъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ, напр. въ Сиріи: „султаны, говоритъ Вольней (op. cit. III, 120—121), присвоивъ себѣ въ силу завоеванія собственность на всѣ земли въ Сиріи, лишили жителей всякаго права какъ поземельной, такъ и движимой собственности; жители обладаютъ только пользованіемъ. Если отецъ умираетъ, его наслѣдство принадлежитъ султану или его откупщику, и дѣти могутъ получить наслѣдство, только уплативши довольно значительный выкупъ“. Очевидно, что и въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о переживаніи старыхъ правъ общины на поглощеніе частной поземельной собственности, которыя перешли на султана. Самъ авторъ прибавляетъ, что жители такъ привязаны къ своей землѣ, что *отчужденій* почти никогда не бываетъ.

сооруженныя имъ машины для орошенія, вырытые колодцы и построенныя зданія принадлежатъ ему и его наслѣдникамъ въ полную собственность. Право пользованія участками дозволено на основаніи новаго распоряженія продавать, закладывать и сдавать въ аренду. Подать составляетъ 20% дохода, слѣд. столько-же, сколько и при первыхъ фараонахъ. Остаются еще участки *уде*, которыхъ возникновеніе слѣдующее. Такъ какъ Мегметъ-Али заставлялъ взимать подати не съ отдѣльныхъ поселенцевъ на государственной землѣ, а подраздѣлялъ ихъ между *деревнями*, изъ которыхъ каждая несла солидарную отвѣтственность за падающій на нее размѣръ подати, и такъ какъ, неоднократно повторялись случаи, когда деревни были не въ состояніи выплатить подать, то онъ обратился за уплатой подати къ капиталистамъ, которымъ далъ необходимыя полномочія для выжиманія послѣдней изъ народа. Эти предприниматели давали обѣднѣвшимъ ссуды для возстановленія правильной культуры полей и имѣли право получать извѣстную часть жатвы, которая шла на погашеніе и на уплату процентовъ на занятой капиталъ. Въ значительномъ числѣ случаевъ операція эта удалась довольно хорошо. Впрочемъ, въ настоящее время подать берется уже не съ цѣлой деревни, а съ отдѣльныхъ участковъ.

Какъ ни темны и ни кратки имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи историческія свѣдѣнія относительно тѣхъ культурно-земледѣльческихъ народовъ, о которыхъ шла рѣчь на предъидущихъ страницахъ, но одно изъ нихъ вытекаетъ несомнѣнно, что у всѣхъ этихъ народовъ имѣлось общинное владѣніе и воздѣлываніе земли, централизированное сильною политическою властью. Отсюда мы видимъ, что общинное земледѣліе и землевладѣніе являются естественнымъ продолженіемъ тѣхъ общинныхъ работъ и формъ владѣнія, которыя мы наблюдали выше у кочевыхъ и охотничьихъ народовъ. Уравненіе земельныхъ участковъ и система передѣла земли представляютъ не что иное, какъ измѣненный, сообразно условіямъ земледѣлія, способъ распредѣленія работъ и продукта между отдѣльными членами племени какихъ нибудь отомаковъ или калистеловъ. Нечего и говорить, что гигантскія системы орошенія въ высшей степени способствуютъ усиленію компактности и тѣсноты общественной коопераціи, чѣмъ и объясняется относительно весьма густое населеніе въ разсмотрѣнныхъ нами общежитіяхъ. Но и при отсутствіи орошенія мы болѣе или менѣе повсюду у земледѣльческихъ народовъ встрѣчаемъ слѣды общиннаго владѣнія, въ которомъ вопросъ объ уравненіи участковъ имѣетъ громадное значеніе. Ниже, въ главѣ объ отношеніяхъ родства, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, бросающихъ ближайшій свѣтъ на первоначальныя фазы полуосѣдлаго земледѣлія, соединенныя съ передѣлами земли между отдѣльными *родовыми подраздѣ-*

леніями. Примѣры эти покажутъ намъ, что первоначальные передѣлы происходятъ между отдѣльными поселеніями и лишь впослѣдствіи ограничиваются хозяевами одной деревни. Постепенное уменьшеніе области передѣловъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что, по мѣрѣ усложненія процесса производства и размноженія населенія, объемъ единицъ общиннаго землевладѣнія съуживается все болѣе и болѣе.

Уже предъидущее достаточно показываетъ намъ, какую громадную, почти универсальную роль играетъ обособляющійся трудъ въ исторіи первоначальнаго образованія поземельной собственности. Роль эта совершенно такова-же въ отношеніи къ недвижимой какъ и къ движимой собственности, и, мало того, первая первоначально совершенно сливается съ послѣдней. «Человѣкъ, расчищающій почву», говоритъ Круиксганкъ [1]), «и сѣющій хлѣбъ, можетъ быть допущенъ собрать жатву, такимъ же образомъ, какъ можетъ быть допущено и право его на птицу, пойманную имъ; но сборъ жатвы не будетъ включать въ себѣ никакой идеи о личной собственности на землю, произведшую ее». Словомъ, первоначальное исключительное право относится не къ самой почвѣ, а только къ доходу съ нея, добытому самостоятельнымъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны факты, относящіеся къ исторіи обладанія деревьями. Повидимому, послѣ временныхъ посѣвовъ, деревья представляютъ первый родъ недвижимой собственности, привязывающей къ землѣ различныя группы владѣльцевъ. Но хотя собственность на деревья является раньше собственности на землю, но имѣются нѣкоторыя указанія, что собственность на плоды, предшествуетъ самой собственности на *деревья*. Такъ, напр., по словамъ Физона [2]), на островахъ Фиджи земля есть собственность племени, а собственность на *деревья* простирается только на ихъ *плоды*, а не на *дерево*. По всей вѣроятности, мы имѣемъ передъ собою случай постепеннаго перехода отъ общей собственности на плоды всѣхъ деревьевъ, какую мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ другихъ океанійскихъ островахъ и отчасти на Таити, къ отдѣльной собственности на плоды нѣкоторыхъ деревьевъ. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ движеніи представляетъ возникновеніе отдѣльной собственности на деревья, но не на землю подъ ними. Примѣры подобныхъ имущественныхъ отношеній мы уже приводили выше, со словъ Эллиса, для острововъ Товарищества. Тотъ-же вышеупомянутый Физонъ сообщаетъ, что на Банкскихъ островахъ собственность на землю отдѣ-

---

[1]) B. Cruikshank. Eighteen Years on the Gold Coast of Africa. 1853, 291.
[2]) Globus, 1881, № 5, стр. 79. Изъ переписки Кондригтона и Физона въ Transactions of the Royal Society of Victoria.

лена отъ собственности на *деревья*, которыя садятся на участкахъ безъ всякой претензіи на таковые, или получаются по наслѣдству. На Новой Гвинеѣ, по сообщенію Миклухи-Маклая [1]), кокосовыя деревья распедѣляются по семьямъ, какъ очень нужныя и цѣнныя; даже молодыя деревья имѣютъ своихъ владѣльцевъ. «Правительственной формы на Нукагивѣ», говоритъ Лангсдорффъ [2]), «мы, признаться, не открыли никакой. Робертсъ, который въ качествѣ англичанина, всегда имѣлъ въ головѣ короля, надѣлилъ самого уважаемаго человѣка въ долинѣ Тигоге, по имени Кетенне, этимъ титуломъ; онъ вѣроятно просто происходилъ изъ старѣйшей фамиліи и какъ важный домовладѣлецъ имѣлъ большое родство и обширныя владѣнія; но политически онъ не проявлялъ никакой власти или преобладанія. Онъ владѣлецъ, и, быть можетъ, наслѣдственный, многихъ хлѣбныхъ *деревьевъ*, кокосовыхъ и банановыхъ лѣсовъ». Согласно показаніямъ голландскихъ коммиссіонеровъ, на которыя ссылается Раффльсъ [3]), почти на всемъ пространствѣ Явы и совершенно независимо отъ права собственности на землю, яванцы заявляютъ свое право на всѣ фруктовыя деревья и плантаціи у самой дессы или кампонга. Относительно фруктовыхъ деревьевъ яванцы считаютъ тѣхъ, кто ихъ посадилъ, собственниками безъ всякихъ налоговъ: если бы старшина захотѣлъ вторгнуться въ это право, то деревня въ скорости эмигрировала-бы.

По свидѣтельству одной малайской рукописи [4]), на Суматрѣ въ индивидуальномъ, или вѣрнѣе, семейномъ землевладѣніи состоятъ, за исключеніемъ рисовыхъ полей и другихъ обработанныхъ земель, рыболовныхъ мѣстъ и домовъ, также и плодовыя *деревья*. У Тирибисъ Коста-Рики [5]) въ составъ истребляемой послѣ покойника собственности входили посаженныя имъ фруктовыя *деревья*. Въ Персіи [6]) крестьяне одной деревеньки неподалеку отъ Кашлина принуждены были уйти изъ своей родины, гдѣ они жили на владѣльческой землѣ, чтобы избавиться отъ мученій и вымогательствъ управляющаго князя Али-Кули. Уходя, они порубили всѣ посаженныя ими *деревья*, сожгли все деревянное въ домахъ и т. п. Послѣдній примѣръ особенно поучителенъ: деревья считались ихъ личною собственностью, не смотря на то, что были посажены на чужой землѣ. Впрочемъ, совершенно подобный-же случай встрѣчаемъ у Гакстгаузена [7]):

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1874, іюнь, „Клиперъ Изумрудъ".
[2]) Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt. 1817, I, 112.
[3]) Raffles. The History of Java 1817, I. 135 и сл.
[4]) Hollander. Handleiding bij de beofening der Land—en Volkenkunde van Nederl. Oost-Indie, 1874.
[5]) Ковалевскій, op. cit. 33—34.
[6]) Polak. Persien, 123.
[7]) Haxthausen. Transkaukasien. I. 163.

«почва въ казенныхъ селахъ татаръ Елисаветпольскаго округа въ Закавказьи считается собственностью государства, но постройки, *деревья*, виноградники принадлежатъ крестьянамъ». «На Суматрѣ», говоритъ Марсденъ [1]), «земли такъ много сравнительно съ населеніемъ, что жители почти не считаютъ ее предметомъ права, исключая того, что въ своемъ воображеніи князь заявляетъ права на все. Однако земля, на которой кто либо садитъ и строитъ, съ согласія своихъ сосѣдей, становится чѣмъ-то въ родѣ номинальной собственности и переносится изъ рукъ въ руки; но такъ какъ она воздѣлывателю ничего не стоитъ, кромѣ его труда, то въ разсчетъ принимается только цѣнность *продукта*, и вознагражденіе при продажѣ получается только за этотъ послѣдній. Сообразно этому временное пользованіе землею есть все, на что они заявляютъ требованіе; въ случаѣ продажи, цѣна вообще опредѣляется по числу кокосовыхъ и другихъ *плодовыхъ деревьевъ*, которыя посажены на землѣ, такъ какъ строенія большею частью не имѣютъ большой прочности. Пока существуетъ что нибудь въ этомъ родѣ, наслѣдникъ воздѣлывателя можетъ заявить требованіе на землю, хотя бы она была покинута на много лѣтъ передъ тѣмъ. Если деревья были срублены, онъ можетъ потребовать вознагражденія за вредъ, но если они исчезли по естественнымъ причинамъ, то земля возвращается въ общину».

«Во всѣхъ общинахъ Гамбіи, говоритъ Аткинсъ [2]), имѣются начальники, родъ королей тѣхъ поселеній, въ которыхъ они живутъ. Ихъ главное право — это собственность на всѣ пальмовыя *деревья* и ciboas, растущія въ странѣ; такъ что безъ ихъ дозволенія никто не можетъ ни нацѣдить изъ нихъ вина, ни срѣзать хотя-бы одну вѣтвь. Они дозволяютъ дѣлать это извѣстному числу жителей, обязывая ихъ отбывать за то въ свою пользу двухъдневную рабочую повинность».

Слѣдуя сообщенію Дю Шалью [3]), пальмовое дерево, изъ котораго дѣлается холстъ, растетъ въ западной Африкѣ въ дикомъ состояніи, но у народа апинги его садятъ также вокругъ хижинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими фруктовыми *деревьями*: это собственность, которую оставляетъ за собою хозяинъ дома и эксплуатируетъ только самъ. Собственникъ деревьевъ, по словамъ автора, представляетъ для него въ Африкѣ новость; этого факта достаточно, чтобы показать, что

---

[1]) Marsden. The History of Sumatra. Lond. 1874. 203.

[2]) d'Atkins. Voyage à Sierra-Leone, 76 (Walkenaer, Histoire génér. der voyages. Paris, 1826, IV).

[3]) Paul du Chaillu. Voyages et aventures dans l'Afrique équatoriale. Paris. 1863.

апинги находятся далеко впереди бакалаевъ и шекіави, и даже всѣхъ прочихъ племенъ, посѣщенныхъ авторомъ. Апинги остаются на одномъ мѣстѣ очень долго; это населеніе осѣдлое, ему недостаетъ только стадъ и скота, чтобы сдѣлаться цвѣтущею націею. У другихъ племенъ деревня есть только временная станція, покидаемая, когда въ ней кто нибудь умретъ. Даже мпонгве, которые находились подъ вліяніемъ внѣшней торговли, сохранили часть этихъ обычаевъ. Если они не могутъ перевезти въ другое мѣсто всю свою деревню, то они, по меньшей мѣрѣ, разрушаютъ домъ, въ которомъ кто либо умеръ, и не дозволяютъ никому строить домъ на томъ-же мѣстѣ.

«Подтвержденіемъ той теоріи», читаемъ мы у Міасковскаго [1]), «которая выводитъ право собственности на предметъ изъ употребленнаго на него труда, представляется то явленіе, что свобода распоряженія вещью возрастаетъ для ея производителя соотвѣтственно тому, какъ работа овеществляется въ продуктѣ. Такъ, напр., въ распоряженіи корпораціи Вальхвиль, въ кантонѣ Цугъ, относительно пользованія корпоративнымъ имуществомъ, отъ 31 мая 1863 года, содержится опредѣленіе, что продукты растеній, посаженныхъ на корпоративной землѣ, могутъ быть свободно отчуждаемы пользующимися землею, между тѣмъ какъ растенія дико растущія, каковы сѣно и дрова, могутъ быть отчуждаемы только сочленамъ общины и ими потребляемы. Поэтому развитіе отдѣльной собственности особенно легко совершается на тѣхъ участкахъ общинной земли, съ которой были связаны движимости, происходящія со стороны и уже бывшія въ частной собственности. Доказательства этого представляетъ исторія отношеній собственности на стоящія на общинной землѣ фруктовыя *деревья*, дома и альпійскія хижины. Какъ плоды, такъ и деревья, на которыхъ они висѣли, были первоначально такою-же общею собственностью, какъ и земля, на которой они росли. Такъ напр. деревенскій регламентъ Ротеншвиля, въ кантонѣ Ааргау опредѣляетъ еще въ 1691 году, что «никто въ общинѣ Ротеншвиль не можетъ трясти или обирать съ общинныхъ деревьевъ — черешень, яблокъ, грушъ, орѣховъ, желудей и нѣкоторыхъ другихъ плодовъ, а всѣ они должны быть собираемы и продаваемы деревенскимъ старостой». Остатки этого состоянія удержались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до настоящаго времени. Такъ напр. Landrecht кантона Швицъ, упомянувъ предварительно о всеобщей жалобѣ на то, что при сборѣ черешень не жалѣютъ ни заборовъ, ни травы, ни деревьевъ, приводитъ слѣдующее постановленіе отъ 1530 года: «такъ какъ черешни до сихъ поръ состав-

[1]) A. v. Miaskowski. Die schweizerishe Allmend. Leipz. 1879, I8—19.

тяли общій плодъ для богатаго и бѣднаго, то пусть остаются тѣмъ-же и на будущее время. Если же кто хочетъ обезпечить свои черешни, тотъ можетъ сдѣлать на деревѣ знакъ и повѣсить на немъ тёрнъ. А если кто станетъ рвать черешни съ обозначеннаго дерева, то это будетъ значить, что онъ обокралъ владѣльца и долженъ отвѣчать послѣднему за это». Равнымъ образомъ и Landbuch Ури дозволяетъ членамъ общины, но не болѣе какъ двумъ лицамъ отъ каждаго дома, срывать, начиная съ опредѣленнаго дня орѣхи, растущіе на общинной землѣ, черешни-же только по созрѣваніи ихъ. Но на ряду съ этими опредѣленіями, удержавшимися до настоящаго времени лишь по исключенію, въ теченіе послѣднихъ столѣтій получило всеобщее признаніе то положеніе, что фруктовыя деревья, растущія на альмендѣ, принадлежатъ временно, или пожизненно, или наслѣдственно тому, кто посадилъ ихъ. При помощи постояннаго повторенія и подтвержденія этого положенія старались поощрить со стороны общинъ засаживаніе фруктовыми деревьями альменды, даже по временамъ ставили его въ обязанность пользующимся альмендою. Такъ, въ к. Гларусъ повсюду дозволялось членамъ общины сажать деревья на альмендѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ деревья считались собственностью общины, но отдавались въ пользованіе посадившимъ ихъ лицамъ на 36 лѣтъ, на 10 лѣтъ, пожизненно и наслѣдственно. С. Галленская община Грабъ еще въ 1872 году издала курьезное распоряженіе, что одной половиною плодовъ съ частныхъ деревьевъ, стоящихъ на альмендѣ, должна пользоваться община, а другою хозяева ихъ. Въ Аппенцелѣ тотъ, кто посадилъ дерево на альмендѣ, обладаетъ имъ въ безъусловную собственность. Своеобразныя отношенія собственности существуютъ до сихъ поръ въ Сернфталѣ, въ конторѣ Гларусъ, на часто встрѣчающіеся здѣсь кленовые лѣски, зелени которыхъ придается владѣльцами большая цѣнность, какъ хорошей соломѣ: часто почва, на которой ростетъ лѣсъ, принадлежитъ одному лицу, деревья другому, а пользованіе зеленью третьему. Но все это вело къ тому, что посадившій дерево, не только удерживалъ за собою право собственности на него, но легко распространялъ его и на почву, на которой росло дерево, что вело къ многочисленнымъ спорамъ.

Только что описанное явленіе одного порядка съ тѣмъ, о которомъ упоминаетъ г. В. Орловъ въ «Сборникѣ статистич. свѣдѣній по московск. губерніи» [1]), подъ именемъ присадебныхъ земель, подлежащихъ весьма рѣдкимъ передѣламъ. «Земля эта, говоритъ онъ, часто обращается подъ огороды, иногда засаживается *садовыми кустами* и вообще служитъ для разведенія растеній высшей

---

[1]) Томъ IV, выпускъ I, Москва 1879, стр. 77—80.

сельско-хозяйственной культуры; понятно, что при этомъ условіи весьма важно, чтобы такая земля находилась у хозяина подъ руками, чтобы ему всегда было легко и удобно имѣть постоянное наблюденіе и уходъ за своимъ участкомъ. Кромѣ того, приусадебная земля является наиболѣе цѣнною для хозяина, такъ какъ на нее онъ кладетъ больше удобренія и употребляетъ для обработки ея больше труда сравнительно съ землею полевою, причемъ въ пользованіи приусадебною землею преимущественно обнаруживается *личная инціатива*, своеобразная предпріимчивость отдѣльныхъ домохозяевъ, вслѣдствіе чего происходитъ большая разница въ цѣнности и доходности пріобрѣтаемыхъ участковъ; одинъ дворъ разводитъ капусту, приусадебный участокъ другаго засаженъ ягодными кустами, третій домохозяинъ снимаетъ съ своего участка только траву и т. д... Поэтому-то исправный крестьянинъ больше всего дорожитъ своею приусадебною землею и не желаетъ уступить ее другому члену общества».

Мы видимъ такимъ образомъ, что, начавшись съ обособленія предметовъ движимой собственности, процессъ приватизированія общиннаго имущества постепенно и незамѣтно переходитъ на плоды жатвы и деревьевъ, на болѣе или менѣе постоянныя жилища, на самыя деревья и наконецъ на почву подъ ними, по мѣрѣ постепеннаго выдѣленія изъ общины все болѣе и болѣе прочнаго и постояннаго индивидуальнаго труда. Дальнѣйшій ходъ того же движенія объясняетъ намъ также и то, почему поля становятся частною собственностью скорѣе, чѣмъ луга, луга скорѣе, чѣмъ лѣса, лѣса скорѣе чѣмъ пустыри и неудобныя мѣста. Все дѣло состоитъ въ томъ, что на однихъ участкахъ земли скопляется съ теченіемъ времени болѣе индивидуальнаго труда, чѣмъ на другихъ, а потому немедленно же возникаютъ важныя экономическія различія между ними. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна противоположность во взглядахъ народа на лѣсъ и на посаженныя деревья. Въ Малороссіи [1]), напр., «владѣльческіе и казенные лѣса не считаются неприкосновенными, особенно, если не употребленъ трудъ на устройство и охраненіе ихъ; лѣса же, которые подчищаются владѣльцемъ и охраняются живущими въ лѣсныхъ хуторахъ бѣдными семействами, получающими содержаніе отъ владѣльца, болѣе уважаются, потому что право на нихъ освящается трудомъ и издержками... Такимъ-же образомъ бортяное дерево признается неприкосновеннымъ, потому что на него положенъ трудъ». Универсальность этого способа воззрѣнія достойна всякаго удивленія. Не говоря о томъ, что напр. въ средневѣковой Германіи существовалъ подобный же взглядъ

---

[1]) П. Чубинскій, op. cit. 681 и 701.

на лѣсныя деревья, идею права отдѣльной собственности на бортяныя деревья можно встрѣтить въ самыхъ противоположныхъ странахъ свѣта. Такъ, напр. у Ланга [1]) говорится объ австралійцахъ слѣдующее: «они имѣютъ также индивидуальную собственность на различныя деревья. Я вспоминаю, что однажды, во время нашего путешествія, когда мы тяжко страдали отъ недостатка пищи, и въ особенности растительной, нашъ черный проводникъ указалъ на рой пчелъ, пролетавшій черезъ насъ, нагруженный медомъ и очевидно на прямомъ полетѣ къ улью. Мы приказали ему послѣдовать за роемъ, что онъ и сдѣлалъ, но когда достигъ дерева, то, только что слѣзши съ лошади, немедленно опять сѣлъ на нее и собрался ѣхать дальше. Мы спросили его о причинѣ этого и онъ указалъ намъ знакъ на деревѣ, очевидно сдѣланный каменнымъ томагавкомъ, и сказалъ, что оно принадлежитъ одному черному и что онъ не можетъ прикоснуться къ нему. Въ это время онъ почти умиралъ съ голоду, точно также, какъ и мы. Такъ какъ мы не могли быть столь церемонны при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то мы настаивали, чтобы онъ вырѣзалъ медъ, что онъ наконецъ и рѣшился сдѣлать». Съ другой стороны, Грэй [2]) говоритъ: «если двое или болѣе людей имѣютъ право охотиться на одномъ участкѣ земли, и одинъ изъ нихъ срѣжетъ верхушку съ какого нибудь дерева, то въ силу ихъ обычаевъ, гусеницы на этомъ деревѣ составляютъ его собственность, и никто не имѣетъ права дотронуться до означеннаго дерева». Наконецъ, въ Абиссиніи у племени Бени-Амеръ медъ принадлежитъ тому, кто нашелъ улей [3]).

Поучительно также то однообразіе формъ, въ какихъ самостоятельное приложеніе труда повсюду признается источникомъ обособленной недвижимой собственности. Земля у биколинговъ на Филиппинскихъ островахъ, говоритъ Ягоръ, [4]) принадлежитъ даромъ всякому, кто хочетъ ее обработывать; пользованіе переходитъ къ дѣтямъ и прекращается лишь тогда, когда почва два года подъ рядъ остается необработанной. Въ послѣднемъ случаѣ должностныя лица могутъ отдать землю другому лицу.—Въ Китаѣ [5]) бѣдняки, лишенные собственности, могутъ воздѣлывать свободно горныя земли и пустыри, подчиняясь нѣкоторымъ правиламъ. Гдѣ въ прежнее время были издержаны трудъ и деньги на обработку участка земли, тамъ земля должна быть осмотрѣна, и мѣстныя

---

[1]) Lang. The Aborigenes of Australia, Melbourne, 1865 (цитата изъ письма д-ра Ланга).
[2]) Grey, op. cit. II, 289.
[3]) Münzinger, op. cit. 318.
[4]) F. Jagor. Reisen in den Philippinen. Berl. 1871, 125.
[5] Jh. Meadows. Land Tenure in China. (Trans. of the Chin. branch of the K. Asiat. Society. Hongkong 1848, 8).

власти должны выдать на нее документъ. Если возникнетъ какой либо споръ по поводу такого участка земли, то подлежащее мѣстное начальство должно немедленно подвергнуть его разбору и рѣшить дѣло въ пользу той стороны, которая истратила деньги и трудъ для приведенія его въ обработанное состояніе, и которая должна быть сдѣлана полнымъ обладателемъ его безъ всякаго обложенія налогами.—Въ Никарагвѣ, [1]) по смерти отца, собственность его раздѣлялась между сыновьями поровну, за исключеніемъ того сына, который помогалъ отцу зарабатывать ее и потому получалъ больше остальныхъ.—У сѣверо-американскихъ индійцевъ [2]), если кто посѣетъ хлѣбъ на чужомъ полѣ, то не пріобрѣтаетъ чрезъ это себѣ поля; но собственникъ земли никогда не можетъ потребовать себѣ всей жатвы; онъ беретъ себѣ часть ея въ возмездіе за употребленіе, которое было сдѣлано изъ его собственности, и уступаетъ часть своей собственности въ уплату за трудъ, приложенный къ ней.—Совершенно то же гласитъ одно инородческое обычное постановленіе въ «Сборникѣ» Самоквасова, § 160: «если кто пустолежащее мѣсто собственными трудами обработаетъ для хлѣбопашества и сѣнокоса, и потомъ по нерадѣнію своему или пришествію въ бѣдность городьбу свою разломаетъ, а по оставленіи оной кто нибудь изъ постороннихъ вознамѣрится оное мѣсто огородить, и между тѣмъ выйдетъ ссора, то дать время прежнему хозяину на 3 года, и если за симъ его силъ не достанетъ, донеся о томъ родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться безполезною, тому, кто имѣетъ нужду въ сѣнокошеніи позволяется огородить и тѣмъ мѣстомъ пользоваться, но за очищеніе каменьевъ и прочаго, прежняго владѣльца по возможности чѣмъ-либо наградить».—«Буде кто сторонній», говорится въ томъ же «Сборникѣ» относительно нерчинскихъ тунгусскихъ родовъ (33), «пріѣхавъ будетъ косить на чужомъ покосѣ траву и притомъ безъ спроса у старшины и у вѣрныхъ людей общества и стариковъ и безъ спроса у хозяина, тогда изъ выкошенной травы отдать хозяину покоса двѣ части, а выкосившему *третью* часть; и притомъ, что употреблено на харчи и питье, не останется втунѣ». — «Если кто либо безъ вѣдома и позволенія почетныхъ родовичей», сообщается далѣе въ томъ же «Сборникѣ» относительно братскихъ Хоринскаго вѣдомства (134), «у посторонняго кого-либо издавна на владѣемомъ сѣнокосѣ наставитъ сѣна, таковаго за самовольный поступокъ наказать лозами (ужъ не русское-ли это изобрѣтеніе?), а накошенное сѣно отдать хозяину того покоса съ тѣмъ, чтобы, напротивъ, онъ заплатилъ

[1]) Bancroft. op. cit II, 652.
[2]) Domenech. op. cit. 245 и слѣд.

употребленный на той работѣ харчъ».—У самоѣдовъ [1]) признается правиломъ, что никто не имѣетъ права промышлять въ другой землѣ звѣря или ловить рыбу въ рѣкахъ, принадлежащихъ другимъ. Виновный и обличенный въ такомъ поступкѣ, долженъ по присужденію князя или старшины возвратить «половину добычи владѣтелю тѣхъ мѣстъ, а другую половину имѣетъ право оставить себѣ за труды». «Въ Болгаріи, [2]) если-бы кто нибудь посѣялъ хлѣбъ на чужомъ участкѣ земли, то половина урожая принадлежитъ посѣявшему, а половина владѣльцу земли».

У жителей индійскаго архипелага, какъ видно изъ статьи» нашей «Община и государство въ Нидерландской Индіи», самостоятельный трудъ представляетъ почти всюду единственный титулъ на недвижимую собственность.

Достойно замѣчанія, что первоначальная недвижимая отдѣльная собственность проходитъ тѣже стадіи, какъ и движимая собственность, а именно, подобно этой послѣдней, она долгое время подчиняется общинной и даже иногда поглощается ею. Такъ напр. мы читаемъ у Лавеле: [3]) «въ провинціяхъ Явы—Черибонъ и Тагаль расчищенныя земли принадлежатъ тому, кто ихъ подвергъ обработкѣ и переходятъ по наслѣдству до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ подвергаться обработкѣ. Однако общинная собственность мало по малу поглощаетъ частную, потому что общинныя власти имѣютъ интересъ увеличивать общинный доменъ, въ которомъ они принимаютъ участіе. Въ Самарангѣ всѣ земли общинныя; наслѣдственныхъ рисовыхъ полей не имѣется вовсе. Тотъ, кто обрабатываетъ пустошь, сохраняетъ пользованіе ею въ теченіи только трехъ лѣтъ; послѣ этого срока поля его входятъ въ составъ земель, подвергаемыхъ передѣлу. Въ Пекалонганѣ наслѣдственныя рисовыя поля представляютъ исключеніе. Въ Япара нашли, что рядомъ съ общинными землями деревни существуетъ 8701 боу земли въ рукахъ 7454 собственниковъ. Расчистки, которыя создаютъ эти роды собственности, выполняются жителями наиболѣе достаточными, часто соединенными между собою, которые одни только имѣютъ средства выполнять ирригаціонныя работы, необходимыя при культурѣ риса. Но полагаютъ, что вновь созданная частная собственность не остается долго въ рукахъ своихъ владѣльцевъ; среднимъ числомъ раньше 50 лѣтъ она захватывается коллективнымъ землевладѣніемъ. Если собственникъ бросаетъ дессу, земля его возвращается къ общинѣ; то же самое бываетъ тогда, когда у него нѣтъ прямыхъ наслѣд-

---

[1]) Соколовскій, экономич. бытъ. 86.
[2]) Богишичъ, op. cit. 597.
[3]) De la Propriété. 53--8.

никовъ, когда онъ перестаетъ обработывать землю, когда онъ не платитъ налоговъ. Въ провинціяхъ Мадивенъ, Паджитанъ, Сурабойя, Мадура, Пазураванъ и Кедири всѣ обработанныя влажныя рисовыя поля суть общинныя и подвержены ежегодному передѣлу. Тотъ, кто расчищаетъ участокъ въ лѣсу или въ пустоши, сохраняетъ индивидуальное (семейное) пользованіе имъ въ теченіи трехъ или пяти лѣтъ; послѣ этого срока земля возвращается къ общинѣ и подвергается періодическому передѣлу».

Вообще, во всемъ предъидущемъ выраженіе индивидуальная собственность слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ условномъ значеніи: оно означаетъ различныя стадіи пользованія землею постепенно обособляющихся внутри общины меньшихъ группъ, семействъ и частныхъ лицъ на пути къ образованію частной собственности; центральное-же значеніе, вокругъ котораго тяготѣютъ и которому подчиняются всѣ обособившіеся интересы, по прежнему, остается за правами на землю всей общины. Въ томъ-же самомъ направленіи дѣйствуетъ право перекупа, предоставляемое обычаями первобытныхъ народовъ, въ случаѣ продажи членомъ общины своего участка навсегда или на время, его родственникамъ, сосѣдямъ, членамъ братства, рода, племени. Примѣры этого рода обычнаго права такъ многочисленны и универсальны, что нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на нихъ.

ГЛАВА VIII.

Отсутствіе патріархальной семьи у первобытныхъ народовъ. Высокое положеніе женщины при господствѣ материнскаго права. Родовая организація общества. Свобода взаимныхъ отношеній молодежи обоего пола. Новые факты, относящіеся къ общиннымъ бракамъ. Слабость брачнаго союза у первобытныхъ народовъ. Причины перехода отъ материнскаго права къ отцовскому.

Новѣйшія изслѣдованія въ области родовыхъ и брачныхъ отношеній у первобытныхъ народовъ, какъ извѣстно, сильно поколебали господствовавшій прежде взглядъ, что древнѣйшею формою человѣческаго общества, исходною точкою развитія и главной составною частью всѣхъ прочихъ родовыхъ и политическихъ союзовъ является

такъ называемая патріархальная семья. Въ глазахъ прежнихъ изслѣдователей родъ, кланъ, племя, государство представляли съ одной стороны не что иное, какъ результатъ медленной и постепенной агломераціи семействъ, а съ другой, по аналогіи съ патріархальною семьею, сами оказывались громадными семействами. Взглядъ этотъ, если мы не ошибаемся, наиболѣе точнымъ образомъ выраженъ Клеммомъ, и Вайцемъ. «Семейство», говоритъ Клеммъ [1]), «есть древнѣйшее человѣческое общество; жители первобытныхъ лѣсовъ Америки, бушмены южной Африки, рыболовы Австраліи живутъ семействами; семейства эти вполнѣ независимы одни отъ другихъ; они то удаляются другъ отъ друга, то соединяются на случай нападенія, въ видахъ общей защиты. Американскія племена, владѣющія крупными стадами дикихъ лошадей, представляютъ картину большихъ семействъ, въ которыхъ мы находимъ старѣйшинъ, располагающихъ вліяніемъ съ характеромъ отцовской власти. Цѣлые народы образуютъ до извѣстной степени семейный союзъ, чѣмъ и объясняются безчисленныя названія американскихъ народовъ, которые всѣ обладаютъ одинаковымъ тѣлеснымъ строеніемъ, одинаковыми наклонностями, родомъ жизни, нравами и обычаями. Мы встрѣчаемъ у нихъ старѣйшинъ и рядомъ съ ними главъ семействъ, которые своими совѣтами и храбростью обезпечиваютъ существованіе семейнаго союза. Сверхъ того, у нихъ имѣются уже зачатки общихъ юридическихъ обычаевъ, признаваемыхъ какъ членами, такъ и различными племенами. Пастушескіе народы Азіи стоятъ уже на высшей ступени; роды здѣсь соединяются въ племена, которыя живутъ между собою въ болѣе мирныхъ отношеніяхъ, чѣмъ американскіе кланы. Князья племенъ пользуются большимъ уваженіемъ; прочіе члены родовъ и семействъ приносятъ имъ дань; воля ихъ рѣшаетъ спорные вопросы. Такая жизнь возможна только на большихъ плоскостяхъ; на островахъ-же и въ закрытыхъ долинахъ человѣкъ скоро переходитъ отъ первоначальнаго рыболовнаго быта прямо къ земледѣлію». Въ томъ-же смыслѣ высказывается и Вайцъ. Разсматривая, напр., учрежденіе коллективной отвѣтственности за долги и преступленія у африканскихъ народовъ, писатель этотъ кладетъ въ основаніе его господство патріархальнаго принципа, который будто-бы является главнѣйшею характеристикою всѣхъ общественныхъ отношеній означенныхъ народовъ. «Только вслѣдствіе того,» говоритъ онъ [2]), «что цѣлое племя или цѣлый народъ разсматриваются, какъ одно большое семейство, возможно, что кредиторъ для полученія удовлетворенія обращается не

---

[1]) Klemm. op. cit. I. 205.
[2]) Waitz, II, 154—155.

только къ родственнику должника, но и къ любому изъ его земляковъ».

Въ высшей степени странно, что этотъ способъ аргументаціи столь долго сохранялъ за собою славу непогрѣшимости, тогда какъ даже a priori ясно, что онъ основывается на однихъ только поверхностныхъ аналогіяхъ. Требовалось опредѣлить ближайшую характеристику общественной организаціи первобытнаго народа: вопросъ рѣшается при помощи простаго подведенія ея подъ организацію патріархальной семьи, которая представляетъ собою совокупность изъ нѣсколькихъ поколѣній, соединенныхъ въ одно цѣлое абсолютною властью отца или старшаго въ родѣ, общеніемъ имущества, обычаевъ, нравовъ и тѣлеснаго строенія. Всѣ эти признаки немедленно переносятся на каждую общественную группу древняго или первобытнаго общества, и, такимъ образомъ, семействомъ оказываются одинаково и стадное состояніе людей, и родъ, и братство, и племя. Такъ, напр., всѣ ботокуды имѣютъ одинаковые обычаи, нравы и тѣлесное строеніе,—ergo, все племя ботокудовъ представляетъ не что иное, какъ одно патріархальное семейство. До очень недавняго времени семейство признавалось единственною организацією, представлявшею родъ общенія имуществъ; такое же общеніе имуществъ существуетъ у братства племени отомановъ,—ergo, все означенное братство является однимъ патріархальнымъ семействомъ. Члены патріархальнаго семейства соединены родственною дружескою связью; такая-же родственная связь замѣчается между членами рода оджибвеевъ,—ergo, весь родъ оджибвеевъ есть не что иное, какъ патріархальное семейство. Тотъ же предвзятый взглядъ на значеніе патріархальной семьи, склонялъ видѣть устойчивый брачный союзъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности было общеніе женъ или близкое къ нему состояніе половыхъ отношеній; открывать патріархальную власть отца или старшаго въ родѣ тамъ, гдѣ не только не существуетъ этой власти, но неизвѣстны въ точности и сами отцы. Спрашивается, почему одинаковое тѣлесное строеніе, одинаковые нравы и обычаи, общеніе имуществъ и отвѣтственности, дружескія родственныя отношенія и пр. должны являться доказательствомъ, что то или другое первобытное племя или составная часть его представляютъ не что иное, какъ большое патріархальное семейство? Не въ тысячу ли разъ правдоподобнѣе думать, что позднѣйшія семейныя формы сами являются во многихъ отношеніяхъ переживаніемъ первоначальной родовой системы, осуществлявшейся въ болѣе широкихъ формахъ родовъ, братствъ, племенъ и союзовъ племенъ? Съ другой стороны, сама первоначальная семья нисколько не похожа на позднѣйшую; такъ, напр., о какой патріархальной власти отца можетъ идти рѣчь въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда, при

господствѣ материнскаго права, мужъ идетъ въ родъ жены и остается здѣсь въ подчиненномъ положеніи?

Независимо отъ теоретическихъ соображеній, мы можемъ привести также и прямыя свидѣтельства относительно многихъ первобытныхъ народовъ, что у нихъ дѣти совершенно не повинуются родителямъ, что отцовская власть у нихъ, вопреки мнѣнію Клемма, всего менѣе можетъ быть названа патріархальною. «Почти не слыхано», говоритъ Лаба [1]) о караибахъ, «чтобы отецъ приказалъ сыну отъ 16 до 18 лѣтъ, идти на охоту или на рыбную ловлю, или чтобы хозяинъ хижины возъимѣлъ намѣреніе послать туда живущихъ съ нимъ,— въ подобномъ случаѣ онъ могъ-бы всегда ожидать сухаго отказа. Если онъ хочетъ идти на рыбную ловлю, на охоту, или необходимость принуждаетъ его къ тому, онъ говоритъ просто, какъ Св. Петръ: «я иду удить», и тѣ, которые желаютъ сопутствовать ему, отвѣчаютъ столь-же лаконически, какъ апостолы: «мы идемъ съ тобою» и слѣдуютъ за нимъ. Нѣтъ въ мірѣ народа, который былъ-бы болѣе ревнивъ къ своей свободѣ и который живѣе и съ большимъ нетерпѣніемъ ощущалъ-бы малѣйшее вторженіе въ нее. Такъ они насмѣхаются надъ нами, когда видятъ, что мы относимся съ уваженіемъ къ своимъ старшимъ и повинуемся имъ. Они говорятъ, что, по всей вѣроятности, мы просто рабы тѣхъ, кому повинуемся, если они даютъ себѣ волю приказывать намъ, и мы сами настолько трусы, что слѣдуемъ ихъ приказаніямъ». — «Отцы не имѣютъ никакого права на послушаніе своихъ сыновей», читаемъ у Депона [2]) о туземцахъ Южной Америки, «но они пользуются абсолютнымъ правомъ надъ волею своихъ дочерей. Дочь всегда слѣпо должна отдавать свою руку супругу или, лучше, господину, котораго назначаетъ ей отецъ. Вмѣсто того, чтобы давать за нею приданое, отецъ получаетъ его отъ своего зятя, который выплачиваетъ его *трудомъ*, дичью, рыбою и другими предметами».—«У индійцевъ Ориноко», по словамъ Гумилла [3]), «въ домашней жизни нѣтъ ни правленія, ни порядка, ни союза; дѣти вовсе не повинуются своимъ отцамъ, а эти послѣдніе, съ своей стороны, воздерживаются отъ всякихъ внушеній по отношенію къ нимъ, не зная, чему учить ихъ. Въ нѣжномъ возрастѣ отцы обращаются съ дѣтьми довольно мягко, но въ зрѣломъ они ихъ ненавидятъ. Въ присутствіи автора одинъ сынъ туземца нанесъ своему отцу ударъ, и на вопросъ, съ какой стати онъ терпитъ такое дерзкое обращеніе со стороны своего сына, отецъ

---

[1]) Labat, op. cit. IV, 328.
[2]) Depons, op. cit. 301.
[3]) Gumilla, op. cit. I, 211.

отвѣтилъ, что боится кровной мести (другой родъ). «На Маріанскихъ островахъ», говоритъ Ле Гобіенъ, [1]) «дѣти не знаютъ, что значитъ имѣть уваженіе и почтеніе къ своимъ родителямъ. Они признаютъ родителей лишь настолько, насколько нуждаются въ нихъ».

Спрашивается, далѣе, о какой отцовской власти можетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ супружескихъ союзахъ, основанныхъ на существованіи женской филіаціи и встрѣчающихся у первобытныхъ народовъ весьма часто? «Если женихъ совершенно лишенъ средствъ», говоритъ Доменечъ [2]), «какъ бываетъ у сѣверныхъ племенъ американскихъ индійцевъ, то онъ идетъ на извѣстное время на службу къ родителямъ любимой имъ дѣвушки; по истеченіи условленнаго срока онъ остается въ семьѣ жены или беретъ ее къ себѣ домой. Въ продолженіе службы ничто зарабатываемое мужемъ работою или охотою не принадлежитъ ему; онъ принужденъ все отдавать родственникамъ своей жены для образованія условленной выкупной суммы. По заключеніи брачнаго союза, мужъ обыкновенно присоединяется къ роду, къ которому принадлежитъ семейство жены; этотъ обычай возникаетъ изъ того, что жена есть кормилица семейства; новой парѣ удобнѣе удерживать хозяйство въ мѣстности ей извѣстной, гдѣ она можетъ найти съѣдобные корни, которыми эти племена (селиши) большею частью существуютъ. Индійскія женщины въ этихъ краяхъ третируются съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны и пользуются большимъ вниманіемъ и властью». Намъ кажется, что авторъ, имѣя предъ собою одну изъ наиболѣе чистыхъ формъ брака при господствѣ женской филіаціи, смѣшиваетъ ее съ позднѣйшею формою, когда мужъ является зятемъ—влазенемъ, пріймой, иными словами, идетъ въ семью жены при отсутствіи мужскихъ наслѣдниковъ и занимаетъ въ ней подчиненное положеніе, вслѣдствіе своей бѣдности. Эта послѣдняя форма брака встрѣчается преимущественно при господствѣ мужской филіаціи, какъ доказываетъ ея распространеніе между крестьянами и нѣкоторыми инородцами европейской Россіи. [3])

«Я нашелъ», говоритъ Доббель, [4]) «что камчадалы ухинскаго берега усвоили нѣкоторые изъ нравовъ и обычаевъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей — коряковъ. Если у нихъ молодой человѣкъ любитъ дѣвушку и не довольно богатъ, чтобы получить ее другимъ путемъ, онъ закабаляется въ рабы къ ея отцу на 3, 4, 5 или 10 лѣтъ, смотря по договору, чтобы получить дозволеніе жениться

[1]) Le Gobien, op. cit. 53.
[2]) Domenech, op. cit.
[3]) См. Матвѣевъ, op. cit. 29. Ефименко op. cit. 28. Чубинскій op. cit. 697.
[4]) Dobbel. Travels, 1830, I, 82; см. также Steller. 210.

на ней. Когда истекаетъ условленный срокъ, онъ допускается къ женитьбѣ на ней и живетъ съ свекромъ, какъ его собственный сынъ. Въ теченіи своего зависимаго состоянія онъ живетъ милостью своей госпожи, которая должна быть къ нему весьма благосклонна, чтобы дать ему возможность выносить такъ долго гнѣвъ повелительнаго хозяина, не дающаго отдыха отъ суроваго труда и усталости».

«Патріархальный обычай», читаемъ у Боуринга, [1]) «служить въ домѣ отца, чтобы получить руку и сердце дочери, нисколько не уничтоженъ на Филиппинахъ; кромѣ того здѣсь продолжаетъ существовать еще болѣе близкая связь съ женихомъ, которая, какъ говорятъ, находится еще въ употребленіи въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ Уэльса и съ такими же невыгодными послѣдствіями для слабаго пола. Одомашненіе жениха въ домѣ его будущаго тестя ведетъ къ рожденію большаго числа незаконныхъ дѣтей, къ частому нарушенію обѣтовъ, къ домашнимъ спорамъ и къ большой нищетѣ».

«На Филиппинскихъ островахъ», сообщаетъ Ягоръ, [2]) «женихъ долженъ работать въ домѣ родителей невѣсты 2, 3 даже 5 лѣтъ прежде, чѣмъ можетъ привести домой жену. Деньгами эту повинность выкупить *невозможно*. Онъ ѣстъ въ домѣ родителей невѣсты, которые доставляютъ ему рисъ, но приварокъ долженъ добывать себѣ самъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ женихъ, кромѣ выкупа невѣсты, платитъ вознагражденіе ея матери за материнское молоко, которымъ пользовалась первая. Согласно Колину (Labor evangelicus, стр. 129), вознагражденіе за ночные труды и заботы, которыя принимала на себя мать при воспитаніи невѣсты или такъ называемый пангимуатъ, достигало $^1/_5$ платы за невѣсту. Въ концѣ службы зять строитъ съ помощью своихъ родственниковъ домъ для вновь основываемой фамиліи».

«Въ числѣ прочихъ способовъ полученія женъ», говоритъ Марціусъ, [3]) «бразильскій индіецъ можетъ пріобрѣсти себѣ жену, работая въ домѣ ея отца. Это бываетъ особенно у большихъ, имѣющихъ постоянную осѣдлость народцевъ и племенъ. Молодой человѣкъ, какъ нѣкогда Іаковъ у Лавана, посвящаетъ себя, часто на цѣлые годы, различнымъ службамъ и повинностямъ въ домѣ будущаго тестя, съ неистощимымъ трудолюбіемъ. Онъ ходитъ для него на охоту и на рыбную ловлю, помогаетъ ему строить крышу, чистить лѣсъ, носить дрова и пр. Потомъ онъ получаетъ жену или не получаетъ ея, и остается въ домѣ отца ея или не остается».

---

[1]) Bowring. A visit to the Philippine Islands. Lond. 1859, 144—5.
[2]) Jagor. Reisen in den Philippinen. Berl. 1873, 129.
[3]) Marzius, op. cit. 55.

На Суматрѣ, [1]) при вступленіи въ бракъ, мужъ слѣдуетъ за женою, потому что она есть представительница рода и потомственный собственникъ дома; дѣти также принадлежатъ къ хозяйству матери. Если мужъ идетъ жить къ женѣ, то онъ не разсматривается, какъ принадлежащій къ семьѣ членъ, а какъ лицо, остающееся здѣсь временно (orang menoempang). Его собственное мѣстожительство находится у его сестры, подъ надзоромъ которой состоитъ вся его личная собственность, и она съ своими дѣтьми имѣетъ право на все, что онъ заработаетъ работой, торговлей или инымъ способомъ. То, что онъ исполняетъ въ полѣ своей жены или въ ея домѣ, принадлежитъ ей, и изъ этого въ пользу своихъ собственныхъ дѣтей онъ не можетъ взять ничего кромѣ платья; если онъ хочетъ сдѣлать для нихъ больше, то на это требуется согласіе его наслѣдниковъ. Если мужъ умеръ въ домѣ своей жены, то являются наслѣдники для розыска, не оставилъ ли онъ чего, и если да, то берутъ оставленное себѣ; но при этомъ, или, вслѣдствіе этого, они-же заботятся и о погребеніи.

На Цейлонѣ [2]) есть два рода брака—«деега» и «беена». По «деега» жена идетъ жить въ хижину мужа; по «беена» мужъ идетъ жить въ хижину жены.

У редди, въ южной Индіи [3]), господствуетъ слѣдующій брачный обычай: «дѣвушку 15 или 16 лѣтъ выдаютъ за мальчика 5 или 6. лѣтъ Потомъ она живетъ съ какимъ либо другимъ мужчиною, дядею или обыкновенно съ двоюроднымъ братомъ матери, потому что ей не дозволено образовывать связь съ членами своей отцовской семьи; иногда она живетъ даже съ отцомъ своего мужа, т. е. съ своимъ свекромъ. Если отъ этой связи будутъ дѣти, то отцомъ ихъ считается молодой мужъ. Когда онъ въ свою очередь достигнетъ зрѣлаго возраста, его жена уже стара и вышла изъ возраста дѣторожденія; тогда онъ живетъ съ женою другого мальчика и родитъ дѣтей на счетъ молодого мужа».

У караибовъ [4]) жены часто живутъ въ различныхъ деревняхъ и посѣщаются по очереди мужемъ.

У народа Кимбунды [5]), въ Африкѣ, сыновья, происшедшіе отъ брака принадлежатъ не отцу, а дядѣ со стороны матери, и собственный ихъ отецъ, даже пока они малолѣтны, и находятся подъ его присмотромъ, не имѣетъ никакой власти надъ ними. Такимъже образомъ сыновья наслѣдуютъ не отцу своему, а дядѣ, и этотъ послѣдній можетъ распоряжаться ими съ неограниченною

[1]) Hollander op. cit.
[2]) Davy. Ceylon, 286.
[3]) Short. Trans. of the Ethnol. Society, VII, 194.
[4]) Lafitau, op. cit. I. 556.
[5]) Magyar, op. cit. I, 284.

властью, даже въ случаѣ нужды продать ихъ. Только дѣти, рожденныя отъ рабынь, разсматриваются какъ дѣйствительная собственность отца, какъ наслѣдственное его имущество. То-же самое говоритъ и Бастіанъ о жителяхъ берега Лоанго [1]): «отецъ не пользуется никакою властью надъ своимъ сыномъ. Онъ не можетъ продать его подобно тому, какъ дядя продаетъ своего племянника. При наступленіи развода, дѣти слѣдуютъ за матерью, потому что принадлежатъ ея брату или ихъ дядѣ. Дѣти наслѣдуютъ матери, тогда какъ имущество отца переходитъ по наслѣдству къ его брату или къ племяннику».

Согласно описанію Ливингстона, [2]) негры Баланда на сѣверѣ Замбезе подчиняются слѣдующимъ брачнымъ обычаямъ: молодой человѣкъ, желающій жениться, долженъ отправиться въ деревню жены; при заключеніи брачнаго договора онъ долженъ принять на себя обязательство всю жизнь снабжать старую мать своей жены дровами (см. параллельный случай на Филиппинскихъ островахъ); только жена можетъ отпустить мужа; въ случаѣ развода дѣти составляютъ собственность матери; мужъ не въ состояніи заключить самаго обыкновеннаго договора безъ согласія старшей жены.

Тотъ-же Ливингстонъ во второмъ путешествіи своемъ по рѣкѣ Замбезе [3]) разсказываетъ такую характеристическую сцену: «нашъ проводникъ, принадлежавшій къ сосѣднему поселку отказался идти дальше. Пока мы ожидали другого, Мазико (одинъ изъ слугъ автора) пожелалъ купить козу. Дѣло было почти кончено, когда появилась жена продавца, и сказала своему мужу съ видомъ преисполненнымъ достоинства: «подумаешь, что у тебя нѣтъ жены; продавать козу, не посовѣтовавшись съ женою! нанести ей такую обиду! что же ты за человѣкъ послѣ этого?» Мазико настаивалъ. «Пускай говоритъ, что хочетъ, покончимъ дѣло» повторялъ онъ. Но супругъ, хорошо проученный, отвѣчалъ: «нѣтъ, я уже и безъ того сильно повредилъ себѣ», и отказался. Здѣсь женщины имѣютъ то же вліяніе, какъ и у Баланда, живущихъ дальше къ западу, и какъ во многихъ мѣстностяхъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Замбезе. Въ одной изъ этихъ деревень мы видѣли женщину, которая запретила своему мужу уступить намъ цыпленка только для того, чтобы показать намъ, что она госпожа».

По сообщенію майора Поуэлля [4]), въ пуэбло Орайбе, насе-

---

[1]) Bastian. Die deutsche Expedition an der Loango-Küste. Iena 1874. I. 133. 165.

[2]) Livingstone. Zambese (цитир. у Бахофена).

[3]) Livingstone. Explorat. du Zambese etc. 1866, 553.

[4]) L. Morgan. Ancient Society, 535 и слѣд.

ленномъ индійцами моквеями, имѣлъ мѣсто нижеописываемый случай, который наглядно показываетъ, что мужъ не пріобрѣтаетъ никакихъ правъ на имущество жены и на дѣтей. Зуніецъ женился на женщинѣ Орайбе и прижилъ съ нею троихъ дѣтей. Онъ жилъ съ ними въ Орайбе, пока не умерла жена, что произошло во время пребыванія майора Поуэлля въ пуэбло. Родственники жены вступили во владѣніе ея дѣтьми и хозяйственнымъ имуществомъ, оставивъ мужу принадлежавшую ему лошадь, одежду и оружіе. Сверхъ того, ему дозволили взять нѣсколько принадлежавшихъ ему одѣялъ; но тѣ, которыя составляли собственность покойницы-жены, остались нетронутыми имъ. Онъ покинулъ пуэбло съ майоромъ Поуэллемъ, говоря, что пойдетъ съ нимъ въ Санта-Фе, а потомъ возвратится къ своему народу въ Зуни. — Другой случай такого-же рода произошелъ въ другомъ пуэбло моквеевъ и также сообщается майоромъ Поуэллемъ. Умерла женщина, оставивъ по себѣ дѣтей, мужа и имущество. Дѣти и имущество были взяты родственниками умершей; все что было дозволено взять мужу, это — его платье. Былъ-ли онъ индійцомъ племени моквеевъ или другого племени, Поуэлль не могъ узнать. Изъ этихъ фактовъ ясно, что дѣти принадлежали матери, а не отцу, и что ему не дозволялось брать ихъ къ себѣ по смерти матери. — Такой же обычай существовалъ среди ирокезовъ и другихъ сѣверныхъ племенъ. Сверхъ того, собственность жены была отдѣльная и поступала въ распоряженіе ея родителей послѣ ея смерти. Это, повидимому, доказываетъ, что жена ничего не брала у своего мужа, какъ и мужъ ничего не бралъ у жены. Тотъ же самый обычай существовалъ среди сельскихъ индійцевъ Мексики.

Всѣ перечисленные факты находятся въ непосредственной связи съ преобладаніемъ у соотвѣтствующихъ народовъ наслѣдованія въ женской линіи, хотя далеко не всѣ означенные авторы обратили вниманіе на это обстоятельство. Они не задали себѣ вопроса, почему, при такихъ условіяхъ, мужъ постоянно или очень часто оказывается бѣднѣе жены, и почему этой послѣдней, а иногда и ея матери, предоставляются значительныя привиллегіи, о которыхъ при другихъ брачныхъ порядкахъ вовсе не слышно. Все дѣло въ томъ, что, при господствѣ женской филіаціи, настоящимъ потомственнымъ хозяиномъ имущества является именно женщина и ея родъ, а потому приходящій къ ней мужчина по неволѣ занимаетъ въ ея родѣ зависимое и подчиненное положеніе. Подобная роль мужа, при существованіи наслѣдованія въ женской линіи, составляетъ не исключеніе, а общее правило, какъ это мы видимъ у весьма многихъ американскихъ, африканскихъ и океанійскихъ народовъ. Напротивъ, при существованіи мужской филіаціи, принятіе въ домъ жены «зятя-влазеня»

или «пріймы», назначеніе котораго замѣнить собою отсутствующаго мужского потомка, является именно исключеніемъ изъ правила. Поэтому, какъ ни дурно и не шатко положеніе подобнаго зятя-пріемыша, но оно все же не на столько обособлено отъ интересовъ женнина рода, какъ при господствѣ женской линіи.

Предъидущее показываетъ, какъ осторожно нужно обращаться съ такими терминами, какъ «патріархальная семья», въ приложеніи къ общественнымъ союзамъ на раннихъ ступеняхъ развитія. Достаточно отсутствія одного такого важнаго признака патріархальнаго семейства, какъ отцовская власть, чтобы обнаружить воочію всю несостоятельность подобнаго объясненія дѣла. А между тѣмъ, общественные союзы съ господствомъ наслѣдованія въ женской линіи продолжаютъ до настоящаго времени обнимать весьма значительную часть земного шара. Правда, во многихъ случаяхъ, напримѣръ у сѣвероамериканскихъ индійцевъ и у нѣкоторыхъ африканскихъ негровъ, роль отца выполняетъ дядя со стороны матери; но это не мѣшаетъ женщинѣ занимать въ семьѣ первое мѣсто. Патріархальная семья вообще встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ привыкли утверждать ученые. Такъ мы имѣли уже случай видѣть выше, что даже при господствѣ мужской филіаціи, исключающей дочерей изъ наслѣдства, какъ напримѣръ въ средневѣковой французской и въ югославянской семейной общинѣ, о патріархальной власти старѣйшины не можетъ быть и рѣчи. Въ послѣдней главѣ настоящаго сочиненія мы постараемся показать, что и старѣйшины болѣе обширныхъ общественныхъ союзовъ располагаютъ патріархальною властью очень рѣдко.

Существуетъ однако еще одинъ разрядъ явленій, который устраняетъ господствовавшее до недавняго времени мнѣніе, что патріархальная власть отца представляетъ начало всякой власти. Явленія эти относятся къ сравнительно высокому и свободному положенію женщины, при господствѣ матріархата, на которое уже указывали отчасти приведенные выше примѣры. Правда, европейскому уму такъ трудно составить себѣ идею объ экономическомъ или семейномъ преобладаніи женщины, что послѣднее отрицается даже тѣми учеными которые не мало потрудились надъ разъясненіемъ первобытной общественной организаціи. Такъ, напр., Леббокъ, признавая глубокое значеніе женской филіаціи въ исторіи развитія человѣческаго общества, тѣмъ не менѣе находитъ, что «было очень мало странъ, если только были такія, гдѣ бы женщины допускались къ отправленію верховной власти; мы не видимъ въ исторіи факта, чтобы женщины когда либо успѣвали добиться своихъ правъ, и дикія женщины въ особенности были далеки отъ этого; напротивъ, у расъ наименѣе цивили-

зованныхъ, напр. у австралійцевъ, положеніе женщины есть положеніе абсолютнаго рабства и пр.». Но въ опроверженіе этого, даже оставляя въ сторонѣ тѣ многочисленные факты преобладанія женщинъ въ древности, какіе можно найти у Бахофена, мы въ состояніи немедленно перечислить нѣсколько поучительныхъ примѣровъ высокаго положенія женщины изъ непосредственной и близкой къ намъ по времени дѣйствительности.

«На островахъ Дружбы,» говоритъ Маринеръ [1]), «женщины старѣйшихъ родовъ никогда не обработываютъ почвы и не занимаются никакою грубою работою. Жители острововъ Самоа, Фиджи и Сандвичъ выговаривали тонгаитянамъ, что они распустили своихъ женщинъ; но тѣ отвѣтили имъ, что земледѣліе не женское дѣло, и что мужчинъ-женщинъ никто не любитъ; и дѣйствительно женщины на островахъ Дружбы очень скромны, большія патріотки и прекрасныя матери и жены. По отношенію къ женщинамъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно очень важное замѣчаніе, важное потому, что оно доказываетъ, что женщина здѣсь нисколько не раба мужчины; оно состоитъ въ томъ, что женщины - начальницы подражаютъ власти мужчинъ и имѣютъ свои **caw-fafina** (свиты), какъ и *мужчины свои* **caw-tongata**; ихъ **caw-fafina** состоитъ изъ женъ и дочерей низшихъ начальниковъ и матабулъ; легко понять, что подобная ассоціація стремится поддерживать ихъ рангъ и независимость».

Относительно такихъ-же женскихъ ассоціацій на Палаузскихъ островахъ, Земперъ [2]) сообщаетъ слѣдующее: «совершенно подобно мужчинамъ, и женщины образуютъ клёббергёлли, имѣющіе также своихъ предводителей, и обладающіе, подобно мужчинамъ, правами признанной корпораціи, не будучи, правда, обязанными къ участію въ войнѣ и въ общественныхъ работахъ или къ обитанію въ общественныхъ домахъ. Возникновеніе этихъ женскихъ клёббергёллей врядъ-ли вызвано потребностью въ раздѣленіи труда... Скорѣе, кажется, что здѣсь дѣйствительно существуетъ потребность въ извѣстномъ представительствѣ, которая была ощущаема женщинами и признана мужчинами, и которая породила эти женскіе клёббергёлли и доставила имъ несомнѣнныя прерогативы. Такъ, напр., они имѣютъ право послѣ смерти крея получать отъ жены его извѣстные подарки, а также требовать у каждаго жителя деревни соотвѣтствующей контрибуціи для угощенія посѣтителей на празднествахъ. Говоря короче, женскіе клёббергёлли, какъ по рангу, такъ и въ отношеніи правъ, занимаютъ такое-же положеніе, какъ и мужскіе, и самый могущественный князь не осмѣлился бы выступить противъ подоб-

[1]) Mariner. Tonga Islands. 1817, II, 296 и слѣд.
[2]) Semper, Die Palau-Inseln, 114 и слѣд.

ной женской общины, безъ поддержки своихъ товарищей. Отдѣльный мужчина совершенно безсиленъ передъ подобнымъ клёббергёллемъ. Туземцы уходятъ отъ женщинъ, собравшихся въ клёббергёлль, а если и приближаются къ нимъ, то не иначе, какъ въ унизительномъ, согбенномъ положеніи». Сходство, почти тожество палаузскихъ клёббергёллей и тонганскихъ caw-fafina и caw-tongata, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію».

На Маріанскихъ островахъ, по словамъ Ле Гобіена [1]), женщины пользуются полною свободою, въ хозяйствѣ онѣ распоряжаются безъ всякихъ ограниченій и т. под. Въ случаѣ измѣны жены, мужъ не смѣетъ тронуть ее пальцемъ; самое большее, что онъ можетъ, это покинуть ее. Когда-же, наоборотъ, жена заподозритъ невѣрность со стороны мужа, то она назначаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ свиданіе всѣмъ женщинамъ; оттуда онѣ отправляются толпою къ жилищу виновнаго мужа и здѣсь истребляютъ деревья, посѣвы, словомъ все, что ни попадется имъ подъ руку. Послѣ этого они входятъ толпою въ домъ и изгоняютъ мужа силой, если онъ не удалился заблаговременно. То же самое дѣлаютъ съ домомъ обвиняемаго мужа родственники пожаловавшейся на него жены.—Отцамъ наслѣдуютъ не дѣти, а братья и племянники умершаго, при чемъ принимаютъ его имя, или имя старѣйшины семьи. Этотъ обычай, который кажется намъ страннымъ, у нихъ установился такъ прочно, что не производитъ никакихъ затрудненій или путаницы.

На Сандвичевыхъ островахъ [2]) общественныя должности были наслѣдственныя и переходили, главнымъ образомъ, чрезъ женщинъ, которыя часто держали бразды правленія въ своихъ рукахъ. Этотъ обычай имѣетъ источникомъ великую распущенность, существующую между полами: никакое дитя не имѣло возможности достовѣрно обозначить своего отца, между тѣмъ какъ, конечно, никакой ошибки не могло быть сдѣлано по отношенію къ матери.

На островахъ Маршалла [3]) (Микронезія) женщина не есть раба, но подруга мужчины и даже имѣетъ право говорить въ общественныхъ собраніяхъ.

На Малдивскихъ островахъ, по словамъ Пикара [4]), женщина не только передаетъ дѣтямъ свое соціальное положеніе, но, сверхъ того, пользуется въ семействѣ правами высшими, чѣмъ мужъ.

Положеніе женщины на Явѣ и вообще на Индійскомъ Архипела-

---

[1]) Le Gobien. Histoire des Isles Marianes.. 1700.
[2]) J. I. Jarves, op. cit. 26—7.
[3]) Christman und Oberlaender. Oceanien, 361.
[4]) Duveyrier. Les Touaregs du Nord, Paris. 1864, 393.

гѣ весьма не дурное [1]). Она ѣстъ съ мужчиною, она не замурована въ четырехъ стѣнахъ, и вообще пользуется положеніемъ равнымъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что можетъ даже удивить при такомъ состояніи общества. Равенство между полами, что довольно замѣчательно, признается почти повсюду у самыхъ даже воинственныхъ народовъ. Среди народовъ Целебеса, почти наиболѣе войнолюбивыхъ на всемъ Архипелагѣ, женщина является въ публикѣ безъ всякаго нарушенія стыда; она принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ жизненныхъ дѣлахъ; мужъ совѣтуется съ нею по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, и часто она всходитъ на престолъ тамъ, гдѣ монархія бываетъ избирательная. Здѣсь жена ѣстъ съ мужемъ, и даже всегда изъ одного и того-же блюда, сообразно обычаю, указывающему на равенство половъ; единственная разница въ пользу послѣдняго та, что онъ ѣстъ съ правой стороны. На публичныхъ празднествахъ женщины появляются среди мужчинъ; а женщины, занимающія должностные посты, засѣдаютъ въ совѣтахъ мужчинъ когда обсуждаются государственныя дѣла, пользуясь какъ часто говорится, даже большею долею права разсуждать, чѣмъ слѣдуетъ. Но не на одномъ лишь Целебесѣ женщины достигаютъ верховной власти. Почти нѣтъ на островахъ такой страны, гдѣ-бы, въ тотъ или въ другой періодъ времени, женщина не сидѣла на престолѣ, и всего чаще тамъ, гдѣ правительство наиболѣе буйное. На Явѣ женщина пользуется также большимъ уваженіемъ, какъ прекрасная ремесленница-художница... На Явѣ общее изобиліе; и такъ какъ женщины трудолюбивы, заботливы и развиты, то онѣ могутъ зарабатывать себѣ существованіе независимо отъ мужчинъ, тогда какъ эти послѣдніе отличаются безконечно большимъ сервилизмомъ и податливостью характера, чѣмъ большинство другихъ жителей архипелага.

Японскія женщины [2]) не занимаютъ въ семействѣ такого значительнаго мѣста, какъ китайскія, являющіяся госпожами дома, противъ которыхъ мужъ не можетъ бороться безнаказанно; однако онѣ ни въ какомъ случаѣ не рабы мужа, какъ на прочемъ востокѣ, и представляютъ его помощницъ въ домашнихъ дѣлахъ и въ воспитаніи дѣтей. Хотя-бы любовь и не соединяла супруговъ и не приносила въ домъ счастья, но бракъ, повидимому, съ обѣихъ сторонъ цѣнится довольно высоко, чтобы не портить его тѣми проявленіями грубости и пошлости, которыя въ нашихъ цивилизованныхъ государствахъ, къ сожалѣнію, случаются слишкомъ часто. Здѣсь никогда не случается, чтобы мужъ поступилъ грубо съ женою; даже бранныя и насмѣшливыя слова никогда не нарушаютъ формъ

[1]) I. Crawfurd. History of the Indian Archipelago. Edinb. 1823, 73.
[2]) Werner, op. cit. II, 75.

приличія, которыя образованіе и обычай ввели въ законъ, и которыя во внѣшней жизни соблюдаются такъ, какъ этого нельзя найти нигдѣ... Браки въ Японіи между высшими классами всегда условны; у средняго класса до недавняго времени они были тѣмъ-же.

«Среди сѣверо-американскихъ краснокожихъ», говоритъ Перро [1]), «есть народы, которые вступаютъ въ бракъ на всю жизнь; другіе-же покидаютъ другъ друга, когда имъ вздумается. Соблюдающіе послѣднее правило суть ирокезы, волки и нѣкоторые другіе. Но отоваи женятся, чтобы жить съ женою всю жизнь, если только какая нибудь важная причина не заставитъ мужа отказаться отъ жены. Въ противномъ случаѣ мужъ подвергъ-бы себя опасности быть ограбленнымъ, потому что та, съ которою онъ обращался бы дурно, чтобы взять другую, стала-бы въ главѣ своихъ родственницъ и отняла-бы все, что у него есть на себѣ и въ хижинѣ; она оборвала-бы волосы, исцарапала-бы ему лицо и пр., словомъ, нѣтъ такой непристойности и порицанія, какихъ она не имѣла-бы права нанести ему, безъ всякой возможности съ его стороны сопротивляться, если только онъ не хочетъ сдѣлаться предметомъ порицанія всей деревни. Если мужъ не женится на другой, жена, брошенная имъ, можетъ его ограбить по возвращеніи съ охоты, оставляя ему *только оружіе*, которое отнимаетъ лишь тогда, если онъ абсолютно не желаетъ воротиться къ ней. Но если мужъ въ состояніи доказать невѣрность жены, то онъ можетъ жениться на другой безпрепятственно. Большею частью, впрочемъ, въ особенности среди молодежи, супруги оставляютъ другъ друга, когда пожелаютъ. Они вступаютъ въ бракъ на одно охотничье путешествіе и дѣлятъ пополамъ добычу. Мужъ можетъ условиться съ женою относительно того, что онъ ей дастъ за время, пока будетъ имѣть желаніе сохранить ее за собою, подъ условіемъ оставаться ему вѣрной; она также, по окончаніи путешествія, можетъ отдѣлаться отъ него. Но иногда супруги живутъ долго вмѣстѣ, особенно, когда имѣютъ дѣтей, которые принадлежатъ, по обычаямъ дикихъ, матери и остаются при ней, если отецъ бросаетъ ее».

«Нетъ-но-ква», говоритъ Таннеръ объ одной сѣверо-американской индіанкѣ, [2]) «не смотря на свой женскій полъ, разсматривалась, какъ главный начальникъ отоваевъ. Мужъ Нетъ-но-квы былъ оджибвей съ Красной рѣки, по имени «охотникъ», моложе Нетъ-но-квы на 17 лѣтъ. Онъ развелся съ первою женою, чтобы вступить съ

---

[1]) Perrot, op. cit. 22—23.
[2]) J. Tanner op. cit. I, 28, 40, 56.

Нетъ-но-квой въ бракъ; но онъ имѣлъ въ семьѣ лишь второстепенное значеніе: все принадлежало Нетъ-но-квѣ, и она была вездѣ и всегда правительницею всѣхъ дѣлъ... Я не видалъ никогда ни одного индійца, который пользовался-бы властью, подобной власти Нетъ-но-квы: она всегда дѣлала, что хотѣла, какъ съ бѣлыми, такъ и съ индійцами. Эта власть, вѣроятно, въ значительной степени зависѣла отъ того, что Нетъ-но-ква всегда придерживалась одной только справедливости».

Цитируя всѣ эти показанія путешественниковъ, мы нисколько не думаемъ отрицать рабскаго и угнетеннаго положенія женщины у многихъ первобытныхъ народовъ, широкой распространенности похищенія, покупки женъ и тягостей возлагаемой на нихъ работы. Однако подобное состояніе вещей относится уже къ столкновенію двухъ различныхъ общественно-родовыхъ системъ, — основанныхъ на женской и на мужской филіаціи. Какъ только отцовское право начинаетъ одерживать верхъ надъ материнскимъ, немедленно возникаютъ тѣ условія, которыя влекутъ къ угнетенію и къ порабощенію женщины. У существующихъ первобытныхъ народовъ отцовское и материнское право большею частью находятся въ смѣшеніи, при чемъ отъ материнскаго права остались мѣстами одни обломки, а потому неудивительно, что и положеніе женщинъ у нихъ представляетъ значительныя противорѣчія. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что одной только тяжелой работы, возлагаемой на женщинъ, еще не достаточно для рѣшенія вопроса о степени угнетенія женщины. Во многихъ случаяхъ, при господствѣ женской филіаціи, женщина могла браться за работу, какъ болѣе дѣятельная половина рода человѣческаго, и лишь впослѣдствіи, съ упадкомъ материнскаго права, работа могла сдѣлаться источникомъ порабощенія женщины. «Наблюденіе надъ существующими народами», говоритъ Бахофенъ, «поставило внѣ всякаго сомнѣнія фактъ, что человѣческое общество приведено къ земледѣлію преимущественно трудами рукъ женщины, между тѣмъ какъ мужчина продолжительно отдѣлывался отъ него». И дѣйствительно, большая часть земледѣлія сѣверо-американскихъ индійцевъ и африканскихъ негровъ, иными словами, племенъ, у которыхъ всего болѣе сохранилось до сихъ поръ слѣдовъ материнскаго права, отправляется трудомъ женщинъ. Тяжкая участь африканской и сѣверо-американской женщины, совмѣщавшаяся съ исключительными привилегіями по отношенію къ праву наслѣдованія должностей и имущества въ женской линіи, неоднократно возбуждала вниманіе и удивленіе путешественниковъ. Но тутъ, повидимому, смѣшивались въ одно цѣлое явленія весьма различнаго значенія. Съ одной стороны, женщина могла брать на себя у этихъ племенъ земледѣльческія занятія, какъ главныя общественныя работы, на по-

добіе того, какъ въ древнемъ Египтѣ, согласно свидѣтельствамъ Геродота, Софокла и Нимфодора, женщины завѣдывали начальственными и публичными должностями, появлялись на рынкѣ и т. д., тогда какъ мужчины сидѣли за ткацкимъ станкомъ и заботились о домашнемъ уходѣ. Въ томъ-же самомъ смыслѣ говоритъ, напр., Ливингстонъ [1]) о женщинахъ племени Загга, гордыхъ обитательницахъ горъ, сосѣднихъ съ Калиманджаро, которыя отправляютъ всю торговлю своихъ деревень, имѣютъ рынки въ опредѣленные дни и не дозволяютъ ни одному мужчинѣ ступить ногою на то мѣсто, гдѣ они продаютъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ установленія отцовскаго права, мужчины начинаютъ посвящать свои силы исключительно охотѣ, войнѣ и тому подобнымъ внѣшнимъ занятіямъ, предоставляя на долю женщинъ земледѣліе, какъ домашнее занятіе. Отсюда легко могъ послѣдовать тотъ результатъ, что земледѣліе, будучи первоначально источникомъ преобладанія женщины, становится впослѣдствіи, съ укрѣпленіемъ осѣдлаго состоянія, источникомъ порабощенія и угнетенія ея.

Вообще говоря, положеніе женщины у упомянутыхъ племенъ далеко не вездѣ такъ дурно, какъ привыкли думать въ Европѣ. Такъ, напр., у Банкрофта [2]) мы читаемъ о чинукахъ слѣдующее: «занятія подѣлены поровну между полами; женщина готовитъ пищу, доставляемую мужьями, приготовляетъ корзины и ковры; она почти одинаково съ мужчиною ловка въ управленіи каноэ, и съ нею совѣтуются во всѣхъ важныхъ случаяхъ; положеніе женщины нисколько не тяжелое. Напротивъ, среди племенъ, живущихъ охотою или другими способами, въ которыхъ женщина принимаетъ лишь малое участіе, мы встрѣчаемъ этотъ полъ большею частью угнетеннымъ и подвергающимся жестокому обращенію».—«Не смотря на тяжкую и безконечную работу», говоритъ Вайцъ [3]), «которая часто взваливается на женщину у американскихъ индійцевъ, Гееквельдеръ и Гёнтеръ считаютъ ея жизнь не тяжеле, чѣмъ жизнь мужчинъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она должна заниматься также и полевою работою, и когда мало лѣсу и дичи. Для правильной оцѣнки ея участи достойно вниманія замѣчаніе Маккензи, что рабство женщины у бобровыхъ индійцевъ отчасти составляетъ естественное послѣдствіе скудныхъ средствъ существованія и великихъ усилій, которыхъ требуетъ охота отъ мужа: жизнь женщины тѣмъ труднѣе, чѣмъ скупѣе природа, чѣмъ чаще нужды и бѣдствія, и чѣмъ грубѣе вслѣдствіе этого дѣлаются люди».—У многихъ негрскихъ племенъ Афри-

---

[1]) D. et Ch. Livingstone. Explorations du Zambèse. 1866. 263—4.
[2]) Bancroft, op. cit. I. 242.
[3]) Waitz, III. 100.

ки [1]) собственность жены остается за нею и въ ея полномъ распоряженіи; по крайней мѣрѣ, это достовѣрно извѣстно относительно Лоанго и Золотаго Берега. Въ другихъ случаяхъ жена считается принадлежащею семьѣ своихъ родныхъ; плата, которую вноситъ за нее мужъ, признается какъ-бы залогомъ, который возвращается ему не только въ случаѣ развода, но и въ случаѣ смерти жены. Если мужъ дурно обращается съ женою, она можетъ оставить его, даже безъ уплаты внесенной за нее суммы. При этомъ она должна только заявить о нанесенной ей обидѣ старѣйшинѣ деревни (такъ это дѣлается у мандинговъ). У фелуковъ не требуется даже и этого: у нихъ жена можетъ оставить мужа безъ всякихъ объясненій; впрочемъ, и мужъ можетъ также просто прогнать ее. Сохраняя болѣе или менѣе свои права, негритянки, хотя часто и обремененныя тяжелыми работами, пользуются бо̀льшею свободою и уваженіемъ, чѣмъ жены сравнительно цивилизованныхъ мавровъ. Въ Дарфурѣ положеніе женщинъ гораздо лучше, чѣмъ въ Египтѣ. Путешественники указываютъ, что въ Фернандо По обращеніе съ ними отличается кротостью и почтительностью. У мандинговъ женщины даже принимаютъ участіе въ дѣлахъ правленія и составляютъ особое собраніе, къ которому въ затруднительныхъ случаяхъ обращаются за совѣтомъ.

Послѣ изслѣдованій Бахофена, Леббока, Моргана, смѣшеніе семьи съ родомъ, братствомъ и племенемъ становится просто на просто невозможнымъ. Самый вопросъ о взаимномъ отношеніи всѣхъ этихъ формъ общественныхъ союзовъ до такой степени исчерпанъ по существу въ сочиненіяхъ послѣднихъ двухъ ученыхъ, что не нуждается въ новомъ пересмотрѣ. Вся задача, открывающаяся въ этомъ направленіи для дальнѣйшихъ изслѣдованій, заключаетя по нашему мнѣнію, съ одной стороны, въ увеличеніи количества матеріала, могущаго служить подтвержденіемъ и дополненіемъ общинно-родовой теоріи, а съ другой, въ разъясненіи экономической основы различныхъ родовыхъ союзовъ, на которую, при всей ея глубокой важности, означенными изслѣдователями не было обращено достаточнаго вниманія. Въ концѣ концовъ, общинно-родовая организація имѣетъ свой экономическій raison d'être; даже болѣе, она прежде всего экономическая, а потомъ уже родовая организація [1]). Безъ

[1]) Въ пользу преобладанія въ общинно-родовой организаціи экономическаго элемента надъ родовымъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія данныя: На основаніи § 528 сербскаго гражданскаго кодекса принятіе въ общину чужеземца исключаетъ по отношенію къ наслѣдству даже родство по крови внѣ общины, если оно происходило съ вѣдома и по единогласному рѣшенію общины. То же самое правило соблюдается въ русской семьѣ-общинѣ (см. Тютрюмовъ,

обособленія труда и потребленія отдѣльныхъ группъ населенія, связанныхъ для этой цѣли извѣстными коллективными работами, никакая родовая система была бы невозможна. Роды выдѣляются изъ группъ родственниковъ именно съ тою цѣлью, чтобы устроить свою отдѣльную общинно-родовую организацію. Родство поддерживается фактически лишь до тѣхъ поръ, пока поддерживаются между членами рода коллективныя занятія и коллективное потребленіе. Въ противномъ случаѣ родичи расходятся въ разныя стороны, забываютъ родной языкъ и нравы и образуютъ новые роды или сливаются съ чужими родами. Все наше предъидущее изложеніе, въ которомъ мы всюду отдавали предпочтеніе экономическому элементу предъ родовымъ, должно вести къ тому общему заключенію, что не родъ создаетъ общину, а община родъ. Намъ остается придать этому заключенію болѣе конкретную формулировку и съ этою цѣлью подвергнуть краткому разсмотрѣнію наиболѣе общія начала общинно-родовой системы, какъ она изложена у новѣйшихъ изслѣдователей.

Родовая организація общества [1]) была найдена среди австралійцевъ и африканскихъ негровъ; слѣды той-же системы были усмотрѣны и у другихъ африканскихъ племенъ. Она господствовала у сѣверо-американскихъ индійцевъ—охотничьихъ, рыболовныхъ и земледѣльческихъ. Подобнымъ-же образомъ она существовала съ полною жизненностью среди греческихъ и латинскихъ племенъ, слѣды же ея сохранились въ различныхъ остальныхъ отрасляхъ арійскаго племени. Та же организація или слѣды ея существованія были найдены у расъ туранской, уральской и монгольской, въ вѣтвяхъ тунгузской и китайской и у семитической расы среди евреевъ. Факты достаточно многочисленные и повелительные были собраны для того, чтобы засвидѣтельствовать ея древнюю универсальность въ человѣческой семьѣ и всеобщее преобладаніе на разныхъ ступеняхъ развитія. Изслѣдованіе накопило достаточную массу фактовъ, чтобы показать, что это замѣчательное учрежденіе было источникомъ и основаніемъ древняго общества. Это былъ первый органическій принципъ, который устроилъ обще-

---

Крестьянское наслѣдственное право. Слово, февр. 1881), гдѣ иногда родные сыновья, не работавшіе въ домѣ отца, устраняются вовсе отъ наслѣдства, между тѣмъ какъ другія личности, совершенно посторонія, конечно въ смыслѣ кровнаго родства, дѣлаются равноправными участниками въ этомъ наслѣдствѣ, и вообще размѣръ участія въ наслѣдованіи находится въ зависимости отъ количества и качества труда, потраченнаго на обще-семейную пользу. Смотри также статью Ефименко „Трудовое начало въ обычномъ правѣ", („Слово", 1878, январь,) гдѣ собрано много примѣровъ того-же рода. Повсюду въ подобныхъ случаяхъ трудовой, экономическій элементъ повелительно высказываетъ свое первенство и господство надъ родовымъ элементомъ общины.

[1]) Morgan, Ancient Society, passim.

ство по опредѣленному плану и поддерживалъ его въ органическомъ единствѣ до тѣхъ поръ, пока оно достаточно подготовилось къ переходу въ политическое общество. Его древность, универсальность и упорная жизненность достаточно засвидѣтельствованы прочнымъ существованіемъ на всѣхъ континентахъ до настоящаго времени. Удивительная приспособленность родовой организаціи къ потребностямъ человѣчества въ различные періоды и при различныхъ условіяхъ достаточно доказывается ея преобладаніемъ и прочностью.

Группы кровныхъ родственниковъ, соединенныя для взаимной защиты и совмѣстной жизни, безъ сомнѣнія, существовали съ самаго дѣтства человѣческаго общества. Но родъ есть союзъ совершенно отличный отъ родства; онъ беретъ одну часть и исключаетъ остальное; онъ организовалъ эту часть союзнаго родства подъ общимъ именемъ и съ общими правами и привиллегіями. Вступленіе въ бракъ въ предѣлахъ рода было запрещено для обезпеченія выгодъ брака съ неродственными лицами. Это былъ жизненный принципъ организма, хотя и установившійся съ большимъ трудомъ. Вмѣсто естественной и очевидной концепціи союза родственниковъ, родъ былъ концепціею въ сущности очень темною, и въ качествѣ таковой являлся продуктомъ высшей интеллигенціи для того времени, когда возникъ. Прошли продолжительные періоды времени, пока идея развилась въ жизни и привела ее въ зрѣлое состояніе.

Въ теченіи большей части періода дикости и всего періода варварства родъ человѣческій былъ вообще организованъ въ роды, братства и племена. Эти организаціи преобладали во всемъ древнемъ мірѣ, по всѣмъ материкамъ, и были орудіями, посредствомъ которыхъ древнее общество организовалось и держалось вмѣстѣ. Ихъ строеніе и отношенія между членами органическихъ серій,—права, привиллегіи и обязанности членовъ рода и членовъ братства и племени освѣщаютъ ростъ идеи о правительствѣ въ человѣческомъ умѣ. Главнѣйшія учрежденія человѣческаго рода возникли въ дикомъ состояніи, развились въ періодъ варварства и достигли зрѣлости въ періодъ цивилизаціи.—Подобнымъ-же образомъ и семейство прошло чрезъ послѣдовательныя формы и создало великія системы кровнаго родства и свойства, которыя уцѣлѣли до настоящаго времени. Эти системы, которыя напоминаютъ отношенія, существовавшія въ семьѣ въ періодъ послѣдовательнаго образованія каждой системы, служитъ поучительнымъ отчетомъ объ опытѣ человѣчества, пріобрѣтенномъ въ то время, когда семейство прогрессировало отъ кровнородственной семьи черезъ посредствующія формы къ семьѣ моногамической. Идея собственности подчинялась подобному же росту и развитію. Начиная съ нуля въ дикомъ состояніи, страсть обладанія собственностью, какъ представительницей накопленныхъ средствъ

существованія, сдѣлалась въ настоящее время господствующею надъ человѣческимъ умомъ среди цивилизованныхъ расъ.

Родъ архаическаго періода состоялъ изъ предполагаемаго женскаго предка и его дѣтей вмѣстѣ съ дѣтьми его дочерей и его женскихъ потомковъ по женской линіи и т. д.; дѣти его сыновей и его мужскихъ потомковъ по мужской линіи были исключены. Съ другой стороны, при наслѣдованіи въ мужской линіи, родъ состоялъ изъ мужчины-предка и его дѣтей, вмѣстѣ съ дѣтьми его сыновей и го мужскихъ потомковъ по мужской линіи и т. д; дѣти его дочерей и его женскихъ потомковъ по женской линіи были исключены. Иными словами, исключенные изъ рода въ первомъ случаѣ становятся членами рода во второмъ и vice versa.

Геродотъ нашелъ женскую линію у ликійцевъ, Крамеръ указалъ ее у этрусковъ, Курціусъ—у критянъ. Въ сочиненіи, основанномъ на обширномъ изслѣдованіи, Бахофенъ собралъ и подвергъ обсужденію доказательства преобладанія материнскаго права и материнскаго правленія среди ликійцевъ, критянъ, аѳинянъ, лемносцевъ, египтянъ, локрянъ, лесбійцевъ, мантинейцевъ и среди восточно-азіатскихъ націй. Изъ всѣхъ извѣстій, говоритъ Бахофенъ [1]), которыя свидѣтельствуютъ о существованіи и о внутренней природѣ материнскаго права, относящіяся къ ликійскому народу, суть самыя ясныя и цѣнныя. Ликійцы, сообщаетъ Геродотъ, называли своихъ дѣтей не такъ, какъ эллины—по отцу, а исключительно по матери, выставляли во всѣхъ генеалогическихъ данныхъ исключительно рядъ женскихъ предковъ и судили о состояніи дѣтей единственно по состоянію матери. Николай Дамаскинъ дополняетъ это показаніе, указывая на исключительныя права наслѣдства дочерей, которое онъ сводитъ къ обычному праву ликійцевъ, къ неписанному, по опредѣленію Сократа, самимъ Богомъ данному закону. Хотя Геродотъ не видитъ въ этихъ обычаяхъ ничего больше, кромѣ страннаго уклоненія отъ эллинскихъ нравовъ, но наблюденіе ихъ внутренней связи, должно привести, наоборотъ, къ болѣе глубокому представленію о нихъ. Не безпорядокъ, а организація, не произволъ, а система выступаютъ при этомъ передъ нами; и такъ какъ вліяніе всякаго положительнаго законодательства должно быть въ данномъ случаѣ положительно отвергнуто, то допущеніе безсмысленной аномаліи теряетъ всякую тѣнь оправданія. На ряду съ эллино-римскимъ отцовскимъ принципомъ, стояло семейное право совершенно противоположное по своимъ основаніямъ и развитію, и чрезъ сравненіе ихъ обоихъ особенности каждаго освѣщаются еще болѣе яркимъ свѣтомъ. Этотъ способъ воззрѣнія получаетъ подтвержденіе, благодаря открытію род-

[1]) Bachofen, Das Mutterrecht, V, VIII, XI, XIX и слѣд.

ственныхъ взглядовъ у другихъ народовъ. Согласно свидѣтельству Діодора, исключительному праву наслѣдованія дочерей по обычаямъ ликійцевъ, соотвѣтствуетъ въ Египтѣ столь-же исключительная обязанность дочерей прокармливать престарѣлыхъ родителей. У кантабровъ, по Страбону, сестры должны были ставить на ноги и снабжать приданымъ братьевъ. Отъ локрянъ мы переходимъ къ лелегерамъ, а къ нимъ примыкаютъ карійцы, актолійцы, пелазги, кауконы, аркадійцы, эпирцы, минійцы, телебойцы; у всѣхъ нихъ выступаетъ материнское право и покоющійся на немъ складъ жизни при извѣстномъ разнообразіи отдѣльныхъ чертъ.

Разсмотрѣнное положеніе древняго общества для своего полнаго объясненія требуетъ существованія рода въ его архаической формѣ, какъ источника материнскаго права. Это привело бы мать и ея дѣтей въ одинъ и тотъ-же родъ, послужило бы къ устройству общиннаго хозяйства на основѣ рода и придало-бы роду матери преобладаніе въ хозяйствѣ. Семейство продолжало-бы быть окруженнымъ остатками брачной системы, принадлежавшей къ болѣе раннимъ условіямъ семьи. Подобное семейство, состоящее изъ брачныхъ паръ съ ихъ дѣтьми, естественно находило-бы себѣ кровъ съ родственными семействами въ общинномъ хозяйствѣ, въ которомъ различныя матери и ихъ дѣти были-бы одного и того-же рода, а предполагаемые отцы этихъ дѣтей другаго рода. Общія земли и обработка соединенными силами повели бы къ соединенному пользованію домами и къ коммунизму въ жизни, такъ что гинекократія требуетъ для своего образованія наслѣдованія въ женской линіи. Женщины, сосредоточенныя такимъ образомъ въ обширныхъ хозяйствахъ, снабжаемыхъ изъ общихъ запасовъ, хозяйствахъ, въ которыхъ ихъ собственный родъ такъ широко преобладаетъ въ числѣ, выработали-бы господство материнскаго права и гинекократіи, которыя открылъ и прослѣдилъ Бахофенъ при помощи отрывковъ исторіи и традицій. «Изъ творящаго материнства, говоритъ этотъ послѣдній (XI), происходитъ всеобщее братство всѣхъ людей, сознаніе и признаніе котораго погибаетъ съ развитіемъ отчества. Семейство, основанное на отцовскомъ правѣ, обособляется въ индивидуальный организмъ; основанное же на материнскомъ правѣ, напротивъ, носитъ тотъ типически-общій характеръ, съ котораго начинается всякое развитіе, и который отличаетъ матеріальную жизнь отъ высшей духовной(?). Смертный образъ матери — земли Деметры, — лоно каждой женщины, даритъ рожденіе новымъ братьямъ и сестрамъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока съ развитіемъ общества не разрѣшается единство массы и безразличное не подчиняется началу расчлененія. Въ обществахъ съ материнскимъ правомъ эта сторона материнскаго принципа нашла себѣ многоразличное выраженіе, даже юридически формулированное признаніе. На ней покоится тотъ прин-

ципъ всеобщей свободы и равенства, который мы находимъ повсюду, какъ основную нить въ жизни гинекократическихъ народовъ; на ней основывалось рѣшительное отвращеніе къ узкимъ границамъ всякаго рода; на ней же покоилось обширное значеніе извѣстныхъ понятій, которыя, подобно римскому parricidium, лишь впослѣдствіи замѣнили свой натурально-общій смыслъ ограниченно-индивидуальнымъ. Сильное чувство привязанности къ роднымъ, доброе согласіе между гражданами, общія празднества и пр. характеризируютъ собою гинекократію. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ указанными явленіями находится самая система родства, въ которой не проводится никакого различія между боковыми родственниками, какъ въ современной европейской системѣ, и родственниками въ восходящей и въ нисходящей линіяхъ: сестры и братья матерей называются матерями и отцами и т. д.; члены одного поколѣнія именуются братьями и сестрами, и, такимъ образомъ, смѣшиваются виды родства, которые различаются въ новѣйшей системѣ, и расширяется смыслъ первоначальныхъ выраженій за предѣлы ихъ кажущагося или дѣйствительнаго значенія. Каждый родъ носитъ особенное названіе; одноименные роды не вступаютъ между собою въ брачные союзы, разсматривая себя какъ братья, и дѣйствительно будучи родственниками по крови. Родъ представляетъ большое семейство съ общими религіозными обрядами, общимъ мѣстомъ погребенія и, большею частью, общими землями. Браки въ человѣческой семьѣ начались группами, мужчины и женщины которыхъ, за исключеніемъ дѣтей, были общими мужьями и женами, но мужья и жены были различныхъ родовъ; они окончились браками между отдѣльными парами съ исключительнымъ сожительствомъ.»

Самый процессъ постепеннаго и медленнаго историческаго преобразованія общиннаго брака въ индивидуальный и тѣ соціально-экономическія послѣдствія, какими онъ сопровождался, служили въ последнее десятилѣтіе предметомъ довольно многочисленныхъ изслѣдованій, въ которыхъ главная роль принадлежитъ Леббоку и Моргану. Въ настоящемъ случаѣ мы находимъ нужнымъ остановиться на одной новой монографіи о первоначальныхъ бракахъ, принадлежащей перу голландскаго изслѣдователя Вилькена [1]). Эта замѣчательная работа представляетъ не только ясный очеркъ важнѣйшихъ изъ предъидущихъ ученій объ упомянутомъ процессѣ, но и сама даетъ рядъ новыхъ истинъ въ его разъясненіе, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, вниманія читателей.

Существованіе общиннаго брака, говоритъ названный авторъ можетъ

[1]) D. A. Wilken. „Over de primitieve vormen van het huweljik en den oorsprong van het gezin". De Indische Gids, 1880, october en december.

быть констатировано во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣ времена у наименѣе развитыхъ народовъ. Но этого еще не достаточно самого по себѣ, чтобы оправдать предположеніе, что всякое общество можетъ считать эту форму брака за дѣйствительный пунктъ отправленія своего развитія, что гетеризмъ повсюду былъ первоначальнымъ состояніемъ и что индивидуальный бракъ произошелъ изъ него. Къ такому предположенію ведетъ еще нѣчто иное. То, что развилось, должно также и нести за собою слѣды своего развитія; высшее, происшедшее такимъ образомъ изъ низшаго, должно обнаруживать на себѣ вліяніе послѣдняго. Такова одна изъ основъ, на которую опирается біологическое ученіе эволюціи; таковъ-же базисъ и соціологіи. Если индивидуальный бракъ не есть первобытное учрежденіе, не есть нѣчто такое, что, если можно такъ выразиться, было совершенно ясно и отчетливо сознаваемо человѣкомъ съ самаго начала, но произошелъ изъ гетеризма, то онъ долженъ заключить въ себѣ также и переживанія гетеризма. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Повсюду встрѣчаются въ связи съ бракомъ идеи и обычаи, которыя совершенно чужды сущности и характеру этого учрежденія, и не могутъ быть разъяснены иначе, какъ при допущеніи, что они суть переживанія отъ временъ, когда свободная любовь была единственною формою половыхъ сношеній. Такимъ-же образомъ и все учрежденіе общества и семейства у многихъ народовъ носитъ на себѣ печать того, что развитіе общественной жизни должно было идти рука объ руку съ происхожденіемъ индивидуальнаго брака изъ общиннаго.

Первый вопросъ въ порядкѣ изслѣдованія состоитъ въ томъ, какимъ образомъ могъ развиться на почвѣ общиннаго брака бракъ индивидуальный? На этотъ счетъ существуютъ различныя теоріи, но наиболѣе доступная къ признанію есть та, которая предложена Леббокомъ въ его «Началахъ цивилизаціи». По мнѣнію этого писателя, индивидуальный бракъ возникъ благодаря похищенію женщинъ изъ чужихъ родовъ. Предварительно всѣ женщины племени были общими: мужчина такимъ образомъ не былъ въ состояніи держать женщину для себя одного, независимо отъ рода; ни съ одной изъ нихъ онъ не могъ заключить индивидуальнаго брака, ибо, поступая такъ, онъ вторгался-бы въ права другихъ. Но при женѣ, похищенной изъ другаго рода, этого не происходило; на подобную женщину его родъ не имѣлъ никакого права, и тотъ, кто ее похитилъ, могъ удержать ее для себя самого. Тоже значеніе имѣлъ обычай обращать въ свои подруги военно-плѣнныхъ женщинъ, при чемъ разъ возникъ этотъ обычай, онъ долженъ былъ быстро распространяться. Различныя выгоды и удобства для мужа, связанныя съ обладаніемъ отдѣльною женою, естественныя желанія

самой женщины и не въ меньшей степени сила и здоровье дѣтей, рожденныхъ и выхоленныхъ въ бракѣ, вотъ сколько, по мнѣнію Леббока, было причинъ, которыя должны были въ концѣ концовъ совершенно уничтожить гетеризмъ. Къ этому можно еще прибавить важное значеніе естественнаго подбора, который наслѣдственно развивалъ качества характера, неблагопріятныя для гетеризма, и давалъ наиболѣе шансовъ побѣды племенамъ съ индивидуальнымъ бракомъ надъ племенами сохранившими гетерію.

Происхожденію индивидуальнаго брака отъ экзогаміи, или отъ брака внѣ рода, старались давать различныя объясненія. Макъ-Леннанъ, напримѣръ, желаетъ видѣть его происхожденіе въ обычаѣ дѣтоубійства, тяготѣвшаго на дѣвочкахъ, благодаря чему женщины въ родѣ стали рѣдки, такъ что сдѣлалось необходимо идти похищать ихъ у другихъ. Но Макъ-Леннанъ забываетъ, съ одной стороны, тотъ статистическій законъ, въ силу котораго, хотя мальчиковъ рождается всюду больше, нежели дѣвочекъ, но, вслѣдствіе ихъ большей смертности въ дѣтскомъ возрастѣ, цифра мужчинъ оказывается вездѣ меньше цифры женщинъ, а, съ другой стороны, то обстоятельство, что число мужчинъ еще уменьшается подъ вліяніемъ тѣхъ опасностей, которымъ они подвергаются исключительно. Если, поэтому, убивается много дѣвочекъ, то это только возстановляетъ равновѣсіе. Сверхъ того, можно замѣтить, что хотя убіеніе дѣвочекъ можетъ дѣйствительно повести къ недостатку женщинъ въ племени, а такимъ образомъ и къ экзогаміи, но, что тоже убіеніе причиняетъ подобный-же недостатокъ и въ другихъ родахъ, отчего экзогамія становится невозможною, или крайне затрудняется.

Существуетъ еще одинъ взглядъ, которымъ хотѣли объяснить происхожденіе экзогаміи. Морганъ въ своемъ трудѣ «Systems of consanguinity» предполагаетъ, что убѣжденіе въ невыгодномъ дѣйствіи брака между ближайшими родственниками должно было повести къ запрещенію браковъ въ одномъ родѣ. Но является вопросъ, какимъ образомъ возникло подобное убѣжденіе? На наблюденіи оно не можетъ быть основано ни въ какомъ случаѣ, потому что, насколько говорятъ объ этомъ факты, они иногда оправдываютъ совершенно противоположное заключеніе: народы, которые ввели у себя экзогамію, по временамъ допускаютъ брачные союзы между лицами которыя стоятъ другъ къ другу очень близко по крови, какъ, напр., между различными единокровными и единоутробными братьями и сестрами съ отцовской и материнской стороны, только потому что эти лица принадлежатъ къ различнымъ родамъ.

Теорія Леббока даетъ конечно болѣе удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ этомъ учрежденіи. Отдѣльныя лица брали себѣ

жену изъ чужаго рода, такъ какъ общеніе женщинъ рода не дозволяло, чтобы хоть одна изъ этихъ послѣднихъ вступила въ индивидуальный бракъ. Понятно также, что когда, въ силу навыка, установились браки внѣ рода, то и по минованіи условій вызвавшихъ это учрежденіе, мало по малу, образовалось убѣжденіе, направленное противъ брака въ самомъ родѣ. Очевидно, что запрещеніе браковъ между близкими родственниками, насколько оно встрѣчается въ настоящее время во всѣхъ частяхъ земнаго шара, должно быть разсматриваемо просто какъ переживаніе экзогаміи. Сознаніе физіологическаго вреда браковъ между близкими родственниками было чуждо первобытному человѣку, а нравственное отвращеніе къ бракамъ такого рода могло явиться только въ результатѣ продолжительнаго опыта экзогаміи. Что отвращеніе это имѣло свою продолжительную исторію, доказываютъ многочисленные факты о бракахъ самыхъ близкихъ родственниковъ у древнихъ и у первобытныхъ народовъ, а также и у ихъ божествъ.

Есть и еще одинъ обычай, который до сихъ поръ составлялъ для этнологовъ загадку и находитъ свое объясненіе въ теоріи Леббока. Таково широко и повсюду среди дикихъ и образованныхъ народовъ распространенное учрежденіе,—давать мѣсто браку чрезъ похищеніе, все равно, представляется-ли похищеніе лишь притворнымъ, второстепенною формою брачной церемоніи, или же имѣетъ мѣсто de facto и составляетъ законное средство, при помощи котораго можетъ быть заключенъ бракъ даже противъ желанія дѣвушки, или ея родителей, или той и другихъ вмѣстѣ. Относительно происхожденія обряда похищенія во время свадьбы нѣтъ недостатка въ предположеніяхъ. Иные полагаютъ, что обрядъ похищенія есть только средство, которымъ пользуются сами женщины изъ сильнаго чувства конфузливости и стыда, порожденнаго нравственностью, чтобы придать себѣ видъ, что не собственный выборъ, а только сила и насиліе принуждаютъ ихъ выходить замужъ. Но противъ этого объясненія говоритъ очень многое. Во первыхъ, немыслима подобная стыдливость при той ничтожной половой нравственности, которою обладаютъ многіе первобытные народы. Во вторыхъ, открытое желаніе женщинъ къ вступленію въ бракъ, который всюду разсматривается, какъ единственное назначеніе женщины, совершенно исключаетъ понятіе объ этой стыдливости. По мнѣнію Макъ-Леннана, къ похищенію обращались «изъ уваженія къ незапамятному обычаю. Было неслыханно съ отдаленнѣйшихъ временъ, чтобы женщина становилась мужнею женою, не будучи похищена силою или украдена. По истинѣ, чего-то, казалось, недоставало, если-бы бракъ не носилъ слѣда похищенія».—Лёббокъ даетъ этому обычаю болѣе сложное объясненіе. Похищеніе и одно только похищеніе могло

первоначально давать индивидууму право держать для одного себя жену съ исключеніемъ своихъ соплеменниковъ. Похищеніе было такимъ образомъ просто символомъ законнаго обладанія. Сверхъ того, похищеніе не относилось нисколько къ тѣмъ, у кого была взята женщина, а было единственно предназначено для «поставленія преграды правамъ рода, въ который она вводилась». Послѣднее образуетъ центръ тяжести доказательства Леббока. Вилькенъ находитъ и это объясненіе слабымъ. Разумѣется, говоритъ онъ, тотъ фактъ, что жена была изъ чужого рода, былъ совершенно достаточенъ для того, чтобы сдѣлать ее исключительнымъ предметомъ обладанія ея мужа. Она, само собою разумѣется, не попадала въ общеніе женъ рода, куда ее приводили, и, слѣдовательно, не нуждалась въ томъ, чтобы быть исключаемой изъ него: мужъ не нуждался ни въ какомъ особомъ символѣ, чтобы проявить по отношенію къ соплеменникамъ свои исключительныя права на жену. Притворное похищеніе, поэтому, никогда не должно разсматриваться, какъ употребляемое для этой цѣли. Сверхъ того, утвержденіе Лёббока, что похищеніе, какъ символъ, первоначально не имѣло никакого отношенія къ тѣмъ, у кого была взята женщина, должно быть, какъ еще менѣе вѣрное, отвергнуто. Обыкновенно при этомъ родственники жены разъигрываютъ такую важную роль, что вообще получается представленіе, будто вся комедія происходитъ только ради ихъ. Вмѣсто того, чтобы упускать изъ виду эту особенность притворнаго похищенія, ее слѣдуетъ, напротивъ, имѣть въ виду на первомъ планѣ, разъ вопросъ идетъ о происхожденіи сказаннаго обычая.

Если принять исходною точкою теорію Леббока, что насильственное похищеніе женщины изъ чужого рода было первоначально единственнымъ способомъ совершенія брака, то слѣдуетъ допустить, что для рода жены, для ея родственниковъ въ особенности, *похищеніе естественно представляло обиду,* и не столько вслѣдствіе того, что ей было нанесено насиліе, сколько потому что жена была отрываема отъ ея предковъ, родителей и рода. Съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка подобное похищеніе не могло имѣть другаго значенія, кромѣ значенія, подобнаго убійству, совершенному надъ однимъ изъ членовъ племени, слѣдовательно, являлось величайшимъ позоромъ, какой только можно было нанести племени и какой могъ-быть отомщенъ только мечемъ. И дѣйствительно, первоначальныя похищенія женщинъ для брака навѣрно должны были вести за собою постоянныя войны между различными родами. Но само собою разумѣется, что послѣ того какъ похищенія женщинъ стали чаще, войны по поводу ихъ должны были сдѣлаться рѣже. Браться за оружіе изъ за каждой женщины, которую похищалъ кто либо изъ чужого рода, перестало быть дѣломъ подходящимъ для цѣлаго рода. Похищеніе, умыканіе изъ

племени однако продолжало все еще считаться въ общественномъ мнѣніи *обидою*, и если самъ родъ не могъ уже выступать въ качествѣ мстителя, то законы требовали, чтобы родители и родственники похищенной не оставляли ея *неотомщенною*, чтобы они требовали отъ похитителя или отъ его рода удовлетворенія за нанесенный такимъ образомъ позоръ. Оставлять не исполненною эту обязанность, вынуждаемую общественнымъ мнѣніемъ, предписываемую мужскою храбростью и мужскою честью, обличало величайшую трусость. И это должно было длиться до тѣхъ поръ, пока постепенно не установились болѣе дружественныя отношенія между племенами, пока похищеніе женщинъ не получило молчаливаго признанія и не стало законною формою брака. Это не могло не повести немедленно къ требованію удовлетворенія, такъ какъ и подобное, состоявшееся-уже, соглашеніе исключало свободный выборъ. Въ похищеніи женщины продолжали еще видѣть обиду, за которую похититель долженъ подлежать *уплатѣ пени*. При подобномъ воззрѣніи, безъ сомнѣнія, не могло быть того, чтобы родители, когда бракъ былъ даже желателенъ для нихъ, добровольно и открыто отступились отъ своей дочери, допускали безпрепятственно и у всѣхъ на глазахъ совершить похищеніе ея. Съ виду они навѣрно должны были быть противъ этого. Своимъ соплеменникамъ они должны были показать, что дочь ихъ обращена во власть мужа не добровольной уступкой, а насиліемъ или хитростью; вообще они должны были стремиться произвести такое впечатлѣніе, что совершившійся бракъ, вмѣсто того чтобы произойти съ ихъ желанія и согласія, былъ, наоборотъ, въ ихъ глазахъ ни больше, ни меньше какъ обидою. Такимъ образомъ возникли притворное похищеніе, и, кажущееся сопротивленія со стороны родственниковъ жены; отсюда-же произошелъ и обычай родственниковъ выставлять себя разсерженными и опозоренными; а свадьбу, какъ обиду, нанесенную имъ словомъ и дѣломъ. Разъ возникши, оба эти обычая сохранились у многихъ народовъ благодаря переживанію. Отношенія зятя къ тестю и тещѣ, особенно-же къ тещѣ, имѣли по необходимости не слишкомъ дружескій характеръ, потому что въ то время, когда совершался такой бракъ, жена имѣла больше значенія нежели мужъ, была хозяйкою дома, а также и хозяйкою того лица, которое должно было наиболѣе ее обидѣть.

До сихъ поръ шла рѣчь только о поведеніи родственниковъ жены, при вступленіи ея въ бракъ. Какъ именно ведетъ себя при этомъ жена, это легко понять. Если бракъ разсматривался, какъ обида, или родители невѣсты принимали на себя видъ, что отпускаютъ ее неохотно, если они должны были оказывать сопротивленіе и проявлять свою обиженность, то прежде всего должна была

дѣлать это сама невѣста. Для нея предложеніе вступить въ бракъ, даже въ томъ случаѣ, если оно вполнѣ согласовалось съ ея желаніемъ и шло отъ личности, избранной ею самою, ни въ какомъ случаѣ не должно было представлять радостнаго событія; женихъ долженъ быть для нея предметомъ ненависти, а не любви. То и другое должна она показать другимъ лицамъ языкомъ и знаками. Такимъ образомъ, должны были возникнуть всѣ тѣ курьезные обычаи, когда невѣста передъ вступленіемъ въ бракъ плачетъ и кричитъ, рветъ на себѣ волосы и убѣгаетъ въ дверь, когда невѣста, какъ у калмыковъ, не даетъ догнать себя, когда она и по заключеніи брака возвращается на время домой и пр.

Есть еще одно учрежденіе, которое будучи освѣщено тѣмъ же свѣтомъ, является совершенно яснымъ. Рѣчь идетъ объ учрежденіи *купли* невѣсты, столь широко распространенной у древнихъ и новыхъ малоразвитыхъ народовъ. Всего болѣе при разсмотрѣніи этого явленія заслуживаетъ вниманія то, что у многихъ народовъ, у которыхъ оно происходитъ, бракъ дѣйствительно является не болѣе, какъ куплей, самый брачный даръ ничѣмъ инымъ, какъ покупной цѣною за жену. На этомъ основаніи нѣтъ мнѣнія болѣе распространеннаго, какъ то, что это учрежденіе съ самого начала было куплею. Въ Леббокѣ, Постѣ, Макъ-Леннанѣ оно опять нашло своихъ новыхъ представителей. Но какъ это объясненіе ни кажется натуральнымъ и простымъ, авторъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи съ нимъ согласиться. Если принять, что бракъ съ платою былъ съ самаго начала куплею, то отсюда слѣдуетъ само собою, что это учрежденіе могло возникнуть лишь тогда, когда *отцовская власть*, которая распоряжалась дѣтьми неограниченно, уже существовала, а дѣти представляли ни что иное, какъ часть прочаго имущества, т. е., тѣломъ и душею были подчинены власти родителей. Если плата за невѣсту дѣйствительно была первоначально покупной цѣною, то она могла встрѣчаться лишь одновременно съ существованіемъ **patria potestas**. Эти два учрежденія должны были, такимъ образомъ, всегда являться совмѣстно: гдѣ существовало первое, тамъ необходимо должно было существовать и второе.

Однако нѣтъ ничего столь невѣрнаго, какъ это мнѣніе. Существуютъ достовѣрные случаи, когда плата за невѣсту стоитъ на ряду съ такимъ учрежденіемъ, какъ **patria potestas**; но противъ этихъ случаевъ могутъ быть выставлены другіе, въ которыхъ этого не было. Брачный даръ установляютъ обыкновенно нецивилизованные и полуцивилизованные народы, и въ высшей степени не основательно отыскивать у такихъ именно народовъ **mundium** древнихъ германцевъ и **patria potestas** римскаго права. Какъ ни странно это можетъ показаться, но деспотизмъ отца въ семействѣ не только не

свойственъ самымъ низшимъ формамъ общественнаго развитія, но представляетъ именно критерій высшаго міровоззрѣнія. Съ точки зрѣнія новѣйшей соціологіи это можетъ быть легко объяснено. Не *патріархальное*, а *матріархальное* учрежденіе семейства было *наиболѣе первобытное*, и дикари, стоявшіе всего ниже на лѣстницѣ развитія, удалялись отъ первобытнаго состоянія менѣе, нежели болѣе образованныя расы. Существуетъ рядъ фактовъ, — мы привели нѣсколько изъ нихъ выше,—доказывающихъ, что у дѣтей первобытныхъ народовъ напрасно было-бы искать послушанія и подчиненія отцовской власти. Родители почти не имѣютъ права наказывать своихъ дѣтей; а приказывать имъ могутъ только до наступленія ихъ половой зрѣлости. Это одинаково относится какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ. Въ дѣлѣ брака дѣвушки пользуются по временамъ такою свободою дѣйствій, какою не обладаютъ молодыя дамы и у насъ самихъ. Такъ у абипоновъ, невѣста можетъ убѣжать и спрятаться отъ жениха и, такимъ образомъ, ускользнуть отъ брака, даже если бы родители заявили уже свое согласіе на заключеніе его. Каффры иногда сильно бьютъ своихъ дочерей, если тѣ не хотятъ признать назначеннаго жениха, и есть примѣры непріятныхъ, хотя и богатыхъ людей, которые не могли добиться полученія женщины. У пуэблосовъ Сѣверной Америки дѣвушки не только не могутъ быть вынуждены къ браку, но, часто, онѣ не ждутъ предложенія руки, а сами избираютъ себѣ мужа и даютъ о томъ знать родителямъ, которые тогда ищутъ осчастливенную особу и знакомятъ ее съ желаніемъ дочери. Одно только отсутствіе *отцовскаго деспотизма* могло создать подобные обычаи, которые служатъ для женщины законнымъ средствомъ отдѣлаться отъ немилаго брака.

Теорія происхожденія платы за невѣсту изъ купли, какъ было уже замѣчено выше, предполагаетъ существованіе развитой **patria potestas**. Только при подобномъ учрежденіи могутъ возникнуть и получить сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, съ одной стороны, требованіе цѣны за дочь, а съ другой, уплата таковой. На этомъ основаніи тамъ, гдѣ не встрѣчается учрежденія платы за невѣсту, не можетъ быть терпима и **patria potestas**. Въ томъ случаѣ, когда послѣдней нѣтъ, плата за невѣсту не можетъ имѣть источникомъ происхожденія куплю (потому что для купли нуженъ продавецъ, а таковъ только патріархъ—отецъ). Мы видѣли, что у большей части первобытныхъ народовъ существуетъ какъ правило, плата за невѣсту, при чемъ однако отсутствуетъ учрежденіе, напоминающее **patria potestas**. Но столь распространенное учрежденіе, какъ плата за невѣсту, не могло возникнуть различнымъ образомъ. Если, поэтому, оно въ своемъ происхожденіи у нѣкоторыхъ

народовъ не было вовсе куплею, когда появляется не на ряду съ **patria potestas**, то еще менѣе было оно куплею, когда находится рядомъ съ отцовскою властью. Плата за невѣсту должна такимъ образомъ всегда происходить изъ чего нибудь *другого*, а не изъ понятія *купли*. У нѣкоторыхъ народовъ она позже, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условій, на ряду съ развитіемъ **patria potestas**, преобразовалась въ купло; у другихъ-же, гдѣ не доставало благопріятныхъ для преобразованія условій, она болѣе сохранила свой первоначальный характеръ.

Откуда же получила свое происхожденіе плата за невѣсту? При обсужденіи обычая притворнаго похищенія, читатель видѣлъ, что первоначально съ бракомъ было соединено понятіе *обиды*. Это былъ насильственный увозъ женщины изъ племени,—способъ, которымъ только и могъ происходить бракъ въ первое время, и который далъ возникновеніе самому понятію брака. Увозъ невѣсты былъ позоромъ, нанесенныхъ племени, который могъ быть смытъ только мечемъ, только кровью похитителя. Но если право мести первоначально было неопредѣленно и неограниченно, то когда впослѣдствіи бракъ пріобрѣлъ себѣ прочное положеніе, личный интересъ привелъ къ тому, чтобы отвести этому праву опредѣленныя границы. Въ тѣ времена похищеніе вообще было событіемъ которое могло выпасть на долю каждаго и потому каждый долженъ былъ опасаться мести отъ другого. Причины, которыя побудили племена, нѣкогда введшія въ обычай похищеніе для брака, ограничить и смягчить право мести, состояли въ томъ, что они должны были сами дѣйствовать такъ, какъ желали, чтобы дѣйствовали съ ними другіе. Если въ первое время не обходились безъ кровной мести за позоръ похищенія дѣвицы, то впослѣдствіи съ смягченіемъ чувства обиды постепенно стали отказываться отъ мести, и предоставлять обидчику заглаживать свою вину исключительно уплатою *пени*. Такимъ образомъ, простое примѣненіе золотого правила «все, чего вы желаете отъ людей, дѣлайте для нихъ сами», привело право мести за похищеніе къ куплѣ за деньги или вещи, иными словами, къ матеріальному возмѣщенію. Но что было сначала актомъ чисто произвольнымъ, стало постепенно правиломъ, было повсюду принято, какъ нравственный обычай въ междуродовыхъ отношеніяхъ. Только при установленіи такого обычая похищеніе вошло въ ту фазу, въ которой оно стало представлять законную форму брака между различными родами. Что замѣна права мести денежною или иною пенею была въ данномъ случаѣ совершенно естественна и должна была повсюду распространиться, это видно изъ примѣровъ исторіи уголовнаго права первобытныхъ народовъ. Развѣ **wehrgeld** старогерманскаго права, или *бангунъ* у малайцевъ Паданга или *гаріа ніава* у дайаковъ не представляютъ собою возмѣщенія, выкупа

первобытнаго права мести, по которому покуситель на чью-нибудь жизнь долженъ быть убитъ кѣмъ-либо изъ потомства обиженнаго? Отправляясь отъ предъидущаго, не трудно понять, какимъ образомъ обычай выкупа мести за обиду похищеніемъ долженъ былъ получить широкое распространеніе. Несомнѣнно, что тѣ племена, у которыхъ этотъ обычай былъ уже установленъ, должны были имѣть громадное преимущество надъ тѣми, которые еще во всей строгости придерживались стараго права мести. Конечно, у этихъ послѣднихъ бракъ былъ, вмѣсто источника увеличенія населенія, на оборотъ, прямымъ поводомъ къ уменьшенію его. Ясно, что первыя племена должны были вытѣснить вторыя, и что, такимъ образомъ, этотъ обычай, отчасти благодаря дѣйствію естественнаго подбора, долженъ былъ быстро распространиться по всему свѣту.

Теперь читателю должно быть ясно, въ чемъ заключается источникъ происхожденія платы за невѣсту. Несомнѣнно слѣдуетъ признать, что эта плата есть ни что иное, какъ переживаніе вышеупомянутой пени. Однако тутъ возникаетъ одно затрудненіе. Пеня должна была существовать лишь до тѣхъ поръ, пока еще практиковалась сама месть. Но примѣненіе мести прекратилось, когда похищеніе перестало производиться въ дѣйствительности; поэтому убѣжденіе и переговоры сдѣлались способомъ, при помощи котораго получалась женщина отъ ея родителей. Какія-же причины могли еще существовать для этихъ послѣднихъ, чтобы продолжать настаивать на необходимости пени? Читатель долженъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что говорилось выше о возникновеніи обычая похищенія. Передъ глазами другихъ лицъ родители должны были теперь принимать на себя видъ, какъ будто они отдавали свою дочь въ замужество противъ воли и были принуждены къ тому насиліемъ и хитростью; если они считали нужнымъ показывать себя обиженными и опозоренными, то они тѣмъ болѣе должны были придавать себѣ видъ жаждущихъ мести и могущихъ удовлетвориться только пенею, умилостивительною жертвою. Если такимъ образомъ притворное похищеніе считалось родителями необходимымъ условіемъ для жениха при свадьбѣ, то и уплата извѣстной цѣны въ видѣ пени была также необходима. Такимъ отразомъ, уплата цѣны сохранилась черезъ переживаніе, и притомъ постепенно утрачивая свое первоначальное значеніе пени.

Слѣдуетъ еще показать, что тамъ, гдѣ похищеніе существуетъ до сихъ поръ **de facto**, плата за невѣсту вполнѣ носитъ характеръ *выкупа мести*; оба эти дѣйствія даже совершенно тожественны. У балинцевъ обиженные родственники имѣютъ право преслѣдовать и убить похитителя; но это право прекращается, коль скоро похититель приноситъ должную пеню. У макассаровъ су-

ществуетъ также особая плата за похищеніе, которой однако похититель можетъ избѣгнуть, заплативъ за невѣсту. Необходимо также взять во вниманіе, что тамъ, гдѣ притворное похищеніе сохранилось въ болѣе чистомъ видѣ, плата за невѣсту сохраняетъ еще характеръ пени, или, по меньшей мѣрѣ, слѣды того, что она нѣкогда была пенею. Одинъ примѣръ этого встрѣчается у жителей Лампонскихъ округовъ Суматры. Тутъ можно видѣть, что послѣ похищенія семейство дѣвушки обнаруживаетъ какъ-бы попытку къ мести, которая кончается переговорами о платѣ за невѣсту. То же самое бываетъ у сумбанцевъ, у которыхъ родственники являются послѣ похищенія вооруженными, какъ если-бы они имѣютъ намѣреніе наказать обидчика за его дѣйствіе, но удовлетворенные платою за невѣсту, будто удаляются. Во многихъ другихъ случаяхъ можно встрѣтить открытое обсужденіе вопроса о брачномъ дарѣ послѣ похищенія, очевидно составляющее непосредственное послѣдствіе похищенія, подобно тому, какъ это было у древнихъ пруссовъ и на Новой Гвинеѣ (**Post**, 56 и 62); это также указываетъ, что уплата цѣны при заключеніи брака и здѣсь является въ видѣ пени.

Изъ предъидущаго видно, какъ мало примитивнаго заключается въ основѣ того понятія о платѣ за невѣсту, что женщина за эту плату получается, *покупается*. Въ качествѣ пени, уплата извѣстной цѣны первоначально была вовсе не условіемъ, а просто послѣдствіемъ брака. Она имѣла слишкомъ мало примѣненія въ первобытномъ обществѣ, чтобы отсюда можно было выводить право на вступленіе въ бракъ, т. е. на похищеніе, какъ и при внесеніи **wehrgeld**— право кого нибудь убить. Лишь тогда, когда уплата цѣны перестанетъ имѣть значеніе пени, можетъ получить мѣсто дѣйствительный договоръ, при помощи котораго женихъ пріобрѣтаетъ отъ родителей жену; но при этомъ еще остается видъ пени, сначала безсознательно, а потомъ когда о немъ утратится вопоминаніе, то и сознательно. Однако отсюда еще очень далеко до купли-продажи жены. Подобное понятіе само должно было, разумѣется, образоваться лишь постепенно, лишь послѣ того, какъ развилась **patria potestas**, причемъ дѣти стали составлять не болѣе, какъ часть отцовскаго имущества и были душою и тѣломъ подчинены власти отца.

Такова новая теорія похищенія, какъ источника происхожденія брачнаго союза и платы за невѣсту, принадлежащая перу Вилькена. Мы привели здѣсь краткое извлеченіе изъ этой теоріи не съ тою цѣлью, чтобы занять вниманіе читателя интересною гипотезой, а потому, что признаемъ ученіе автора вполнѣ научнымъ и основательнымъ обобщеніемъ важныхъ явленій. Недостатокъ мѣста не дозволилъ намъ воспользоваться многочисленными фактическими дан-

ными, которыми авторъ съ большою точностью подтверждаетъ каждый шагъ своей аргументаціи, причемъ, въ особенности, важны тѣ примѣры, которые относятся къ Индійскому Архипелагу, какъ, по своей новизнѣ, такъ и по оригинальности.

Справедливость теоріи автора относительно платы за невѣсту, или пени за прекращеніе мести, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Намъ всегда казалось, что продажа и покупка женщинъ расходятся съ нѣкоторыми учрежденіями, которыя мы встрѣчаемъ у многихъ первобытныхъ народовъ, каково напримѣръ, учрежденіе матріархата съ преобладаніемъ женщины въ хозяйствѣ, широкій общинный бытъ и часто даже полное отсутствіе идеи мѣновой цѣнности при первоначальныхъ сношеніяхъ съ европейцами. Естественно, поэтому, возникаетъ тотъ вопросъ, какимъ образомъ дикари могли продавать женщину, которая являлась представительницею своего рода, имѣя весьма смутное понятіе о продажѣ и покупкѣ продуктовъ своего собственнаго производства? Откуда могла у нихъ явиться идея о томъ, что женщина есть не болѣе, какъ предметъ частной собственности, когда они имѣли весьма ограниченное понятіе объ этомъ учрежденіи даже относительно дѣйствительныхъ вещей? Ясное дѣло, что подобныя идеи могли у нихъ образоваться не раньше, какъ тогда, когда усложненіе общественной организаціи привело къ укрѣпленію отцовской власти. Происхожденіе платы за невѣсту изъ пени или жертвы за прекращеніе мести даетъ разрѣшеніе всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ, и освѣщаетъ цѣлый рядъ обычаевъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ оставалось загадкой. Безспорно, что мысль о вознагражденіи за прекращеніе мести должна была возникнуть гораздо раньше, чѣмъ понятіе о куплѣ-продажѣ жены. Кровная мѣсть представляетъ одно изъ явленій, безъ которыхъ не обходилось ни одно первобытное общество на самыхъ раннихъ ступеняхъ своего развитія. Что похищеніе дѣвушки разсматривалось, какъ оскорбленіе, требующее отмщенія, это также совершенно ясно. А отсюда вытекаетъ объясненіе многихъ изъ тѣхъ формальностей и церемоній, которыми сопровождается заключеніе брака у первобытныхъ народовъ, и которыя никогда еще не были разъяснены въ ихъ взаимной связи. Теорія, признававшая въ пріобрѣтеніи невѣсты одну только куплю-продажу, должна была, по необходимости, игнорировать значеніе всѣхъ этихъ церемоній и формальностей. Такъ, напр., если бракъ представляетъ только куплю, то откуда происходитъ гнѣвъ родственниковъ жены? Гнѣвъ этихъ послѣднихъ указываетъ несомнѣнно на обиду, а обида требуетъ возмѣщенія, которое съ теченіемъ времени принимаетъ характеръ пени. Если, далѣе, договоръ былъ добровольный, то откуда недовольство невѣсты? Изъ какого источника вытекаетъ подчиненное и служебное по-

ложеніе мужа у многихъ народовъ, у которыхъ мужъ идетъ въ родъ жены, если онъ купилъ эту жену и обратилъ ее въ собственность?

Въ частности, намъ кажется, что изложенная теорія происхожденія платы за невѣсту вноситъ окончательное рѣшеніе въ тотъ споръ, который существовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ русской литературѣ юридическихъ обычаевъ. Такъ, П. С. Ефименко [1]) полемизируетъ съ профессоромъ Кавелинымъ, который считаетъ приданое и плату явленіями несовмѣстимыми, исключающими одно другое. Кавелинъ говоритъ, что «трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты, съ одной стороны, надѣляли ее, а, съ другой, получали за нее плату». «Это», по его словамъ, «было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ (соч. Кавелина, III, стр. 243), чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго развитого народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ различнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ, о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія, тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ, по существу своему, предполагаетъ уже мирныя, не враждебныя отношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза». Противъ этого, говоритъ П. С. Ефименко, можно замѣтить, что въ то время, о которомъ ведетъ рѣчь начальная лѣтопись, похищеніе дѣвицъ не обусловливалось непремѣнно враждебностью родовъ, ибо происходило по совѣщанію съ дѣвушками на религіозныхъ празднествахъ. А что купля невѣстъ не исключаетъ приданаго, можно убѣдиться изъ аналогическихъ явленій существованія приданаго у такихъ народовъ, у которыхъ до сихъ поръ невѣсты покупаются. Такъ, инородцы Архангельской губ., самоѣды, лопари, корелы и зыряне, на ряду съ куплею невѣстъ знаютъ и приданое. Да и у другихъ народовъ восточнаго происхожденія, не вышедшихъ еще изъ формъ родоваго быта, купля невѣстъ не исключаетъ приданаго. Такъ бываетъ у остяковъ, морлаковъ, словенцевъ, черногорцевъ, у крестьянъ Архангельской губерніи и другихъ великорусскихъ губерній. Приводя эти факты, П. С. Ефименко не хочетъ сказать, что купля невѣстъ всегда сопровождается дачею приданаго со стороны родителей невѣ-

[1]) П. С. Ефименко. Приданое по обыч. праву крестьянъ Арханг. губ. Записки И. Р. Г. Общ. по отдѣл. Этногр. 1873. 45.

сты; такое положеніе могло-бы быть опровергнуто данными противоположнаго свойства, хотя и весьма немногочисленными. Цѣль автора—доказать, что два такія разнородныя явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе за ними приданаго, легко уживаются вмѣстѣ. Въ пользу догадки г. Кавелина не можетъ служить и та мысль, что съ одной стороны надѣленіе невѣстъ приданымъ, а съ другой покупка ихъ суть вещи несообразныя. Не надобно забывать и того, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: «подарки дарятъ, отдарковъ глядятъ»; а, между тѣмъ, взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Насколько намъ можетъ разъяснить этотъ споръ изложенная теорія Вилькена, она по нашему мнѣнію, ведетъ къ заключенію, что оба означенные авторы правы и оба неправы въ различныхъ частяхъ своихъ утвержденій. Совершенно правъ г. Кавелинъ, утверждая, что гдѣ есть похищеніе невѣстъ, тамъ нѣтъ еще между родами никакихъ отношеній кромѣ враждебныхъ, тогда какъ покупка невѣстъ уже предполагаетъ мирныя, не враждебныя отношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза. Это до такой степени вѣрно, что Вилькенъ, между прочимъ, дѣлаетъ остроумную догадку, что на взаимныхъ заключеніяхъ браковъ, которыми были призваны къ жизни первыя международныя отношенія, покоились навѣрно и древнѣйшія федераціи, въ которыхъ, какъ, между прочимъ, у древнихъ латинянъ и грековъ, **jus connubii**, **epigamie** существовало только между гражданами союзныхъ городовъ. Но г. Кавелинъ не правъ, когда онъ выражаетъ мнѣніе, что приданое и плата вещи несовмѣстимыя, исключающія другъ друга. Напротивъ, они совершенно совмѣстимы, потому что совершенно разнородны и даже до извѣстной степени поступаютъ въ различныя руки. Плата за невѣсту, какъ умилостивительная жертва за прекращеніе мести, поступаетъ въ значительной степени въ руки родственниковъ жены, приданое—въ руки невѣсты. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ П. С. Ефименко, когда онъ настаиваетъ на томъ, что плата за невѣсту и приданое прекрасно уживаются между собою у самыхъ даже первобытныхъ народовъ. Но авторъ, въ свою очередь, ошибается, когда онъ подобную совмѣстимость объясняетъ дарами и отдариваніями между женихомъ и невѣстой и родственниками ихъ обоихъ. Между этими двумя родами явленій нѣтъ ничего общаго. Подарки между родственниками и самими женихомъ и невѣстою потому и взаим-

ны, что смыслъ ихъ заключается въ возникновеніи общенія между двумя родами, празднующими, подъ видомъ брачной церемоніи, свое примиреніе послѣ притворнаго похищенія. Такъ, у макассаровъ невѣста примиряется съ женихомъ тѣмъ, что предлагаетъ ему сливу. У многихъ народовъ Индійскаго Архипелага предложеніе невѣстой жениху бетеля представляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей брачной церемоніи, какъ, между прочимъ, у альфуровъ на Целебесѣ, и именно здѣсь можно найти объясненіе этого обычая. Подобно тому, какъ и у макассаровъ, такое предложеніе должно было повсюду служить знакомъ примиренія, подчиненія; поэтому оно было необходимо, пока бракъ продолжалъ считаться обидою, и женихъ, какъ лицо, отъ котораго исходила эта обида, пріобрѣталъ милость невѣсты не сразу. Когда совершалась такая перемѣна, невѣста должна была какимъ нибудь образомъ дать знать объ этомъ, и не могло быть ничего краснорѣчивѣе, какъ вручить ему сливу, которая у индійскихъ народовъ часто является символомъ дружескаго настроенія. Въ другихъ мѣстахъ взамѣнъ этого встрѣчается общая трапеза жениха и невѣсты. Такъ, напр., бываетъ у балинцевъ, гдѣ послѣ благословенія брака священникомъ, невѣста беретъ горсть риса, которая подается ей для этой цѣли на пизанговомъ листѣ, и кладетъ ее въ ротъ мужу, послѣ чего онъ дѣлаетъ то же по отношенію къ ней. У альфуровъ Минагассы брачная церемонія состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что женихъ и невѣста сообща ѣдятъ немного рису и кусочекъ сала и пьютъ нѣсколько капель пальмоваго вина, которое подается имъ священникомъ. Чтобы понять внутренній смыслъ обычаевъ, освѣщенныхъ этими примѣрами, слѣдуетъ, говоритъ Вилькенъ, обратить вниманіе на то значеніе, какое обыкновенно придаютъ первобытные народы общенію стола (мы сказали-бы общенію собственности вообще). По ихъ понятіямъ, сѣсть за одинъ столъ невозможно для лицъ, которыя враждебны другъ другу, и гдѣ это происходитъ, даже случайно, тамъ должна исчезнуть всякая вражда. Понятно, что и въ бракѣ общеніе стола есть церемонія примиренія между невѣстою и женихомъ и служитъ знакомъ устанавливающагося межъ ними общенія правъ. Что-же касается приданаго, то его ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ отдарка на подарокъ, потому что въ большей части случаевъ, по крайней мѣрѣ у первобытныхъ народовъ, оно разсматривается, какъ спеціальная частная собственность жены.

Къ многочисленнымъ извѣстіямъ о слѣдахъ общинныхъ браковъ у различныхъ народовъ въ древнія и въ новѣйшія времена, содержащихся въ сочиненіяхъ Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Лёб-

бока, Жиро-Телона, Поста, Вилькена, Якушкина, мы можемъ присоединить нѣсколько новыхъ фактовъ большого интереса, на которые, сколько намъ извѣстно, не было до сихъ поръ обращаемо вниманія въ общихъ сочиненіяхъ по соціологіи. Въ статьѣ «Еще о братствахъ», («Слово», январь 1881), мы привели рядъ свѣдѣній, относящихся къ учрежденію, имѣющему нѣчто общее съ такъ называемою въ Малороссіи «парубоцкою громадою». Учрежденіе это состоитъ въ томъ, что молодежь обоего пола, очевидно въ воспоминаніе господствовавшаго въ прежнія времена общиннаго брачнаго союза, удаляется отъ своихъ родныхъ и живетъ вмѣстѣ до брака. Степень распространенія этого обычая въ различныхъ состояніяхъ его развитія оказывается по истинѣ удивительной, и число показаній въ его пользу можетъ быть доведено до весьма внушительныхъ размѣровъ. Остановимся въ данномъ случаѣ на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся изъ нихъ.

«Нравы и мѣстныя условія, говоритъ д'Орбиньи, [1])» оказываютъ сильное вліяніе на способъ постройки южно-американскихъ жилищъ. У перуанцевъ всякое хозяйство имѣетъ свое отдѣльное жилище сравнительно незначительныхъ размѣровъ; у гарани, гдѣ цѣлое семейство живетъ подъ одною крышею, каждое жилище имѣетъ видъ деревушки; у мокеевъ, гваранисовъ, чикитовъ, кромѣ частныхъ жилищъ, въ каждой деревнѣ существуетъ обширный общинный домъ, предназначенный для пріема иностранцевъ, посѣтителей, а у послѣдняго изъ этихъ народовъ и для молодыхъ людей обоего пола, которые удаляются изъ своихъ семействъ, чтобы жить вмѣстѣ до брака.»

Незамужнія женщины у чинуковъ, говоритъ Банкрофтъ [2]), не имѣютъ ни малѣйшей идеи цѣломудрія и охотно оказываютъ свое благорасположеніе за нѣжность, или за весьма незначительную собственность, выплачиваемую имъ или родителямъ; но съ выходомъ замужъ все это измѣняется.

У индійскаго народца Чибча въ Новой Гранадѣ [3]), остатки котораго существуютъ до настоящаго времени, многія празднества сопровождались всеобщимъ смѣшеніемъ половъ; здѣсь же существовали особыя празднества по случаю достиженія зрѣлости дѣвушками, и мѣстами не придавалось никакого значенія дѣвственности невѣсты, а, напротивъ, видѣлось въ ней доказательство, что дѣвушка неспособна пріобрѣсти себѣ любовь.

По словамъ Гентера, у многихъ народовъ сѣверной Америки мо-

---

[1]) A. d'Orbigny. L'homme américain. Paris 1839, I. 190.
[2]) Bancroft, op. cit. I. 242.
[3]) Waitz, op. cit. IV, 367, ссылка на Hunter, Memoirs etc. 1824, 233.

лодежь обоего пола спитъ въ одномъ и томъ-же домѣ, что однако обыкновенно не влечетъ за собою никакого разврата, хотя соблазнъ къ нему, разумѣется, облегчается; соблазнителя постигаетъ въ подобныхъ случаяхъ бóльшее презрѣніе нежели дѣвушку, которая позже часто находитъ еще случай выйти замужъ.

Въ Никарагвѣ, говоритъ Сквайръ [1]), родители въ прежнее время могли вести грязную торговлю своими дочерьми, не подвергаясь за это наказанію. Иногда дѣвушки, родители которыхъ были не въ состояніи снабдить ихъ соотвѣтствующимъ приданымъ, искали себѣ убѣжища въ проституціи. Если такая дѣвушка, пріобрѣтя себѣ подобными средствами достаточное приданое, хотѣла положить конецъ этой жизни, то она пріискивала себѣ кусокъ земли, чтобы построить на немъ домъ, сзывала къ себѣ своихъ поклонниковъ и объявляла имъ, что тѣ, которые желаютъ взять ее въ жены, должны собраться и построить ей домъ по ея плану, по окончаніи котораго, она выберетъ изъ нихъ себѣ супруга. Когда домъ достраивался и меблировался, то устраивался праздникъ, по окончаніи котораго дѣвушка брала за руку выбраннаго ею супруга, и онъ выражалъ громкую радость предъ своими соперниками за это преимущество.

Отъ Герреры, насколько онъ цитируется Спенсеромъ (I, 634, 5), мы узнаемъ, что древніе мексиканцы имѣли подобные же обычаи: «родители имѣли обыкновеніе, когда дѣвушки были готовы ко вступленію въ бракъ, посылать ихъ на сборъ приданаго и соотвѣтственно этому они ходили по странѣ постыднымъ образомъ пока не набирали достаточно имущества для вступленія въ бракъ.»

О древнихъ обитателяхъ Даріенскаго перешейка говоритъ Банкрофтъ: «проституція не была безчестна; благородныя женщины считали за непреложную истину, что было бы плебействомъ отказывать тому, кто чего нибудь у нихъ проситъ, и они охотно отдавались всякому, кто этого хотѣлъ, особенно, начальникамъ.» Тотъ-же писатель констатируетъ подобное-же состояніе вещей у другихъ американскихъ народовъ древняго и новѣйшаго времени. Такъ, онъ говоритъ про Такули: «народъ этотъ любитъ своихъ женъ, выполняющихъ большую часть домашнихъ работъ, и тѣмъ облегчающихъ трудъ мужей, вслѣдствіе чего мужья весьма ревнивы къ женамъ; но по отношенію къ незамужнимъ дочерямъ, какъ ни странно это можетъ показаться, они допускаютъ полную свободу безъ надзора и стыда»; о народѣ Майа тамъ же говорится: «родители развращаютъ своихъ дочерей безъ стыда... Для родителей низшихъ классовъ вовсе не было необычайною вещью посылать своихъ доче-

[1]) S. Squier. Der Centralamerik. Staat Nicaragua. Leipz. 1854. 497.

рей по всей странѣ, чтобы онѣ могли собирать себѣ приданое проституціей.» [1])

Батаки на Суматрѣ понимаютъ дѣвическое цѣломудріе въ томъже смыслѣ. „Она не лакомый кусокъ, если на нее никогда не сѣла муха", говоритъ батакъ весьма пластически о женщинѣ, которая до своего вступленія въ бракъ имѣла мало приключеній свободной любви. У этого народа молодыя дѣвушки въ половомъ отношеніи совершенно свободны и предаются громадной распущенности.

Любопытно, что и древніе писатели упоминаютъ объ этомъ странномъ учрежденіи. Такъ, Геродотъ свидѣтельствуетъ это о фракійцахъ и объ африканскомъ племени гинданахъ, Мела—объ авгилахъ, Діодоръ—о жителяхъ Балеарскихъ острововъ. [2])

У многихъ сѣверо-американскихъ племенъ, говоритъ Доменечъ [3]) дѣвушки пользуются такою широкою свободою, что, при помощи проституціи, собираютъ себѣ приданое; но, разъ вступивъ въ бракъ, онѣ все это бросаютъ.

На островахъ группы Бергъ, не подалеку отъ Маріанскихъ [4]), договоръ о вступленіи въ бракъ соблюдается свято. Но до заключенія этого договора мужчина и женщина одинаково пользуются полною свободою половыхъ отношеній: незамужняя женщина можетъ оказывать любовь, кому захочетъ, не подвергаясь за это ни малѣйшему порицанію, даже не думая о томъ, что она дѣлаетъ что нибудь дурное; но разъ она замужемъ, ложный шагъ для нея безчестіе. Беременная женщина, будетъ ли она замужняя или нѣтъ, уважается и почитается; сама женщина, гордая своимъ плодородіемъ, выставляетъ на показъ свое положеніе. Молодой туземецъ, желая взять себѣ жену, отдаетъ обыкновенно преимущество той, которая доказала самымъ несомнѣннымъ образомъ, то она можетъ создать семейство.

На Филиппинскихъ островахъ [5]) дѣвушки легкаго поведенія имѣютъ сношенія со всѣми мужчинами и часто также выходятъ замужъ; по временамъ отцы предлагаютъ дочерей европейцамъ, выпрашивая у нихъ ссуду и вводя дочерей въ домъ въ качествѣ швей... Замужнія женщины еще доступнѣе дѣвушекъ, но и для послѣднихъ виды на замужество врядъ-ли умаляются, вслѣдствіе ложныхъ шаговъ въ дѣвичьемъ состояніи. Дѣвушки подъ отцовской властью содержатся строго лишь для того, чтобы продлить служебное время мужа.

---

[1]) Bancroft, Vol. I, 77 б. 12 б. II, б. 76.
[2]) Bachofen, Das Mutterrecht.
[3]) Domenech, op. cit. 303.
[4]) Morelli, Bibliothèque Universelle des Voyages, XX.
[5]) Jagor. op. sit. 129.

Описывая высокое положеніе женщинъ на Маріанскихъ островахъ, Ле-Гобіенъ [1]) утверждаетъ слѣдующее: «эта власть женъ надъ мужьями есть причина того, что громадное большинство людей не желаетъ вступить въ бракъ. Они нанимаютъ себѣ дѣвушекъ или покупаютъ ихъ у родителей за нѣсколько кусковъ желѣза или чешуй черепахи. Они помѣщаютъ ихъ въ общественныхъ домахъ, общихъ для молодежи, которая живетъ съ ними столь свободно и столь безпорядочно, что это причиняетъ горе той части націи, которая ведетъ болѣе правильную жизнь.» На Каролинскихъ островахъ [2]) существовали подобные-же общіе дома и для той-же самой цѣли.

Въ Новой Зеландіи [3]) дѣвушки—госпожи своей личности и имѣютъ полную свободу осчастливить столько любовниковъ, сколько пожелаютъ.

На Сандвичевыхъ островахъ, по словамъ де Варины, [4]) дѣвушка гордилась числомъ своихъ любовниковъ, и юноша считалъ себя счастливымъ, если могъ жениться на женщинѣ, красота которой, оцѣненная всѣми его друзьями, не имѣла болѣе никакой для нихъ тайны.

«Въ каждой ораонской деревнѣ стараго происхожденія,» читаемъ у Дальтона [5]), «имѣется домъ подъ названіемъ «доомкоореа» (домъ холостыхъ), въ которомъ обязаны проводить ночь всѣ неженатые мужчины и мальчики племени. Всякій отсутствующій и проводящій ночь въ другомъ мѣстѣ деревни, подвергается взысканію. Въ этомъ зданіи помѣщаются флаги, музыкальные инструменты, хвосты яковъ, одежда для танцевъ и другое имущество, употребляемое на праздиествахъ... Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имѣются для незамужнихъ дѣвушекъ особые дома, и въ видѣ дуэньи надъ ними назначается старая женщина. Она всегда вооружена палкою для удержанія вдали мальчишекъ. Круговое пространство передъ фронтомъ доомкоореи поддерживается въ чистотѣ, какъ мѣсто для деревенскихъ танцевъ; оно обыкновенно прикрывается тѣнью прекрасныхъ старыхъ деревьевъ, а вокругъ располагаются мѣста для зрителей или для уставшихъ танцоровъ... Благодаря этому обычаю, взрослые юноши и дѣвушки представляютъ изъ себя совершенно особое общество; сходиться имъ между собою почти не ставится препятствій; они образуютъ изъ самихъ себя пріятную компанію, отъ которой старики замѣтно дер-

---

[1]) Le Gobien. Histoire des Iles Mariannes. 700. 60.
[2]) Waitz. Die Anthropologie etc. V, 105.
[3]) Duperrey. Bibl. Univers. des Voyages, XVIII, 157.
[4]) C. de Varigny. Quatorze ans aux iles Sandvich. Paris. 1874. 295.
[5]) E. T. Dalton. The Kols of Chota—Nagpora (Journ. of the Asiat. Society of Bengal 1866, Part III. № CXXXVI. p. 175 s.)

жатся вдали. Если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша взноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены.»

По свидѣтельству Эйра [1]), у австралійскихъ народовъ бракъ не разсматривается какъ залогъ цѣломудрія, и подобной добродѣтели вовсе не признается. Женщины занимаются проституціей всю жизнь. У многихъ племенъ сожительство молодежи обоего пола допускается какъ обычай, безъ всякаго ограниченія. Молодой человѣкъ во время собранія уводитъ съ собою молодую дѣвушку и поутру возвращаетъ ее обратно. Дѣвушки на 11 году а мальчики на 13 или 14 году входятъ во взаимныя половыя сношенія.

Въ Нижней Эѳіопіи [2]) незамужнія дѣвушки заключаютъ связи со всякимъ встрѣчнымъ, лишь бы только онъ далъ имъ денегъ. На Мадагаскарѣ молодые люди вступаютъ въ половыя сношенія въ присутствіи своихъ родителей, которые находятъ это похвальнымъ и даже сами возбуждаютъ къ этому.

Въ странѣ Кимбунда [3]) матери нисколько не заботятся о цѣломудріи дѣвушекъ, да о томъ же не заботятся и мужчины.

Въ Суданѣ [4]) только жена имѣетъ обязанности цѣломудрія; дѣвушка, кромѣ нѣкоторыхъ племенъ, свободна. Дѣвство цѣнится болѣе потому, что увеличиваетъ наслажденіе, чѣмъ потому, что считается за честь; потеря его не препятствуетъ видамъ на бракъ. Все это лежитъ въ крови, въ расѣ (?); религія при этомъ осталась безъ вліянія; строгое магометанство столь же мало успѣло наложить на эротическаго суданца свои цѣпи, какъ и христіанство на абиссинца. Однако суданка вовсе не легко впадаетъ отъ этого въ проституцію. Дѣвушки, живущія у родителей въ деревнѣ, большею частью, сохраняютъ свое дѣвичество до свадьбы. Въ городахъ другое дѣло; здѣсь слишкомъ многочисленны соблазны: лестные отзывы, подарки, внушающее и нравящееся мужество рѣдко остаются безъ дѣйствія на это впечатлительное существо. Но почти никогда черная не отдается ради одного маммона; всегда почти въ этомъ участвуетъ родъ любви; мужчинѣ въ подобномъ случаѣ бываютъ вѣрны столь-же долго, какъ онъ самъ.

Въ странѣ каффровъ [5]) молодежь совершенно необузданна и распущена. Половыя сношенія совершаются иногда публично.

Въ извѣстныхъ частяхъ Африки [6]), особенно въ нездоровыхъ

---

[1]) Eyre, op. cit. 320

[2]) Dapper. op. cit. 326, 7, 466.

[3]) Magyar. op. cit. 284.

[4]) Maltzan. Reise nach Süd-Arabien etc. Braunschweig, 1878, 96.

[5]) Döhne. Das Kafferland. Berl. 1843, 33.

[6]) W. Read. Savage Africa. Lond. 1863, 547.

мѣстностяхъ, гдѣ женщины часто бываютъ безплодны, никто не захочетъ жениться на дѣвушкѣ, пока она не имѣла ребенка. Это дало поводъ къ предположенію, что жители этихъ мѣстностей предпочитаютъ женъ, которыя выработали себѣ извѣстную опытность въ легкой жизни. Дѣйствительная причина та, что, вступая въ бракъ, мужчины должны платить за жену высокую цѣну; эту цѣну они разчитываютъ воротить черезъ продажу дѣтей, которыхъ она принесетъ... Куртизанки сѣверной Гвинеи обыкновенно принадлежатъ правительству; онѣ правильно воспитываются для своего промысла; онѣ живутъ въ сторонѣ, имѣютъ собственные дома, отличаются отъ скромныхъ женщинъ особымъ платьемъ, или обязываются носить особый колокольчикъ, дающій знать объ ихъ приближеніи. Три коури есть установленная плата, и онѣ получаютъ въ ней достаточно на свою пищу и одежду. Публичныя женщины образуютъ важный элементъ въ государствѣ: когда въ городѣ случается какой нибудь безпорядокъ, то начальникъ города грозитъ отнять этихъ женщинъ у публики; холостяки приходятъ цѣлой массой просить о возвращеніи ихъ; такъ же точно поступаютъ и женатые мужчины, признающіе въ этомъ соціальномъ злѣ предохранительный клапанъ. Въ дѣйствительности это учрежденіе разсматривается въ Африкѣ въ столь благопріятномъ свѣтѣ, что у богатыхъ негритянокъ существуетъ обычай, умирая, покупать женщинъ—рабынь и дарить ихъ публикѣ, такимъ-же образомъ, какъ англійскія леди оставили-бы часть имѣнія на какую-либо благотворительную цѣль. Негръ твердо увѣренъ въ томъ, что подобныя благотворители націи будутъ вознаграждены въ лучшемъ мірѣ, и что, чѣмъ больше гетеръ они здѣсь купятъ, тѣмъ больше будетъ ихъ награда тамъ.

У армянъ въ Закавказьи [1]) неженатые молодые люди обоихъ половъ пользуются неограниченною свободою въ границахъ нравовъ и обычаевъ. Въ то время, какъ у всѣхъ окружающихъ народовъ покупка женъ есть исконная и единственная форма заключенія браковъ, а до тѣхъ поръ дѣвушки остаются вполнѣ запертыми, у армянъ, напротивъ, господствуетъ полная свобода сближенія между собою. Молодыя дѣвушки ходятъ съ открытымъ лицомъ и головою куда хотятъ; молодежь мужскаго пола открыто ищетъ ихъ любви, и браки, основанные на любви, весьма многочисленны. Но свобода женщины кончается со вступленіемъ ея въ бракъ, хотя и возвращается къ ней въ другомъ смыслѣ въ то время, когда она становится матерью.

У вотяковъ [2]) не считается неприличіемъ, если дѣвка забереме-

[1]) Haxthausen. Transkaukasien, I-er Theil, 200.
[2]) В. Бехтеревъ. Вотяки. Вѣстникъ Европы, 1880, сентябрь, 645.

нѣетъ; напротивъ, такая дѣвка входитъ въ моду, и женихи начинаютъ ее одолѣвать; это объясняется любовью вотяка къ семьѣ; дѣло въ томъ, что вотяки считаютъ за несчастье для себя имѣть безплодную жену. Родители вообще очень легко относятся къ шалостямъ своихъ дочерей, держась своей оригинальной пословицы: «дѣвушку мужикъ не любитъ, Богъ не любитъ». Отъ святокъ вплоть до великаго поста происходятъ такъ называемыя посидѣлки. Молодые парни и дѣвушки собираются куда нибудь въ нежилое строеніе, часто въ баню; первые подъ предлогомъ плесть лапти, а вторыя для занятія пряжей и проводятъ здѣсь зимніе вечера до глубокой ночи. Сюда родители обыкновенно не заглядываютъ, и молодые люди предаются нерѣдко повальному разврату... Впрочемъ, съ выходомъ замужъ, вотячки совершенно измѣняются.

О такихъ-же посидѣлкахъ, бесѣдахъ, вечеринкахъ, игрищахъ, купаньяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи см. у Якушкина «Обычное право», 1875, V—VIII [1]).

Но наиболѣе интересныя и бросающія, по нашему мнѣнію, новый свѣтъ на первобытныя отношенія половъ свѣдѣнія по обсуждаемому вопросу мы находимъ въ книгѣ Земпера «Die Palau Inseln.» Въ статьѣ своей «Еще о братствахъ» мы уже обратили вниманіе читателя на нѣкоторые курьезные обычаи, относящіеся къ сожительству тамошнихъ молодыхъ дѣвушекъ вмѣстѣ съ молодыми людьми въ такъ называемыхъ «баи». Въ настоящую минуту мы остановимся на этомъ предметѣ подробнѣе, передавая ближайшія обстоятельства, обусловливающія его, по возможности, ближе къ подлиннику.

«Каждый изъ главныхъ князей на Палаузскихъ островахъ, говоритъ Земперъ [2]), есть также начальникъ своей свиты (вѣроятно, братства или рода), съ которою вмѣстѣ онъ обладаетъ большимъ домомъ по названію баи и гдѣ члены этого союза, такъ называемаго клёббергёлля, проводятъ ночь и большую часть дня. По обычаю страны, оставивъ судно, я занялъ квартиру въ означенномъ большомъ домѣ—баи, которой принадлежалъ моимъ друзьямъ, взявшимъ меня подъ свою спеціальную защиту,—крэю и его княжескому товарищу. Тутъ меня угощали самымъ любезнымъ образомъ самъ крэй и его клёббергёлль. Правда, здѣсь не было особенно занимательно; рупаки (старѣйшіе роды жителей) почти все время спали и проводили большую часть дня въ ничего не дѣланіи; въ домъ ихъ, по обычаю страны, не было доступу ни одному изъ двухъ низшихъ клановъ (родовъ) жителей. Единственныя существа, съ кото-

[1]) См. также „По деревнямъ“. Отеч. Записки, 1881, ноябрь, 36—40.
[2] Semper. Die Palau-Inseln, 36, 65, 164, 321, 318.

рыми я могъ вести нѣкоторую слабую попытку разговора, были молодыя дѣвушки—фрины, которыя тамъ ведутъ съ князьями свободный и веселый образъ жизни. Объ ихъ странномъ, общественно замкнутомъ въ совершенно строгія формы образѣ жизни я получилъ точныя свѣдѣнія лишь впослѣдствіи. Онѣ часто получали визиты своихъ равнолѣтнихъ подругъ изъ баи другихъ клёббергёллей, и такъ какъ онѣ были словоохотливѣе, чѣмъ рупаки, и очевидно находили удовольствіе учить меня своему языку, то и я собралъ съ ихъ помощью въ нѣсколько дней довольно словъ».

«Однажды къ женѣ крэя въ моемъ присутствіи пришла одна замужняя женщина съ жалобою на невѣрность мужа. Первая дала ей сначала выплакаться, а потомъ разсказала ей исторію своей собственной жизни, какъ и она въ своей молодости часто относилась съ горечью къ невѣрности крэя. Но въ ихъ странѣ это иначе и невозможно. Всѣ мужчины одинаково дурны въ этомъ отношеніи, или, лучше сказать, они поступаютъ правильно, потому что сами женщины бывали часто первою причиною невѣрности мужей; и пока они не окончательно порвутъ отношенія законныхъ женъ къ незамужнимъ дѣвушкамъ, живущимъ въ баи,—къ «армунгулю», до тѣхъ поръ все останется по прежнему. Пусть она подумаетъ только о томъ, что она сама была нѣсколько мѣсяцевъ въ Раллапѣ «армунгуль», и что ей очень нравилась свободная и независимая жизнь, которую она тамъ вела, не говоря уже объ *услугахъ* со стороны *замужнихъ женщинъ*. Пока эти послѣднія должны ежедневно носить пищу для «армунгуль» въ баи, дѣвушки всегда будутъ готовы, провести нѣсколько мѣсяцевъ въ баи, тѣмъ болѣе что онѣ по возвращеніи въ деревню приносятъ съ собою родителямъ «большую монету» и не нуждаются въ долговременномъ ожиданіи мужа. Многимъ женщинамъ жизнь въ баи на столько нравится, что онѣ убѣгали туда отъ своихъ мужей, чтобы снова вступить въ подобное учрежденіе. Но касаться всего этого воспрещаетъ старый почтенный обычай; и если-бы онѣ теперь не захотѣли болѣе носить пищу въ баи, то мужья не имѣли-бы никакой прислуги, такъ какъ правомѣрная жена никогда не должна показывать передъ міромъ, что она съ своимъ мужемъ живетъ въ такомъ *довѣрчивомъ* отношеніи; это «мугуль» (неприлично); и если это слово когда нибудь потеряетъ между ними свою силу, то навѣрно погибнетъ весь Палаузъ».

Авторъ самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ двухъ похищеній дѣвушекъ для баи. «Клёббергёлль мужчинъ изъ Корёры», говоритъ онъ, «прибылъ на островъ Крейангель за три дня до меня, повидимому, для посѣщенія своихъ друзей, въ дѣйствительности-же для увоза нѣсколькихъ дѣвушекъ. У нихъ въ баи не хватало «армангу-

ля»; а такъ какъ о-въ Крейангель давно уже подчинялся произволу могущественныхъ союзниковъ юга, то и на этотъ разъ жители острова не осмѣлились воспрепятствовать ихъ предпріятію. Скоро нашлись дѣвушки, которыхъ привлекала веселая свободная жизнь; своимъ нѣмымъ языкомъ они быстро сговорились съ людьми изъ Кореры о мѣстѣ свиданія; а родители жаловались и были внѣ себя, такъ такъ уже было слишкомъ поздно отвоевать у разбойниковъ дѣвушекъ, сведенныхъ во время обѣда. Одинъ рупакъ тоже потерялъ свою дочь.—Слышалъ-ли ты, докторъ, сказала автору его знакомая, туземка Акивакидъ на островѣ Пелеліу, сегодня ночью нашъ «инатокета» (женскій клёббергель деревни) убѣжалъ въ Эймелигъ?—Какъ такъ, сакаликъ, (другъ); я тебя не понимаю; это глупость; кто убѣжалъ въ Эймеликъ?—О докторъ, не будь такъ глупъ, изъ Эймелига пришли друзья дѣвушекъ,—клёббергёлль мужчинъ, чтобы взять ихъ съ собою и дать имъ возможность прожить у себя нѣсколько мѣсяцевъ въ баи, какъ «армунгуль». Теперь онѣ конечно уже тамъ и празднуютъ танцами удавшееся предпріятіе». Авторъ такъ былъ пораженъ и огорченъ всѣмъ слышаннымъ, что совершенно измѣнилъ свое прежнее хорошее мнѣніе о туземцахъ, и, бѣгая кругомъ по деревнѣ, все распрашивалъ, дѣйствительно-ли правда, что столько дѣвушекъ — около 20, могли сразу убѣжать, не будучи пойманы? Автору отвѣчали со всѣхъ сторонъ, что дѣвушки теперь выросли и стали госпожами самихъ себя; если люди изъ Эймелига успѣли ихъ уговорить, то онѣ были уже напередъ согласны на счетъ платы, которая будетъ имъ дана послѣ, за службу въ баи; досадно лишь то, что эта *неизбѣжная* катастрофа случилась именно теперь, когда поля еще не обработаны; теперь старшія женщины должны работать за тѣхъ младшихъ, которыя съ легкимъ сердцемъ убѣжали въ далекій свѣтъ. Мало по малу окончательно выяснилось, что все бѣгство было подготовлено заранѣе, что одинъ изъ друзей автора, самъ родомъ изъ Эймелига, подготовилъ въ своемъ домѣ свиданіе похитителей и дѣвушекъ, и что жена его разбудила ихъ и свела въ гавань. «Смотри докторъ,» сказала Акивакидъ и при этомъ она сдѣлала нѣсколько узловъ на шнуркѣ, «такіе узлы на веревкѣ люди изъ Эймелига передали въ послѣдній праздникъ полнолунія нашему «инатокате»; начальница клёббергёлля сохранила эту веревку и всякую ночь распускала по узлу; въ ночь, когда ей слѣдовало распустить послѣдній узелъ, должны были придти ея друзья; у нихъ была такая-же веревка съ узлами». «Но, Акивакидъ, какъ это возможно, чтобы клёббергелль такъ долго молчалъ объ этомъ? Вѣдь обыкновенно всѣмъ бываетъ извѣстно, что дѣлается?» — «Да это была большая тайна, другъ; самъ клёббергель не зналъ ея еще, знали только начальница и еще

нѣкоторыя женщины. Но если-бы онѣ что нибудь сболтнули, то на нихъ было бы наложено тяжкое наказаніе; самъ вашъ пріятель, помогавшій бѣгству, долженъ былъ молчать, иначе женскій клѣббергелль навѣрно поджегъ-бы ему домъ въ наказаніе за болтовню.» — «Я этого не понимаю, Акивакидъ, значитъ то́, что они дѣлали, было нѣчто дурное, иначе, зачѣмъ стали-бы они дѣлать это ночью?»—«Таковъ обычай на Палау, докторъ. Дурного тутъ нѣтъ ничего; напротивъ, мы женщины всѣ однажды убѣгали такимъ образомъ. И это обычай прекрасный; только благодаря ему можемъ мы увидать кое-что на другихъ островахъ. Наши дѣвушки изъНазіасса всегда ходили въ Эймелигъ, дѣвушки изъ Аргеутеля, Ороколле и Арделлолека ходили въ Корёзу, изъ Корёзы въ Раллапъ. Тамъ они оставались три мѣсяца въ баи, выучивались служить мужчинамъ и быть имъ послушными и возвращались, принося своимъ родителямъ хорошія деньги». «Но ты мнѣ не сказала, отчего они не уходятъ днемъ?» — «О докторъ, это было бы не хорошо; тогда это увидѣли-бы мужчины деревни и дѣло дошло бы до сильнаго боя. Собственно говоря, мужчины не должны отпускать дѣвушекъ и потому-то все это происходитъ ночью, чтобы они не замѣтили и не начали распри. Было-бы дурно, если-бы при этомъ погибъ кто нибудь изъ нашихъ мужчинъ; притомъ это было-бы и безполезно, потому что молодыя дѣвушки *должны* идти въ баи, разъ онѣ выросли. Это нашъ макезангъ (повинность). Когда молодой клѣббергёлль приходитъ въ надлежащій возрастъ, то онъ долженъ куда нибудь идти, и ни одна дѣвушка не должна оставаться дома; если она это сдѣлаетъ, то родители ее выбранятъ, и она не такъ легко найдетъ себѣ мужа, потому что тогда повсюду въ странѣ она будетъ считаться неловкой и глупой дѣвушкой, которая не годится въ жены; но другія, когда возвращаются домой, то скоро выходятъ замужъ». Авторъ сознается, что онъ никакъ не ожидалъ найти при этомъ притворномъ похищеніи молодыхъ дѣвушекъ все регулированнымъ до малѣйшихъ подробностей. Еще нѣкоторые детали разсказала автору Акивакидъ относительно обычаевъ, связанныхъ съ этимъ «макезангомъ» (т. е. общественною повинностью) дѣвушекъ; чѣмъ болѣе она говорила, тѣмъ яснѣе смыкалась въ глазахъ автора та цѣпь, которою здѣсь обычай, всемогущая традиція связали все общество и отдѣльныхъ лицъ, не смотря на кажущуюся дикую распущенность.»

Замѣчателенъ также разговоръ, который происходилъ у автора въ другое время съ тою-же самою Акивакидъ по поводу брачныхъ отношеній. «У васъ, докторъ,» спрашивала Акивакидъ, «мужья и жены живутъ въ одномъ домѣ и нѣтъ бай, гдѣ спятъ мужчины?» — «Да, Акивакидъ, у насъ это совсѣмъ иначе; мужъ и жена всегда

живутъ вмѣстѣ, въ одномъ и томъ-же домѣ».—«Это странно, докторъ, у насъ считается неприличнымъ, чтобы мужъ спалъ въ домѣ, гдѣ живетъ его семейство; поэтому мы всѣ покинули наше жилище, когда ты поселился въ немъ. Мужъ и жена видятся только днемъ и только у себя дома; на улицѣ они не знаютъ другъ друга, а по ночамъ встрѣчаются только въ хорошенькихъ красныхъ домикахъ нашихъ калидовъ [1]). А ваши женщины довольны тѣмъ, что у нихъ нѣтъ баи? Когда у насъ жена разсердится на мужа, то бѣжитъ въ первый бай; тогда мужъ, если хочетъ опять примириться съ нею, долженъ выкупить ее за маленькую монету у клёббергелля, которому принадлежитъ все, что есть въ баѣ и самъ бай; если онъ не можетъ заплатить денегъ, то не имѣетъ на нее и права. Тогда она остается у мужчинъ до тѣхъ поръ, пока другой, болѣе сильный мужчина, чѣмъ первый ея мужъ, не выкупитъ ее у нихъ. Какъ-же ваши женщины могутъ себя защитить отъ своихъ мужей, если они жестоко и плохо обходятся съ ними?»—«У насъ мужъ и жена гораздо крѣпче связаны другъ съ другомъ, чѣмъ у васъ, имъ не нужно никакого баи, и если они не могутъ сойтись, тогда ихъ раздѣляетъ аруанъ (община); женѣ нѣтъ поэтому надобности бѣжать къ другому мужчинѣ».—«Ну, такъ я, докторъ, не могла-бы жить въ Ангабардѣ (Европѣ); я уже разъ убѣгала отъ своего мужа и отлично провела время въ клёббергёллѣ. Сестра твоего пріятеля также недавно ушла въ баи, въ Ороколь, потому что мужъ ея нарушилъ вѣрность; ей за это аруанъ отрѣзалъ-бы ухо въ наказаніе, но теперь ее охраняетъ отъ рупаковъ клёббергёлль.»—«Но почему-же аруанъ не наказываетъ невѣрнаго мужа?»—«Мужчины, докторъ, гораздо хуже насъ; они должны-бы терять жизнь за свою невѣрность, но этого не дѣлается, другъ; тогда у насъ не осталось-бы мужей. Мужчины очень дурны относительно насъ, это правда; почему-же намъ не быть столь-же свободными, какъ и они? Мы-же свободны лишь тогда, когда насъ кто-либо охраняетъ, и такъ-какъ рупаки, т. е. начальство, не столь многочисленны, то мы должны идти въ баи, гдѣ мы, по крайней мѣрѣ, можемъ быть свободны». — «Но вѣдь и вы также живете въ клёббергёлѣ (женскомъ) и принимаете къ себѣ друзей, отчего-же вашъ клёббергёлль не защищаетъ васъ отъ мужей?»—«Ахъ, докторъ, ты глупый человѣкъ, видно, что ты плохо знаешь обычаи Палауза. Какъ-же мы стали-бы жить безъ мужчинъ? Нашъ клёббергелль можетъ охранять насъ лишь тогда, когда мы съ своими *друзьями* по време-

---

[1]) „Калидъ", повидимому, есть то-же, что „тотемъ" у сѣверо-американскихъ индійцевъ.

намъ отправляемся въ Коксаль; тогда наши мужья не должны ѣхать съ нами и тогда мы совершенно свободны».

Въ дополненіе къ этимъ фактамъ приведемъ еще, со словъ автора, описаніе здѣшняго родства. «Понять это родство», говоритъ авторъ, «тѣмъ затруднительнѣе, что оно здѣсь отличается большою сложностью. Представьте себѣ, что сынъ беретъ въ жены взрослую дочь своей сестры, братъ его—сестру своей свояченицы; подумайте о томъ, что это продолжается въ теченіи двухъ поколѣній и еще усложняется величайшею легкостью разводовъ и многочисленными случаями усыновленія; тогда вы можете составить себѣ понятіе о томъ смѣшеніи, которое должно господствовать въ отношеніяхъ родства этихъ островитянъ. Почти въ каждой семьѣ можно найти женщину, имѣющую уже третьяго или четвертаго мужа, которые всѣ еще живы, и которымъ всѣмъ она оставила дѣтей. Какъ легко устраивается и выполняется разводъ, относительно этого представила блестящій примѣръ одна красавица, предлагавшая себя автору въ жены: не найдя возможности получить его въ свои защитники, она сдѣлала предложеніе одному туземцу, и такъ какъ она принадлежала къ вліятельному семейству, то онъ согласился взять ее себѣ въ четвертыя жены; дѣтей своихъ она оставила обманутому мужу. Сверхъ того, чрезвычайно сильно распространенъ обычай усыновленія дѣтей, именно, мальчиковъ, и принятыя дѣти до того сливаются съ собственными, что въ позднѣйшемъ возрастѣ они совершенно утрачиваютъ сознаніе принадлежности къ другой семьѣ. И все же эти странныя выдумки, которыя, разумѣется, довольно часто могутъ имѣть слѣдствіемъ браки между братьями и сестрами, не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на семейную жизнь людей. Даже и у насъ на родинѣ нѣкоторые родители могли-бы взять въ примѣръ любовь, съ какою мои голые друзья на Палаузскихъ островахъ ухаживаютъ за своими усыновленными дѣтьми, и многія европейскія дѣти могли-бы взять урокъ съ дѣтскаго, но не лакейскаго послушанія, какое оказываютъ здѣсь мальчики и дѣвочки своимъ родителямъ. Но какова можетъ быть причина этого обычая, который хотя и равняется усыновленію, но въ сущности сводится на обмѣнъ дѣтей? Быть можетъ, обычай этотъ порожденъ сознаніемъ, что ни одинъ мужъ не можетъ постоять за вѣрность своей жены, и потребностью сразу устранить всѣ сомнѣнія относительно правоспособности того или другого дитяти? При такой системѣ, разумѣется, не можетъ происходить споровъ о наслѣдствѣ, такъ какъ усыновленный сынъ вступаетъ въ права собственныхъ дѣтей».

Только что разсмотрѣнныя курьезныя учрежденія не чужды и другимъ океанійскимъ островамъ. Таково-же, напримѣръ, учрежденіе *ули-*

таосовъ на Маріанскихъ островахъ [1]). Во время завоеванія острововъ испанцами они составляли замкнутое общество и распространили по всей группѣ острововъ свои особые дома (родъ бан). Мужчины жили въ нихъ въ состояніи общиннаго брака съ дѣвушками знатныхъ семействъ, нарушая всякія границы и доходя даже до кровосмѣшенія, и не только никто не ставилъ имъ въ преступленіе подобной распущенности, но пребывать въ этихъ домахъ считалось для обоихъ половъ за высшую честь; дѣвушки, пробывшія въ такомъ обществѣ, были уважаемы гораздо болѣе, нежели дѣвственницы. На своихъ празднествахъ они пѣли пѣсни эротическаго содержанія, но не на обыкновенномъ, а на болѣе старомъ языкѣ. У нихъ существовалъ особый знакъ — палка съ выдолбленной сердцевиной, украшенная тремя кусками древесной коры и пучками волосъ. Что *улитаосы* представляли религіозное общество, это видно, во первыхъ, изъ того, что они пользовались большимъ почетомъ, а также значительнымъ вліяніемъ въ политическихъ дѣлахъ; во вторыхъ, изъ того, что именно они оказали самое сильное сопротивленіе введенію христіанства, которое находилось въ противорѣчіи съ ихъ распущенностію; въ третьихъ, изъ того, что у нихъ былъ особый языкъ, запрещенный всѣмъ прочимъ людямъ и особыя пѣсни. Судя по этому описанію, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что это общество часто сопоставляли съ обществомъ *аероисъ* на островахъ Товарищества (**Freycinet**, II, 370, **Lutteroth**, 6). Названія *аероисъ* и *улитаосъ* имѣютъ одинъ и тотъ-же смыслъ и навѣрно представляютъ одно и то же слово; учрежденія обоихъ обществъ также совершенно одинаковы. Правда, *аероисы* на Таити почти всѣ были обязаны убивать своихъ дѣтей; быть можетъ, то же было и на Маріанскихъ островахъ, по крайней-мѣрѣ, нигдѣ не упоминается о дѣтяхъ *улитаосовъ*: но если улитаосы и не принимали участія въ этомъ жестокомъ обычаѣ, то это ничего не говоритъ противъ ихъ сходства съ *аероисъ*, такъ какъ, повидимому, и на Таити этотъ обычай имѣетъ позднѣйшее происхожденіе.

Въ недавное время англійскій миссіонеръ Кодрингтонъ сообщилъ Королевскому Обществу въ г. Викторіи любопытное описаніе нравовъ и обычаевъ жителей острововъ Банковой группы, въ которыхъ оказываются поразительныя черты сходства съ палаузскими и маріанскими учрежденіями. То же самое можно сказать объ нѣкоторыхъ обычаяхъ острововъ Дружбы [2]) и Каролинскихъ [3]).

---

[1]) T. Waitz. Anthropologie etc. V, 148 (Gerland's Fortsetzung)

[2]) См. напр. Waitz-Gerland, Anthropologie, B. VI, 1872. 121—3, гдѣ разсказывается о существованіи на о—вѣ Тонга особыхъ домовъ для молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ посѣщаютъ юноши.

[3]) См. Otto Finsch, Ueber die Bewohner von Ponape (östlich, Karoli-

Возвратимся теперь къ обычаямъ Палаузскихъ острововъ и отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе характеристическія ихъ черты, чтобы дать о нихъ болѣе цѣльное представленіе. Юноши одной деревни, повидимому, принадлежащіе къ мѣстнымъ старѣйшимъ родамъ рупаковъ, совершаютъ ежегодное похищеніе дѣвушекъ другой опредѣленной деревни, и живутъ съ ними нѣсколько мѣсяцевъ въ общинномъ бракѣ, уплачивая ихъ родителямъ извѣстную сумму мѣстныхъ денегъ. Похищеніе, къ которому они прибѣгаютъ, носитъ на себѣ смѣшанный характеръ притворнаго или символическаго похищенія съ одной и фактическаго съ другой стороны; оно притворно, потому что сами дѣвушки и ихъ родственники уже напередъ признаютъ его установившимся обычаемъ и даже обычаемъ хорошимъ; оно совершается отчасти и **de facto**, такъ какъ самый моментъ похищенія дѣвушекъ тщательно скрывается отъ ихъ родственниковъ мужчинъ, во избѣжаніе серьезнаго боя съ похитителями. Пребываніе въ состояніи общиннаго брака не только не оказываетъ никакого вреднаго вліянія на репутацію дѣвушекъ, но, какъ это бываетъ и въ другихъ странахъ, вызываетъ особое къ нимъ уваженіе, и, благодаря приданому, облегчаетъ имъ вступленіе въ бракъ. Затѣмъ дѣвушки возвращаются домой и здѣсь уже вступаютъ въ индивидуальный бракъ. Самое вступленіе въ индивидуальный бракъ представляетъ какъ бы нѣкоторое пониженіе того состоянія, въ которомъ пребывала дѣвушка до брака. Выйдя за мужъ, она, повидимому, находится въ подчиненномъ, служебномъ положеніи относительно дѣвушекъ, живущихъ въ общинномъ бракѣ, напримѣръ носитъ имъ пищу. Сверхъ того, оставляетъ желать многаго также и прочность брачныхъ узъ: такъ, жены часто мѣняютъ мужей, пользуются полною свободою въ опредѣленные дни года и убѣгаютъ отъ своихъ мужей въ баи, откуда тѣ должны уже ихъ выкупить, какъ вновь принадлежащихъ мужчинѣ. Самыя отношенія между мужемъ и женою носятъ характеръ чего-то враждебнаго и какъ-бы стыдящагося чужого глаза: они не живутъ и не ѣдятъ вмѣстѣ, встрѣчаются только урывками и втайнѣ, словно совершили своимъ бракосочетаніемъ какое-либо преступленіе. Ко всему этому присоединяются браки между близкими родственниками, которые необходимо происходятъ при отсутствіи экзогаміи, ведущей за собою бракъ въ

---

nen). Zeitschrift für Ethnologie 1880, Heft 1, 316 и слѣд.) Тотъ-же родъ явленій или замѣчательно съ нимъ сходный, встрѣчается у многихъ сѣверо-американскихъ индійцевъ (W a i t z, op. cit. B. III, 112. D e C h a r l e v o i x. History etc. of New France, 1856, I, 126), у жителей острововъ Формозы и Церама и у Ніасцевъ Малайскаго архипелага (W. J o e s t, Zeitschr. für Ethnologie, 1882. Heft II и III и v. R o s e n b e r g. Der Malaysche Archipel. 1878, 158), у австралійцевъ (C. S. W a k e. The Jour. of the Anthrop. Instit. 1871, 77) и у дарфурцевъ (B a s t i a n, Rechtsverhältnisse, XIX).

чужомъ родѣ, а равно такъ называемое усыновленіе, вытекающее изъ классификаціонной системы родства. Система эта, господствующая почти всюду на океанійскихъ островахъ, допускаетъ, какъ извѣстно, болѣе широкіе классы родства, чѣмъ современные европейскіе; отецъ и дяди здѣсь соединяются въ одну группу — все это отцы для даннаго лица; всѣ его братья и двоюродные братья—его братьи, всѣ его дѣти и племянники его дѣти. Вотъ эта то система и даетъ мѣсто тому, что Земперъ называетъ усыновленіемъ, ведущимъ будто-бы къ тому, что дитя совершенно забываетъ о своей родной семьѣ. То же самое говоритъ и другой путешественникъ Гаффарель (Les colonies françaises, 1880, 387—8) объ усыновленіи на Маркизскихъ островахъ: «дитя, рождающееся на этихъ островахъ, не принадлежитъ ни матери, ни отцу. Его усыновляетъ или покупаетъ третье лицо, дѣлаясь его легальнымъ отцомъ. Когда дитя является въ міръ, оно кормится грудью матери въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ, потомъ отрывается отъ нея и отдается въ семью *по закону*. Настоящая мать, правда, проливаетъ нѣсколько слезъ, но она скоро утѣшается, съѣдая свинью, которую она получила въ обмѣнъ за плодъ своего чрева. Что касается до дитяти, то оно входитъ до того прочно въ семью усыновителей, что скоро забываетъ свою естественную семью,—безразличіе, которое вскорѣ дѣлается взаимнымъ». Мы не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія объ этомъ очевидно весьма интересномъ и важномъ обычаѣ, такъ какъ приведенныя описанія его отличаются нѣкоторою поверхностностью. Но намъ все же кажется, что ошибочность сужденія обоихъ авторовъ покоится на томъ, что они принимаютъ океанійскую семью въ смыслѣ современной европейской, состоящей изъ отца, матери и дѣтей и отдѣленной правомъ частной собственности отъ всѣхъ прочихъ семей и индивидуумовъ. Но даже въ такомъ случаѣ, что за нелѣпость была бы покупать чужихъ дѣтей и продавать своихъ собственныхъ? Очевидно, что дѣло въ сущности идетъ не объ усыновленіи дѣтей чужой семьей, а просто о переходѣ ихъ изъ одного отдѣленія рода въ другое, и, весьма вѣроятно, изъ мужнина въ женинъ, такъ какъ дѣти повсюду въ Океаніи считаются принадлежащими къ роду матери.

Въ цѣломъ наиболѣе характеристическая особенность брачныхъ обычаевъ Палауэской группы заключается въ томъ, что здѣсь похищаются дѣвушки не для индивидуальнаго брака, какъ слѣдовалобы по теоріи Лёббока, а для общиннаго, и что въ индивидуальный бракъ они вступаютъ не чрезъ похищеніе, а въ собственномъ родѣ. Подвести это явленіе подъ эндогамію и на этомъ остановиться, еще не значитъ разрѣшить его: оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что обычай экзогаміи имѣлъ первоначально совсѣмъ иное значеніе,

чѣмъ впослѣдствіи, а слѣдовательно опровергаетъ то предположеніе, что индивидуальный бракъ возникъ *исключительно* чрезъ похищеніе. Но это еще не все: похищеніе дѣвушекъ на этихъ островахъ отличается отчасти притворнымъ характеромъ, слѣдовательно составляетъ уже переживаніе болѣе древняго обычая, какъ о немъ и отзывались туземцы. Такимъ образомъ обычай похищенія женщинъ на Палаузѣ можетъ быть разсматриваемъ какъ весьма важная историческая ступень экзогаміи, предшествовавшая возникновенію индивидуальнаго брака чрезъ похищеніе, и, въ то же время, сама прибѣгавшая уже къ притворному похищенію, которымъ впослѣдствіи воспользовался индивидуальный бракъ, какъ уже готовымъ средствомъ.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшимъ, недавно собраннымъ путешественниками, фактамъ, относящимся къ обычаямъ гетеризма. «Что меня всего болѣе поразило на улицахъ Бискары», говоритъ Мальцанъ [1]), «это большое число молодыхъ женщинъ изъ того класса, который въ Египтѣ называется *альме*. Здѣсь этихъ дѣвушекъ зовутъ по имени того племени, къ которому онѣ принадлежатъ почти безъ исключенія—*найлія*. Ихъ племя есть Уладъ-Наиль, обитающее въ Сахарѣ. Всѣ эти дѣвушки ходили безъ покрывалъ и были богато обвѣшаны разными кузнечными издѣліями странной формы. Волосы ихъ свободно падали длинными темными волнами на голую бурую грудь. Костюмъ ихъ—родъ широкой рубашки съ рукавами, сдѣланный изъ пестрой матеріи, также богато украшенной. Въ такомъ видѣ они бродили по улицамъ, дружелюбно смотрѣли на проходящихъ, дѣлали имъ по временамъ таинственные знаки, останавливались около кого-нибудь изъ нихъ, обмѣнивались нѣсколькими словами, шли дальше, заглядывали въ двери кафе, входили туда или для танцевъ или для того, чтобы угоститься кофе насчетъ одного изъ своихъ многочисленныхъ почитателей. Немного погодя толпа быстроногихъ найлія совершила свое вторженіе въ кафе. Эти легкія и гибкія, какъ всѣ дочери Сахары, дѣвушки прежде всего, подобно усталымъ птицамъ, бросились на соломенные ковры на полу. Потомъ они быстро вскочили и начали прыгать, бѣгать и, наконецъ, танцовать. Танецъ былъ преисполненъ страсти. «Ты видишь найлія въ первый разъ»? спросилъ меня мой сосѣдъ кулугли (смѣсь турка и араба).—«Да», отвѣтилъ я, «и удивляюсь въ высшей степени, что вижу такое множество столь молодыхъ еще существъ,—большей части было не болѣе 12—14 лѣтъ,—отдавшимся такому печальному ремеслу». — «Да, такъ назвали-бы его въ Алжирѣ; и здѣсь также дѣвушка туземка, если-бы избрала такое занятіе, была-бы вытолкнута

---

[1]) Maltzan. Drei Jahre im Nordwesten von Afrika, Leipzig. 1863, III, 108, 109.

родителями, какъ безчестная. Но Уладъ-Наиль, племя, къ которому принадлежатъ эти найлія, имѣетъ иное понятіе о чувствѣ чести. Всѣ эти дѣвушки, которыхъ вы здѣсь видите, и которыя въ настоящее время отправляютъ ремесло альме, возвратятся черезъ нѣсколько лѣтъ къ себѣ на родину, и, безъ сомнѣнія, всѣ сдѣлаютъ хорошія партіи»—«Что-же», спросилъ я, «приносятъ-ли они вознагражденіе за свой неправильный образъ жизни въ приданое своимъ мужьямъ?»—«Приданое,—нѣтъ, ни одна женщина не приноситъ мужу приданое у арабскихъ племенъ. Деньги, которыя заработала себѣ найлія, во время исполненія ремесла альме, принадлежатъ не мужу, не ей самой, а ея отцу».—«И такъ, отецъ пользуется потерею чести собственной дочери?»—«Да, но для Уладъ-Наиль это не означаетъ безчестья; безчестьемъ это имъ показалось-бы лишь тогда, если-бы дѣвушка находила въ этомъ удовольствіе или выгоду; на это они смотрѣли-бы какъ на развратъ. Но промыселъ отправляется только въ послушаніе отцовской волѣ и какъ спекуляція; цѣль заработка отнимаетъ въ ихъ глазахъ у промысла всякій грѣховный характеръ; это уже не сладострастіе, а ремесло, и притомъ ремесло не для самихъ себя, а для родителей. Отецъ извлекаетъ такимъ образомъ двойную выгоду изъ своей дочери: онъ пользуется ея лучшими годами, посвящая ее ремеслу альме, а потомъ, продаетъ ее мужчинѣ своего племени и получаетъ снова около 200 фр. за нее.»—«Но, сказалъ я, возможно-ли, чтобы мужчина пожелалъ имѣть женою столь обезцѣненный субъектъ?»—«Объ этомъ, отвѣчалъ кулугли, Уладъ-Наиль позаботились достаточно. Они заставляютъ всѣхъ своихъ дѣвушекъ вести одинъ и тотъ-же промыселъ, за исключеніемъ, быть можетъ, только дочерей шейха. При этомъ нѣтъ другого выбора, какъ жениться на альме, такъ какъ о соединеніи съ чужимъ племенемъ не помышляетъ у Уладъ-Наиль ни одинъ мужчина. Кромѣ того, всѣ эти дѣвушки богаты, т. е. имѣютъ множество дорогихъ украшеній, переходящихъ къ нимъ по наслѣдству отъ матерей и составляющихъ ихъ неотъемлемую собственность.»

Здѣсь слѣдовательно мы снова имѣемъ случай индивидуальнаго брака внутри рода и общиннаго брака внѣ рода, подобно Палаузскимъ островамъ. Причины этого курьезнаго совпаденія столь противоположныхъ явленій, повидимому, одинаковы въ обоихъ случаяхъ: ограниченіе территоріи въ первомъ случаѣ моремъ, во второмъ пустынею, и отсутствіе другого выбора въ мужья, кромѣ мужчинъ собственнаго рода; не хватаетъ только одного похищенія, чтобы параллель была совершенно полная.

Еще Кемпферъ [1]), голландскій путешественникъ конца XVII сто-

[1]) W. Heine. Japan und seine Bewohner. Leipz. 1860, 141.

лѣтія, описываетъ существующій у японцевъ обычай посылать своихъ дѣвушекъ въ чайные дома. «Касьмацъ», говоритъ онъ, «или городъ проститутокъ, образуетъ южную часть города Нангасаки, содержитъ въ себѣ лучшіе дома города и населенъ только содержателями чайныхъ домовъ. Учрежденіе это снабжено множествомъ дѣвушекъ и считается послѣ міакскаго знаменитѣйшимъ во всемъ королевствѣ. Дѣвушки отъ 12 до 20-лѣтняго возраста нанимаются за извѣстную сумму, въ числѣ отъ 7 до 30, помѣщаются въ чайномъ домѣ и содержатся хозяиномъ его. Онѣ имѣютъ удобныя комнаты и ежедневно упражняются въ танцахъ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, въ письмѣ и въ другихъ занятіяхъ, соотвѣтствующихъ ихъ полу и сообщающихъ имъ привлекательность. Младшія суть служанки и вмѣстѣ ученицы старшихъ и болѣе опытныхъ. По мѣрѣ возрастанія ихъ ловкости и улучшенія манеръ, и по мѣрѣ того какъ онѣ начинаютъ приносить хозяину бо́льшую прибыль, поднимаясь въ спросѣ,—достоинство ихъ повышается, обращеніе съ ними улучшается, и цѣна за нихъ, получаемая хозяиномъ, все увеличивается. Цѣна можетъ простираться отъ двухъ *массовъ* до двухъ *ицциба*; послѣдняя есть высшая, установленная начальствомъ. Дѣвушки худшаго класса, которыя уже отслужили свою службу или приговорены къ наказанію, должны въ передней дома содержать вечернюю и ночную стражу, зажигая прохожимъ фонари за одинъ *массъ*. Если на этихъ дѣвушкахъ женятся, то онѣ признаются среди обыкновенныхъ граждан за совершенно честныхъ женщинъ, потому что невиноваты въ своихъ проступкахъ и въ то же время хорошо воспитаны. Сами-же ихъ хозяева, какъ-бы ни были богаты, никогда не признаются за честныхъ людей и не должны смѣшиваться съ послѣдними; имъ придается весьма постыдное имя: *катсува*, т. е. челюсть; они считаются даже отверженными и причисляются къ низшему классу *уетта* или дубильщиковъ, которые въ Японіи исполняютъ должность палачей и должны жить по близости отъ судебныхъ мѣстъ, отдѣльно отъ честныхъ людей. Катсува угнетены еще постыдною повинностью состоящею въ томъ, что при судебныхъ экзекуціяхъ, они должны посылать на помощь уеттамъ своихъ домашнихъ слугъ, или поденьщиковъ».

Мужчины, женщины, дѣти, старики, молодежь обоего пола, говоритъ Вернеръ [1]), купаются въ Японіи безъ стѣсненія вмѣстѣ. Женщинъ моютъ мужчины—прислужники и при этомъ нѣтъ рѣчи о купальныхъ костюмахъ. Дитя съ 10-лѣтняго возраста посвящено

---

[1]) R Werner. Die Preussische Expedition nach China, Japan und Siam. 1860—62. Leipz. 1863, II, 71—99.

во всѣ тайны. Вообще японцы стыда не имѣютъ, и даже врядъ-ли имѣютъ слово въ языкѣ для выраженія его. Мужчины и женщины ходятъ почти голые. Много конечно этому способствуетъ также и климатъ, который даже знатныхъ европейскихъ дамъ заставляетъ покидать значительную часть своего костюма. Въ соотвѣтствіи съ такими взглядами находится въ Японіи учрежденіе чайныхъ домовъ. Это рестораны и въ то же время публичные дома, въ которыхъ находится отъ 20 до 40 и болѣе дѣвушекъ. Только между этими учрежденіями и подобными имъ нашими есть значительное различіе: тѣ находятся подъ внимательнымъ контролемъ правительства и дѣвушки нисколько не теряютъ чести отъ своего ремесла, тогда какъ дѣвушки, которыя занимаются проституціей внѣ чайныхъ домовъ, столь-же презираемы у японцевъ, какъ и у насъ. И такъ, читатель видитъ, что въ Японіи все-же есть нравственность и стыдъ, и границы этихъ понятій проведены очень тѣсно. Чайные дома слѣдуетъ разсматривать,—какъ-бы парадоксально это ни казалось иному,—какъ пансіоны и воспитательныя учрежденія для недостаточныхъ семействъ гражданъ. Бѣдные родители, имѣющіе кучу дѣтей, разсчитывая, что не будутъ въ состояніи дать имъ достаточное прокормленіе, отдаютъ своихъ дочерей на 9-мъ или 10 году на извѣстное число лѣтъ, обыкновенно на 10—12, въ чайный домъ. Это совершается по контракту, подъ надзоромъ государства, которое опредѣляетъ вознагражденіе назначаемое родителямъ, и, до извѣстной степени, беретъ на себя опеку надъ дѣтьми. Чайные дома суть рестораны и клубы молодыхъ людей, которые посѣщаютъ ихъ ради молодыхъ дѣвушекъ. Поэтому интересъ хозяина состоитъ въ томъ, чтобы держать хорошенькихъ дѣвушекъ, а также по возможности хорошо ихъ воспитывать, развивать могущіе у нихъ быть таланты и приманивать ими гостей. Онѣ не только изучаютъ всѣ женскія искусства и развиваются въ хорошихъ хозяекъ дома, но ихъ учатъ, сверхъ того, музыкѣ, танцамъ, чтенію, письму, чему онѣ въ отцовскомъ домѣ никогда не выучились-бы. Иной гражданинъ средняго класса беретъ себѣ жену изъ этого чайнаго дома, и эта послѣдняя столь-же уважается съ этого времени среди членовъ общества, какъ если-бы она вступила въ домъ своего жениха дѣвственицей.

Въ Іокогамѣ правительство построило чайный домъ для однихъ иностранцевъ, такъ называемый Ганкиро, который обставленъ роскошнымъ образомъ и напоминаетъ европейскіе города. Онъ содержитъ не менѣе 300 комнатъ и столько-же дѣвушекъ, которыя раздѣляются на три различно оплачиваемые класса. Правительственные чиновники ведутъ управленіе, и въ ихъ рукахъ находится вся дѣловая часть учрежденія. По истинѣ, это единственное въ свѣтѣ правительство, содержащее публичный домъ! Что можно сказать

о немъ? Таковъ обычай; въ немъ ничего не находятъ дурнаго, и вліяніе правительства на народъ не страдаетъ отъ этого.—Несмотря на все это, японки, повидимому, одинаково отличаются нравственною наружностью и тонкимъ обращеніемъ, все равно, воспитаны-ли онѣ въ семействѣ или въ чайномъ домѣ. Дѣвушка безъ стыда у насъ пошла, противна и обнаруживаетъ свой характеръ въ манерахъ; японкамъ же врождены тактъ и грація; онѣ никогда не теряютъ этихъ качествъ и никогда не бываютъ пошлы. При этомъ браки рѣдко заключаются по любви, и вообще нѣжности между полами авторъ у японцевъ почти не замѣтилъ.

Семейные люди, съ семьею и друзьями ходятъ въ чайные дома, гдѣ заставляютъ дѣвушекъ съиграть себѣ что-либо или прочитать. Почти каждая дѣвушка учится играть на гитарѣ и пѣть. Послѣ обѣда обыкновенно являются танцовщицы. Эти послѣднія, подобно гитарнымъ дѣвушкамъ, составляютъ особый *цехъ*, но отличаются отъ другихъ дѣвушекъ въ чайныхъ домахъ тѣмъ, что онѣ не доступны, какъ эти. Различается два рода танцевъ; одинъ выполняется двумя, другой однимъ лицомъ. Въ первомъ движенія очень просты и въ нихъ нельзя найти ничего изящнаго; зато во второмъ танцѣ обнаруживается вся врожденная грація японокъ: движенія тѣла необыкновенно привлекательны и выразительны, но при этомъ весьма спокойны, и собственно танецъ есть ходьба, при которой всего больше работаютъ руки и верхняя часть тѣла.

Въ Японіи есть три класса прислужницъ: дѣвушки перваго класса,—наши горничныя,—убираютъ волосы и платье своей госпожѣ и содержатъ въ порядкѣ ея комнату; второй классъ служитъ у стола, сопровождаетъ госпожу на прогулкахъ и ухаживаетъ за дѣтьми; третій классъ смотритъ за кухней и выполняетъ прочую грязную работу. Въ день свадьбы ловкая дѣвушка втораго класса посылается въ домъ невѣсты, чтобы прислуживать ей. Всѣ три класса дѣвушекъ берутся только изъ чайныхъ домовъ.

Если оставить въ сторонѣ разницу культуръ, то единственнымъ крупнымъ различіемъ соотвѣтствующихъ учрежденій въ Японіи и на Палаузскихъ островахъ, является то, что у палаузцевъ замужнія женщины прислуживаютъ дѣвушкамъ, предающимся свободной любви, тогда какъ въ Японіи вторыя прислуживаютъ первымъ. Повидимому, подобное положеніе вещей въ Японіи должно бы представлять собою моментъ дальнѣйшаго развитія и обособленія индивидуальнаго супружества, чѣмъ то, какимъ оно отличается на Палаузскихъ островахъ.

Въ Китаѣ роль чайныхъ домовъ играютъ, повидимому, такъ называемыя цвѣточныя суда. Цвѣточное судно, говоритъ Лаволле [1]),

[1]) Lavollee. Voyage en Chine. Paris. 1852, 342—3.

не имѣетъ ни парусовъ, ни веселъ: это деревянный домъ, поставленный на джонку. Внѣшняя стѣна образуется изъ бамбуковаго трельяжа, элегантно вырѣзаннаго и покрытаго живыми красками— зеленой и красной, въ смѣси съ золотомъ. Повсюду множество цвѣтовъ. И такъ, цвѣточныя суда суть учрежденія болѣе или менѣе роскошныя, гдѣ пьютъ чай, курятъ, играютъ, и гдѣ чай, трубки и карты содержатся куртизанкой. Всѣ китайцы, молодые и старые, женатые и холостые, мандарины, ученые, купцы входятъ безъ всякаго стыда на цвѣточныя суда, совершенно такъ, какъ мы входимъ въ ресторанъ. Они проводятъ здѣсь четверть часа, часъ, вечеръ, иные ночь; но они могутъ сказать, что выпили только чашку чаю; ихъ репутація добродѣтели остается совершенно цѣла. Входъ на цвѣточныя суда строго воспрещается европейцамъ.

Замѣчателенъ слѣдующій очеркъ положенія гетеръ въ этой странѣ. «Въ Китаѣ [1]) куртизанки вербуются спеціально среди бѣдныхъ дѣвушекъ, покупаемыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ у ихъ нищихъ родителей. Воспитанныя съ самаго нѣжнаго возраста въ домахъ удовольствія, дѣвушки эти часто лишены всякаго сожалѣнія, всякаго стыда о своемъ положеніи. Для нихъ это—ремесло, какъ и всякое другое. И такъ, ихъ не отравляютъ встревоженное сознаніе, ненависть къ соблазнителю и презрѣніе общества; онѣ остаются честными женщинами, насколько могутъ быть ими въ подобномъ положеніи; онѣ отдаютъ только свое тѣло, сохраняя за собою душу; онѣ, да будетъ намъ позволено это сравненіе, нѣсколько напоминаютъ тѣхъ христіанокъ, которыхъ римскіе императоры насильственно предавали разврату, но у которыхъ они не могли испортить ни сердца, ни души. Китайская куртизанка, образованная, хорошо воспитанная, питаемая чтеніемъ сочиненій древнихъ мудрецовъ, очищенная изученіемъ поэзіи и полированная посѣщеніемъ молодежи высшаго образованнаго класса,—гораздо выше честной, невѣжественной, буржуазной китайской женщины. Отсюда такое множество браковъ честныхъ китайцевъ съ этими женщинами». И далѣе: «Китайская куртизанка всегда имѣла великое и здоровое вліяніе на нравственность китайца, потому что только въ ея обществѣ онъ могъ найти любезный и умный разговоръ, котораго онъ напрасно сталъ-бы искать въ другомъ мѣстѣ при такой формальной противоположности обычаевъ общенія между обоими полами... Всякая болѣзнь имѣетъ свой кризисъ, чрезъ который человѣкъ долженъ пройти прежде, чѣмъ стать здоровымъ. И подобно тому, какъ салоны регентства составляли переходъ отъ животно-грубаго, холостаго общества, къ обще-

---

[1]) Roman Chinois, traduit par Schlegel, Préface X—XII. Цитировано въ ниже упоминаемой статьѣ Вилькена De Indiche Gids 1880, December.

ству смѣшанному, хорошо воспитанному; такимъ же образомъ и въ Китаѣ будуаръ начитанной куртизанки есть медленный переходъ къ болѣе высокому состоянію общества, когда китайскій народъ покинетъ свою систему запиранія женщинъ, чтобы дать имъ мѣсто въ обществѣ. Но если когда либо Китай рѣшится на этотъ великій шагъ въ цивилизаціи, онъ будетъ этимъ обязанъ ученымъ и умнымъ куртизанкамъ, которыя, показавъ чѣмъ женщина можетъ сдѣлаться, благодаря свободѣ, облегчатъ къ нему путь».

Если мы теперь обобщимъ сходныя черты всѣхъ выше изложенныхъ фактовъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ молодежи обоего пола у многихъ первобытныхъ народовъ, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. 1) Въ совершенную противоположность установившимся въ цивилизованномъ обществѣ воззрѣніямъ на дѣвическое цѣломудріе, дѣвушки первобытныхъ народовъ, большею частью, не только вполнѣ открыто предаются свободной любви, но и въ весьма многихъ случаяхъ заслуживаютъ себѣ за это не порицаніе и позоръ, а, напротивъ, сочувствіе и поощреніе окружающихъ. 2) Болѣе или менѣе повсюду этотъ способъ отношенія между молодежью обоего пола ведетъ къ пріобрѣтенію приданаго, какъ частной собственности невѣсты, или ея родственниковъ. 3) Во многихъ случаяхъ молодежь каждаго пола въ отдѣльности, принадлежащая къ данной родовой группѣ, образуетъ особенныя общественныя организаціи, по всей вѣроятности, служащія для соединенія сходныхъ возрастовъ, такъ какъ и взрослые члены подобной группы также составляютъ особыя ассоціаціи въ общемъ раздѣленіи занятій. Все это вмѣстѣ взятое служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о случайномъ только проявленіи особенныхъ нравственныхъ понятій, а о болѣе или менѣе всеобщемъ обычаѣ народовъ, стоящихъ на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, которые относятся къ нему съ открытымъ уваженіемъ. Такое обширное значеніе означеннаго страннаго обычая должно имѣть также и соотвѣтствующую ему широкую основу, заключающуюся, частью, въ самой родовой и экономической организаціи подобныхъ народовъ, какъ о ней было уже сказано выше, частью-же, въ религіозныхъ идеяхъ, раздѣляемыхъ на низкихъ ступеняхъ общественнаго строя. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ обычай этотъ одинаково указываетъ намъ на существованіе исторической эпохи, въ которую индивидуальный бракъ игралъ лишь второстепенную роль, уступая первое мѣсто свободнымъ сношеніямъ половъ, такъ что лишь впослѣдствіи, при вновь возникшихъ условіяхъ существованія, первый одержалъ верхъ надъ послѣдними и болѣе или менѣе вытѣснилъ ихъ изъ общества.

Религіозный характеръ гетеризма у весьма многихъ народовъ давно

уже обращалъ на себя вниманіе ученыхъ, хотя и не былъ до последняго времени достаточно разъясненъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, относящихся къ этому предмету.

Священную проституцію въ Индіи Дюбуа [1]) описываетъ слѣдующими чертами: «Въ дер. Монгурѣ имѣется маленькій храмъ, посвященный Типаммѣ, женскому божеству, въ честь котораго ежегодно устраивается знаменитый праздникъ. Богиня, помѣщенная въ превосходно украшенномъ паланкинѣ, движется процессіей по улицѣ; передъ нею помѣщается другое божество, мужское. Эти двѣ фигуры, совершенно нагія, имѣютъ положеніе наиболѣе безстыдное, и, при помощи механизма, имъ сообщается нечестивое движеніе во все время шествія процессіи. Эта ненавистная картина, достойная остервенѣлой толпы, созерцающей ее, возбуждаетъ взрывы веселости, которая проявляется въ восклицаніяхъ и въ раскатахъ смѣха... Богиня Типамма Могурская не одна въ своей семьѣ; у нея есть шесть сестеръ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ ей въ дѣлѣ приличія и вѣжливости: каждая изъ нихъ имѣетъ свой храмъ, подчиненный тѣмъ-же ритуаламъ. На всемъ югѣ Миссора, начиная отъ Аламбади до Винада, на пространствѣ болѣе 300 лье, эти отвратительныя вакханаліи пользуются величайшимъ кредитомъ».

«Въ изолированныхъ мѣстностяхъ существуютъ храмы, въ которыхъ самый утонченный развратъ есть единственный культъ, пріятный почитаемому въ нихъ божеству. Здѣсь также обѣщаютъ плодородіе женщинамъ, которыя, отбрасывая всякій стыдъ, отдаютъ свои прелести всякому приходящему. Здѣсь ежегодно въ январѣ совершаются празднества, которыя суть мѣсто свиданія всего, что есть самого распущеннаго въ обоихъ полахъ. Многія безплодныя женщины, въ надеждѣ избавиться отъ своего недуга, являются сюда, давши обѣтъ отдаться опредѣленному числу мущинъ. Другія, съ совершенно потерянными нравами, спѣшатъ явиться сюда, чтобы засвидѣтельствовать богинѣ мѣста свое уваженіе публичной проституціей, на самомъ порогѣ ея храма. Подобные-же храмы, всегда избирающіе для себя болѣе или менѣе пустынныя мѣстности, существуютъ въ Джунжьюнагата, около Кари-Мадаи, въ округѣ Коимбатуръ, а также не подалеку отъ Мудонъ-Дараи, на востокъ отъ Миссора. У ассирійцевъ и вавилонцевъ, по свидѣтельству Геродота и Страбона, каждая женщина была обязана разъ въ жизни, предаваться проституціи въ храмѣ Милитты, соотвѣтствующей греческой Венерѣ. Этотъ обычай на столько шелъ въ разрѣзъ съ началами той стыдливости, которою сама природа надѣлила даже боль-

[1]) J. A. Dubois. Moeurs etc. des Peuples de l'Inde. Paris. 1825, II, 368, 370, 377, 353—4, I, 476. (Католич. священникъ).

шую часть животныхъ, что многіе новѣйшіе писатели, и въ томъ числѣ Вольтеръ, заявляли сомнѣніе въ ея истинности. Но что сказали-бы они о нечестивыхъ празднествахъ, которыхъ изображеніе я только что представилъ? Власть мужей въ Индіи такова, что конечно не безъ ихъ участія идутъ жены направо и на лѣво искать для нихъ потомства; но развѣ суевѣріе знаетъ какія-либо границы?»

«Среди замѣчательныхъ подробностей, сопровождающихъ большія торжества, есть одна, которой я не могу пройти молчаніемъ. Въ опредѣленное время года устраивается большая процессія, и обстановка, въ которой она совершается, привлекаетъ громадное стеченіе любопытныхъ обоего пола. Идолъ Венгатты-Суара движется по улицамъ на превосходной колесницѣ; брамины, присутствующіе при церемоніи, расходясь въ толпѣ, избираютъ красивѣйшихъ женщинъ, какихъ только встрѣтятъ, и требуютъ ихъ у родителей именемъ Венгатта-Суары на службу, для которой, по ихъ словамъ, они предназначены. Нѣкоторыя лица, у которыхъ несовершенно пропалъ здравый смыслъ, понимая, что каменный богъ не нуждается въ женщинѣ, отказываютъ въ выдачѣ своихъ дочерей, сердятся и открыто упрекаютъ браминовъ въ обманѣ. Эти послѣдніе, ни мало не смущаясь, обращаются къ другимъ лицамъ болѣе мягкаго характера, которые, будучи очарованы честью оказываемою имъ столь великимъ богомъ, желающимъ породниться съ ихъ семьею, спѣшатъ отдать женщинъ и дѣвушекъ на руки его служителямъ».

«Куртизанки, или танцовщицы, приписанныя къ каждому храму, носятъ имя *дева-десси* (рабыни или служанки боговъ); но публика обозначаетъ ихъ болѣе энергическимъ именемъ проститутокъ: въ самомъ дѣлѣ, онѣ юридически обязаны дѣлиться своими прелестями со всякимъ, кто того потребуетъ и уплатитъ за это деньги. Кажется, что въ принципѣ онѣ были предназначены служить развлеченіемъ исключительно для браминовъ. При всемъ томъ, эти развратныя женщины, публично торгующія своею красотою, посвящены спеціальнымъ образомъ культу божествъ Индіи. Всякая пагода, сколько нибудь замѣчательная, имѣетъ ихъ у себя на службѣ отъ 8 до 12 и болѣе. Ихъ оффиціальныя функціи состоятъ въ танцахъ и въ пѣніи два раза въ день, утромъ и вечеромъ, внутри храмовъ, и, сверхъ того, при всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ. Онѣ исполняютъ танцы съ достаточною граціею, хотя имѣютъ видъ распущенный, а жестамъ ихъ не достаетъ приличія. Что касается ихъ пѣсень, то это, большею частью, произведенія безстыдной поэзіи, въ которыхъ описываются нѣкоторыя изъ похожденій ихъ боговъ. Приличіе и вѣжливость, характеристическія черты индійскихъ нравовъ, требуютъ повелительно, чтобы знатныя лица,

во время своихъ показныхъ и другихъ визитовъ сопровождались извѣстнымъ числомъ этихъ куртизанокъ [1]). Все время, которымъ позволяютъ имъ располагать эти обязанности, посвящается ими нечестивой торговлѣ; не рѣдко можно видѣть, что самое мѣстопребываніе ихъ боговъ становится театромъ ихъ распущенности. Съ самаго дѣтства ихъ дрессируютъ для этого послѣдняго ремесла. Ихъ берутъ изъ различныхъ кастъ, и есть въ ихъ числѣ такія, которыя принадлежатъ къ весьма порядочнымъ семействамъ. Встрѣчаются также довольно часто беременныя женщины, которыя ради счастливаго разрѣшенія отъ бремени, даютъ обѣтъ, съ согласія своихъ мужей, посвятить носимое ими дитя, если оно будетъ дѣвушкой, на службу пагодѣ; онѣ далеки отъ мысли, что этотъ нечестивый обѣтъ имѣетъ въ себѣ нѣчто, несовмѣстное съ материнской нѣжностью. Справедливо, впрочемъ, что родители, дочери которыхъ ведутъ этотъ родъ жизни не испытываютъ никакого осужденія со стороны общественнаго мнѣнія. Это единственныя женщины въ Индіи, которыя имѣютъ привилегію учиться читать, танцовать, пѣть; честная и добродѣтельная женщина постыдилась-бы пріобрѣтать тотъ или другой изъ этихъ талантовъ. Эти женщины получаютъ постоянное жалованье за свои священныя функціи; но жалованье умѣренно, и онѣ его пополняютъ съ выгодою продажей своей красоты. Онѣ хорошо одѣваются и украшаются, но, съ соблюденіемъ полной скромности,—не видно нигдѣ наготы».

У древнихъ евреевъ [2]) поклоненіе доброй богинѣ Ашерѣ, тожественной въ основаніи съ Астартой финикіанъ, Танитой карфагенянъ и Милиттой ассирійской, равнымъ образомъ принимало форму религіознаго гетеризма. Какъ земное божество, проявляющее свою силу въ растительности, Ашера служила обыкновенно предметомъ поклоненія въ рощахъ и лѣсахъ. Святилищами Ашеры были очаровательныя мѣста, зеленые и тѣнистые лѣса, часто орошаемые текучими водами, таинственныя убѣжища, въ которыхъ было слышно одно воркованье голубей, посвященныхъ богинѣ. Символъ Ашеры, простой стволъ дерева съ обрубленными вѣтвями и безъ листьевъ,

---

[1]) Любопытно, гдѣ можно встрѣтить параллель этого обычая: „Широкими преимуществами пользовались онѣ (гетеры) съ древнихъ временъ въ Вѣнѣ. Здѣсь онѣ присутствовали при торжественныхъ въѣздахъ императора, отправляясь къ нему на встрѣчу и вручая ему букеты цвѣтовъ. И на всѣхъ публичныхъ празднествахъ, на годичныхъ скачкахъ, въ вакхантическихъ танцахъ ремесленныхъ подмастерьевъ главную роль играли дѣвы радости, покрытыя цвѣтами“. (v. Hellwald, Culturgeschichte, II, 342, цитировано у Wilken'a).

[2]) I. Soury. La Bible et l'archéologie. Revue des deux Mondes, 1872, 1-er Fevrier, 599—602. См. также C. P. Tiele. Vergelijkende Geschiedenis van de Egyptische en Mesopotamisché Godsdiensten. Amsterd. 1872, Eerste Deel, 466—7. 478 и слѣд., 501 и слѣд.

былъ эмблемою зиждительной, производительной силы. На высокихъ мѣстахъ, гдѣ приносились жертвы, около главы Ваала или Іеговы и символа Ашеры, ставились шатры священныхъ гетеръ. Библія обозначаетъ праздникъ священныхъ гетеръ именемъ «Soucoth Benoth»—шатры дѣвушекъ. Въ настоящее время въ наукѣ преобладаетъ мнѣніе Моверса, который сравниваетъ это имя съ именемъ великихъ торжествъ еврейскаго года, праздникомъ кущей или скиніи. Одѣтыя въ блестящее платье, съ волосами, влажными отъ благоуханій, щеками, покрытыми румянами, окружностью глазъ, зачерненною антимоніемъ, бровями, удлиненными при помощи мази изъ гумми, мускуса и чернаго дерева, служительницы Ашеры ожидали въ этихъ шатрахъ, на пространныхъ постеляхъ, обожателей богини; онѣ назначали свою цѣну и условія и опускали деньги въ кассу храма. Въ праздничные дни пилигримы являлись въ святилище толпою и посѣщали шатры. Часто эти служительницы Ашеры не принадлежали къ святилищу. Сидя у входа въ городъ, на краю дороги, съ опоясаннымъ веревкою лбомъ, онѣ отдавались всякому прохожему и посвящали богинѣ деньги, получаемыя отъ чужестранца. Иногда это бывали безплодныя женщины, которыя посвящали себя культу богини, чтобы сдѣлаться матерями. Богиня оплодотворяемой земли, Ашера была также богинею зачатія. Ленорманъ замѣчаетъ, что Милитта Геродота воспроизводитъ въ точности эпитетъ Мулидиты—«создательницы», который принадлежалъ великой богинѣ природы, ассирійской Белитѣ, матери всѣхъ боговъ и всѣхъ существъ. Разсматриваемая какъ Мулидита, Белита была смѣшана въ вавилонской религіи съ Зарпанитой, или съ производительницей сѣмянъ. Святилищемъ Зарпаниты былъ родъ караванъ-сарая, большое зданіе, снабженное кельями. Подобныя-же кельи, служившія тому же назначенію, существовали и въ Іерусалимѣ, гдѣ Ашера имѣла свой символъ и была почитаема.—Проституты были обоего пола. Мужчины назывались «кедешимъ», женщины «кедешотъ,» т. е. святые, посвященные, обреченные. Плата, поступавшая къ нимъ, шла на поддержку храмовъ и культа въ Іерусалимѣ, въ Библосѣ, въ Карфагенѣ, въ Гіераполисѣ. Въ Арменіи и въ сосѣднихъ странахъ подобное-же значеніе имѣлъ культъ богини Анаиты, вавилонской Анаты, и сопровождался подобною-же проституціей. Кедешимы ходили по городамъ и селамъ въ сопровожденіи флейтщиковъ и барабанщиковъ. Они танцовали подъ музыку, наносили себѣ при публикѣ увѣчья. Потомъ, наиболѣе бѣшеный изъ нихъ, весь покрытый кровью, принимался пророчествовать. Все кончалось сборомъ фигъ, масла, хлѣба и денегъ. То же самое дѣлали и кедешотъ-женщины. Онѣ проходили по странѣ, играя на тимпанахъ, цимбалахъ и двойной флейтѣ. Сирійки всегда славились въ древ-

ности репутаціей хорошихъ музыкантшъ. Этотъ родъ баядерокъ, повидимому, былъ весьма многочисленъ въ городахъ Финикіи и Іудеи.

Факты, изложенные на послѣднихъ страницахъ, представляютъ, при всѣхъ своихъ особенностяхъ, дополнительное доказательство того, что свободныя отношенія между молодежью обоего пола не только пользуются всеобщею распространенностью, широкою терпимостью и даже извѣстнымъ родомъ предпочтенія и религіознаго уваженія у первобытныхъ и отчасти у культурныхъ народовъ, но и повсюду носятъ одну и ту же характеристическую окраску. Если какое нибудь общественное явленіе встрѣчается у различныхъ народовъ, въ различныя времена и въ различныхъ концахъ земнаго шара, то оно всегда бываетъ обязано своимъ существованіемъ какой нибудь общей причинѣ. Такою причиною въ данномъ случаѣ является происхожденіе индивидуальнаго брака изъ общиннаго, вслѣдствіе чего, даже при установленіи и укрѣпленіи послѣдняго, продолжаютъ еще существовать многочисленные слѣды гетеризма не только въ внѣбрачномъ состояніи женщины, какъ мы это уже видѣли, но также и въ брачномъ. Въ послѣднемъ именно смыслѣ необходимо понимать такъ называемую проституцію гостепріимства и дружбы съ одной стороны, съ другой-же широко распространенную среди первобытныхъ народовъ распущенность замужнихъ женщинъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этой послѣдней, а потомъ обратимся къ изученію ближайшихъ причинъ происхожденія всѣхъ этихъ обычаевъ.

Многочисленные примѣры гостепріимства, которое выражается въ томъ, что хозяинъ отдаетъ въ распоряженіе гостя свою жену или дочь, на столько извѣстны, что намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на нихъ съ подробностью. Достаточно будетъ сослаться на два, на три наиболѣе характеристическихъ случая. Вотъ, напр., отчетъ Марко Поло относительно отправленія этого обычая у жителей Хамиля, къ востоку отъ Тянь-Шанскихъ горъ: [1]) «чужестранцевъ здѣсь принимаютъ весьма дружелюбно, и когда мужчины удаляются, женщины и дѣвушки предоставляются вполнѣ въ распоряженіе гостей. Обращеніе къ этому знаку гостепріимства они разсматриваютъ какъ большую честь и полагаютъ чрезъ то пріобщиться божественной благодати. Женщины въ этомъ отношеніи слѣдуютъ приказаніямъ своихъ мужей. Вслѣдствіе строгаго распоряженія монгольскаго князя Менчку, обычай этотъ не соблюдался въ теченіи трехъ лѣтъ, хотя съ большимъ неудовольстві-

---

[1]) **Wuttke. Die ersten Stufen der Geschichte der Menschheit, 178. Цитировано Wilken'омъ, op. cit.**

емъ и сожалѣніемъ. Такъ какъ жители пришли къ заключенію, что они въ теченіе этого времени были посѣщаемы неурожаями и всякими иными несчастіями, то было отправлено посольство къ великому хану съ настоятельною просьбою возстановить древній, унаслѣдованный отъ предковъ обычай. Великій ханъ отвѣчалъ на это: «такъ какъ вы столь сильно желаете пребывать въ своемъ стыдѣ, то да будетъ ваша просьба уважена. Ступайте назадъ, оставайтесь въ своихъ недостойныхъ обычаяхъ, выводите своихъ женщинъ и давайте имъ себя безчестить, получая за это постыдную плату». Съ этимъ отвѣтомъ послы вернулись домой, къ величайшей радости всего народа, который до настоящаго времени удержалъ свой старый обычай». Совершенно подобный же случай приводитъ Буркгардтъ [1]) относительно арабскаго народца Эль-Мерекеде, вѣтви великаго племени Азиръ. По его словамъ, этотъ народецъ также соблюдалъ странный обычай своихъ предковъ, давая каждому чужестранцу, который останавливался въ его шатрахъ или домахъ, какую-либу женщину семьи для компаніи въ теченіе ночи, и обыкновенно это была жена самого хозяина... Не безъ трудности Вагабиты заставили это племя отказаться отъ своего обычая, и когда два года спустя обнаружился недостатокъ воды, то Мерекеде смотрѣли на это бѣдствіе, какъ на наказаніе, посланное имъ за оставленіе похвальныхъ обычаевъ гостепріимства, которые практиковались въ теченіи столѣтій ихъ предками». Тотъ-же обычай встрѣчается и на Индійскомъ Архипелагѣ. О дайакахъ Сидина, въ западной части Борнео, сообщаютъ [2]), что мужчины весьма не рѣдко мѣняютъ между собою женъ, и что если кто-либо придетъ въ кампонгъ и тамъ найдетъ одноименное съ собою лицо, то онъ имѣетъ право помѣститься у своего тёски, котораго не только домъ, но и жена въ буквальномъ смыслѣ слова состоятъ въ его распоряженіи. Также и обитающіе на судахъ Орангъ-Сека въ Билитонѣ, повидимому, повинуются обязанности гостепріимства, предлагая своихъ женъ гостямъ. Когда Секу посѣщаетъ мужчина, то онъ, (хозяинъ судна), отправляется на переднюю часть судна и оставляетъ свою жену одну въ обществѣ гостя, а самъ въ это время забавляется тѣмъ, что бьетъ въ барабанъ, причемъ игра носитъ названіе lontjoing, и удары сопровождаются печальнѣйшимъ пѣснопѣніемъ, подобнымъ погребальной музыкѣ; въ этомъ занятіи онъ проводитъ всю ночь до пробужденія дня, не отдыхая ни на минуту.

Мы не станемъ цитировать многочисленные примѣры свободной любви, отправляемой женщиною предъ вступленіемъ въ

---

[1]) Bibl. Universelle des Voyages, XXXII, 378—81.
[2]) Wilken, op. cit. De Jndiche Gids, October, 1880.

бракъ, въ первую ночь, причемъ право на послѣднюю принадлежитъ сначала всей общинѣ, потомъ старѣйшинамъ и духовенству, наконецъ, самому отцу. Укажемъ только на слѣдующіе два въ высшей степени характерные случая. «Часто на улицѣ Бенгуеллы» говоритъ Маджаръ [1]), «видна такъ называемая «вакунга», т. е. толпа молодыхъ и старыхъ женщинъ, которыя съ развѣвающимися знаменами и бренчащими колокольчиками, водятъ изъ дома въ домъ празднично одѣтую и закрытую покрываломъ дѣвушку, называемую ими «вонгола», предлагая уступить ея дѣвичество тому, кто болѣе заплатитъ за то. Это они дѣлаютъ, какъ меня увѣряли, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда родители дѣвушекъ бѣдны и не могутъ доставить издержекъ, необходимыхъ для свадьбы. Но не довольно того, что они публично торгуютъ дѣвичествомъ дѣвушки; на слѣдующее утро пьяная вакунга снова является въ домъ, гдѣ они оставили вонголу наканунѣ вечеромъ. Тогда они выводятъ изъ дому обезчещенную дѣвушку, навязываютъ запачканную простыню на длинную палку, ведутъ такимъ образомъ несчастную жертву по улицамъ, называя ея имя съ безстыднымъ крикомъ и славятъ ея добропорядочное поведеніе предъ всякимъ встрѣчнымъ. Потомъ они приводятъ обезчещенную невѣсту къ жениху, который награждаетъ ихъ за труды и за приданое, добытое такимъ образомъ чрезъ ихъ посредство, быкомъ и порядочнымъ количествомъ водки». Тотъ-же обычай, по словамъ Буркгардта [2]), существовалъ, повидимому, въ прежнее время у арабовъ: «до завоеванья вагабитами, между арабами Азира было въ обыкновеніи выводить своихъ взрослыхъ дочерей въ лучшемъ платьѣ на базаръ, и, ходя передъ ними, кричать: «кто хочетъ купить дѣвственницу?» Бракъ, иногда условленный заранѣе, всегда совершался на рыночной площади, и ни одна дѣвушка не должна была выходить замужъ иначе» [3]).

---

[1]) Lad. Magyar. Reisen in Süd-Africa. Pest u. Leipzig, 1859, I, 10—11.

[2]) Burkgardt. Bibl. Univers. des Voyages, XXXII, 379—81.

[3]) Нѣчто подобное описанному обычаю сообщаетъ Бастіанъ въ своемъ сочиненіи „Die deutsche Expedition an der Loango-Küste". Jena. 1474, I Band, 175: „При достиженіи половой зрѣлости молодая дѣвушка отводится тѣмъ, кто искалъ ея руки у родителей, или самими родителями, въ такъ называемый Casa das tintas (до вступленія въ бракъ), чтобы быть рекомендованной желающимъ вступить въ бракъ. Въ теченіи этого времени посѣтители могутъ съ нею играть, сожительство-же съ нею не дозволяется, такъ какъ дверь остается открытой, а сожительство допускается только при запертой двери. Пребываніе въ означенномъ Casa можетъ продолжаться около 5 мѣсяцевъ, пока помѣщенную тамъ дѣвушку не потребуетъ какой либо мужчина къ сожительству или къ браку. Если достигаетъ зрѣлости дочь вождя (въ 11—13 лѣтъ), то ради этого устраивается праздникъ, чтобы передать ее жениху, если такой уже нашелся и сдѣлалъ о ней предложеніе. Въ иномъ случаѣ она, съ выкрашеннымъ тѣломъ, помѣщается въ Casa das tintas, на случай, не найдется-ли кого, кто заплатилъ-бы родителямъ за первую ея красоту. Если этого не произойдетъ, то ее передаютъ

Ниже мы постараемся разъяснить описанный обычай при помощи одного новаго изслѣдованія; теперь же отмѣтимъ какъ вопросъ: не составляетъ-ли существующее у нѣкоторыхъ народовъ, напр. у болгаръ [1]) и у малороссовъ [2]), обыкновеніе публично, во время свадьбы, доказывать сохраненіе невѣстою дѣвичества, чрезъ показаніе гостямъ ея простыни, простого переживанія обычая, подобнаго бенгуэльскому, съ измѣненнымъ, подъ вліяніемъ развитія, значеніемъ и характеромъ? Сходство торжественныхъ церемоній, одинаково соблюдаемыхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, невольно наводитъ на эту мысль.

Можно было-бы еще сомнѣваться, что источникомъ происхожденія индивидуальнаго брака является бракъ общинный, если бы первый изъ нихъ у весьма многихъ народовъ не несъ на себѣ слѣдовъ сравнительно недавняго происхожденія. Такъ, напр., у австралійскихъ народовъ, по словамъ Эйра [3]), бракъ не разсматривается, какъ залогъ цѣломудрія, и подобной добродѣтели вовсе не признается. Женщины занимаются проституціею всю жизнь; мужъ отдаетъ жену другу; давать жену на время приходящимъ издали считается гостепріимствомъ. Если случайно приблизятся къ стану нѣсколько родовъ, а мужья на ночь куда нибудь ушли, то есть обычай пользоваться чужими женами, и поутру возвращаться каждому въ свой станъ. Легко можно понять, что любовь между супругами едва можетъ существовать, когда все относящееся до женщинъ подчиняется произволу мужчинъ, и такая распущенность общенія половъ даетъ подрастающему поколѣнію многочисленные поводы преждевременнаго развитія страстей».

«На островахъ, близкихъ къ экватору и на всѣхъ тропическихъ» читаемъ у Моренгаута [4]), „всѣ классы народа предавались самымъ возмутительнымъ излишествамъ. Проституція женщинъ со многими мужчинами была тамъ господствующею страстью. Въ Губуаи и Либуаи, которыя посѣщаются лишь съ недавняго времени, женщины были почти общія. На Маркизскихъ островахъ одна женщина имѣетъ часто до двадцати любовниковъ; на островахъ Опаснаго Архипелага порча нравовъ была столь-же скандальна, чтобы не сказать болѣе. Однако острова Товарищества были изъ всѣхъ наиболѣе распущенные по нравамъ своихъ жителей“.

„Папуасы“, такъ свидѣтельствуетъ русскій путешественникъ

рабу, который, какъ прежде въ Арраканѣ духовныя лица, предпринимаетъ переданную ему обязанность, а затѣмъ можетъ оставаться съ нею въ бракѣ, или отпустить ее“.

[1]) Богишичъ. Юридич. бытъ болгаръ. Извлеченіе Майнова, loc. cit. 587.

[2]) Кистяковскій. Къ вопросу о цензурѣ нравовъ малор. народа. Записки И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. VIII, 1878.

[3]) Eyre, op. cit. 318—320.

[4]) Moerenhaut, op. cit. II, 56.

Миклуха Маклай [1]), „разсматриваютъ половыя отношенія подобно прочимъ физическимъ потребностямъ (ѣда, сонъ и пр.) и не дѣлаютъ изъ нихъ никакой искусственной тайны". Онъ же описываетъ слѣдующій видъ брачнаго состоянія на полуостровѣ Малаккѣ: „дѣвушка, послѣ того какъ она состояла въ бракѣ нѣсколько дней или недѣль съ однимъ мужчиною, идетъ добровольно и съ согласія его къ другому, съ которымъ снова проводитъ болѣе или менѣе продолжительное время. Такимъ-же образомъ она обходитъ кругомъ всѣхъ мужчинъ общины, пока не возвратится къ первому своему мужу, у котораго однако опять-таки не остается и продолжаетъ заключать подобные временные, регулируемые случаемъ и желаніемъ супружескіе союзы".

«Было-бы трудно», говоритъ Маршанъ, [2]) «приписать другой причинѣ, кромѣ бѣшеной распущенности, ту странную легкость, съ какою онѣ (женщины Маркизскихъ острововъ) входятъ въ сношенія съ иностранцами, которыхъ никогда не видали, которыхъ никогда болѣе не увидятъ, и которымъ всѣ онѣ наперерывъ спѣшатъ дѣлать заявленія и вызовы. Сначала думаешь, что ихъ мотивомъ служитъ интересъ, что неумѣренное желаніе получить новые для нихъ предметы, какъ ленты, ножи, зеркала, бусы, преодолѣваетъ стыдливость; но эту мысль оставляешь, когда видишь, что часто онѣ отдаютъ свою любовь, а не продаютъ ея. Если даже былъ заключенъ договоръ и имъ отказываютъ въ условленной платѣ послѣ того какъ онѣ съ своей стороны выполнили условіе, онѣ не проявляютъ ни печали, ни неудовольствія; можно было-бы подумать, что на подобный отказъ онѣ смотрятъ только какъ на нарушеніе формы, которое не касается сущности дѣла. Среди этой легкости, этой распущенности нравовъ, которая отдаетъ ихъ всякому мужчинѣ безразлично, онѣ сохраняютъ видъ стыдливости и скромности, какъ невольную дань, которую порокъ (?) оказываетъ добродѣтели. Когда они приплывали къ кораблю, безъ всякой одежды, онѣ сохраняли всегда узкій поясъ, съ котораго висѣли банановые листья, и, повидимому, были весьма озабочены тѣмъ, чтобы не показать себя сполна; но эти листья, безпрерывно приводимые въ безпорядокъ движеніями ихъ тѣла, прятали тó, что онѣ хотѣли скрыть отъ взоровъ, не болѣе, чѣмъ руки стыдливой Венеры. Хирургъ Робле говоритъ, что часто французамъ представляли дѣвушекъ, которымъ можно было дать на видъ не болѣе 8 лѣтъ, и онѣ уже не были дѣвственни-

---

[1]) Ethnologische Excursionen, „Naturkundig Tijdschrift voor Nederl. Indie" XXXVI, 298 (Цит. у Wilken'а).
[2]) Marchand, Biblioth. Universelle des Voyages. XV, 404—5, 6, 7.

цами. Часто видѣли мужчинъ и женщинъ, которые публично и при громкихъ аплодисментахъ многочисленныхъ зрителей обоего пола, предавались акту, которому одни только животныя, и то только нѣкоторыя, отдаются безъ соблюденія тайны. Мужчинамъ столь же мало знакома ревность, какъ и женщинамъ вѣрность. Каждая женщина тутъ, повидимому, есть жена каждаго мужчины, каждый мужчина мужъ каждой женщины; каждый предлагаетъ иностранцу честь каждой безразлично и равнодушно. Мендана сдѣлалъ замѣчаніе, что всякая хижина или жилище были, по выраженію Фигуэроса, общиною; испанцы судили по числу покрывалъ, разостланныхъ по землѣ, что каждый домъ долженъ былъ заключать въ теченіи ночи большое число лицъ, спавшихъ, какъ попало отъ общенія постели до общенія женщинъ.»

О томъ, какъ часто мѣняютъ своихъ мужей жены на Палаузскихъ островахъ, мы уже говорили выше. То же самое происходитъ и на Индійскомъ Архипелагѣ [1]). Такъ, напр., о горныхъ жителяхъ острова Пелинга, принадлежащаго къ группѣ Бангаи, разсказываютъ, что бракъ между ними совсѣмъ неизвѣстенъ. Точно также и альфуры на Буру не имѣютъ никакого понятія о брачномъ состояніи: мужчины и женщины встрѣчаются между собою лишь временно и сочетаются, безъ всякаго стыда, на глазахъ у каждаго. Если перейти теперь на Суматру, то мы найдемъ здѣсь описаніе народца Лубу въ мѣстности Мандайлингъ, который предается любви совершенно свободно и женится даже на матеряхъ и сестрахъ своихъ. Подобное же состояніе всеобщаго смѣшенія половъ должно было, судя по описаніямъ, существовать еще въ недавнее время въ округѣ Тонганавангъ, въ Минагассѣ-Менадо.

Геррера въ своей «Исторіи Америки» (I, 216) говоритъ. «они (береговыя племена Венесуэллы) не соблюдаютъ никакихъ законовъ или правилъ въ супружествѣ: мужчины берутъ столько женъ, а женщины столько мужчинъ сколько хотятъ, оставляя другъ друга по желанію, и не видя въ этомъ ничего дурного ни для той, ни для другой стороны. У нихъ совершенно неизвѣстно то, что называется ревностью; такое житье имъ весьма нравится и никого не оскорбляетъ. Они живутъ въ большихъ домахъ, столь обширныхъ, что въ нихъ помѣщается до 160 человѣкъ».

У южно-американцевъ, по словамъ Нейвида [2]), браки происходятъ безъ всякихъ церемоній и опредѣляются единственно волею обоихъ лицъ и ихъ родителей и столь-же легко расторгаются; если во время отсутствія мужа другой имѣлъ удачную охоту, то жена мо-

---

[1]) См. Wilken. De Indische Gids. 1880, October.
[2]) Neuwied op. cit. 34.

жетъ перейти къ послѣднему, и будетъ за это, самое большее, только побита.

Среди туземцевъ Бразиліи [1]) можно найти если не бракъ, то родъ постояннаго отношенія между мужчиною и женщиною; община ни во что подобное не вмѣшивается и потому жена рабыня мужа. Моногамія далеко преобладаетъ; она, повидимому, основывается на лѣнивомъ темпераментѣ мужчинъ. Впрочемъ, у ботокудовъ бываетъ женъ до двадцати. Другія племена, особенно въ сѣверной части страны, живутъ въ неправильной полигаміи. Обладаніе многими женами считается признакомъ роскоши и тщеславія.

«Поутру», говоритъ Россъ [2]), «другая семья эскимосовъ пришла съ сѣвера, принеся съ собою немного тюленя и нѣсколько кожъ, и её сопровождалъ старикъ, котораго мы еще не видѣли, но который былъ отцемъ извѣстныхъ намъ дѣтей. Намъ кажется, что его жена покинула для него своего третьяго мужа. Насколько мы могли понять, такой поступокъ былъ вполнѣ легальнымъ или былъ обычаемъ, равносильнымъ закону. На слѣдующій день мы принимали посѣщеніе этой молодой женщины, старика и двоихъ дѣтей. Кромѣ этой жены старикъ имѣлъ еще одну, огда какъ двое молодыхъ людей имѣли одну супругу на двоихъ; однако все общество жило въ мирномъ общеніи. Была еще старуха съ двумя мужьями, которые дополняли эту странную полигамическую семью... Мѣна женами для полученія большаго количества дѣтей, не составляетъ у эскимосовъ рѣдкости».

«На Явѣ не рѣдкость видѣть женщину [3]), которая до тридцати лѣтъ развелась съ тремя, или четырьмя мужьями. Былъ даже одинъ случай, когда женщина жила съ двѣнадцатымъ супругомъ. Ревность къ женщинамъ мало извѣстна индійскимъ островитянамъ».

«Когда я говорю о бракахъ, то это лишь способъ выраженія [4]). Союзъ мужчины и женщины не имѣетъ ничего ни постояннаго, ни торжественнаго въ этой странѣ (Уганда), гдѣ смѣшеніе половъ представляетъ вполнѣ животный характеръ. Такъ, напр., всякій Мконгу, владѣющій молодою дѣвушкою, отдаетъ ее королю, чтобы избѣгнуть наказаній, которыя могъ-бы навлечь на себя. Если одинъ изъ сосѣднихъ князей есть отецъ извѣстной красавицы, то король Уганды можетъ получить ее въ видѣ подати. Улакунгу начальники) снабжаются женами отъ монарха, соотвѣтственно своимъ заслугамъ, при чемъ между ними распредѣляются или плѣнныя женщины, взятыя во внѣшнихъ войнахъ, или тѣ, которыя захвачены у одного изъ ихъ товарищей, виновныхъ въ возмущеніи».

[1]) Marzius, op. cit. 53.
[2]) Ross. Bibliothéque Universelle, XL, 133.
[3]) Crawfurd. History of the Indian Archipelago. Edinb. 1823, 79.
[4]) Speke. Les Sources du Nil, 331.

«Въ Абиссиніи», пишетъ Брюсъ [1]), «женщины живутъ, какъ будто-бы онѣ были общи цѣлому міру, и ихъ удовольствія имѣютъ границей одну лишь ихъ добрую волю. При всемъ томъ, выходя замужъ, онѣ имѣютъ претензію, принадлежать лишь одному мужчинѣ; но и тутъ онѣ себя не очень стѣсняютъ, и эта обязанность, подобно большей части другихъ, есть не болѣе, какъ шутка... Хотя іезуиты много говорили о бракѣ и о полигаміи въ Абиссиніи, но не менѣе вѣрно, что въ Абиссиніи неизвѣстно то, что̀ мы разумѣемъ подъ бракомъ; въ силу взаимнаго соглашенія, мужчины и женщины соединяются безъ всякихъ церемоній, оставляютъ другъ друга и снова составляютъ пары, сколько разъ хотятъ, даже если женщина, разведшаяся съ первымъ мужемъ, имѣла уже дѣтей отъ другаго».

«У каффровъ», по словамъ Дёне [2]), «мужья отдаютъ другъ другу своихъ женъ въ ссуду на цѣлые годы и живутъ въ открытомъ прелюбодѣяніи.... Они совершенно погружены въ тѣлесныя наслажденія и имѣютъ въ полномъ смыслѣ слова глаза, полные разврата; каждый зарится на жену своего ближняго столь сильно, что страсть обыкновенно становится фактомъ; почти каждый мужчина, кромѣ своихъ собственныхъ женъ, имѣетъ еще любовницами женъ другаго и каждая жена имѣетъ любовниками мужей другихъ женъ».

Если это описаніе брачныхъ отношеній у каффровъ грѣшитъ черезчуръ миссіонерскимъ характеромъ, то не много разнится съ нимъ и болѣе объективное изображеніе дѣла Лихтенштейномъ [3]): «чувства нѣжной, цѣломудренной и взаимной любви, основывающіяся на совпаденіи характеровъ и настроеній, совершенно чужды коосса (каффрамъ). Только потребность взаимной помощи въ домашней жизни и естественный инстинктъ завязываютъ у нихъ, повидимому, связь между дѣвушкой и юношею. При всемъ томъ браки часто продолжаются всю жизнь».

«На Мадагаскарѣ, говоритъ Дапперъ [4]), женщины не менѣе мужчинъ отданы безстыдству и никогда не упускаютъ случая удовлетворять себя по этой части, имѣя всегда, кромѣ мужей, одного или двухъ друзей. Если-бы мужъ это замѣтилъ и сталъ обращаться съ женою хуже прежняго, то она ушла-бы отъ него безъ церемоній, чтобы воспользоваться удовольствіями жизни съ тѣми, которые ей болѣе нравятся.—Среди замужнихъ нарушеніе супружеской вѣрности

---

[1]) Bruce. Voyage aux Sources du Nil, en Nubie et en Abyssinie (1768—72) A. Montémont, 21.

[2]) Döhne. Das Kafferland etc. Berl. 1843, 33.

[3]) Lichtenstein, op. cit. I, 430.

[4]) Dapper, op. cit. 326—7, 466.

считается за проступокъ или обиду, за которую платятъ штрафъ, какъ за дѣяніе, не влекущее потери чести».

Мы могли-бы значительно увеличить число фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайней легкости брачныхъ узъ у первобытныхъ народовъ, мало чѣмъ отличающейся отъ полнаго общенія женъ. Но достаточно и этихъ, чтобы дать понять читателю, что моногамическій индивидуальный бракъ представляетъ, сравнительно говоря, довольно поздній плодъ цивилизаціи, и прежде своего окончательнаго установленія принужденъ выдерживать титаническую борьбу съ своимъ мощнымъ противникомъ гетеризмомъ, въ какомъ-бы замаскированномъ видѣ не проявлялся этотъ послѣдній. Спрашивается, въ чемъ именно лежитъ источникъ этого первоначально столь неравнаго столкновенія, если несомнѣнно то, что воздержаніе, соединенное съ установленіемъ индивидуальнаго брака, составляло крупный шансъ въ общей борьбѣ за существованіе, обезпечивая гораздо большее размноженіе населенія, лучшій уходъ за дѣтьми, а слѣдовательно и большую крѣпость ихъ здоровья и т. п? Иными словами, какъ можно объяснить себѣ, что въ то время, когда цѣломудріе среди замужнихъ женщинъ поощряется и цѣнится, у незамужнихъ, наоборотъ, оно не обладаетъ ни малѣйшею цѣнностію и даже считается за препятствіе къ браку? Какимъ образомъ, далѣе, примирить строгое воздержаніе, налагаемое мужьями на женъ, съ тою готовностью, съ которою они предлагаютъ своихъ женъ друзьямъ и гостямъ? Какъ возможно, однимъ словомъ понять, что столь различныя явленія, какъ бракъ и проституція, которыя должны другъ друга исключать, становятся рядомъ и пользуются одинаковымъ уваженіемъ?

Вотъ что отвѣчаетъ на эти вопросы голландскій писатель Вилькенъ, талантливый очеркъ котораго о «первобытныхъ формахъ брака и о происхожденіи семьи» мы уже цитировали нѣсколько разъ [1]), и мнѣніе котораго объ этомъ предметѣ намъ кажется вполнѣ основательнымъ.

Лёббокъ былъ первымъ ученымъ, который сдѣлалъ попытку свести

---

[1]) A. Wilken. Over de primitieve vormen van het huwelijk en den oorsprong van het gesin. De Indische Gids, 1880, October en December. Намъ пришлось познакомиться съ этимъ интереснымъ изслѣдованіемъ лишь по окончаніи нашей собственной работы, находящейся передъ читателемъ, а потому мы могли воспользоваться имъ только въ незначительной степени. При чтеніи упомянутаго очерка насъ пріятно поразило то, что мы нашли въ немъ подтвержденіе нѣкоторыхъ собственныхъ воззрѣній. Такъ мы сходимся въ общихъ чертахъ съ авторомъ во взглядахъ на характеристику взаимныхъ отношеній молодежи обоего пола у разныхъ первобытныхъ народовъ, а также во взглядахъ на значеніе и особенности матріархата въ его вліяніи на организацію семьи.

разсматриваемое явленіе на общинный бракъ. Общеніе женщинъ въ племени должно было, по его мнѣнію, первоначально устранять индивидуальный бракъ, далѣе, установить взглядъ на него какъ на привилегію, при чемъ нѣкоторое вознагражденіе слѣдовало въ пользу тѣхъ, чьи права были имъ нарушены. Исключительное законное обладаніе женщиной могло быть получено лишь при помощи временной уступки уже существовавшимъ общиннымъ правамъ. Поэтому-то женщина, прежде, чѣмъ вступить въ бракъ, должна была принадлежать всѣмъ. Иными словами, гетеризмъ долженъ былъ получить удовлетвореніе прежде брака. Изъ того же источника Лёббокъ выводитъ гетеризмъ въ бракѣ, проституцію дружбы и гостепріимства. Ясно чувствуется слабая сторона этого объясненія. Экзогамія, согласно представленіямъ самого Лёббока, была древнѣйшею формою индивидуальнаго брака. Какимъ-же образомъ въ такомъ случаѣ, разсматривать гетерическіе обычаи, какъ поощреніе существующихъ общинныхъ правъ? Женщина, принадлежавшая къ чужому племени, не подпадала общенію женщинъ у племени мужа. Кромѣ того, еслибы бракъ стоялъ такъ высоко, то не могло-бы быть и рѣчи о какомъ-либо вознагражденіи, въ смыслѣ указанномъ Лёббокомъ. Затѣмъ, приведенное объясненіе не бросаетъ ни малѣйшаго свѣта на богослужебный характеръ, отличающій жертвы свободной любви у столь многихъ народовъ. Вмѣсто того, чтобы упускать изъ виду эту особенность, ее нужно ставить на первый планъ, когда идетъ вопросъ о происхожденіи гетерическихъ обычаевъ вообще.

Рѣшеніе этого вопроса въ вышеозначенномъ смыслѣ заключается въ томъ простомъ воззрѣніи, что первобытный человѣкъ, съ установленіемъ индивидуальнаго брака, могъ придти также и къ тому, чтобы считать гетеризмъ божественнымъ учрежденіемъ. Въ первобытныхъ обществахъ людей все старое, переданное предками, всегда является какъ угодное богамъ. «Особенность примитивныхъ общинъ», говоритъ Беджготъ (Physics and Politics etc. 141—2), «составляетъ то, что на большую часть ихъ обычаевъ раньше, или позже, наростаетъ какъ-бы сверхъ-естественная санкція. Вся община охвачена мыслью, что если старый обычай будетъ уничтоженъ, то произойдутъ невыразимыя бѣдствія, такими путями и отъ такихъ причинъ, которыхъ вы не можете даже и вообразить». Тоже должно было произойдти и при установленіи индивидуальнаго брака. Въ противоположность послѣднему, какъ порожденію человѣческаго произвола, общинный бракъ долженъ былъ возвыситься въ своей славѣ какъ обычай, освященный традиціей и угодный божествамъ.

Если имѣть въ виду сказанное, то гетерическіе обычаи, связанные съ бракомъ, объясняются сами собою. Что удивительнаго въ

томъ, что человѣкъ колебался порвать сразу съ свободною любовью, что онъ боялся привлечь на себя гнѣвъ боговъ за то, что онъ покинулъ старое, богоподобное въ пользу новаго, человѣческаго. Прежде всего старое не должно быть ни уничтожено, ни измѣнено. Напротивъ, слѣдуетъ стараться удовлетворить, примирить боговъ съ новизною, при помощи благочестиваго поклоненія, приданія старому обычаю большаго значенія противъ новаго и окруженія его блескомъ. Если, такимъ образомъ, служеніе свободной любви, согласно старому божественному праву, было назначеніемъ женщины, то это назначеніе должно быть поставлено на первомъ планѣ; должно быть прежде всего представлено доказательство, что, вопреки введенной новизнѣ, назначеніе это чествуется, какъ высшее и священнѣйшее для женщины, какъ такое, которое составляетъ долгъ хотя не всѣхъ, но во всякомъ случаѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ изъ нихъ. И можно-ли что нибудь подобное выразить лучше, можно ли дать яснѣе понять преимущество стараго назначенія надъ новымъ, какъ не требованіемъ отъ женщины, чтобы она свое дѣвичество принесла въ жертву не на брачное ложе, а на алтарь свободной любви? [1]) Можетъ-ли мужчина имѣть лучшее средство выразить сочувствіе первобытному назначенію женщины, какъ, отказаться въ виду его его отъ jus primae noctis? Такимъ образомъ съ индивидуальнымъ бракомъ должно было связываться понятіе, что дѣвичество женщины принадлежитъ свободной любви, что не дозволяется мужчинѣ захватывать ее въ цѣпи брака пока она дѣвственница. Отсюда и женщина, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, должна посвящать себя гетеризму. И на этомъ дѣло не останавливается: благопріятствованіе свободной любви должно имѣть мѣсто и въ самомъ бракѣ. Если оно угодно божеству и людямъ, то не можетъ быть дурно для самой женщины отдаваться также и другимъ лицамъ, кромѣ законнаго мужа; не может быть это дурно и для мужа, почему онъ безъ сопротивленія отдаетъ свою супругу друзьямъ и гостямъ.

Вотъ гдѣ находится источникъ гетерическихъ обычаевъ, связанныхъ съ бракомъ. Въ основаніи ихъ лежитъ представленіе о гетеризмѣ, какъ о божественномъ учрежденіи. Если-же обратить вниманіе на то, что у народовъ древности жертвы, приносимыя на алтарь свободной любви, принимали участіе въ служеніи матерямъ-богинямъ, то основаніе этому слѣдуетъ искать также и въ почитаніи этихъ богинь. Но можно признать даже a priori, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переживаніемъ отъ времени, когда богини были еще чисто фетишистическими божествами, богинями земли и плодороднаго

---

[1]) См. выше обычай бенгуельскихъ негровъ и арабовъ Азира.

всепроизводящаго неба-океана. Такимъ образомъ, въ поклоненіи землѣ и небу можно видѣть присутствіе элементовъ, которые, при установленіи индивидуальнаго брака, хотя не исключительно вели къ пониманію гетеризма, какъ божественнаго учрежденія, но все-же значительно способствовали этому.

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что земля, какъ богиня-мать, никогда не опиралась сама на себя, но постоянно служила предметомъ поклоненія по своему отношенію къ небу. Если небо было представителемъ зиждительной силы, то земля была оплодотворяющею силою; земля представляла собою пріемникъ, въ которомъ содержались и вынашивались зародыши природы, и такъ какъ она была въ этомъ смыслѣ женскимъ божествомъ, то небо представляло активный, зиждительный принципъ, и потому не могло быть мыслимо иначе какъ мужчиною. Единственно изъ соединенія, изъ сочетанія двухъ божествъ произошло все и поддерживается существованіе всего, если только размноженіе всего должно быть непрерывнымъ. При антропоцентрическомъ пониманіи явленій, служившихъ предметомъ фетишистическаго поклоненія, удивительно-ли, что люди, приписывая землѣ и небу значеніе личностей, представляли себѣ соединеніе, сочетаніе того и другаго, служившее источникомъ всякой жизни, подобнымъ тому сочетанію, которое необходимо человѣку для размноженія своего рода, иными словами, что означенное сочетаніе разсматривалось ими, какъ чисто половое? Если взглянуть на миѳы о бракѣ между небомъ и землею, основу древнѣйшаго культа первыхъ земледѣльческихъ народовъ, то на ряду съ идеею о землѣ, какъ о матери, стояла идея о небѣ, какъ объ отцѣ. Когда древніе греки называли Ураноса и Гею мужемъ и женою, они разумѣли подъ этимъ дѣйствительное половое сочетаніе между небомъ и землею; то же самое представленіе должны были имѣть также индусы-арійцы, когда они называли Дайоса отцомъ и Пртиви матерью. Что это соединеніе первоначально разсматривалось какъ чисто половое, свидѣтельствуетъ обычная при бирманскихъ свадьбахъ формула, по которой, слѣдуя Ягурведѣ, женихъ говоритъ невѣстѣ: «я—небо, ты—земля, приди и вступимъ во взаимный союзъ». То-же самое представленіе о бракѣ между небомъ и землей лежитъ также въ основѣ богослуженія китайскаго и хамито-семитическаго, въ особенности-же, сирійско-финикійскаго. Тотъ-же миѳъ распространенъ повсемѣстно среди полинезійскихъ племенъ, и нигдѣ его нельзя встрѣтить въ болѣе простомъ, дѣтскомъ, прозрачномъ и поэтическомъ видѣ, какъ въ новозеландской легендѣ о дѣтяхъ неба и земли. Здѣсь достаточно указать на то, что эта легенда исходитъ изъ представленія, что отъ Ранги, неба, и Папа, земли, произошли всѣ люди и вещи. То же пред-

ставленіе можно встрѣтить на Индійскомъ Архипелагѣ среди тиморцевъ и алфуровъ Минагассы. «Дождь», говоритъ Максъ Мюллеръ (Essays, I, 361), «представляется во всѣхъ первобытныхъ миѳологіяхъ арійской расы, какъ результатъ объятій неба и земли. Свѣтлое небо, говоритъ Эсхилъ, въ отрывкѣ, который можно было-бы признать за взятый изъ Веды, любитъ проникать въ землю; земля, съ своей стороны, жаждетъ брака съ небомъ; дождь, падающій съ любящаго неба, оплодотворяетъ землю и она производитъ для смертныхъ пастбища овцамъ и дары Цереры». Представленіе о веснѣ, въ особенности о мѣсяцѣ маѣ, какъ о времени объятій, брака неба и земли, встрѣчается въ первоначальныхъ миѳахъ почти всѣхъ арійскихъ народовъ и сохранилось даже въ новѣйшей европейской поэзіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что это соединеніе люди стремились вызвать, выманить, когда отсутствовали приписываемые ему столь желанные результаты. И могло-ли это быть сдѣлано лучше, могли-ли люди обратиться къ болѣе сильному средству, чтобы сблизить между собою два божества, какъ прибѣгая къ такому дѣйствію, которымъ могла-бы быть пробуждена ихъ производительная сила. Такова была древняя вѣра въ возможность беременности черезъ симпатію, такова же вѣра въ симпатію у дикихъ Африки, когда ихъ волшебники принуждаютъ небесныя силы давать дождь, или, еще лучше у яванцевъ, которые воображаютъ, что усиливаютъ плодородіе рисовыхъ полей, бѣгая съ своими женами нагишомъ въ ночную пору по полямъ и принося жертвы Лингѣ и Іони. Послѣ этихъ примѣровъ нечего удивляться, что народы, у которыхъ существовало фетишистическое поклоненіе небу и землѣ, пришли къ тому, что стали стремиться къ достиженію столь желательнаго соединенія между этими двумя божествами чрезъ совершеніе conjunctio venerea. Съ возникновеніемъ этого поклоненія подобный обычай долженъ былъ образоваться самъ собою.

Совершенно аналогично поклоненію землѣ фетишистическое поклоненіе небу-океану, изъ котораго нѣкогда развилось служеніе богинямъ-матерямъ. Производительную, размножающую силу природы встрѣчаемъ мы на этотъ разъ въ соединеніи съ водою или, лучше сказать, съ небесными водами. Но богиня небесныхъ водъ, мать-богиня не могла сдѣлаться источникомъ жизни и растительности иначе какъ путемъ соединенія съ другимъ божествомъ, олицетвореніемъ небеснаго огня, зиждущаго и оплодотворяющаго, всепроникающаго и одушевляющаго, который скрывался въ глубинѣ океана-небесъ, проявляясь въ солнечномъ свѣтѣ, въ звѣздахъ, въ молніи, съ которыми смерть зимою и возрожденіе весною растительной силы земли состояли въ такой тѣсной связи. И здѣсь также соединеніе богини

небесныхъ водъ съ богомъ космическаго огня представлялось какъ чисто половое, и, весьма вѣроятно, что его стремились пробуждать или вызывать при помощи того же самого средства оплодотворенія.

Представленіе о бракѣ между землею и небомъ, о таинственномъ дѣйствіи небеснаго огня въ водахъ небеснаго океана составляетъ основу древнѣйшаго богопочитанія первыхъ земледѣльческихъ народовъ. Каково-же то вліяніе, которое должно было имѣть это богопочитаніе на отношенія людей къ общинному браку при установленіи брака индивидуальнаго? — Очевидно, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, благодаря уваженію ко всему традиціонному, свободная любовь должна была разсматриваться какъ божественное учрежденіе. Это мнѣніе должно было укрѣпиться вслѣдствіе того обстоятельства, что здѣсь отправленіе conjunctio venerea, въ качествѣ религіозной церемоніи, было связано съ богослуженіемъ. Во времена общиннаго брака это совершалось естественно въ формѣ свободной любви; тоже осталось и по установленіи индивидуальнаго брака. Уклоненія всего менѣе могли быть терпимы, въ богослужебныхъ обычаяхъ и церемоніяхъ. Такимъ образомъ, свободная любовь оставалась связанною съ богослуженіемъ богинѣ-землѣ, въ связи съ богинею небесныхъ водъ. Поэтому, свободная любовь являлась какъ желательная богинямъ форма половыхъ сношеній: требовалось примирить этихъ богинь съ индивидуальнымъ бракомъ, умилостивить ихъ за нарушеніе учрежденія свободной любви. Это объясняетъ намъ гетеризмъ и жертвы цѣломудрія богинямъ-матерямъ у народовъ древности. Богослужебные обычаи оказываются однако упорнѣе, нежели богослужебныя понятія; какъ-бы ни измѣнялись воззрѣнія на божество, но культъ остается совершенно неизмѣннымъ. Съ жертвами цѣломудрія должно было происходить то-же самое. Разъ связанныя съ богинею земли, съ богинею небесныхъ водъ, онѣ должны были продолжать оставаться частью богослуженія до тѣхъ поръ, пока богини продолжали оставаться фетишами, пока онѣ не отдѣлились отъ природы и не стали одухотворенными, сверхъестественными существами, дѣйствительными божествами.

Если приведенное представленіе о происхожденіи гетерическихъ обычаевъ, связанныхъ съ бракомъ, вѣрно, то эти послѣдніе должны были первоначально вполнѣ имѣть смыслъ *жертвы*, которою люди стремились примирить боговъ съ нарушеніемъ переданнаго отъ предковъ учрежденія свободной любви. Однако, тамъ гдѣ эти обычаи съ самаго начала не составляли части особаго культа, богослужебный характеръ, которымъ они первоначально отличались, былъ быстро утраченъ. Само собою разумѣется, что, съ теченіемъ времени, въ гетеризмѣ должны были произойдти всевозможныя измѣненія и ограниченія, которыя уничтожили всякіе слѣды отъ первобытнаго понятія о рас-

положеніи къ свободной любви. Такъ, напримѣръ, время, въ теченіи котораго дѣвушка должна была приносить жертвы свободной любви, должно было все сокращаться, пока не ограничивалось, днями, которые предшествовали браку непосредственно. Такимъ-же образомъ jus primae noctis изъ общаго права постепенно сдѣлалось правомъ чужеземцевъ, духовенства, старѣйшинъ, князей, наконецъ, даже самого отца.

Таковы въ краткихъ чертахъ результаты этой части изслѣдованія Вилькена. Читатель согласится съ нами, что они бросаютъ много свѣта на происхожденіе гетерическихъ обычаевъ, связанныхъ съ бракомъ, которые дѣйствительно повсюду носятъ на себѣ болѣе или менѣе религіозный характеръ. Только традиціонно-богослужебное ихъ значеніе можетъ объяснить то странное уваженіе, какимъ сопровождается ихъ примѣненіе у столь многихъ народовъ земнаго шара, часть которыхъ давно уже вышла изъ первобытнаго состоянія и могла сохранить одни лишь переживанія подобныхъ обычаевъ.

Въ ряду вопросовъ, представляемыхъ семейными и брачными отношеніями народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія, особенно интереснымъ является вопросъ о томъ, какія важнѣйшія причины повели человѣческое общество къ замѣнѣ материнскаго права отцовскимъ, безъ упраздненія рода? Въ качествѣ частнаго факта переходъ этотъ совершался въ большомъ числѣ случаевъ среди сѣверо-американскихъ индійцевъ. Такъ у оджибвеевъ въ настоящее время господствуетъ отцовское право, тогда какъ у ихъ соплеменниковъ-делаваровъ и могеганъ продолжаетъ существовать материнское право. Первоначально филіація въ женской линіи несомнѣнно преобладала во всемъ алгонкинскомъ племени. Вѣроятно, такая-же архаическая форма женской линіи существовала и у древнихъ родовъ Греціи и Рима, но потомъ была замѣнена мужскою. Для совершенія означенной перемѣны нуженъ былъ — соотвѣтствующій мотивъ. Мотивъ этотъ различными писателями объясняется различно. По мнѣнію Жиро Тёлона [1]), первое признаніе отчества составляло не что иное, какъ актъ самопожертвованія со стороны какого-либо великаго генія древности. «Первый», говоритъ онъ, «согласившійся признать себя отцомъ, былъ человѣкомъ генія и сердца, однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. Докажи на самомъ дѣлѣ, что дитя принадлежитъ тебѣ? Увѣренъ-ли ты въ томъ, что оно есть другой ты, твой плодъ, что ты далъ ему рожденіе? Или, быть можетъ, ты, благородный изобрѣтатель,

[1]) Giraud Teulon, La mère chez certains peuples de l'antiquité, 32.

направляешься къ завоеванію высшей цѣли при помощи великодушной и добровольной довѣрчивости?» Въ столь-же возвышенномъ, но не менѣе ложномъ свѣтѣ разсматриваетъ замѣну материнскаго права отцовскимъ Бахофенъ [1]). Онъ справедливо признаетъ эту замѣну „важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи половыхъ сношеній“. Но онъ разсматриваетъ этотъ періодъ, какъ освобожденіе разума отъ обманчивыхъ видимостей природы; какъ поднятіе человѣческаго существованія свыше законовъ матеріальнаго міра; какъ признаніе того факта, что зиждительная сила есть самая важная; словомъ, какъ подчиненіе матеріальной части нашей природы духовной ея части. „Оковы теллуризма разбиваются и взглядъ поднимается до высшихъ областей космоса“. Отвергая, и совершенно основательно, оба эти воззрѣнія, въ виду ихъ неопредѣленнаго и даже метафизическаго характера, Лёббокъ [2]) придерживается мнѣнія, что признаніе отцовской отвѣтственности вытекло изъ силы обстоятельствъ, вспомоществуемой внушеніями естественныхъ привязанностей. Съ другой стороны, прибавляетъ онъ, усвоеніе родства въ отцовской линіи, вмѣсто родства въ материнской линіи, вѣроятно произошло изъ естественнаго желанія, которое ощущаетъ каждый, оставить *свое* имущество *своимъ* собственнымъ дѣтямъ. Правда, что, за исключеніемъ Аѳинъ, мы находимъ весьма мало слѣдовъ этого перехода; но такъ какъ легко понять, какія причины его произвели, и трудно предположить, что когда либо могла имѣть мѣсто обратная перемѣна; что, кромѣ того, родство въ мужской линіи чрезвычайно, чтобы не сказать универсально, распространено у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ [3]), тогда какъ противоположная система весьма распространена у дикарей, то очевидно, что это измѣненіе должно было имѣть мѣсто довольно часто“. Вполнѣ соглашаясь съ Лёббокомъ, что переходъ въ отцовскую линію былъ вынужденъ силою обстоятельствъ, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ не вполнѣ удовлетворительнымъ данное имъ объясненіе этихъ обстоятельствъ. На какомъ основаніи мужъ сталъ въ одинъ прекрасный день считать имущество и дѣтей *своими*, когда и то и другое, какъ мы видѣли, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, безъ всякаго препятствія съ его стороны, считалось принадлежностью жены? Само собою разумѣется, что на это были свои объективныя причины, и что одного внушенія естественныхъ привязанностей, которыя, однако, въ предъ-

---

[1]) Bachofen, op. cit. 27.

[2]) Lubbock, op. cit. 143—144.

[3]) Среди современныхъ европейскихъ народовъ слѣды существованія материнства были указаны у басковъ, у нѣкоторыхъ племенъ Кавказа, и, по всей вѣроятности, при тщательномъ изслѣдованіи, оказались бы и у другихъ горныхъ и замкнутыхъ древнихъ народностей.

идущій періодъ ничѣмъ себя не проявляли, для достиженія этого результата было совершенно недостаточно.—Болѣе обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Морганъ, хотя и онъ, повидимому, обращаетъ болѣе вниманія на внѣшнюю, чѣмъ на внутреннюю сторону дѣла. Мотивъ перехода въ мужскую филіацію былъ, по мнѣнію Моргана [1]), слѣдующій: „Послѣ того какъ начали собирать въ стада домашнихъ животныхъ, послѣ того какъ эти послѣднія сдѣлались источникомъ существованія равно какъ предметами индивидуальной собственности, и послѣ того какъ обработка земли повела къ отдѣльной собственности на дома и поля,—долженъ былъ необходимо возникнуть антагонизмъ противъ преобладающей формы семьи, потому что она исключала отъ наслѣдованія дѣтей собственника, отчество котораго сдѣлалось болѣе извѣстнымъ, и отдавала его собственность родовымъ родственникамъ. Борьба за новый законъ наслѣдованія, поднятая отцами и ихъ дѣтьми, могла доставить достаточно могущественный мотивъ для совершенія перемѣны. По мѣрѣ накопленія собственности и принятія ею постоянныхъ формъ и по мѣрѣ возрастанія количества ея въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, наслѣдники по женской линіи постепенно исключались-бы изъ наслѣдованія, и замѣна женской линіи мужскою становилась-бы обезпеченною. Подобная перемѣна оставила-бы наслѣдованіе по прежнему въ предѣлахъ рода, но она помѣстила-бы дѣтей въ родъ ихъ отца, а во главѣ дѣтей поставила-бы агнатовъ. Временно, по всей вѣроятности, дѣти принимали-бы участіе въ распредѣленіи имущества наравнѣ съ остальными агнатами; но расширеніе принципа, на основаніи котораго агнаты исключаютъ остальныхъ членовъ рода, привело-бы со временемъ къ тому результату, что, кромѣ дѣтей, были бы исключены и всѣ агнаты, и дѣтямъ принадлежало-бы исключительное право наслѣдованія. Еще далѣе, сынъ вступилъ бы въ линію наслѣдованія *должности* своего отца. Такимъ сдѣлался законъ наслѣдованія у аѳинскихъ родовъ во времена Солона и нѣсколько спустя, когда собственность стала переходить поровну къ сыновьямъ, на которыхъ возлагалась обязанность содержанія дочерей и снабженія ихъ приданымъ при выдачѣ въ замужество, а, за отсутствіемъ сыновей,—поровну къ дочерямъ. Если дѣтей не было вовсе, наслѣдство переходило къ родичамъ—агнатамъ, а за отсутствіемъ и послѣднихъ,—къ болѣе отдаленнымъ членамъ рода. Римскій законъ XII таблицъ былъ въ сущности таковъ же. Именно тутъ-то имена животныхъ, прилагаемыя къ женскимъ родамъ, замѣняются человѣческими“.

Объясненіе Моргана, безъ сомнѣнія, ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ предъидущія; но и оно возбуждаетъ нѣкоторые вопросы и сомнѣнія.

---

[1]) **Morgan, Ancient Society, passim.**

Если собиранiе стадъ животныхъ и обращенiе ихъ въ личную собственность служило однимъ изъ мотивовъ къ переходу изъ женской филiацiи въ мужскую, то какимъ же образомъ совершался этотъ переходъ у тѣхъ народовъ, которые не имѣли вовсе или имѣли лишь незначительное количество домашняго скота? Въ числѣ такихъ народовъ находятся многiе полуохотничьи, полуземледѣльческiе туземцы Сѣверной Америки. Съ другой стороны, если къ тому же переходу ведетъ отдѣльная собственность на дома и поля, то какъ объяснить существованiе мужской филiацiи у земледѣльцевъ-общинниковъ на подобiе русскихъ крестьянъ? Независимо отъ этого, введенiе отдѣльной собственности на дома и поля не только не даетъ намъ объясненiя означеннаго перехода къ мужской линiи наслѣдованiя, но и само нуждается въ довольно сложномъ объясненiи. Ясное дѣло, что вопросъ о замѣнѣ женской филiацiи мужскою представляетъ значительную сложность.

По нашему мнѣнiю, ключъ къ рѣшенiю этого вопроса заключается въ *порядкѣ раздѣленiя родовъ* по мѣрѣ постепеннаго перехода ихъ къ осѣдлости и въ усвоенiи ими не индивидуальной, а *родовой собственности на землю*. Въ основанiи этого разселенiя, какъ и всѣхъ прочихъ переложенiй и сочетанiй общественнаго сложенiя труда, лежитъ законъ народонаселенiя, который, при данныхъ относительныхъ условiяхъ, постоянно принуждаетъ населенiе снискивать свое пропитанiе все болѣе и болѣе упорнымъ трудомъ съ все меньшаго и меньшаго пространства земли. До тѣхъ поръ, пока существованiе общества обезпечивается при помощи простаго, однороднаго, краткосрочнаго и болѣе или менѣе случайнаго труда, господствуетъ то полустадное состоянiе общества, съ общенiемъ женъ, или переходныя ступени отъ послѣдняго къ начинающимъ обособляться родовымъ группамъ, какiя мы встрѣчаемъ и въ настоящее время на Индiйскомъ Архипелагѣ, въ Полинезiи и въ Меланезiи. Нечего и прибавлять, что при существованiи благопрiятныхъ условiй почвы, климата и т. под., которыя даютъ обществу возможность вести борьбу съ внѣшнею природою при помощи самого ничтожнаго труда, подобное эластическое и зачаточное состоянiе родовыхъ отношенiй можетъ продолжаться цѣлыя тысячелѣтiя. Но по мѣрѣ все болѣе и болѣе усиленнаго давленiя закона народонаселенiя, по мѣрѣ того, какъ трудъ становится все сложнѣе и продолжительнѣе, постояннѣе и правильнѣе, одновременно вступаетъ въ дѣйствiе и процессъ постепеннаго образованiя все болѣе и болѣе изолирующихся, совмѣстно трудящихся родовыхъ группъ или группъ родственниковъ. Принципъ изолированiя родовъ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что одноименные роды перестаютъ вступать между собою въ бракъ, а прiобрѣтаютъ себѣ сначала мужей, а впослѣдствiи женъ изъ чужихъ

родовъ. Группы родственниковъ, рука объ руку съ родовымъ характеромъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ носятъ также и хозяйственный характеръ—обособленныхъ коллективныхъ личностей перваго, втораго и т. д. порядковъ, представителей все болѣе и болѣе частной собственности на землю и на движимыя вещи. Въ этомъ смыслѣ можетъ идти рѣчь о принадлежности въ собственность цѣлымъ племенамъ охотничьихъ, рыболовныхъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ тѣхъ территорій, на которыхъ они снискиваютъ свое пропитаніе болѣе или менѣе коллективною работою. Въ томъ-же самомъ направленіи идетъ и позднѣйшее обособленіе отдѣльныхъ частей подобной территоріи между отдѣльными родами, братствами, племенами, а также и все возрастающее обособленіе участковъ между волостями, марками, отдѣльными общинами, большими семьями, малыми семьями и наконецъ отдѣльными лицами.

Для характеристики этого процесса обособленія участковъ въ его позднѣйшихъ стадіяхъ, сошлемся на Мэна, который въ своей „Early History of institutions“ [1]). приводитъ два въ высшей степени интересныхъ свидѣтельства, заимствованныхъ его другомъ Уитли Стоксомъ изъ „Liber Hymnorum“, относимой къ XI столѣтію, и изъ другого манускрипта XII столѣтія. Въ первомъ изъ нихъ говорится (folio 5 A): „въ это время (т. е. во время сыновей Эда Слана) многочисленны были человѣческія существа въ Ирландіи, и таково было ихъ число, что обыкновенно получалось на каждаго человѣка не болѣе трехъ разъ девяти бороздъ земли,—т. е. по девяти бороздъ болота, по девяти—пахотной земли и по девяти—лѣса“. Въ другомъ ирландскомъ манускриптѣ, относимомъ къ XII столѣтію,—„Lebor na Huidr'e“ говорится, что «въ Ирландіи, пока не пришелъ періодъ сыновей Эда Слена, не было ни заборовъ, ни плетней, ни каменныхъ стѣнъ вокругъ земли, а одни только пахотныя поля; въ этотъ же періодъ, вслѣдствіе *обилія* хозяйствъ, были введены въ Ирландіи границы«. Эти любопытныя утвержденія, говоритъ Мэнъ, могутъ быть разсматриваемы, безъ сомнѣнія, только какъ свидѣтельства въ пользу существованія въ Ирландіи въ то время, когда они были написаны, убѣжденія въ совершившемся въ тотъ или въ другой періодъ переходѣ отъ коллективной системы къ системѣ ограниченнаго пользованія землей и традиціи о времени этого перехода. Но поучительно то, что въ обоихъ документахъ переходъ этотъ одинаково приписывается *возрастанію населенія*; въ особенности же интересно заключающееся въ „Liber Hymnorum“ описаніе новаго распредѣленія земли, которое признавалось занявшимъ мѣсто какого-то болѣе стараго. Періодическое распредѣ-

[1]) Op. cit. 113.

леніе между отдѣльными хозяйствами опредѣленной доли луговъ, лѣсовъ и пахотной земли продолжаетъ существовать и въ наши дни въ поземельныхъ порядкахъ швейцарскихъ альмендъ, представляя несомнѣнное наслѣдство отъ древняго устройства нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ въ качествѣ тевтонскихъ сотенъ. По нашему мнѣнію, приводимые Мэномъ примѣры представляютъ наглядное доказательство постепеннаго обособленія земельной собственности или все болѣе и болѣе интензивнаго пользованія ею между все меньшими и меньшими кругами индивидуумовъ, подъ давленіемъ закона народонаселенія.

Другой подобный же примѣръ встрѣчаемъ мы въ шотландскомъ мѣстечкѣ Ньютонъ на Айрѣ. „Здѣсь", говоритъ авторъ одной интересной замѣтки объ архаическихъ поземельныхъ обычаяхъ въ Шотландіи [1]), „было найдено, что ежегодные передѣлы земли не удовлетворяютъ болѣе требованіямъ вѣка, а потому былъ совершенъ переходъ отъ старыхъ общинныхъ земель къ землямъ, составляющимъ частную собственность, который весьма поучителенъ для этой фазы развитія землевладѣнія. На основаніи «New Statist. Account ot Scotland» оказывается, что здѣсь общая собственность подвергалась отъ времени до времени передѣлу между 48 свободными людьми, начиная отъ основанія мѣстечка (1314 г.). Первый передѣлъ, относительно котораго имѣются кое-какія свѣдѣнія, происходилъ въ 1604 г. и существовалъ до 1615. Вслѣдствіе отсутствія записей въ общинную книгу, въ теченіи значительнаго промежутка времени послѣ этого періода не имѣется никакихъ свѣдѣній о послѣдующихъ передѣлахъ до передѣла 1655 г., который также предназначался на 11 лѣтъ. Но съ 1666 по 1771 г. новый передѣлъ производился каждое семилѣтіе, и надѣлы были аккуратно заносимы въ списки. Въ 1771 году хозяева рѣшили, что передѣлъ долженъ оставаться безъ измѣненія въ теченіи 57 лѣтъ; а когда истекъ и этотъ періодъ въ 1827 году, то было постановлено, что неизмѣнность участковъ, на которые тогда былъ брошенъ жребій, будетъ продолжаться 999 лѣтъ. Въ 1833 году было снова постановлено, что права собственности на участки должны быть переданы тѣмъ хозяевамъ, которые пожелали-бы держать свою землю такимъ образомъ. Приведенное извѣстіе ясно показываетъ, какъ подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, передѣлы съ теченіемъ времени замедляются все болѣе и болѣе, пока не приводятъ хозяевъ къ тысячелѣтнему пользованію землею или, что тоже, къ праву собственности на нее.

---

[1]) Laurence Gomme. Archaic Land Customs in Scotland. The Antiquary, September 1881, 99.

Предъидущее ведетъ насъ къ заключенію, что процессъ постепеннаго кристаллизированія человѣческаго общества въ братскія, родовыя и племенныя группы сливается въ одно общее теченіе съ *первоначальными* фазами гигантскаго процесса общественнаго обособленія труда, какъ тому служитъ, между прочимъ, нагляднымъ доказательствомъ родовое происхожденіе кастъ, т. е. промышленныхъ учрежденій по преимуществу. Начавшись въ бродячемъ состояніи общества, обособленіе родовыхъ группъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальнымъ обособленіемъ труда, ведущимъ въ свою очередь къ обособленію сначала движимой, а впослѣдствіи и недвижимой собственности. Дальнѣйшее развитіе того же самого процесса постепеннаго усложненія труда, подъ давленіемъ борьбы за существованіе, влечетъ за собою глубокія преобразованія въ общинно-родовомъ строѣ общества, превращая мало по малу родовую организацію послѣдняго въ территоріально-политическую.

Переходъ отъ первобытнаго бродячаго состоянія общества къ состоянію территоріальному и осѣдлому сопровождается весьма крупными и глубокими перемѣнами въ области отношеній родовыхъ, экономическихъ и политическихъ. «Земельный доменъ», говоритъ Морганъ, «по прежнему, принадлежалъ племени сообща; но одна часть его была уже отдѣлена въ пользу правительства, другая для религіозныхъ цѣлей, а третья, наиболѣе важная, та, изъ которой народъ извлекалъ свое существованіе, была подраздѣлена между *различными общинами* или *родами* лицъ, жившими въ *одномъ* поселеніи». Дѣйствительно, разбросанность одноименныхъ родовъ по всей территоріи, занимаемой племенемъ, и соединеніе разноименныхъ родовъ въ одномъ и томъ же поселеніи представляютъ наиболѣе характерную черту означеннаго переходнаго состоянія общества.

«Жители Юкатана», сообщаетъ Діего де Ланда [1]), «очень заботятся о томъ, чтобы знать происхожденіе своихъ семействъ и чрезвычайно гордятся, если кто либо изъ членовъ семьи отличился. Сыновья и дочери получаютъ совмѣстное имя отца и матери, первое какъ собственное, второе какъ нарицательное. Поэтому-то и говорятъ, что эти индійцы всѣ между собою родственники и носятъ одно и то же имя, и они сами считаютъ себя таковыми. Дѣйствительно, если случается, что кто нибудь изъ нихъ находится въ какой-либо отдаленной и неизвѣстной мѣстности, и не знаетъ куда обратиться, онъ произноситъ свое имя, и немедленно къ нему спѣшатъ находящіеся тамъ члены одного съ нимъ рода, принимаютъ его къ себѣ и обращаются съ нимъ съ крайнею нѣжностью». По-

---

[1]) Diego de Landa, op. cit. 135.

добные-же порядки разселенія описываетъ голландскій контролёръ Брезлеръ [1]), производившій изслѣдованіе о землевладѣніи въ области Кедири, на островѣ Явѣ. «Чрезвычайно дурное вліяніе на благосостояніе туземцевъ», говоритъ онъ, «оказываетъ то обстоятельство, что каждый обитатель дессы (деревни) имѣетъ увѣренность въ томъ, что онъ можетъ сдѣлаться участникомъ во владѣніи полями во всякой другой дессѣ, въ силу одного того факта что онъ въ ней поселится. По ничтожнѣйшимъ причинамъ онъ покидаетъ свое поле и наслѣдіе, чтобы переселиться въ другую дессу, гдѣ его радушно принимаютъ въ общину и даютъ ему занять мѣсто того, кто оставилъ дессу по столь-же незначительнымъ причинамъ. Въ нѣкоторыхъ дессахъ существуетъ до двухъ-третей населенія, пришедшаго со стороны; вслѣдствіе этого никто не чувствуетъ себя привязаннымъ къ почвѣ интересомъ или наклонностью къ улучшенію ея, въ виду того, что улучшеніе достанется не ему самому, а неизвѣстному лицу».

Совершенно то-же самое разсказываетъ Голландеръ [2]) про членовъ одного и того-же «зуку» или братства на Суматрѣ, которые случайно или намѣренно заходятъ въ отдаленныя отъ своего кампонга мѣстности. «Зуку», говоритъ онъ, «является прежде всего административно-родовымъ подраздѣленіемъ племени и составляетъ часть кампонга или nageri. Каждый зуку состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ родовъ или семействъ, признаваемыхъ членами зуку. Члены зуку живутъ не только по сосѣдству другъ съ другомъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, но разсѣяны по всей странѣ, такъ что трудно найти кампонгъ, который не былъ-бы населенъ лицами, принадлежащими къ четыремъ или десяти и болѣе различнымъ зуку. Тѣмъ не менѣе, каждый малаецъ знаетъ съ точностью, къ какому зуку онъ принадлежитъ, зовется его именемъ и повинуется *единственно* предписаніямъ, даваемымъ *его* старѣйшинами. Правленіе надъ членами каждаго зуку въ деревнѣ выполняется пангулу или главою зуку, достоинство котораго наслѣдственно. Всѣ пангулу извѣстной деревни образуютъ деревенское правленіе, а всѣ пангулу округа—окружное. За пангулу слѣдуетъ по рангу пангулу ветьилъ или малый пангулу. Изъ различныхъ родовъ зуку только въ одномъ достоинство пангулу наслѣдственно; остальные имѣютъ право для обезпеченія своихъ интересовъ избирать каждый своего малаго пангулу, который долженъ заботиться исключительно о дѣлахъ своего рода. Въ Падангскихъ горныхъ областяхъ часть земли составляетъ

---

[1]) См. статью въ „Indiche Gids“, October, 1880 „Объ исторіи поземельной собственности на Явѣ“, стр. 674.

[2]) J. J. de Hollander, Land-en Volkenkunde van Nederlaandsch Oost-Indië, 1874.

собственность отдѣльныхъ семействъ, другая часть—собственность отдѣльнаго зуку, третья принадлежитъ кампонгу или деревнѣ, четвертая—округу или соединенію кампонговъ. Нечего и говорить, что въ обладаніи семействъ находятся исключительно рисовыя поля и другія обработанныя мѣста, а также дома, плодовыя деревья и тому подобная интенсивная трудовая собственность. Собственность зуку составляютъ близлежащія заросли, равнины и такъ называемыя поля alangalang, т. е. пустоши, гдѣ каждый можетъ свободно охотиться, брать дрова, собирать естественныя произведенія, пасти свой скотъ и т. под. Съ согласія пангулу, земля эта можетъ поступать подъ обработку въ срочное пользованіе отдѣльныхъ лицъ. Собственность кампонга или деревни естественно составляютъ всѣ недвижимыя имущества, имѣющія чисто мѣстный характеръ и связующія въ одно территоріальное цѣлое нѣсколько различныхъ зуку, входящихъ въ одинъ кампонгъ: таковы дороги, площади, рыночныя и купальныя мѣста въ кампонгѣ, бали, (общественныя зданія), мечети и мѣста, находящіяся подъ ними, водопроводы для орошенія рисовыхъ полей, если только нельзя придать имъ при помощи плотины особыхъ направленій. Собственность округа или нѣсколькихъ кампонговъ состоитъ изъ слѣдующихъ имуществъ: отдаленные крупные лѣса и новь, гдѣ каждый имѣетъ право охотиться, сбирать естественныя произведенія и даже занять часть земли и сдѣлаться ея временнымъ владѣльцемъ, съ вѣдома и согласія пангулу, въ области коего она находится, далѣе, избранныя мѣста для водопоя буйволовъ, ручьи и рѣки, въ которыхъ ловля рыбы для всякаго свободна, мѣста для собиранія сѣры и употребленіе теплыхъ ключей въ сосѣдствѣ съ ними». Въ этомъ разграниченіи правъ на землю и на другое недвижимое имущество между различными коллективными единицами собственниковъ, начиная отъ округа и кончая семействомъ, мы встрѣчаемъ прекрасный примѣръ пространственнаго расположенія историческихъ пластовъ все болѣе и болѣе частныхъ правъ на землю, по мѣрѣ распаденія первоначальнаго племени на отдѣльные округи, кампонги, зуку и селенія. По всей вѣроятности, все пространство страны первоначально было занято сообща всѣмъ мѣстнымъ племенемъ, и лишь постепенно обособились различныя подраздѣленія его, каждое на своей отдѣльной территоріи, со все большею интенсивностью правъ на землю отдѣльныхъ группъ каждаго изъ нихъ. Въ то время, какъ внутри одной большой общины происходитъ все бо́льшее и бо́льшее обособленіе отдѣльныхъ частей общей территоріи, другія части той-же территоріи продолжаютъ поддерживать связь цѣлаго, и, такимъ образомъ, объясняется единовременное существованіе различныхъ классовъ собственности. Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе живучимъ ея типомъ является

совмѣстная собственность кампонга, и что рано или поздно, подъ давленіемъ потребностей осѣдлаго земледѣлія, она поглотитъ собою собственность отдѣльныхъ зуку, разбросанную по всей странѣ, и сольетъ самые зуку въ одну мѣстную политическую и экономическую организацію.

Очевидно сходныя съ только что описанными общественныя учрежденія и отношенія собственности на землю различныхъ родовъ встрѣчаются, по словамъ Ковалевскаго [1]), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи. «Родовые союзы изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ, владѣющихъ сообща десятками квадратныхъ миль, еще, правда, далеко не рѣдкость; но подраздѣленія этихъ союзовъ, такъ называемые токсъ, берри и путти состоятъ другъ съ другомъ лишь въ слабой связи. Каждая путти (подобно каждому зуку) имѣетъ свое самоуправленіе, выбираетъ свободно своего старшину (лумбердаръ), платитъ отдѣльно отъ другихъ подраздѣленій падающую на нее сумму государственныхъ сборовъ, производитъ взиманіе ихъ и раскладку между своими членами, связанными другъ съ другомъ круговою порукою. Каждый изъ членовъ путти получаетъ свой надѣлъ изъ однихъ только земель послѣдней. Всѣ вмѣстѣ владѣютъ общимъ выгономъ и другими угодьями, независимо отъ членовъ остальныхъ путти. Не слѣдуетъ думать однако, что между обособившимися такимъ образомъ вѣтвями одного рода не существуетъ больше никакой связи. Послѣдняя не обнаруживается, правда, при нормальномъ ходѣ дѣлъ въ предѣлахъ каждой путти, пока эти дѣла касаются интересовъ лишь отдѣльныхъ членовъ послѣдней; за то, какъ только тѣ или другія *чрезвычайныя* обстоятельства вызываютъ въ средѣ той или другой путти явленія прямо затрогивающія интересы всѣхъ членовъ рода, созданная единствомъ происхожденія и продолжительною жизнью сообща связь высшихъ подраздѣленій рода съ низшими и всѣхъ между собою выступаетъ съ прежнею силой, не только допуская, но даже требуя *участія* всѣхъ членовъ рода въ *мѣстныхъ* дѣлахъ отдѣльной путти. Всего чаще такое вмѣшательство имѣетъ мѣсто при несостоятельности того или другаго изъ территоріальныхъ подраздѣленій рода въ уплатѣ суммы правительственныхъ сборовъ. Чтобы избѣжать наступающей въ этомъ случаѣ, въ силу закона, принудительной продажи части принадлежащихъ имъ земель, продажи, конечнымъ результатомъ которой было-бы уменьшеніе занятой родомъ территоріи, индійское право требуетъ распространенія круговой поруки съ членовъ низшаго подраздѣленія на членовъ высшаго, съ членовъ *путти* на членовъ *бери*, съ послѣднихъ на членовъ *токъ* и въ концѣ концовъ на членовъ всего братства —

[1]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе. Москва. 1879, 76, 81.

бяхора. Въ томъ-же смыслѣ должно быть истолковываемо право предпочтительной покупки, въ случаѣ принудительной продажи, участка въ общинномъ имуществѣ отдѣльнаго владѣльца, прежде всего за округомъ, къ которому принадлежитъ продавецъ, а затѣмъ, за слѣдующимъ высшимъ подраздѣленіемъ рода, и пр., такъ, что послѣднимъ изъ рекомендуемыхъ закономъ покупщиковъ можетъ быть самое братство, т. е. родъ во всемъ его составѣ».

Обобщеніе пользованія землею между подраздѣленіями рода, живущими въ двухъ сосѣднихъ или въ одномъ поселеніи, и переходъ таковаго изъ отдѣльнаго въ совмѣстное, повидимому, совершается посредствомъ періодическихъ передѣловъ, имѣющихъ цѣлью уравнять различіе въ плодородіи и въ положеніи отдѣльной собственности каждаго подраздѣленія рода. Такимъ образомъ, съ самаго же начала сколько нибудь прочнаго земледѣлія, территоріальный принципъ получаетъ преобладаніе надъ родовымъ. «Я не долженъ упустить изъ виду», пишетъ въ своемъ любопытномъ отчетѣ о кадастраціи Густнугура въ области Пешавуръ, комиссаръ Джемсъ 17 Апр. 1852 г. [1]), «одинъ крайне оригинальный обычай, до сихъ поръ существующій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; я разумѣю обычай періодическаго обмѣна земель между отдѣльными поселеніями и *ихъ подраздѣленіями* (кунди). Въ нѣкоторыхъ округахъ этотъ обмѣнъ касается только земель; жители одной кунди переходятъ на землю другой и наоборотъ, такъ, напр., въ Сафуръ-Кель и въ Судосъ-Кель; тогда какъ въ другихъ самыя *жилища* переходятъ изъ рукъ въ руки. Послѣднее имѣетъ мѣсто каждыя 5 лѣтъ между жителями слѣдующихъ двухъ поселеній—Пруйгуръ и Тарнахъ, а также между обывателями обѣихъ кунди селенія Кешги».—«Между нѣкоторыми селеніями въ округѣ Юзуфчаль», сообщаетъ въ свою очередь коммисаръ кадастраціи въ той-же области, Лёмсденъ, въ отчетѣ отъ 17 янв. 1853 года, «существовалъ еще недавно обычай періодическаго обмѣна землями и жилищами, обыкновенно каждые 5—7 лѣтъ». Всѣ подобнаго рода обмѣны стали выходить изъ употребленія, начиная съ 1847 г. Прибавимъ еще, что въ послѣднее время обмѣнъ встрѣчается все рѣже и рѣже и вотъ по какой причинѣ: «Съ теченіемъ времени, говоритъ отчетъ о кадастраціи Густнугура, обмѣнъ полей *между* отдѣльными родственными другъ другу *селеніями* началъ встрѣчать нерѣдко сильную оппозицію со стороны заинтересованныхъ лицъ; временные владѣльцы высшихъ по плодородію земель нерѣдко стали отказывать въ уступкѣ ихъ сосѣдямъ, взамѣнъ худшихъ; всюду гдѣ сила и вліяніе были на ихъ сторонѣ, обмѣнъ земель *между селеніями* совершенно прекратился»... Но если обмѣнъ

[1]) М. Ковалевскій. op. cit. стр. 81.

усадьбами также прекратился повсюду, то мѣна участками пахотной земли между владѣльцами одной и той-же общины досел продолжает держаться во многихъ мѣстностяхъ. Земли каждой общины, равно какъ и каждаго изъ подраздѣленій ея—кунди, раздѣлены на извѣстное число надѣловъ, сообразно числу имѣющихся въ общинѣ или въ ея подраздѣленіяхъ общинныхъ владѣльцевъ. Каждый изъ послѣднихъ получаетъ въ свое пользованіе земли, различныя по своему плодородію и способу употребленія. Такъ какъ наиболѣе способные къ обработкѣ участки расположены по теченію рѣкъ или на протяженіи каналовъ для ирригаціи, то, въ интересахъ удержанія равенства надѣловъ, необходимо было предоставить каждому изъ владѣльцевъ равное пользованіе какъ способною къ ирригаціи землею, или такъ называемой *шомура* (отъ шола—рисъ), такъ и не способной къ ней, извѣстной подъ наименованіемъ *хульми*. Вотъ почему, прежде, чѣмъ выдѣлить каждому семейству соотвѣтствующій ему надѣлъ, или такъ называемый *букра*, въ каждой общинѣ производится раздѣлъ всей принадлежащей ей земли на нѣсколько коновъ, смотря по различію въ свойствахъ и производительности почвы, точь въ точь какъ это имѣетъ или имѣло мѣсто въ Россіи и Германіи. Эти коны извѣстны въ Пенджабѣ подъ названіемъ w u n d. Владѣльцы надѣловъ-букра получаютъ участки, одинаковые во всѣхъ конахъ».

Довольно близкую параллель съ только что описаннымъ способомъ пользованія землями въ Индіи представляетъ система передѣловъ земли на Явѣ, о которой, мы въ данномъ случаѣ, не станемъ упоминать во избѣжаніе излишнихъ повтореній [1]. Но не одну параллель, а просто тожество, даже и въ названіяхъ, можно найти между пешаурскимъ способомъ обмѣна земель и сосѣднимъ афганскимъ. Вотъ какъ описывается этотъ послѣдній Эльфинстономъ въ его сочиненіи о Кабулѣ [2]. «Отъ четырехъ сыновей Киса Абдулрешида Серрабуна произошли четыре крупныя подраздѣленія афганцевъ, которыя продолжаютъ до сихъ поръ носить ихъ имена. Афганскія племена суть семьи потомковъ этихъ четырехъ лицъ; каждое изъ нихъ носитъ имя своего непосредственнаго родоначальника. Можно допустить, что пока число семействъ было мало, они всѣ состояли подъ управленіемъ своего общаго родоначальника; но какъ только число ихъ увеличилось, они раздѣлились на четыре крупныя группы, изъ которыхъ каждая находилась подъ главенствомъ своей старшей вѣтви; когда-же мало по малу нація распространилась по обширной

---

[1] См. мою статью „Община и государство въ Нидерл. Индіи", Отеч. Зап. 1881, мартъ.
[2] H. M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul etc. Lond. 1839, II, 211 и слѣд.

странѣ, и племена одного и того-же дѣленія отдалились на большое разстояніе другъ отъ друга, то связь ихъ ослабѣла, и каждое племя осталось подъ властью своего собственнаго вождя, совершенно независимаго отъ общаго главы расы. Впослѣдствіи каждое племя развѣтвилось на различныя дѣленія, и у наиболѣе многочисленныхъ и разбросанныхъ племенъ эти вѣтви отдѣлились и управляются каждая своимъ собственнымъ независимымъ главою; однако онѣ сохраняютъ общее имя и идею объ общемъ происхожденіи и *предкѣ*. Названіе улуса примѣняется или къ цѣлому племени или къ одной изъ независимыхъ вѣтвей. Слово это, повидимому, означаетъ родъ клановаго общежитія. Улусъ раздѣленъ на нѣсколько вѣтвей, каждая подъ управленіемъ собственнаго главы, который подчиняется главѣ улуса. Эти вѣтви въ свою очередь подраздѣляются на дальнѣйшія группы, такъ что самая послѣдняя изъ нихъ ограничивается всего нѣсколькими семействами. Каждая группа имѣетъ своего главу, подчиненнаго главѣ высшаго дѣленія, къ которому она принадлежитъ. Каждая группа носитъ собственное имя, взятое у ея непосредственнаго предка. Глава улуса именуется ханомъ и избирается всегда изъ старѣйшей семьи улуса. Право выбора принадлежитъ иногда эмиру, иногда самому народу. Глава подчиненныхъ дѣленій также всегда избирается народомъ изъ старѣйшей семьи; исключеніе составляетъ только самое низшее дѣленіе, въ которомъ превосходство указывается часто самою природою, когда старикъ бываетъ главою 10 или 12 семействъ, образующихся изъ его сыновей и внуковъ.

Внутреннее распредѣленіе земель, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Эльфинстонъ [1]), среди подчиненныхъ вѣтвей племени Юзуфчи и между отдѣльными членами этихъ вѣтвей не было описано; однако оно можетъ быть легко приведено въ извѣстность на основаніи нынѣшняго состоянія собственности въ странѣ Юзуфчи, и, какъ читатель увидитъ, оно заключаетъ въ себѣ весьма своеобразныя учрежденія. Племя Юзуфчи подраздѣлено на двѣ большія вѣтви, Юзуфъ и Мундаръ, занимающія, каждая, особыя области. Полная собственность на землю принадлежитъ каждому клану; каждый изъ клановъ подраздѣлилъ свои земли между хаилами на общемъ собраніи клана и эта мѣра была проведена черезъ всѣ подчиненныя дѣленія. Каждый хаилъ получилъ свои земли въ вѣчное владѣніе, но между своими собственными подраздѣленіями онъ дѣлилъ земли *по жребію* на извѣстное число лѣтъ, съ обязательствомъ вновь обмѣнивать ихъ въ концѣ этого періода на участки другихъ подраздѣленій, такъ чтобы каждое изъ нихъ принимало участіе въ

[1]) Id. II, 13—14 и слѣд.

плодородія или безплодія почвы [1]). Такъ, напр., каждое независимое дѣленіе Каузучи удерживаетъ земли, предназначенныя ему при первоначальномъ передѣлѣ; но подраздѣленія его самого обмѣниваются своими землями по жребію способомъ, который можетъ быть освѣщенъ слѣдующимъ примѣромъ Найкпикгайля, дѣленія ханля Каузучи и клана Аккочи, въ настоящее время независимаго улуса, раздѣленнаго на 6 клановъ. Земли Найкпикгайля раздѣлены на двѣ части, равныя по объему, но не вполнѣ одинаковыя по плодородію. Если жребій упадетъ на половину, которая уже обладаетъ лучшею частью земли, то она удерживаетъ обладаніе ею; но если онъ падаетъ на другую половину, то немедленно происходитъ обмѣнъ (передѣлъ). Обѣ половины улуса сходятся черезъ каждыя десять лѣтъ для бросанія жребія въ деревнѣ, лежащей на границахъ обѣихъ полосъ земли, въ присутствіи множества народа для засвидѣтельствованія церемоніи. Обмѣнъ земель совершается безъ большаго труда и путаницы; каждый кланъ одной половины улуса соединяется въ пару съ кланомъ другой и оба переходятъ на землю каждаго, соединенные такимъ образомъ. Когда жребій опредѣлилъ, что половина улуса удерживаетъ за собою свои прежнія земли, то три клана каждой половины бросаютъ жребій между собою для новаго распредѣленія ихъ доли, которая раздѣляется на три части. Бывали случаи, что половина улуса, обладавшая лучшими участками земли, отказывалась подчиниться старому обычаю метанія жребія; но противъ нея высказывалось столько улусовъ, что она волей не волей должна была уступать и бросать жребій по обыкновенію. Обычай этотъ называется *вайшъ*. Онъ преобладаетъ у всѣхъ юзуфчи, а также у магомеджи. Однако, періодъ, въ теченіи котораго удерживаются въ однихъ рукахъ земли, вездѣ различенъ. Въ Бунерѣ, напр., вайшъ исполняется ежегодно. У юдуновъ, вѣтви юзуфчи, отдѣльныя лица передѣляютъ между собою землю, но вайша между кланами не существуетъ. У отмаункаль, наоборотъ, все племя бросаетъ жребій черезъ каждыя 20 лѣтъ. Среди гундепуровъ въ Дамаунѣ земли также дѣлятся на шесть долей, соотвѣтственно числу клановъ племени, и всѣ кланы бросаютъ жребій относительно порядка, въ какомъ имъ приходится избирать свои доли. Періодъ, въ теченіи котораго возобновляется эта церемонія, не установленъ постояннымъ образомъ, какъ у юзуфчи; но когда происходитъ одинъ вайшъ, въ совѣтѣ племени рѣшается, когда долженъ произойти ближайшій, причемъ срокъ вообще простирается отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. За исключеніемъ уже упомянутыхъ восточныхъ афганцевъ и

[1]) Въ высшей степени важное указаніе на то, что первоначальные передѣлы относятся не къ отдѣльнымъ хозяевамъ, какъ впослѣдствіи, а къ цѣлымъ общинамъ.

двухъ или трехъ клановъ урунчи, никто болѣе не имѣетъ этого обычая. Существуютъ слѣды употребленія его у нѣкоторыхъ племенъ въ Хорассанѣ; но единственный уцѣлѣвшій случай его существованія, дошедшій до автора, относится къ барайчамъ, гдѣ одна деревня по временамъ бросаетъ жребій съ другою деревнею, или отдѣльное лицо съ другимъ, но безъ всякаго вайша среди клановъ.—Такой же обычай, по свидѣтельству Вольнея, существуетъ до настоящаго времени на островѣ Корсикѣ. Повидимому, онъ-же практиковался и древними германцами, какъ на то указываютъ извѣстныя мѣста изъ Цезаря и Тацита.

Главы клановъ Найкпикгайля имѣютъ не многимъ больше власти, чѣмъ самъ глава этого улуса; тѣмъ не менѣе, къ нимъ обращаются по поводу споровъ между отдѣльными лицами, особенно, если послѣднія живутъ въ различныхъ деревняхъ, такъ какъ каждый кланъ, вмѣсто того, чтобы быть собраннымъ въ одномъ мѣстѣ, разбросанъ по различнымъ деревнямъ, въ которыхъ онъ живетъ совмѣстно съ членами другихъ клановъ, причемъ однако всѣ живутъ въ отдѣльныхъ частяхъ поселенія и подъ управленіемъ отдѣльныхъ начальниковъ. Впрочемъ, ни одинъ изъ этихъ начальниковъ не имѣетъ власти, равной власти англійскаго констэбля... Одна часть Галликгайля, одного изъ членовъ Найкпикгайля, живетъ въ настоящее время въ деревнѣ Галлоха, раздѣленной на части между тремя другими кланами. Каждый кланъ живетъ отдѣльно подъ властью своего собственнаго старшины (муширы) и эти части деревни называются *кунди*. Всѣ относящіеся къ одному кунди принадлежатъ къ одному клану, и этотъ кунди, повидимому, *не болѣе связанъ* съ другими кунди той-же деревни, чѣмъ еслибы они жили въ различныхъ частяхъ страны. Муширы каждаго кунди содержатъ публичныя зданія, въ которыхъ ведутся всѣ совѣщанія; сюда же сходятся люди для разговоровъ и для забавы; здѣсь-же они принимаютъ гостей и совершаютъ всѣ общественныя дѣла, не смѣшиваясь съ членами другихъ кунди. Отдѣльныя кунди отъ времени до времени перемѣняютъ свое мѣстожительство.

Въ другомъ мѣстѣ («Еще о братствахъ», Слово, 1881, январь) мы указывали на сходство этихъ кунди съ братствами въ Черногоріи и на Кавказѣ. «Случается», говоритъ профессоръ Богишичъ, «что черногорское братство образуетъ территоріальную единицу, составляя одно или нѣсколько поселеній; но бываетъ и такъ, что братскія кучи (задруги) разбросаны по разнымъ поселеніямъ, такъ какъ рядомъ живутъ члены разныхъ братствъ. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ дѣлахъ они тянутъ къ своему братству, исключая небольшаго числа дѣлъ, когда въ силу естественнаго порядка вещей, необходимо дѣйствовать сообща съ живущими вмѣстѣ (см. выше собственность кампонга), напр. когда нужно устроить дорогу черезъ

село и т. под.» Разселеніе черкесскихъ братствъ въ кавказскихъ горахъ представляетъ подобную-же характеристику.

Сходство, почти тожество древне-мексиканскихъ порядковъ землевладѣнія и разселенія съ только что описанными своею очевидностью просто бросается въ глаза. «Мы встрѣчаемъ у Герреры», говоритъ Морганъ, «упоминаніе о «родствѣ» у ацтековъ, показывающее, что ему были извѣстны группы лицъ, связанныхъ кровными узами. Легко можетъ быть, что онъ говорилъ о родахъ, не умѣя назвать ихъ настоящимъ именемъ. Подобный-же неопредѣленный терминъ «колѣно», употребляемый имъ для обозначенія болѣе обширныхъ группъ, становится для насъ вполнѣ понятнымъ, если мы примѣнимъ его къ «братству». Мы узнаемъ отъ того-же писателя, что Мексико раздѣлялся на четыре квартала, изъ которыхъ каждый былъ занятъ однимъ колѣномъ, или группою людей, находящихся въ родствѣ болѣе близкомъ, чѣмъ по отношенію къ обитателямъ другихъ кварталовъ. По нашему мнѣнію, такой фактъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что жители одного квартала, считавшіеся всѣ въ родствѣ между собою, составляли братство. Это предположеніе подтверждается дальнѣйшимъ показаніемъ Герреры, что кварталы раздѣлялись на болѣе мелкія подраздѣленія, связанныя родствомъ. Такія подраздѣленія будутъ для насъ вполнѣ понятны, если мы признаемъ въ нихъ роды. Подобные-же кварталы, съ такимъ-же родственнымъ населеніемъ, мы видимъ у тласкаланцевъ, сосѣдей и союзниковъ мексиканцевъ... Наше объясненіе получитъ еще большую силу, когда мы увидимъ, что и римскія и греческія племена селились въ городахъ такимъ же точно порядкомъ... Испанскій писатель Клавигеро замѣчаетъ, что «земли, составлявшія въ Мексико собственность городскихъ и сельскихъ общинъ, раздѣлялись на столько участковъ, сколько въ городѣ было частей, и каждая часть города владѣла своимъ участкомъ *независимо* отъ прочихъ. Эти земли не могли быть отчуждаемы ни въ какомъ случаѣ». Въ каждой изъ этихъ общинъ мы должны признать родъ, прикрѣпленіе котораго къ землѣ на правѣ общаго владѣнія было естественнымъ послѣдствіемъ родовой общественной системы».

Общій выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ предъидущаго описанія порядковъ землевладѣнія и разселенія различныхъ родовыхъ группъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Такъ какъ одноименныя родовыя группы разбросаны по всему пространству страны, а разноименныя живутъ совмѣстно въ однихъ и тѣхъ-же поселеніяхъ, то поземельная собственность и общественная власть пріобрѣтаютъ совсѣмъ особенный характеръ. Поземельная собственность при этомъ харак-

теризуется тѣмъ, что она есть общая для наиболѣе близкихъ родственниковъ, живущихъ часто на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, хотя и находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою [1]). Съ другой стороны, таже собственность есть частная для болѣе отдаленныхъ родственниковъ, живущихъ по сосѣдству другъ съ другомъ, но соединенныхъ между собою гораздо менѣе прочною связью. Такимъ-же образомъ общественная власть старѣйшины каждой отдѣльной родовой группы простирается на всѣхъ членовъ этой группы во всей странѣ, и въ то же время не простирается на членовъ разноименной группы, живущей по сосѣдству. Такое странное сочетаніе родовыхъ и территоріальныхъ отношеній, совершенно чуждое уму современнаго европейца, является, повидимому, одною изъ интегральныхъ и чрезвычайно важныхъ ступеней въ исторіи развитія общества. Каждый народъ, переходившій отъ кочеваго или бродячаго къ прочному земледѣльческому состоянію, долженъ былъ пройдти чрезъ это смѣшанное состояніе, включающее въ себя одновременно элементы стараго родового и нарождающагося территоріально-политическаго общества.

Разселеніе одноименныхъ родовыхъ группъ по всей странѣ и разноименныхъ по сосѣдству, повидимому, имѣетъ причиною особенности родоваго склада бродячаго общества. Въ этомъ послѣднемъ дѣти обоего пола обыкновенно слѣдуютъ за матерью, а мужъ идетъ въ родъ жены или женъ. «Отецъ, говоритъ Грей [2]), женится на многихъ женщинахъ, и часто всѣ онѣ различныхъ семействъ, такъ что дѣти постоянно распредѣляются между ними; онѣ не соединены между собою никакою общею нитью союза, и достаточно одного этого обычая, чтобы воспрепятствовать этому народу когда-либо вырваться изъ состоянія дикости. Туземецъ даетъ рожденіе потомству совершенно иного семейнаго имени, нежели онъ самъ, такъ что *одинъ* и тотъ-же *округъ* страны никогда *не остается* въ теченіи двухъ послѣдовательныхъ поколѣній *за однимъ* и тѣмъ-же *семействомъ*». Подобные обычаи при переходѣ къ полуосѣдлому земледѣлію естественно приводятъ къ скопленію разноименныхъ группъ въ однихъ мѣстахъ и къ разбросанности одноименныхъ группъ по всей странѣ, а отсюда уже,

---

[1]) „По словамъ священника Терентьева, у лопарей сохранились еще слѣды родоваго быта, главнымъ образомъ въ ихъ пользованія рыбными и звѣриными угодьями. Всѣ ихъ рѣки, озера, лѣсныя угодья и т. под. раздѣлены искони между родами, съ правомъ каждому роду по наслѣдству владѣть извѣстными участками, такъ что каждому изъ нихъ досталось по нѣскольку участковъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Этимъ обстоятельствомъ по его мнѣнію объусловливается кочевая жизнь лопарей". А. Я. Ефименко. Юрид. обычаи лопарей, op. cit. 55.

[2]) Grey. Two expeditions in Australia, II, 233 и слѣд.

какъ послѣдствія, вытекаютъ всѣ остальныя особенности имущественнаго и политическаго строя означеннаго переходнаго состоянія общества. Таковы передѣлы земли между разноименными сосѣдними группами, совершающіеся въ то время, когда границы недвижимой собственности болѣе крупныхъ родовыхъ дѣленій установились уже неподвижно (см. Афганистанъ). Таково же самостоятельное родовое правленіе каждой изъ сосѣднихъ группъ, ведущее мало по малу къ соединенію всѣхъ старѣйшинъ мѣстности въ одно коллегіальное правительственное учрежденіе. Таково-же, далѣе, непрерывное перемѣщеніе одноименныхъ родственниковъ изъ одной общины въ другую. Но подобное общественное состояніе очевидно не можетъ быть долговѣчнымъ, если ему не благопріятствуютъ самыя условія природы, напр. большое плодородіе почвы, изолированное островное положеніе и т. под. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ, по мѣрѣ того, какъ экономическія потребности все болѣе и болѣе прикрѣпляютъ земледѣльца къ одному мѣсту, сосѣдскія, территоріальныя отношенія пріобрѣтаютъ все большее преобладаніе надъ отношеніями родовыми, и, сообразно этому, перестраивается на новыхъ началахъ вся общественно-экономическая организація. Земли разноименныхъ сосѣдскихъ группъ при посредствѣ передѣловъ сливаются въ одно цѣлое, территоріальная политическая власть замѣняетъ родовую, мужъ, привязанный къ землѣ, перестаетъ ходить въ родъ жены, а беретъ ее въ свой родъ, бракъ становится болѣе постояннымъ, происхожденіе дитяти отъ отца дѣлается извѣстнымъ, и мужская филіація вступаетъ на мѣсто женской, какъ въ наслѣдованіи имущества, такъ и въ наслѣдованіи должностей и занятій. Остальное додѣлываетъ устанавливающаяся, при новыхъ условіяхъ, форма раздѣленія труда между полами, при которой на долю женщины упадаютъ одни домашнія работы и соединенное съ ними угнетенное положеніе въ обществѣ. Таковы, по нашему мнѣнію, главныя причины замѣны женской филіаціи мужскою, а также и возникновенія болѣе постоянной формы брака, постепенно переходящей изъ полигамической въ моногамическую.

ГЛАВА IX.

Общія понятія о происхожденіи обмѣна. Отсутствіе правильной идеи объ обмѣнѣ и о раздѣленіи труда у первобытныхъ народовъ. Военные атрибуты первоначальнаго обмѣна. Обмѣнъ, производимый общественною властью. Злоупотребленія представителей этой власти. Непосредственный обмѣнъ и его неудобства. Возникновеніе денежнаго обмѣна. Ссуда гвоздей, скота и пр.

«Раздѣленіе труда внутри общества», говоритъ К. Марксъ [1]), «и соотвѣтственное ограниченіе индивидуумовъ спеціальными сферами занятій, развивается изъ противоположныхъ точекъ отправленія. Внутри семейства и развившагося изъ него племени возникаетъ естественное дѣленіе труда изъ различій возраста и пола, слѣдовательно на чисто физіологической основѣ, которая расширяетъ свой матеріалъ по мѣрѣ расширенія общежитія, увеличенія народонаселенія, и, особенно, по мѣрѣ столкновенія между различными племенами и порабощенія одного изъ нихъ другимъ. Съ другой стороны, обмѣнъ продуктовъ возникаетъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе различныя семейства, племена, общины, такъ какъ не отдѣльныя лица, а семейства, племена и пр. выступаютъ въ началѣ культуры самостоятельно одни противъ другихъ. Различныя общины находятъ неодинаковыя средства производства и жизненные припасы въ своей естественной окружности. Именно это естественное различіе и вызываетъ при соприкосновеніи общинъ обмѣнъ взаимныхъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное превращеніе этихъ произведеній въ товары. Обмѣнъ не создаетъ различія между сферами производства, а только ставитъ различныя сферы послѣдняго во взаимныя отношенія, и такимъ образомъ превращаетъ ихъ въ болѣе или менѣе зависимыя одна отъ другой отрасли совокупнаго общественнаго производства. Здѣсь возникаетъ общественное дѣленіе труда при посредствѣ обмѣна первоначально различныхъ, но само-

---

[1]) **Das Kapital. Hamburg 1867, 335—6.**

стоятельныхъ одна относительно другой сферъ производства. Тамъже, гдѣ исходнымъ пунктомъ служитъ физіологическое дѣленіе труда, особые органы непосредственно-связаннаго цѣлаго разрѣшаются, разлагаются, — чему даетъ главный толчокъ обмѣнъ товаровъ съ чужими общежитіями, — и становятся самостоятельными до той степени, при которой связь различныхъ работъ выполняется посредствомъ обмѣна продуктовъ, какъ товаровъ. Въ одномъ случаѣ первоначально-самостоятельныя сферы производства лишаются самостоятельности, въ другомъ первоначально-несамостоятельныя пріобрѣтаютъ себѣ самостоятельность».

Что обмѣнъ есть чисто историческое явленіе, развивающееся медленно и постепенно на основѣ общенія труда, доказываютъ тѣ многочисленные, описываемые путешественниками, случаи, въ которыхъ первобытные народы проявляютъ отсутствіе всякаго представленія о раздѣленіи труда и обмѣнѣ. Такъ, напр., получивъ предметъ мѣны отъ европейца, дикарь часто удерживаетъ за собою эквивалентъ этого послѣдняго.

«Условіе, которое слѣдуетъ соблюдать при торговлѣ съ караибами», говоритъ Лаба [1]), «состоитъ въ томъ, чтобы убирать съ ихъ глазъ и немедленно уносить купленную вещь; въ противномъ случаѣ, если-бы имъ пришла фантазія взять ее назадъ, то они сдѣлали-бы это безъ церемоній и не желая отдавать цѣны за полученное ими».

Жители островов Бѣднаго Рыцаря долго отказывались продать экипажу Кука [2]) какое либо изъ своихъ оружій, не смотря на высокую цѣну, предлагаемую имъ за таковое. Подъ конецъ, однако, одинъ изъ нихъ показалъ кусокъ кости, обрѣзанный въ видѣ топора, и согласился продать его за кусокъ матеріи. Ему передали матерію съ судна, но онъ мгновенно отплылъ въ открытое море, увозя съ собою также и топоръ.—Нѣкоторые изъ Нуткасъ, которые явились торговать съ экипажемъ [3]), обнаружили расположеніе къ мошенничеству; они хотѣли уносить товары, ничего не давая въ обмѣнъ за нихъ. Впрочемъ, это случалось довольно рѣдко, и было достаточно основаній сказать, что они вносятъ въ торговлю много благожелательства. Но они такъ живо желали получить желѣзо, мѣдь и всякій иной металлъ, что немногіе изъ нихъ имѣли силу сопротивляться желанію украсть этотъ драгоцѣнный предметъ, если находили къ тому случай.

---

[1]) Labat, op. cit. II, 54. См. также Du Tertre, op. cit. 385 и Rochefort, op. cit. 404.
[2]) Cook, 1-er Voyage, VI, 51.
[3]) Id. 2 Voyage, IX, 392.

«Одинъ изъ обитателей побережій Берингова пролива», говоритъ Бичи [1]), «прибывшій къ кораблю въ каюкѣ, получивъ немного табаку, который былъ ему предложенъ за копье, рѣшился не отдавать ни того, ни другого; и какъ ни старались получить отъ него назадъ захваченную имъ вещь угрозами, чтобы не поощрять дальнѣйшей навязчивости, но все это было безуспѣшно.

Впрочемъ, на ряду съ приведенными фактами, встрѣчаются и противоположные имъ, указывающіе на существованіе болѣе ясныхъ представленій о характерѣ обмѣна. «Однажды», говоритъ Сноу [2]), «я былъ въ вигвамѣ у жителей Огненной земли, напрасно стараясь купить одно изъ ихъ каное. Въ это время я увидѣлъ новый колпакъ, только что конченный однимъ молодымъ человѣкомъ. Желая имѣть что нибудь въ качествѣ образца ихъ способностей, я предложилъ дать нѣсколько пуговицъ за этотъ колпакъ, и покупка была очень скоро окончена. Тогда я передалъ колпакъ одному туземцу, стоявшему около меня; найдя, что колпакъ совершенно новъ и чистъ, онъ попробовалъ положить его себѣ за пазуху,—но крикъ и шумъ, немедленно начавшіеся вокругъ, привели меня въ удивленіе. Я не могъ понять въ чемъ дѣло, пока туземцы своими указываніями и угрозами не дали понять, что дѣло шло о колпакѣ. Думая, поэтому, что собственникъ раскаялся въ своей сдѣлкѣ, я взялъ колпакъ у сосѣда, и былъ готовъ уже возвратить его, какъ сцена мгновенно измѣнилась. Шумные и сердитые возгласы превратились въ очевидныя выраженія восхищенія, и мнѣ было дано понять, что колпакъ принадлежалъ мнѣ, а не другому лицу. Иными словами, оказалось, что, по ихъ мнѣнію, сосѣдъ мой, положивъ колпакъ себѣ за пазуху, заявилъ на него право вмѣсто меня, правомѣрнаго собственника, и въ ту минуту, когда они увидѣли, что я снова вступилъ въ обладаніе, они были удовлетворены».

Вторая характеристическая черта первоначальнаго обмѣна — это неумѣніе дикарей отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительной мѣновой стоимости вещи. Первобытный человѣкъ разсматриваетъ пріобрѣтаемую вещь исключительно съ точки зрѣнія ея кажущейся или дѣйствительной полезности, новизны и т. под. качествъ, и готовъ отдать за нее результатъ гораздо большаго собственнаго труда. Вытекая изъ отсутствія идеи о раздѣленіи труда, какъ основы обмѣна, подобныя воззрѣнія дикарей оказываются всюду весьма выгодными для европейскихъ торговцевъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ продукты по цѣнѣ въ нѣсколько разъ низшей противъ дѣйствительной стоимости, иными словами, просто на просто надуваютъ дикарей.

[1]) C. Beechey. Voyage to the Pacific and Beering's Strait. Philad. 1832, 263.
[2]) W. Parker Snow. A two years cruise off Tierra del Fuego. Lond. 1857, I, 347.

«Замѣчательно», говоритъ Лаба о караибахъ [1]), «что они часто предпринимаютъ путешествіе въ опасное время года, единственно съ тою цѣлью, чтобы купить какой нибудь пустякъ,—ножикъ или что нибудь подобное, и что они отдадутъ за этотъ ножъ все, что привезутъ съ собою, тогда какъ не дали-бы и самомалѣйшей части, еслибы, вмѣсто этого ножа, имъ предложили цѣлую лавку товаровъ другого рода... Покупать у нихъ гамаки передъ тѣмъ, какъ они ложатся спать, нечего и думать,—не продадутъ ни за какую цѣну, потому что понимаютъ ихъ значеніе; поутру, совсѣмъ другое дѣло: тогда они не размышляютъ о пользѣ гамаковъ,—предусмотрительность ихъ не на столько велика,—и они отдадутъ вамъ ихъ за всякую цѣну»..

«Каное туземцевъ Новой Гвинеи въ Гумбельдтовой бухтѣ», читаемъ у Спрэя [2]), «оставались около насъ все время, и между экипажемъ судна и туземцами развилась живая мѣновая торговля. На человѣка, незнакомаго съ Южнымъ Океаномъ, производитъ поражающее впечатлѣніе видъ того, какъ дикари отдаютъ за пару кусковъ заржавленнаго желѣза или за нитку бусъ полныя руки оружія или поясовъ, ожерелій и серегъ, свою трудную работу многихъ дней. Цѣлый день шла мѣна, и было замѣчательно, какъ пробуждалась алчность туземцевъ при видѣ нашихъ товаровъ, какъ они были готовы отдать все, чѣмъ обладали, за маленькіе топоры, ножи, бусы или желѣзо. Шумъ и толкотня вдоль судна превосходили всякое описаніе, дикари не только болтали и кричали, но и испускали громкій и рѣзкій шипящій звукъ, который означалъ: «посмотри-ка скорѣй сюда», чтобы привлечь вниманіе экипажа къ ихъ товарамъ. Впрочемъ, вообще, они проявляли въ мѣнѣ большую честность, выставляя свои лучшіе товары на концѣ копья, чтобы получить за нихъ какое нибудь желѣзное кольцо, которое казалось имъ особенно цѣннымъ; сильно искомыми предметами были, сверхъ того, малые топоры и длинные ножи, тогда какъ хлопчатобумажнымъ тканямъ и карманнымъ часамъ, которыхъ пестрые узоры и свѣтлыя краски также привлекли на время ихъ вниманіе, они, повидимому, придавали лишь незначительную цѣнность».

«Сначала вниманіе маркизцевъ возбудили гвозди [3]); они хотѣли имѣть въ обмѣнъ одни только гвозди, и это не потому, что они знали ихъ пользу и употребленіе: единственное назначеніе, какое они дѣлали изъ гвоздей, состояло въ ношеніи ихъ на ушахъ, или въ видѣ

---

[1]) Op. cit. 50, 53—54. См. также Du Tertre, 385.
[2]) W. Spry. Die Expedition des Challenger. Leipz. 1877, 170.
[3]) Marchand, op. cit 420.

украшенія на шеѣ и у пояса. За гвоздями послѣдовали зеркала, за зеркалами свистки, за свистками мелкіе ножи; но увлеченіе каждою изъ этихъ бездѣлокъ было лишь эфемерное; затѣмъ были избраны стеклянные цвѣтные шарики и также въ скоромъ времени подверглись презрѣнію. Лента, кусокъ красной матеріи, какая нибудь игрушка почти всегда получали преимущество надъ топоромъ, пилою или какимъ-нибудь столярнымъ или слесарнымъ орудіемъ, которыхъ народы Великаго Океана ищутъ съ такою алчностью, потому что преимущество этихъ орудій для быстраго выполненія работы не могло ускользнуть отъ ихъ взоровъ и рѣшаетъ ихъ выборъ».

«Туземцы острова Амаката въ каналѣ Св. Георгія предлагали намъ кое-какіе плоды [1]), требуя въ обмѣнъ желѣза, желѣза и желѣза:—таково было слово, выходившее изо всѣхъ устъ, съ такою же алчностью, съ какою европеецъ сказалъ-бы: золота, золота. Гвозди, ножи служили для уплаты за нѣсколько сухихъ коконовъ, прекрасныхъ банановъ, ожерелій, сдѣланныхъ изъ рыбьихъ зубовъ, флейтъ и инструментовъ въ родѣ колокола, которыми они ловятъ рыбу; но рынокъ былъ-бы весьма мало производителенъ для туземцевъ, если-бы у нихъ не было прекрасныхъ раковинъ, которыя оживляли ревность экипажа, и которыя они отдавали за самыя ничтожныя орудія; одинъ островитянинъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ топоръ, и его радость была такъ велика, что онъ испускалъ отчаянные крики, которымъ отвѣчали хоромъ его товарищи».

«Восточные эскимосы Сѣдельныхъ острововъ [2]) очень скоро обнаружили свое желаніе обмѣниваться и проявили значительную хитрость, показавши сначала лишь незначительное количество товаровъ, состоявшихъ, главнымъ образомъ, въ жирѣ, китовомъ усѣ, рыбьихъ костяхъ, тюленьихъ шкурахъ, одеждѣ, оленьихъ кожахъ, рогахъ и моделяхъ судовъ. За это они получили мелкія пилы, ножи, гвозди, жестяные котлы и булавки. Пріятно было видѣть радость и слышать восторженные крики всего общества, когда кто нибудь изъ нихъ вымѣнивалъ товаръ. Никто не обнаруживалъ стремленія перебить что нибудь у другого или проникнуть въ ту часть судна, гдѣ происходила мѣна, пока эскимосъ, ранѣе занявшій тамъ мѣсто, не кончалъ своей сдѣлки и не удалялся. Изъ всего этого слѣдуетъ, что эскимосы живутъ между собою въ добромъ согласіи, что споры о «моемъ» и «твоемъ», которые въ густо-населенныхъ странахъ служатъ основою величайшихъ преступленій, здѣсь не имѣютъ мѣста. Причина та, что общественное устройство этихъ народовъ

---

[1]) Lesson, op. cit. 42.
[2]) Klemm, op. cit. 302 (по Франклину).

похоже на семейный союзъ, и что у нихъ существуетъ извѣстное взаимное уваженіе и терпимость. Ссоръ и дракъ никогда не замѣчали у полярныхъ народовъ, хотя своекорыстіе вовсе не чуждая имъ страсть; но, повидимому, враждебныя наклонности пробуждаются у нихъ и проявляются только относительно иноземцевъ».

«Торговля гренландцевъ [1]) отличается простотою и краткостью. Они мѣняются между собою всѣмъ, въ чемъ нуждаются, и такъ какъ они весьма непостоянны и любопытны, подобно дѣтямъ, то обмѣнъ ведется иными изъ нихъ безъ конца и къ большому вреду для ихъ хозяйства. Они могутъ отдать самую полезную вещь за понравившуюся имъ дурную, а если имъ предложить за дурную вещь, которая имъ нравится, самую лучшую, то они ее не примутъ, желая имѣть непремѣнно то, что имъ нравится».

Внѣшній характеръ первоначальныхъ мѣновыхъ сношеній обнаруживается, съ одной стороны, во враждебныхъ признакахъ той формы, въ которой часто совершаются эти сношенія между различными племенами, а съ другой, въ веденіи торговли главами общинъ и племенъ.

«Когда бразильскіе дикари, говоритъ Марціусъ [2]), желаютъ вступить между собою въ торговлю, то они одновременно снимаютъ свое оружіе и кладутъ его около себя; но какъ только торговля окончена, на что указываютъ извѣстныя, часто повторяемыя съ обѣихъ сторонъ слова, то они немедленно и въ тактъ снова хватаются за оружіе. Очевидно этотъ обычай представляетъ юридическій символъ. Быть можетъ, онъ есть обѣщаніе взаимной дружбы и спокойной оцѣнки въ теченіи мѣны. Но при обратномъ схватываніи оружія въ тактъ, чёрты лица контрагентовъ, повидимому, принимаютъ внушительное выраженіе, какъ будто они хотятъ сказать, что съумѣютъ настоять силою оружія на правильномъ выполненіи договора. Подобныя-же образныя выраженія или знаки сопровождаютъ, кажется, всевозможныя сдѣлки, въ основѣ которыхъ лежатъ правовыя отношенія, какъ и вообще символы являются юридическимъ языкомъ грубаго человѣчества.»

По нашему мнѣнію, источникъ происхожденія описаннаго обычая, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, заключается въ томъ, что торговлѣ между различными племенами долженъ былъ предшествовать взаимный грабежъ, служившій, вѣроятно, первоначальнымъ способомъ ознакомленія съ продуктами сосѣдей. Только долговременная взаимная борьба могла научить дикарей прибѣгать для удовлетворенія взаимныхъ потребностей къ об-

---

[1]) Dav. Crantz. Historie von Grönland. 1770. B. II, 226.
[2]) Marzius, op. cit. 44 и 45.

мѣну на нейтральной почвѣ, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній долговременно сохраняетъ слѣды враждебнаго происхожденія. Въ подтвержденіе справедливости этой точки зрѣнія можно сослаться на всѣмъ извѣстный замкнутый характеръ первобытныхъ общежитій и на тѣ непрерывно продолжающіяся войны, которыя они ведутъ между собою.

Врангель [1]), описывая ярмарку въ Островномъ, на которую собираются главнымъ образомъ русскіе и чукчи, говоритъ слѣдующее: «Поднятіе флага послужило знакомъ открытія ярмарки. Немедленно послѣ этого, чукчи *въ полномъ вооруженіи копьями, луками и стрѣлами*, пришли въ движеніе, приблизились торжественнымъ и хорошо исполненнымъ маршемъ къ крѣпости и поставили свои сани съ товарами полукругомъ передъ крѣпостью. Какъ только прозвучалъ колоколъ, то по всей русской сторонѣ точно прошелъ электрическій ударъ; старые и юные, мужчины и женщины, всѣ бросились въ безумной, пестрой суматохѣ на ряды чукчей. Каждый спѣшитъ прибѣжать къ санямъ первый, выбрать лучшее и повозможности сбыть по выгоднѣе собственный товаръ, которымъ онъ нагруженъ по уши. Самые живые и бойкіе были русскіе; таща одною рукой тяжелый мѣшокъ табаку, въ другой держа пару казановъ, на поясѣ и на плечахъ топоры, ножи, деревянныя и костяныя табачныя трубки, стеклянный жемчугъ и т. под., эти странствующіе склады товаровъ кидаются отъ однихъ саней къ другимъ и, громко крича, провозглашаютъ цѣны своихъ товаровъ, на извѣстной общепринятой ярмарочной терминологіи, смѣшанной изъ русскихъ, чукотскихъ и якутскихъ словъ. Шумъ, давка и толкотня превосходятъ всякое описаніе».

Капитанъ Коцебу [2]) слѣдующимъ образомъ описываетъ способъ веденія торговли между чукчами и чибуками сѣверной Америки: «Чужеземецъ является, кладетъ на берегъ извѣстные товары и потомъ удаляется; тогда является чибукъ, разсматриваетъ вещи, кладетъ столько кожъ рядомъ, сколько считаетъ нужнымъ дать и уходитъ въ свою очередь. Послѣ этого чужеземецъ опять приближается и разсматриваетъ предложенное ему; если онъ удовлетворенъ этимъ, онъ беретъ шкуры и оставляетъ вмѣсто нихъ товары; если же нѣтъ, то онъ оставляетъ всѣ вещи на мѣстѣ, удаляется вторично и ожидаетъ придачи отъ покупателя. Такъ идетъ вся торговля глухо и молчаливо, и здѣсь чукчи покупаютъ шкуры для торговли съ русскими». На Фернандо-По, по словамъ Сми-

---

[1]) F. v. Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien etc. Berl. 1834, 273.
[2]) Kotzebue, op. cit. I, 211.

та [1]), по песку протягивается черта, по обѣ стороны которой кладутся предметы обмѣна а въ остальномъ соблюдается описанный выше образъ дѣйствій».

«Странный родъ торговыхъ сношеній» говоритъ Винтерботтомъ [2]), «встрѣчается у одного народа, который живетъ на берегахъ Нигера. Онъ ведетъ дѣла съ купцами изъ земли мавровъ, которые ежегодно приходятъ къ нему, но такъ, что ни покупатели, ни продавцы не видятъ и не обманываютъ другъ друга. Купцы отправляются въ опредѣленное время мѣсяца въ извѣстное мѣсто, гдѣ они вечеромъ находятъ все, что хотятъ купить, главнымъ образомъ золотой порошокъ въ маленькихъ, отдѣленныхъ одна отъ другой кучкахъ. Противъ этихъ кучъ купцы кладутъ все то, что они хотятъ дать за каждый товаръ. Ихъ товары состоятъ изъ кораллов, бусъ, поясовъ и другихъ подобныхъ пустяковъ, которые они оставляютъ, уходя. На другой день негры въ свою очередь являются туда и уносятъ съ собою товары, если они довольны обмѣномъ, или въ противномъ случаѣ уменьшаютъ положенную противъ нихъ кучку золота. Это странное извѣстіе было сообщено какъ дѣйствительный фактъ кавалеромъ Де-ла-Тушемъ, состоявшимъ въ должности вице-губернатора въ Гореѣ въ 1788 году,—г. Вадстрому во время его пребыванія тамъ, и подтверждено нѣсколькими лицами, бывшими тогда также въ Гореѣ, и собственными глазами видѣвшими жизнь внутренней страны. Извѣстіе это въ точности совпадаетъ съ однимъ мѣстомъ у Плинія, гдѣ этотъ писатель описываетъ, какъ народъ, называемый имъ серы, поступаетъ въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами и между прочимъ говоритъ: «если обмѣнъ имъ нравится, то они уносятъ положенные рядомъ съ продаваемыми предметами товары на противоположномъ берегу (Fluminis ulteriore ripa merces positas juxta venalia tolli ab his, si placeat permutatio).»—Заслуживаетъ также упоминанія, что прежде между индійцами Нью-Фоунлэнда имѣла мѣсто подобная-же торговля. «Въ прежнія времена», говоритъ Картрайтъ въ своемъ «Путешествіи въ Лабрадоръ», «вблизи Бонависты жителями тамошней гавани велась выгодная торговля. Они имѣли обыкновеніе класть всевозможные товары на извѣстное мѣсто, гдѣ находились индійцы; въ чемъ они нуждались, то они выбирали и за то оставляли мѣха. Но разъ не подалеку отъ склада спрятался разбойникъ и застрѣлилъ одну женщину, когда она только что собиралась выбрать то, что ей наиболѣе нравилось. Съ этого времени они всегда держали себя враждебно по

---

[1]) I. Smith, 203 см. Zeitschr. f. Allgem. Erdkunde, II, 243, Bemerkung.
[2]) Winterbottom, op. cit. 230 и слѣд.

отношенію къ европейцамъ».—Въ описаніи посольскаго путешествія, предпринятаго въ 1721 году коммодоромъ Стеартомъ въ Меквинецъ, встрѣчается извѣстіе, относящееся къ подобному-же роду торговли, которое содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Они посылаютъ (изъ Марокко) также караваны въ Гвинею. Тамошніе города, съ которыми они состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ, носятъ всевозможныя имена, напр. Томботу, Нигеръ или Черная рѣка и т. под. Товары, которые они возятъ въ Гвинею, заключаются въ соли, каури, обработанномъ шелкѣ, около 500 штукъ англійской матеріи и всевозможныхъ шерстяныхъ мануфактурныхъ товарахъ, которые приготовляются въ Берберіи. Самый важный изъ этихъ товаровъ есть, какъ авторъ слышалъ, соль, туземцы натираютъ себѣ солью губы, которыя, за недостаткомъ ея, сильно портятся и начинаютъ гнить... Когда караваны оттуда идутъ назадъ, они везутъ съ собою множество золотаго песку, страусовыхъ перьевъ, слоновыхъ клыковъ и рабовъ негровъ, которые принадлежатъ въ собственность императору. Родъ и способъ, какимъ ведутся торговыя сношенія въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ странъ, достаточно страненъ. Купцамъ вовсе не приходится видѣть тѣхъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю. Они переходятъ черезъ рѣку, ставятъ соль въ кружкахъ на обычномъ мѣстѣ и снова удаляются. Тогда являются покупатели, высыпаютъ соль и за нее всыпаютъ въ кружки столько золотого песку, сколько, по ихъ мнѣнію, соль стоитъ. Если мавры довольны этимъ, то они берутъ золото; въ противномъ случаѣ они переворачиваютъ кружку и снова уходятъ. Потомъ они находятъ или больше золота или возвращенную имъ соль» [1]).

Слѣдующая цитата, заимствованная нами у Раффенеля [2]), а имъ почерпнутая, изъ **Navigations d'Alouys de Ça Damosta**, доказываетъ существованіе того-же обычая у жителей страны, сосѣдней съ африканскою страной Мелли и отдѣленной отъ этой страны *большою водою*. «Относительно этой воды мы не могли узнать, сладка́-ли она, или солона, т. е. рѣка-ли это, или море. Но авторъ думаетъ, что это была рѣка; если-бы это было море, то здѣсь не стали бы съ опасностью для жизни отъ невыносимаго жара переносить на головѣ соль,—которую эти черные не умѣютъ перемѣщать иначе, не владѣя ни верблюдами, ни другими животными. Подумайте только, какое множество людей требуется на носку этой соли, и какъ велико число тѣхъ, которые пользуются ею. — Но разъ соль прибыла на эту воду, они поступаютъ

---

[1]) См. подобные-же факты въ статьѣ М. Кулишера „О происхожденіи и развитіи торговли", „Слово" 1878.

[2]) Raffenel. Nouveau Voyage dans le pays des nègres. Paris. 1856, I, 194—195.

слѣдующимъ образомъ: владѣльцы соли дѣлаютъ изъ нея кучки; послѣ этого всѣ, принадлежащіе къ каравану, удаляются на полдня, уступая мѣсто другому роду черныхъ, которые не хотятъ ни допустить себя видѣть, ни говорить, и являются на большихъ баркахъ, какъ будто-бы они шли съ острова, и потомъ пристали къ землѣ. Прибывшіе на баркахъ увидавъ соль, кладутъ извѣстное количество золота противъ каждой кучи, и удаляются, оставляя и золото и соль; по отъѣздѣ ихъ возвращаются принадлежащіе къ каравану и берутъ золото, если его количество достаточно; если же нѣтъ, то они оставляютъ его съ солью. Затѣмъ возвращаются прибывшіе на баркахъ, берутъ ту кучу соли, которую нашли безъ золота, и прибавляютъ, если хотятъ, золота у другихъ кучъ соли, или же оставляютъ соль. Подобнымъ образомъ они ведутъ мѣну этимъ товаромъ одни съ другими, не видя другъ друга и не говоря, вслѣдствіе древняго обычая, который, хотя и кажется весьма страннымъ, но провѣренъ авторомъ на основаніи показаній многихъ купцовъ, какъ арабовъ, такъ и азанаговъ, и сверхъ того, авторъ самъ видѣлъ лицъ, на слова которыхъ можно было положиться съ достаточною увѣренностью.—Авторъ спрашивалъ у названныхъ выше купцовъ, какъ могло быть, что король Мелли, столь великій и могущественный государь, не нашелъ средства узнать насильно или добровольно, что это за родъ людей, которые не хотятъ позволить ни видѣть себя, ни говорить съ собою. Ему отвѣтили, что недавно одинъ король велѣлъ схватить и доставить къ нему кого-нибудь изъ этихъ людей. Посовѣтовавшись съ другими относительно способа дѣйствій, король постановилъ, чтобы нѣсколько людей, наканунѣ того дня, когда караванъ будетъ временно уходить назадъ, выкопали рвы около того мѣста, гдѣ расположены кучи соли и потомъ легли бы здѣсь въ западню, выжидая, пока снова вернутся черные съ золотомъ къ соли, чтобы немедленно наложить на нихъ руку и привести ихъ въ Мелли. Все это было исполнено отъ начала до конца такъ, какъ желалъ король; было задержано четверо, а остальные спаслись бѣгствомъ; троимъ изъ этихъ четверыхъ дана была свобода, и только одинъ долженъ былъ остаться для удовлетворенія воли короля. Однако никто не съумѣлъ извлечь изъ этого чернаго *ни одною слова* (какіе языки съ нимъ ни употреблялись), а также и заставить его ѣсть, такъ что по прошествіи четырехъ дней онъ умеръ. Этимъ упорнымъ отказомъ онъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ научить черныхъ Мелли молчанію. Другіе же думаютъ, что нежеланіе отвѣчать на предлагаемые вопросы происходило отъ презрѣнья, вызваннаго неодинаковостью обращенія съ нимъ и съ его товарищами. (Léon l'Africain. De L'Afrique et des choses mémorables qui y sont contenues. T. II, p.

365—369)». И такъ, настоящаго смысла этого обычая не понялъ ни король Мелли, ни авторъ Navigations, ни самъ Раффенель, просто потому, что никто изъ нихъ не зналъ другихъ подобныхъ случаевъ.

Читатель согласится съ нами, что приведенные примѣры прекрасно иллюстируютъ антагонистическій характеръ первоначальнаго обмѣна, не утраченный имъ окончательно и въ новѣйшія времена. Имѣя, по всей вѣроятности, своимъ первобытнымъ источникомъ взаимный грабежъ между различными сосѣдними племенами, обмѣнъ и впослѣдствіи продолжалъ всегда служить рѣзкою характеристикою раздѣленія интересовъ, установленія точнаго понятія о «моемъ» и «твоемъ» [1]). Новѣйшій обмѣнъ утратилъ только грубыя символическія формы, указывавшія безъ прикрасъ на его военное происхожденіе, сохранивъ за собою свой исконный враждебный характеръ въ болѣе мягкой формѣ такъ называемаго соперничества личныхъ интересовъ или хозяйственнаго эгоизма. Вотъ почему даже у самыхъ образованныхъ народовъ обмѣнъ между близкими родственниками продолжаетъ считаться вещью неподходящею, источникомъ взаимнаго охлажденія родственныхъ чувствъ, и на сколько возможно, замѣняется дареніемъ. Близкія родственныя связи воспитываются исключительно въ мирной атмосферѣ общенія имуществъ, въ которой обмѣну въ собственномъ смыслѣ нѣтъ ни участія, ни мѣста. Напротивъ, съ чужимъ племенемъ, на чертѣ раздѣленія имуществъ, обмѣнъ представляетъ удобную форму сношеній, связующую мало по малу въ одно относительно мирное цѣлое предварительно враждовавшія племена.

Во избѣжаніе затрудненій, которыя могла-бы представить торговля съ цѣлымъ племенемъ или общиной, живущими еще въ общеніи имущества, завѣдываніе первоначальною торговлей берутъ на себя обыкновенно представители этихъ племенъ и общинъ, ихъ старѣйшины и начальники. При этомъ они сначала входятъ въ торговыя сношенія съ иноземцами исключительно именемъ и въ интересахъ своихъ общежитій, но впослѣдствіи мало по малу присвоиваютъ себѣ право собственности на произведенія своихъ согражданъ. Если торговыя связи оказываютъ громадное вліяніе на развитіе частной собственности вообще, то еще болѣе способствуютъ онѣ развитію частной собственности, а вмѣстѣ съ нею, и политической власти старѣйшинъ и окружающаго ихъ высшаго класса общества. Во многихъ случаяхъ торговыя сношенія вызываютъ самое существо-

---

[1]) Первоначальное похищеніе и послѣдующая покупка женъ и рабовъ проходятъ историческія стадіи общаго процесса обмѣна.

ваніе представителей народа и поднимаютъ на значительную высоту такихъ лицъ, которыя еще наканунѣ не пользовались никакою политическою властью въ рядахъ своихъ согражданъ. Въ доказательство всего этого приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Фрезье [1]) описываетъ странный способъ веденія торговли у нѣкоторыхъ индійцевъ Чили, обитающихъ въ андскихъ горахъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ вкусу дикарей. Онъ говоритъ, что испанскіе торговцы, тотчасъ же по прибытіи въ мѣстность, идутъ къ старѣйшинѣ поселенія и дѣлаютъ подарокъ ему и всякому отдѣльному члену его семейства. Послѣ этого старѣйшина приказываетъ бить въ барабанъ, чтобы увѣдомить своихъ разсѣянныхъ согражданъ о прибытіи торговцевъ, съ которыми они могутъ вступить въ сдѣлки. Собравшись около дома старѣйшины, индійцы разсматриваютъ товары, состоящіе изъ зеркалъ, ножей, топоровъ, гребней, иголокъ и тому под. Осмотрѣвши все и сойдясь въ цѣнѣ, каждый уноситъ къ себѣ то, что ему нравится, и уходитъ не платя, такъ что торговецъ отдаетъ товаръ, не зная кому и не видя никого изъ своихъ должниковъ. Наконецъ, когда ему приходитъ время уѣзжать, старѣйшина вторымъ ударомъ въ барабанъ даетъ приказаніе платить, и всякій съ полною точностью приноситъ то, о чемъ онъ сошелся съ торговцемъ.

У Нуткасъ [2]) при прежнихъ сношеніяхъ съ европейцами, старѣйшина торговалъ отъ имени цѣлаго племени; но его приговоры были подвергаемы одобренію нѣкоторыхъ семействъ, изъ которыхъ каждое, повидимому, составляло само родъ подчиненнаго правительства.

Корольки Лоанго [3]) большею частью соперничаютъ съ своими подданными въ торговлѣ, которую они стремятся сполна захватить въ свои руки и монополизировать: королевскія должностныя лица суть необходимые посредники при всевозможныхъ торговыхъ сдѣлкахъ въ Сулимана, въ Локуго и часто въ другихъ мѣстахъ.

«Когда мы однажды остались одни съ королемъ Уганды, Мтезой», говоритъ Спикъ [4]), «я представилъ ему критическое положеніе моихъ людей, прося у него позволенія доставлять имъ ежедневно покупкою необходимые съѣстные припасы; но онъ ограничился, вмѣсто всякаго отвѣта, тѣмъ, что сказалъ мнѣ: достаточно дать ему знать обо всѣхъ нашихъ потребностяхъ, и мы будемъ всегда снабжены всѣмъ необходимымъ въ изобиліи. Вотъ что озна-

---

¹) Speke, Les Sources de Nil, 344.
²) Lafitau, op. cit. 303—304.
³) Bancroft, op. cit. II, 168.
⁴) Waitz, II, op. cit. II, 130.

чало, иными словами, это странное обѣщаніе: не мучьте меня болѣе и отдавайте *мнѣ* прямо въ руки, что у васъ будетъ по части товаровъ; вся Уганда въ вашемъ распоряженіи; берите въ *моихъ* обширныхъ садахъ, что вамъ понравится».

Въ случаѣ торговли съ бразильскими купцами [1]) начальникъ племени является хитрѣйшимъ и опытнѣйшимъ коммиссіонеромъ для прочихъ: онъ заключаетъ торговыя сдѣлки, доставляетъ и получаетъ предметы мѣны, снабжаетъ посланцевъ бѣлыхъ съѣстными припасами, даетъ имъ охрану, если они желаютъ ѣхать черезъ повинующіяся ему области, и заботится о дальнѣйшей отсылкѣ ихъ товаровъ. Но, съ другой стороны, гдѣ уже возникла торговля съ бѣлыми, тамъ духъ предпріимчивости вождя, сдѣлавшагося неограниченнымъ, привлекается преимущественно къ охотѣ за людьми, такъ какъ продажа добытыхъ рабовъ есть источникъ обогащенія. Почти повсюду во внутреннихъ провинціяхъ, гдѣ живутъ еще многочисленныя племена индійцевъ, ведется эта постыдная торговля людьми, и она представляетъ главную причину страшно быстраго уменьшенія индійскаго народонаселенія.

Вотъ въ какихъ мрачныхъ чертахъ изображаетъ южно-американскую торговлю рабами путешественникъ прошлаго столѣтія Гумилла [2]): «По прошествіи нѣсколькихъ дней плаванія (по Ориноко) путешественники встрѣтили цѣлую армію караибовъ, которые только что передъ тѣмъ покончили торговлю съ народцами, настолько нуждающимися въ орудіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенными естественной родительской любви, что отдаютъ караибамъ дочь или сына за топоръ, за ножъ, за четыре нитки стекляруса, такъ какъ видъ этихъ пустяковъ производитъ на нихъ большее впечатлѣніе, нежели нѣжность и слезы жертвъ ихъ жадности. Потомъ караибы продаютъ ихъ голландцамъ, у которыхъ находятся всѣ по уши въ долгу. Плата, которую даетъ голландецъ караибу за раба, состоитъ въ сундукѣ, снабженномъ замкомъ, въ которомъ заключается 10 топоровъ, 10 большихъ ножей, 10 малыхъ ножей, 10 нитокъ бусъ и пр. Караибы, разумѣется, платятъ за рабовъ гораздо дешевле, чѣмъ за сколько продаютъ ихъ голландцамъ. Вообще, со времени утвержденія здѣсь голландцевъ, торговля сдѣлалась главною причиною войнъ, такъ какъ голландцы покупаютъ у караибовъ всѣхъ плѣнниковъ, какихъ найдутъ и постоянно платятъ имъ впередъ».

Въ древнемъ Египтѣ [3]) право вывоза излишняго продукта и сбыта его иноземцамъ принадлежало исключительно правительству, какъ

---

[1]) Marzius, op. cit. 14.
[2]) Gumilla, op cit. II, 260.
[3]) Wilkinson. Manners and customs of ancient Egyptians, 178.

это ясно доказывается продажею хлѣба израильтянамъ изъ государственныхъ запасовъ и сборовъ, производившеюся одними только фараонами; вѣроятно, землевладѣльцы имѣли обычай передавать (?) правительству все остающееся отъ земли при приближеніи каждой послѣдующей жатвы. Любопытно упорное постоянство этого обычая въ Египтѣ, пережившее цѣлыя тысячелѣтія и ясно указывающее на существованіе столь же постоянныхъ для него причинъ, заключающихся въ общественно-экономической организаціи народа. «Одна изъ мѣръ Магомета-Али», говоритъ Люттке [1]), «состояла во введеніи монополіи, по которой феллахи были принуждены продавать всѣ произведенія почвы и своего труда исключительно правительству, по цѣнамъ установленнымъ имъ самимъ, вслѣдствіе чего правительство получало черезъ вывозъ всего этого громадную прибыль, сельское-же населеніе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разворялось».

«Мусульмане Марокко», читаемъ у Мальцана [2]), «отъ природы имѣютъ большую любовь къ торговлѣ и несомнѣнно извѣстныя способности къ ней. Но тираннія императора не даетъ процвѣтанія никакой торговлѣ. Этотъ намѣстникъ пророка выступаетъ самъ въ качествѣ купца, и пользуется своею верховною властью для того, чтобы поддерживать собственныя коммерческія спекуляціи. Такъ, почти всякая выгодная отрасль торговли въ Марокко есть монополія, которую отправляетъ или самъ императоръ, извлекая изъ нея всю прибыль, или отдаетъ на откупъ всѣхъ больше предлагающему и такимъ образомъ отбираетъ себѣ хорошую долю добычи. Табакъ, сѣра и кошениль суть исключительныя монополіи императора, которыя эксплуатируются имъ лично. Торговля скотомъ, воскомъ, пробками и піявками представляетъ монополіи, которыя императоръ сдаетъ въ аренду, получая за то въ годъ сумму около 250,000 гульд. Изъ этой сравнительно небольшой суммы можно сдѣлать заключеніе о низкомъ уровнѣ торговли. Пшеница образуетъ особую монополію, которая черезъ подкупъ достается министру.

У прибрежныхъ малайцевъ сѣверной Суматры [3]) старѣйшины присвоили себѣ естественныя произведенія почвы, имѣющія сбытъ на сторону, такъ что собираніе слоновой кости, камфары, золота и пр. можетъ происходить не иначе, какъ за уплату тяжелой пошлины въ ихъ пользу. Въ области Палембангъ султанъ считается собственникомъ всѣхъ необработанныхъ произведеній, напр. слоновыхъ клыковъ и т. п. Сверхъ того, султанъ удержалъ за собою при-

---

[1]) Lüttke, op. cit. 115.
[2]) Maltzan. Drei Jahre im Nordwesten von Afrika. Leipz. 1863, IV, 130—131.
[3]) Hollander, op. cit. 685.

вилегію продажи самыхъ прибыльныхъ продуктовъ, каковы перецъ, кофе, золото, бензое и другіе, которые должны ему поставляться населеніемъ за весьма низкую цѣну, Но самая тяжелая повинность есть такъ называемый *тибанъ—туконъ*, т. е. обязанность принудительной купли поставляемыхъ султаномъ товаровъ, за опредѣленныя имъ цѣны, которыя превышаютъ дѣйствительную стоимость на 200—400 %; плата должна производится деньгами и продуктами, которымъ цѣна опять таки устанавляется самимъ султаномъ.

Такимъ-же образомъ и бирманскій король, имѣя монополію на главные товары заграничнаго вывоза (хлопокъ, свинецъ, дерево, рубины), и пользуясь прибылью ея на свои личные расходы, покупаетъ ихъ у народа по опредѣленной цѣнѣ и потомъ снова продаетъ купцамъ за наличныя деньги или посылаетъ въ Рангунъ для продажи тамъ [1]).

Правительственная торговля московскихъ царей съ англичанами и другими народами представляетъ еще одинъ извѣстный примѣръ разсматриваемаго нами явленія.

Такъ называемыя регаліи и право сбора пошлинъ съ заграничныхъ товаровъ, по всей вѣроятности, коренятся въ томъ-же самомъ учрежденіи. Во всякомъ случаѣ, извѣстная часть доходовъ начальниковъ первобытныхъ племенъ обыкновенно имѣетъ источникомъ подарки или пошлины за провозъ черезъ страну товаровъ. Слоновые клыки и золото составляютъ, по истинѣ, родъ первобытной регаліи для нѣкоторыхъ африканскихъ корольковъ. Вотъ, напр., что говоритъ Компаньонъ [2]) о пользованіи рудниками въ Бамбукѣ: «Жители этой богатой страны не имѣютъ права обрабатывать во всякое время землю или искать золотыхъ рудниковъ по своему желанію. Этотъ выборъ зависитъ отъ власти ихъ фаримовъ или старѣйшинъ ихъ деревень. Фаримы извѣщаютъ частью, въ пользу публики, частью, въ своемъ собственномъ интересѣ, что рудникъ будетъ открытъ въ такой-то опредѣленный день. Всѣ кто нуждается въ золотѣ, отправляются въ назначенное мѣсто и приступаютъ къ работѣ; другіе носятъ воду, третьи промываютъ металлъ. Фаримъ и старшіе негры стерегутъ золото, которое было промыто и принимаютъ мѣры, чтобы рабочіе не утащили часть его. Послѣ окончанія работы золото дѣлится, т. е. фаримъ начинаетъ съ того, что отбираетъ свой пай, обыкновенно составляющій половину; къ этому онъ прибавляетъ въ силу древняго права, всѣ слитки, превосходящіе извѣстную величину. Работа про-

[1]) A. Bastian. Die Völker der oestl. Asien. Leipz. 1866, II, 199.
[2]) Voyage de Compagnon à Bambouk (Afrique Centrale), Walckenaer. Hist. gén. des Voyages, Paris 1866, T. III, 248.

должается, до тѣхъ поръ пока фаримъ находитъ нужнымъ, и когда она окончена, никто не имѣетъ права дотронуться до розсыпи или рудника». Ниже мы еще скажемъ нѣсколько словъ о той небезвыгодной внутренней торговлѣ, которую ведутъ старѣйшины съ своимъ собственнымъ народомъ посредствомъ ссуды скота, желѣза и т. под.

Разъ установившаяся первоначальная торговля носитъ въ теченіи продолжительнаго времени исключительно мѣновой характеръ. Пестрыя группы различныхъ произведеній обмѣниваются одни на другія въ случайныхъ пропорціяхъ и при болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчахъ различныхъ племенъ, безъ всякаго признака чего либо въ родѣ общаго эквивалента или денегъ.

Отсутствіе отдѣльныхъ профессій и изолированіе племенъ является на Новой Каледоніи [1]) причиною почти полнаго отсутствія обмѣна. Этому не помогаетъ и то, что различныя мѣстности производятъ различные естественные продукты. Есть всего двѣ три мѣстности— Тіуака и особенно Муеу, которыя обладаютъ рынками.

Сѣвероамериканскіе индійцы представляютъ уже шагъ впередъ въ направленіи обмѣна. «Дикіе народы этой страны», говоритъ Лафито [2]), «постоянно торгуютъ одни съ другими. Ихъ торговля имѣетъ то общее съ торговлею древнихъ, что она представляетъ непосредственную мѣну припасовъ на припасы. Всѣ они имѣютъ нѣчто такое, чего другіе не имѣютъ, и торговля обращаетъ всѣ эти вещи отъ однихъ къ другимъ. Таковы: зерновой хлѣбъ, гончарныя издѣлія, мѣха, табакъ, одѣяла, лодки, дикобразы, дикій рогатый скотъ, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, словомъ, все, что только находится въ употребленіи для поддержанія человѣческой жизни».

Въ Бразиліи [3]), гдѣ пробудилась среди дикарей кое-какая культура, извѣстные предметы приготовляются въ запасъ для торговыхъ цѣлей. Такъ, мауге вырѣзываютъ луки изъ краснаго дерева и готовятъ тѣсто гварана; мундруку дѣлаютъ украшенія изъ пестрыхъ перьевъ; жены миранга плетутъ ежегодно значительное число гамаковъ изъ пальмовой древесины, которые доходятъ до дальнихъ индійцевъ Суринама и Эссеквебо. Такъ точно многія племена занимаются разведеніемъ куръ и готовятъ на продажу муку. Всѣ эти предметы не продаются, а обмѣниваются на другіе товары. Ни у одного народца Бразиліи неизвѣстно чего либо служащаго всеобщимъ представителемъ денежной цѣнности, не говоря уже о день-

1) De Rochas, op. cit. 248.
2) Lafitau, op. cit. 332.
3) Dr. Marzius, op. cit. 41.

гахъ; если они обладаютъ металломъ, то употребляютъ его лишь для украшеній. Въ Мексикѣ, какъ извѣстно, еще во времена Ацтековъ бобы какао играли роль монеты, какъ коури въ Остъ-Индіи и Африкѣ. На Амазонской рѣкѣ эти бобы, какъ и сассапарель, ваниль, гвоздика и пр., собираются для торговли съ бѣлыми; но единица не служитъ мѣрою извѣстной цѣнности. Это полное отсутствіе всякихъ денегъ характеризуетъ степень образованія американскихъ туземцевъ. «Вы приходите», говоритъ Монтескье», «къ одному изъ неизвѣстныхъ народовъ; если вы видите монету, то можете успокоиться: вы находитесь въ благоустроенной странѣ».

«Не смотря на весьма ограниченное чувство собственности, эскимосы [1]) поддерживаютъ родъ торговли между собою и для этой именно цѣли предпринимаютъ нѣкоторыя изъ своихъ наиболѣе отдаленныхъ путешествій. Впрочемъ простая любовь къ путешествіямъ можетъ при этомъ имѣться въ виду не менѣе барышей. Для обмѣна служатъ такіе предметы, которые производятся или встрѣчаются только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и которые, тѣмъ не менѣе, считаются почти необходимыми; таковы напримѣръ мыльный камень, лампы и сосуды, изготовляемые изъ него, китовыя кости, китовый усъ, нѣкоторые сорты шкуръ, иногда готовыя суда и каюки, нѣкоторые роды пищи. Въ отдаленныя времена эскимосы переходили, повидимому, въ этихъ путешествіяхъ за свою настоящую южную границу. Въ новѣйшее время было открыто болѣе правильное торговое сообщеніе, при помощи котораго нѣкоторые азіатскіе товары достигали до эскимосовъ среднихъ территорій, быть можетъ, даже до береговъ Дэвисова пролива и Гудсоновой бухты; съ другой стороны, иные сорта товаровъ путешествовали оттуда къ Берингову проливу, причемъ велась только внутренняя торговля между самими эскимосами. Никакихъ сообщеній этого рода, повидимому, не существовало между упомянутыми путями и Гренландіей; но жители различныхъ частей Гренландіи, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ племенъ, всегда поддерживали взаимныя сношенія. Однако даже при существованіи послѣднихъ, взаимная торговля между туземцами врядъ-ли могла дать возникновеніе какой-либо организаціи труда или поощрить какой-либо родъ промышленности, что въ свою очередь могло бы сопровождаться какими-либо результатами для развитія мѣстныхъ мануфактуръ. Каждая община родичей, обладая лодкой и шатромъ, должна доставлять себѣ все необходимое для обезпеченія удобной жизни, исключая немногія произведенія, упомянутыя выше среди главныхъ предметовъ торговли.»

---

1) Rink, op. cit. 9—10.

«Гренландцы [1]) ведутъ торговлю частью между собою, частью съ купцами и съ судовладѣльцами. Въ своей средѣ они устраиваютъ родъ ярмарокъ. Гдѣ только сойдется большое число гренландцевъ, напримѣръ по поводу танцевъ или зимою на такъ называемый солнечный праздникъ, тамъ всегда найдутся люди которые выставятъ на показъ свои товары и заявятъ, въ какомъ товарѣ сами нуждаются... Всего больше они торгуютъ сосудами изъ мягкаго камня, который не вездѣ можно найти. Сверхъ того, такъ какъ южане лишены китовъ, а сѣверяне дровъ, то всякое лѣто съ юга и съ востока страны тянутся изъ-за 100 до 200 миль гренландскія суда къ Диско съ новыми каюками и женскими лодками, съ принадлежащими къ нимъ орудіями; на эти предметы вымѣниваются китовый усъ, кости и жилы китовъ, которые на обратномъ пути снова отчасти продаются. Купцамъ гренландцы продаютъ мѣха лисицъ и шкуры тюленей, всего же болѣе жиръ... За это они получаютъ не деньги, которыя у нихъ не имѣютъ цѣнности, такъ какъ имъ все равно, что ни повѣсить на шею, золотую-ли монету или пфенингъ, бусу или брилліантъ, а разные товары. Деньги и бусы они уважаютъ только за то, что они блестятъ; неоднократно они вымѣнивали украденный испанскій талеръ или гинею за пару зарядовъ пороху или за пачку табаку. Напротивъ, желѣзо тѣмъ болѣе у нихъ въ цѣнѣ, что они могутъ его употреблять въ дѣло. Они пріобрѣтаютъ отъ купцовъ по прочно установленной цѣнѣ желѣзо для стрѣлъ, ножи, пилы, бурава, струги и иголки; далѣе, льняную и хлопчатобумажную матерію, шерстяные чулки и шапки, носовые платки, доски, ящики, деревянныя блюда и жестяныя тарелки, зеркала, гребни, ленты и всякія игрушки для дѣтей. Табакъ, который они нюхаютъ, служитъ у нихъ родомъ ходячей монеты; за всякую услугу, оказываемую ими, они ожидаютъ пачки табаку; табакомъ-же платятъ имъ за портняжью и сапожную работу; иной бѣднякъ охотнѣе продастъ платье съ тѣла и будетъ страдать съ дѣтьми отъ нужды, чѣмъ откажетъ себѣ въ табакѣ. Отъ этой страсти къ табаку нѣкоторыя семейства приходятъ въ такую-же нищету, какъ въ другихъ странахъ отъ спиртныхъ напитковъ, которые для гренландцевъ, къ счастью, слишкомъ дороги».

«Даріенскіе индійцы [2]) ведутъ значительную торговлю кокосовыми орѣхами, кокосовымъ масломъ, кокосами, черепашьей скорлупой, хлопковыми и травяными гамаками, растеніями, слоновою костью и каное изъ дерева кали-кали, которое крѣпче и тверже кедра и

---

[1]) Krantz. 226.

[2]) Dr. Cullen. The Darian Indians (Transact. of tho Ethnol. Society, Lond. 1861, New series, IV).

магогани. Они получаютъ въ обмѣнъ крашеный каленкоръ, рубахи, каленкоровые штаны, зеркала, табакъ, ромъ и водку. Они не хотятъ брать никакой монеты въ обмѣнъ за свои продукты, а также не желаютъ продавать золотого порошка; индійцамъ внутренней страны строжайше запрещено приносить его на берегъ».

«Деньги имѣютъ мало движенія среди туркменовъ [1]); ихъ купли и продажи состоятъ въ мѣнѣ барановъ, верблюдовъ, лошадей и пр. Они не накопляютъ денегъ, и богатство ихъ состоитъ въ верблюдахъ, кобылахъ и лошадяхъ, въ цѣнномъ оружіи, наконецъ, въ украшеніяхъ и въ женскомъ платьѣ».

Слѣдующій разсказъ Камерона [2]) служитъ нагляднымъ указаніемъ того, чего бываютъ лишены люди въ обмѣнахъ, не имѣя постоянной денежной единицы. «Забавно было видѣть, какъ мнѣ пришлось платить наемную плату за лодку на рынкѣ въ Кавеле, на берегу Танганаики. Агентъ Саида требовалъ уплаты слоновой костью, которой однако у меня не было; тогда я узналъ, что Магометъ Ибнъ-Салибъ располагалъ слоновою костью и желалъ имѣть сукно; однако это извѣстіе принесло мнѣ еще немного пользы, пока наконецъ я не услышалъ, что Магометъ Ибнъ-Гарибъ имѣлъ сукно и желалъ имѣть проволоку. Эта послѣдняя у меня, по счастью, была, и такимъ образомъ я далъ Магомету-Ибнъ-Гарибу требуемое количество мѣдной проволоки, онъ передалъ Магомету Ибнъ-Салибу сукно, а этотъ послѣдній далъ агентамъ Саида требуемую слоновую кость; тогда только я получилъ отъ послѣдняго право воспользоваться лодкою».

Первые слѣды употребленія монеты встрѣчаются у народцевъ крайняго сѣвера Америки [3]). У нѣкоторыхъ изъ нихъ обращались вмѣсто денегъ кожи морской рыбы. У другихъ (колумбійцевъ) единицею цѣнности является вообще одѣяло, а также въ широкомъ употребленіи длинная бѣлая раковина съ мыса Flattery, водящаяся на значительной глубинѣ, цѣнность которой зависитъ отъ ея длины. Первобытнымъ орудіемъ обмѣна у чинуковъ была раковина гіаква, доставляемая съ сѣвернаго берега, цѣнность которой также находилась въ зависимости отъ ея длины; со времени торговыхъ сношеній съ бѣлыми къ прежнему ихъ орудію обращенія были присоединены бобровыя шкуры и одѣяла. У индійцевъ Калифорніи единицею обмѣна является раковина allicochick.

Торговля въ древней Мексикѣ [4]) велась не только при помощи

---

1) Fraser, XXXV, 107.
2) V. L. Cameron. Quer durch Afrika. Leipz. 1877, I, 211.
3) Bancroft, op. cit. I, 107—8, 217, 238, 347.
4) Brasseur, op. cit. III, 627.

непосредственной мѣны, но и купли-продажи. Здѣсь существовало нѣсколько сортовъ обращавшихся денегъ, которыми пользовались для покупки, хотя, повидимому, ни одинъ изъ нихъ не былъ подвергаемъ чеканкѣ. Первый сортъ составляли зерна обыкновеннаго какао, называемыя «патлахте» или «патасте», отъ слова «patla»,— мѣнять, обмѣнивать, изъ которыхъ туземцы и въ настоящее время изготовляютъ напитокъ невысокаго качества. Вторымъ сортомъ монеты были куски хлопчато-бумажной матеріи—«натолькуаксли», служившіе исключительно для покупки предметовъ необходимости. Третій сортъ составляло золото въ порошкѣ въ перьяхъ. Четвертый сортъ состоялъ въ кускахъ мѣди, разрѣзанныхъ въ формѣ буквы Г, и служилъ для пріобрѣтенія предметовъ малой цѣнности. Лавокъ въ Мексикѣ не было [1]), но различные мануфактурные и земледѣльческіе продукты привозились для продажи на большіе рынки главныхъ городовъ. Базары повторялись каждые пять дней и были поддерживаемы большимъ стеченіемъ людей, приходившихъ покупать и продавать изо всей сосѣдней страны. Каждому роду продуктовъ отводился особый кварталъ. Многочисленныя сдѣлки совершались безъ всякой путаницы и съ полнымъ соблюденіемъ справедливости подъ надзоромъ должностныхъ лицъ, приставленныхъ для этой цѣли.

Жители Юкатана [2]) занимались торговлею съ особымъ увлеченіемъ. Они перевозили соль, рабовъ и матеріи на землю Улуа и въ Табаско и обмѣнивали ихъ здѣсь на табакъ и каменныя бездѣлушки, которыя были ихъ монетой... Они имѣли еще другой родъ монеты, который приготовлялся изъ красныхъ раковинъ, доставляемыхъ извнѣ и служившихъ сверхъ того для украшенія. На своихъ ярмаркахъ они торговали всѣмъ, что производила ихъ страна. Они давали товары въ кредитъ безъ процентовъ и уплата производилась честно.

На Палаузскихъ островахъ [3]) роль денегъ играютъ камни, черепки стекла, кусочки фарфора или эмали. Такихъ денегъ считается до семи сортовъ; цѣнность ихъ въ торговлѣ опредѣляется, во первыхъ, соотвѣтственно ихъ величинѣ, во вторыхъ, ихъ положенію въ ряду различныхъ видовъ монеты. Денегъ перваго сорта „бракъ“ существуетъ на всей группѣ острововъ всего три или четыре экземпляра; вторымъ сортомъ монеты служитъ „пангунганъ“, красный камень, быть можетъ, яспісъ, который знатныя женщины съ большою гордостью носятъ на шеѣ; третій сортъ денегъ представляетъ „кальбукунъ“,—повидимому, агатъ опредѣленной цилиндрической формы. Таковы деньги высшаго класса, никогда не идущіе

---

[1]) Prescott, op. cit. 69.
[2]) Diego de Landa, op. cit. 126.
[3]) Semper, op. cit. 61.

въ народѣ. Начиная отъ „кальдоира“ всѣ прочіе сорты принадлежатъ обыкновенной торговлѣ, и цѣнность маленькаго „аделоббра“ или „оледонгля“, — оба, повидимому, бѣлые или зеленые куски стекла, — часто недостаточна для того, чтобы купить туземную пачку сигаръ или горсть банановъ. Всѣ эти монеты, имѣютъ тонкое цилиндрическое отверстіе, сквозь которое протягивается нитка, или для того, чтобы носить ихъ на шеѣ какъ украшеніе, или для предохраненія отъ утраты, посредствомъ привязыванія ихъ въ плетеные мѣшки, служащіе для сбереженія всякихъ вещей. Употребленіе описанныхъ родовъ денегъ повлекло за собою попытку контрабанднаго ввоза черепковъ и бутылочнаго стекла, но жители прекрасно умѣютъ отличать свою монету отъ чужой.

Подобная же монета изъ краснаго камня и твердой породы раковинъ извѣстна среди многихъ индійскихъ племенъ Сѣверной Америки [1]). Она называется „вампунъ“ [2]) и нанизывается подобно ожерелью. Въ прежнее время эта монета служила орудіемъ мѣны, но когда индійцы ознакомились съ цѣнностью металловъ, то она почти перестала обращаться, какъ монета, и цѣнится только какъ украшеніе. Бѣлые пробовали поддѣлывать эту монету, но не могли ввести въ заблужденіе индійцевъ, откуда и произошла поговорка: „ни еврей, ни чортъ не могутъ поддѣлать индійской монеты“. Для приготовленія своихъ вампуновъ индійцы употребляли гвоздь, укрѣпленный въ кускѣ дерева, который вращали на раковинѣ, пока кусокъ ея не отдѣлялся отъ главной массы; очевидно, что подобный процессъ требовалъ весьма значительнаго труда.

«Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого разнообразія монетъ и орудій обращенія, какъ въ Африкѣ. Торговля есть одна изъ главныхъ страстей негра и нельзя оспаривать, что онъ является упорнымъ, прилежнымъ и хитрымъ торговцемъ, какими рѣдко бываютъ представители другихъ народовъ, стоящихъ на раннихъ ступеняхъ развитія, за исключеніемъ развѣ малайцевъ [3]). Особенно выдающимися африканскими торговцами считаются мандинги, которые ведутъ большую часть обмѣна съ странами, лежащими къ сѣверу отъ

---

[1]) Domenech, op. cit. 254.

[2]) Въ новѣйшее время стало извѣстно, что раковина „вампунъ“, кромѣ денежной роли, служила еще у различныхъ сѣверо-американскихъ племенъ для сообщенія извѣстій, съ какою цѣлью въ качествѣ соотвѣтствующихъ извѣстнымъ понятіямъ знаковъ, нашивалась на „поясъ-вампунъ“ и посылалась въ другія племена, причемъ, если извѣстіе важно, то, послѣ прочтенія, вручался собранію и самый поясъ въ подтвержденіе рѣчи посланнаго. Сверхъ того, тѣ же пояса „вампунъ“ служили еще въ родѣ государственнаго архива, содержа въ себѣ описаніе важныхъ событій и тщательно сохраняясь индійцами. См. объ этомъ у Wuttke, Geschichte der Schrift, I, 152—153.]

[3]) Lesson, op. cit. 100.

Сіерра-Леоне. Нѣкоторые изъ этихъ людей являются отъ времени до времени въ Капъ-Костъ-Кастль и въ другіе форты Золотаго берега, пройдя предварительно большую часть Африки. Торговля обыкновенно ведется караванами, подъ начальствомъ особаго старѣйшины, который пользуется почти неограниченною властью надъ отдѣльными членами каравана. Въ нѣкоторыхъ странахъ Дарфура [1]) почти каждая мѣстность имѣетъ особое орудіе мѣны. Къ Борну, кромѣ коури, деньгами являются хлопчато-бумажныя матеріи опредѣленнаго размѣра и рода, въ Логунѣ куски желѣза подковообразной формы, въ Вадаѣ хлопчато-бумажныя матеріи и сукно, тоже самое въ Багирми и дальше къ западу, въ Бонни металлическія, большею частью, мѣдныя кольца, у Понгвесовъ внутри страны Понгво, равно какъ отъ Сенегала до мыса Мезурадо,—желѣзные слитки. На Золотомъ берегу счетъ идетъ на унціи золота и такъ называемыя аки ($^1/_{16}$ унціи).

Желѣзо было первымъ предметомъ, который привлекъ къ себѣ вниманіе туземцевъ. Его полезность для изготовленія орудій войны и земледѣлія заставляла предпочитать его всему, и потому въ скоромъ времени на значительномъ пространствѣ Африки желѣзо сдѣлалось мѣрою, по которой устанавливалась цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ. Извѣстное количество какого нибудь товара, казавшееся неграмъ равнымъ по цѣнности желѣзному слитку, составляло на языкѣ торговцевъ *барру* этого спеціальнаго товара. Двадцать листовъ табаку, разсматривались, напр. какъ барра табаку; галлонъ спирту (или спирту и воды, смѣшанныхъ вмѣстѣ) назывался баррой рому; барра любого товара считалась равною по цѣнности баррѣ всякаго другаго товара. Какъ и повсюду, при этомъ должно было неизбѣжно случаться, что, смотря по рѣдкости или изобилію товаровъ на рынкѣ, соотвѣтственно спросу на нихъ, относительная ихъ цѣнность подвергалась колебаніямъ, такъ что явилась необходимость прибѣгнуть къ соблюденію большей точности. Сверхъ того, количество товаровъ, разумѣемое подъ баррой въ различныхъ мѣстностяхъ, неодинаково. Такъ, напр. ружье, стоющее 20 шилл., продается за 6 барръ, но столько-же барръ табаку продается всего за 4—5 шилл., 20 листовъ табаку составляютъ одну барру, одинъ галлонъ рому стоитъ столько-же. Штука матеріи идетъ въ одной мѣстности за 6, въ другой за 8, въ третьей за 10 барръ. Оцѣнивая свои товары, купецъ складываетъ всѣ свои барры съ приблизительной накидкой, стараясь приспособиться такъ, чтобы *сумма* болѣе дорогихъ барръ была уменьшена *числомъ* болѣе дешевыхъ.

---

[1]) Waitz, op. cit. II, 103.

Впрочемъ, и въ одной и той же странѣ монетная единица отъ времени до времени измѣняется. Такъ Бартъ, въ своемъ путешествіи 1849—55 года [1]), жалуется на утомленіе, какому подвергались его люди въ Кукава, въ Борну, при покупкѣ своихъ еженедѣльныхъ припасовъ, такъ какъ въ то время тамъ не было никакой монетной единицы. Прежняя единица страны, фунтъ мѣди, давно вышла изъ употребленія, хотя названіе ея «ротль» продолжаетъ существовать по прежнему. „Габага" или связка хлопка, которая также была въ обычаѣ въ прежнее время, начала замѣняться коури или „кунгона", которыя были введены скорѣе въ видахъ спекуляціи управляющаго класса, чѣмъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей обитателей, хотя нельзя отрицать, что они очень полезны при покупкѣ мелкихъ товаровъ и гораздо удобнѣе хлопковыхъ связокъ. Восемь коури или „кунгона", считаются равными одной „габага", или 33 кунгона одной „ротль". Далѣе, для покупки болѣе крупныхъ предметовъ здѣсь имѣются рубашки всякаго рода и величины, начиная отъ „дора"— самой короткой и маленькой, совершенно негодной для употребленія и стоющей 6 ротлей, до самой большой, стоющей отъ 50 до 60 ротлей. Но хотя это установленная цѣна, — отношеніе ротля и австрійскаго талера имѣющаго широкое обращеніе въ Борну, подвергается крайнимъ колебаніямъ, вызываемымъ, по всей вѣроятности, спекуляціями правящаго класса, который скупаетъ коури и тѣмъ роняетъ талеръ отъ 100 ротлей или 3200 коури до 40 или 50 ротлей. — Мелкій земледѣлецъ, разъ въ недѣлю приносящій свою пшеницу на рынокъ Кукова, ни въ какомъ случаѣ не хочетъ брать платы раковинами, и рѣдко согласится взять талеръ: поэтому, лицо, желающее купить пшеницу, если имѣетъ только талеры, должно прежде всего размѣнять талеры на раковины или купить раковины; потомъ за раковины оно должно купить „кульгу" или рубашку; и послѣ цѣлаго ряда сдѣлокъ оно можетъ привести къ успѣшному концу покупку хлѣба, будь это пшеница, маисъ или рисъ. Утомленіе, испытываемое отъ этого рода мѣны, такъ велико, что Бартъ часто видѣлъ своихъ слугъ возвращающимися съ рынка въ состояніи крайняго истощенія силъ.

Посѣтивъ въ новѣйшее время народецъ Бонго, путешественникъ Швейнфуртъ [2]) указываетъ на новыя измѣненія въ орудіи мѣны". Желѣзо, пускаемое народцемъ Бонго въ обращеніе, говоритъ онъ, всегда имѣетъ троякій видъ: 1) „меги", т. е. про-

---

[1]) H. Barth. Travels and Discoveries in North and Central Africa. Lond. 1858, II, 310—11.

[2]) Schweinfurth, op. cit. 105.

стой наконечникъ копья отъ 1 до 2 футъ длиною, какъ и у племени Джуръ, 2) „логго-куллути", т. е. черная, грубая лопата и 3) „логго" — отдѣланная лопата, которая въ качествѣ „молоты" нашла такое широкое распространеніе вдоль по теченію Верхняго Нила. „Логго-куллути "это римскій „ассъ" Бонго, центрально-африканскій эквивалентъ нашихъ денежныхъ цѣнностей. Согласно показанію майора Денгама, объѣхавшаго Центральный Суданъ еще въ 1824,—въ Логгонѣ на нижнемъ Шари уже въ то время были въ обращеніи въ качествѣ орудія обмѣна, куски желѣза, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ деньгамъ Бонго, но уже во время Барта, употребленіе ихъ давно пришло въ забвеніе. „Логго-куллути" состоитъ изъ плоской, круглой, въ величину тарелки, желѣзной доски отъ $0._{25}$ до $0._{35}$ метра въ діаметрѣ; съ одной стороны къ ней придѣлана ручка, а съ другой якоревидный придатокъ. Въ этомъ видѣ желѣзо было собираемо *богатыми* въ большихъ количествахъ, и еще въ настоящее время оно служитъ, на ряду съ наконечниками копій и лопатами, въ качествѣ денегъ и условной монеты для производства всякой купли или уплаты за невѣсту.—Только въ новѣйшее время, какъ въ сѣверныхъ частяхъ осмотрѣнной авторомъ мѣстности такъ и въ Бонго, приняла денежную цѣнность и представляетъ любимѣйшій предметъ мѣны—мѣдь. Стеклянный жемчугъ обезцѣнивается съ году на годъ все болѣе и болѣе и продолжаетъ служить исключительно цѣлямъ женскаго тщеславія; уже съ давняго времени онъ пересталъ накопляться и зарываться, подобно драгоцѣннымъ металламъ. Раковины коури, повидимому, были весьма цѣнны и любимы въ древнее время, когда Бонго еще могли вступать по временамъ въ сношенія съ магометанскимъ міромъ черезъ посредство Дембо, граничащаго съ арабами Баггара, родственнаго съ Джуръ племени Шилуковъ; теперь-же они давно уже вычеркнуты изъ списка цѣнныхъ вещей. Такъ какъ золото и серебро, подобно всѣмъ прочимъ металламъ въ магометанскихъ странахъ восточнаго Судана, обрабатываются лишь въ незначительномъ количествѣ, какъ предметъ украшенія, то нельзя удивляться, что они для Бонго остались почти совершенно не извѣстны.

Народы Кимбунды [1]) не знаютъ никакихъ чеканенныхъ денегъ; вмѣсто денегъ они употребляютъ европейскіе продукты, какъ-то: матеріи, водку, ружья, порохъ, различныя фарфоровыя и стеклянныя бусы. и пр. и нѣкоторые туземные продукты: мабала (родъ грубой ткани), крючки, тонкія покрывала и соль. Собственно говоря, они имѣютъ лишь одно мѣрило, которымъ измѣряютъ всѣ товары, даже

---

[1]) Magyar, op. cit. 292.

жидкости, или, скорѣе, опредѣляютъ цѣну всѣхъ товаровъ цѣнностью, соотвѣтствующею этому мѣрилу. Послѣднее относится къ длинѣ; части его суть: науду, бекка и кирана. Науду равняется приблизительно одному локтю или эллю, два науду составляютъ одну бекку, четыре бекка одну кирана. Сверхъ того, науду надраздѣляется на $^1/_4$, $^2/_4$ и $^3/_4$ науду. Но такъ какъ цѣна европейскихъ товаровъ зависитъ не отъ длины только или количества, но также и отъ качества, то для лучшаго пониманія дѣла, необходимо перечислить чаще всего встрѣчающіяся у южно-африканскихъ народовъ произведенія и опредѣлить ихъ различныя цѣны соотвѣтственно принятому мѣрилу, равно какъ установить цѣны дѣлимыхъ и недѣлимыхъ предметовъ, которые не суть матеріи, по отношенію къ матеріямъ. Пять наиболѣе цѣнныхъ тканей означаются у туземцевъ однимъ общимъ именемъ „китакава", другія четыре „фіера". Прочія ткани, какъ, напр., тонкія французскія сукна, шали, платки, хорошей работы украшенія изъ металла и стекла, служатъ въ отдаленныхъ странахъ центральной Африки только для подарковъ князьямъ, и не имѣютъ въ торговлѣ никакого сбыта, такъ какъ грубые народы не умѣютъ ихъ цѣнить и не покупаютъ вслѣдствіе высокой цѣны. Двѣ ткани изъ первыхъ пяти цѣнятся на 100% выше трехъ остальныхъ. Цѣна этихъ послѣднихъ опять-таки на 100% выше цѣны остальныхъ, такъ что 1 бекка первыхъ стоитъ столько-же, сколько двѣ бекки вторыхъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что среди этихъ народовъ, всегда требующихъ за свои продукты по возможности большее количество матерій, купецъ долженъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы давать имъ какъ можно меньше матерій „китакава". Вообще здѣсь менѣе торгуются о мѣрѣ матеріи, чѣмъ о качествѣ и названіи ея. Водка считается бутылками; каждая бутылка оцѣнивается въ двѣ бекки матерій „фіера". Мѣшокъ пороху приравнивается одному эллю тканей фіера. Ружья соотвѣтствуютъ четыремъ кирана, изъ которыхъ половина „китакава", а другая половина „фіера". Пять кремней считается въ одномъ науду тканей „фіера", 10 листовъ бумаги стоятъ столько-же. Бусы продаются большими или меньшими шнурками, и каждый шнурокъ, смотря по качеству, идетъ за 1 науду до 1 кирана матерій „китакава" или „фіера". — Внутренняя торговля народовъ Кимбунда, сравнительно съ ихъ внѣшнею торговлей, весьма незначительна; предметы послѣдней—рыба, рогатый скотъ, овцы, туземные желѣвные крючки. Взрослаго раба или молодую рабыню можно купить за 25—40 эллей различныхъ европейскихъ матерій. Хорошій быкъ стоитъ столько-же, сколько и рабъ. Цѣна козы вдвое выше, чѣмъ овцы, потому что коза употребляется на жертвоприношенія, а овца нѣтъ. За крючки чужіе народцы даютъ

вшестеро больше, чѣмъ свои. Предметами иностранной торговли Кимбунда, самой обширной въ Южной Африкѣ, за уничтоженіемъ торговли рабами, служатъ слоновая кость, носорожьи рога и воскъ. Эти предметы вымѣниваются у внутреннихъ народцевъ на европейскіе товары, и притомъ воскъ прямо и исключительно на эти послѣдніе, кость же и носорожьи рога, частью, на послѣдніе, частью, на рабовъ и на быковъ, смотря по потребностямъ соотвѣтствующихъ народовъ. Есть такіе народы, которые не нуждаются ни въ какихъ европейскихъ товарахъ; отъ нихъ можно добыть слоновую кость и рога только за рабовъ или за быковъ. Торговля постоянно ведется большими караванами.

Насколько означенные факты способствуютъ освѣщенію вопроса о генетическомъ развитіи денежнаго товара, они наводятъ на слѣдующія заключенія. Первоначальными деньгами являются самые цѣнные предметы, служащіе въ видѣ украшеній и очень часто зарываемые, какъ сокровища, въ землю. Первобытные народы обыкновенно цѣнятъ лишь тѣ украшенія, которыя вошли у нихъ въ обычай, и наоборотъ, не придаютъ ровно никакого значенія самымъ красивымъ бусамъ, игрушкамъ и другимъ вещамъ, привозимымъ европейцами, но не имѣющимъ обращенія среди окружающихъ племенъ [1]). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, орудіе обмѣна пріурочивается или къ важнѣйшему предмету мѣстнаго потребленія или къ важнѣйшему предмету ввоза. Низшіе металлы, желѣзо и мѣдь, повидимому, весьма рано пріобрѣтаютъ значеніе орудія обращенія и мѣрила цѣнности. По крайней мѣрѣ, у африканскихъ народовъ, желѣзо не представляетъ предмета, съ которымъ познакомили ихъ европейцы, а съ давняго времени добывается многими народами на мѣстѣ при помощи весьма первобытныхъ способовъ.

Торговля, могущественнѣйшее средство къ созданію неравенства движимаго имущества, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ведется еще совершенно демократическимъ способомъ. Вотъ какъ описываетъ торговлю западной Африки Дю Шаллью [2]): «Различные предметы ввоза и вывывоза передвигаются обыкновенно по рѣчнымъ потокамъ, единственнымъ большимъ путямъ сообщенія страны. Берега заняты цѣлымъ рядомъ различнымъ племенъ. Такъ, напримѣръ мпонгвы занимаютъ устье рѣки и область простирающуюся на нѣсколько миль выше; далѣе ихъ смѣняютъ шекіане, а этихъ послѣднихъ другія племена, по меньшей мѣрѣ, до двѣнадцати, прежде нежели достигнешь горъ Сіерра дель Кристалль. Каждый изъ этихъ народовъ присвоиваетъ себѣ привилегію дѣйствовать въ качествѣ по-

---

1) Philip. Researches in South Africa, II, 131.
2) Du Chaillu. Voyages et aventures dans l'Afrique Equatoriale, 1863, 11—12.

средника относительно смежныхъ съ нимъ, и взимаетъ за свои услуги весьма тяжелую пошлину. Никакое нарушеніе этого права не допускалось подъ опасеніемъ войны. Предположимъ, что какой нибудь негръ внутренней страны, обладающій слоновымъ клыкомъ или кускомъ краснаго дерева, нуждается въ обмѣнѣ ихъ на товары бѣлаго человѣка. Онъ ни за что на рѣшится самъ явиться съ ними на рынокъ. Если-бы онъ имѣлъ такъ мало смыслу, что осмѣлился бы рѣшиться на такое предпріятіе, то его имущество было-бы конфисковано, и самъ онъ, попавши въ руки тѣхъ, монополію которыхъ онъ оспаривалъ, былъ бы приговоренъ къ уплатѣ штрафа или даже проданъ въ рабство. Правила торговли обязываютъ его довѣрить продуктъ кому либо изъ членовъ сосѣдняго племени, болѣе близкаго къ берегу; этотъ въ свою очередь передаетъ его начальнику или пріятелю сосѣдняго племени, и такимъ образомъ слоновая кость или красное дерево проходятъ около дюжины рукъ, пока не достигнутъ до конторы негоціанта на берегу. Естественно, что это усложненіе вредитъ торговлѣ бѣлыхъ, удорожая продукты; но въ этомъ лишь половина зла. Хотя производитель продалъ свою слоновую кость, и предметъ этотъ былъ потомъ перепроданъ около двѣнадцати разъ, но вся эта торговля въ своей основѣ есть ничто иное, какъ коммиссіонная сдѣлка, безъ дѣйствительной уплаты денегъ впередъ. На самомъ дѣлѣ первый владѣлецъ кредитовалъ каждаго послѣдующаго посредника предметомъ своей собственности, не получая въ обмѣнъ никакого соотвѣтствующаго эквивалента, даже косвеннаго. Когда послѣдній владѣлецъ продалъ кость или красное дерево купцу или капитану изъ бѣлыхъ, то онъ начинаетъ съ того, что за свои важныя услуги удерживаетъ изъ цѣны довольно большую пошлину, потомъ остатокъ передаетъ своему ближайшему сосѣду вверхъ по теченію рѣки. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, беретъ себѣ за труды новую коммиссію и передаетъ остатокъ дальнѣйшему сосѣду; такъ, что въ окончательномъ счетѣ, бѣднягѣ, который пустилъ дѣло въ ходъ и послалъ клыкъ, остается лишь самая малость.—Другого рода препятствія оказываются тому, чтобы кто-либо одинъ, болѣе ловкій нежели его собратья, организовалъ въ свою пользу правильное торговое предпріятіе: ни одному члену племени не дозволяется захватывать больше дѣла, чѣмъ сколько приходится на его долю. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному ловкому мпонгве пришло въ голову, что въ коммерческихъ сношеніяхъ честность легко можетъ сдѣлаться лучшимъ правиломъ поведенія; онъ на столько слѣдовалъ этому внушенію, что бѣлые и туземцы внутренней страны въ короткое время довѣрили ему большое количество дѣлъ. Но не не успѣлъ еще онъ стать какъ слѣдуетъ на ноги, какъ другіе на-

чали грозить ему отравою и обвинять въ колдовствѣ; наконецъ, противъ него поднялось такое движеніе, что онъ былъ принужденъ отказаться отъ веденія предлагаемыхъ ему дѣлъ, и, такъ сказать, уйдти отъ торговли, чтобы спасти свою жизнь.»

Однако торговыя сношенія дѣлаютъ свое дѣло, обогащая купеческій классъ въ ущербъ большинству населенія. Всего опаснѣе для послѣдняго въ этомъ отношеніи иностранные купцы. Въ странѣ, жители которой имѣютъ весьма ограниченныя потребности, и гдѣ каждый находитъ вокругъ себя и въ своей собственной дѣятельности средства удовлетворенія ихъ, внутренней торговли почти не существуетъ. Такъ у Сомаловъ [1]) она состоитъ только въ обмѣнѣ небольшаго количества естественныхъ произведеній, собираемыхъ бедуинами, за нѣкоторые товары или продукты, привозимые извнѣ жителямъ берега; часто даже торговля производится непосредственно между бедуинами и иностранными торговцами, которыми обыкновенно бываютъ баніане и евнухи. Въ концѣ сѣверо-восточнаго муссона они собираются во множествѣ въ различныхъ портахъ берега; грузы ихъ состоятъ изъ финиковъ, рису, подбора американскихъ хлопковыхъ матерій грубаго качества, подъ названіемъ «кгами», такъ назыв. индійскаго хлопку «кгами-ель-инди», суратскихъ хлопковыхъ произведеній, табаку и небольшого количества желѣза. Торговцы эти, будучи въ каждомъ портѣ въ небольшомъ числѣ и являясь въ немъ единственными владѣльцами экзотическихъ произведеній, захватываютъ въ свои руки большую часть торговли и имѣютъ полную возможность устанавливать по произволу условія обмѣна. Оттого торговля всегда велась къ большой невыгодѣ бедуиновъ, которые продаютъ свои продукты ниже ихъ дѣйствительной цѣнности и гораздо ниже продажной цѣны, пріобрѣтаемой товарами, по выходѣ изъ рукъ торговцевъ баніанъ и евнуховъ. Эти послѣдніе, не довольствуясь эксплуатаціей своихъ несчастныхъ покупателей въ самый моментъ обмѣна, остаются съ году на годъ хозяевами рынка, устраивая такъ, что въ концѣ каждаго года бедуины являются ихъ должниками..... Средняя относительная цѣнность различныхъ предметовъ, надъ которыми совершаются эти операціи непосредственной мѣновой торговли, слѣдующая: одна фразела [2]) или 20 ретолей гумми соотвѣтствуютъ двумъ фразеламъ рису или финиковъ, 20 локтямъ американской хлопковой матеріи, 30 локтямъ индійской, 1½ или 2 сухимъ бычачьимъ кожамъ или 1 піастру

---

[1]) M. Guillain. Documents sur l'histoire de l'Afrique orientale. Paris, 1855, II, 453—5.

[2]) 1 фразела=20 ретолей, 1 ретоль=442 граммамъ = 16 піастрамъ Маріи Терезіи.

деньгами; цѣнность ладана обыкновенно относится къ цѣнности гумми какъ 1:4. Если сблизить приведенныя цѣнности въ странѣ Самаловъ съ цѣнами, по которымъ товары покупаются на мѣстѣ производства торговцами, ввозящими ихъ, то не трудно судить о громадныхъ барышахъ баніанъ и евнуховъ. Штука ткани, называемой кгами-эль-инди, имѣющая 100 локтей длины, обходится баніанамъ въ $1^1/_2$ піастра, т. е. въ цѣнность, за которую имъ даютъ болѣе 3 фразелъ гумми и 10—13 фразелъ ладану и около 15 ретолей мирры. За мѣшокъ финиковъ въ 120 ретолей, купленный въ Маскатѣ за $1^1/_4$ піастра, они получаютъ три фразелы гумми и количество ладану или мирры, соотвѣтствующее относительнымъ оцѣнкамъ, приведеннымъ выше. Рисъ, просо и другіе предметы ввоза доставляютъ соотвѣтствующіе барыши. Въ то же время текущія цѣны на торгахъ слѣдующія: 1 фразела гумми, смотря по качеству равняется $1^1/_4$—$2^1/_4$ піастра; 1 фразела ладана 1—$1^1/_2$ піастра, 1 фразела мирры—$2^1/_2$—4 піастра.

Однако описанныя вымогательства представляютъ не болѣе какъ шутку, сравнительно съ тѣми, какія дозволяютъ себѣ русскіе торговцы съ сибирскими инородцами. Китайскіе товары, чай, дабы продаютъ наши купцы въ Алтаѣ и на Чуѣ русскимъ подданнымъ калмыкамъ [1]). Чай тамъ цѣнится въ два теленка или въ одного большого барана; большія дабы, купленныя за два чая, продаются за три... Интересна также продажа товаровъ за мелкій скотъ, оставляемый на выростъ у хозяевъ. Теленокъ, напр., купленный за рубль, остается у первоначальнаго хозяина: это ему нужно потому, что корова безъ теленка не даетъ молока; въ четвертый же годъ покупщикъ вытребуетъ этого теленка уже въ видѣ взрослаго быка, такъ что изъ одного рубля у него дѣлается 15 или 20; въ случаѣ же смерти скотины, покупщику уплачивается стоимость теленка, частью, звѣриными шкурами и другими товарами, а, частью, мелкимъ скотомъ, который оставляется у хозяевъ опять на выростъ, такъ что купецъ обираетъ иногда отъ одного чая въ теченіи многихъ лѣтъ скотъ и шкуры въ стоимости нѣсколькихъ быковъ. Такіе же расчеты производятся за товары данные впередъ за осень, за бѣлковыя шкуры и орѣхи. Въ 1860 году Радлоу имѣлъ случай видѣть процессъ, по которому одному торговцу за нѣсколько бѣлковыхъ шкуръ и за два шила, въ общей сложности за *двадцать восемь коп.* присуждено было получить отъ двоеданца, живущаго около рѣки Шибита—*восемдесятъ-одного быка*!

---

[1]) Ядринцевъ, „Нужды и условія жизни рабочаго населенія Сибири". Отеч. Зап. 1877, декабрь, 217.

Исторія долговыхъ обязательствъ вообще представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ страницъ въ исторіи человѣчества. Въ Римѣ и въ Греціи, у кочевыхъ и у рыболовныхъ народовъ долги одинаково служатъ источникомъ неравенства въ состояніяхъ и быстраго разъединенія общественныхъ классовъ. Жаль только, что данныя, относящіеся къ процессу задолжанія народовъ у своихъ начальниковъ, помѣщиковъ, ростовщиковъ и торговцевъ отличаются крайнею скудостью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобнаго задолжанія, которыя намъ удалось найти въ сочиненіяхъ путешественниковъ и другихъ изслѣдователей.

По словамъ Кука [1]), народцы острововъ Товарищества, говорили его экипажу, что до прихода капитана Уаллиса, открывшаго Таити, они такъ высоко цѣнили желѣзо, что одинъ начальникъ на Таити, у котораго было два гвоздя, получалъ отъ нихъ довольно значительный доходъ, ссужая ихъ своимъ соотечественникамъ для пробитія отверстій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ собственныя средства были недостаточны. Отецъ Кантова говоритъ, что старѣйшины Каролинскихъ острововъ также обогатились отъ отдачи въ ссуду гвоздей. Если случайно иностранное судно оставляетъ у нихъ на островахъ какіе нибудь старые куски желѣза, то они принадлежатъ по праву тамоламъ, которые заставляютъ дѣлать изъ нихъ по возможности лучшія орудія. Эти орудія составляютъ фондъ, изъ котораго тамолъ извлекаетъ значительный доходъ, потому что онъ отдаетъ ихъ въ ссуду, и ссуда оплачивается довольно дорого.

Мэнъ въ своей «Early History» [2]) справедливо замѣчаетъ, что ссуда скота племеннымъ старѣйшиною значительно способствуетъ усиленію его власти. Согласно ирландскому Brehon Law вождь долженъ быть прежде всего богатымъ человѣкомъ, и одного богатства часто достаточно для того, чтобы попасть въ вожди. Въ чемъ же должно было состоять его богатство? Роджерсъ говоритъ о землѣ, какъ о самомъ дешевомъ товарѣ въ средніе вѣка. Остаются скотъ, овцы и особенно быки. Поэтому можно думать, что и предметомъ искательствъ у двора былъ болѣе скотъ, нежели земля. Вождь имѣлъ много скота, который получался имъ въ видѣ военной добычи. Сверхъ того, все возрастала его власть надъ пустошью, а чрезъ нее и система раздачи своего скота фермерамъ или членамъ племени вообще. Вотъ что пишетъ Дёгморъ [3]) о наиболѣе передовой расѣ южной Африки, кафрахъ: «Такъ какъ скотъ составляетъ

[1]) Cook. IV Voyage, X vol. Biblioth. Univers., 322.

[2]) H. S. Maine. Lectures on the early history of institutions. Lond. 1875, 140 и слѣд.

[3]) Dugmore. Compendium of Kafir Laws and Customs. Mount Coke, British Kafraria, 27.

единственное богатство этого народа, то онъ является единственнымъ посредникомъ его въ такихъ сдѣлкахъ, какъ обмѣнъ, уплата или вознагражденіе. Свита начальника служитъ ему за скотъ; никто не въ силахъ поддержать свое вліяніе или обезпечить за собою извѣстное число адептовъ, если не имѣетъ средствъ снабдить этихъ послѣднихъ тѣмъ, что одновременно составляетъ ихъ деньги, пищу и одежду. Поэтому начальникъ нуждается въ постоянномъ фондѣ, изъ котораго онъ долженъ удовлетворять зависимыхъ отъ него; о количествѣ требуемаго фонда можно судить по характеру запроса на него. Свита, дворъ начальника, состоитъ изъ людей, собранныхъ во всѣхъ частяхъ племени, молодыхъ, ловкихъ и храбрыхъ, которые являются къ нему на кратковременную службу, чтобы добыть скота, и чрезъ то получить средства на покупку женъ, оружія и другихъ желаемыхъ ими вещей; получивъ требуемое, они возвращаются домой и даютъ мѣсто другимъ. Такимъ образомъ ближайшая свита начальника непрерывно измѣняется и предъявляетъ постоянный запросъ на его средства. Скотъ у вождя образуется путемъ наслѣдства, подарковъ, штрафовъ, конфискацій, грабежа». О скотѣ въ древнихъ ирландскихъ и римскихъ законахъ говорится положительно на каждомъ шагу. Первоначальное римское право считало скотъ на равнѣ съ землею въ числѣ res mancipi. У индусовъ скотъ имѣетъ религіозное значеніе. Значеніе скота при началѣ осѣдлости, какъ орудія земледѣлія, еще важнѣе, чѣмъ въ пастушескій періодъ. Во всемъ «Brehon-law» штрафы, налоги, доходы вычисляются въ скотѣ, не исключительно натурой, но довольно часто. Святость быка въ Индіи и причисленіе его къ res mancipi въ Римѣ, по всей вѣроятности, имѣли въ виду сохраненіе быка для культуры, когда онъ уже пересталъ быть орудіемъ мѣны. Недостатокъ скота у свободныхъ членовъ племени и обиліе его у главы племени, переходящее даже за предѣлы незанятаго пространства земли, повело къ отдачѣ его въ ссуду и къ обращенію членовъ племени въ зависимость отъ вождя. По всей вѣроятности, старые ирландскіе порядки найма скота въ значительной степени помогаютъ реальному объясненію такъ называемой коммендаціи, господствовавшей въ началѣ среднихъ вѣковъ во всей Западной Европѣ.

Интересно, что подобныя же ссуды скота старѣйшинами или вождями племени своимъ соплеменникамъ мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ другихъ кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ. Такъ, напр., по словамъ Эллиса [1]), доходы мадагаскарскаго короля слагаются изъ добычи, налоговъ, пошлинъ, штрафовъ и конфискацій. Подъ

---

[1]) W. Ellis. History of Madagaskar, I, 357 и слѣд.

добычей обыкновенно разумѣется доля завоеванныхъ вещей, рабовъ, скота и пр. Королю назначается третья часть всего составляющаго добычу скота и, сверхъ того, по 4 доллара съ каждаго плѣннаго раба. Остатокъ распредѣляется между служащими въ арміи; и такъ какъ король доставляетъ войскамъ оружіе и аммуницію, то требованіе его на большую часть добычи разсматривается какъ достойное и справедливое. Обыкновенно король распредѣляетъ безденежно значительное число своего скота на различные сроки, а остальное продаетъ береговымъ торговцамъ для вывоза.

«Богатый человѣкъ», читаемъ въ статьѣ Бюттнера [1]), «при условіяхъ, господствующихъ въ странѣ Дамара (южная Африка), не въ состояніи держать свой скотъ въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ есть лица, обладающія многими сотнями коровъ, не говоря ужъ о такихъ богачахъ, которыхъ скотъ считается десятками тысячъ коровъ, даже безъ быковъ и мелкаго скота. Самъ авторъ одинъ разъ насчиталъ въ одномъ только личномъ хозяйствѣ владѣльца, въ селеніи Камагереро, свыше 300 телятъ почти исключительно однолѣтнихъ, иными словами, для хозяйства доилось сверхъ 300 коровъ; въ странѣ встрѣчаются повсюду стада этого хозяина. Поэтому каждый богачь вынужденъ, вмѣстѣ съ собственнымъ главнымъ хозяйствомъ (*онганда*), имѣть еще сколько нибудь другихъ мѣстъ (*озогамбо*) для скота, въ которыхъ надзоръ принадлежитъ младшимъ братьямъ или другимъ близкимъ родственникамъ хозяина, а, за отсутствіемъ ихъ, опытнымъ старымъ слугамъ. Сверхъ того, небезопасность всякихъ отношеній въ анархической странѣ побуждаетъ вообще народъ гереро, *раздѣлять свой скотъ на возможно большее число партій*, для того, чтобы какая нибудь эпидемія или внезапный грабительскій набѣгъ злыхъ сосѣдей не лишили сразу всего имущества. Немногіе, конечно, имѣютъ достаточно членовъ семьи или рабовъ, чтобы быть въ состояніи усмотрѣть за всѣмъ при помощи своихъ людей. Отсюда вошло въ общій обычай передавать каждому знакомому и родственнику по нѣскольку штукъ скота для надзора и ухода, частью въ видѣ залога, частью для оказанія взаимной услуги, при чемъ каждый изъ друзей и знакомыхъ беретъ, сколько можетъ получить. Вслѣдствіе этого во всякомъ мѣстѣ для скота и въ каждомъ стадѣ имѣется значительное число владѣльцевъ, независимо отъ того, что каждый членъ семьи получаетъ отъ своего отца для собственнаго употребленія и нужды особый peculium. При этомъ скотъ отдѣльныхъ владѣльцевъ рѣдко обозначается особымъ знакомъ (при помощи разрѣза на ухѣ,

---

[1]) **Büttner, Aus Natur-und Völkerleben Süd-West-Africa's. Das Ausland,** 1882, №№ 42 и 43.

окулака, а также искуственнаго сгибанія роговъ своихъ быковъ). Вообще же каждый владѣлецъ знаетъ весь свой скотъ, такъ сказать, въ лицо, по формѣ роговъ, и по безконечно большому числу другихъ мелкихъ признаковъ; каждая штука среди тысячъ выискивается съ такою же вѣрностью, съ какою мы въ большой толпѣ людей всегда узнаемъ своихъ знакомыхъ.—Такъ какъ каждый до извѣстной степени имѣетъ на рукахъ скотъ каждаго; то миръ и покрайней мѣрѣ поверхностное согласіе между всѣми гереро, болѣе или менѣе обезпечены, тогда какъ здѣсь можно было бы ожидать такой-же анархіи, какъ и у другихъ кочевниковъ. Если-бы въ какомъ нибудь углу страны кто нибудь дозволилъ себѣ сдѣлать зло противъ самого малѣйшаго изъ малыхъ, то навѣрное въ рукахъ друзей его врага, оказалась бы часть его скота, которую легко отнять изъ мести или, по меньшей мѣрѣ, задержать, пока споръ не разрѣшится ко всеобщему удовлетворенію... Въ системѣ содержать скотъ во многихъ пунктахъ жители имѣютъ превосходный способъ скрывать свое богатство, такъ какъ никто, кромѣ самого собственника, не можетъ составить понятія объ имуществѣ, разбросанномъ по цѣлой странѣ. Такъ какъ ни одна штука скота спеціально не отмѣчена, а также неизвѣстно никакое искусство книговодства, и не дѣлается никакихъ письменныхъ отмѣтокъ, то можно себѣ представить, какая значительная умственная сила нужна для богатаго гереро, чтобы удерживать въ головѣ, гдѣ находится весь скотъ, и не забыть при этомъ вновь отелившихся телятъ и ягнятъ. Понятно, что пастухи, какъ только замѣтятъ, что ихъ контролируютъ не строго, сейчасъ же начнутъ хозяйничать въ свою собственную пользу; тогда, всякій вновь рожденный бычокъ будетъ принадлежать пастуху, а все что умретъ, —умретъ изъ господскаго стада, и въ одно мгновеніе ока стадо растаетъ, какъ ледъ. Поэтому владѣлецъ долженъ постоянно находиться въ путешествіи для осмотра своихъ стадъ, чтобы, при помощи постояннаго упражненія, довести свое знакомство съ стадами до тонкости почти не вѣроятной.»

Благодаря тому обстоятельству, что собственность гереро состоитъ въ скотѣ, слѣдовательно постоянно охраняется и точнѣйшимъ образомъ контролируется, самое наслѣдственное право у нихъ получило своеобразный харачтеръ. Это право наслѣдованія, не смотря на свою произвольность, подчинено извѣстной системѣ. Человѣкъ умираетъ и оставляетъ жену съ малыми дѣтьми. Кто долженъ теперь управлять скотомъ? Если одни только слуги, то скоро все будетъ разграблено. Потому, даже и по нашимъ понятіямъ, этимъ дѣломъ долженъ заняться мужчина, взрослый и достаточно сильный для того, чтобы оказывать защиту семейству и принять его подъ свою опеку. Про-

дать наслѣдство и превратить его въ деньги невозможно тамъ, гдѣ торговля скотомъ не въ нравахъ, гдѣ вообще нѣтъ такого количества другихъ цѣнныхъ предметовъ въ рукахъ народа, чтобы имѣть возможность заплатить за большое стадо скота. Притомъ эгоизмъ гереро располагаетъ ихъ ничего не дѣлать безъ вознагражденія, и потому каждый постарался бы по возможности больше поживиться отъ слабыхъ и невѣжественныхъ. Но, такъ какъ никакой законъ не охраняетъ слабаго отъ сильнаго, то подобный опекунъ въ короткій срокъ лишилъ бы, конечно, наслѣдниковъ всего ихъ имущества. Поэтому если кто-нибудь умретъ, то остающіеся послѣ него не наслѣдуютъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; напротивъ все, такъ сказать, семейство переходитъ по наслѣдству къ ближайшему изъ друзей покойнаго: скотъ умершаго становится его скотомъ, слуги также, даже жены умершаго становятся его женами и дѣти—его дѣтьми. Повидимому, у гереро не проводится никакого различія между собственными дѣтьми и сводными; языкъ доказываетъ то-же, не зная словъ для мачихи, вотчима, сводныхъ дѣтей. Хотя существуютъ слова для *дяди* и *тетки* въ широкомъ смыслѣ, равно какъ и для *племянника* и для *племянницы*, но эти слова употребляются больше въ разговорѣ взрослыхъ людей; дѣти же еще при жизни родителей зовутъ братьевъ и сестеръ отца и матери отцами и матерями, и точно также братья и сестры всегда признаютъ себя кровными братьями и сестрами. Отецъ по герерски—*тате*, мать—*мама*. Эти слова однако примѣняются исключительно къ *моему* отцу и къ *моей* матери, но имѣютъ значеніе и для всѣхъ членовъ восходящей линіи, хотя *дѣдъ* и *бабка* называются въ домашнемъ быту больше всего *стариками*. Подобнымъ же образомъ не существуетъ общаго слова для обозначенія братьевъ и сестеръ, также какъ нѣтъ общаго слова и для обозначенія отдѣльныхъ братьевъ и сестеръ; для старшаго брата и старшей сестры есть свои имена и для младшихъ свои».

«Изъ сказаннаго основнаго положенія наслѣдственнаго права слѣдуетъ, что богатые и сильные люди, чѣмъ дольше живутъ, тѣмъ сильнѣе и богаче становятся, тогда какъ младшее поколѣніе, дѣти и безпомощные, не имѣютъ никакой собственности.—Обычай страны не требуетъ, чтобы опекунъ выдавалъ отцовскую часть возросшимъ своднымъ дѣтямъ по окончаніи срока совершеннолѣтія (вѣроятно, потому, что все имущество признается принадлежащимъ всей общинно-родовой группѣ, которая всегда имѣетъ право наслѣдованія sui generis?). Сводныя дѣти, подобно роднымъ, до смерти новаго отца остаются въ отцовской власти. Подростающій ребенокъ вскорѣ подъучивается матерью попросить опекуна о козахъ, другихъ же животныхъ, при случаѣ онъ выпроситъ у те-

токъ и дядей, такъ что дѣти не только содержатся изъ общаго имущества, но пріобрѣтаютъ и собственный скотъ, на молоко котораго лишь они имѣютъ право. Новое поколѣніе этихъ козъ натурально принадлежитъ тѣмъ-же дѣтямъ, и такъ какъ отецъ или опекунъ завѣдуетъ peculium'омъ дѣтей безплатно, то имущество ребенка ростетъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Сюда же присоединяются отъ времени до времени подарки скотомъ мальчику или дѣвочкѣ отъ отдаленныхъ родственниковъ; чѣмъ старше и могущественнѣе кто-либо, тѣмъ скорѣе онъ получаетъ подарокъ или отдѣльное мѣсто со скотомъ, содержатель котораго естественно пользуется молокомъ скота, ввѣреннаго его надзору, хотя и долженъ всегда отдавать свѣже отелившихся коровъ и козъ господину по его требованію.—Такимъ образомъ имущество стараго богача слагается изъ слѣдующихъ частей: 1) изъ того, что онъ получилъ отъ отца или отъ опекуна, въ качествѣ семейнаго пекуліума, слѣдовательно то, что онъ наслѣдуетъ изъ семейной собственности; 2) изъ того, что онъ получилъ въ подарокъ отъ отдаленныхъ родственниковъ, какъ семейную собственность; 3) изъ того, что ему передается въ видѣ мѣстъ со скотомъ, 4) изъ того, что онъ, какъ опекунъ другихъ семействъ, наслѣдовалъ съ малолѣтними. *Вся эта собственность* состоитъ изъ *скота*; ягнята и телята всегда принадлежатъ къ тому-же имуществу, къ какому принадлежатъ и матери... Если такой человѣкъ умираетъ, то обыкновенно каждая штука скота идетъ по собственному пути, — именно, все снова возвращается назадъ къ первоначальному семейству. Чтó человѣкъ имѣлъ изъ семейнаго имущества, остается въ его семействѣ; то же что онъ получилъ въ подарокъ отъ доброты другихъ семействъ или въ видѣ пользованія мѣстомъ со скотомъ, возвращается въ семейства и наслѣдникамъ дарителей и скотовладѣльцевъ; семейства снова разрываются и берутъ себѣ имущество своихъ отцевъ.—Если принять во вниманіе, что ничего не дѣлается на письмѣ, что подобное имущество иногда обнимаетъ многія тысячи быковъ, овецъ и козъ, и что весь порядокъ покоится только на точномъ закрѣпленіи въ памяти родословной этихъ тысячъ скота, то при мысли о подобномъ регулированіи наслѣдства, можетъ закружиться голова. Потому нечего удивляться, что смертный случай и открытіе наслѣдства приводятъ въ возбужденіе всю страну. Вообще существуетъ обычай, что больной, особенно тяжко-больной, посѣщается всею своею роднею; вокругъ смертнаго ложа сбираются жители цѣлаго мѣстечка. Если-же умеръ старый вождь, то сходятся со всѣхъ сторонъ другіе главы, чтобы раздѣлить наслѣдство или чтобы добиться удовлетворенія своихъ претензій; изъ болѣе бѣд-

ныхъ людей многіе также считаютъ себя имѣющими право на наслѣдство, въ видѣ какой-нибудь козы или теленка, которыхъ умершій долженъ былъ подарить еще за нѣсколько лѣтъ ранѣе. Такимъ образомъ при могилѣ собираются сотни людей, надсмотрщики надъ скотомъ со всѣхъ сторонъ сгоняютъ сюда скотъ умершаго, и тутъ точнѣйшимъ образомъ опредѣляется во всеуслышаніе родословная каждой отдѣльной штуки, какъ и вообще это составляетъ любимую тему разговоровъ гереро. Что въ такомъ случаѣ появляются и ложные претенденты, это вполнѣ естественно; но несомнѣнно, также и то, что могущественные дѣлители наслѣдства умѣютъ позаботиться объ удовлетвореніи всѣхъ, кто предъявляетъ правильныя требованія. Иногда цѣлые мѣсяцы сидятъ князья при раздѣлѣ наслѣдства; происходящіе при этомъ споры отличаются такой глубиной и основательностью, что европеецъ, не имѣющій понятія о родословныхъ и исторіи жизни быковъ, овецъ и козъ, не въ состояніи даже оцѣнить ихъ».

«Таково приблизительно наслѣдственное право гереро безъ завѣщанія. Но бываютъ случаи, что умирающій самъ опредѣляетъ, какъ слѣдуетъ поступить съ его скотомъ, т. е. до извѣстной степени составляетъ завѣщаніе. Насколько автору извѣстно, противъ подобныхъ распоряженій на случай смерти не бываетъ никакихъ возраженій, такъ какъ каждый боится священной воли умирающаго. Иногда ближайшіе младшіе родственники соединяются между собою, соглашаясь удержать въ свою пользу все наслѣдство и, самое большее, удовлетворить самыхъ ближнихъ родичей, чтобы не дать уменьшить это наслѣдство чужому, далеко стоящему властелину, который навяжетъ себя въ дѣлители наслѣдства. Такъ, наслѣдники Зерауаса удалили Камагареса, (котораго европейцы называли старымъ Вильгельмомъ), отъ наслѣдства и удержали все для себя.»

У кореловъ и у самоѣдовъ Больше-земельской тундры имѣется обыкновеніе раздавать на поддержку скотъ [1]). Послѣдніе раздаютъ бѣднымъ оленей на подмогу изъ приплода. Бѣдный пасетъ взятыхъ оленей богача, кормится отъ нихъ, а за трудъ пастьбы беретъ часть приплода, остальную же часть его возвращаетъ хозяину, вмѣстѣ со взятыми на подмогу оленями. Въ Канинской-же тундрѣ богатые самоѣды отдаютъ оленей бѣднымъ на слѣдующихъ условіяхъ: бѣдный беретъ нѣсколько штукъ, напр. десятокъ неученыхъ оленей и употребляетъ ихъ для ѣзды цѣлый годъ; когда-же объѣздитъ ихъ хорошенько, то смирныхъ отдаетъ хозяину и беретъ снова необъѣзженныхъ. Обычай давать бѣднымъ оленей на поддержку очень распространенъ, потому что богатые самоѣды считаютъ себя обя-

---

[1]) А. Ефименко, op. cit. passim.

занными помогать бѣднякамъ на томъ основаніи, что ихъ многочисленныя стада вытаптываютъ мохъ въ тундрѣ, общемъ самоѣдскомъ достояніи.

Такимъ образомъ трудно рѣшить, гдѣ въ подобнаго рода сдѣлкахъ кончается родъ общенія имущества и гдѣ начинается эксплуатація бѣдныхъ богатыми, низшихъ классовъ высшими. Слѣдующій примѣръ выставляетъ это смѣшеніе альтрюизма и эгоизма въ еще болѣе рельефномъ свѣтѣ.

По представленіямъ бурятъ, говоритъ Щаповъ, [1]) ни одинъ членъ ихъ родовой скотоводческой общины не мыслимъ, да и не можетъ существовать безъ рогатой скотины, хотя бы то безъ одной коровы. Вслѣдствіе этого они изстари имѣли обычай даромъ давать коровъ тѣмъ бурятамъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не имѣли ни одной скотины. Даже и теперь еще этотъ старинный обычай соблюдается, хотя и не съ прежнею *безкорыстностью*. И теперь еще богатые, скотные буряты имѣютъ обычай раздавать коровъ на дойку бѣднымъ, безскотнымъ сродичамъ. Какъ-бы ни былъ затемненъ этотъ обычай эгоистически-своекорыстными расчетами, но все таки онъ какъ переживаніе, какъ архаизмъ, выражаетъ первобытное естественно-общинное стремленіе къ возможно равномѣрному распредѣленію главнаго источника жизненнаго обезпеченія скотоводческой общины—рогатаго скота.

На ряду съ изложенными болѣе или менѣе утонченными способами закрѣпощенія населенія власти начальниковъ, у многихъ первобытныхъ народовъ находится также въ большомъ употребленіи система ссудъ подъ работу и даже рабства за долги. [2]) Вотъ напр., что разсказываетъ о кредитныхъ сдѣлкахъ на Филиппинскихъ островахъ путешественникъ Ягоръ [3]). «Индіецъ, желающій занять деньги долженъ представить значительное обезпеченіе и платить по $12^1/_2$ % въ мѣсяцъ. Болѣе пяти долларовъ онъ не легко найдетъ занять, такъ какъ на основаніи (испанскаго) закона онъ можетъ быть отвѣтственнъ лишь въ этой суммѣ. Въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ острова торговля и кредитъ развиты еще меньше, нежели на востокѣ, который ведетъ бойкую торговлю съ прочими жителями архипелага. Здѣсь наличныя деньги почти вовсе не даются въ ссуду, а ссужаются только товары по одному реалу въ мѣсяцъ за каждый долларъ цѣнности. Если должникъ не въ состояніи уплатить въ назначенный срокъ, то у него сплошь и рядомъ отбирается кто-нибудь изъ дѣтей и обязывается до уплаты долга служить кредитору безплатно

---

[1]) А. Соколовскій. Экономич. Бытъ, 90 (по Щапову).

[2]) См. объ этомъ статью М. И. Кулишера, „Ростовщики и ростовщичество“, Слово, 1879, май и іюнь.

[3]) F. Jagor. Reisen in den Philippinen. Berl. 1873, 233.

за одну пищу. Авторъ видѣлъ молодого человѣка, который служилъ даромъ одному местицу въ теченіи пяти лѣтъ, чтобы заработать долгъ въ 5 долларовъ, сдѣланный его отцомъ, а на восточномъ берегу за долгъ отца въ три доллара хорошенькая дѣвушка служила въ теченіи двухъ лѣтъ у одного туземца, который былъ извѣстенъ за развратника. Въ Боронганѣ автору показывали кокосовую плантацію въ 300 деревьевъ, которая 20 лѣтъ тому назадъ была взята за долгъ въ 10 долларовъ и съ тѣхъ поръ состояла въ пользованіи кредитора, какъ его собственность; за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ должникъ умеръ и его дѣтямъ съ большимъ трудомъ удалось получить свою собственность обратно, по уплатѣ первоначальнаго долга. Бываетъ такъ, что туземецъ занимаетъ у другого $2^1/_2$ доллара, чтобы выкупиться отъ годичной повинности въ 40 дней, и потомъ служитъ своему кредитору цѣлый годъ, потому что не въ состояніи аккуратно заплатить долгъ.

Mutato nomine, de te fabula narratur могли бы мы сказать о матушкѣ-Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, только лѣнивый не заставляетъ крестьянина работать за выданныя впередъ деньги.

На Суматрѣ [1]) такъ называемые *панделинги* суть тѣ обоего пола лица, которые вслѣдствіе долговъ вынуждены работать на своихъ кредиторовъ. Они разсматриваются, какъ члены домашней прислуги, имѣютъ право на маленькую долю жатвы риса и могутъ дѣлаться свободными черезъ уплату долговъ или вступая въ родство съ своимъ кредиторомъ или кредиторшей. Происхожденіе панделингства на Суматрѣ Крауфордъ объясняетъ совершенно тѣми же причинами, какъ и закрѣпощеніе крестьянъ въ средніе вѣка въ западной Европѣ, т. е. голодомъ вслѣдствіе раззоренія отъ войны, или внутреннимъ потрясеніемъ, побуждающимъ массы народа закладывать свои услуги богатымъ и вліятельнымъ лицамъ. Таково начало весьма многочисленнаго класса фактическихъ рабовъ, который въ настоящее время номинально, если не въ дѣйствительности, пересталъ существовать.

Система заклада рабочей силы [2]), какъ она практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Золотого Берега и внутри страны къ Лагону, представляетъ замѣчательную черту домашней жизни въ Африкѣ. Эта система составляетъ спеціально африканскій способъ платить долги трудомъ заложенныхъ рабовъ. Ссуда вообще дѣлается по ростовщическимъ процентамъ, такъ что нерѣдко сумма въ 50 % должна быть уплачена владѣльцемъ заложеннаго человѣка, прежде нежели онъ можетъ быть выкупленъ. Что касается до уплаты

---

[1]) Hollander, op. cit. 147.

[2]) Hutschinson. On the Traits of African Tribes (Transact. of the Ethnol. Soc. Lond. 1861, I, 329).

долга, то среди племени эфинъ у стараго Калабара существуетъ для этого весьма простой и легкій способъ, состоящій въ признаніи того факта, что отвѣтственность за долги падаетъ не на отдѣльное лицо, а округъ, къ которому принадлежитъ должникъ. Если, напримѣръ, житель сосѣдняго города былъ долженъ кому нибудь, то кредиторъ, если располагаетъ властью, имѣетъ право захватить имущество или лицо всякого другого человѣка въ томъ же округѣ и держать его въ тяжкомъ заключеніи, пока не будетъ уплаченъ долгъ его сосѣда.

О рабствѣ въ его различныхъ формахъ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ слѣдующей главы.

ГЛАВА X.

Общественно-должностная дѣятельность у различныхъ первобытныхъ народовъ.—Демократическія и общинно-родовыя ея начала.—Ремесленныя корпораціи и возникновеніе кастъ.—Ремесленники, какъ чуждая общинѣ каста.—Рабство и его характеристика.

Намъ предстоитъ теперь перейдти къ разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи и значеніи различныхъ общественныхъ классовъ, встрѣчающихся у первобытныхъ народовъ. Общественно-должностной классъ, ремесленники и рабы,—таковы три главнѣйшія группы личностей, спеціальный родъ дѣятельности которыхъ весьма рано выдѣляется изъ безразличной массы общинныхъ занятій населенія. Постепенное обособленіе класса лицъ, призываемаго къ отправленію общественно-должностной дѣятельности, или, что одно и тоже, дѣятельности по объединенію и сосредоточенію различныхъ общественныхъ процессовъ, занимаетъ безспорно первую ступень въ исторіи раздѣленія труда среди родовой общины. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что въ ряду этихъ процессовъ преобладающая роль должна быть отведена основнымъ, чисто экономическимъ процессамъ общественнаго производства и потребленія, которые съ наибольшею настоятельностью нуждаются въ регулированіи и надзорѣ. Мы уже имѣли случай видѣть, что во многихъ общежитіяхъ первобытныхъ народовъ, общественно-должностная дѣятельность заключается въ регулированіи охоты, рыбной ловли, земледѣлія, орошенія, въ завѣдываніи торговлею и въ распредѣленіи между жителями продуктовъ различныхъ отраслей производства. Сверхъ того, мы старались показать, что интенсивность и размѣры означенной

дѣятельности находятся въ тѣсной внутренней зависимости отъ интенсивности и размѣровъ самой ассоціаціи производителей, чѣмъ между прочимъ и объясняется существованіе сильныхъ и прочныхъ политическихъ организацій въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ осуществленіе и регулированіе системы орошенія земли составляетъ условіе самого существованія общества. Все это способствуетъ иллюстраціи той, очень мало до сихъ поръ изслѣдованной истины, что первоначальные политическіе союзы людей неразрывно сливаются въ одно цѣлое съ экономическими союзами, иными словами, что при подобномъ состояніи вещей не можетъ быть еще и рѣчи объ отдѣленіи экономической организаціи общества отъ политической.

Правда, на ряду съ широкими общественно-экономическими функціями, общественной власти принадлежали въ то время также весьма значительныя военныя и жреческія функціи. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, нельзя не согласиться, что религія и война въ то время находились въ тѣснѣйшей связи съ народной экономіей. Извѣстно, напримѣръ, что военныя функціи правительственнаго класса на раннихъ ступеняхъ развитія, какъ по своей организаціи, такъ и по внутреннему значенію, представляютъ своего рода охоту, съ которою они по всей вѣроятности и соединялись первоначально въ одно цѣлое, какъ то доказываетъ, между прочимъ, однородность орудій охоты и войны. Что же касается до жреческихъ или религіозныхъ функцій, первоначально сливающихся въ одномъ общественномъ классѣ съ другими объединительными функціями, то и онѣ исчерпывались главнымъ образомъ посредничествомъ этого класса между богами и людьми, съ цѣлію удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ *нужда*, и притомъ именно экономическая—въ тѣлесномъ здоровьи, въ теплѣ, въ хорошихъ урожаяхъ, въ многочисленномъ населеніи и т. под. обыкновенно служила предметомъ моленій, возсылавшихся къ богамъ народомъ и особенно жрецами, и причиною тѣхъ матеріальныхъ жертвъ имуществомъ и кровью, которыя приносились богамъ. «Зачѣмъ», спрашивалъ Бовадилья у членовъ одного среднеамериканскаго племени [1]), «зачѣмъ ходите вы во храмы и что тамъ говорите и дѣлаете?»—«Храмы для насъ то же самое, что для христіанъ церкви; тамъ находятся наши божества и тамъ мы зажигаемъ въ ихъ честь благоуханія; мы просимъ ихъ о здоровьи, когда мы больны, о дождѣ, когда намъ его нужно, потому что мы бѣдны, и если бы почва высохла, то мы не имѣли-бы никакихъ плодовъ земли; короче, мы просимъ у боговъ всего, въ чемъ мы нуждаемся. Первый кацикъ идетъ во храмъ и молится тамъ именемъ

---

[1]) E. G. Squier. Der Central-amerik. Staat Nicaragua. Leipz. 1854, 504.

насъ *всѣхъ*, прочіе индійцы не входятъ туда съ нимъ. Онъ остается на молитвѣ въ теченіи цѣлаго года и въ это время ни разу не покидаетъ храма. Когда онъ снова возвращается, то въ честь ему устраивается большое празднество съ танцами и пиршествомъ.» Около тѣхъ-же совершенно земныхъ нуждъ и явленій вращаются и представленія первобытныхъ народовъ о будущей жизни, въ которой уже пребываютъ ихъ предки и будутъ пребывать они сами среди лучшей земной обстановки. „Нѣкоторыя религіи первобытныхъ народовъ“, говоритъ Тайлоръ [1]), „открываютъ передъ нами божественный Пантеонъ, созданный по образцу земнаго общественнаго строя, гдѣ простой народъ изображается большимъ числомъ человѣческихъ душъ и проникающихъ весь міръ духовъ, между тѣмъ, какъ аристократіи соотвѣтствуютъ великіе политеистическіе боги, а король является высшимъ божествомъ. „Господство надъ міромъ Гиллана“, говоритъ Моллина (History of Chili, II, 84), „представляетъ собою прототипъ арауканскаго государственнаго устройства. Онъ есть великій Toqui (властитель) невидимаго міра, и, въ качествѣ таковаго, имѣетъ своихъ *апоульменовъ* и своихъ *ульменовъ*, которымъ онъ ввѣряетъ управленіе менѣе важными дѣлами. Идеи эти конечно весьма грубы, но слѣдуетъ признать, что арауканцы не единственный народъ на свѣтѣ, который устраиваетъ небесныя дѣла по образцу земныхъ“. Такимъже образомъ въ Іорубѣ господствующее богоученіе, повидимому, выведено изъ аналогіи съ формами и обычаями гражданскаго правительства. Народъ имѣетъ только одного короля и также точно лишь одинъ богъ господствуетъ надъ его міромъ. Кто нуждается въ королѣ, тотъ обращается къ нему черезъ посредство его слугъ, придворныхъ, дворянъ, располагаетъ въ свою пользу придворнаго, къ которому обращается съ словами ласки и съ подарками. Подобнымъ же образомъ никто не можетъ прямо приблизиться и къ богу; но самъ всемогущій, говорятъ они, учредилъ различные роды *ориза*, которые являются защитниками и посредниками между нимъ и родомъ человѣческимъ. Богу не приносятъ никакихъ жертвъ, такъ какъ онъ ни въ чемъ не нуждается; но *оризы*, которые очень похожи на людей, радуются подаркамъ въ видѣ овецъ, голубей и другихъ вещей. Люди стараются склонить въ свою сторону *ориза* или посредника, чтобы онъ наградилъ ихъ счастьемъ, не собственною своею силою, а божьею.

«Въ Китаѣ, продолжаетъ Тайлоръ», мы имѣемъ случай изучать у культивированной расы переживаніе религіи, относящейся къ доисторическому міру, которое до настоящаго времени поддерживается

[1]) Tylor. Die Anfänge der Cultur, II, 334—338.

въ неприкосновенности государственною властью. Государственная религія Китая въ своемъ господствующемъ ученіи состоитъ въ почитаніи Tien'а, *неба*, которое отожествляется съ Schang-ti—верховнымъ императоромъ, и за которымъ непосредственно слѣдуетъ Tu, т. е. *земля*; ниже ихъ стоятъ въ почитаніи великіе духи природы и предки. Возможно, что эта вѣра, какъ полагаетъ проф. Максъ Мюллеръ, образуетъ этнологически и даже лингвистически часть и долю всеобщаго поклоненія небу туранскихъ племенъ Сибири. Во всякомъ случаѣ она совпадаетъ съ основною его идеей, съ обоготвореніемъ высшаго неба. Д-ръ Легге приписываетъ Конфуцію наклонность внести въ свою религіозную систему имя Tien, неба, вмѣсто лично-господствовавшаго божества Schang-ti, которое извѣстно древнѣйшей религіи и встрѣчается въ древнѣйшихъ книгахъ. Но скорѣе вѣрно то, что мудрецъ, согласно своему характеру хранителя древней мудрости, а не нововводителя, только поддержалъ традицію старой вѣры. Притомъ это предположеніе соотвѣтствуетъ обыкновенному ходу развитія теологическихъ представленій: въ первобытныхъ мифологіяхъ божественное небо господствуетъ надъ низшими духами міра, прежде нежели эта дѣтская и поэтическая вѣра перейдетъ въ болѣе политическое представленіе о небесномъ властителѣ. Превосходно замѣчаетъ Платъ: «въ китайской системѣ все въ природѣ оживлено духами, и всѣ эти духи слѣдуютъ извѣстному порядку. Подобно тому, какъ китаецъ не можетъ представить себѣ китайской имперіи безъ толпы вассаловъ-князей и чиновниковъ, точно также не можетъ представить онъ и владыку неба безъ толпы духовъ». На небо переносятся не только политическое устройство собственнаго земного общества, но также и привилегіи тѣхъ классовъ, которые раньше другихъ создаютъ свои религіозныя представленія. Простое перенесеніе одной жизни въ другую, «дѣлаетъ здѣшнихъ господъ и рабовъ господами и рабами также и тамъ; такое вполнѣ естественное ученіе весьма обыкновенно. Но есть случаи, въ которыхъ одна земная каста поднимается въ будущей жизни въ крайне исключительное положеніе. Воздушный рай Raiatea, съ его благоуханными и вѣчно цвѣтущими цвѣтами, съ его юношами и дѣвушками, блистающими совершенствомъ, съ его блестящими празднествами и развлеченіями, былъ предназначенъ только для привилегированнаго класса Areois и начальниковъ. Тоже самое встрѣчается въ религіяхъ острововъ Дружбы и древняго Перу, гдѣ въ рай попадаютъ одни только представители аристократіи. Исторія той знатной дамы, которая подтвердила свою надежду на будущее блаженство увѣренностью, что „они подумаютъ дважды, прежде, чѣмъ оттолкнутъ особу моего положенія“ — звучитъ для нашего уха,

какъ простая шутка, но, подобно другимъ подобнымъ шуткамъ, она есть архаизмъ, который на древнѣйшей ступени культуры не имѣлъ въ себѣ ничего смѣшного. Въ счастливую землю Torngarsuks, попадають, какъ свидѣтельствуетъ Кранцъ, лишь такіе гренландцы, „которые *годились въ работу* (ибо другихъ понятій о добродѣтели они не имѣютъ), которые совершали великія дѣла, поймали много тюленей и моржей, много вытерпѣли, утонули въ морѣ, или умерли во время рожденія“. Такъ, Шарлевуа разсказываетъ о живущихъ къ югу индійцахъ, что они имѣютъ надежду послѣ смерти охотиться на лугахъ вѣчной весны, если были на землѣ хорошими воинами и охотниками. Подобно этому Лескарбо говоритъ о вѣрѣ виргинійскихъ индійцевъ, что добрые пойдутъ на покой, а злые на муку, причемъ злые—это ихъ враги, они же сами—добрые, такъ что они, по ихъ представленію, будутъ послѣ смерти вести веселую жизнь, въ особенности, если хорошо защищали свою страну и убили много враговъ“.

Насколько демократическій характеръ и гармоническое совпаденіе первобытной общественно-должностной дѣятельности съ интересами представляемой ею общины вытекаютъ изъ родовой организаціи первобытнаго общества, —это уже слишкомъ достаточно разъяснено Морганомъ въ упомянутомъ ранѣе сочиненіи его „Древнее Общество“, чтобы намъ была надобность останавливаться здѣсь на томъ же предметѣ. Но одною родовою организаціею нельзя еще ограничиться для полнаго уясненія этихъ свойствъ. Общинно-родовая система даетъ намъ понять, и то не вполнѣ, лишь одну сторону дѣла, а именно наслѣдственность общественно-должностной дѣятельности въ извѣстныхъ старѣйшихъ родахъ или семействахъ; между тѣмъ, дѣйствительность представляетъ намъ, частью на ряду съ наслѣдственностью, частью въ исключеніе ея, полную свободу выбора достойнѣйшихъ, которая очевидно дѣйствуетъ на перекоръ родовымъ разграниченіямъ. Сверхъ того, самая наслѣдственность должностей въ значительной степени обусловливается чисто экономическими причинами, какова, напримѣръ, сравнительная недостаточность производительной силы труда на раннихъ ступеняхъ развитія, которая даетъ возможность покрывать *расходы на содержаніе и подготовку къ общественной дѣятельности лишь небольшого числа членовъ племени*, составляющаго особый классъ. Нельзя также отрицать и того обстоятельства, что на ряду съ наслѣдственностью должности, специальный характеръ воспитанія и среды создаетъ также и наслѣдственность способностей, требуемыхъ отправленіемъ должностной дѣятельности. Однако лишь мало по малу общественныя должности изъ временныхъ превращаются въ наслѣдственныя и снабженныя дѣйствительными атрибутами власти. Самый процессъ этого превращенія даже въ теченіи

продолжительнаго періода времени оказывается совершенно безсильнымъ внести сколько нибудь существенныя измѣненія въ первоначальное равенство экономическаго положенія и рода занятій членовъ общины. Читая, напримѣръ, что вожди того или другого первобытнаго племени наравнѣ съ прочимъ народомъ занимаются охотою, рыбною ловлею, земледѣліемъ, мы не можемъ не признать глубоко демократическаго характера за ихъ первоначальнымъ учрежденіемъ. Въ томъ же смыслѣ высказываются и тѣ свидѣтельства, которыя даютъ понять, что уваженіе къ представителямъ общественныхъ должностей покоится гораздо менѣе на ихъ власти, чѣмъ на ихъ почетномъ положеніи. Говоря короче, идея сильной единоличной власти, повидимому, совершенно чужда первобытному міросозерцанію и нарождается лишь мало по малу соотвѣтственно тѣмъ историческимъ измѣненіямъ, которыя происходятъ въ экономическомъ укладѣ общества.

Обращаясь къ ближайшей характеристикѣ происхожденія и значенія общественно-должностной дѣятельности у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, мы должны немедленно сдѣлать замѣчаніе, что, какъ ни разнорѣчивы въ этомъ отношеніи показанія различныхъ наблюдателей, но большинство ихъ все-же совпадаетъ въ томъ, что первобытная общественная власть отличается большою слабостью и полнымъ подчиненіемъ общественному мнѣнію. Для доказательства этой истины мы можемъ представить довольно полновѣсный матеріалъ.

Начнемъ съ австралійцевъ, какъ съ одного изъ наиболѣе первобытныхъ народовъ, какіе только извѣстны на земномъ шарѣ. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ австралійскихъ племенъ по свидѣтельству Эйра [1]) не было найдено признаннаго начальника, хотя повсюду имѣются нѣкоторые руководящіе люди, которыхъ мнѣнія и желанія имѣютъ большой вѣсъ для прочихъ. При иныхъ равныхъ условіяхъ особенное уваженіе возбуждаетъ къ себѣ возрастъ. Сѣдовласые старцы, обыкновенно третируются съ уваженіемъ, пока они не составляютъ никакой тягости для окружающихъ; когда-же они становятся ветхи, то всякая связь рвется, и они покидаются, какъ негодная вещь. Авторъ вообще склоненъ думать, что уваженіе, которое можетъ внушить туземецъ своимъ товарищамъ, обусловливается въ значительной степени его личною силою, храбростью, благоразуміемъ, энергіею, ловкостью и другими подобными качествами, на которыя, быть можетъ, вліяютъ косвенно его семейныя связи и принадлежащая ему власть. Въ народныхъ собраніяхъ старшіе обсуждаютъ общественныя дѣла отдѣльно отъ другихъ. Членамъ племени дѣлаются внушенія, но не приказанія.

---

[1]) Eyre, op. cit. I, 315—317.

По словамъ Ольдфильда [1]), правительство каждаго австралійскаго племени чисто республиканское; у нихъ не признается никакого моральнаго превосходства одного человѣка надъ другимъ; всѣ одинаково заинтересованы въ выполненіи своихъ простыхъ обычаевъ. Каждый членъ племени уважается другими лишь соотвѣтственно его ловкости въ пусканьи копья и въ уклоненіи отъ копья, пущеннаго другими. Никто не претендуетъ на спеціальныя привилегіи и не пытается избѣгнуть повиновенія обычаямъ, обязательнымъ для другихъ. Въ крупныхъ дѣлахъ они правильнымъ образомъ совѣщаются о предпринимаемыхъ шагахъ и поступаютъ соотвѣтственно рѣшеніямъ большинства. Старики третируются съ нѣкоторымъ уваженіемъ, но это относится болѣе къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ; въ иныхъ случаяхъ съ ними обращаются презрительно.

Начальники полинезійскихъ племенъ, читаемъ у Притчарда въ его „Полинезійскихъ Воспоминаніяхъ" (410), имѣютъ видъ болѣе тонкій, чѣмъ простой народъ; они выше прочихъ и интеллектуально и физически, контуръ ихъ лицъ болѣе рѣзкій, опредѣленный, черепъ гораздо шире. Ихъ превосходство приписывается поверхностными наблюдателями тому предполагаемому факту, что они не трудятся, и питаются лучше и правильнѣе, чѣмъ простолюдины. Однако, повидимому, начальники работаютъ, и количество получаемой ими пищи находится въ связи съ ихъ дѣятельнымъ участіемъ въ работахъ ихъ племенъ; пища, хотя формально и предоставляется начальнику, но раздѣляется имъ съ народомъ, какъ изъ видовъ политики, такъ и на основаніи обычая. Обычай требуетъ, чтобы начальники болѣе или менѣе трудились съ своимъ народомъ, и чтобы, принимая на себя руководство во всякомъ дѣлѣ, они стремились поощрять усилія. Тотъ-же обычай требуетъ, чтобы глава семейства бралъ на себя руководство во всемъ, что касается семьи. Въ племенныхъ дѣлахъ начальники имѣютъ руководящее вліяніе, какъ главы народа, въ семейныхъ же дѣлахъ, какъ главы своихъ семействъ; по скольку начальники принимаютъ активное участіе во дѣлахъ племени и охотно дѣлятъ труды своего семейства, они популярны и получаютъ пищу. Древній обычай облекъ обязанностью снабжать начальниковъ пищею на Самоа классъ *тулафале*, на Тонга—*матабуле*, ва Фиджи—*матанивануа*, т. е. земледѣльцевъ, и въ качествѣ таковыхъ, главъ семействъ въ каждой группѣ. Но обычай также постановилъ, что недѣятельный, лѣнивый начальникъ, который воздерживается прилагать свою руку ко всему предпринимаемому племенемъ, получаетъ отъ земледѣльцевъ

[1]) Oldfield. The Aborigenes of Australia (Transact. of the Ethnol. Society III, 256).

лишь мало пищи; въ такомъ случаѣ дѣйствительнымъ руководителемъ или начальникомъ становится подчиненный ему или близкій родственникъ, котораго добровольная дѣятельность и выдающаяся ловкость привлекаетъ вниманіе племени, вслѣдствіе чего онъ получаетъ долю пищи. Больной или лѣнивый начальникъ удерживаетъ за собою только титулъ. И такъ, хотя древній обычай предписываетъ доставленіе пищи начальнику, въ дѣйствительности доставленіе ея находится въ зависимости отъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія начальника въ работахъ племени и регулируется послѣднимъ.

Очевидное различіе общественныхъ классовъ [1]), существующее на Таити, не оказываетъ столь существеннаго вліянія на благосостояніе націи, какъ можно было-бы предположить. Подъ властью одного общаго суверена [2]), народъ распадается на классы *арiа*, *манагуна* и *тоу-тоу*, которые имѣютъ какое-то отдаленное сходство съ классами феодальной системы въ Европѣ. Тамъ, гдѣ климатъ и обычаи страны почти не требуютъ одежды, гдѣ легко на каждомъ шагу собрать сколько угодно растеній, доставляющихъ приличную обычную одежду, и гдѣ удовлетвореніе всѣхъ жизненныхъ потребностей доступно каждому индивидууму, тамъ честолюбіе и зависть должны быть почти неизвѣстны. Правда, высшіе классы народа почти исключительно обладаютъ нѣкоторыми лакомыми предметами, каковы свиньи, рыба и птица; однако стремленіе къ подобнымъ ничтожнымъ предметамъ роскоши, можетъ, пожалуй, сдѣлать несчастнымъ отдѣльное лицо, но не цѣлую націю. Вообще говоря, отношенія между высшими и низшими классами здѣсь весьма мягки, королевская власть патріархальна.—Авторъ видитъ, что различіе между отдѣльными общественными классами на Таити не покоится на различіи прочныхъ, установившихся отдѣльныхъ функцій, и, подобно многимъ другимъ англичанамъ, прибѣгаетъ къ свойствамъ климата, чтобы объяснить мягкость отношеній между ними. Не гораздо-ли проще было обратить вниманіе на то, что преобладаніе однихъ классовъ надъ другими на Таити, какъ и во

---

[1]) G. Forster. A Voyage round the World. Lond. 1877, I, 365.

[2]) „Первый изъ этихъ сувереновъ, Помарэ I, умершій въ 1803 году и игравшій такую большую роль въ политической исторіи Таити, съ самого начала, т. е. за тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, имѣлъ подъ своимъ управленіемъ всего одну провинцію. Благодаря своему предпріимчивому и честолюбивому уму, онъ успѣлъ достигнуть высшей власти. Благопріятствуемый обстоятельствами, вспомоществуемый англійскими моряками, которые не только снабжали его оружіемъ и аммуниціей, но и сражались за него, онъ съумѣлъ пріобрѣсти и передать своимъ наслѣдникамъ положеніе, котораго безъ того не могъ бы достигнуть. (Th. Arbousset, Tahiti. Paris. 1867, 31)“.

многихъ иныхъ странахъ, основывается на старшинствѣ рода, а не на классныхъ или экономическихъ преимуществахъ.

«На островѣ Новой Зеландіи», говоритъ Полакъ [1]) «первоначальное начальство было установлено людьми, которые обнаружили свое превосходство надъ другими въ благоразуміи, храбрости и умѣ, и были призваны племенами къ власти, какъ обладающіе высшей степенью подобныхъ цѣнныхъ качествъ. Избираемая такимъ образомъ первоначально изъ цѣлой массы лицъ, должность съ теченіемъ времени начинаетъ замѣщаться по выбору изъ небольшого числа привилегированныхъ семействъ, пока наиболѣе вліятельное изъ нихъ, подъ давленіемъ безпокойныхъ партій, не сдѣлается наслѣдственною династіею. Въ настоящее время населеніе Новой Зеландіи раздѣляется на племена, численный составъ которыхъ колеблется между 300 и 3000 душъ. Правленіе номинально вручено начальнику называемому *рангатира-пуи* или *арики*, власть котораго имѣетъ источникомъ или древнее происхожденіе или бракъ съ дочерью могущественнаго начальника, или безъотчетную храбрость или высшія умственныя способности, заявленныя въ туземныхъ собраніяхъ при подачѣ голосовъ по дѣламъ племени. Каждый начальникъ есть верховный правитель своего округа; округъ же часто находится во владѣніи нѣсколькихъ племенъ, расчлененныхъ на меньшія дѣленія, въ свою очередь распадающіяся на семейства, во главѣ которыхъ стоятъ старѣйшины, обладающіе неограниченными хозяйственными правами, передаваемыми по наслѣдству. Низшіе начальники исполняютъ каждый въ своихъ семействахъ ту же власть, какъ и *рангатира-пуи*. Отецъ (?) есть должностное лицо своей семьи, имѣющее право на жизнь и смерть своихъ дѣтей и слугъ». Если въ этомъ описаніи сгладить нѣкоторыя черты, указывающія на абсолютную власть начальниковъ, то передъ нами развернется довольно полное изображеніе родовой правительственной іерархіи, меньшія дѣленія которой въ общихъ дѣлахъ подчиняются болѣе крупнымъ и всѣ соединяются подъ властью древнѣйшаго дѣленія въ лицѣ своихъ полувыборныхъ, полунаслѣдственныхъ старѣйшинъ. Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ эту общественную организацію построенною какъ-бы сверху изъ одного общаго центра, чрезъ назначеніе высшимъ начальникомъ низшихъ, тогда какъ въ дѣйствительности она построена снизу и отнюдь не привела къ различію политическихъ классовъ.

Приведенныя соображенія еще болѣе подтверждаются характеристикою общественной власти на Новой Зеландіи, находимою нами у

---

[1]) I. Polack. Manners and Customs of the New-Zealanders I, 23 и 36.

другого писателя Томсона[1]). «Каждое племя», говоритъ онъ, «признавало одного человѣка своимъ главою, который вмѣстѣ съ племенемъ признавалъ главу націи своимъ законнымъ сувереномъ... Каждая нація изъ нѣсколькихъ племенъ содержала въ себѣ нѣсколько классовъ лицъ: *арики*, или жрецъ и начальникъ, соотвѣтствующій королю, *тана* или ближайшіе его родственники, соотвѣтствующіе королевской фамиліи, *раньатиры* или начальники, соотвѣтствующіе дворянству; *уара тутуа* или средній классъ, *уара*—низшій классъ и *тауракарека* или рабы. Эти классы не опредѣлены *точно* и рѣдко различаются кѣмъ-либо, кромѣ тѣхъ, которые заботливо изслѣдовали этотъ предметъ... Отдѣльныя лица, входящія въ составъ этихъ классовъ рѣдко мѣняли одни изъ нихъ на другіе, хотя среди первыхъ пяти происходило движеніе; но это движеніе вообще шло внизъ и рѣдко вверхъ. Начальники не были окружены роскошью, а только отличались достоинствомъ осанки. Начальниками были старшіе сыновья старшихъ вѣтвей семейства, прямые наслѣдники древнихъ вождей эмигрантовъ съ Гаваи... Тѣсно связаны съ должностью начальника права собственности на землю, и самъ Наботъ былъ менѣе привязанъ къ винограднику, наслѣдству своихъ отцовъ, чѣмъ новозеландцы привязаны къ своимъ землямъ. Необходимо подняться до первыхъ переселенцевъ, чтобы объяснить, какъ была регулирована поземельная собственность племенъ. По прибытіи эмигрантовъ изъ Гаваи каждый начальникъ овладѣлъ округомъ, который и сдѣлался его собственностью и собственностью его потомковъ. *Не было установлено* никакой внѣшней *границы*; не отдѣляли особыя границы и собственности каждаго человѣка (потому что ея и не было!) Начальникъ имѣлъ первое право на весь округъ, потомъ его старшій сынъ, потомъ второй сынъ; но всѣ свободныя лица, мужчины и женщины, составлявшія націю, были *собственниками почвы*. По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, увеличилось и число землевладѣльцевъ, и тѣсное родство съ начальникомъ было забыто. Но, не смотря на это, всѣ знаютъ, что они имѣютъ законное право на землю, и ни одна часть земли не можетъ быть отдана кому бы то ни было безъ ихъ разрѣшенія. У начальника находилось въ обладаніи самое значительное количество земли, такъ какъ онъ былъ ближайшимъ по происхожденію къ начальнику, овладѣвшему землею впервые. Право на землю давалось завоеваніемъ и занятіемъ. Право рыбной ловли въ рѣкахъ и въ морѣ принадлежало мѣстнымъ землевладѣльцамъ».

Такъ какъ намъ уже извѣстно изъ другихъ источниковъ, цитированныхъ въ главѣ о поземельной собственоости, что новозеландская

[1]) A. S. Thomson. The Story of New Zealand. Lond. 1859, I, 93.

поземельная система есть система широкаго общиннаго владѣнія, и пользованія землею, то мы вправѣ отнестись критически ко всему тому, что говорится Томсономъ о суверенныхъ правахъ тамошнихъ начальниковъ. Напротивъ, мы еще болѣе убѣждаемся, что передъ нами просто родовая община, не допускающая постоянной единоличной власти, но въ то же время основанная на признаніи общаго родоначальника, а слѣдовательно и нѣкотораго старшинства родовъ. Убѣжденіе наше находитъ себѣ самое точное подтвержденіе въ слѣдующихъ словахъ Полака: [1]) «каждое племя Новой Зеландіи образуетъ родъ республики, и каждый округъ управляется непосредственнымъ начальникомъ, достоинство котораго признается *только на войнѣ*. Въ своей деревнѣ онъ не имѣетъ ни особой власти, ни права давать предписанія; права его состоятъ въ ничего недѣланіи и въ полученіи пищи изъ запасовъ другихъ семействъ; но у него нѣтъ ничего, кромѣ рабовъ, которыхъ онъ самъ плѣнилъ на войнѣ, и иной прерогативы, кромѣ татуировки, обозначающей его рангъ, которой никто иной носить не можетъ. Ему не оказываютъ никакого вниманія, никакого спеціальнаго уваженія, когда онъ является въ среду воиновъ. Дѣти начальника не наслѣдуютъ ему по смерти, а наслѣдуютъ его *братья* въ порядкѣ своего рожденія.»

На Сандвичевыхъ островахъ, говоритъ де Вариньи, [2]) было множество начальниковъ, раздѣленныхъ между собою частію соперничествомъ честолюбій и семейною ненавистью, частію же конфигураціею почвы и трудностью сообщеній. Жители различныхъ острововъ мало знали другъ друга, и даже на одномъ островѣ пропасти и горы образовали множество преградъ, установили множество границъ. Начальникъ и его семейство были священными особами. Онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ членами племени; но, будучи абсолютнымъ господиномъ тѣхъ, кто его окружалъ, онъ самъ былъ *рабомъ* обычаевъ расы и своего положенія. Между различными начальниками постоянно велись войны; каждый изъ нихъ завидовалъ территоріи сосѣда и мечталъ объ увеличеніи своей.... Представлявшаяся каждому начальнику необходимость собирать вокругъ себя большое число воиновъ и быть увѣреннымъ въ ихъ преданности, умѣряла деспотизмъ. Злоупотребленіе властью порождало недовольство, которое переходило въ бѣгство массами. Бѣглецы всегда были увѣрены, что будутъ отлично приняты сосѣднимъ начальникомъ, который былъ радъ увеличить свои силы насчетъ силъ своего врага... Характеръ туземцевъ представляетъ странное смѣшеніе уваженія къ начальникамъ и независимости отъ нихъ. Въ присутствіи своихъ

---

[1]) I. Polack, op. cit. I. 23 и сл.
[2]) De Varigny. Quatorze ans aux iles Sandwich. Paris 1874, 295—6.

старшихъ они говорятъ мало, но отвѣты ихъ ясны, точны. Они всѣмъ говорятъ «ты»: «вы» не употребляется у нихъ, за исключеніемъ означенія множественнаго числа. Но это «ты» нисколько не означаетъ недостатка уваженія или чрезмѣрной фамиліарности; такое предположеніе опровергается ихъ внѣшнимъ видомъ и способомъ держать себя. Впрочемъ, ихъ уваженіе не имѣетъ въ себѣ ничего сервилистическаго; оно есть уваженіе людей, которые допускаютъ соціальныя различія, равно какъ преимущества ранга и образованія, но въ то же время чувствуютъ сами себя господами и не несутъ никакого ига. Они уважаютъ свое начальство, но судятъ его; они знаютъ, что должны повиноваться только законамъ, и какъ бы высоко ни стоялъ начальникъ, власть его примѣняется лишь въ строгихъ границахъ его оффиціальнаго назначенія, если онъ имъ облеченъ, или частныхъ правъ, которыми обладаетъ каждый господинъ надъ своими наемниками; послѣдніе могутъ покинуть господина и покидаютъ, когда имъ заблагоразсудится.

Для характеристики такъ называемыхъ монархическихъ учрежденій на Сандвичевыхъ островахъ интересно тó, что, подобно Помаре I на Таити, господство перваго короля этихъ острововъ, Камеамеа I, надъ всѣми Гавайскими островами, изъ которыхъ онъ создалъ впервые родъ деспотической монархіи, не простирается далѣе конца XVIII и начала XIX столѣтія! И это еще не все. Подобно тому же Помаре I, онъ воспользовался для этого помощью англичанъ. «Ванкуверъ», говоритъ Бичи [1]), «значительно способствовалъ усиленію власти этого начальника, оказывая ему отличія, которыя не могли ускользнуть отъ вниманія другихъ начальниковъ, и, построивъ для него судно съ палубою, доставившею ему значительное преобладаніе и возможность держать всѣхъ въ своей зависимости. Въ благодарность за это Камеамеа уступилъ (?) острова королю Великобританіи, и съ тѣхъ поръ туземцы считаютъ себя подлежащими покровительству послѣдняго». Совершенно такимъ-же образомъ, англичанинъ Уильсонъ въ концѣ прошлаго столѣтія создалъ королевскую власть одного изъ мѣстныхъ родовыхъ старѣйшинъ на Палаузскихъ островахъ, предоставивъ въ его распоряженіе корабельный экипажъ съ своего корабля и пушки для веденія войны съ сосѣдними островами. Упуская изъ виду подобные факты, путешественники часто находили феодальныя учрежденія и деспотическую монархію въ такихъ странахъ, гдѣ, если и были какіе-либо слѣды учрежденій этого рода, то развѣ новѣйшихъ, а не древнихъ политическихъ образованій. Достаточно было-бы лишь небольшаго вниманія, чтобы немедленно опредѣлить, что въ подобныхъ случаяхъ

[1]) Biblioth. Universelle des Voyages, (XIX, 343).

имѣешь дѣло не съ какою-либо чуждою цивилизаціею, а съ произведеніемъ европейскихъ рукъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ отношенія власти и господства на океанійскихъ островахъ французскій путешественникъ Мёренгаутъ. [1]) По словамъ его, всѣ обитатели этихъ острововъ имѣли родъ феодальнаго правительства, аристократію, установленную съ незапамятныхъ временъ, многочисленные члены которой не переставали оспаривать другъ у друга верховную власть. Каждый островъ, какъ-бы онъ ни былъ малъ, раздѣлялся на два и болѣе округа, изъ которыхъ каждый имѣлъ всегда начальника, независимаго или временно платящаго дань другому. Случайный исходъ борьбы или подчинялъ островъ власти одного лица или раздѣлялъ его между многими; но ни въ чемъ и никогда эти правительства не были *устойчивы*; за исключеніемъ Сандвичевыхъ острововъ (въ чемъ состояло это исключеніе, мы только что видѣли), *нигдѣ* у этихъ островитянъ не было найдено династій, которыя бы царствовали въ теченіи продолжительнаго ряда лѣтъ. [2]) У наиболѣе дикихъ, напримѣръ уновозеландцевъ, или у тѣхъ, которые были еще каннибалами, начальники не имѣли другихъ прерогативъ, кромѣ права вести народъ на войну, но и тутъ безъ личной храбрости они командовали недолго. Однако, свою власть начальники выводили не изъ одного факта предводительства на войнѣ; прежде всего это была власть наслѣдственная, а потомъ, какъ ни были дики начальствовавшія лица, они уже призывали къ себѣ на помощь суевѣріе и фанатизмъ. Такъ, на Новой Зеландіи, на Маркизскихъ островахъ, равно какъ на островахъ Товарищества и Сандвичевыхъ, личность правителя была священна, и главные начальники имѣли надъ народомъ власть почти абсолютную, хотя даже и эта власть не всегда уважалась подчиненными начальниками. Эти страны близко подходили къ феодальной системѣ, въ европейскомъ смыслѣ слова, особенно на Сандвичевыхъ островахъ гдѣ народъ былъ рабомъ (?), какъ и повсюду, гдѣ эта система была въ силѣ, потому что на перечисленныхъ островахъ начальники почти произвольно располагали жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ. Впрочемъ, такой произволъ нигдѣ не былъ дозволенъ обычаемъ, а существовалъ лишь въ силу суевѣрія и фанатизма. Основаніемъ и поддержкою власти начальниковъ служилъ жестокій обычай человѣческихъ жертвоприношеній; боги, ужасъ народа, были всегда благо.

[1]) Moerenhaut, II, 4.

[2]) *Ниже мы увидимъ, что этотъ признакъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ характеристикъ первобытнаго сплоченія большихъ массъ народа въ одно политическое тѣло.*

пріятны начальникамъ, и если кто-либо имѣлъ несчастіе не-нравиться этимъ послѣднимъ, то могъ быть увѣренъ, что падетъ жертвою богамъ. Второю опорою ихъ власти было табу. Впрочемъ, народъ повиновался только старшимъ начальникамъ, а не младшимъ. Но дѣло въ томъ, что главныхъ начальниковъ было не по одному, а по нѣскольку, а гдѣ былъ одинъ, тамъ существовалъ родъ аристократіи въ видѣ независимыхъ или лишь временно зависимыхъ отъ главнаго начальника мѣстныхъ окружныхъ начальниковъ. Эти мѣстные начальники пользовались у себя большею властью, чѣмъ главный начальникъ во всей странѣ, добытой завоеваніемъ. Кромѣ высшей аристократіи, было еще большое число низшихъ начальниковъ, въ родѣ бароновъ, подъ именемъ *таванасъ*, и крупныхъ землевладѣльцевъ подъ названіемъ *ратитасъ*, которые всѣ вмѣстѣ составляли океанійскій феодализмъ и играли относительно главныхъ начальниковъ цѣлого острова или его части роль феодальныхъ бароновъ относительно королей въ средневѣковой Европѣ. Главные правители не могли дѣйствовать безъ помощи низшихъ начальниковъ, такъ какъ эти послѣдніе и ихъ люди составляли войско. Жреческая власть была также весьма значительна. Не рѣдко жреческія и административныя функціи, соединялись въ одномъ лицѣ, такъ что правительству придавался характеръ истинной теократіи. Всѣ должности были наслѣдственны.

Указывая на отсутствіе у океанійцевъ постоянныхъ династій, на наслѣдственный характеръ власти начальниковъ и на религіозныя или жреческія ея функціи, заставлявшія питать къ ней особенное уваженіе, Мёренгаутъ описываетъ въ сущности ничто иное, какъ общинно-родовыя учрежденія, выдаваемыя имъ за феодальныя. Развѣ европейскіе феодалы были когда нибудь жрецами, приносившими человѣческія жертвы, и развѣ въ феодальную эпоху могли существовать въ Европѣ женская филіація и другіе атрибуты первобытнаго общества, свойственные большей части океанійскихъ народовъ? Но если даже найдутъ, что всѣ подобныя учрежденія могли имѣть что либо общее съ европейскимъ феодализмомъ, то навѣрное не причислятъ къ той же категоріи каннибализма, дѣтоубійства и сожиганія женъ. Утверждать это или что нибудь подобное, значитъ, совершенно пренебречь самымъ существеннымъ орудіемъ соціологіи— изученіемъ явленій общественной жизни не иначе, какъ въ историческомъ ихъ сосуществованіи. Нельзя отъискивать общественныхъ и политическихъ параллелей между океанійскимъ царствомъ каменныхъ и костяныхъ орудій и европейскимъ желѣзнымъ вѣкомъ.

Мёренгаутъ видитъ въ принесеніи человѣческихъ жертвъ начальниками одно лишь поощреніе суевѣрія и фанатизма, изъ которыхъ въ свою очередь выводитъ могущество власти правителей. Но

онъ забываетъ при этомъ систему міросозерцанія всѣхъ первобытныхъ народовъ, которые не только вѣрятъ въ будущую жизнь, но представляютъ ее себѣ совершенно подобною настоящей. Душа только оставляетъ тѣло на время, а не совсѣмъ покидаетъ его. Доказательствомъ служитъ широко распространенный обычай погребенія, вмѣстѣ съ умершимъ, предметовъ пищи, другихъ полезныхъ вещей, жены, рабовъ и т. под., чтобы все это продолжало въ будущей жизни отправлять при умершемъ свое земное назначеніе. Повременамъ, какъ извѣстно, желая особенно почтить то или другое божество, дикари приносятъ въ жертву собственныхъ дѣтей. Развѣ и въ такомъ случаѣ можно вести рѣчь о деспотической власти, принуждающей ихъ къ тому? Принося человѣческія жертвы и совершая другія подобныя жестокости, общественная власть дѣйствовала не въ силу своего деспотическаго характера, а въ точномъ соотвѣтствіи съ міросозерцаніемъ народа.

Всѣ недостатки аргументаціи Мёренгаута, какъ и другихъ многочисленныхъ писателей, открывающихъ феодализмъ и монархическую власть у первобытныхъ народовъ, состоятъ въ томъ, что они не смотрятъ въ корень дѣла, а блуждаютъ взоромъ только по поверхности. Знай Мёренгаутъ объ экономической организаціи полинезійскихъ народовъ то, что извѣстно, напримѣръ, голландскому резиденту на Индійскомъ Архипелагѣ Боссхеру, то онъ конечно не сочинилъ бы на Маркизскихъ островахъ феодальныхъ владѣльцевъ въ родѣ европейскихъ. Вотъ что говоритъ намъ Боссхеръ [1]) объ экономическомъ укладѣ полинезійскихъ островитянъ, однимъ ударомъ устраняя возможность всякой дальнѣйшей полемики объ ихъ феодальныхъ учрежденіяхъ: «Прежде чѣмъ голландская Остъ-индская компанія поставила свою ногу на Молуккскіе острова, земледѣльческая собственность была здѣсь повсюду подчинена *полинезійскому праву*, на основаніи котораго собственность принадлежитъ коллективно народу, такъ что всякое право находилось у народа и исходило отъ народа. Начальники полинезійскихъ странъ не обладали *никакими суверенными правами*; имъ не принадлежало также никакой другой подобной власти, иначе, какъ въ той мѣрѣ, въ какой они были исполнителями народной воли. Такъ какъ начальники не могли свободно распоряжаться землею, не располагая никакою суверенной властью, то они натурально не могли уступить по договору подобныхъ правъ Остъ-индской компаніи, или кому либо другому». Спрашивается, какой-же феодализмъ могъ совпадать съ подобною системой землевладѣнія?

---

[1]) См. журналъ De Indische Gids, 1879, October. De Minahassa questie... door C. Bosscher.

Понятіе о существованіи на океанійскихъ островахъ феодализма и монархческой власти, и какъ исконныхъ мѣстныхъ учрежденій, не смотря на всю свою несостоятельность, проникло столь глубоко въ сознаніе изслѣдователей, что до самого послѣдняго времени считалось положитель нообщепринятымъ [1]). Такъ, напр., вотъ что мы читаемъ у Кристмана и Оберлендера [2]): «Въ общественномъ отношеніи Меланезія далеко отстаетъ отъ Полинезіи. Населеніе острововъ распадается на множество племенъ, которыя, вмѣсто государственной связи, враждебны между собою. Нѣкоторыя племена имѣютъ начальниковъ, власть которыхъ однако всегда незначительна; эти племена въ свою очередь расчленяются по деревнямъ на многочисленныя мелкія развѣтвленія, которыя при важныхъ поводахъ соединяются и иногда становятся подъ общую власть. При всемъ томъ, народъ всюду противополагается одному начальнику, и средняго класса не существуетъ. Напротивъ, въ Полинезіи общество вездѣ строго раздѣлено на два сословія, благородное, которое находится въ родствѣ съ богами, и простой народъ, который принадлежитъ только землѣ и не имѣетъ души; но на большей части группъ имѣется и третій классъ—землевладѣльцевъ (не достаетъ, слѣдовательно, только фермеровъ!); и здѣсь и тамъ, напримѣръ: на Таити, высшее дворянство происходитъ отъ короля, королевской фамиліи и ея ближайшихъ родственниковъ. При этомъ мы здѣсь довольно часто находимъ родъ *феодальной системы*, по которой одинъ король или вождь имѣетъ подъ своею властью многихъ вождей, выводящихъ отъ него свою поземельную собственность(?) и оказывающихъ ему военныя услуги. Знатные одни суть обладатели всякаго права, всякой силы, всякой собственности; они стоятъ въ связи съ богами и являются ихъ представителями на землѣ. Простой народъ вполнѣ зависитъ отъ знатныхъ, которымъ принадлежитъ все, что онъ вырабатываетъ и чѣмъ обладаетъ. Поэтому дворянство и все къ нему принадлежащее отдѣлено отъ простаго народа строжайшими религіозными запрещеніями, за нарушеніе которыхъ грозитъ смертная казнь. На подобную же феодальную систему наталкиваемся мы и въ Микронезіи (Ладроны

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что продолжатель Вайца Герландъ совершенно испортилъ VI томъ его классической Антропологіи, апріорно и фантастически навязывая всѣмъ океанійскимъ народамъ болѣе сложное и высшее политическое прошедшее съ сильною монархической властью и феодализмомъ, нежели ихъ настоящее состояніе. Матеріаломъ для этого совершенно невѣрнаго и даже нелѣпаго предположенія послужили Герланду труды многихъ путешественниковъ, которые несомнѣнно принимали одну вещь за другую. Недостатокъ времени и мѣста не дозволяетъ намъ привести подробныя доказательства въ пользу полной несостоятельности взглядовъ Герланда на характеристику политической организаціи океанійцевъ, и потому мы отсылаемъ читателя для убѣжденія въ томъ къ VI тому Антропологіи Вайца.

[2]) Christman u. Oberlaender, op. cit. 220, 324, 328.

Маріанскіе, Каролинскіе, Маршалевы и Жильбертовы острова). Населеніе здѣсь обыкновенно раздѣлено на три ступени,—дворянство, полудворянство и народъ; по временамъ промежуточной ступени нѣтъ вовсе. Часто во главѣ многихъ начальниковъ стоитъ король, который однако не имѣетъ большой власти, а только пользуется почетомъ и правомъ предсѣдательства въ народныхъ собраніяхъ».

«Тутъ все есть, если нѣтъ ошибки». Все, сказанное авторомъ объ организаціи народныхъ собраній и правительственной власти у океанійскихъ народовъ, все, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ относительно общинной поземельной и движимой собственности у этихъ народовъ, объ ихъ широчайшемъ гостепріимствѣ и о системахъ ихъ родства, — согласно свидѣтельствуетъ, что мы просто имѣемъ передъ собою различныя ступени развитія общинно-родоваго быта, а совсѣмъ не феодальное общество. Невѣрно поэтому, будто знатные люди океанійскихъ острововъ суть «единственные обладатели всего права, всякой силы, всякой собственности, всей работы простаго народа». Тутъ авторъ, по всей вѣроятности, принялъ процессъ распредѣленія начальникомъ продуктовъ среди жителей (см. выше, утвержденіе Причарда) за полное и окончательное присвоеніе себѣ собственности высшими классами. Самъ-же авторъ дѣлаетъ то сообщеніе, что «на Самоанскихъ островахъ начальники дѣлятъ обыкновенныя ежедневныя занятія съ простонародьемъ: они ходятъ на рыбную ловлю, обработываютъ свою плантацію, помогаютъ при постройкѣ дома». Все это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ высокому почитанію народомъ представителей старшихъ родовъ и даже близости ихъ къ богамъ, въ которыхъ народъ прежде всего видитъ своихъ собственныхъ предковъ, отошедшихъ въ лучшій міръ. Это нисколько не вредитъ правильному значенію и той общераспространенной идеи, будто правящему классу у океанійскихъ народовъ принадлежитъ вся земля. Подобная идея означаетъ отнюдь не частное право начальниковъ на землю, а только право управленія ею, вытекающее изъ ихъ общественно-должностной функціи и представляющее ничто иное какъ олицетвореніе народной воли. На этой почвѣ мѣстами очень рано возникаетъ право старѣйшинъ располагать свободною землею, право на угощеніе съѣстными припасами у всякаго члена общины и пр. Жаль, что авторъ обратилъ такъ мало вниманія на тѣ народныя собранія, въ которыхъ рѣшаются всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней жизни океанійскихъ народовъ, и о которыхъ онъ говоритъ лишь мимоходомъ; тогда онъ увидѣлъ-бы дѣйствительность въ совершенно иномъ, но за то болѣе вѣрномъ свѣтѣ.

Вопреки всякой предвзятой теоріи господства у первобытныхъ народовъ феодальныхъ учрежденій и деспотической власти, цѣлый

рядъ отрывочныхъ замѣчаній, бросаемыхъ мимоходомъ различными путешественниками по поводу мѣстныхъ политическихъ учрежденій, подтверждаетъ существованіе у такихъ народовъ общинно-родовой системы, а не феодальнаго общества или монархіи. Такъ, напримѣръ, Кукъ [1]), говоря о системѣ правленія на островахъ Дружбы, сообщаетъ слѣдующее наблюденіе: «между ними господствуетъ субординація, которая *напоминаетъ* феодальную систему нашихъ предковъ. Никакой народъ въ мірѣ, изъ самыхъ цивилизованныхъ, повидимому, не можетъ превзойти этихъ островитянъ *въ добромъ порядкѣ ихъ собраній*, въ рвеніи, съ какимъ они повинуются своимъ начальникамъ, *въ гармоніи, господствующей между всѣми классами народа, настолько что они представляютъ какъ бы одного человѣка, руководимаго неизмѣнными началами*... Нѣкоторые островитяне сказали мнѣ, что *власть короля неограниченна*, и что онъ господинъ собственности и жизни своихъ подданныхъ; но *небольшое число наблюденій*, сдѣланное нами по этому предмету, *болѣе противно, нежели благопріятно идеѣ деспотическаго правительства*. Такъ Ваги, старый Тубу и Фину, дѣйствовали, какъ мелкіе суверены, и часто нарушали мѣры короля, возбуждая тѣмъ его жалобы». Спрашивается въ чемъ-же тутъ заключается субординація, напоминающая феодальную систему? Если—въ іерархіи старѣйшинъ, то эта послѣдняя одинаково свойственна и родовымъ союзамъ, только съ оставленіемъ каждому изъ нихъ большей самостоятельности и независимости дѣйствій. Для объясненія гармоническаго строя общества также достаточно однихъ родовыхъ учрежденій, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, отличаются большимъ сплоченіемъ и строгой военной дисциплиною. Въ томъ-же самомъ смыслѣ должна быть объясняема и слабая власть такъ называемаго короля.

Ближайшее разсмотрѣніе системы общественныхъ классовъ на островахъ Дружбы совершенно убѣждаетъ въ справедливости только что сдѣланнаго нами заключенія. Вотъ что мы находимъ объ этой послѣдней въ извѣстномъ сочиненіи Маринера [2]): «Здѣсь существуетъ», по его словамъ, «нѣсколько отдѣльныхъ классовъ общества: духовенство произшедшее отъ боговъ и распадающееся на старшее и младшее, король и благородные *эги*, благородные *матабули, мооасъ и тооасъ*. Власть и вліяніе короля вытекаютъ изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ наслѣдственнаго права, изъ предполагаемаго покровительства боговъ, если онъ законный наслѣдникъ, изъ репутаціи воина, изъ благородства предковъ, изъ силы и числа его дружины. Подъ *эги* разумѣются благородные,

---

[1]) Cook, Troisième Voyage, X, p. 65.
[2]) W. Mariner. Tonga Islands, Lond. 1817, II, 80 и слѣд.

которые состоятъ въ родствѣ или съ высшими духовными семействами, или съ королевскимъ. *Матабули*—средняя дружина короля; *мооасъ* ихъ сыновья, братья, внуки и пр. Матабули занимаютъ по рангу ближайшее мѣсто къ начальникамъ; они представляютъ родъ почетной стражи при начальникѣ; они его компаньоны, совѣтники и помощники; они надзираютъ за надлежащимъ исполненіемъ его приказаній и желаній и могли бы быть названы его министрами; имъ придается бо́льшее или меньшее значеніе, смотря по достоинству начальника, при которомъ они состоятъ; они завѣдуютъ всѣми церемоніями и имѣютъ наслѣдственный рангъ. Предполагается, что матабули были первоначально отдаленными *родственниками* благородныхъ перваго класса или произошли отъ лицъ, прославившихся своею опытностью и мудростью, и что знакомство и дружба съ ними сдѣлались въ этомъ отношеніи полезными для короля и для другихъ высшихъ начальниковъ. Такъ какъ никто не можетъ быть признанъ матабуломъ, пока не умеръ его отецъ, то большинство матабулъ находится въ возрастѣ выше средняго. Будучи знакомы со всѣми обрядами и церемоніями, обычаями, нравами и дѣлами Тонга, они всегда считаются людьми высшаго знанія и опытности. Когда матабулъ умираетъ, то матабуломъ становится его старшій сынъ, а за отсутствіемъ сына ближайшій братъ отца. Всѣ сыновья и братья матабулъ суть *мооасъ*. Мооасъ—слѣдующій за матабулами классъ народа; они или *сыновья* и *братья* матабулъ или потомки ихъ. Подобно тому, какъ сыновья и братья матабулъ суть мооасъ, и какъ ни одинъ мооа не можетъ быть матабуломъ, пока не умерли его отецъ и братъ, которымъ онъ наслѣдуетъ,—сыновья и братья мооасъ суть лишь *тооасъ*, и ни одинъ тооа не можетъ стать мооа, пока не умерли его отецъ или братъ, которымъ онъ наслѣдуетъ [1]). Мо-

[1]) Это повышеніе въ рангѣ отдѣльныхъ членовъ тонганской общины въ случаѣ открывающейся вакансіи представляетъ большое сходство съ организаціею древней ирландской семьи,—сходство тѣмъ болѣе поразительное, что въ нѣкоторыхъ изъ раздѣленій этой послѣдней видны слѣды той самой классификаціонной (Морганъ) системы родства, которая господствуетъ на о-вѣ Тонга и замѣняется въ Европѣ системой описательной. Какъ извѣстно, классификаціонная или первобытная система допускаетъ болѣе широкіе классы родства, исключая первую, вторую, третью и т. д. ступени родства. Отецъ и дяди здѣсь соединяются въ одну группу, иногда на сторонѣ отца, иногда на сторонѣ матери—все это отцы даннаго лица. Такимъ-же образомъ всѣ его братья и кузены суть братья. Древняя ирландская семья раздѣлялась на четыре группы, по четыре члена въ трехъ и по пяти въ одной, заключая всего семнадцать членовъ, съ переходомъ въ высшій рангъ одного изъ членовъ каждой, когда въ нее прибудетъ новый членъ. Семнадцатый членъ есть родоначальникъ; остальныя ступени родства служатъ для наслѣдства по классификаціонной системѣ (H. S. Maine. Lectures on the early history of institutions, Lond. 1875, 208—209).

оасъ оказываютъ большую помощь при публичныхъ церемоніяхъ, накопляя пищу и каву [1]) подъ надзоромъ матабуловъ: иногда, въ особенно важныхъ случаяхъ они распоряжаются и дѣйствуютъ вмѣсто самихъ матабуловъ. Подобно матабуламъ, они входятъ въ составъ свиты начальниковъ и пріобрѣтаютъ значеніе соотвѣтственно рангу этихъ послѣднихъ. Большая часть мооасъ занимаются какимъ-нибудь ремесломъ (объ этомъ см. ниже) и, сверхъ того, вмѣстѣ съ матабулами, слѣдятъ за порядкомъ въ обществѣ и за поведеніемъ младшихъ начальниковъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Тооасъ представляютъ самый низкій классъ—большинство народа. По рожденію они всѣ крестьяне, но нѣкоторые изъ нихъ употребляются въ ремеслахъ — татуировочномъ, поварскомъ, рѣзьбѣ дубинъ (оружіе) и пр. Каждый высшій начальникъ и правитель имѣетъ вокругъ себя родъ свиты—cow-nofa, которая состоитъ изъ низшихъ начальниковъ и матабулъ; при каждомъ низшемъ начальникѣ имѣется также свита — cow-tongata или дружина, состоящая, главнымъ образомъ, изъ мооасъ и отчасти изъ тооасъ; матабулы не имѣютъ при себѣ свиты. Значительное число cow-nofa *живетъ* и *ночуетъ* въ оградѣ или близь ограды главнаго начальника (каждая ограда включаетъ нѣсколько домовъ), но есть и такіе, которые *проводятъ ночь* и большую часть времени у себя на плантаціяхъ. Свои собственныя плантаціи имѣютъ не только низшіе начальники, но и матабулы и мооасъ; но въ то время, какъ низшіе начальники обыкновенно живутъ на своихъ плантаціяхъ, большая часть матабулъ и мооасъ обитаетъ по близости отъ главнаго начальника [2]).

---

[1]) Спиртный напитокъ.

[2]) Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ на сходство мужскихъ и женскихъ свитъ на островахъ Дружбы съ такъ называемыми клёббергеллями на Палаузскихъ островахъ. Но только въ настоящую минуту намъ возможно обнаружить это сходство во весь ростъ. „Мадъ", говоритъ д-ръ Земперъ (Die Palau-Inseln, 36), „есть король въ собственномъ смыслѣ, которому, на ряду съ предсѣдательствомъ въ княжескомъ совѣтѣ, ввѣряются исключительныя права рѣшенія и надзора за религіозными празднествами и все что связано съ культомъ предковъ. Ему подчиненъ раздатчикъ милостыни (Almosenier), по имени Инатекло, также имѣющій мѣсто и голосъ въ совѣтѣ князей. Второе лицо въ государствѣ(?)—Крей—воинъ и главнокомандующій, а равно распорядитель всѣми общественными и общинными работами, истинный мажордомъ, который и здѣсь, на Тихомъ Океанѣ, часто игралъ подобную-же роль, какъ Тайкунъ въ Японіи, или мажордомъ Меровинговъ въ государствѣ франковъ; въ княжескомъ совѣтѣ онъ засѣдаетъ наравнѣ съ Мадомъ. Къ тому и другому при большихъ празднествахъ, и при торжественныхъ засѣданіяхъ совѣта, касающихся благосостоянія отечества, примыкаетъ по свитѣ болѣе мелкихъ князей (рупаковъ). Это подраздѣленіе всей совокупности князей на состоящихъ въ свитѣ Крея и Мада, не ограничивается одною только общественною жизнью. Каждый изъ обоихъ главныхъ князей есть вмѣстѣ съ тѣмъ глава своей свиты; вмѣстѣ съ свитою онъ обладаетъ большимъ домомъ,

Какъ ни сложна, повидимому, тонганская общественная организація, но одинъ общій критерій, связывая въ одно цѣлое всѣ ея составныя части, въ сильной степени способствуетъ упрощенію понятія объ ней. Критерій этотъ—*взаимное родство* всѣхъ группъ тонганскаго общества. Благородные высшаго класса находятся въ родствѣ съ духовенствомъ и съ королевскою фамиліей, матабули съ

подъ названіемъ б а и, въ которомъ члены этого союза, такъ называемаго к л ё б б е р г е л л я, п р о в о д я т ъ н о ч и и большую часть д н я. Такимъ образомъ въ Айбукитѣ и, подобно ему, во всѣхъ прочихъ общинахъ страны, первый классъ князей въ собственномъ смыслѣ образуетъ два такъ называемые клёббергеля. Во второмъ классѣ населенія, у такъ называемыхъ мелкихъ князей (kikeri rupack) или у свободныхъ, какъ и въ третьемъ классѣ—зависимыхъ, или а р м о, встрѣчаются подобные-же, но болѣе многочисленные клёббергели, которые можно, пожалуй, сравнить съ нашими п о л к а м и, такъ какъ здѣсь дѣйствительно господствуетъ всеобщая воинская повинность. Начиная съ 5 и 6 лѣтняго возраста, всѣ мальчики обязаны вступать въ подобные клёббергели и принимать участіе въ войнѣ или въ предписанныхъ правительствомъ публичныхъ работахъ. Но въ нихъ свободные и зависимые н е с т р о г о отдѣляются другъ отъ друга, хотя первые всегда занимаютъ первыя мѣста, частью какъ свободные, а частью потому, что изъ ихъ числа назначаются князья въ собственномъ смыслѣ, по выбору и наслѣдственно. И такъ, многія изъ лицъ втораго класса принадлежатъ къ одной изъ многочисленныхъ низшихъ категорій только въ и з в ѣ с т н о м ъ в о з р а с т ѣ, а впослѣдствіи переходятъ, въ качествѣ рупаковъ, въ княжескій совѣтъ; между тѣмъ люди, принадлежащіе къ армо, остаются до конца своей жизни въ полкахъ втораго порядка. Подраздѣленіе здѣсь имѣетъ мѣсто лишь на столько, что въ каждый отдѣльный клёббергель, заключающій въ себѣ 35—40 человѣкъ, допускаются только р а в н о в о з р а с т н ы е мальчики или мужчины, такъ что каждый изъ нихъ въ теченіи своей жизни (нормальной продолжительности) п р и н а д л е ж и т ъ, по меньшей мѣрѣ, к ъ т р е м ъ и л и ч е т ы р е м ъ р а з л и ч н ы м ъ к л ё б б е р г е л л я м ъ.—Въ сущности каждая отдѣльная деревня образуетъ самостоятельное государство, расчлененное упомянутымъ образомъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ также особые титулы для соотвѣтствующихъ должностей, которые никогда не бываютъ одинаковы. Часто эти отдѣльныя деревни существуютъ какъ самостоятельныя государства рядомъ другъ съ другомъ, какъ на Пелеліу и на Крейангелѣ, или многія изъ нихъ подчиняются одной болѣе могущественной, вступая къ ней въ извѣстное вассальное отношеніе".

Большое сходство съ Тонганскою и Палаузскою организаціею общественныхъ классовъ представляютъ соотвѣтствующія учрежденія на группѣ Банковыхъ острововъ. Вотъ что сообщаетъ о нихъ англійскій миссіонеръ Кодрингтонъ Королевскому Обществу въ Викторіи (Globus, 1882, M. Eckardt. Religiöse Anschauungen und sociale Einrichtungen auf den Banks-Inseln): „Политическія отношенія на Банковыхъ островахъ совершенно своеобразны. Жители этихъ острововъ не знаютъ никакого начальника и тѣ, кого путешественники обозначали этимъ именемъ, суть только члены извѣстныхъ ранговыхъ классовъ, называемыхъ S u p w e или S u q u e,—важное учрежденіе, существующее также на о-вѣ Саломонѣ и на Гебридахъ и образующее своеобразную связь, соединяющую отдѣльныхъ членовъ племени. S u p w e обнимаетъ только мужской полъ. Значеніе каждаго лица находится въ зависимости отъ того ранговаго класса, къ которому оно принадлежитъ. Для каждаго изъ этихъ классовъ предназначено особое снабженное кухонною печью, отдѣленіе въ g a m a l'ѣ, общинномъ домѣ, которымъ обладаетъ каждая деревня. Здѣсь происходятъ общія собранія, въ которыхъ совѣщаются о принятіи новыхъ членовъ, а также устраиваются обѣды для членовъ, тогда какъ женщины и дѣти ѣдятъ

благородными высшаго класса, мооасъ съ матабулами, тооасъ съ мооасами, слѣдовательно всѣ одинаково входятъ въ составъ одной обширной родовой группы и распредѣляются въ ней сообразно старшинству рода. Отсюда видно, что раздѣленіе тонганцевъ на различные общественные классы не имѣетъ ничего общаго съ феодально-сословною организацiею, а слѣдовательно здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ дворянствѣ, короляхъ и т. п. Если-же вспомнить, что общественное сложеніе многихъ другихъ группъ населенія океанiйскихъ острововъ имѣетъ много общаго съ организаціей тонганцевъ, какъ въ томъ соглашаются сами защитники феодальной теоріи, то выводу, добытому изъ наблюденія надъ тонганцами, необходимо придать весьма обширное распространеніе. Еще болѣе: каждый родъ занятій на островахъ Дружбы образуетъ не столько особый общественный *классъ*, сколько принадлежность извѣстнаго *возраста*. Такъ напримѣръ, тооасъ занимаются земледѣліемъ и нѣкоторыми особыми ремеслами, *пока не умрутъ* ихъ отцы и братья мооасъ, что даетъ имъ возможность самимъ сдѣлаться мооасъ и перемѣнить свой родъ занятій; такимъ-же образомъ мооасъ, *по смерти* своихъ отцовъ и братьевъ, дѣлаются матабулами и также перемѣняютъ родъ занятій, а матабулы, если не теперь, то прежде, вѣроятно, переходили въ классъ *эги* или высшихъ благородныхъ. По всей вѣроятности, тонганская общинно-родовая организація представляетъ собою ничто иное, какъ одинъ изъ моментовъ первоначальнаго развитія родовыхъ кастъ, а именно тотъ, когда касты не обособлены еще въ отдѣльныя группы личностей, а образуютъ эластическую организацію возрастовъ. Матеріаломъ для этой организаціи служитъ, съ одной стороны, исконное раздѣленіе труда между возрастами и полами, а съ другой, братскій характеръ родства, основаннаго на материнскомъ правѣ. Справедливо говоритъ Бахофенъ (Das Mutterecht 103), что «раздѣленіе на касты и материнское право одновременны не только по своему возникновенію, но и по внутреннему соотношенію. Съ мате-

---

въ своихъ хижинахъ. Если кто либо повышается въ рангѣ, то онъ долженъ заплатить каждому изъ членовъ извѣстную сумму, состоящую для высшихъ классовъ изъ свиней. Къ высшему классу принадлежатъ лишь весьма немногіе, обладающіе значительною властью. Они опредѣляютъ, кому слѣдуетъ перейти въ высшій классъ, кого нужно совсѣмъ исключить и т. под. Прежде каждый членъ былъ обязанъ подъ опасеніемъ штрафа обѣдать только въ gamalѣ; теперь это не такъ уже строго обязательно. Среди женщинъ существуетъ подобное-же соединеніе, только собственнаго gamal'я у нихъ нѣтъ.—Члены высшихъ классовъ, большею частью, принимаютъ участіе въ союзѣ, который, по мнѣнію народа, находится въ сношеніяхъ съ духами. Всѣ засѣданія ихъ происходятъ въ Salohoro, отдѣльномъ мѣстѣ близъ деревни, куда никто кромѣ нихъ не можетъ входить. Каждому изъ принадлежащихъ къ этому союзу предоставляется право налагать на вещи табу, т. е. запретъ, который выражается въ прикрѣпленіи къ вещи особаго знака — липоваго листа.

римскимъ правомъ связана полнѣйшая достовѣрность происхожденія, и именно поэтому оно является простѣйшею основою самого кастоваго устройства. Въ Египтѣ отдѣльное лицо пользовалось въ предѣлахъ своей касты широкою свободою, и на празднествахъ общаго божества всѣ египтяне чувствовали себя, какъ одну, удостоенную одного преимущества общину, какъ одинъ народъ; всякое кастовое различіе уступало при этомъ общинному сознанію. Во всѣхъ изложенныхъ чертахъ обнаруживается особенность того, основаннаго на преобладаніи матери jus naturale, которое держится на естественномъ равенствѣ всѣхъ членовъ народа». На островахъ Дружбы преобладаніе права матери не подлежитъ сомнѣнію. Мы уже говорили выше о высокомъ положеніи женщинъ на островахъ Тонга. Наслѣдственное достоинство здѣсь передается въ женской линіи, женщины уважаются и даже почти обоготворяются, наиболѣе знатныя имѣютъ при себѣ женскія свиты.

Мы могли-бы значительно увеличить число примѣровъ, доказывающихъ, что въ феодально-деспотическомъ правленіи родовыхъ вождей, стоящихъ во главѣ океанійскихъ народовъ, не все обстоитъ благополучно, и что путешественники черезчуръ поспѣшно принимали общую грубость нравовъ, жестокія религіозныя церемоніи и возвышеніе нѣкоторыхъ вождей подъ вліяніемъ европейцевъ за выраженіе феодализма и монархической власти; но достаточно и этихъ, потому что намъ еще не разъ придется обращаться къ подобнымъже примѣрамъ изъ другихъ странъ.

«Правленіе чукчей», говоритъ Банкрофтъ, [1]) «можно назвать почти патріархальнымъ. Всюду способный или старый человѣкъ получаетъ въ племени преобладаніе и руководитъ своими товарищами. Нѣкоторыя племена допускаютъ номинальныхъ начальниковъ, но ихъ власть незначительна; они не могутъ ни требовать отчета, ни управлять движеніями народа. Власть ихъ, повидимому, примѣняется только въ сношеніяхъ съ другими народами. Соціальныхъ различій не существуетъ никакихъ. У калошей должность вождя избирательная, и степень власти зависитъ отъ способностей вождя; у однихъ вождей власть чисто номинальная, другіе дѣлаются большими деспотами. Кромѣ наслѣдственнаго дворянства (?), изъ котораго избираются всѣ вожди, нація распадается на два большихъ дѣленія или класса, носящихъ названія животныхъ. У колумбійцевъ начальниками бываютъ часто женщины. При первыхъ встрѣчахъ съ бѣлыми, начальники нерѣдко торговали за цѣлое племя, однако, подвергая свои рѣшенія одобренію нѣсколькихъ семействъ, изъ которыхъ каждое, повидимому, представляло родъ подчиненнаго

---

[1]) Bancroft. op. cit. I, 65, 107—108, 167, 193, 217, 240, 347—9.

правительства. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ начальникъ пользуется абсолютною властью и широко примѣняетъ ее къ совершенію въ высшей степени жестокихъ актовъ единственно ради собственнаго удовольствія. Система правленія у нуткасъ называлась патріархальною, наслѣдственною и феодальною. У нихъ нѣтъ никакой конфедераціи; каждый классъ независимъ отъ остальныхъ, за исключеніемъ того, что сильныя племена естественно господствуютъ надъ слабыми. Власть начальника чисто номинальна и ограничивается почти однимъ только внѣшнимъ почетомъ; начальникъ занимаетъ почетное мѣсто на часто повторяющихся публичныхъ празднествахъ, предсѣдательствуетъ во всѣхъ совѣщаніяхъ племени и всѣми уважается. Между начальникомъ и народомъ стоитъ классъ благородныхъ, составляющій около 1/4 всего населенія и распадающійся на нѣсколько ступеней, изъ которыхъ высшая отчасти наслѣдственна, хотя, подобно всѣмъ низшимъ, достижима при помощи храбрости или чрезвычайной щедрости. Всѣ второстепенные начальники должны быть утверждаемы племенемъ, а нѣкоторые назначаются вождемъ. Въ племени точно опредѣлено мѣсто каждаго человѣка и строго соблюдаются соотвѣтствующія ему привилегіи. Есть начальники, имѣющіе широкую власть въ военныхъ экспедиціяхъ. Гарпунщики также образуютъ родъ привилегированнаго класса, достоинство котораго передается отъ отца къ сыну. — У колумбійцевъ, живущихъ южнѣе, правленіе самое простое; каждое лицо совершенно независимо и является полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій. Въ каждомъ племени имѣется номинальный начальникъ, который иногда пріобрѣтаетъ большія привилегіи своимъ богатствомъ и личными качествами, но власти не имѣетъ, а только управляетъ движеніями племени во время военныхъ вторженій. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ наслѣдственныхъ достоинствъ или кастъ; иногда лишь наслѣдуется богатство. О системѣ правленія чипуковъ можно сказать немногое кромѣ того, что при его помощи весьма успѣшно достигалось поддержаніе мира и хорошее регулированіе взаимныхъ отношеній общинъ. Каждый союзъ деревень представлялъ обыкновенно цѣлое политическое тѣло, номинально управляемое начальникомъ, наслѣдственнымъ или выбираемымъ за богатство и популярность; такой начальникъ въ своихъ отношеніяхъ къ племени пускалъ въ ходъ не столько власть, сколько нравственное вліяніе, но тѣмъ не менѣе его мѣропріятіямъ рѣдко оказывалось сопротивленіе. Въ хозяйствѣ власть принадлежала не самому старшему, а самому дѣятельному и полезному его члену. — У калифорнійскихъ индійцевъ наслѣдственное достоинство начальника почти неизвѣстно. Если сынъ наслѣдуетъ должность отца, то только потому, что наслѣдуетъ его богатство; когда же является болѣе богатый человѣкъ, то прежній

правитель получаетъ отставку и новый занимаетъ его мѣсто. Быть начальникомъ значитъ имѣть положеніе, а не власть; онъ можетъ давать совѣты, но не приказывать, и если подданные не захотятъ ему повиноваться, онъ не можетъ вынудить ихъ къ тому. У бухты Тринидадъ индійцы были управляемы начальниками, которые имѣли надъ ними власть только во время охоты и рыбной ловли.— У команчей не существуетъ правительства, господствуетъ полная свобода и отсутствіе всякихъ продолжительныхъ стѣсненій. Номинальная власть вождя пріобрѣтается посредствомъ выбора и подчинена совѣту воиновъ. Вождь можетъ быть низложенъ во всякое время. Иногда случается, что какое-нибудь одно семейство удерживаетъ главенство въ племени въ теченіи многихъ поколѣній, благодаря храбрости или богатству его членовъ. Въ мирное время вождь почти совершенно лишенъ власти; но въ военное время, въ видахъ достиженія успѣха, распоряженіямъ его повинуются безпрекословно.

Организація индійскихъ племенъ Сѣверной Америки не отличается большою сложностью. [1]) Индійцы отъ природы прямы, великодушны и просты, какъ въ частной, такъ и въ соціальной жизни; они не нуждаются въ могущественной власти для контроля надъ собою, такъ какъ семейные споры и пререканія, относящіяся къ собственности, почти неизвѣстны между ними. Духовенство и врачи присутствуютъ при публичныхъ церемоніяхъ. Начальники руководятъ военными экспедиціями, но въ мирное время не имѣютъ другого вліянія, кромѣ зависящаго отъ ихъ добродѣтелей, заслугъ и талантовъ. Какъ только старческій возрастъ или болѣзнь лишаютъ начальниковъ способности отправлять военную власть, ихъ замѣщаютъ сыновьями или другими воинами, которыхъ признаютъ болѣе способными къ отправленію должности вождя. У нѣкоторыхъ племенъ общественныя дѣла ведутся совѣтомъ старѣйшинъ, рѣшенія которыхъ принимаются по большинству голосовъ (или единогласно). Глава семейства судитъ самъ и безъ апелляціи всѣ частныя дѣла. Нѣтъ ничего проще ихъ обычаевъ, изъ которыхъ главный, имѣющій прочную опору въ общественномъ мнѣніи, состоитъ въ уваженіи къ возрасту и опытности. Отдѣльныя лица не имѣютъ другого вліянія, кромѣ пріобрѣтеннаго мудростью въ совѣтахъ и храбростью въ бою. Родственныя связи установляютъ среди племенъ не физическую или моральную власть, а только братство, кланство. Власть начальниковъ (сахемовъ) не болѣе какъ номинальная въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ нравственныя качества и храбрость не соотвѣтствуютъ ихъ положенію; въ подобныхъ случаяхъ они бываютъ лишены всякаго вліянія и мѣсто ихъ во главѣ племени естественно зани-

[1]) Domenech, op. cit. 357, 340.

маетъ воинъ, который пріобрѣлъ больше славы и извѣстности въ совѣтѣ или въ охотничьихъ и въ военныхъ экспедиціяхъ, а первые объявляются общественнымъ мнѣніемъ недостойными или неспособными удерживать свое положеніе. Среди команчей власть начальника скорѣе фиктивная, чѣмъ дѣйствительная; но у нихъ имѣется много мелкихъ начальниковъ, предводительствующихъ военными отрядами. Дакоты въ прежнее время не имѣли начальниковъ вовсе; согласно преданію, учрежденіе это имѣетъ лишь недавнее происхожденіе и возникло только со временъ *англійскаго господства* въ этихъ странахъ. Должность начальника у этого племени, какъ и у большей части сѣверныхъ племенъ, сдѣлалась наслѣдственною, но власть его весьма ограниченна. Никто не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться верховному рѣшенію, если таковое не было провозглашено общимъ совѣтомъ выборныхъ племени. Однимъ словомъ начальники суть только представители воли воиновъ; ихъ власть умираетъ вмѣстѣ съ ними и переносится къ ихъ наслѣдникамъ лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдніе считаются способными увѣковѣчить славу, пріобрѣтенную ихъ отцами. Весьма странный обычай, встрѣчающійся у различныхъ племенъ, особенно у «лососей» и «лисицъ» состоитъ въ провозглашеніи военнаго закона сахемами, которые сдаютъ свою гражданскую власть военнымъ начальникамъ, когда племя возвращается домой по окончаніи зимнихъ охотничьихъ экспедицій. Это есть мѣра предосторожности, имѣющая цѣлью воспрепятствовать отдѣльнымъ семействамъ отставать, а другимъ двигаться быстрѣе прочихъ и являться въ деревню раньше остальной общины; въ отношеніи перваго пункта существовало опасеніе, что отставшіе могли быть изрублены; во второмъ прибывающіе раньше могли бы впасть въ искушеніе захватить съѣстные припасы тѣхъ, кто запоздалъ прибытіемъ. Какъ скоро былъ провозглашаемъ военный законъ, военачальникъ принималъ на себя управленіе походомъ на сушѣ и на водѣ, и каждый вечеръ давалъ предписаніе, чтобы шатры или каное были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, а не расбрасывались по произволу отдѣльныхъ лицъ; нарушители этого предписанія немедленно наказывались уничтоженіемъ ихъ каное и ихъ шатровъ. Этотъ законъ выполнялся до возвращенія въ деревню, гдѣ сахемы естественно возстановляли свою власть, съ которою они разставались въ видахъ общественной безопасности. — Селиши не имѣютъ никакой правильной формы правленія; они живутъ группами отъ 200 до 300 человѣкъ, и во всякой изъ этихъ группъ имѣется одинъ человѣкъ, который, благодаря уму, богатству или храбрости, пріобрѣтаетъ вліяніе надъ остальнымъ племенемъ и принимаетъ названіе начальника. Его вліяніе, совершенно личное, осуществляется скорѣе при

помощи убѣжденія, нежели прямого приказанія; но если онъ человѣкъ рѣшительный, то его вліяніе бываетъ по временамъ весьма велико.

Обстоятельное и въ высшей степени важное изслѣдованіе о формахъ правленія различныхъ индійскихъ племенъ Сѣверной Америки, со включеніемъ и древнихъ мексиканцевъ, въ которомъ съ большою ясностью доказывается общинно-родовое происхожденіе и устройство этихъ формъ, содержится въ извѣстномъ сочиненіи Моргана «Древнее общество». Отмѣтимъ только въ двухъ словахъ общее воззрѣніе Моргана на политическій строй древней Мексики, имѣющее одинаковое примѣненіе и къ Юкатану и къ Перу. «Испанскіе писатели», говоритъ Морганъ, «смотрѣвшіе на совершенно чуждую для нихъ культуру глазами людей, привыкшихъ къ феодальному строю общества, увидѣли въ Мексикѣ монархію и назвали королемъ то лицо, которое они считали высшимъ правителемъ ея. Позднѣйшіе историки продолжали смотрѣть на Монтецуму такимъ же образомъ и даже называли его императоромъ [1]). Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которые дошли до насъ о тогдашнемъ состояніи ацтековъ, мы можемъ заключить, что они находились на средней ступени варварства, которой свойственно еще родовое устройство, исключающее идею объ единоличной власти». Дѣйствительно, гдѣ было возможно испанскимъ писателямъ того періода почерпнуть близкое знакомство съ основами родового общества, научное изслѣдованіе котораго принадлежитъ лишь новѣйшему времени? Имъ не было иного выбора, какъ безсознательно принять за полное тожество тѣ внѣшнія, поверхностныя сходства, которыя представляли вновь видѣнныя ими формы культуры съ оставленными дома европейскими.

«Ни въ одной части Южной Америки», говоритъ д'Орбиньи, [2]) «за исключеніемъ Перу, нельзя найдти національной организаціи, такъ какъ населеніе разбито тамъ на множество мелкихъ самостоятельныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своихъ временныхъ и изрѣдка наслѣдственныхъ начальниковъ, вооруженныхъ властью, всегда ограниченною и нерѣдко прекращающеюся по окончаніи войны. Дѣятельность этихъ начальниковъ носила не вездѣ одинаковый характеръ: у чиквитовъ вожди, избранные совѣтомъ старѣйшинъ, исправляли должность врачей и волшебниковъ, вслѣдствіе чего присоединяли къ своимъ политическимъ функціямъ еще рели-

---

[1]) Въ послѣднее время Адольфъ Банделіе (см. Das Ausland, 1882, № 33, „Die historiche Entwicklung Mexikos, стр. 646) обвиняетъ историковъ Мексики въ той-же самой ошибкѣ, говоря, что они приняли за императора или короля просто вождя племени, которое въ своей организаціи всецѣло покоилось на материнскомъ правѣ.

[2]) D'Orbigny, op. cit. I, 226.

гіозныя. У гварани они были наслѣдственны и часто имѣли подъ своимъ главенствомъ второстепенныхъ начальниковъ. У арауканцевъ, патагонцевъ, пуслоковъ военная храбрость и ораторскій талантъ оказывали рѣшающее вліяніе на исходъ выбора, и власть начальниковъ сводилась къ нулю во время мира. То же было у мокеевъ. У шарруго, тобасовъ и другихъ народцевъ шако, старики назначаютъ временныхъ начальниковъ, если имѣется въ виду произвести нападеніе. У юракаровъ, наконецъ, не признается никакого начальства, и индивидуальная свобода уважается до такой степени, что даже сынъ не считается обязаннымъ повиноваться своему отцу.»

«Семьи ботокудовъ», читаемъ у Чуди, [1]) «живутъ ордами, одна около другой. Каждая изъ этихъ ордъ имѣетъ своего начальника-вождя. Онъ храбрѣйшій и сильнѣйшій изъ племени, но никакіе законы или предписанія не подчиняютъ ему другихъ членовъ клана; онъ не долженъ требовать отъ нихъ никакого повиновенія. Его власть признается молчаливо. Общія потребности, общія опасности соединяютъ отдѣльныхъ членовъ племени, и такъ какъ о начальникѣ предполагается, что ему извѣстны лучшія охотничьи мѣста и что въ битвѣ онъ храбрѣйшій, то остальные слѣдуютъ за нимъ, не будучи вынуждаемы къ тому никакимъ спеціальнымъ повелѣніемъ. Въ случаѣ нужды каждый дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію. Эта ассоціація стоитъ почти не выше ассоціацій стадъ животныхъ, во главѣ которыхъ находится смѣлѣйшій и храбрѣйшій индивидъ. Связь клана съ племенемъ еще слабѣе нежели связь семьи съ кланомъ. Главы у племени не существуетъ вовсе. Кланы одного племени ведутъ взаимныя войны, и нерѣдко бываетъ, что кланы различныхъ племенъ соединяются для набѣга противъ клановъ ихъ собственнаго племени. Семья (вѣрнѣе, нѣсколько соединенныхъ семей) есть единственный болѣе узкій союзъ ботокудовъ.»

На каждомъ Антильскомъ островѣ, обитаемомъ караибами, есть, по словамъ Рошфора, [2]) нѣсколько разрядовъ начальниковъ, каковы: начальникъ деревни, начальникъ пироги, командующій ею во время войны, главный начальникъ, командующій всѣмъ флотомъ и, наконецъ, еще великій начальникъ, или кацикъ, избираемый въ вожди на всю жизнь и удостоиваемый большихъ почестей. Онъ-же созываетъ собранія деревень, частью, для празднествъ, частью, для совѣщаній о войнѣ. Нельзя быть избрану на эту должность, не убивши многихъ враговъ, или, по меньшей мѣрѣ, начальника ихъ. Дѣти не чаще другихъ наслѣдуютъ должность отца, если личныя достоинства не даютъ имъ на то права. Когда великій на-

---

[1]) Tschudi. Reisen durch Süd-America Leipz. 1866. II, 284.
[2]) De Rochefort. op. cit. 436, 454.

чальникъ говоритъ, то всѣ молчатъ; когда онъ входитъ въ деревню, каждый уступаетъ ему дорогу; ему-же принадлежитъ первая и лучшая часть кушаній на пиршествѣ.... Но ни одинъ начальникъ не повелѣваетъ надъ всѣмъ племенемъ и не имѣетъ власти надъ другими начальниками. Когда караибы идутъ на войну, то они избираютъ изъ всѣхъ начальниковъ генерала арміи, который дѣлаетъ первое нападеніе; но по окончаніи похода, онъ не имѣетъ никакой власти нигдѣ кромѣ своего острова. Въ прежнее время претендентъ въ начальники острова долженъ былъ выдержать нѣсколько походовъ, вести себя въ нихъ храбро, бѣгать, плавать и нырять лучше остальныхъ. Сверхъ того, требовалось, чтобы онъ могъ пронести такую тяжесть, какой его соперники не могли-бы выдержать. Наконецъ, онъ долженъ былъ представить ясныя доказательства своего терпѣнія: ему жестоко искалывали грудь и плечи зубомъ агути, самые близкіе друзья дѣлали ему глубокіе разрѣзы въ различныхъ частяхъ тѣла. Несчастный, желавшій получить должность, долженъ былъ выносить всѣ эти испытанія, не обнаруживая ни малѣйшаго признака боли; напротивъ, онъ долженъ былъ казаться довольнымъ и смѣющимся, какъ будто бы онъ находился въ самомъ спокойномъ и веселомъ настроеніи.

«Подчиненіе слабаго, трусливаго и лѣниваго человѣка говоритъ Марціусъ, [1]) «тому, кто имѣетъ преимущество надъ остальными по физической и умственной силѣ, глубоко лежитъ въ человѣческой природѣ; только на этомъ и основывается достоинство и положеніе главы среди первобытныхъ жителей Бразиліи. Только личныя качества поднимаютъ члена племени до степени вождя или предводителя. Тѣлесная сила, ловкость, богатство, умъ и рѣдкій, особенно у индійцевъ, подъемъ честолюбія,—побуждающій человѣка думать за другихъ, чтобы руководить и повелѣвать ими, таковы качества, создающія начальника. Одна изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ лѣтописей о географіи и этнографіи Бразиліи (Die «notizie de Brazil» etc.) утверждаетъ о тупинамбахъ, что они по смерти начальника выбирали ему наслѣдника, при чемъ принимали во вниманіе семейство умершаго; о макамекрасахъ въ сѣверномъ Гойазѣ также говорится, что у нихъ былъ на 3000 человѣкъ наслѣдственный начальникъ, и, кромѣ того, семь военачальниковъ; вообще-же автору сообщали, что подобный выборъ совершается безъ соблюденія формальностей и помимо всякаго отношенія къ семейству умершаго. Повидимому, начальникъ получаетъ высшее достоинство между своими товарищами столько-же благодаря выдающимся личнымъ качествамъ, сколько вслѣдствіе предложенія отъ всей совокупности

[1]) V. Martius, op. cit. 14, 16. 23.

членовъ племени, т. е. по молчаливому соглашенію первый повелѣваетъ, а послѣдніе повинуются. Въ торговлѣ съ бразильскими купцами начальники берутъ на себя большую часть трудностей. У чилійскихъ дикарей тотъ избирается въ руководители, кто можетъ снести на плечахъ самое длинное бревно. Караибы Антилловъ и Гвіаны ввѣряютъ достоинство начальниковъ и верховныхъ повелителей лишь послѣ цѣлаго ряда доказательствъ выносливости кандидатовъ къ боли и тѣлеснымъ усиліямъ. Степень власти начальниковъ различна, соотвѣтственно ихъ личнымъ качествамъ; но вообще нигдѣ не встрѣчается большой склонности у всѣхъ повиноваться взглядамъ и желаніямъ одного. Иногда у вождя есть большая семья или годные къ бою друзья, чтобы придать силу его признанію.... Тамъ гдѣ началась торговля съ европейцами, начальникъ торгуетъ рабами, а иногда при помощи ихъ и своей семьи заводитъ и бо̀льшую обработку поля, чѣмъ другіе. Тогда онъ даетъ пиршества въ своемъ домѣ, гдѣ также сходятся и собранія общинъ, которыя онъ имѣетъ право созывать изъ главъ семействъ. Засѣданіе ведется съ полною свободою. Начальника не обогащаютъ никакіе подарки или налоги его единоплеменниковъ; вообще ни одинъ родъ налога неизвѣстенъ бразильскимъ дикарямъ; у нихъ нѣтъ также ни домена, ни фиска. У индійцевъ Даріена существовалъ, по словамъ Герреры, родъ барщины при обработкѣ поля и сооруженіи хижины начальнику; въ теченіи этого рабочаго времени трудящіеся были прокармливаемы начальникомъ. Если для военнаго предпріятія нужно большое количество съѣстныхъ припасовъ, то отдѣльныя семьи сносятъ ихъ по числу своихъ носящихъ оружіе членовъ, или даже по доброй волѣ. Если предстоитъ отдаленный военный походъ, а община не обладаетъ достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, то она соединяется для обработки участка земли, чтобы добыть требуемое количество, преимущественно, муки мандіока.

«Относительно организаціи патагонцевъ [1]), слѣдуетъ имѣть въ виду, что они не оказываютъ повиновенія никакому главному кацику, хотя и могутъ согласиться на подчиненіе общему начальнику; они не соединены политически съ пампасами или арауканцами, исключая случаевъ вступленія въ бракъ или добровольной ассоціаціи. Естественное стремленіе патагонцевъ направляется къ сохраненію независимости и отсутствія субординаціи, въ виду того, что одинъ человѣкъ такъ-же хорошъ, какъ и другой. Слова умирающаго Куастро: «я умираю, какъ я жилъ, никакой кацикъ не приказываетъ мнѣ», прекрасно выражаютъ господствующія чувства по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, всѣ группы, какъ бы малы онѣ ни были,

[1]) G. Musters. At home with the Patagonians, 184.

во время странствованій состоятъ подъ начальствомъ цацика или «гоунока», который иногда обозначается именемъ отца; но власть этого послѣдняго часто ограничивается одними распоряженіями по части охоты и похода. Нѣкоторые начальники наслѣдственны, но это не есть неизмѣнное правило: среди сѣверныхъ индійцевъ существуютъ мелкіе начальники, сдѣлавшіеся обладателями нѣсколькихъ лошадей и принявшіе титулъ кациковъ; между ними соблюдается большой этикетъ въ обращеніи и взаимный размѣнъ подарковъ.»

Ограничимся приведенными примѣрами относительно Новаго Свѣта и перейдемъ къ народамъ Стараго Свѣта, [1]) Парри не замѣтилъ у эскимосовъ никакого начальства; только своимъ ангекокамъ (волшебникамъ) они оказываютъ извѣстное уваженіе. Кранцъ утверждаетъ, что глава семейства управляетъ послѣднимъ какъ умѣетъ, что онъ ничего никому не приказываетъ и самъ ни отъ кого не принимаетъ приказаній. Ительмены (камчадалы), согласно Штеллеру, въ прежнее время имѣли эремъ, т. е. господъ, которыхъ власть однако ограничивалась только командованіемъ въ походахъ; въ правовыя же отношенія господа не должны были вмѣшиваться. Сверхъ того, въ каждомъ острогѣ или родѣ были еще свои начальники, обыкновенно старѣйшіе и разумнѣйшіе; камчадалы иногда, страха ради, уступали власть надъ собою «удалому человѣку»; но и ему они повиновались свободно, и убивали какъ собаку, если онъ съ своей стороны убивалъ кого нибудь изъ нихъ. — Чтобы быть знаменитымъ тунгусомъ, слѣдовало имѣть не только храбрость или военныя заслуги, но и большой ростъ, особенную физическую силу, счастье на охотѣ, много скота, всего-же болѣе многихъ сыновей. Во главѣ каждаго племени стоялъ старѣйшина—Даруга, подобно тому какъ во главѣ семейства—отецъ. Даруга избирался изъ особой семьи, и, кромѣ возраста, долженъ былъ отличаться достойнымъ поведеніемъ и богатствомъ. Есть у тунгусовъ и благородныя семейства,— князья, тайша и зайсанги. Вообще у тунгусовъ мы находимъ уже бо́льшее единеніе между отдѣльными частями племени, чѣмъ, напримѣръ, у лапландцевъ и у самоѣдовъ. Власть начальника у нихъ уже болѣе постоянна и сильна, языки менѣе разнообразны. Сибирскіе, какъ и лапландскіе номады живутъ небольшими группами подъ главенствомъ старѣйшинъ, безъ болѣе тѣсной связи. Калмыки и монголы, напротивъ, съ незапамятныхъ временъ находились подъ властью племенныхъ князей, подобно тунгусамъ; такъ было до временъ Чингисхана. Каждое племя имѣло своего главу и хлопотало о томъ, чтобы властелинъ былъ взятъ изъ него, а не изъ другого племени, такъ что монголы никогда не могли согласиться относи-

---

[1]) G. Klemm. op. cit. II, 293, III, 64 и слѣд.

тельно одного падишаха, пока не явился Темуджинъ, который ихъ собралъ, подчинилъ всѣхъ силой и назвалъ себя Ченгисъ, т. е. сильный. Власть князей наслѣдственна и сильно уважается; зайсанги также, большею частью наслѣдственны. Подати состоятъ въ десятинѣ отъ скота. Племенной князь обозначаетъ день, когда стада должны покинуть старое мѣстопребываніе и вступить въ новое странствованіе; приказаніямъ и наказаніямъ его всякій подчиняется безропотно.

У остяковъ [1]) спорные случаи рѣшаются старѣйшинами каждаго рода къ общему удовольствію сторонъ; въ противномъ случаѣ обращаются къ князю. Должность князя, (учрежденная русскими), и старѣйшинъ наслѣдственна. Если сынъ князя малъ, то община назначаетъ дядю или ближайшаго родственника въ опекуны его; если сына нѣтъ, то ближайшій родственникъ занимаетъ должность отца. Ни князю, ни старѣйшинѣ жалованья не платятъ, а приносятъ лишь добровольные дары.

Лопари [2]) въ административномъ отношеніи дѣлятся на волости, а волости на погосты. Каждый погостъ есть особое общество, называемое міромъ и съ особымъ управленіемъ. Мірская сходка заправляетъ въ своемъ погостѣ всѣми его дѣлами, какъ частными, такъ и общественными. На сходкахъ главными распорядителями являются старики и люди позажиточнѣе; молодые присутствуютъ только для того, чтобы знать, о чемъ шло дѣло. Въ собраніе допускается каждый лопарь, имѣющій вежу или тупу. Больше уважается голосъ зажиточныхъ и наиболѣе полезныхъ міру. Перевѣсъ въ рѣшеніи беретъ та сторона, въ которой люди позначительнѣе, хотя-бы въ ней голосовъ было и меньше. На должности выбираютъ болѣе значительныхъ.—У корелъ при выборахъ въ общественныя должности предпочитаютъ, кажется, достаточныхъ.—Самоѣды, при выборѣ въ старшины не имѣютъ въ виду какихъ либо умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка, а единственно матеріальное его положеніе. Даже физическіе недостатки, какъ-то глухота и т. п., не служатъ препятствіемъ, лишь-бы избираемый былъ богатъ, обладалъ большимъ числомъ оленей, чтобы въ случаѣ недоимки, могъ покрывать ее, взнося подати за неимущихъ.

Калмыцкія племена [3]) во всѣ времена были подчинены наслѣдственнымъ старѣйшинамъ. Весь народъ раздѣленъ на части, подъ начальствомъ мелкихъ князей, которые дали себѣ титулъ нойоновъ

---

[1]) A. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—48. St.-Petersb., 1853, 286.

[2]) А. Ефименко. Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ, самоѣдовъ, op. cit.

[3]) Pallace. Voyage en differentes provinces de l'empire de Russie, I, 1788, 256.

и которые почти совсѣмъ не повинуются своему хану. Кланъ, управляемый нойономъ, называется улусомъ; онъ раздѣляется на меньшія части *аймаки*, которые располагаются станомъ одинъ около другого; каждый аймакъ находится подъ управленіемъ дворянина подъ названіемъ зайсангъ. Аймаки подраздѣляются съ цѣлью пастьбы на многія группы, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 10—12 шатровъ. Группы называются *шатунъ*—горшокъ; это слово означаетъ, что вся группа должна ѣсть изъ одного горшка. Во главѣ каждаго шатуна имѣется свой начальникъ, подчиненный первому зайсангу своего аймака, который въ свою очередь подчиненъ нойону. Послѣдній ежегодно получаетъ десятину отъ всѣхъ животныхъ своихъ подданныхъ. Нойонъ имѣетъ право подвергать подданныхъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какія найдетъ нужными, рѣзать имъ носы и уши, когда они совершаютъ какой нибудь проступокъ, но онъ не осмѣливается казнить кого-либо публично. Улусы обыкновенно распредѣляютъ между собою дѣтей нойона, если отецъ не оставитъ другихъ распоряженій и если нѣкоторые изъ его сыновей не сдѣлаются духовными лицами: это распредѣленіе всегда въ высшей степени непропорціонально.

«Киргизы [1]) управляются старѣйшинами, главами семействъ, бегами, бегадирами, султанами и ханами. Титулъ бега, повидимому, наслѣдственный; но кто не можетъ поддерживать его своими заслугами и качествами, тотъ скоро теряетъ его; тогда какъ человѣкъ съумѣвшій заставить уважать себя, получаетъ этотъ титулъ, частью въ силу незамѣтно установляющагося обычая называть его султаномъ, частью на основаніи выбора народнаго собранія. Старѣйшиною обыкновенно становится старикъ, совѣтамъ котораго привыкли слѣдовать; онъ долженъ имѣть состояніе и многочисленную семью; чтобы повелѣвать этимъ народомъ требуется соединеніе двухъ упомянутыхъ условій, въ связи съ солиднымъ умомъ. Каковы-бы ни были моральныя качества киргиза, если онъ богатъ, у него всегда будутъ друзья; съ другой стороны онъ будетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ многочисленнѣе его семейство. Бегадиры суть киргизы признанной храбрости, предпріимчиваго ума, сражающіяся партизанами во время войны. Султаны суть родственники хана: они почти всегда сохраняютъ нѣкоторое вліяніе на киргизовъ; съ ними обращаются съ большимъ уваженіемъ, но если они не имѣютъ заслугъ, то не находятъ никакого подчиненія у киргизовъ. Ханъ располагаетъ на практикѣ правомъ жизни и смерти надъ киргизами, которые имѣютъ гарантію противъ его деспотизма въ одномъ только общественномъ мнѣніи; нигдѣ впрочемъ это мнѣніе не бываетъ такъ сильно, какъ у кочевого народа. Недовольная партія удаляется отъ несправедливаго началь-

[1]) G. de Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara. Paris 1826, 46, 251.

ника и выбираетъ себѣ другого. Поэтому, ханъ принужденъ держаться установленныхъ обычаевъ и сообразоваться съ законами корана. Снисходительность увеличиваетъ власть хана: онъ старается привязать къ себѣ муллу, за тѣмъ чтобы этотъ послѣдній объяснялъ всѣ законы сообразно его интересамъ; и такъ какъ священныя книги и ихъ комментаріи подлежатъ различнымъ толкованіямъ, то ханъ пользуется этою неясностью чтобы пріобрѣсти власть для совершенія поступковъ, на которые онъ безъ того не рѣшился бы. Онъ окружаетъ себя также совѣтниками изъ уважаемыхъ въ ордѣ киргизовъ и старается плѣнить ихъ щедростью или лестью. Но всѣхъ этихъ предосторожностей было бы мало, если-бы онъ не умѣлъ нравиться подданнымъ своею дѣятельностью и храбростью, а иногда и суровостью. И такъ, власть хана покоится на всеобщемъ согласіи; разъ ханъ признанъ подданными, онъ можетъ царствовать деспотически, лишь-бы только дѣйствовалъ въ національномъ интересѣ. Власть его ограничивается общественнымъ мнѣніемъ; онъ нуждается въ содѣйствіи послѣдняго, чтобы управлять; горе ему, если бы онъ захотѣлъ дѣйствовать на перекоръ мнѣніямъ общества; таже сила, которая сдѣлала его могущественнымъ, не замедлила-бы и низвергнуть его. Номады вообще такъ легко могутъ покинуть страну, въ которой бродятъ, что ихъ начальники принуждены обращаться съ ними справедливо и часто даже льстить имъ. Бухарскій ханъ, не соблюдавшій этого правила, потерялъ большое число туркменъ, которые, подчинившись хивинскому хану, стали доказывать свою вѣрность послѣднему чрезъ разореніе земель бухарскихъ. Кромѣ того, хакимы или правители округовъ уже по малому размѣру страны не могутъ уподобляться неограниченнымъ персидскимъ сатрапамъ. — Организація военной силы, администрація финансовъ и источники доходовъ хана весьма тѣсно связаны между собою въ Бухарѣ. Страна разсматривается какъ собственность завоевателя, который старается извлечь изъ нея возможно большій доходъ, подчиняясь религіознымъ законамъ и принося жертвы, необходимыя для пріобрѣтенія вооруженной силы. Это почти система аренды и феодальная система, въ силу которой земли давались въ вознагражденіе за военныя заслуги. Бухарскій ханъ извлекаетъ большую часть своего дохода изъ доменовъ. Содержаніе арміи главный предметъ его расходовъ; подобно турецкому султану, онъ имѣетъ войска на жалованьи и сверхъ того такія, которыя держатъ за службу бенефиціи, образуя милицію въ случаѣ общаго призыва. Потребность подраздѣлить домены и бенефиціи и ввести порядокъ въ администрацію послужили причиною раздѣленія Бухары на сорокъ округовъ или туменовъ. Начальникъ тумена не имѣетъ другого содержанія, кромѣ продукта своей аренды. Казначейство не получаетъ

и половины дохода, потому что начальникъ вычитаетъ изъ этой суммы содержаніе провинціальныхъ чиновниковъ и войска, живущаго на мѣстѣ. Доходы съ доменовъ получаются тѣми-же начальниками; они берутъ земли въ аренду за $^2/_5$ жатвы и взыскиваютъ что имъ слѣдуетъ съ земледѣльцевъ.»

У черкесовъ народъ [1]) раздѣлялся на беевъ или шейховъ, старшинъ, простонародье и слугъ или рабовъ. Низшій свободный классъ народа никогда не былъ прикрѣпленъ къ своимъ начальникамъ на подобіе слугъ или крѣпостныхъ, хотя и отбывалъ въ ихъ пользу повинности и платилъ подати. Кавказскіе князья и дворяне, войдя въ сношенія съ русскою знатью, сдѣлали неожиданное и пріятное для себя открытіе, что русское простонародье было, большею частью, крѣпостнымъ, а потому и сами вскорѣ присвоили себѣ не только собственность на землю, лежащую въ ихъ территоріи, но также и право собственности на живущихъ тамъ кавказцевъ. Когда въ Закавказьи происходило регулированіе владѣнія землею, то многіе, особенно грузины, стоявшіе въ связи съ тогдашнимъ управленіемъ, съумѣли извлечь изъ этого большія выгоды; — не принадлежавши часто къ княжескому званію, они тѣмъ неменѣе присвоили себѣ это достоинство, при чемъ нерѣдко становились господами такихъ лицъ, которымъ иной разъ сами бывали подчинены въ прежнее время. Такимъ образомъ было введено здѣсь крѣпостное право, никогда прежде здѣсь не существовавшее, и нельзя сказать, чтобы обогативъ князей на счетъ народа, русское правительство пріобрѣло себѣ благорасположеніе послѣдняго. Законами шестидесятыхъ годовъ крѣпостное право было здѣсь правда, отмѣнено, но далеко не вполнѣ.

Каждое племя арабовъ [2]) заключаетъ въ себѣ одно или многія главныя семейства, члены которыхъ носятъ титулъ шейховъ. Одинъ изъ этихъ шейховъ есть главный начальникъ всѣхъ другихъ; это генералъ маленькой арміи. Одно племя отличается отъ другого по имени своего начальника или по имени главнаго семейства. Когда говорится объ отдѣльныхъ его членахъ, то ихъ зовутъ дѣтьми такого-то, хотя они въ дѣйствительности не всѣ суть его крови, и самъ онъ уже умеръ. Такъ, говорятъ Бени-Теминъ, Уладъ-Таи, дѣти Тенина, Таи. — Правительство этихъ племенъ есть въ одно и тоже время республиканское, аристократическое и деспотическое, не будучи окончательно ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ; оно республиканское, потому что народъ имѣетъ главное вліяніе на всѣ дѣла и ничего не дѣлается безъ согласія большинства; оно аристократическое, потому что

---

1) **Klemm.**
2) **Volney, op. cit. I, 112—116.**

семьи шейховъ имѣютъ нѣкоторыя прерогативы; наконецъ, оно деспотическое, потому что главный шейхъ имѣетъ неограниченную, почти абсолютную власть. Если шейхъ человѣкъ съ характеромъ, онъ можетъ злоупотреблять своею властью; но для такого злоупотребленія существуютъ довольно узкія *границы*. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы какой нибудь начальникъ сдѣлалъ крупную несправедливость, напримѣръ если-бы онъ убилъ араба, то ему было-бы почти невозможно избѣгнуть возмездія... Если шейхъ раздражитъ своихъ подданныхъ жестокостью, то послѣдніе *покидаютъ* его и переходятъ въ другое племя.—Для покрытія своихъ издержекъ шейхъ имѣетъ лишь собственныя стада, иногда засѣянныя поля и нѣкоторыя пошлины за право проѣзда, но все это ограничено. Тотъ шейхъ, къ которому авторъ отправлялся въ 1784 году въ странѣ Газъ, считался наиболѣе могущественнымъ; однако, его расходы были не выше расходовъ крупнаго фермера, его движимость состояла изъ нѣсколькихъ шубъ, ковровъ, оружія, лошадей и верблюдовъ и не могла стоить болѣе 50.000 ливровъ; слѣдуетъ замѣтить, что въ этотъ счетъ внесены четыре породистыя кобылы по 6000 ливровъ каждая и верблюдъ въ 10 луидоровъ. Простотѣ и даже бѣдности простыхъ бедуиновъ соотвѣтствуетъ бѣдность ихъ шейховъ.

«Афганскія племена [1]), подобно бурятамъ и якутамъ, подраздѣляются на улусы, которые въ свою очередь распадаются на меньшія дѣленія все болѣе и болѣе мелкаго порядка, при чемъ самое послѣднее изъ нихъ ограничивается всего нѣсколькими семействами. Каждое племя, улусъ и его подраздѣленія имѣютъ отдѣльныхъ начальниковъ, изъ которыхъ каждый подчиненъ главѣ высшаго дѣленія. Каждая группа носитъ свое имя, взятое у ея непосредственнаго предка. Глава улуса именуется ханомъ. Онъ избирается всегда изъ старѣйшей семьи улуса. Въ большей части случаевъ выборъ остается за эмиромъ, который можетъ удалить хана по произволу и замѣнить его другимъ изъ его *родственниковъ*; въ нѣкоторыхъ же улусахъ ханъ избирается народомъ. Въ обоихъ случаяхъ обращается нѣкоторое вниманіе на первородство, но большее на возрастъ, опытность и характеръ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности отношеній не рѣдко послѣ смерти хана возникаютъ споры и появляются партіи, которыя подкупаютъ министровъ эмира и ублажаютъ его самого обѣщаніями будущихъ доходовъ. Глава подчиненныхъ дѣленій также всегда избирается народомъ изъ старѣйшей въ немъ семьи, за исключеніемъ только самаго низшаго дѣленія, въ которомъ превосходство указывается часто самою природою, когда старикъ бываетъ главою 10 или 12 семействъ, образовавшихся

[1]) **Elphinston. An Account of Kingdom of Caubul. Lond. 1839, II, 217 и слѣд.**

изъ его сыновей и внуковъ. Глава улуса командуетъ на войнѣ, но подчиняется рѣшеніямъ совѣта старѣйшинъ, которые въ свою очередь находятся подъ вліяніемъ мнѣній членовъ своихъ дѣленій. Иногда онъ вмѣшивается въ споръ между двумя кланами, но успѣхъ его въ улаживаніи подобныхъ споровъ зависитъ болѣе отъ его аргументаціи, чѣмъ отъ власти, и болѣе отъ каприза спорящихъ, чѣмъ отъ другой причины. Въ самомъ дѣлѣ вся власть главы вытекаетъ изъ его личнаго значенія, а это послѣднее зависитъ отъ его рожденія и добропорядочнаго поведенія; онъ не пользуется никакимъ казеннымъ доходомъ, и имѣетъ не больше богатства и подчиненныхъ членовъ, чѣмъ глава всякаго другаго улуса. Главамъ подраздѣленій принадлежитъ столь же ограниченная власть; но къ нимъ обращаются по поводу споровъ между отдѣльными лицами, особенно если послѣднія живутъ въ различныхъ деревняхъ. Ни одинъ изъ этихъ начальниковъ по размѣру власти не можетъ поравняться съ англійскимъ констеблемъ.»

Равенство отношеній сохранялось чрезвычайно ревниво донскими казаками [1]). Когда напримѣръ въ 1592 году Нащокинъ, по московскому обычаю, предложилъ раздать присланное съ нимъ жалованье «лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна рославскія», то казаки рѣшительно возстали противъ такого раздѣла, говоря: «у насъ большихъ нѣтъ никого, мы всѣ равны: мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется». Особенныхъ распоряжающихъ властей, равно какъ и старшинства лицъ у нихъ вовсе не было. Исполнительную власть представляли войсковой атаманъ и войсковые эсаулы. Письменною частью завѣдывалъ войсковой дьякъ. Всѣ эти лица выбирались кругомъ. Войсковой атаманъ лично первоначально не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ лишь блюститель порядка и исполнитель приговоровъ народа. Въ войсковомъ кругу голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака, и все преимущество его состояло, кажется, въ томъ, что представленія и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ не могъ ничего предпринять по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ-бы лишиться своего достоинства. Избирались атаманы погодно. По окончаніи срока, если его не выбирали вновь, онъ опять вступалъ въ ряды простыхъ казаковъ. Во время походовъ выбирали второго атамана.

Вся совокупность только что цитированныхъ свѣдѣній относительно организаціи общественно-должностной дѣятельности на раннихъ ступеняхъ развитія, какъ бы ни различались между собою эти послѣднія, одинаково свидѣтельствуетъ въ пользу широкаго де-

[1]) П. Соколовскій. Эконом. бытъ, 1878, 213.

мократическаго характера означенной дѣятельности. оправдывая извѣстное выраженіе Madame de Staël: «despotisme est moderne, liberté est ancienne». Этому не мѣшаетъ даже то, что большее богатство и принадлежность къ привилегированной семьѣ очень рано начинаютъ противодѣйствовать господству свободнаго избранія на общественныя должности. Всѣ эти ограничительныя условія на первыхъ порахъ гораздо болѣе сливаются съ дѣйствительными потребностями населенія, чѣмъ впослѣдствіи. Съ одной стороны, большее богатство той или другой личности можетъ являться не только причиною выбора на общественную должность, но и послѣдствіемъ таковаго. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны слѣдующія слова, сказанныя однимъ абиссинцемъ путешественнику Лефебру [1]) въ отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ состоитъ характеръ мѣстнаго дворянства. — «Ни въ чемъ, кромѣ независимости. У насъ богатый человѣкъ, у котораго много друзей, выбирается въ судьи въ спорахъ, не требующихъ пролитія крови; его-же во время войны ставятъ во главѣ експедиціи; но всѣ его солдаты суть добровольцы и никто не обязанъ эму повиноваться». Авторъ замѣтилъ, что богатый можетъ не быть столь-же способенъ, какъ другой, для завѣдыванія военными операціями. «Невозможно», отвѣтилъ абиссинецъ чтобы трусъ *процвѣталъ* у насъ; никто не присоединится къ нему для обработки его земли, никакая женщина не согласится служить ему. Мои соотечественники, какъ и всѣ люди, то злы, то добры, но они презираютъ трусовъ, потому что трусы злѣе другихъ и не имѣютъ страха Божія». Съ другой стороны, старѣйшіе роды или семейства могутъ въ теченіе долгаго времени представлять самыя надежныя гарантіи хорошаго управленія, благодаря своей наслѣдственной опытности въ дѣлахъ этого рода и лучшей подготовкѣ къ нимъ.

«Индійско-азіатскій народъ нагасъ», говоритъ Спенсеръ [2]), «не имѣетъ никакого внутренняго правительства, не признаетъ никакого короля и имѣетъ идею о подобномъ лицѣ только отъ другихъ. Спрошенные объ этомъ предметѣ, нагасъ гордо вколачиваютъ свое копье въ землю и опираясь на него объявляютъ, что другого раджи у нихъ нѣтъ. Они назначаютъ главою деревни какого нибудь старика, который имѣетъ репутацію высшаго ума или, быть можетъ, большаго богатства. Положеніе главы или Гаонъ-Ура представляетъ извѣстную степень власти; но власть эта весьма умѣренна и можетъ быть во всякое время нарушена, потому что племя крайне опасается самой мысли о подчиненіи кому либо изъ своей среды. Должность Гаонъ-Ура не есть наслѣдственная и даже не

---

[1]) T. Lefebvre. Voyage en Abyssinie, Paris, II, 66.
[2]) H. Spencer. Descriptive Sociology. Lond. 1876, Tabl. XLIV.

пожизненная. Мелкіе споры и разногласія обсуждаются совѣтомъ старѣйшинъ, при чемъ спорящіе охотно подчиняются ихъ рѣшенію. Однако, говоря точно, въ общинѣ нагасовъ не существуетъ и тѣни установленной власти, и какъ это ни удивительно, отсутствіе правительства не влечетъ за собою никакой замѣтной анархіи или сумятицы.—Власть или титулъ старшины деревни ангамовъ наслѣдственны. Въ большей части деревень имѣется по два начальника, но ихъ власть номинальна; ихъ приказаніямъ повинуются лишь настолько, насколько они совпадаютъ съ желаніями и удобствами общины.... Всѣ старанія были приложены къ тому, чтобы побудить старѣйшинъ деревни Кономагъ освободить людей, которые были прикосновенны къ нападенію и разрушенію англійскаго поста при Лунке въ 1844 году... Но они, въ качествѣ старѣйшинъ, *не могли* освободить преступниковъ: община не допускала ихъ проявить такую власть... Ангамы не имѣютъ никакого признаннаго вождя или начальника, хотя избираютъ оратора, который однако лишенъ власти и отвѣтственности; отсюда большое затрудненіе, встрѣченное англичанами при торговлѣ съ этимъ племенемъ,—сдѣлки, заключенныя съ ораторомъ, признавались *ничтожными* общиною.— Бодо и джималь вообще не расположены принимать на себя службу и дѣлать что либо для иностранцевъ, въ качествѣ-ли солдатъ, слугъ или возничихъ... Въ ихъ собственныхъ общинахъ нѣтъ ни слугъ, ни рабовъ, ни чужеземцевъ; и такъ какъ условія ихъ жизни стремятся къ увѣковѣченію сходства мнѣній, то ни традиціи ихъ, ни религія, ни обычаи не санкціонируютъ какого-либо искусственнаго различія ранговъ. Хотя они не имѣютъ идеи объ общей кровной связи, но среди ихъ нѣтъ никакихъ сектъ, клановъ или кастъ, такъ что каждый бодо и каждый джималь равны между собою абсолютно, какъ по праву и закону, такъ и въ дѣйствительности. И это равенство не есть мертвая буква: напротивъ, бодо и джималь чрезвычайно хорошо питаются и весьма удобно одѣваются и помѣщаются, и. какъ скоро вы познакомитесь съ ними, ихъ голосъ, взглядъ и поведеніе все выражаетъ отсутствіе того низкаго страха и хитрости, которыя васъ такъ поражаютъ при столкновеніи съ народомъ въ Бенгаліи, большинство котораго гораздо хуже питается, одѣвается и живетъ, чѣмъ бодо или джималь. Врядъ-ли нужно прибавлять, что у нихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ законовъ и никакой политики, нѣтъ даже слѣдовъ той деревенской экономіи, которая такъ отличаетъ индо-арійскія общества. Ихъ обычаи слишкомъ кочевые и простые, чтобы допустить существованіе деревенской системы, съ свойственнымъ ей множествомъ наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ и ремесленниковъ. Они живутъ въ лѣсахъ мелкими общинами, состоящими изъ 10—40 домовъ,

которые безпрестанно переносятся съ мѣста на мѣсто. Каждая изъ такихъ общинъ состоитъ, однако «подъ главенствомъ начальника—Граа, какъ называютъ его они сами, или Мудола, какъ называютъ его въ сосѣдствѣ; начальникъ этотъ располагаетъ властью, которая вытекаетъ болѣе изъ добровольнаго согласія, нежели изъ принужденія, и въ случаяхъ крайней сложности раздѣляется съ начальниками двухъ или трехъ сосѣднихъ деревень.»

Ни одинъ примѣръ не бросаетъ столько свѣта на степень взаимнаго воздѣйствія между самымъ могущественнымъ правительствомъ и находящимся подъ его владычествомъ болѣе или менѣе первобытнымъ народомъ, какъ слѣдующее мѣсто изъ показанія Чарльза Меткальфа въ отчетѣ избраннаго комитета англійской палаты общинъ 1832 года [1]): «Сельскія общины Индіи суть маленькія республики, имѣющія при себѣ почти все, въ чемъ нуждаются, и независимыя отъ всякихъ внѣшнихъ сношеній. Они, повидимому, остались цѣлыми тамъ, гдѣ не уцѣлѣло ничто. Ниспровергается династія за династіей, революція слѣдуетъ за революціей, индусы, патаны, моголы, мараты, сики, англичане поочереди становятся хозяевами, но сельская община остается тою-же самою. Въ смутныя времена она вооружается и укрѣпляется; непріятельская армія проходитъ черезъ страну, деревенская община собираетъ свой скотъ внутрь своихъ стѣнъ и пропускаетъ непріятеля, не вызывая его. Если грабежъ и опустошеніе направлены противъ нея самой и сила непріятеля не допускаетъ сопротивленія, члены общины убѣгаютъ въ дружественныя деревни; но когда буря промчится, они возвращаются и снова берутся за свои занятія. Хотя бы страна въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ оставалась сценою постояннаго грабежа и убійства, такъ что въ деревняхъ нельзя было бы жить, тѣмъ не менѣе разсыпавшіеся поселяне возвращаются обратно, какъ скоро возстановляется господство мирнаго владѣнія. Сыновья занимаютъ мѣста своихъ отцовъ; то же мѣсто для деревни, тоже положеніе домовъ, тѣ-же земли занимаются вновь потомками людей, изгнанныхъ во время опустошенія страны; и изгнала ихъ вовсе не пустая сила, потому что часто во времена треволненій и смутъ они удерживаютъ свои посты и укрѣпляются настолько, что бываютъ въ состояніи сопротивляться грабежамъ и угнетенію. Этотъ союзъ сельскихъ общинъ, изъ которыхъ каждая образуетъ маленькое самостоятельное государство болѣе всего прочаго способствовалъ сохраненію индусскаго народа при всѣхъ революціяхъ и переворотахъ, выпавшихъ на его долю, и въ значительной степени служилъ причиною его благосостоянія, свободы и независимости.»

[1]) Vol. III, Appendix 84, 331. Цитировано у Elphinston, History of India, Lond. 1866, p. 68.

Мы видимъ такимъ образомъ, что нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ слова деспотическою или абсолютною даже очень сильную правительственную власть, когда она лишена органической связи съ внутреннею жизнью общины, и не переходитъ за предѣлы чисто внѣшнихъ сношеній съ послѣднею, каково взиманіе податей и повинностей. Подобная правительственная дѣятельность центральной власти, безъ сомнѣнія, можетъ служить источникомъ многоразличныхъ угнетеній населенія общины; но не касаясь внутреннихъ и коренныхъ основъ общиннаго устройства, она все таки оставляетъ общинамъ значительную свободу дѣйствія.

Эльфинстонъ и въ новѣйшее время Гёнтеръ обратили вниманіе на различіе между административною и экономическою организаціей двухъ типическихъ формъ деревенской общины въ Индіи, которыя, по нашему мнѣнію, представляютъ ничто иное, какъ различныя историческія ступени хозяйственно политическаго развитія общества. Изобразивъ начала общаго административнаго и хозяйственнаго строя индусской общины, съ ея *единымъ* наслѣдственнымъ старѣйшиною, который является въ одно и то же время и представителемъ власти суверена и защитникомъ интересовъ самой общины, Эльфинстонъ [1]) говоритъ слѣдующее: «Таковъ способъ деревенскаго управленія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ никого между сувереномъ и земледѣльцемъ. Но на сѣверѣ и на крайнемъ югѣ Индіи каждая деревня есть община, которая представляетъ родъ муниципіи, а жители суть ея фермеры. Гдѣ существуютъ подобные фермеры, тамъ деревня иногда управляется *однимъ* старѣйшиной, какъ и выше описано; но чаще, всякая *отрасль* семьи, составляющей общину, или каждая семья, если ихъ больше, чѣмъ одна, имѣетъ своего собственнаго *главу*, который завѣдываетъ ея внутренними дѣлами и соединяется съ главами другихъ дѣленій для завѣдыванія общимъ дѣломъ деревни. Составленный такимъ образомъ совѣтъ занимаетъ точно такое же положеніе, какое предоставляется въ другихъ случаяхъ одному старѣйшинѣ, и члены его дѣлятъ между собою вознагражденіе, присвоенное правительствомъ этому должностному лицу. Число членовъ совѣта зависитъ отъ числа дѣленій, но рѣдко превосходитъ 8 или 10. Каждый изъ этихъ главъ вообще избирается изъ *старшей* отрасли своего дѣленія, но никогда не располагаетъ ни большимъ богатствомъ, ни иными какими либо отличіями, чѣмъ другіе земледѣльцы. Распространенный взглядъ состоитъ въ томъ, что всѣ эти земледѣльцы произошли отъ одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ, которые впервые заняли деревню. Предположеніе это, повидимому, подтверждается тѣмъ

---

[1]) Elphinston, History of India, 71.

фактомъ, что до настоящаго времени часто встрѣчается въ мелкихъ деревняхъ лишь по одной семьѣ земледѣльцевъ, а въ крупныхъ небольшое число семей но каждая изъ нихъ развѣтвилась на такое число членовъ, что не рѣдкость видѣть, какъ весь земледѣльческій трудъ совершается земледѣльцами безъ помощи съемщиковъ земли или рабочихъ. Права земледѣльцевъ коллективны; и хотя эти права почти всегда болѣе или менѣе раздѣлены между ними, но никогда не обособляются окончательно. Земледѣлецъ напримѣръ можетъ продать или заложить свое право; но на это нужно прежде всего согласіе деревни, затѣмъ покупщикъ вступаетъ вполнѣ на мѣсто продавца и принимаетъ на себя всѣ его обязательства. Если семейство вымираетъ, доля его возвращается въ общинный фондъ».

Если мы не ошибаемся, то различіе между единоличною и коллективною администраціею въ отдѣльныхъ общинахъ Индіи основывается на томъ фактѣ, что во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ родовою администраціею нѣсколькихъ братствъ, обитающихъ вмѣстѣ, а въ первомъ съ *позднѣйшею*, территоріальною администраціею. Иными словами, различіе это совершенно совпадаетъ съ различіемъ между административнымъ устройствомъ зуку на Суматрѣ и кунди въ Авганистанѣ съ одной стороны, и съ европейской общиною съ другой, о которомъ мы говорили выше. При первоначальномъ разселеніи различныя братства одного и того-же рода селятся вмѣстѣ, а потому и имѣютъ *отдѣльное* начальство и отдѣльную поземельную собственность. Лишь впослѣдствіи всѣ жители одного мѣста становятся сообщинниками по землѣ и выбираютъ *общее* начальство.

Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ приводитъ Гёнтеръ. «Въ Ориссѣ», говоритъ онъ, мы видимъ многія отдаленныя стадіи общества, разбросанными передъ нашими глазами, каждую съ болѣе или менѣе развитою системою правъ, начиная отъ группы семействъ Кандійскихъ горныхъ областей и кончая системою отсутствующихъ лордовъ въ британскихъ округахъ расположенныхъ по низменностямъ. Простѣйшую форму сельской организаціи въ Ориссѣ представляетъ деревня Кандовъ. Подобная деревня обрабатываетъ лишь незначительную часть земли и состоитъ изъ совокупности семейныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ *каждое* имѣетъ своего *главу*. Здѣсь не существуетъ никакого короля или князя, который могъ бы предъявлять какія либо права на почву, или взимать налоги или ренту въ какой-либо формѣ. Какъ каждое семейство имѣетъ своего главу, такъ для удобства веденія общественныхъ дѣлъ и каждая деревня имѣетъ также своего главу. Но начальники деревень никогда не получаютъ вознагражденія за свою службу и не владѣютъ никакими средствами принуждать другихъ къ подчиненію своей власти; они просто представители главъ семействъ и предсѣдатели на ихъ

совѣщаніяхъ. Живутъ начальники деревень ежегодною обработкою земли совершенно такъ же какъ и другіе главы семействъ. Единственную ихъ собственность составляетъ доля изъ перешедшихъ отъ предковъ полей полученная ими послѣ смерти отца. Такая кандійская деревня съ соединенными хозяйствами походитъ въ нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ на индійскія деревни сосѣднихъ равнинъ. Подобно послѣднимъ, она состоитъ изъ кучки земледѣльческихъ семействъ, имѣющихъ одинаковое право владѣнія наслѣдственною землею; какъ и индусскія деревни, она признаетъ главу, который владѣетъ своею должностью на правѣ, на половину наслѣдственномъ, на половину избирательномъ; и тамъ и здѣсь община слагается изъ двухъ рѣзко-разграниченныхъ классовъ,—изъ земледѣльческихъ семействъ и нѣсколькихъ хозяйствъ безземельныхъ ремесленниковъ полурабовъ. При всемъ томъ, между кандійскою деревнею и сосѣдними индусскими общинами существуютъ и важныя различія. Прежде всего, хотя и тѣ и другія суть группы земледѣльческихъ семействъ съ правами на землю, но въ индусской деревнѣ группа образуетъ самостоятельный организмъ, власть котораго признается всякимъ отдѣльнымъ членомъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ кандовъ каждое *семейство* стоитъ отдѣльно, какъ особая единица подъ властью своего собственнаго отца семейства. Въ индусской деревнѣ существуетъ цѣлый рядъ правъ на землю, принадлежащихъ частью суверену, частью общинѣ, такъ что дѣйствительному земледѣльцу остается одно только право пользованія: деревня кандовъ ничего не знаетъ о такихъ правахъ; полное обладаніе землею, включающее всѣ элементы—занятіе, владѣніе и право передачи, сосредоточивается здѣсь въ рукахъ *семейства*, члены котораго обработываютъ поля. И такъ, отсюда слѣдуетъ, что хотя и деревня кандовъ и деревня индусовъ одинаково обладаютъ тѣмъ характеристическимъ признакомъ, что живутъ подъ главенствомъ полу-выборныхъ, полу-наслѣдственныхъ старѣйшинъ, но функціи этихъ должностныхъ лицъ весьма различны. Въ индусской деревнѣ старѣйшина выполняетъ важныя обязанности, за которыя онъ получаетъ опредѣленное вознагражденіе; власть его держится главнымъ образомъ на силѣ общественнаго мнѣнія, и, если есть въ томъ надобность, на помощи подчиненныхъ ему деревенскихъ стражей: въ деревнѣ кандовъ старѣйшина есть только безплатный предсѣдатель совѣта главъ семействъ, безъ всякой власти, вознагражденія или какого-либо служебнаго отличія; это первый между равными. Такъ, напримѣръ, и въ деревнѣ кандовъ и въ индуской старѣйшины одинаково присутствуютъ при продажѣ земли; но въ индусской деревнѣ регистрація старѣйшины требуется какъ условіе дѣйствительности передачи, тогда какъ въ деревнѣ кандовъ главы семействъ ревниво выставляютъ на видъ, что они

обращаются къ старѣйшинѣ деревни не для того, чтобы получить его санкцію, а лишь для того, чтобъ обезпечить публичность сдѣлки чрезъ присутствіе его въ качествѣ свидѣтеля. Однако, между деревнями того и другаго рода существуетъ близкая аналогія въ способѣ выбора старѣйшины изъ опредѣленнаго семейства не чрезъ дѣйствительное голосованіе, а посредствомъ молчаливаго прохожденія мимо наслѣдственнаго представителя, если онъ считается недостойнымъ этой чести. Но такая форма избранія обща и другимъ народамъ, кромѣ кандовъ и индусовъ. Что касается до сходства въ территоріальномъ отношеніи, то хотя въ обоихъ случаяхъ деревня представляетъ родъ территоріальной юрисдикціи съ хозяйствами въ центрахъ, но деревня кандовъ никогда не составляла опредѣленнаго *территоріальнаго цѣлаго*, что между тѣмъ является крупнѣйшею характеристикою индусской деревни. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ пастбища раздѣлены, въ иныхъ нѣтъ, и на протяженіи большихъ пространствъ отдѣльныя деревни не имѣютъ никакихъ границъ, такъ какъ каждый кандъ можетъ требовать для занятія любой участокъ внутри границъ своего племени. Тогда какъ индусская деревня переживала всевозможныя формы угнетенія и насилія, и въ концѣ долгаго періода анархіи составляетъ единственную неизмѣнившуюся черту страны, деревня кандовъ часто имѣла характеръ скорѣе временной расчистки, чѣмъ постояннаго поселенія, и была въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передвигаема съ мѣста на мѣсто черезъ каждый десятокъ лѣтъ. Однимъ словомъ, деревня кандовъ представляетъ собою простую группу хозяйствъ, соединенныхъ въ одномъ мѣстѣ для удобства отдѣльныхъ семействъ, индусская-же деревня есть цѣлое съ сильнымъ притяженіемъ частей.»

Если подъ отдѣльнымъ семействомъ, главою семейства и отдѣльною недвижимою собственностью семейства въ изложеніи Гёнтера разумѣть братство, главу братства и недвижимую собственность братства, то ясно, что мы имѣемъ предъ собою ничто иное, какъ переходъ отъ полубродячаго родового состоянія къ состоянію территоріально-политическому, котораго болѣе раннюю ступень образуетъ деревня кандовъ, а болѣе позднюю индусская деревня. Усиленіе и сосредоточеніе власти старѣйшины и большее объединеніе ея въ индусской деревнѣ представляетъ естественный результатъ соединенія въ одно территоріальное цѣлое сосѣдскаго землевладѣнія прежнихъ братствъ. Такимъ образомъ опять оказывается, что интенсивность власти находится въ зависимости отъ интенсивности самой ассоціаціи производителей, или употребляя выраженіе Крауфорда, «привязанность народа къ земледѣлію, лишая его части мужества и дѣлая его самаго болѣе покорнымъ передъ властью, чѣмъ странствующія племена, а собственность его болѣе доступною захвату, все болѣе и болѣе обращала его къ власти.»

Описаніе различныхъ формъ общественно-должностной дѣятельности на индійскомъ архипелагѣ, представляющихъ большое сходство съ только что упомянутыми, читатель, если пожелаетъ, можетъ найдти въ статьѣ нашей «Государство и община въ Нидерландской Индіи», («Отеч. Записки», 1881, мартъ,) а потому мы не станемъ останавливаться здѣсь на этомъ предметѣ.

Если доставленіе земледѣлію требуемой имъ воды посредствомъ сооруженія и регулированія системы орошенія служило источникомъ развитія сильной правительственной власти, то не менѣе важную роль игралъ вопросъ водоснабженія въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существованіе земледѣлія зависѣло отъ количества дождя. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствительная или кажущаяся способность извѣстныхъ личностей распоряжаться условіями существованія общества внушаетъ къ себѣ религіозное уваженіе и тѣмъ способствуетъ укрѣпленію общественной власти. Въ этомъ отношеніи нигдѣ болѣе чѣмъ въ Африкѣ мы не встрѣчаемъ такого распространенія среди различныхъ племенъ вѣры въ способность начальниковъ по произволу посылать или прекращать дождь, соотвѣтственно требованіямъ земледѣлія. Сами начальники подчасъ глубоко увѣрены въ существованіи у нихъ подобной способности и съ столь же глубокою наивностью считаютъ возможнымъ вызвать непогоду черезъ простое подражаніе ей. Неудивительно, что подобныя качества болѣе всего прочаго способствовали тому религіозному поклоненію нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ своимъ начальникамъ, которое признается многими европейскими путешественниками за деспотическую форму правленія.

«Африканскіе короли», говоритъ Вайцъ, [1]) «часто приписываютъ себѣ божественное происхожденіе. Съ этимъ находится, впрочемъ, въ близкой связи то, что народъ имѣетъ совершенно фантастическое представленіе о силѣ короля и одаряетъ его сверхчеловѣческимъ могуществомъ. Какъ на Нигерѣ бѣлымъ приписываютъ господство надъ погодою и надъ всякими болѣзнями, такъ въ Лоанго и на Бѣломъ Нилѣ считаютъ погоду зависящею отъ короля, вслѣдствіе чего короля убиваютъ, когда долго нѣтъ дождя. У банжаровъ или фелуковъ король, который въ то же время есть высшій жрецъ, т.-е. лицо, состоящее въ распоряженіи таинственной волшебной силы, также дѣлается отвѣтственнымъ за національное бѣдствіе, но расплачивается за это не жизнью, а только тѣлеснымъ истязаніемъ. Тою же волшебною силою обладаютъ въ Африкѣ пользующіеся извѣстностью знахари, преимущественно иностранцы. По словамъ миссіо-

---

[1]) Waitz. Antropologie, II, 129.

нера Моффа, [1]) дождетворцы, всегда имѣющіе наиболѣе почета среди чужихъ народовъ, являются вообще людьми съ недюжинными умственными способностями, и только убѣжденіе въ естественномъ превосходствѣ своего генія даетъ имъ смѣлость покорять умы народа видѣніямъ своей фантазіи. Однако искренность этого убѣжденія нерѣдко подлежитъ сомнѣнію. Тотъ-же Моффа разсказываетъ, что онъ встрѣтился среди баролонговъ съ однимъ подобнымъ дождетворцемъ, который, за нѣкоторыя услуги, сдѣлался съ нимъ весьма близокъ. Онъ извлекалъ выгоду изъ нѣкоторыхъ лекарствъ автора и поэтому смотрѣлъ на него, какъ на доктора, принадлежащаго къ его собственному братству. Въ отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія автора, онъ какъ-то сказалъ: «только умные люди могутъ быть дождетворцами, такъ какъ, чтобы обманывать столько народу, требуется большой умъ», и прибавилъ: «вы и я знаемъ это». Другой дождетворецъ, призванный за 200 миль въ страну батлеписовъ, нашелъ облака этой страны гораздо труднѣе управляемыми, чѣмъ той, которую оставилъ. Онъ жаловался, что тайные мошенники не слушаются его воззваній. Когда его заставили повторить свои опыты, онъ отвѣчалъ: «вы даете мнѣ только овецъ и козъ, поэтому я могу вамъ сдѣлать только козій дождь; дайте мнѣ жирнаго быка, и я пошлю вамъ бычачій дождь». Но всѣ его ухищренія оказались безуспѣшны, и онъ былъ съ позоромъ изгнанъ изъ страны. Знахари, говоритъ Бёртонъ [2]), являющіеся дождетворцами въ сухихъ мѣстностяхъ, располагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ силой останавливать дождь въ неудобныхъ по сырости климата мѣстностяхъ центральной и западной Африки. Значеніе, придаваемое въ этомъ отношеніи способностямъ европейцевъ, высказывается въ слѣдующемъ забавномъ эпизодѣ: «Однажды», говоритъ Бартъ [3]), «когда я спокойно сидѣлъ у себя дома въ Массенѣ, внезапно появился въ комнатѣ слуга губернатора Агидъ Муза, хорошо ко мнѣ расположеннаго, съ весьма серьезнымъ видомъ, и спросилъ по порученію губернатора правду-ли толкуютъ въ городѣ, что какъ только собирается гроза и облака появляются на небѣ, то онъ, Бартъ, выходитъ изъ дому и прогоняетъ облака; въ городѣ будто бы не разъ замѣчали, что, едва онъ, Бартъ, посмотритъ на облака съ повелительнымъ видомъ, всѣ они проносятся мимо, не оставляя ни одной капли дождя.»

---

[1]) Moffat, op. cit. 312—314.

[2]) C. Burton. On M. du Chaillu Equator. Africa. Transact. of the Ethnolog. Society, 324.

[3]) H. Barth. Travels and Discoveries in North and Central Africa. Lond. 1858, III, 377.

«Начальникъ страны Оббо,» говоритъ Беккеръ[1]), «держитъ въ подчиненіи ея жителей тѣмъ, что выдаетъ себя за колдуна и дѣлателя дождя. Если кто изъ подданныхъ не угодитъ ему или откажетъ въ дани, то Кагиба проклинаетъ его скотъ и куръ или грозитъ засушить хлѣбъ на его полѣ, и страхъ этихъ наказаній заставляетъ непокорныхъ повиноваться. Опредѣленныхъ податей въ Оббо не существуетъ, а по временамъ Кагиба просто требуетъ отъ народа извѣстнаго числа козъ и жизненныхъ припасовъ. Подданные повинуются, такъ какъ Кагиба — старый и опытный правитель и знаетъ, когда предъявлять свои требованія. Наступаетъ напримѣръ время посѣва, а дождя нѣтъ или очень много дождя; Кагиба пользуется случаемъ, собираетъ народъ и пускается въ объясненія: какъ ему прискорбно, что они своимъ поведеніемъ вынудили его послать такую неблагопріятную погоду, но что это ихъ вина; если они такъ алчны и скупы, что не хотятъ позаботиться о немъ, то какъ же они могутъ ожидать, чтобы онъ заботился объ ихъ нуждахъ? Въ заключенье онъ объясняетъ, что ему нужно козъ и хлѣба. «Нѣтъ козъ, нѣтъ и дождя,» говоритъ Кагиба, «таковъ нашъ договоръ, друзья; дѣлайте, какъ хотите; я ждать могу, надѣюсь, что и вы можете». Если народъ жалуется, что дождя слишкомъ много, то Кагиба угрожаетъ наслать на нихъ громъ и молнію на вѣки, если не принесутъ ему столько-то сотенъ корзинъ хлѣба и пр. Въ случаяхъ болѣзни Кагибу призываютъ не какъ доктора медицины въ нашемъ значеніи, а какъ доктора магіи.»

Религіозное значеніе, придаваемое начальникамъ многими племенами Африки, въ связи съ военною ихъ силою, является въ глазахъ многихъ изслѣдователей прямымъ доказательствомъ, что правленіе этихъ племенъ носитъ деспотическій характеръ. Впрочемъ, достойно замѣчанія, что ни одинъ изъ числа извѣстныхъ намъ путешественниковъ по Африкѣ не высказываетъ этой характеристики безусловно, а всегда присовокупляетъ къ ней такія ограниченія, которыя невольно заставляютъ усомниться въ ея вѣрности. Такъ, напримѣръ, Пройаръ[2]) говоритъ о правительствѣ Лоанго и Каконго слѣдующее: «Правленіе у этихъ народовъ чисто деспотическое. Они утверждаютъ, что ихъ жизнь и имущество принадлежатъ королю, что король можетъ распоряжаться тѣмъ и другимъ и отнимать когда заблагоразсудится, безъ всякаго суда, безъ всякихъ жалобъ со стороны потерпѣвшихъ. Они оказываютъ королю въ его присутствіи знаки уваженія, похожіе на обожаніе. Простой народъ убѣжденъ въ томъ, что могу-

---

[1]) Путешествіе по верховьямъ Нила. 186—7.

[2]) Proyart Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique, 1776. 119.

щество короля не ограничивается предѣлами земли, и что онъ имѣетъ довольно власти, чтобы заставить падать дождь съ неба; поэтому, когда продолжительная засуха заставляетъ опасаться за урожай, то они не упускаютъ случая поставить королю на видъ, что если онъ не озаботится поливкою земли своего королевства, то они умрутъ съ голоду и будутъ поставлены въ невозможность принести обычные дары. Во всѣхъ провинціяхъ и городахъ имѣются правители, назначаемые королемъ. Старѣйшины деревень суть также должностныя лица короля. Благороднаго класса въ этихъ странахъ нѣтъ, кромѣ князей, и дворянство сообщается лишь черезъ женщинъ; такъ что всѣ дѣти княгини суть князья и княгини, хотя бы они были рождены и отъ крестьянина-отца; и на оборотъ, дѣти князя и даже короля не считаются благородными, если отецъ ихъ не женатъ на княгинѣ, что бываетъ очень рѣдко, потому что бракъ съ княгиней долженъ быть единоличенъ». Но въ другомъ мѣстѣ [1]) Пройаръ говоритъ уже нѣчто иное: «князья (т.-е. родственники короля). *не избавлены отъ домашнихъ работъ*, и часто ихъ можно видѣть, подобно другимъ, занятыми воздѣлываніемъ земли». У Мадьяра [2]) мы читаемъ про административную организацію народа Кимбунды: «У этого народа всякій взрослый, носящій оружіе человѣкъ есть неограниченный господинъ своей личности, членовъ семьи и собственности. Главы семействъ одной деревни держатся тѣсно вмѣстѣ, ради общей пользы. Въ какомъ отношеніи отдѣльныя главы семействъ находятся къ *секулу*, въ такомъ-же отношеніи находится послѣдній къ князю. Хотя различные округа совершенно независимы одни отъ другихъ и управляются свободно, но для отраженія непріятельскихъ вторженій имѣется родъ всеобщей воинской повинности, при чемъ воины соединяются въ группы подъ начальствомъ главы округа. Того, что соединяетъ отдѣльныхъ и независимыхъ главъ семействъ съ «секулу», этихъ послѣднихъ съ народомъ, а народъ съ княземъ, и что препятствуетъ дикой государственной организаціи перейдти въ еще болѣе дикую анархію и совершенно разложиться,— мы должны искать въ дворянствѣ, въ колдовствѣ и въ обычномъ правѣ. Дворянства существуетъ два класса—одинъ изъ родственниковъ короля, другой изъ старѣйшинъ народа. Въ первомъ классѣ дворянство наслѣдственно, во второмъ основано на выборѣ. Оба класса сильно ненавидятъ и преслѣдуютъ одинъ другой. Народъ любитъ второй классъ, многочисленный и богатый, который защищаетъ его отъ перваго класса и отъ короля. При всемъ томъ народъ не огражденъ противъ насилій князя и держащагося за него перваго дворянскаго

---

[1]) Id. 10.
[2]) Magyar, op. cit. 270.

класса. Впрочемъ, эти злоупотребленія власти не сотаются безнаказанными: короли Кимбунда, большею частью, умираютъ насильственною смертью».

«У каффровъ», говоритъ Клеммъ [1]), «тирана — главу покидаютъ его подданные, какъ то же бываетъ у калмыковъ. Альберти приводитъ одинъ примѣръ старѣйшины покинутаго племенемъ, за то что онъ объявилъ себя единственнымъ наслѣдникомъ своихъ подданныхъ». «Король у кафровъ», утверждаетъ Вайцъ [2]), «почти вездѣ пользуется большимъ уваженіемъ, его встрѣчаютъ съ величайшею покорностью; у южныхъ кафровъ онъ обладаетъ почти абсолютною властью и неприкосновененъ даже во время войны. Но въ то же время король не стоитъ *выше* обычаевъ и нравовъ: когда онъ нарушаетъ обычай, то народъ отказывается отъ него и уходитъ или лишаетъ его короны, какъ это уже Массуди разсказывалъ про зеуди. Отсюда же объясняется и обычай, господствующій у зулусовъ и бечуановъ, что король, не смотря на свое могущество, долженъ допускать совершенно свободную критику своихъ дѣйствій въ опредѣленные дни года или на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ». «Кафры», сообщаетъ Ле-Вальянъ [3]), «управляются общимъ начальникомъ, или, если хотите, чѣмъ-то въ родѣ короля. Наслѣдственная власть этого начальника очень *ограниченна*; не получая субсидій, онъ не можетъ имѣть никакого войска на жалованьи; вообще онъ далекъ отъ деспотизма; это отецъ свободнаго народа; его не уважаютъ, не боятся, а любятъ. Часто король менѣе богатъ, чѣмъ многіе изъ его подданныхъ, потому что имѣя право брать сколько хочетъ женъ, онъ разоряетъ себя на расходы для своего королевскаго двора, которые онъ долженъ пополнять изъ своей частной кассы (скотъ), чѣмъ и приводитъ свою собственность къ нулю. Хижина его украшена не лучше и не выше, чѣмъ другія; онъ собираетъ вокругъ себя семейство и сераль, что составляетъ группу въ 12—15 хижинъ; окружающія его земли онъ обрабатываетъ *самъ*. Обыкновенно каждый самъ собираетъ свой хлѣбъ, чтобы употреблять его какъ хочетъ».—«Въ прежнія времена», говоритъ Маклеанъ, [4]) «начальникъ кафровъ получалъ родъ подати изъ продукта страны и по временамъ скотъ. Въ настоящее время этотъ обычай почти совершенно вышелъ изъ употребленія, и народъ довольствуется тѣмъ, что приноситъ эти вещи въ даръ начальникамъ, когда они

---

[1]) Klemm, op. cit. II, 322.
[2]) Waitz, II, 391.
[3]) Le Vaillant. op. cit. II, 72.
[4]) C. Maclean. A Compendium of Kafir Law and Customs. Mount-Coke. 1858, 149.

посѣщаютъ сосѣдніе краали. Десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ у фингосъ часто отнимали ихъ собственность и сады; но теперь права ихъ вообще признаны и уважаются. Пока Кафрарія была населена слабо, жители часто по различнымъ причинамъ перемѣняли мѣстопребываніе; но въ послѣдніе годы перемѣщенія стали рѣже, а въ будущемъ обѣщаютъ быть еще болѣе рѣдкими. Но даже когда страна была населена слабо, кафръ никогда не покидалъ своего дома только изъ любви къ перемѣнѣ и часто оставался въ одной и той же мѣстности въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Причины перемѣщенія состоятъ въ необходимости найдти новыя пастбища и поля, въ смерти главы краалл, въ чрезмѣрномъ накопленіи навоза.»

Достаточно однихъ только приведенныхъ указаній на грубыя формы полукочевой жизни, свойственныя различнымъ народамъ Африки, чтобы убѣдиться въ томъ, что о дѣйствительномъ, политическомъ монархизмѣ по отношенію къ нимъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что мы опять-таки имѣемъ дѣло съ общинно-родовою властью, которую большей части путешественниковъ угодно называть патріархальною. Но для вящаго убѣжденія въ отсутствіи у африканскихъ племенъ сложившейся монархической власти приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

«У готтентотовъ [1]) характеръ власти деспотическій, *но за превышеніе власти монархъ можетъ поплатиться уменьшеніемъ числа подданныхъ*. Привязанность этого народа къ принципу наслѣдственной монархіи (?) настолько велика, что не извѣстно ни одного случая въ странѣ, когда бы кто-либо изъ второстепенныхъ начальниковъ узурпировалъ это отличіе; но если начальникъ недоволенъ, то онъ съ своею свитою можетъ удалиться изъ подъ власти короля и соединиться съ другимъ племенемъ; въ слабо населенной странѣ и среди племенъ, которыхъ все богатство состоитъ въ скотѣ, это должно бывать довольно часто. Къ этому препятствію, которое должно представлять значительную гарантію противъ злоупотребленій властью, можно присовокупить еще одно: всѣ важные вопросы и особенно всѣ вопросы, относящіеся къ войнѣ и миру, рѣшаются въ общественныхъ собраніяхъ по имени «пестшо.»

«Правительственное устройство въ Африкѣ [2]) большею частью, *монархическое*, покрайней мѣрѣ, *по имени*; аристократія перевѣшиваетъ власть короля, которая нигдѣ не наслѣдственна, за исключеніемъ, быть можетъ, однихъ фулаховъ. Но и здѣсь право первородства значитъ мало, если не хватаетъ остальныхъ нужныхъ ка-

---

[1]) Philip. Researches in South Africa. Lond. 1827, II, 132.
[2]) Winterbottom, op. cit. 165.

чествъ. У цимманеровъ и булламеровъ корона остается, правда, въ рукахъ одной и той-же семьи; но старѣйшины мѣстечекъ, отъ которыхъ зависитъ выборъ, имѣютъ полное право избрать въ короли самаго отдаленнаго родственника этой семьи, если найдутъ его годнымъ для того. Впрочемъ, за этою честью не особенно гонятся, какъ это бываетъ въ Европѣ, такъ какъ она приноситъ болѣе расхода, чѣмъ прибыли. Въ каждой деревнѣ имѣются, сверхъ того, особые старѣйшины, которые держатъ общія собранія для обсужденія общественныхъ дѣлъ.

«Четыре короля, или лучше сказать, штатгальтеры долины Шембы-Шембы», говоритъ Бастіанъ [1]), «*избираютъ* въ своей средѣ одного главнаго короля, который обыкновенно въ опредѣленный срокъ замѣняется другимъ. До пріобрѣтенія *европейскихъ титуловъ* всѣ князья страны назывались *Мани*. Ихъ главные совѣтники были: *Мангово* для иностранныхъ дѣлъ и пріема чужестранцевъ, его намѣстникъ *Ма-уптуту*, далѣе *Ма-кака* или главнокомандующій, безъ разрѣшенія котораго никто не могъ издавать воззванія къ войнѣ, *Ма-фука* или министръ торговли, которому подчинялось все, касающееся интересовъ бѣлыхъ, *Ма-кимба* или надсмотрщикъ за лѣсами и рѣками; *Ма-банца*, или правитель города и *Ма-беле*. Въ большей части государствъ король назначаетъ передъ смертью *Ма-бома* (господина ужаса), который ведетъ судебныя дѣла въ теченіи продолжающагося до погребенія междуцарствія.—Въ Лоанго пять князей, имѣвшихъ право на корону, должны были жить въ отдаленныхъ деревняхъ, не имѣя доступа въ столицу. Когда, первый изъ нихъ вступалъ на мѣсто умершаго короля, то второй слѣдовалъ за первымъ, за нимъ шли другіе, занимая мѣста стоявшихъ за ними, и только пятый князь снова подвергался выбору. Въ Каконго также былъ *избирательный* король. Въ Конго князья Банда, Лунда и Сонго представляли собою трехъ избирателей короля, къ которымъ во время португальскаго вліянія присоединился также и епископъ Св. Сальвадора, обладавшій въ качествѣ духовнаго курфюрста короной, присланной Урбаномъ VIII.»

По словамъ Burton'a [2]), «въ странѣ Уанайкѣ царятъ повсюду грубыя свобода, равенство и братство при полномъ отсутствіи законовъ. Никто не приказываетъ тамъ, гдѣ никто не повинуется. Самъ начальникъ *копаетъ* своей лопатой, подобно рабу, клочокъ земли, засаженный маисомъ или маніокомъ. Споры рѣшаются *совѣтомъ старѣйшинъ*, согласно обычному праву. Самъ главный начальникъ не осмѣливается требовать себѣ никакого подчиненія». — Равнымъ

---

[1]) Bastian. Ein Besuch in S-t Salvador. 1859, 57.
[2]) R. Burton. Zanzibar. Lond. 1872, II, 94.

образомъ и начальники Вуазарама [1]) «не имѣютъ иной власти, кромѣ основанной на состояніи или на личныхъ ихъ заслугахъ. Они образуютъ классъ съ наслѣдственною властью, который распадается на пять различныхъ должностей: начальникъ деревни, его главный совѣтникъ и *выше ихъ старѣйшины трехъ степеней.* Начальникъ деревни, если не пользуется исключительнымъ вліяніемъ, дѣлится съ своимъ совѣтникомъ предметами, которые вымогаетъ у путешественниковъ».—«По примѣру дикихъ животныхъ [2]), инстинктъ приводитъ негровъ подъ чье-нибудь управленіе: — вотъ почему они учредили начальниковъ для своихъ деревень и мелкихъ подраздѣленій народа. Власть вождей абсолютная, хотя и ограниченная *совѣтами старѣйшинъ.* Общественный доходъ, взимаемый ими въ весьма маломъ размѣрѣ, обращается исключительно въ пользу начальника и его старѣйшинъ. Въ качествѣ, напримѣръ, поземельнаго налога, начальникъ присвоиваетъ себѣ право пить à discretion и по мѣрѣ изготовленія, по очереди у каждаго своего подданнаго, просяное пиво «помбе». Если убьютъ слона, онъ требуетъ часть мяса и одинъ изъ клыковъ; всѣ кожи леопардовъ, рысей и зебровъ также принадлежатъ ему по праву. Когда торговцы привозятъ свои товары, онъ можетъ, не обращая вниманія ни на справедливость, ни на болѣе или менѣе установленный тарифъ, предъявить всякое требованіе, которое считаетъ возможнымъ вынудить.

У басутовъ [3]) сыновья наиболѣе могущественныхъ начальниковъ должны въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ вести *жизнь простыхъ пастуховъ.* Есть даже начальники, которые считаютъ своею обязанностью прерывать время отъ времени теченіе своей администраціи, чтобы возвращаться къ занятіямъ своей ранней юности, что всегда имъ ставится въ большую заслугу. Это практикуется особенно тогда, когда животныхъ нужно водить на отдаленныя пастбища.—Власть верховнаго начальника у ніамніамъ [4]) *ограничивается* высшимъ командованіемъ надъ взрослыми мужчинами страны. Въ видѣ налога онъ получаетъ отъ жителей своей области, кромѣ слоновой кости, которая принадлежитъ ему исключительно, половину мяса изъ добычи отъ общественной охоты. Въ западныхъ частяхъ страны, гдѣ процвѣтаетъ торговля мальчиками и дѣвочками насчетъ угнетенныхъ рабскихъ племенъ, онъ получаетъ часть налоговъ также и этимъ товаромъ. — Правительство всѣхъ государствъ, разбросанныхъ по западному берегу Африки [5]), можетъ быть названо *деспо-*

---

[1]) C. Burton Voyage aux grands lacs de l'Afrique orientale Paris. 1862, 102.
[2]) I. Speke. Les sources du Nil. Paris. 1865, Préface, 10—11.
[3]) Casalis, op. cit. 161—2.
[4]) Schweinfurth, op. cit. 238.
[5]) Degrandpré. Voyage à la côte occidentale d' Afrique. Paris. 1801, I, 163.

тическимъ, но этотъ деспотизмъ ограничивается степенью могущества короля. Онъ можетъ, все сдѣлать, если имѣетъ въ рукахъ силу; иногда же онъ испытываетъ сопротивленіе и бываетъ не въ силахъ заставить своихъ вассаловъ повиноваться иначе, какъ ведя съ ними войну, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ; иными словами, устройство государства предоставляетъ королю безграничную власть, которой однако его подданные отказываются повиноваться, когда могутъ: поразительная картина первыхъ возрастовъ европейскихъ монархій! — Власть государя у мандинговъ [1]) ни въ какомъ случаѣ *не можетъ считаться неограниченною*. Во всякомъ важномъ дѣлѣ король созываетъ совѣтъ начальниковъ или *старѣйшинъ*, которыхъ мнѣніемъ онъ руководствуется и помимо которыхъ онъ не можетъ ни объявить войны, ни заключить мира. Въ каждомъ значительномъ городѣ есть главное должностное лицо, должность котораго наслѣдственна, и дѣло котораго состоитъ въ поддержаніи порядка, во взиманіи пошлинъ съ путешественниковъ и въ предсѣдательствѣ во всѣхъ *совѣщаніяхъ* по мѣстной юрисдикціи и администраціи. Это совѣщанія засѣдаютъ на открытомъ воздухѣ съ большою торжественностью; всѣ стороны вопроса здѣсь излагаются свободно, свидѣтели допрашиваются публично, и слѣдующія за тѣмъ рѣшенія встрѣчаются публикою съ одобреніемъ.

Да проститъ намъ читатель эти детальныя описанія африканской правительственной власти. Мы хотѣли ими показать, что деспотизмъ африканскихъ королей, неимѣющихъ часто полной одежды для прикрытія своей наготы, совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ объ немъ привыкли говорить. [2]) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что деморализація тор-

---

[1]) Compagnon Voyage au Bambouk (Histoire des Voyages. édit. Walckenaer, 1826, III, 120.)

[2]) Слѣдующій разсказъ Бюттнера (Aus Natur-und-Völkerlebén Südwestafrikas. Das Ausland, 1882, №№ 42 и 43) о затрудненіяхъ, испытываемыхъ иногда знатными лицами у народа гереро (страна Дамара) въ югозападной Африкѣ, приводитъ къ мысли, что не страхъ, а скорѣе смѣхъ есть то чувство, съ которымъ можно относиться къ африканскимъ политическимъ властямъ. „Среди гереро, говоритъ Бюттнеръ, „никто не побоится въ отсутствіи кого-либо изъ своихъ родственниковъ или друзей воспользоваться принадлежащими имъ вещами. Поэтому, у кого есть много имущества, у того много и друзей, которые съ удовольствіемъ берутъ къ себѣ на нѣкоторое время, до полнаго истребленія, въ ссуду вещи своего отца, дяди, хозяина, и которые охотно готовы при этомъ не слишкомъ точно провѣрять близость своего родства съ ними. Такъ, напримѣръ, положимъ подобный *богачъ*, располагающій сотнями слугъ, пріобрѣтаетъ себѣ европейскія платья. Если онъ желаетъ все это платье удержать для себя, то онъ будетъ принужденъ, не смотря на чрезмѣрный жаръ тропическаго солнца, надѣвать на себя одну штуку на другую. Такъ, Камагареро, въ настоящее время самый могущественный князь въ странѣ, когда онъ въ присутствіи автора позволилъ себя фотографировать, былъ одѣтъ слѣдующимъ образомъ. пара башмаковъ, три пары панталонъ изъ толстой матеріи; сколько было на немъ рубашекъ, авторъ не можетъ сказать, но, сверхъ того, на немъ былъ жилетъ,

говли и грабежа рабовъ успѣла уже пустить глубокіе корни въ общественной жизни африканскихъ негровъ и въ значительной степени усилила власть начальниковъ. Но даже изъ подъ этой власти не трудно видѣть широкое самоуправленіе старѣйшинъ, т. е. чисто родовую форму правленія.

Военный характеръ власти африканскихъ начальниковъ особенно хорошо выясняется на слѣдующемъ примѣрѣ. «Воины племени матабеле [1]) собираются предъ вождемъ и хоромъ кричатъ: «Мозелекатсе, дай намъ врага». Одно слово тирана рѣшаетъ тогда кровавую судьбу сосѣдняго мирнаго племени; воины изчезаютъ, и когда возвращаются, то должны, какъ побѣдители въ видѣ тріумфа, гнать передъ собою добытыя стада; въ противномъ случаѣ имъ будетъ худо: гнѣвъ Мозелекатсе заставитъ страшно расплатиться за трусость.... Послушаніе требованіямъ начальника доводится часто до безсмыслицы. Если, напримѣръ, львы натворили зла въ стадахъ, то стража не смѣетъ явиться къ начальнику безъ шкуры грабителей; толпа окружаетъ дикое животное и бросается на него съ размахнутыми ассе-

---

вокругъ тѣла была обвита большая шаль, потомъ слѣдовалъ толстый пиджакъ, шаль вокругъ шеи и поверхъ всего этого шлафрокъ, а на головѣ шарфъ, надъ которымъ была калабрійская шапка, а сверхъ ея шелковый колпакъ, вышитый жемчугомъ,—и все это при температурѣ, когда всякій другой охотно сбросилъ-бы съ себя все, что не было необходимо! Безъ сомнѣнія, поводъ обратиться въ странствующій магазинъ платьевъ состоялъ для Камагереро лишь въ томъ. что еслибъ онъ оставилъ свои платья безъ добраго надзора дома, то не только не легко бы ихъ нашелъ, но еще имѣлъ-бы удовольствіе видѣть одного изъ своихъ милыхъ и вѣрныхъ друзей и вассаловъ важничающимъ въ его глазахъ этимъ платьемъ передъ публикой. Автору, кромѣ того извѣстенъ случай, когда тотъ-же Камагереро просилъ у одного изъ его друзей кусокъ мыла, чтобы быть въ состояніи самому, своими сіятельными руками, мыть свое платье, такъ какъ считалъ за вѣрное, что еслибъ онъ отдалъ его кому-нибудь въ мытье, то не получилъ-бы назадъ платья, а только отвѣтъ: „въ этомъ платьѣ нуждаюсь я самъ, ты-же довольно богатъ чтобы купить другія“. Поэтому многіе здѣсь желали-бы, по образцу европейцевъ, обзавестись сундуками съ замкомъ, чтобы сберегать въ нихъ тѣ вещи, которыя не нужны ежеминутно. Для внимательнаго наблюдателя народнаго духа любопытна та характеристическая черта, что никто не считаетъ за преступленіе брать себѣ въ „ссуду“ свободно лежащія вещи родственника или друга, но взломить запертое имущество и взять что нибудь изъ подобнаго помѣщенія считалось бы за воровство и получило-бы дурную славу среди знакомыхъ. Кто не увидитъ въ этомъ воззрѣній нашей дѣтской, въ которой каждый изъ братьевъ и сестеръ можетъ играть съ свободно лежащею игрушкой, если собственникъ ея въ этотъ моментъ отсутствуетъ и не можетъ самъ заняться этимъ? То же, что дѣйствительно сберегается, долженъ вынимать только самъ собственникъ. Столь знатному и богатому человѣку, какъ Камагереро, разумѣется, среди гереро, ничто-бы не помогло, хотя бы онъ и досталъ себѣ сундукъ съ замкомъ, такъ какъ, если бы этотъ сундукъ былъ когда-либо открытъ, то весьма легко кто нибудь вынулъ-бы изъ него вещи, положилъ-бы ихъ чистенько рядомъ, а самый сундукъ взялъ-бы себѣ на неопредѣленное время въ ссуду“.

Этотъ обычай, повторяющійся и у другихъ народовъ и соединяющійся у гереро съ такими обычаями, какъ поклоненіе специальнымъ животнымъ, можетъ указывать на что угодно, только не на феодализмъ.

[1]) **M. Park**, op. cit. 7.

гаями, не обращая вниманія на опасность смерти и на раны; многіе становятся жертвами льва, но прежде чѣмъ онъ освободится, острые клинки ассагаевъ со всѣхъ сторонъ вонзаются въ его тѣло, и онъ падаетъ на изувѣченные трупы своихъ смѣлыхъ враговъ. Еще ужаснѣе бываетъ борьба въ томъ случаѣ, когда тирану взбредетъ дикая фантазія взять животное, возбудившее его гнѣвъ, живьемъ, чтобы онъ могъ заколоть его собственною рукою. Такъ, напримѣръ, однажды Мозелекатсе приказалъ принести живьемъ крокодила, который унесъ теленка, и его дикіе воины разрѣшили эту страшную задачу: они нашли пресмыкающееся на низкой водѣ, бросились на него толпою и принесли его нетронутымъ къ своему начальнику. Когда разъ пришли юные воины и потребовали мяса, Мозелекатсе спросилъ ихъ, съумѣютъ-ли они удержать быка? По мановенію руки начальника былъ пригнанъ сильный быкъ, въ одну минуту молодежь опрокинула его на землю; довольный обнаруженной храбростью, начальникъ дозволилъ имъ убить его. Въ другомъ случаѣ, когда строили краали, и люди прибѣгли для этого къ помощи топоровъ, Мозелекатсе спросилъ: «на что имъ топоры? Они должны умѣть строить крааль голыми руками». — Слѣдуетъ знать твердость и неприступность африканскаго колючаго кустарника, чтобы появленіе краали, выстроеннаго изъ большихъ вѣтвей, показалось геройскимъ дѣломъ, которое, кромѣ матабеле, могло бы выполнить рѣдкое племя».

Нельзя не видѣть съ перваго взгляда, что грубые нравы племени, молодечество и храбрость, порождаемыя непрерывнымъ веденіемъ войнъ, гораздо лучше объясняютъ приведенные поступки матабеле, нежели абсолютная власть ихъ вождя. Послѣдній могъ-бы всегда сказать въ свое оправданіе, что, вызывая своихъ соплеменниковъ на подвиги храбрости, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ цѣлаго племени, съ цѣлью развитія въ немъ силы сопротивленія. Сверхъ того, мы видѣли выше, что у нѣкоторыхъ южно-американскихъ индійцевъ совершеніе подобныхъ-же подвиговъ возлагается не начальникомъ на народъ, а народомъ на начальника, въ видахъ испытанія его годности. Не знаемъ лучшаго доказательства, какъ это, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ свойствами характера, принадлежащими не однимъ лишь начальникамъ, а всему полудикому народу.

Наиболѣе деспотическимъ принято считать въ Африкѣ правленіе такъ называемаго королевства Ашанти. Но вотъ что говоритъ по этому поводу весьма опытный и образованный изслѣдователь, Круиксганкъ [1]). «Правленіе Ашанти не можетъ быть названо ни деспоти-

[1]) Br. Cruickshank. Eighteen Years in the Gold Coast of Africa, 1853, 233—236.

ческимъ, ни конституціоннымъ, ни олигархическимъ, ни республиканскимъ, но имѣетъ по частямъ черты всѣхъ этихъ различныхъ формъ и зависитъ главнымъ образомъ отъ индивидуальнаго характера и богатства начальника. Сверхъ того, оно значительно умѣряется традиціонными обычаями и прецедентами, которые, повидимому, опредѣляютъ объемъ власти начальника, равно какъ и привилегіи народа, и одинаково обязательны какъ для того такъ и для другого. Отъ этой причины происходитъ то, что мы встрѣчаемъ здѣсь странное смѣшеніе актовъ деспотизма съ случайными проявленіями широкой свободы и равенства, при которыхъ власть начальника является почти не существующею. Богатство, состоящее частью въ большомъ числѣ рабовъ, частью въ золотѣ, представляетъ вѣрнѣйшее обезпеченіе власти.—Одна и таже система правленія существуетъ у вассаровъ, у денкара, у ассиновъ, у абра, у акиновъ, у аквапиновъ и другихъ народцевъ близъ Золотаго Берега. Ни у одного изъ этихъ племенъ обладаніе властью не сообщаетъ вождю такой силы, чтобы онъ могъ дѣйствовать наперекоръ общему мнѣнію своихъ подданныхъ, такъ что, при всемъ внѣшнемъ блескѣ власти, начальникъ есть не болѣе, какъ кукла, приводимая въ движеніе волею народа, которымъ онъ, повидимому, повелѣваетъ деспотически. Впрочемъ, такое положеніе проявляется только въ случаяхъ общаго интереса, въ остальныхъ-же онъ обладаетъ дѣйствительною властью.»

Такъ какъ распаденіе на крайне мелкія племена или орды, ведущія между собою непрерывную и истребительную войну, составляетъ наиболѣе характеристическую черту всѣхъ первобытныхъ общежитій, то неудивительно, что, во избѣжаніе этого неустойчиваго состоянія, въ ихъ средѣ постоянно возникаютъ многочисленныя попытки къ соединенію въ одно цѣлое нѣсколькихъ племенъ, путемъ-ли федераціи или завоеванія. Но насколько мало соотвѣтствуетъ условіямъ существованія первобытныхъ общежитій новый правительственный строй, порождаемый подобною перемѣною, видно изъ того, что, по единогласному приговору многихъ изслѣдователей, дѣлавшихъ свои наблюденія въ различныхъ странахъ земнаго шара, всѣ подобныя попытки оказываются крайне несостоятельными и, такъ сказать, роютъ яму самимъ себѣ. Такъ, мы уже приводили на предъидущихъ страницахъ мнѣніе Мёренгаута, что «только исходъ борьбы подчинялъ океанійскій островъ закону одного или раздѣлялъ его между многими; *но ни въ чемъ и никогда эти правительства не были устойчивы, и нигдѣ у этихъ островитянъ не было найдено династій, которыя царствовали-бы на всемъ островѣ въ теченіи продолжительнаго ряда лѣтъ*». Буквально то же са-

мое высказываетъ Крауфордъ [1]) относительно общежитій Индійскаго Архипелага слѣдующими словами: «Слабость, неумѣлость и варварское состояніе даже наиболѣе образованныхъ народовъ Индійскаго Архипелага повсюду являются препятствіемъ къ учрежденію прочныхъ политическихъ тѣлъ, и вслѣдствіе этого *даже самыя замѣчательныя государства имѣли только временную продолжительность.* Послѣдовательный рядъ способныхъ начальниковъ ниспровергалъ федеральныя учрежденія, но если одинъ за другимъ слѣдовали бездарные начальники, то изъ ихъ слабыхъ рукъ власть попадала въ руки правителей провинцій, которые дѣлались наслѣдственными главами отведенныхъ каждому изъ нихъ юрисдикцій; а такъ какъ общество уже ознакомилось съ началами абсолютнаго правленія, то для возстановленія этого послѣдняго слѣдовало лишь появиться и имѣть успѣхъ новой линіи узурпаторовъ изъ ряда мелкихъ суверековъ, возникшихъ на развалинахъ послѣдняго абсолютнаго правительства».

Совершенно совпадаетъ съ мнѣніями двухъ упомянутыхъ писателей взглядъ на судьбу африканскихъ монархій, высказанный Спрэемъ [2]): «Въ прежнее время всѣ манганаи были соединены подъ властью Унди, своего великаго начальника, царство котораго простиралось отъ озера Шивуа до береговъ Лоангуа. Послѣ смерти Унди имперія раздробилась на клочки, и обширная провинція, соприкасавшаяся съ Замбезе, была поглощена баніаями.—Африканскія имперіи всегда неизбѣжно подвергаются подобной участи. Начальникъ съ чрезвычайными способностями подчиняетъ себѣ часть сосѣднихъ народцевъ и основываетъ королевство, которымъ управляетъ болѣе или менѣе хорошо. Преемникъ этого начальника, не унаслѣдовавшій его военныхъ доблестей, плохо защищаетъ завоеванія, которыя ему достались. Болѣе ловкіе чѣмъ онъ вассалы пользуются этимъ, чтобы раздѣлить съ нимъ власть, и *черезъ нѣсколько лѣтъ отъ королевства не остается ничего болѣе, кромѣ пріятнаго воспоминанія.* Подобное положеніе дѣлъ, которое можно разсматривать, какъ *нормальное для африканскаго общества*, даетъ мѣсто частымъ войнамъ; населеніе, разоренное и уменьшившееся, тщетно вздыхаетъ по правительству, которое было бы достаточно сильно, чтобы обезпечить ему миръ». Наконецъ, то же самое воззрѣніе находимъ мы и у Вайца [3]): «Политическое устройство негрскихъ племенъ», говоритъ онъ, «часто считали абсолютно-монархическимъ. Однако это можетъ быть утверждаемо только относительно немногихъ изъ нихъ, хотя и вѣрно то, что у большей части

---

[1]) I. Crawfurd. History of the Indian Archipelago. Edinb. 1820, III, 3 и слѣд.
[2]) W. I. Spry. Die Expedition des Challenger. Leipz. 1877, 230.
[3]) Waitz. Anthropologie, II, 126.

народовъ большинство начальниковъ управляетъ совершенно деспотически. Только у немногихъ негрскихъ народовъ сила государя вполнѣ неограниченна по закону, а гдѣ это не такъ, тамъ правитель умѣетъ доставить себѣ фактическую власть, передъ которой все должно гнуться, такъ какъ государственныя силы слишкомъ неразвиты, чтобы съ какой-либо стороны было возможно продолжительное и успѣшное сопротивленіе нападкамъ и злоупотребленіямъ власти. Но означенное *сосредоточеніе власти бываетъ лишь кратковременно, и обладаніе ею не довольно обезпечено*, потому что все зависитъ здѣсь отъ личности самого государя, а также главнымъ образомъ отъ его богатства. Если другой членъ семейства государя, или намѣстникъ провинціи, или храбрый воинъ съумѣютъ интригами или блестящими заслугами пріобрѣсти себѣ славу и уваженіе, то государь обыкновенно долженъ опасаться не только того, что его слава померкнетъ, но и того что самъ онъ будетъ устраненъ... Не совсѣмъ ошибочно говоритъ Раффенель, что, сообразно патріархальному принципу, негры уважаютъ только возрастъ. Но когда онъ прибавляетъ, что въ каждомъ племени семья государя всегда есть та самая, которая дала племени первое происхожденіе, то это можетъ имѣть значеніе лишь гипотезы, которая, повидимому, вообще не подтверждается, хотя и справедливо, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ насильственное удаленіе съ трона, значеніе государя, большею частью, обыкновенно остается въ прежней силѣ, и только вступаетъ въ правительство другой членъ того-же семейства». Изъ всѣхъ этихъ аргументовъ неоспоримо слѣдуетъ, что сильная деспотическая власть не есть и не можетъ быть постоянною формою общественно-должностной дѣятельности у большинства первобытныхъ народовъ и на первоначальныхъ ступеняхъ цивилизаціи, такъ какъ ей сильно противодѣйствуютъ родовыя и общинныя начала, проявляющіяся въ противоположномъ направленіи.

Резюмируя все сказанное на предъидущихъ страницахъ, мы приходимъ къ тому общему заключенію, что общественно-должностная дѣятельность у первобытныхъ народовъ составляетъ результатъ дѣйствія родовыхъ и экономическихъ началъ, изъ которыхъ послѣднія, по крайней мѣрѣ первоначально, большею частью одерживаютъ верхъ надъ первыми. Широкое преобладаніе власти народныхъ собраній и совѣтовъ старѣйшинъ надъ единоличною властью начальниковъ, свободное избраніе способнѣйшихъ на опредѣленную только функцію и на непродолжительное время и одинаковый родъ жизни и занятій у начальниковъ и народа—безспорно свидѣтельствуютъ въ пользу означеннаго заключенія. Всѣ эти условія отправленія общественно-должностной дѣятельности въ наиболѣе чистомъ и простомъ видѣ встрѣчаются народовъ охотничьихъ и рыболовныхъ и отчасти

у кочевыхъ. Съ переходомъ къ осѣдлому земледѣлію, который захватываетъ гораздо болѣе продолжительный періодъ времени, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, значеніе сосредоточенной единоличной общественной власти все болѣе и болѣе возрастаетъ. Намъ неизвѣстно ни одного примѣра, гдѣ мало-мальски прочная земледѣльческая осѣдлость не влекла-бы за собою немедленнаго усиленія и сосредоточенія власти высшаго общественнаго класса. Примѣръ африканскихъ народовъ, изъ которыхъ самую сильную правительственную власть имѣютъ всего болѣе занимающіеся обработкою почвы, отлично доказываетъ это. Причинъ этого явленія слѣдуетъ искать, во первыхъ, въ прикрѣпленіи къ почвѣ, которое обусловливается осѣдлымъ образомъ жизни и не даетъ возможности уходить отъ угнетенія начальниковъ, а, во вторыхъ, въ бо́льшей сложности интересовъ и занятій земледѣльческаго населенія, требующей и бо́льшаго вмѣшательства со стороны обособившейся отъ цѣлаго общественной власти. Сверхъ того, только земледѣліе даетъ существованіе болѣе или менѣе обширнымъ общественнымъ союзамъ, способнымъ къ самостоятельной защитѣ. Охотничьи и рыболовные народы обыкновенно состоятъ изъ множества мелкихъ и совершенно изолированныхъ, независимыхъ и взаимно враждующихъ племенъ. Союзы племенъ на подобіе ирокезскаго, представляютъ въ охотничьемъ быту явленіе довольно рѣдкое и во всякомъ случаѣ недостаточно прочное. Кочевые народы, благодаря обладанію скотомъ, образуютъ почти сплошь болѣе многочисленныя группы, и притомъ, по временамъ, подъ властью весьма сильныхъ предводителей. Но всѣ подобные союзы, за отсутствіемъ надлежащихъ условій прочной организаціи, бываютъ непродолжительны и съ теченіемъ времени снова возвращаются въ первоначальное состояніе изолированныхъ и разрозненныхъ группъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ переходомъ къ земледѣлію является необходимость прибѣгнуть къ сооруженію каналовъ, резервуаровъ и другихъ приспособленій для орошенія, которыя могутъ быть предприняты и поддерживаемы лишь систематически и въ значительныхъ размѣрахъ, при помощи многочисленнаго и тѣсно сплоченнаго населенія,—только тамъ развивается очень рано сильная общественная власть. Въ томъ-же направленіи усиленія власти правящихъ классовъ дѣйствуютъ всякія внѣшнія сношенія съ чужеземцами и въ особенности завоеваніе,—все равно, ведетъ-ли оно завоеванный народъ къ обращенію въ рабство или въ крѣпостное состояніе.

Совершенно обратно этому положенію вещей,—да позволено намъ будетъ сдѣлать здѣсь маленькій скачокъ мысли,—свободныя политическія формы новѣйшей Европы и Америки въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ той новой комбинаціи обще-

ственной работы, которая отвязала населеніе отъ земли и сдѣлала перемѣщеніе людей и продуктовъ однимъ изъ условій самаго существованія общества. Не можемъ объяснить всей важности этой гигантской перемѣны въ строеніи общества лучше какъ слѣдующими словами Бенжамена Констана [1]): «При нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи и при торговой системѣ, среди которой мы живемъ, всякая общественная власть должна быть ограниченною и абсолютная власть не можетъ существовать. Торговля сообщаетъ собственности новое свойство—обращеніе: безъ обращенія собственность есть только пользованіе; власть можетъ всегда оказывать вліяніе на пользованіе, потому что она можетъ отнять его, но обращеніе ставитъ невидимое и непобѣдимое препятствіе этому дѣйствію общественной власти. Дѣйствіе торговли простирается еще далѣе: она не только освобождаетъ отдѣльныя лица, но, создавая кредитъ, дѣлаетъ зависимою саму власть. Деньги, сказалъ одинъ французскій авторъ, суть наиболѣе опасное оружіе въ рукахъ деспотизма, но въ тоже время и самая могущественная узда на него; кредитъ подчиняется общественному мнѣнію; сила по отношенію къ нему безполезна; деньги прячутся или уходятъ,—и всѣ государственныя операціи останавливаются. Кредитъ не имѣлъ того-же вліянія у древнихъ (и, прибавимъ отъ себя, у первобытныхъ народовъ): ихъ правительства были сильнѣе частныхъ лицъ; частныя лица нашихъ дней сильнѣе политическихъ властей. Богатство есть сила, которою всего свободнѣе можно располагать въ каждый моментъ времени; это сила наиболѣе примѣнимая ко *всѣмъ* интересамъ, и слѣдовательно, наиболѣе дѣйствительная и наиболѣе внушающая повиновеніе; власть угрожаетъ, богатство вознаграждаетъ; отъ власти ускользаютъ, обманывая ее а чтобы получить благорасположеніе богатства, нужно служить ему: богатство должно одержать верхъ надъ властью. Вслѣдствіе подобныхъ-же причинъ личное существованіе теперь менѣе связано съ политическимъ существованіемъ. Отдѣльныя лица перемѣщаютъ вдаль свои богатства (на подобіе кочевниковъ, недовольныхъ своимъ начальствомъ); они несутъ съ собою всѣ удовольствія частной жизни; торговля сблизила націи и сообщила всѣмъ имъ почти сходные нравы и обычаи; правители могутъ быть врагами, народы суть соотечественники; лишеніе родины, которое у древнихъ было казнью, сравнительно легко въ новое время, и вмѣсто того чтобы быть тягостью, часто бываетъ пріятно. Потерять родину въ древности значило потерять жену, дѣтей, друзей, всѣ привязанности и почти всякое соціальное удовольствіе: эпоха такого патріотизма прошла; то, что мы любимъ въ родинѣ, какъ и въ

---

[1]) B. Constant. Principes de Politique, II, 254—5.

свободѣ — это обладаніе нашимъ имуществомъ, безопасность, возможность спокойствія, дѣятельности, славы, тысячи благъ. Слово «родина» напоминаетъ нашей мысли скорѣе соединеніе этихъ благъ, нежели топографическую идею специальной страны: когда ихъ отнимаютъ у насъ дома, мы отправляемся искать ихъ на чужбинѣ».

Второй весьма важный классъ занятій, выдѣляющійся изъ общей массы экономической дѣятельности первобытнаго общества, составляютъ ремесленныя занятія. За такимъ состояніемъ общества, когда всѣ и каждый его члены, за исключеніемъ естественныхъ различій, обусловленныхъ возрастомъ и поломъ, отправляютъ всевозможные роды занятій, слѣдуетъ другое состояніе, когда мало по малу обособляются опредѣленныя группы личностей, отправляющія сначала временно, потомъ пожизненно, а впослѣдствіи и наслѣдственно, различныя спеціальныя занятія въ формѣ кастъ, цеховъ и иныхъ корпоративно-общественныхъ тѣлъ. Процессъ постепеннаго выдѣленія или спеціализаціи профессій этого общественнаго класса, представляетъ двѣ слѣдующія характеристическія черты, изъ которыхъ одна имѣетъ, повидимому, всеобщее, а другая только мѣстное значеніе. 1) Классъ ремесленниковъ образуется не въ одиночку, иными словами, не личными усиліями отдѣльныхъ личностей, а общинно-родовыми группами, на подобіе тѣхъ болѣе обширныхъ группъ, какія возникаютъ у первобытныхъ народовъ въ видахъ общаго достиженія цѣлей охоты, рыбной ловли, земледѣлія, искусственнаго орошенія, строенія домовъ и судовъ, изготовленія сѣтей и пр.. Иными словами: то, что прежде производилось всею общиною по очереди или совмѣстно, начинаетъ изготовляться только частью этой общины, отдѣльною группой большею частью родственныхъ личностей, которыя въ своей собственной сферѣ продолжаютъ подчиняться всѣмъ обычаямъ общинной жизни: отсюда произошли искусственныя братства, гильдіи, касты, ремесленныя корпораціи и пр. 2) У многихъ народовъ ремесленный классъ образуется изъ остатковъ завоеваннаго народа, и потому является полу-рабскимъ, презираемымъ классомъ, который только по прошествіи значительнаго промежутка времени сливается въ одно неразрывное цѣлое съ господствующею надъ нимъ общиною. Эта послѣдняя черта ремесленныхъ занятій особенно важна въ томъ отношеніи, что она, повидимому, указываетъ на глубокое значеніе завоеванія, въ смыслѣ ускоренія процесса усложненія и развитія общества при помощи раздѣленія труда между побѣдителями и побѣжденными.

Примѣры первоначальнаго распредѣленія занятій по равновозрастнымъ и половымъ группамъ представляютъ намъ, какъ мы уже

отчасти видѣли выше, туземцы островов Дружбы и Палаусских. Что подобное возникновеніе отдѣльных групп соціальных производителей должно было имѣть болѣе или менѣе универсальное распространеніе, на это указывает тот всеобщій факт, что даже у самых первобытных народов труд раздѣляется по возрастам и полам, откуда остается один шаг к обособленію различных возрастов и полов в отдѣльныя группы производителей. Можно даже сказать, что первоначальное различіе сил и способностей по отдѣльным возрастам и полам является исходным пунктом всѣх видов позднѣйшаго раздѣленія труда, как между различными общественными классами, так и между членами одного и того-же хозяйства.

«В числѣ туземцев островов Дружбы», говорит Маринер, [1] «которые занимаются различными ремеслами, есть многіе, предающіеся этим ремеслам потому, что отцы их занимались тѣм-же дѣлом и слѣдовательно научили их ему; такими ремеслами бывают большею частью занятія, которыя считаются требующими умственных усилій и потому заслуживающими уваженія. Сверх того, они не имѣют достаточной причины, за исключеніем быть может лѣни, оставлять эти занятія, тѣм болѣе, что за свою ловкость они получают подарки от своих начальников. Нѣт никакого положительнаго закона который обязывал бы лиц занимающихся ремеслами слѣдовать профессіи отцов, никакого другого мотива к этому, кромѣ почетнаго значенія, придаваемаго их ремеслам, их собственнаго интереса и общаго обычая. Большая часть профессій, за исключеніем лишь нѣкоторых, отправляется одинаково классами мооас и тооас. Матабулы не входят в число ремесленников, если не считать нѣскольких строителей каное и наблюдателей за похоронными обрядами, которые имѣют также большую опытность в рѣзьбѣ украшеній, в обкладкѣ палиц, а также в изготовленіи палиц, копій и другаго военнаго оружія, что не представляет отдѣльных профессій, а выполняется строителями каное, умѣющими обращаться с топором. Иными словами, не существует самостоятельных обкладчиков костью и изготовителей военнаго оружія, которые не были-бы и строителями каное. Всѣ строители каное и надсмотрщики за похоронными обрядами, которые не причисляются к матабулам, принадлежат к классу мооас, так как никто, принадлежащій к столь низкому классу как тооас, не может заниматься таким уважаемым ремеслом. Остальныя профессіи исполняются и мооас и тооас,—за исключеніем профессій цирюльника, повара

[1]) W. Mariner. Tonga Islands. Lond. 1817, II, 93 и слѣд.

и земледѣльца, которыя всѣ относятся къ классу тооасъ. Изъ различныхъ профессій однѣ наслѣдственны, другія нѣтъ; къ числу послѣднихъ относятся татуировка, украшеніе рѣзьбою палицъ, гравированіе ручекъ, обкладываніе оружія костью, брадобрѣйство. Перечисленныя ремесла не наслѣдственны, потому что не настолько достойны уваженія, чтобы привлечь кого-либо къ занятію ими изъ подражанія отцу; онѣ практикуются тѣми, кто имѣетъ къ нимъ естественное призваніе. Но двѣ самыя низшія профессіи, повара и земледѣльца, суть наслѣдственныя, такъ какъ дѣти естественно принимаются за занятія отцовъ, не требующія никакого таланта или изученія: всякій знаетъ, какъ расчистить и сноснымъ образомъ вскопать землю. Независимо отъ того, родившимся въ этомъ классѣ не представляется другого выбора, такъ что, въ случаѣ предписанія начальника, они поневолѣ должны избрать означенный родъ занятій призваніемъ своей жизни. Поваръ часто считается выше земледѣльца, онъ слѣдитъ за снабженіемъ провизіею, наблюдаетъ за цѣлостью продовольственныхъ запасовъ, за кровлями и оградами жилищъ, по временамъ присматриваетъ за плантаціей и иногда самъ работаетъ на ней. Главный поваръ вообще имѣетъ довольно высокое мнѣніе о себѣ и пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны низшихъ поваровъ и обыкновеннаго крестьянства. — Есть еще цѣлые ряды другихъ ремеслъ, одни изъ которыхъ исполняются мужчинами, а другія женщинами, но которыя не считаются профессіональными, такъ какъ не охватываютъ всей жизни отдѣльныхъ личностей вслѣдствіе чего къ занимающимся ими не прилагается выраженіе toofonga (ремесленникъ); среди нихъ нужно упомянуть главнымъ образомъ искусство выполненія хирургическихъ операцій, постройку укрѣпленій, изготовленіе канатовъ, луковъ и стрѣлъ, палицъ и копій, чѣмъ занимаются мужчины, между тѣмъ какъ изготовленіе *ганту* (растеніе, похожее на хлопокъ), покрывалъ, корзинъ, гребней и пр. составляетъ временное занятіе женщинъ даже высшаго класса.»

Если вспомнить, что каждый послѣдующій классъ общества на островахъ Дружбы вступаетъ на мѣсто предъидущаго по смерти своихъ отцовъ, то мы въ данномъ случаѣ скорѣе имѣемъ дѣло съ группировкою различныхъ занятій по возрастамъ, нежели по наслѣдственнымъ группамъ. Сверхъ того, мудрено понять наслѣдственность должностей въ такомъ обществѣ, въ которомъ, какъ сознается самъ Маринеръ, происхожденіе отъ того или другого отца считается неизвѣстнымъ. Остается думать, что наслѣдственность профессій переходитъ въ однихъ и тѣхъ же женскихъ родахъ, какъ это положительно доказано относительно наслѣдованія тонганцами высшихъ общественныхъ должностей. Но такъ или иначе ни въ какомъ слу-

чаѣ не слѣдуетъ представлять себѣ отдѣльныхъ профессій на островахъ Дружбы подъ видомъ самостоятельныхъ промышленныхъ корпорацій, на подобіе средневѣковыхъ нѣмецкихъ или французскихъ цеховъ, которые ведутъ торговлю произведеніями своей дѣятельности. Нѣтъ, профессіи эти еще несомнѣнно сливаются въ одно неразрывное цѣлое съ остальною общиной, какъ это мы увидимъ даже на гораздо болѣе позднихъ ступеняхъ развитія, напримѣръ въ индусской общинѣ. О продажѣ и покупкѣ ремесленныхъ произведеній тутъ еще не можетъ быть и рѣчи.

Фиджійцы славятся высокимъ развитіемъ гончарнаго искусства [1]); гончары у нихъ образуютъ особую касту и изготовляютъ глиняные продукты, которые могутъ быть поставлены на ряду съ болѣе грубыми сортами европейскихъ, чему слѣдуетъ удивляться, если принять во вниманіе простоту ихъ орудій. Весьма искусные строители каное также составляютъ особую касту, имѣющую во главѣ начальника, который выдается своею ловкостью и умѣньемъ. Кромѣ того фиджійцы умѣютъ хорошо строить дома, и плотники входятъ въ составъ особой наслѣдственной касты, глава которой, называемый *рокола*, имѣетъ большое значеніе. На сооруженіе дома нужно, однако, получить разрѣшеніе отъ короля, которое пріобрѣтается подаркомъ китоваго уса, послѣ чего властитель даетъ требуемыя приказанія, и сто—полтораста человѣкъ немедленно отправляются на мѣсто. На Самоа также есть ремесленники-строители.—По всей вѣроятности, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ такими же временными зародышами братскихъ кастъ или гильдій, какія представляютъ toofonga на островахъ Дружбы и клёббергелли на Палаузскихъ островахъ.

На Цейлонѣ, говоритъ Дэви [2]), существуетъ такое-же кастовое устройство, какъ и въ Индіи, съ многочисленными подраздѣленіями. Касты развились при помощи естественной наслѣдственности отдѣльныхъ занятій; чѣмъ теплѣе климатъ, чѣмъ лѣнивѣе характеръ населенія, чѣмъ легче поддерживается существованіе, тѣмъ меньше бываетъ у народа расположенія къ перемѣнѣ. Такимъ образомъ обычай можетъ постепенно установить то, что первоначально возникло вслѣдствіе необходимости или пользы; а впослѣдствіи можетъ придти правительство для подтвержденія и освященія традиціонной системы, съ цѣлью увѣковѣчить промыслы и предупредить ихъ разрушеніе, равно какъ извлечь всѣ возможныя выгоды изъ ихъ раздѣленія. Сами чингалаи относятъ происхожденіе у нихъ кастъ къ моменту образованія обще-

---

[1]) Christman und Oberlaender. Oceanien, die Inseln der Südsee. Leipz. 1873, 164, 165, 166, 220.

[2]) Davy. Ceylon, 132.

ства. Впрочемъ, тутъ касты слабѣе, чѣмъ въ Индіи, и большинство свободно выбираетъ себѣ профессіи. Касты браминовъ нѣтъ вовсе, Къ кастѣ кшатріевъ (воиновъ) принадлежатъ, напримѣръ, рыболовы. кузнецы, портные, гончары, цирюльники, прачки-мужчины, косцы, литейщики желѣза, барабанщики и пр. Каждая каста несетъ какія-либо обязательства и повинности относительно цѣлаго общества и правительства.»

О кастахъ на Цейлонѣ у Percival, (Ceylon, 266—7) говорится слѣдующее: «народъ кандійцевъ раздѣляется на многія касты, изъ которыхъ каждая строго отличается отъ другихъ своими преимуществами. Первая каста обнимаетъ дворянъ, которые видятъ свою славу въ томъ, чтобы удерживать свою кровь въ постоянной чистотѣ и поэтому никогда не смѣшиваются браками съ низшими кастами; женщина, обезчестившая себя союзомъ съ человѣкомъ низшей касты, немедленно лишается жизни. Ближайшую ступень за дворянами занимаютъ художники, именно живописцы, и тѣ ремесленники, которые считаются за самыхъ высшихъ, какъ золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы и плотники. Одежда у этой касты та-же, какъ и у дворянъ, но они не имѣютъ права ѣсть за однимъ столомъ съ дворянами, а также вообще бывать въ ихъ обществѣ. Тѣ которые причисляются къ низшимъ ремесленникамъ, какъ цирюльники, гончары, прачки, ткачи и т. п. образуютъ третью касту, къ которой также принадлежатъ и солдаты. Четвертая каста заключаетъ въ себѣ крестьянъ и поденьщиковъ всякаго рода, которые или воздѣлываютъ собственную землю, или работаютъ за наемную плату. Преимущество, которымъ пользуются ремесленники надъ земледѣльцами и солдатами, представляетъ собою при подраздѣленіи на касты нѣчто совершенно необыкновенное и не встрѣчается нигдѣ, кромѣ Цейлона. Оно указываетъ на извѣстную степень цивилизаціи и любви къ искуствамъ, которая хотя не соотвѣтствуетъ нисколько нынѣшнему состоянію этихъ островитянъ, но вполнѣ совпадаетъ съ архитектурными остатками отъ лучшихъ дней, еще сохранившимися въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ опустошеній времени и враговъ. Всѣ эти четыре касты, согласно общему обычаю индусовъ, никогда не смѣшиваются между собою; сынъ продолжаетъ промыселъ отца изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каста, въ которой родился человѣкъ, ставитъ его честолюбію и склонностямъ непреодолимыя границы. Однако, сверхъ приведенныхъ кастъ, здѣсь, какъ и въ различныхъ странахъ Индіи, есть еще одна несчастная раса «вытолкнутыхъ», которая въ теченіе многихъ столѣтій продолжаетъ оставаться предметомъ мученій со стороны варварскаго и неестественнаго управленія. Тотъ, кто объявленъ, по приговору духовенства, потерявшимъ свою касту за преступленія или за нарушеніе суевѣрныхъ обычаевъ, и вытал-

кивается изъ нея, не только самъ лишается на всю жизнь чести, но подвергаетъ такому-же наказанію всѣхъ своихъ дѣтей, внуковъ и всѣ свои послѣдующія поколѣнія. Никто изъ другой касты не можетъ вступать съ кѣмъ либо изъ нихъ въ бракъ, и они не должны заниматься ни торговлей, ни ремесломъ, не должны даже подходить близко ни къ какому человѣческому существу, кромѣ товарищей своей нищеты; если-же они случайно до чего нибудь дотронутся, то вещь эта считается запятнанною и проклятою. Такъ какъ они не могутъ отправлять никакого рода работъ, то для удовлетворенія своихъ необходимѣйшихъ потребностей должны просить милостыню, вслѣдствіи чего во всѣ времена представляли большую тягость для общества. Такъ какъ эти несчастные, благодаря желѣзному скипетру предразсудка, присуждены къ подобному состоянію разоренія и стыда, и имъ просто невозможно при помощи хорошаго поведенія когда либо возвратиться въ свое прежнее состояніе, то имъ нечего ни терять, ни пріобрѣтать, и потому они естественно становятся способными каждую минуту совершить самое отвратительное преступленіе.»

Весьма интересенъ взглядъ Макса Мюллера на индусскія касты, составляющія прототипъ цейлонскихъ и на столько, повидимому, общеизвѣстныя, что мы не считали нужнымъ вообще останавливаться на нихъ. По мнѣнію М. Мюллера (Essais sur la mythologie comparee. Paris. 1873. La Caste, IX), «индусская каста невсегда была однимъ и тѣмъ-же учрежденіемъ, хотя и представлялась въ такомъ видѣ и самимъ браминамъ и европейцамъ. Въ гимнахъ Веды, этого высшаго источника религіозной власти браминовъ, существовавшаго, по взглядамъ ихъ, еще до начала временъ, нѣтъ ничего, что авторизировало бы сложную систему кастъ, ничего, что провозглашало бы тѣ вредныя привилегіи, которыхъ требуютъ брамины, ничего, что вводило бы въ законъ униженное положеніе, отведенное Судрѣ. Нѣтъ въ ней также законовъ, запрещающихъ различнымъ классамъ народа жить, ѣсть и пить совмѣстно; нѣтъ законовъ, которые запрещали бы бракъ между людьми, принадлежащими къ различнымъ кастамъ; нѣтъ и законовъ, которые налагали бы неизгладимый знакъ на тѣхъ, кто произошелъ отъ такихъ браковъ. Все, что можно найти въ Ведахъ, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшей части ихъ, т.-е. въ гимнахъ, это стихи, въ которыхъ сказано, что священникъ, воинъ, мужъ и сервъ составляли одинаково части Брамы. «Когда они раздѣлили между собою человѣка, сколько его составили они? Чѣмъ былъ его ротъ? Чѣмъ были его плечи? Какъ зовутъ его ляжки и ноги? Брамана была его ртомъ; Раганія его плечами, Вайзія сдѣлался его ляжками, а Судра родился изъ его ногъ». Читатель видитъ, что и это мѣсто

не содержитъ ничего въ пользу подтвержденія касты, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаютъ теперь. Индусская каста есть человѣческій законъ, установленный именно тѣми, кто извлекалъ изъ нея наиболѣе выгодъ. Въ Ведѣ (356) нѣтъ никакого текста, къ которому можно было бы воззвать въ защиту законовъ, дозволяющихъ бракъ между дѣтьми и запрещающій вдовамъ, находящимся еще почти въ дѣтствѣ, вновь выйдти замужъ; нечестивый обрядъ, предписывающій сжигать вдову одновременно съ трупомъ мужа, одновременно противенъ какъ буквѣ, такъ и духу Веды».

«Насколько мы можемъ, по новымъ источникамъ, прослѣдить въ прошедшемъ сложную систему настоящей касты въ Индіи, мы находимъ, что она происходитъ, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ различныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего является возможность провести различіе *между кастами этнологическою, политическою и профессіональною.* Каста *этнологическая* рождается повсюду, гдѣ входятъ въ соприкосновеніе различныя расы. Существуетъ и всегда существовала взаимная антипатія между бѣлымъ и черным человѣкомъ, и каждый разъ какъ эти два типа встрѣчались между собою, частью при завоеваніи, частью при миграціи, бѣлый человѣкъ никогда не упускалъ случая установить извѣстныя соціальныя границы между собою и болѣе темною кожею. Аріи и Судры, повидимому, также чувствовали эту взаимную антипатію. Въ древнее время удаленіе, причиняемое различіемъ крови и цвѣта, было еще значительнѣе; даже въ странѣ, гдѣ негръ выучился говорить на томъ же языкѣ и почитать того-же Бога, какъ и его господинъ, общественное осужденіе не въ состояніи вполнѣ изгнать это старое чувство, которое, повидимому, входитъ въ тѣло и кровь бѣлаго человѣка и заставляетъ его избѣгать съ отвращеніемъ объятій своего чернаго сосѣда. Чувство расы даетъ ощущать свое вліяніе на столько сильно какъ если бы оно было врождено человѣческой природѣ. Между грекомъ и варваромъ, между саксонцемъ и кельтомъ, между англичаниномъ и иноземцемъ есть нѣчто такое, что можно назвать ненавистью, антипатіею, недовѣріемъ или простою холодностью, — что въ первобытномъ обществѣ неизбѣжно приводило къ системѣ кастъ, и что въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ никогда не будетъ вполнѣ искоренено (?). Чувство, существовавшее въ Римѣ между патриціемъ и плебеемъ, было чувствомъ касты, и въ теченіи продолжительнаго времени, на бракъ сына плебея съ дочерью патриція смотрѣли въ Римѣ столь-же дурно, какъ въ Индіи на бракъ Судры съ дочерью Брамина. Къ этимъ двумъ классамъ общества, правителямъ и управляемымъ, дворянству и народу, присоединяется третій классъ, весьма древній по происхожденію почти во всѣхъ странахъ,—духовенство. Читая въ особенности исторію Востока, мы видимъ, что она наполнена борь-

бою между дворянствомъ и духовенствомъ изъ за *политическаго преобладанія*. *Профессіональная* каста въ дѣйствительности ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе соціальнаго движенія, ведущаго къ учрежденію касты политической. Послѣ того, какъ оба высшіе класса отдѣлились отъ массы народа, общество все скорѣе и скорѣе идетъ къ организаціи болѣе совершенной, въ особенности при помощи новыхъ подраздѣленій среди среднихъ классовъ. Установляются различныя профессіи, различныя ремесла, и разъ имъ даны привилегіи, они начинаютъ защищать ихъ чрезъ ассоціаціи и корпораціи съ тою-же ревностью, какъ и дворянство и духовенство свои привилегіи. Нѣкоторыя ремесла и профессіи становятся болѣе почетными и болѣе вліятельными, чѣмъ другія, и чтобы поддержать этотъ почетъ, члены подобныхъ корпорацій стремятся получить правила, примѣняемыя съ большею суровостью, и дающія чувствовать ихъ иго болѣе тяжело, нежели законы, тяготѣющіе надъ остальною націею. Этому моменту соотвѣтствовало положеніе Европы въ средніе вѣка, и оно сохранилось отчасти до настоящихъ дней наперекоръ всякой цивилизаціи: антипатія между саксомъ и кельтомъ, различіе между дворянствомъ и буржуазіей, разстояніе, отдѣляющее человѣка, ведущаго торговлю золотомъ и серебромъ отъ того, который торгуетъ сапогами и башмаками, все это существуетъ донынѣ и является почти необходимымъ въ развитіи всякаго общества».

Далѣе авторъ показываетъ, что первый слѣдъ касты въ Индіи былъ чисто *этнологич скій*. Индія была покрыта слоемъ туранскихъ обителей, пока не овладѣли ими *аріи*, т.-е. народъ, говорившій по санкритски. И теперь еще можно найти въ Индіи слѣды этого туземнаго населенія. Большая масса первыхъ колоновъ была, однако, отодвинута къ югу; даже въ настоящее время всѣ языки на югѣ Индіи вполнѣ отличны отъ санскрита и новѣйшихъ санскритскихъ діалектовъ. Съ теченіемъ времени образовалась браманическая конституція, въ которой, при высокомъ значеніи духовенства и королей, землевладѣльцевъ и воиновъ, часть аріевъ, не захотѣвшихъ подчиниться ихъ привилегіямъ, получила названіе *Вратіевъ* или племенъ; съ другой стороны туземцы, подчинившіеся браманизму, образовали четвертую касту *Судръ*; тогда всѣ, которые не входили въ этотъ кадръ, были названы *Дазіусъ*.

Изложенная браманическая конституція не была однако установлена въ одинъ день, и повсюду въ гимнахъ и эпическихъ поэмахъ встрѣчаются слѣды войны между *аріями* и туземцами, и борьбы между двумя высшими классами, изъ которыхъ каждый хотѣлъ захватить политическую суприматію. Долгое время три высшіе класса, брамины, кшатріи и вайзіи, разсматривали себя, какъ части одной расы аріевъ, отличающіяся отъ четвертаго класса судръ. Брамины даже

претендуютъ на божественное происхожденіе, и говорятъ, что было время, когда было всего одно существо—Браминъ, который создалъ военныя божества и корпораціи боговъ, какъ прелюдію созданія людей. Ману, правда, представляютъ всѣ касты индусскаго общества,—а число ихъ значительно,—какъ результатъ смѣшанныхъ браковъ между четырьмя первобытными кастами. Согласно Ману, четыре первоначальныя касты, соединяясь между собою всѣми возможными способами, дали рожденіе шестнадцати смѣшаннымъ кастамъ, которыя, продолжая вступать въ взаимные браки, произвели новый длинный рядъ смѣшанныхъ кастъ... Если взглянуть поближе, то не трудно видѣть, что всѣ эти смѣшанныя касты суть въ дѣйствительности *профессіи*, ремесла и корпораціи полуобразованнаго общества. Чтобы явиться на свѣтъ, они не дожидались смѣшанныхъ браковъ. Промышленность, торговля, ручной трудъ развивались безъ всякаго отношенія къ кастѣ въ этнологическомъ или политическомъ смыслѣ слова... Такъ, послѣ того какъ политическая каста мало по-малу угасла въ Индіи, не оставивъ позади себя ничего, кромѣ общаго различія между браминами и смѣшанными кастами, возникла новая система кастъ, которой характеръ былъ чисто *профессіональный*, хотя искуственно прикрѣпленный къ зданію древнихъ политическихъ кастъ. Эта система, до сихъ поръ находящаяся въ силѣ въ Индіи, оказала значительное вліяніе на состояніе индійскаго общества. Въ эпохи исторіи, когда общественное мнѣніе слабо и отправленіе правосудія недостаточно, необходимо должны возникнуть учрежденія, подобныя индусскимъ кастамъ. Люди, имѣющіе одинаковые интересы, одинаковыя занятія и одинаковые принципы, соединяются для взаимной защиты и пріобрѣтя вліяніе, не довольствуются защитою своихъ правъ, а требуютъ значительныхъ привилегій. Они налагаютъ обыкновенно на своихъ членовъ извѣстныя правила, которыя считаются необходимыми для интересовъ ихъ касты или ассоціаціи. Эти правила, хотя иногда и кажутся незначительными, соблюдаются отдѣльными людьми съ бо́льшею точностью, чѣмъ самые законы религіи, такъ какъ нарушеніе послѣднихъ можетъ быть прощено, тогда какъ упущеніе первыхъ повлекло-бы за собою исключеніе изъ касты и потерю ея. Каждая каста должна знать свое дѣло, и чѣмъ оно выгоднѣе, тѣмъ болѣе каста оберегается отъ входа другихъ лицъ. Священники потому-то и были самыми рьяными защитниками системы кастъ, что ихъ каста была наивыгоднѣйшая. Они начали съ сообщенія своей кастѣ священнаго характера въ глазахъ народа, потомъ они превратили касту, если можно такъ сказать, въ громадную паутину, которая раздѣлила классы, семейства, отдѣльныя лица, сдѣлала невозможнымъ всякое соглашеніе съ цѣлью общаго дѣйствія,

и чрезъ то давала возможность духовенству нападать на посягавшихъ оборвать паутину. Каждая каста гордится собою, не ѣстъ и не встрѣчается въ бракѣ съ другою. Обѣдать вмѣстѣ значило у восточныхъ людей совсѣмъ не то, что у насъ: это нѣчто гораздо болѣе важное чѣмъ обѣды, на которыхъ мы соединяемся, чтобы пользоваться удовольствіемъ общества: это значитъ обѣдать по семейному; никто не приглашаетъ на обѣдъ и никто не хочетъ быть приглашеннымъ. Во всякомъ случаѣ въ кастѣ есть чувство взаимности: никто въ Индіи не унижается своею кастою, и наиболѣе низкій парія столько-же гордится своею кастою и желаетъ сохранить ее за собою, какъ и самъ браминъ. Турасы, классъ Судры, смотрятъ на свои дома, какъ на запятнанные и выбрасываютъ свою кухонную посуду, если къ нимъ войдетъ браминъ. Есть другой классъ Судры, члены котораго также выкидываютъ свою кухонную посуду, когда браминъ поставитъ ногу на ихъ судно. Пригласите къ себѣ на праздникъ, гдѣ былъ-бы европеецъ самого высокаго ранга, человѣка, принадлежащаго къ одному изъ самыхъ низкихъ классовъ Судра; онъ повернется и убѣжитъ съ отвращеніемъ».

Читатель конечно согласится съ нами, что приведенное въ предъидущихъ строкахъ въ краткихъ чертахъ содержаніе теоріи касты Макса Мюллера бросаетъ гораздо большій свѣтъ на этотъ сложный предметъ, чѣмъ распространенныя другія его разъясненія. Не только нынѣшнее состояніе кастъ, но и историческое ихъ происхожденіе объяснены Максомъ Мюллеромъ, хотя и кратко, но вполнѣ удовлетворительно.

Характеризируя помянутое выше различіе между общинною организаціею деревни кандовъ и индусской деревни сосѣднихъ долинъ, Гёнтеръ [1]) указываетъ, между прочимъ, на одинаковое существованіе и тамъ и здѣсь чуждой низшей касты ремесленниковъ, не имѣющей никакого отношенія къ землѣ. Но эти гелоты имѣли отнюдь не одинаковое положеніе въ той и въ другой деревнѣ. Въ деревнѣ кандовъ они никогда не пытались подняться до вступленія въ деревенскую организацію. Семьи хозяевъ разрѣшали маленькой колоніи корзинщиковъ, гончаровъ и другихъ бѣдныхъ *странствующихъ* ремесленниковъ *чужой* расы строить свои хижины въ концѣ единственной улицы домовъ, составлявшихъ деревню кандовъ; но они дѣлали это только въ видахъ собственнаго удобства и для избавленія себя отъ занятій, менѣе почетныхъ, нежели хозяйство или война. Они обращались съ поселенцами съ мягкостью, отплачивали за всякое зло, сдѣланное имъ другими кандами, сохраняли для нихъ долю на домашнихъ празднествахъ и платили имъ зерномъ за работу;

---

[1]) V. Hunter. Annals of rural Bengal. Orissa. Lond. 1872, II, 202 и слѣд.

но тѣмъ не менѣе чужестранцы никогда не поднимались въ деревнѣ кандовъ выше ранга служебныхъ ремесленниковъ. Напротивъ, въ деревнѣ Индусовъ низшія касты являются болѣе въ видѣ свободныхъ поденьщиковъ, употребляемыхъ частью, въ промышленности, но также въ значительныхъ размѣрахъ и въ земледѣліи, соціально презираемыхъ и совершенно отрѣзанныхъ отъ религіозной политики высшихъ классовъ, но гораздо ближе подходящихъ къ составу сельской общины. На сколько эти различія указываютъ на прогрессъ и развитіе, авторъ не желаетъ подвергать изслѣдованію, хотя въ нашихъ глазахъ отъ положенія касты ремесленниковъ въ деревнѣ кандовъ до положенія ея въ деревнѣ Индусовъ совершился несомнѣнный прогрессъ въ томъ отношеніи, что отдѣльныя части общины слились въ одно неразрывное цѣлое.

Слѣдующіе примѣры покажутъ намъ, до какой степени сліянія можетъ достигнуть сожительство ремесленниковъ съ земледѣльцами, если даже предположить, что первые составляли первоначально чуждую и низшую касту. Остановимся прежде всего на перечисленіи деревенскихъ должностныхъ лицъ у тондамандаламовъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ форта Св. Георга въ Индіи [1]). Туземныя имена всѣхъ этихъ лицъ мы опустимъ ради краткости. 1) Счетчикъ, ведущій всякаго рода счеты, относящіяся къ деревнѣ, пользуется за свои услуги участкомъ земли, входящимъ въ составъ *общинныхъ земель* и расположеннымъ на краю деревни, близь границы, съ цѣлью предупрежденія вторженій въ нее; кромѣ того, онъ получаетъ плату за веденіе счета при измѣреніи стоговъ, а также вознагражденіе за обрѣзку стеблей отъ сухого зерна. 2) Сторожъ, обязанный стеречь границы деревни, жатву, столбы, стоги и прочую собственность деревни; онъ пользуется извѣстнымъ количествомъ общинной земли, часть которой вообще лежитъ близь крайней границы деревни, а также платой снопами; это должностное лицо отвѣтственно за всякое воровство изъ стоговъ деревни, а также за всякую собственность жителей, украденную ночью. 3) Кузнецъ, назначеніе котораго состоитъ въ изготовленіи желѣзныхъ орудій, требуемыхъ земледѣліемъ и въ оказаніи помощи при постройкѣ домовъ земледѣльцевъ, при чемъ въ предъидущемъ случаѣ земледѣльцы снабжаютъ его только желѣзомъ и углемъ, въ послѣднемъ-же они ему платятъ за работу; онъ также владѣетъ участкомъ общинной земли и получаетъ плату снопами. 4) Столяръ, который изготовляетъ всѣ деревянныя земледѣльческія орудія; онъ получаетъ ту же плату, какъ и кузнецъ. 5). Золотыхъ дѣлъ мастеръ, который ставитъ пробу на

[1]) On the Revenue System of Fort S-t Georges. Journ. of Asiatic Society (Great Britain), I, 278—300.

всѣ деньги деревни; онъ же работаетъ по золоту и серебру и получаетъ участокъ и плату снопами. 6) Бронзовыхъ дѣлъ мастеръ, обязанность котораго отливать изображенія для пагодъ и изготовлять бронзовые горшки для употребленія жителей; онъ пользуется участкомъ общинной земли, но существуетъ не во всякой деревнѣ. 7) Рѣзчикъ по камню, который вырѣзываетъ изображенія, строитъ пагоды и дѣлаетъ каменныя ступки, точильные камни и пр. для употребленія жителей, за что ему дается по доброй волѣ участокъ общинной земли, но не во всякой деревнѣ. 8) Гончаръ доставляетъ глиняные горшки земледѣльцамъ, круглые горшки для колодцевъ и трубы для шлюзъ пруда и также пользуется участкомъ и платою снопами. 9) Цирюльникъ сопровождаетъ всѣ свадьбы и похороны земледѣльцевъ и пользуется участкомъ, снопами и добровольною платою отъ жителей за свои труды. 10) Мужчина-прачка моетъ одежду жителей и сопровождаетъ всѣ свадьбы и похороны; получаетъ участокъ и добровольную плату. 11) Рабочій,—сопровождаетъ главнаго земледѣльца деревни, объявляетъ общинѣ обо всѣхъ свадьбахъ и смертныхъ случаяхъ и пользуется извѣстнымъ количествомъ общинной земли и платою изъ снопа. 12) Портной—шьетъ платье жителей и молится на празднествахъ и во время измѣренія жатвы; за это получаетъ плату зерномъ, смѣшаннымъ съ соломой; иногда—лѣчитъ больныхъ въ качествѣ *кадиті* или змѣинаго врача. 13) Маслобоецъ выжимаетъ масло для употребленія жителей и для пагодъ; за эту услугу онъ не получаетъ никакой опредѣленной платы, но изъятъ отъ профессіональной *повинности*. 14) Лавочникъ держитъ лавку въ деревнѣ и снабжаетъ жителей бакалейными товарами; онъ также освобожденъ отъ повинности. 15) Садовникъ для воздѣлыванія земли и посадки садовъ и фруктовъ также избавленъ отъ повинности. 16) Рыбакъ или лодочникъ; его обязанность открывать и закрывать шлюзы бассейна; онъ-же служитъ перевозчикомъ, если деревня расположена на берегу рѣки; за это получаетъ участокъ земли, плату снопами и пр., сверхъ того, ловитъ въ бассейнѣ рыбу и продаетъ ее въ деревнѣ. 17) Такъ называемый *вохань*, котораго обязанность совершать церемоніи (puja) въ пагодѣ деревенскаго божества и нести на головѣ горшокъ съ огнемъ въ случаѣ какого-либо спора; имѣетъ право на плату отъ деревни. 18) *Тотти*—парія по кастѣ; онъ употребляется для измѣренія всѣхъ запасовъ зерна, разноситъ письма и деньги, поливаетъ поля и сжигаетъ мертвыхъ; онъ обладаетъ участкомъ и получаетъ плату. Въ добавокъ къ этому существуетъ календарь-браминъ, обязанный указывать счастливые и несчастные часы для начала пашни, посѣва, жатвы, орошенія и пр. и участвующій въ качествѣ священника при брачныхъ и похоронныхъ церемоніяхъ. Есть также пастухи и сторожа для присмотра за скотомъ и овцами земледѣльцевъ.

Фактъ надѣленія большей части деревенскихъ ремесленниковъ участкомъ земли наглядно показываетъ намъ ту тѣсную связь, какая существуетъ между ремесломъ и земледѣліемъ. Ремесленники, безъ сомнѣнія, и сами занимаются въ свободное время земледѣліемъ, а остальную ихъ выручку составляетъ натуральная плата хлѣбомъ, наслѣдственная и постоянная. Нассе и Мэнъ [1]) обратили вниманіе на то, что во многихъ приходахъ Англіи извѣстные участки земли общиннаго поля съ незапамятныхъ временъ были извѣстны подъ именемъ того или другого ремесла; при этомъ часто встрѣчается народное повѣріе, что никто, не занимающійся ремесломъ, не можетъ быть законнымъ собственникомъ земли, соединенной по имени съ этимъ ремесломъ.

Другую любопытную черту отправленія различныхъ ремеслъ въ индусской общинѣ указываетъ Эльфинстонъ. Приведя списокъ деревенскихъ ремеслъ, довольно близко соотвѣтствующій вышеупомянутому, онъ говоритъ относительно должности полевого сторожа слѣдующее: «должность его наслѣдственна въ одномъ семействѣ, всѣ члены котораго обязаны содѣйствовать выполненію его обязанностей. Это единственная должность, въ которой примѣняется соединенный способъ отправленія. Въ большей части остальныхъ сообщники дѣйствуютъ *по очереди*: неудобство такого порядка наиболѣе очевидно въ должности счетчика, такъ какъ, благодаря *частой перемѣнѣ рукъ*, отчеты теряются или запутываются, и ни одинъ изъ сообщниковъ не остается настолько долго въ должности, чтобы усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ». Такимъ образомъ, мѣняло, священникъ, астрологъ, (нерѣдко выполняющій также обязанность школьнаго учителя), кузнецъ, слесарь, цирюльникъ, горшечникъ, кожевникъ имѣютъ до извѣстной степени перемѣнныя занятія и не принадлежатъ къ особымъ кастамъ. Портной, прачка, докторъ, музыкантъ, министрель и нѣкоторые другіе не составляютъ всегдашней принадлежности деревни и, повидимому, ведутъ бродячую жизнь. Танцующая дѣвица бываетъ только на югѣ Индіи. Министрель разсказываетъ поэмы и сочиняетъ стихи; главнѣйшая его задача состоитъ въ составленіи генеалогій, что при широкомъ распространеніи субституцій въ Индіи и при сложныхъ стѣсненіяхъ ко вступленію въ бракъ между отдѣльными семьями, дѣлаетъ здѣсь обязанность генеалога гораздо болѣе серьезною, чѣмъ въ Англіи. Всѣ послѣднія профессіи, должно полагать, отличаются уже большею специализаціею.

На ряду съ тѣми ремесленными элементами, которые сливаются съ сельскою общиною въ одну тѣсную и цѣльную организацію, имѣются часто и такіе элементы, которые пристегнуты къ ней чисто внѣш-

---

[1]) Village Communities, 126.

нимъ образомъ. Такъ, по словамъ Мэна, [1]) высокія должностныя лица увѣряли его, что на сколько хватаетъ ихъ опыта, торговецъ хлѣбомъ никогда не бываетъ наслѣдственнымъ торговцемъ, инкорпорированнымъ въ индусскую деревенскую группу, [2]) а также не бываетъ и членомъ городскихъ муниципій, которыя выросли изъ одной или многихъ деревень. Отрасли промышленности, остающіяся такимъ образомъ внѣ органической группы, суть тѣ, которыя доставляютъ свои товары съ отдаленныхъ рынковъ. Сверхъ того, въ центральной и южной Индіи есть нѣкоторыя деревни, къ которымъ наслѣдственно привязанъ извѣстный классъ личностей такимъ образомъ, что онъ не образуетъ никакой части естественнаго и органическаго аггрегата, обнимающаго большинство земледѣльцевъ общины. Эти люди разсматриваются, какъ нечистые; они никогда не входятъ въ деревню или входятъ только въ отдаленныя части ея; ихъ прикосновеніе избѣгается какъ заразительное. Трудно читать или слышать сообщенія о нихъ, не обращаясь мыслью къ тѣмъ

---

[1]) Op. cit. 126—127.

[2]) То-же самое утверждаетъ и Кэмпбелль въ своей „Modern India“, стр. 88, говоря объ организаціи индусской деревни: „Ростовщики и вообще занимающіеся торговлею жители признаются скорѣе союзниками, нежели членами деревенской общины, такъ какъ они не имѣютъ прямаго голоса въ управленіи, а представляютъ изъ себя уважаемыхъ (?) денежныхъ людей, которые увеличиваютъ благосостояніе общины, и съ которыми всѣ вступаютъ въ сдѣлки. Отъ нихъ получаются ссуды, они же берутъ весь хлѣбъ и отдаютъ его въ кредитъ по рыночнымъ цѣнамъ, а также и налогъ уплачивается чрезъ нихъ. Деньги представляютъ силу во всѣхъ общинахъ. — Но другіе жители, плотники, кузнецы, священники и пр. и обширный классъ рабочихъ, которые занимаются всякимъ дѣломъ, исключая дѣйствительнаго земледѣлія, и по временамъ привлекаются къ помощи въ немъ, считаются низшими и получаютъ ежегодное вознагражденіе за свои услуги хлѣбомъ“. Онъ-же въ другомъ мѣстѣ (стр. 108) упоминаетъ объ индусскомъ ремеслѣ воровъ (ниже мы укажемъ на существованіе подобнаго-же цеха въ Египтѣ): „Въ преступленіи, какъ и въ другихъ вещахъ мы также обладаемъ началомъ раздѣленія труда. Воръ здѣсь вообще есть воръ профессіональный и соотвѣтственно этому ловкій. Внезапныя и случайныя воровства здѣсь не часты; вслѣдствіе этого подобныя преступленія совершаются болѣе артистически и не такъ легко открываются, какъ въ большинствѣ другихъ странъ. Легкости воровства способствуютъ открытый характеръ страны, жилищъ и нравы народа. Въ своихъ жилищахъ они обыкновенно держатъ большія количества имуществъ въ видѣ украшеній, драгоцѣнныхъ металловъ и тому подобныхъ цѣнностей, а жилища эти вообще такъ строются, что стѣну легко проткнуть; но наибольшая легкость для преступленія состоитъ въ эгоистическомъ и несимпатичномъ настроеніи, которое естественно возникло у народа, подвергавшагося столькимъ завоеваніямъ; въ силу такого настроенія въ случаѣ преступленія дѣлается очень мало общихъ усилій для открытія виновника, которое обыкновенно оставляется на долю тѣхъ, кто заинтересованъ въ немъ непосредственно“.

Въ Бирманской имперіи, по словамъ Бастіана (*) презираемыми классами являются погребальщики, нищіе, проститутки и выкидыши. Также и сторожа тюремъ и слуги палачей остаются исключенными изъ общества людей.

(*) A. Bastian. Die Völker des östlichen Asien. 1866, II, 199.

страннымъ расамъ или классамъ, которые въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ почти до нашихъ дней считаются носящими на себѣ наслѣдственное пятно таинственной нечистоты. Но эти индусскіе «выкидыши» имѣютъ на себѣ до крайности ясные знаки своего происхожденія. Хотя они и не включены въ составъ деревни, но находятся въ зависимости отъ нея; они несутъ опредѣленныя деревенскія обязанности, въ томъ числѣ обязанность установленія границъ, относительно котораго авторитетъ ихъ признается рѣшительнымъ. Они очевидно представляютъ населеніе чужой крови, земли котораго были заняты колонистами или завоевателями, образовавшими общину. Вообще говоря, сила поглощенія, которою обладала община на раннихъ ступеняхъ своего развитія, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, была громадна. Но способность ассимилированія чужеземныхъ элементовъ теряется съ теченіемъ времени; кромѣ того по всей вѣроятности, иногда встрѣчался матеріалъ слишкомъ упорный и неподдающійся, чтобы быть вполнѣ поглощеннымъ. Очевидно, что къ этой категоріи слѣдуетъ отнести и упомянутую низшую касту.»

Существованіе подобныхъ низшихъ кастъ въ нѣдрахъ земледѣльческой общины не ограничивается одною Индіею. Въ Афганистанѣ, по словамъ Эльфинстона, [1]) кромѣ факировъ, т. е. завоеваннаго племени, употребляемаго въ земледѣліи, имѣется еще извѣстный классъ людей, трудящихся въ качествѣ каменьщиковъ, ткачей, красильщиковъ и пр., такъ какъ сами афганцы никогда не занимаются какимъ-либо изъ этихъ ремеслъ. Положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ ремесленниковъ весьма замѣчательно. Кузнецы, слесаря, цирюльники и барабанщики примыкаютъ къ отдѣльнымъ кунди (братствамъ) афганцевъ, за которыми они слѣдуютъ, когда тѣ перемѣняютъ свое мѣсто жительства. Всѣ прочіе остаются на мѣстахъ и получаютъ индивидуальную плату; даже хозяинъ ремесленника обязанъ платить ему за работу.—Другой подобный же примѣръ паріевъ встрѣчается у одхтанитовъ (такъ называли арабскіе генеалоги южныхъ арабовъ), которые, по словамъ Мальцана, [2]) имѣли большое сходство съ другими древними восточно-азіатскими культурными народами, каковы персы и индусы. Они обладали довольно сложнымъ культомъ, религіозными памятниками на письмѣ и въ изображеніяхъ, государственными учрежденіями, цвѣтущими городами. Сословныя различія, повидимому, были у нихъ весьма разнообразны. Надписи раскрываютъ передъ нами большое число титуловъ высшихъ и низшихъ начальниковъ; мы почти можемъ заключить о существованіи извѣстнаго рода дворянства. Гдѣ высшія

---

[1]) Elphinstone. The Kingdom of Cabul, II, 29.
[2]) Maltzan. Reise nach Süd-Arabien. Braunschweig. 1873, 182.

сословныя ступени были обозначены такъ тщательно, тамъ мы можемъ предположить такія-же рѣзкія расчлененія и въ низшихъ сферахъ, и признать въ высшей степени вѣроятнымъ, что кастообразное исключительное положеніе одной части народа въ Южной Аравіи имѣетъ древнѣйшее происхожденіе. Нибуръ былъ первый, указавшій на классъ паріевъ въ Іеменѣ; онъ сравнилъ ихъ съ цыганами, и это сравненіе вѣрно,—только послѣдніе больше странствуютъ, чѣмъ южно-арабскіе паріи, которые часто прикрѣплены къ однимъ мѣстамъ. Автору всегда приходилось слышать упоминовеніе о двухъ классахъ парій—ахдамъ и шумръ. Имя ахдамъ означаетъ слугу, и это слово въ точности опредѣляетъ ихъ отношеніе къ господствующему племени. Значительное число ремеслъ презирается гордыми бедуинами, и ихъ исполняютъ ахдамъ; они бываютъ дубильщиками, прачками, гончарами, мясниками, и всегда считаются запятнанными этими болѣе или менѣе нечистыми ремеслами, но не настолько нечистыми, чтобы сообщать свою нечистоту также и вещамъ, выходящимъ изъ ихъ рукъ. Послѣднее примѣняется, повидимому, къ племени шумръ. Ахдамъ живутъ отдѣльно отъ бедуиновъ, внѣ городовъ и мѣстечекъ, иногда въ особыхъ кварталахъ, посѣщаютъ мечети, но не дома арабовъ; они такъ же заботливо избѣгаютъ соприкосновенія съ шумръ, какъ и бедуины соприкосновенія съ ахдамъ. Шумръ не посѣщаютъ и мечетей; они живутъ только въ городахъ собственно Іемена, и притомъ всегда особо; большая часть ихъ, повидимому, прокармливается въ качествѣ поставщиковъ банокъ, музыкантовъ, — барабанщиковъ, флейтщиковъ; и это такія ремесла, которыя, правда, также презираются, но сами по себѣ не влекутъ болѣе низкаго положенія, нежели положеніе ахдамъ; шумръ получаютъ отъ жителей значительные подарки въ вознагражденіе за игру и пр. — Дальнѣйшій подобный-же случай мы встрѣчаемъ въ Африкѣ. У тебу, свидѣтельствуетъ Рольфсъ [1]), т. е. у сѣверныхъ народовъ Африки, мы находимъ то замѣчательное явленіе, что кузнецы и серебряныхъ дѣлъ мастера разсматриваются, какъ вытолкнутая изъ общества каста. Ни одинъ тебу не долженъ жениться на дочери кузнеца, ни одинъ кузнецъ не получитъ дочери свободнаго тебу. Обидѣть кузнеца признается низостью, потому что онъ считается остальными тебу совершенно невмѣняемымъ. Здѣсь невольно возникаетъ мысль: не предоставляютъ-ли, быть можетъ, кузнецы у тебу иного племени, напримѣръ переселившихся къ нимъ евреевъ? Впрочемъ, они ни мало не отличаются отъ прочихъ тебу ни языкомъ, ни лицомъ, ни цвѣтомъ волосъ или

---

[1]) Rohlfs. Land und Volk in Afrika. Bremen, 1870, 102. См. также Nachtigall, Sahara und Sudan, Berl. 1879, I, 440.

кожи, и сами тебу говорятъ, что они происходятъ отъ ихъ плоти и крови, — только ремесло дѣлаетъ ихъ достойными презрѣнія. То же самое явленіе встрѣчается у народа Сомали (Гаггенмахеръ, Reise im Somali-Lande, Gotha 1876, 31), у котораго кузнецы и сѣдельщики, не смотря на высокія качества своей работы, подвергаются крайнему презрѣнію. Совершенно противоположное этому мы видимъ у Баучи. Здѣсь лучшій въ цехѣ кузнецъ имѣетъ первое достоинство послѣ ламедо (начальника); его титулъ—*серки-у-макера*, что можно перевести словами: «великій желѣзный мастеръ». Насколько высоко стоятъ вообще ремесла въ этомъ государствѣ, видно изъ того, что всѣ ремесла здѣсь подѣлены на *цехи*, во главѣ которыхъ находится мастеръ, имѣющій названіе князя, такъ какъ серки значитъ князь или принцъ. Такъ, между прочимъ, мы находимъ князя портныхъ—серки-у-думки, князя мясниковъ—серки-у-фуа.—Наконецъ, въ Японіи, какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, существуетъ низшая каста *уетта* или дубильщиковъ, которые исполняютъ должность палачей и должны жить по близости отъ судебныхъ мѣстъ, отдѣльно отъ честныхъ людей. Къ числу подобныхъ-же кастъ принадлежатъ лавасы въ Бирмѣ и будасы въ Абиссиніи, изъ которыхъ послѣдніе суть одновременно кузнецы и гончары, колдуны и оборотни своихъ округовъ.

Факты эти, по всей вѣроятности имѣющіе въ дѣйствительности гораздо бо́льшее распространеніе, чѣмъ дозволяетъ о томъ судить находящійся у насъ подъ руками матеріалъ, согласно свидѣтельствуютъ въ пользу предположенія, что, подобно торговлѣ, колдовству, рабству и другимъ элементамъ раздѣленія труда въ общинѣ, ремесло является во многихъ случаяхъ элементомъ чуждымъ общинѣ, втиснутымъ въ нее извнѣ. Еще болѣе подтверждается это предположеніе, если мы вспомнимъ, что у древнихъ грековъ и римлянъ, [1]) равно какъ у средневѣковыхъ германцевъ, ремесла были въ

---

[1]) По словамъ Платона (Respublica, liber V): „природа не создала ни башмачника, ни портнаго; подобныя занятія унижаютъ людей ихъ отправляющихъ; поэтому послѣдніе суть жалкіе наёмщики, нищіе, лишенные именъ, и своимъ родомъ занятій исключенные изъ политическихъ правъ". Ксенофонтъ заявляетъ (Oekomicon IV и VI): „на тѣлѣ работника должна отразится суровость его труда; но мудрено и духу остаться свободнымъ отъ того-же вліянія; поэтому, справедливо исключаютъ изъ общественныхъ должностей тѣхъ, кто посвящаетъ себя ручной работѣ". Аристотель говоритъ (Polit. IV, VIII 5 и 6. V; II, 1. VII, II, 2): „хорошее правительство никогда не допуститъ ремесленника къ пользованію гражданскими правами. Свойство гражданина принадлежитъ не всѣмъ свободнымъ людямъ по одной той причинѣ, что они свободны. Оно принадлежитъ только тѣмъ, кто не имѣетъ необходимости работать, чтобы жить, слѣдовательно тѣмъ, кто не нуждается въ посвященіи себя какому либо ремесленному занятію. Ремесленными-же занятіями называются всѣ тѣ, которыя неспособны образовать сердце и умъ свободнаго человѣка; всѣ роды призванія, которые безобразятъ тѣло или исполняются за наемную плату".—Цицеронъ (De off. I. tit.

одинаковомъ презрѣніи у старогражданъ, а сами ремесленники одинаково представляли зависимый классъ людей, обязанный различными повинностями въ пользу гражданъ и лишенный многихъ правъ, принадлежавшихъ этимъ послѣднимъ. Если мы не ошибаемся, то съ этой же точки зрѣнія должно быть объясняемо и то интересное явленіе, что ремесленники очень часто обитаютъ въ особо отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ, что, между прочимъ, одинаково относится къ ремесленникамъ и евреямъ средневѣковыхъ германскихъ городовъ. Названія улицъ, повсюду уцѣлѣвшія въ современныхъ германскихъ городахъ, каковы Juden-Gasse, Gerber-Gasse, Weber-Gasse и т. под., служатъ наглядньшъ доказательствомъ, что всѣ эти ремесленники когда-то обитали въ особо отведенныхъ для нихъ улицахъ. Правда, подобный способъ поселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ означать и нѣчто иное, напримѣръ близкія родственныя отношенія членовъ одного и того-же цеха, братства, гильдій и т. под., или близкія сосѣдскія отношенія, какъ напримѣръ въ русской или швейцарской деревнѣ, поголовно посвящающей себя какому нибудь одному ремеслу. Но это соображеніе нисколько не устраняетъ того факта, что живущіе такимъ образомъ совмѣстно родственники или сообщинники состояли очень часто изъ подневольныхъ и зависимыхъ людей. Такъ, мы уже имѣли случай видѣть, что многіе изъ ремесленниковъ общины тондамандаламовъ имѣютъ свои участки земли близь деревенской границы, что ремесленная каста деревни кандовъ живетъ въ концѣ улицы, что вообще низшія касты въ Индіи и на Цейлонѣ или не входятъ въ деревню, или же посѣщаютъ одни лишь отдаленныя части ея, что ахдамъ и шумръ всюду живутъ въ особыхъ мѣстностяхъ, что уетта въ Японіи обитаютъ близь присутственныхъ мѣстъ и т. под. Тотъ же самый фактъ встрѣчается неоднократно и въ другихъ странахъ. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы у Лютткe [1]) объ устройствѣ и размѣщеніи различныхъ ремеслъ въ Египтѣ. «Относительно состоянія ремесленниковъ и рабочихъ въ Египтѣ замѣчательно то, что среди нихъ существуетъ вполнѣ расчлененная и строго поддерживаемая цеховая организація. Ремесла, большею частью, раздѣляются даже *пространственно*, такъ что, напримѣръ, одна или нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ улицъ заняты исключительно башмачниками, другія плотниками, третьи ткачами шолка, четвертыя красильщиками и тому под. Сверхъ того, каждый цехъ имѣетъ особаго главу въ лицѣ своего шейха, — учреж-

---

II. cap. 42): „что можетъ выйдти честнаго изъ мастерской? Всѣ рабочіе, къ какому-бы ремеслу они ни принадлежали, образуютъ низкій классъ, не достойный званія гражданина". (Цитировано у E. Jäger. Geschichte der socialen Bewegung in Frencreich, Berl. 1876, 4 и 5).

[1]) Lüttke. Aegyptens Neue Zeit. Leipz. 1873, I, 114—115.

деніе, которое, быть можетъ, должно быть сведено еще къ древнему Египту, гдѣ по отчетамъ историковъ было совершенно то же, и гдѣ эта организація шла такъ далеко, что, слѣдуя Діодору, даже воры составляли цехъ и имѣли старшину цеха, съ которымъ въ случаѣ нужды входили въ сношенія сами власти (не напоминаетъ ли это нашей тюремной общины?). Нынѣшняя организація, хотя, быть можетъ, и не простирается на воровъ [1]), но заботливо оберегается и поддерживается правительствомъ, потому что доставляетъ ему хорошее средство для управленія городскимъ населеніемъ. Шейхи суть оффиціальные представители своихъ цеховъ, отвѣтственные за нихъ передъ правительствомъ и обязанные наблюдать за ихъ поведеніемъ, уплатою податей и пр.» — Ту же самую топографическую близость между представителями одного и того-же ремесла подмѣтилъ путешественникъ Вагнеръ [2]) въ Тавризѣ. «Болѣе замѣчательно», говоритъ онъ, «нежели балаганы съ товарами, представлены здѣсь мастерскія ремесленниковъ. Всѣ ремесла отъ самаго грубого до самого тонкаго имѣютъ своихъ представителей на этомъ базарѣ. Обыкновенно родственныя профессіи расположены на самомъ *близкомъ разстояніи* однѣ отъ другихъ.» — Существованіе ремесленныхъ корпорацій съ подобнымъ же размѣщеніемъ въ древней Мексикѣ, въ Юкатанѣ и въ Перу, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Въ Перу слѣдуя Прескотту, [3]) *различныя провинціи* страны доставляли лицъ, въ особенности подходящихъ къ различнымъ занятіямъ, которыя обыкновенно были наслѣдственны отъ отца къ сыну. Такъ, одинъ округъ доставлялъ людей знакомыхъ съ работою въ рудникахъ, другой самыхъ лучшихъ рабочихъ по металлу или по дереву и т. д. Ремесленниковъ правительство снабжало матеріаломъ, и ни отъ кого не требовалось, чтобы онъ давалъ своего времени на общественную службу больше, чѣмъ условленное количество; послѣ того, за однимъ слѣдовалъ другой на равный же срокъ. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ, кто были вызываемы къ правительственнымъ работамъ, не исключая и земледѣльцевъ, содержались во время работъ на общественный счетъ. Все это служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что первоначальная исторія ремесленныхъ и иныхъ корпорацій тѣснѣйшимъ образомъ связана съ родовою группировкою населенія, изъ которой онѣ произошли на свѣтъ.

Говоря вообще, цеховая форма промышленности встрѣчается у

---

[1]) Даже и это имѣло еще мѣсто, по крайней мѣрѣ, до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, какъ о томъ сообщаетъ Партей (Wanderungen durch Nilthal), а также Лауе, который упоминаетъ объ этомъ, какъ о недавно уничтоженномъ учрежденіи.

[2]) M. Wagner. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden. Leipz. 1852, I, 349.

[3]) Prescott. History of the Conquest of Peru. Philad. 1874, 58.

народовъ, находящихся на раннихъ ступеняхъ развитія, гораздо чаще, чѣмъ принималось прежде. Извѣстны многочисленные виды цеховъ въ европейской и азіатской Турціи, на Кавказѣ, въ Персіи, въ Японіи. Въ странѣ африканскихъ фуллаховъ, по словамъ Винтерботтома (op. cit. 123), и у нѣкоторыхъ другихъ внутреннихъ народцевъ, дѣло зашло уже такъ далеко, что ремесла или промыслы отдѣляются одни отъ другихъ и дѣлятся на извѣстные классы. Одинъ классъ этихъ ремесленниковъ, называемый *гаррауки*, т.-е. башмачники, имѣетъ исключительное право готовить кожу и производить изъ нея всякаго рода полезные и необходимые предметы, напримѣръ сандаліи, сѣдла, уздечки и пр. Другой особый классъ образуютъ такъ называемые кузнецы. Они готовятъ не только всѣ роды орудій, нужные для повседневнаго употребленія, но дѣлаютъ также прекрасную накладную работу на ручкахъ кинжаловъ, оттачиваютъ клинки и пр.; для женщинъ они готовятъ всевозможныя изящныя украшенія изъ золотой и серебряной монеты. Работаютъ кузнецы большею частью, хорошо, если принять во вниманіе ихъ несовершенные инструменты. Тутъ мы видимъ одну изъ промежуточныхъ ступеней въ исторіи развитія ремесла, на которой въ однихъ рукахъ соединяется цѣлый рядъ позднѣйшихъ спеціальностей, связанныхъ въ одномъ общемъ понятіи изготовленія металла или кожи. [1]) Послѣдующую ступень составитъ распаденіе классовъ на болѣе мелкія части, а о предъидущей ступени можно получить

---

[1]) Слѣдующій примѣръ, цитируемый Бёртономъ (Abeokuta and the Camaroons Mountains, Lond. 1863, II, 160), доказываетъ, что подобное соединеніе въ однихъ рукахъ различныхъ ремеслъ не представляетъ въ Африкѣ изолированнаго явленія. „По дорогѣ,“ говоритъ онъ, „мы прошли мимо пяти большихъ мастерскихъ Абеокуты—кузнеца, столяра, ткача, красильщика и гончара. Я заходилъ въ нихъ, чтобы осмотрѣть мастерскія и взглянуть на ихъ способы работы, что заслуживаетъ описанія въ виду ихъ сходства и даже тожества со способами отдаленнаго центра, востока и юга. На основаніи совокупныхъ трудовъ различныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ отдаленнѣйшія части континента, мнѣ кажется, было-бы легко доказать существованіе въ прежнія времена тѣсной связи между народами, въ настоящее время не знающими о существованіи другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, многіе предметы до того точно остаются одними и тѣми-же, напримѣръ мѣха, и къ тому-же они столь искусственны, что удаляютъ всякую мысль объ инстинктивномъ изобрѣтеніи, такъ что можно только подозрѣвать существованіе общаго центра для всѣхъ расъ, которымъ они общи. Кузнецъ, который есть вмѣстѣ мастеръ серебряныхъ, золотыхъ, мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ, сидитъ въ открытомъ шатрѣ изъ лиственныхъ ковровъ; огонь его изъ скорлупы пальмоваго орѣха не хуже огня изъ каменнаго угля; его мѣха тѣ-же, что были въ древнемъ Египтѣ и Греціи, что описываются каждымъ африканскимъ путешественникомъ, начиная отъ М. Парка, и встрѣчаются отъ Іиамбези до земель Овамбо... Кузница похожа на кузницу Золотого Берега: это перпендикулярный зонтикъ изъ сухой глины, сквозь который проходятъ концы мѣховъ, доставляя правильный притокъ воздуха, наковальня каменная, молотъ — кусокъ желѣза... Ткачами и столярами бываютъ мужчины (ткацкій станокъ похожъ на индійскій и египетскій), красильнымъ и гончарнымъ промысломъ занимаются женщины“.

представленіе изъ слѣдующаго сообщенія Винтерботтома. «На морскомъ (западномъ) берегу,» говоритъ онъ, «почти вовсе неизвѣстно, или, по меньшей мѣрѣ, не введено раздѣленіе ремеслъ и работъ. Самый ловкій человѣкъ въ деревнѣ обыкновенно кузнецъ, столяръ, каменьщикъ и ткачъ; таковы работы, которыя всего чаще требуются жителями. Такое-же элементарное устройство ремесла встрѣчается и у многихъ другихъ народовъ Африки, съ тою только разницею, что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ джуръ и бонго, почти поголовно занимаются обработкою грубой желѣзной руды въ молоты, копья и пр., которые потомъ расходятся по другимъ африканскимъ племенамъ, тогда какъ у мандинговъ, въ Бамбаррѣ, въ Каартѣ, въ Вадаи и у іолофовъ кузнецы образуютъ особыя касты. Подобныя же касты и у тѣхъ же народовъ представляютъ дубильщики, сапожники и пѣвцы-барды.

Интересную, хотя далеко не достаточно изслѣдованную форму ремесла представляетъ, далѣе, бродячее ремесло, одно изъ самыхъ первобытныхъ и наиболѣе распространенныхъ. Въ Россіи, въ Турціи, въ Китаѣ оно является одною изъ господствующихъ формъ мелкой обрабатывающей промышленности. Такъ, напримѣръ, изъ мѣстностей Ресна и Пресна близь Монастыря [1]) постоянно находятся въ отсутствіи отъ 1600 до 2000 душъ христіанскаго населенія изъ общаго числа въ 6000 душъ. Они уходятъ въ февралѣ или въ мартѣ и возвращаются домой въ октябрѣ, принося съ собою среднимъ числомъ отъ 80 до 90 рублей, а иногда и вдвое болѣе. Ресна высылаетъ преимущественно садовниковъ и разнощиковъ въ Константинополь, его окрестности и Варну. Пресна даетъ столяровъ, пильщиковъ, каменьщиковъ, разнощиковъ, поденьщиковъ. То же самое происходитъ почти во всемъ санджакѣ. Дома остается достаточно людей для обработки земли, иногда-же для этого входятъ въ особыя соглашенія и сдѣлки. Изъ Эпира [2]) также уходитъ ежегодно масса народу на заработки въ Константинополь и въ другія мѣста. Здѣсь ремесла монополизированы различными народностями; такъ, всѣ оловянныхъ и свинцовыхъ дѣлъ мастера — евреи, серебряныхъ и мѣдныхъ — валахи, лучшіе плотники и столяры изъ округа Коницы, предполагаемые потомки туземныхъ эпиротовъ, кузнецы — цыгане, ковали — мусульмане. Во многихъ мѣстностяхъ азіатской Турціи главнѣйшія ремесла находятся въ рукахъ христіанъ, что является новымъ подтвержденіемъ внѣшняго для общины значенія ремесла. —

---

[1]) Reports from. H M. diplomatic etc. agents abroad. Lond. 1870, Calvert, 240.

[2]) Ib. Further Reports, Lond. 1871, Stuart, 765.

Въ Китаѣ, по словамъ Пуссьельга [1]) нѣтъ крупныхъ промышленныхъ заведеній. Всѣ ремесленники здѣсь кочевые; они переходятъ изъ города въ городъ, и носятъ съ собою орудія своего промысла. Кузнецъ имѣетъ при себѣ квадратной формы коробку, которая снабжена поршнемъ, замѣняющимъ кузнечные мѣха, и служитъ ему сѣдалищемъ въ случаѣ нужды, а также сундукъ для инструментовъ; слесарь, которому его линейка служитъ тростью въ путешествіи, переноситъ также въ сундукѣ скамью, на которой работаетъ; точильщикъ, сидящій на переносной скамьѣ, вращаетъ свое точило ногами; мѣшокъ ткача содержитъ шпульки, колеса и остовъ его станка; каменьщикъ, еще менѣе обремененный, имѣетъ при себѣ лишь лопатку и шнурокъ. Въ сосѣдствѣ всѣхъ городовъ существуетъ большое число кирпичниковъ.

Чего не додѣлаетъ бродячій или корпоративный ремесленникъ, то исполняется, и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ, домашнею промышленностью общины и преимущественно женщинъ. Путешественники часто удивляются, какое множество самыхъ разнообразныхъ и требующихъ тонкаго соображенія работъ возложено, сравнительно съ мужчиною, на женщину, и не безъ основанія заключаютъ изъ этого о высшихъ умственныхъ способностяхъ послѣдней у многихъ первобытныхъ народовъ. Въ какой степени всѣ подобныя работы исполняются женщиною добровольно, и въ какой принудительно, какъ рабою мужа, объ этомъ можно составить себѣ понятіе только при тщательномъ изученіи каждаго отдѣльнаго случая.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о третьемъ изъ общественныхъ классовъ, нарушающихъ своею дѣятельностью равенство первобытнаго общества, а именно о рабахъ. Въ качествѣ военноплѣнныхъ и ихъ потомства, а также наслѣдственныхъ должниковъ, рабы встрѣчаются на раннихъ ступеняхъ развитія гораздо чаще, чѣмъ давала бы основаніе ожидать простота общественной организаціи той эпохи; но пріобрѣтеніе рабовъ покупкою, исключая быть можетъ только женъ, представляетъ, повидимому, совершенно новый видъ рабства, возникшій черезъ сношенія съ европейцами, и лишь впослѣдствіи укоренившійся среди самихъ дикарей.

Оставленіе жизни рабу подъ условіемъ производства какой нибудь презираемой работы, является, повидимому, одною изъ наиболѣе древнихъ и примитивныхъ причинъ возникновенія рабства. Естественно поэтому, что, при условіяхъ охотничьей, рыболовной, во-

[1]) A. Poussielgue. Voyage en Chine et en Mongolie. Paris, 1866, 243.

обще бродячей жизни, военноплѣнные рабы составляютъ почти общее правило. Но не смотря на грубость нравовъ, господствующую при подобномъ состоянiи общества, не смотря на предполагаемое существованiе религiозной связи между человѣкомъ и его собственностью — рабомъ, отчеты путешественниковъ, за небольшими исключенiями, преисполнены хвалебныхъ отзывовъ о мягкости обращенiя дикарей съ ихъ рабами, — мягкости, которая часто не только напоминаетъ родственныя отношенiя, но и дѣйствительно подводится подъ нихъ. Чтобы понять это, слѣдуетъ помнить, что первобытное родственное общество обладаетъ удивительною способностью всасывать въ себя посторонніе элементы на той же родственной основѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ врагомъ всякаго, кто не находится съ нимъ въ дѣйствительномъ, предполагаемомъ или искусственномъ родствѣ: или врагъ или родственникъ,—другой выборъ первобытному обществу неизвѣстенъ. На этомъ основанiи раба можно принести въ жертву на могилѣ его господина, какъ принадлежащую ему собственность, но морить его голодомъ или заставлять работать черезъ силу представлялось-бы нарушенiемъ основныхъ началъ общинно-родоваго быта.

На Новой Зеландiи, по словамъ Полака [1]), рабы и рабство существовали съ незапамятныхъ временъ и состоятъ изъ военноплѣнныхъ, изъ потомковъ рабовъ и изъ остатковъ уничтоженныхъ племенъ, которые ведутъ жалкое существованiе въ лѣсахъ около разоренныхъ мѣстъ прежняго благоденствiя и отдаются подъ покровительство могущественныхъ сосѣдей, дѣлаясь ихъ слугами. Рабъ или таурекарека есть не то несчастное существо, какимъ британская публика привыкла считать раба-африканца въ британскихъ колонiяхъ. Рабы третируются также, какъ самые низшiе свободные въ деревняхъ; за исключенiемъ ношенiя воды, рубки дровъ, пряденiя льна и *варки пищи* (тоже самое на островахъ Дружбы), во всѣхъ прочихъ операцiяхъ имъ помогаютъ свободные люди и люди всякаго достоинства, состоятъ ли эти операцiи въ вырубкѣ деревьевъ и вывозѣ ихъ изъ лѣсу на продажу, или же въ домашнемъ шитьѣ, разчисткѣ земли, посадкѣ растенiй, приведенiи въ движенiе каное, изготовленiи парусовъ, построенiи дома, форта или каное.

На Фиджiйскихъ островахъ рабы или kaisis составляютъ, согласно утвержденiю Эрскина, [2]) большинство народа находятся въ большомъ униженiи. Показанiе это однако слѣдуетъ принимать съ осторожностью въ виду постоянно встрѣчающагося у путешественниковъ смѣшенiя съ рабами низшихъ слоевъ океанiйскаго населенiя которые въ то же время оказываются въ родствѣ съ высшими.

---

[1]) I. S. Polak. Manners and Customs of the New-Zealanders. Lond. 1841, II, 52.

[2]) I. E. Erskine. Journal of the Western Pacific. Lond. 1853, 158.

Ни у эскимосовъ [1]), ни у чукчей [2]) рабства не существуетъ и слѣда. У колюшей [3]) рабы, по Симпсону, составляютъ до одной трети населенія. Внутреннія племена порабощаютъ своихъ плѣнниковъ, но, вопреки береговымъ племенамъ, не имѣютъ ни наслѣдственнаго рабства, ни систематической торговли рабами. Согласно Коцебу, колюши въ случаѣ смерти своего вождя убиваютъ на его могилѣ двухъ рабовъ. При всемъ томъ съ рабами обращаются довольно хорошо [4]), какъ съ дѣтьми, позволяютъ имъ имѣть собственность и даже иногда вступать въ бракъ. — Въ древней Мексикѣ рабу [5]) дозволялось имѣть свое семейство, собственность и даже рабовъ. Дѣти раба были свободны; никто не могъ быть рожденъ для рабства въ Мексикѣ. Рабы не продавались своими хозяевами, если только послѣдніе не были вынуждаемы къ тому бѣдностью. Они часто освобождались при смерти хозяевъ, а по временамъ вступали съ ними въ бракъ, такъ какъ тамъ не существовало никакого физическаго отвращенія, основаннаго на различіи крови или расы. — У бразильцевъ [6]) имѣются хорошо содержимые рабы изъ дѣтей военно-плѣнныхъ; ихъ причисляютъ къ семьѣ, но не дозволяютъ имъ вступать въ бракъ съ свободными. Впрочемъ, обращеніе съ рабами не вездѣ одинаково.—Настоящій дифирамбъ обращенію съ рабами встрѣчаемъ у Добрицгофера относительно абипоновъ [7]): «военноплѣнныхъ испанцевъ, евреевъ, негровъ и помѣсь ихъ абипоны не мучили, какъ рабовъ, но, собственно говоря, держали на подобіе дѣтей, мягко и дружественно. Если кто-либо изъ хозяевъ хотѣлъ получить отъ плѣннаго себѣ услугу, то выражалъ свою волю не повелительнымъ, но просящимъ голосомъ: «если тебѣ будетъ пріятно, то прошу тебя, сжалься надо мною, приведи мою лошадь. Бѣжитъ-ли плѣнный, отказывается-ли отъ послушанія, никогда я не видалъ, чтобы его наказали словомъ или ударами. Доброта, благосклонность, довѣріе многихъ къ своимъ плѣннымъ таковы, что раздѣваютъ себя, чтобы одѣть ихъ, отнимаютъ у себя пищу, голодаютъ, но подаютъ ее нуждающемуся. Старуха, жена Алайкинскаго кацика, на моихъ глазахъ часто сѣдлала и снаряжала лошадь своему плѣнному негру. Другая старушка, мать кацика Ребахиквійскаго въ теченіе многихъ ночей давала свое

[1]) B. Seemann. Narrative of the Voyage of H. M. S. Herald. Lond. 1853, II, 1859. Впрочемъ, у Ринка встрѣчается слѣдующая характеристика: „родъ жизни и хозяйства у эскимосовъ не позволяетъ обращаться съ рабами иначе, чѣмъ съ членами семейства“.—
[2]) Bancroft. I, 65.
[3]) Ib. I, 107—8.
[4]) Waitz, op. cit. II, 327.
[5]) Prescott, op. cit. 18.
[6]) Marzius, 24—5.
[7]) M. Dobrizhoffer. Historia de Abiponibus. Wienna, 1784, II, 148—149.

молоко больному плѣнному мальчику, и для ухода за нимъ лежала днемъ и ночью на землѣ. Такою мягкостью, такимъ заслуживающимъ благодарности уходомъ абинoны до того привязали къ себѣ своихъ плѣнныхъ, что послѣдніе, имѣя ежедневные случаи къ побѣгу, никогда не думаютъ о немъ, будучи довольны своею участью. Съ другой стороны, многіе уже выкупившіеся изъ плѣна и возвратившіеся на родину, добровольно возвращались къ своимъ абипонскимъ хозяевамъ, за которыми слѣдовали безъ размышленія на войну и охоту. Сами будучи испанцами, они обагряли свои руки испанскою кровью. Сколько испанцевъ родомъ, съ дѣтства воспитанныхъ у абипоновъ, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, представлялись врагами своей родины, Парагвая. Сколько христіанъ перебили они въ союзѣ съ дикарями въ своихъ кровавыхъ и варварскихъ экспедиціяхъ, будучи не только товарищами дикарей въ пути, но и руководителями ихъ по дорогамъ, участниками всѣхъ грабежей, убійствъ и пожаровъ, словомъ, орудіемъ бѣдствій общества, подобно тому, какъ лузитанцы, испанцы и итальянскіе отступники отъ святой религіи бѣжали къ алжирскимъ и марокскимъ пиратамъ и довели ихъ до совершенства въ искусствѣ мореплаванія, для грабежа своихъ народовъ».

«Татары», читаемъ у Гюка [1]), «не принадлежащіе къ княжескому семейству, суть рабы (?); они живутъ въ полной зависимости отъ своихъ господъ. Кромѣ уплаты налоговъ, они обязаны охранять стада своихъ господъ, но имъ не запрещается воспитывать скотъ также и на свой счетъ. Однако сильно ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что въ Татаріи рабство жестоко и тяжело, какъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Благородныя семьи почти ничѣмъ не отличаются отъ рабскихъ: разсматривая существующія между ними отношенія, трудно было бы отличить господъ отъ рабовъ; тѣ и другіе живутъ въ шатрахъ и проводятъ свою жизнь одинаково въ пастьбѣ скота. У нихъ нигдѣ не видно роскоши и могущества, которыя держались бы вдали отъ бѣдности. Когда рабъ входитъ въ шатеръ господина, послѣдній не преминетъ предложить ему молока и чаю; они охотно курятъ вмѣстѣ и обмѣниваются трубками. Дѣти господъ играютъ и борются съ дѣтьми рабовъ около одного и того же шатра. Нерѣдко можно видѣть, что семейства рабовъ дѣлаются собственниками многочисленныхъ стадъ и ведутъ свои дни въ изобиліи. Мы встрѣчали многихъ рабовъ, которые были богаче своихъ господъ, и это нисколько не безпокоило послѣднихъ. Рабство среди монгольскихъ татаръ менѣе тяжко и оскорбительно для гуманности, чѣмъ крѣпостное право среднихъ вѣковъ;

---

[1]) Huc. Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine. Paris, 1850, I, 273.

монгольскіе господа никогда не даютъ своимъ рабамъ тѣхъ унизительныхъ кличекъ, которыя служили когда-то для обозначенія крѣпостныхъ и пр.; они называютъ ихъ братьями, но никогда вилланами, никогда канальями, никогда «gens taillables et corvéables à merci».

«Рабство есть удѣлъ жизни значительной доли населенія въ Сіамѣ [1]), но не абсолютное рабство, какое прежде существовало въ Вестъ-Индіи или въ Соединенныхъ Штатахъ, а такое, которое включаетъ въ себя зависимость болѣе сносную, нежели обыкновенное домашнее рабство. Всякій сіамецъ обязанъ посвящать $^1/_3$ года на службу королю; это средневѣковыя барщинныя работы только въ преувеличенномъ видѣ. Кромѣ сіамцевъ здѣсь есть лаосъ, камбодійцы, бурма и другія расы, подчиненныя во время войны и ставшія абсолютными вассалами своихъ хозяевъ или суверена. При всемъ томъ примѣры жестокости въ обращеніи съ рабами немногочисленны; рабы вообще веселы и, будучи заняты разными работами, забавляются пѣснями и играми. Но наибольшая доля такъ называемыхъ рабовъ принадлежитъ къ числу *должниковъ* [2]), такъ какъ неуплата долга даетъ кредитору право на обладаніе тѣломъ должника, трудомъ котораго онъ можетъ располагать для уплаты должныхъ ему процентовъ или для погашенія самого долга.»

Низшій классъ черкесскаго народа [3]) образуютъ рабы, которые всѣ суть военно-плѣнные или украденные по прекращеніи грабежа между отдѣльными народцами, большею частью, русскіе и татары или перебѣжчики-поляки. Но тогда какъ у негровъ рабы составляютъ большинство, у черкесовъ ихъ очень мало. Простой образъ жизни черкесовъ дѣлаетъ должность слуги мало необходимою; послѣдній требуется только для пособія женамъ въ домашней работѣ. Сверхъ военноплѣнныхъ становится рабомъ всякій, кто придетъ въ страну, не имѣя въ ней друзей, и притомъ рабомъ того, кто первый его встрѣтитъ; такимъ-то образомъ перебѣжчики изъ русской арміи становились рабами. Съ закрытіемъ границы грабежъ людей прекратился, за отсутствіемъ мѣста, куда можно было-бы вывозить рабовъ. Съ рабами вообще обращаются хорошо, и если они не дѣлаютъ попытокъ къ бѣгству и ведутъ себя послушно, то смотрятъ на нихъ какъ на членовъ семейства. Нерѣдко послѣ многолѣтней вѣрной службы рабы получаютъ и свободу. Рабы женятся, имѣютъ собственность, получаютъ подарки и въ случаѣ дурнаго обхожденія могутъ пріискивать себѣ другаго господина; на войну они

---

[1]) S J. Bowring. The Kingdom and People of Siam. Lond. 1857, I, 123.

[2]) О рабствѣ на Малайскомъ Архипелагѣ см. мою статью „Община и государство въ Нидерландской Индіи“, Отеч. Зап. 1881, мартъ.

[3]) Klemm, op. cit. 56.

не ходятъ, но обрабатываютъ землю, ухаживаютъ за лошадьми и служатъ гостямъ.

Настоящее царство рабства во всѣхъ формахъ — Африка. Еще Мунго Паркъ [1]) опредѣлялъ число рабовъ въ Африкѣ втрое больше числа свободныхъ. Рабы здѣсь не имѣютъ другой платы за свои услуги, кромѣ пищи и одежды; съ ними обращаются хорошо или дурно, смотря по хорошему или дурному расположенію духа господъ, которымъ они принадлежатъ. Однако, обычай установилъ относительно обращенія съ рабами извѣстныя правила, нарушать которые считается постыднымъ. Такъ, рабы домашніе или родившіеся въ домѣ господина третируются съ гораздо большею мягкостью, чѣмъ рабы купленные за деньги. Рабы, рожденные въ рабствѣ, болѣе многочисленны, чѣмъ остальные. Война есть источникъ, производящій наиболѣе рабовъ, какъ, вѣроятно, она же была и причиною происхожденія рабства. Естественно думать, что племя, взявшее болѣе плѣнныхъ, чѣмъ могло обмѣнять голова на голову, находило выгоднымъ сохранить своихъ плѣнныхъ и заставить ихъ работать, сначала вѣроятно ради ихъ собственнаго пропитанія, а потомъ для пропитанія ихъ господъ. Но такъ или иначе, а въ Африкѣ постоянно бываетъ такъ, что военноплѣнные становятся рабами побѣдителей. Когда воинъ слабый или несчастный вымаливаетъ пощаду у своего побѣдителя-врага, онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ всякаго права на свою свободу и покупаетъ жизнь цѣною независимости.

Вотъ одинъ примѣръ недавняго обращенія въ рабы цѣлыхъ племенъ. «Когда въ 1856 году», читаемъ у Швейнфурта [2]), «первые хартумцы вступили въ землю Бонго, они нашли здѣсь всю область подраздѣленною на множество мелкихъ округовъ и совершенно независимыхъ одна отъ другой общинъ, причемъ здѣсь господствовала обыкновенная анархія африканскихъ крошечныхъ республикъ; такого общежитія, какъ напримѣръ у динковъ, которое соединило цѣлые округа при помощи племени, выдающагося надъ другими по числу воиновъ, здѣсь не было, и въ каждой деревнѣ считался главою общины тотъ, кто съумѣлъ оказывать на жителей вліяніе своимъ богатствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вліяніе старѣйшины деревни поддерживалось связанною съ его званіемъ профессіею волшебника. Вмѣсто могущественныхъ, объединенныхъ племенъ, нубійцы нашли здѣсь только отдѣльные округа, въ которые и вторгались. Поэтому грубымъ шайкамъ наемниковъ, религія которыхъ не только извиняетъ, но даже признаетъ заслугою въ глазахъ бо-

---

[1]) Mungo Park, op. cit. I, 45, 50.
[2]) G. Schweinfurth. Im Herzen von Africa. Leipz. 1872, 95.

жества всякое насиліе надъ язычниками и невѣрными, было легко сдѣлаться господами страны. Въ нѣсколько лѣтъ эти шайки раздѣлили всю область между немногими торговцами слоновою костью изъ Хартума, которыхъ предпріимчивый духъ, внезапно пробужденный преувеличенными слухами о сокровищахъ, добытыхъ на верхнемъ Нилѣ европейцами (Петерикъ, Понсе и друг.) развилъ неожиданную силу. Жители стали разсматриваться, какъ крѣпостные, и были вынуждаемы перемѣнять свое мѣстожительство, причемъ ихъ для лучшаго надзора и эксплуатаціи поселяли въ серибахъ, построенныхъ вокругъ всей страны. Подъ защитой этого рода крѣпостей хартумскія торговыя компаніи приняли всѣ мѣры для прочнаго занятія страны. Они основали здѣсь прочныя поселенія, чтобы, пользуясь близостью воднаго пути, имѣть возможность съ наибольшимъ удобствомъ производить набѣги на югъ за слоновою костью. Это было тѣмъ легче, что бонго, какъ земледѣльцы, доставляли всѣ средства для содержанія поселеній. Едва лишь половинѣ народа удалось спастись бѣгствомъ отъ внезапно наступившаго рабства».

Круиксганкъ [1]) давно уже сдѣлалъ вѣрное замѣчаніе, что самая идея прочнаго рабства явилась у негровъ послѣ сношеній съ европейцами. «Раньше такихъ отношеній,» говоритъ онъ о неграхъ западнаго берега, «у нихъ существовало нѣчто приближающееся къ равенству. Послѣ первыхъ встрѣчъ съ европейцами и введенія въ среду негровъ европейскихъ товаровъ, между различными классами общества возникла бо́льшая субординація, индивидуальная собственность ассоціировалась съ индивидуальнымъ трудомъ, и *номинальная* зависимость приняла характеръ твердо выраженнаго рабства. Торговля значительно увеличила число рабовъ, или скорѣе, придала рабству новый характеръ, сдѣлавъ личность раба предметомъ *отдѣльнаго* договора или сдѣлки, мѣняемымъ за золото или за товары. До введенія торговли рабами состояніе человѣка мало затрогивалось его зависимымъ положеніемъ, такъ какъ онъ продолжалъ оставаться членомъ той-же общины и пользоваться всѣмъ тѣмъ, что было доступно каждому. Но приманка европейскихъ товаровъ создала нужду въ золотѣ, для добыванія котораго требовался *трудъ* раба. Отсюда произошло рѣзкое обособленіе между сильнымъ и слабымъ классами общества и превращеніе номинальнаго рабства въ дѣйствительное: до сношеній съ европейцами рабство было учрежденіемъ родовымъ, рабъ былъ членомъ того племени, въ которомъ родился. Поэтому-то туземцы Золотого Берега могутъ быть, по справедливости, названы расою рабовъ;—рабство представляется здѣсь наслѣдственнымъ состояніемъ, въ которомъ рожденъ почти каждый

---

[1]) Cruickshank, op. cit. 1853, 311.

безъ исключенія. Глава семьи въ этой расѣ можетъ располагать членами семьи, какъ собственностью, хотя послѣдніе иногда и возмущаются противъ его власти и даже замѣщаютъ его другимъ. Правда, между родственниками и рабами существуетъ большое различіе, хотя, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ интересы семьи, право главы продать родственника неоспоримо. Вообще, право сопротивленія членовъ семьи не болѣе какъ исключеніе. Рабы пріобрѣтаются во множествѣ богатыми людьми при посредствѣ займовъ.»

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рабъ еще не пріобрѣлъ окончательнаго значенія товара, общее положеніе рабовъ довольно сносно. Съ рабами нерѣдко вступаютъ въ бракъ женщины свободнаго класса, при чемъ дѣти отъ подобнаго брака также считаются свободными. Бывали даже случаи, что тотъ или другой рабъ занималъ должность начальника. Такъ, у народа Кимбунды [1]) «рабы имѣютъ довольно свободнаго времени, женятся на свободныхъ женщинахъ и потому дѣти ихъ также часто свободны. Рабыни, большею частью, суть наложницы господъ и, какъ таковыя, входятъ въ составъ семейства. Слабость власти, тяготѣющей надъ рабами, видна изъ того, что они часто убѣгаютъ отъ своихъ господъ или перебѣгаютъ отъ одного изъ нихъ къ другому, нарочно убивая съ этою цѣлью какое нибудь животное того лица, къ которому хотятъ перейдти. Чтобы сдѣлаться рабомъ другого, достаточно даже произвести легкій разрывъ на его платьѣ и сказать при этомъ: «я твой рабъ.» Если рабъ боится, что прежній хозяинъ его выкупитъ, то онъ совершаетъ что нибудь болѣе крупное, напримѣръ, убиваетъ и съѣдаетъ чужаго быка, за что отдается въ рабство на вѣки; за нимъ идутъ жена и дѣти, что очень выгодно новому хозяину. Обладаніе рабынями, пріобрѣтаемыми чрезъ побѣгъ, признается обычаемъ, и прежній ихъ владѣлецъ часто бываетъ вынужденъ выдать также ихъ платье и все прочее, оставленное ими, особенно, если они бѣжали къ могущественному господину. Возвращеніе бѣжавшихъ такимъ образомъ рабовъ въ высшей степени затруднительно, или же вовсе невозможно. Новый владѣлецъ соглашается возвратить раба лишь изъ особой дружбы къ прежнему его господину, или за хорошее вознагражденіе. Всякій, кто это сдѣлаетъ, падаетъ въ мнѣніи рабовъ, желающихъ бѣжать, а слѣдовательно лишается возможности пріобрѣтать себѣ работниковъ. Не только рабы имѣютъ обыкновеніе мѣнять такимъ образомъ своихъ господъ, но и свободные люди добровольно отдаются въ рабство какому нибудь сильному господину, въ случаѣ бѣдности или преслѣдованія за долги; съ этого времени они разсматриваются какъ умершіе относительно всего, что произошло раньше; на всѣ ихъ

[1]) Magyar, op. cit. 284, 289.

предъидущіе проступки набрасывается покрывало, и господинъ ихъ долженъ отвѣчать денежными штрафами только за тѣ, совершаемые ими проступки, въ которыхъ они дѣлаются виновными, какъ его рабы».

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ противопоставить этой картинѣ «дикаго» рабства небольшое изображеніе «цивилизованной» формы рабства тѣхъ же народовъ въ одной изъ европейскихъ колоній. Подобное сравненіе невольно наводитъ на мысль, что положеніе рабовъ у дикихъ народовъ во многомъ превышаетъ состояніе ихъ у образованныхъ европейцевъ.

Взглянемъ на обстановку и жизненныя условія цвѣтныхъ рабовъ и полурабовъ на испанскомъ островѣ Порто-Рико. Для этого мы воспользуемся основательнымъ очеркомъ англійскаго консула Купера [1]) относящимся къ 1870 году. «Правленіе острова Порто-Рико,» говоритъ авторъ, «сходно съ правленіемъ прочихъ испанскихъ колоній и находится во власти генерала, подъ названіемъ главнаго капитана, который является верховнымъ начальникомъ по всѣмъ вѣдомствамъ — военному, гражданскому и духовному. Эта автократическая форма правленія имѣетъ свои преимущества въ странѣ съ антагонистическими расами и оказываетъ благопріятное вліяніе на состояніе общества, привлекая изъ Испаніи обширный и образованный классъ, который доволенъ своею участью и вѣренъ своему флагу: этотъ классъ образуетъ аристократію острова. Но не одни офицеры арміи суть испанцы; изъ испанцевъ же набираются и солдаты всего регулярнаго войска, достигающаго 3 до 4.000 человѣкъ. Милиція и полиція въ числѣ около 20.000 челов. также состоитъ изъ бѣлыхъ, и на эти силы правительство можетъ положиться всецѣло. Ближайшую ступень соціальной лѣстницы занимаютъ купцы и лавочники, состоящіе, большею частью, изъ испанцевъ, пріобрѣтшихъ себѣ богатство промышленностью; испанскіе же креолы и иностранцы входятъ въ этотъ классъ въ весьма небольшомъ числѣ, главнымъ образомъ, благодаря препятствіямъ, которыя ставитъ имъ правительство. Свободное цвѣтное населеніе благоденствуетъ, соотвѣтственно своему образованію; многіе изъ числа его суть лавочники и даже иногда землевладѣльцы. Рабочіе или поденщики *принуждены работать*, безъ вниманія къ ихъ цвѣту, на основаніи закона о «рабочихъ книжкахъ, и легко заработываютъ по полу-доллару въ день, чего достаточно для воздержанія ихъ отъ пороковъ, связанныхъ съ праздностью и для удовлетворенія ихъ чрезвычайно примитивныхъ потребностей. Рабы здѣсь, повидимому, болѣе независимы и менѣе угнетены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ свободные всѣхъ цвѣтовъ работаютъ вмѣстѣ съ ними, чѣмъ устраняется уни-

---

[1]) Further Reports of H. M. diplomatic etc. agens abroad. 1875. Cooper. 616.

женіе, приписываемое опредѣленному роду труда. Всѣхъ рабовъ считалось до 35.000. Между различными расами и классами здѣсь не существуетъ никакого замѣтнаго предразсудка относительно цвѣта; всѣ они живутъ между собою въ согласіи и съ замѣчательнымъ отсутствіемъ преступленій. Однако, въ такомъ положеніи, они удерживаются сильнымъ правительствомъ, которое не позволяетъ имъ бросаться въ мутное море политики. Мятежныя соображенія о правахъ расъ и національностей, представляются торпедами, которыя угрожаютъ величайшимъ взрывомъ обществамъ, въ родѣ Вестъ-Индскаго; опасеніе такого взрыва было сильно увеличено недавними событіями на С. Доминго и Ямайкѣ. Однако опасность можетъ быть наилучшимъ образомъ отвращена при помощи извѣстныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Мѣры эти состоятъ въ *принужденіи* каждаго къ исполненію первой его обязанности относительно общества, — къ *работѣ* для своего существованія, и въ тоже время въ отвлеченіи ума отъ положеній, которыя недоступны пониманію большинства и впослѣдствіи могли бы сдѣлаться горящимъ факеломъ въ его рукахъ. Какимъ образомъ произошло то, что Порто-Рико, владѣя пространствомъ земли въ 14 разъ меньшимъ, нежели Куба, производитъ только на $^1/_3$ меньше земледѣльческихъ произведеній?» Авторъ не медлитъ заявить, что этотъ результатъ всецѣло зависитъ отъ дѣйствія закона о «рабочихъ книжкахъ», введеннаго въ силу генераломъ Донъ Жуаномъ де Пейнело. «Хотя нельзя отрицать, что это законъ принудительный,—а какой-же законъ не принудителенъ,—но все же слѣдуетъ замѣтить, что онъ *безпристрастенъ* въ своемъ примѣненіи, потому что не направленъ противъ какого либо *одного класса*, расы или цвѣта, а безразлично требуетъ отъ каждаго человѣка *въ положеніи рабочаго*, чтобы онъ періодически доказывалъ, что живетъ добросовѣстно, а не безчестно на счетъ общества». Законъ этотъ, по мнѣнію автора, сдѣлалъ рабочіе классы благоденствующими и независимыми, не дѣлая ихъ нахальными, подобно свободному цвѣтному населенію Гаити, С. Доминго и Вестъ-Индскихъ острововъ. Онъ такъ сильно увеличилъ приложеніе ручной силы въ странѣ, что земледѣліе и промышленность возросли до неслыханной раньше степени. Законъ этотъ заслуживаетъ спеціальнаго вниманія, потому что онъ въ извѣстномъ смыслѣ *замѣняетъ* рабство. Сущность его состоитъ въ томъ, что въ полиціи ведется точный списокъ всѣмъ свободнымъ людямъ, продающимъ свой трудъ, и каждому изъ нихъ выдается рабочая книжка, въ которой наниматель обозначаетъ день поступленія, продолжительность службы, день отхода и *поведеніе* рабочаго. За неимѣніе книжки виновный подвергается 8 дневной принудительной работѣ за половинную плату на общественныхъ до-

рогахъ и т. под. Наниматель, аттестовавшій дурного рабочаго хорошо, подвергается за первый разъ штрафу въ 6 долларовъ, за второй—двойному, а за слѣдующіе разы—всѣ его заявленія лишаются значенія, хотя бы они были и правильны. Мѣстные магистраты должны наблюдать за тѣмъ, чтобы рабочіе были *постоянно заняты*. Въ свободное время, т. е. при отсутствіи частной работы, рабочіе трудятся на общественныхъ дорогахъ за обыкновенную плату, а въ случаѣ дурнаго нрава—за половинную въ теченіи шести мѣсяцевъ. Таково положеніе *свободныхъ рабочихъ* на островѣ Порто-Рико, превращенныхъ почтеннымъ генераломъ-диктаторомъ въ замаскированныхъ рабовъ.—Теперь посмотримъ, какъ живутъ здѣсь настоящіе рабы-негры, которыхъ числится около 40.000. Рабы, мужчины и женщины, работаютъ на плантаціяхъ, рѣжутъ и чистятъ сахарный тростникъ, а дѣти смотрятъ за скотомъ въ имѣніи. Работа продолжается во время жатвы до 20 часовъ въ сутки безъ всякой прибавки вознагражденія, сверхъ положеннаго продовольствія. Одежда и пища рабовъ очень дурны. Жилища рабовъ — широкія сосновыя коробки — около 8 футъ ширины, укрѣпленныя на столбахъ, отстоящихъ отъ земли на два фута; въ нихъ есть дверь а иногда маленькое окно; здѣсь живетъ рабъ, одинъ или съ семействомъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ рабы живутъ не въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, а въ общихъ квартирахъ. Это также коробки, но пошире, изъ которыхъ въ одну запираются на ночь всѣ мужчины, а въ другую всѣ женщины и стерегутся. Въ большей части имѣній не обращается ни малѣйшаго вниманія на приличія, чистоту и вентиляцію въ этихъ помѣщеніяхъ; грязь и вонь царятъ внутри и снаружи. Жилища, одежда, пища и условія работы свободныхъ поденьщиковъ съ рабочими книжками почти не отличаются отъ рабскихъ, если даже не хуже таковыхъ. Предварительнымъ закономъ 23 іюня 1869 года рабство на Порто-Рико было, правда, отмѣнено, но какъ? Всѣ рабы до 2 лѣтняго возраста освобождались отъ рабства, но до 18 лѣтъ должны были оставаться у владѣльцевъ, всѣ, кому минуло 60 лѣтъ, также объявлялись свободными. Очевидно, что отъ такого освобожденія рабамъ ни тепло, ни холодно. Сверхъ того, немедленно явились проекты постепеннаго освобожденія рабовъ, но съ тѣмъ, чтобы законъ о *рабочихъ книжкахъ* оставался въ силѣ и чтобы въ теченіи всего срока отмѣны рабства правительство поощряло ввозъ *свободныхъ негровъ*. Практическихъ послѣдствій новаго закона въ семидесятыхъ годахъ еще не было никакихъ.

Таково-же положеніе рабскаго и свободнаго мѣстнаго населенія и на островѣ Кубѣ. «Войско и полиція», говоритъ одинъ очеви-

децъ [1]), «суть единственныя опоры испанскаго господства на Кубѣ; туземное бѣлое населеніе въ громадной массѣ настроено противъ нихъ. На поддержку чернаго населенія можно было бы разсчитывать только въ случаѣ эмансипаціи рабовъ; но испанское правительство прекрасно знаетъ, что если оно освободитъ негровъ, то колонія безъ рабства потеряетъ всякую цѣнность для Испаніи».

«Туземцы [2]), найденные на Кубѣ испанцами по завоеваніи вскорѣ были уничтожены гнетомъ тяжелой барщины въ пользу испанцевъ. Послѣ этого были выписаны сюда негры, которыхъ поставляли испанцамъ генуезцы и португальцы. Въ началѣ XVIII вѣка на Кубѣ было не болѣе 20,000 рабовъ, такъ что ихъ оказалось мало для сахарной культуры. По утрехтскому миру Англія получила право ввезти въ испанскую Америку въ теченіи 30 лѣтъ 144,000 рабовъ, а въ 1789 г. торговля рабами на Кубѣ, Порто-Рико, Санъ-Доминго и Порто-Белло стала свободною для всѣхъ народовъ. Отъ этого развился громадный ввозъ негровъ съ 1791—1816 г., когда было законно и незаконно ввезено 30,000 рабовъ, а съ 1818 г. по 1820—156,084. До средины тридцатыхъ годовъ среднимъ числомъ въ годъ ввозилось до 40,000, хотя за это время не было оффиціальной статистики, вслѣдствіе запрещенія закономъ ввоза рабовъ еще въ 1820 г. Даже послѣ 1835 г. ежегодно ввозилось по 24,000 негровъ на мелкихъ судахъ, въ количествѣ 600—700 душъ на каждомъ; хотя въ слѣдующее десятилѣтіе (пятидесятые года) торговля неграми сильно упала, но еще и въ семидесятыхъ годахъ отдѣльные грузы съ человѣческимъ мясомъ приходили въ Кубу. Полное прекращеніе торговли рабами можетъ быть достигнуто только чрезъ отмѣну рабства. Хозяйственное развитіе Кубы всегда стояло въ прямомъ соотвѣтствіи съ числомъ рабовъ, отъ низкихъ занятій которыхъ уклонялось все прочее населеніе, вслѣдствіе чего еще болѣе укрѣплялось и становилось необходимымъ для земледѣлія рабство. Въ то время, какъ на Порто-Рико на ряду съ 50,000 рабовъ существовало еще 40,000 свободныхъ рабочихъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ (мы видѣли, какова ихъ свобода подъ властью диктатора!), на Кубѣ обработка плантацій находится исключительно въ рукахъ рабовъ, которыхъ много также занимается и домашними работами (прислуга).

«Вообще обращеніе испанцевъ съ рабами было мягкое (?) и отношеніе къ нимъ патріархальное (?). Первыя опредѣленія испанскаго

---

[1]) K. Scherer. Aus d. Natur-und Völkerleben im tropischen Amerika Leipz. 1864, 368 и слѣд.

[2]) „Sklaverei und Emanzipation auf Cuba“. Das Ausland, 1882, № 51 (на основаніи монографіи Ларринаги о хозяйственномъ положеніи Кубы.

правительства относительно судимости несвободныхъ относятся еще къ 1789 г. и были замѣнены въ 1842 г. управленіемъ надъ рабами. По этимъ опредѣленіямъ рабство могло возникать только чрезъ рожденіе отъ рабыни и чрезъ ввозъ, остальные-же поводы прошлыхъ столѣтій въ настоящемъ были отмѣнены. Когда-же съ запрещеніемъ торговли рабами въ 1820 г. уничтожились и эти причины рабства, то рабами остались только или прибывшіе до этого срока или родившіеся отъ рабынь. Какъ велико было число тѣхъ цвѣтныхъ, которые, вопреки закону, были обращены съ потомками въ рабство, видно изъ постепеннаго возрастанія числа рабовъ на Кубѣ, которое, благодаря процвѣтанію торговли, въ 1817 г. равнялось 199,145, въ 1827 — 285.942, въ 1830 — 310.438, въ 1841—436.495, потомъ падало до 1861 г., когда снова достигло 370.553. Хотя продажа рабовъ и запрещалась, но покупатели могли безопасно пользоваться рабами, какъ своею собственностью. Правда, подъ вліяніемъ повторяемыхъ требованій Англіи, Испанія съ 1817 года не разъ запрещала торговлю рабами, въ 1817 въ области къ сѣверу отъ экватора, а въ 1820 къ югу; но эти мѣры не принесли успѣха, и торговля, по прежнему, велась блистательно. Англичане, получившіе позже право брать себѣ въ призы рабовладѣльческія суда, хотя и тѣснили рабство, но не очень, въ пользу чего говорятъ, напримѣръ, ничтожныя наказанія противъ строителей судовъ, установленныя еще въ 1842 году. Коммиссія, собравшаяся (въ 1865 г.) въ Испаніи, не пришла ни къ какому результату относительно освобожденія рабовъ, и начальство продолжало управляться въ ними по прежнему. Только подъ конецъ, съ прекращеніемъ рабства, исчезла и торговля рабами.

«Мало извѣстенъ тотъ фактъ, что рабы, освобождаемые испанцами на схваченныхъ ими судахъ, превращались въ «Emancipado» и отдавались подъ защиту отвѣтственнымъ лицамъ, на которыхъ должны были изъ благодарности (?) работать. Патронъ платилъ правительству ежемѣсячный налогъ, а черезъ пять лѣтъ «Emancipado» получалъ всѣ права свободныхъ цвѣтныхъ на островѣ. Все это повлекло за собою громадныя злоупотребленія. Часто «Emancipado» отдавался наиболѣе дающему сеньору, и не пользовался выгодами ни дѣйствительныхъ рабовъ, ни свободныхъ цвѣтныхъ. Не рѣдко по истеченіи пятилѣтняго срока онъ снова оставался «Emancipado», подъ предлогомъ интересовъ дисциплины, которая не могла терпѣть, чтобы рабы смотрѣли на своего прежняго товарища, какъ на свободнаго человѣка (по истинѣ, дорога въ адъ вымощена добрыми намѣреніями!). Генералъ-капитану Пецуелѣ, при всемъ его стараніи, не удалось освободить бывшихъ на Кубѣ 25.000 «Emancipados», и только генералъ-капитанъ Манцано въ 1867 г.

освободилъ 170 негровъ, оставшихся отъ 5000 «Emancipados», приставшихъ къ Кубѣ съ 1824 по 1832 г. Домашняя служба рабовъ походила на службу европейской прислуги, но надзиратели за полевыми работами сильно злоупотребляли своею властью; при всемъ томъ на Кубѣ было лучше; тамъ не возникало такихъ вооруженныхъ возстаній, какія были на Ямайкѣ и на другихъ островахъ Вестъ-индскаго архипелага. При всемъ *сравнительномъ* мягкосердечіи господъ, послѣдніе, по правительственнымъ правиламъ, имѣли право пріобрѣсти раба, продать или уступить его другому владѣльцу, а въ случаѣ сопротивленія даже убить раба на мѣстѣ. За то господинъ имѣлъ и обязанности относительно рабовъ: онъ долженъ былъ ихъ одѣвать, кормить, помогать имъ въ болѣзни, воспитывать въ религіи, давать праздники въ воскресенье и въ другіе дни, кромѣ времени жатвы, и дозволять работать на особой землѣ въ свою пользу. Негры до 17 и послѣ 60 лѣтъ не должны были работать весь день (9—10 часовъ, во время жатвы 16), женщины вовсе не должны были принуждаться къ работѣ, «которая не соотвѣтствуетъ ихъ полу и сложенію тѣла». Если господа не могли согласиться о бракѣ своихъ негровъ обоего пола, то они продавали жениха и невѣсту третьему господину и тотъ уже ихъ женилъ. Неисполненіе этихъ предписаній наказывалось 200 долл. штрафа. Однако, многое изъ изложеннаго оставалось мертвою буквою. Впрочемъ бывали и отпуски изъ рабства за большія заслуги, равно какъ въ случаѣ вступленія раба въ бракъ съ господами, производства его въ священники, вступленія на почву Испаніи, въ случаѣ старости, а также чрезъ выкупъ, (который велъ къ еще большему закрѣпощенію здоровыхъ негровъ, цѣнившихся всего дороже). Статистика 1862 г. показываетъ для одного Ingenio (сахарная плантація) пространствомъ около 20 кабаллерій (1 кабалл. = 14 гектарамъ) производство около 1900 ящиковъ сахару и среднюю потребность въ 116 рабахъ. Семьдесятъ четыре раба представляютъ, при всякихъ обстоятельствахъ, достаточное число для доставленія подобнаго продукта, такъ что излишекъ 42 рабовъ, при средней цѣнности ихъ по 800 долл., представляетъ мертвый капиталъ въ 33.600 долл. На Порто-Рико въ 1865 г. было 42.000 рабовъ, но изъ нихъ только 12.000 работали на плантаціяхъ. Рядомъ было 7000 свободныхъ поденьщиковъ. Здѣсь въ 1873 г. послѣдовало освобожденіе рабовъ. Зато на Ямайкѣ и Тринидадѣ плантаторы много потеряли, а простой народъ и рабы выиграли себѣ поземельныя владѣнія и самостоятельность, причемъ прежнее крупное землевладѣніе мало по малу смѣнилось мелкимъ. Но на Барбадосѣ, Антигуѣ и на другихъ островахъ рабство осталось по прежнему и земля удержалась въ рукахъ плантаторовъ, которые къ тому-же съ боль-

шимъ успѣхомъ ввели усовершенствованія для замѣны недостатка въ рабочихъ.

«Испанскій чиновникъ Куэйпо работалъ еще въ сороковыхъ годахъ надъ планомъ освобожденія рабовъ на Кубѣ. Онъ хотѣлъ, прежде всего, уменьшить населеніе негровъ, а потомъ, вслѣдствіе невозможности для бѣлыхъ работать на плантаціяхъ, думалъ покинуть производство сахара и перейдти къ мелкой культурѣ табака, какао и пр., улучшить скотоводство и культуру полей и снова насадить вырубленные лѣса. Но испанское правительство не желало подходить близко къ вопросу объ эмансипаціи негровъ, и потому проэктъ Куэйпо, какъ онъ ни былъ разуменъ, не имѣлъ успѣха. Но уже въ 1866 году отчеты умныхъ генералъ-капитановъ Пецуела, Серрано и Дульче объ уничтоженіи рабства, побудили испанское правительство къ учрежденію коммиссіи, которая выработала полный планъ эмансипаціи. Планъ этотъ былъ особенно хорошъ тѣмъ, что не требовалъ особыхъ жертвъ ни отъ правительства, ни отъ плантаторовъ, и что переходъ къ свободѣ совершался въ немъ постепенно (?), на основаніи опыта другихъ странъ. Однако и этотъ проектъ не прошелъ даже первой стадіи, и единственный результатъ весьма популярной коммиссіи былъ тотъ, что она постановила образовать избирательный совѣтъ для изслѣдованія необходимыхъ реформъ, который, однако, вслѣдствіе революціи въ Испаніи въ 1868 году, не былъ ни избранъ, ни установленъ. Почти въ то же время возстаніе, вспыхнувшее на Кубѣ и разорявшее страну въ теченіи 10 лѣтъ, не привело ни къ чему существенному въ хозяйственномъ отношеніи, а только усилило печальное бумажно-денежное хозяйство и уничтожило всякій кредитъ. Но во время самаго возстанія въ 1870 году, законъ Море установилъ постепенное освобожденіе рабовъ на Кубѣ. Этого закона также оказалось недостаточно, и онъ создалъ только новое переходное состояніе. Освобожденіе рабовъ выше 60 лѣтняго возраста и дѣтей рабовъ, родившихся послѣ публикаціи закона, вступило въ силу немедленно, безъ вознагражденія плантатору, а также безъ надлежащей регулировки положенія освобожденныхъ. Послѣдствія этого закона видны изъ слѣдующихъ чиселъ:

Освобожденныхъ рабовъ на Кубѣ было:		Оставалось рабовъ:	
1873 г. . . .	26.667	1870 г. . . .	363.288
1874 » . . .	50.046	1873 » . . .	287.628
1875 » . . .	72.296	1876 » . . .	199.000
1876 » . . .	84.771	1879 » . . .	195.563 и 3531 так называемыхъ Coartados.

«Наконецъ 18 февраля 1870 г. былъ опубликованъ законъ, по которому право на рабовъ отмѣнялось по истеченіи 8 лѣтъ слѣдую-

щимъ образомъ: тѣ лица, которыя во время выхода закона находятся еще фактически въ состоянiи рабства, будутъ поставлены подъ покровительство своихъ прежнихъ господъ. Этотъ протекторатъ переносится по закону и на дѣтей, но мужъ и жена не должны быть отдѣляемы отъ дѣтей и дѣти до 11 лѣтъ отъ своихъ родителей. Патронъ удерживаетъ за собою право пользоваться работою своихъ клiентовъ и представлять ихъ предъ судомъ, но долженъ ихъ одѣвать, кормить и заботиться объ ихъ здоровьи. Онъ обязанъ платить имъ установленную закономъ заработную плату и давать ихъ дѣтямъ опредѣленное элементарное школьное образованiе и обученiе какому нибудь ремеслу. Клiентъ получаетъ свидѣтельство (рабочую книжку), въ которомъ прописаны его обязанности и права. Это состоянiе прекращается въ разные сроки, соотвѣтственно раздѣленiю клiентовъ патрона на 4 категорiи. Изъ нихъ старѣйшая четверть будетъ освобождена черезъ 5 лѣтъ, и потомъ ежегодно по четверти, пока, послѣ восьмого года всѣ негры не будутъ свободны. Для Coartado, на ряду съ возможностью выкупа допущены еще другiя привилегiи. Однако, съ прекращенiемъ патронатства, всѣ негры еще четыре года будутъ обязательно работать. Кто не въ состоянiи указать опредѣленнаго занятiя, тотъ будетъ, какъ бродяга, принуждаемъ къ работѣ на общественныхъ постройкахъ и т. под. за плату. По истеченiи и этихъ четырехъ лѣтъ, негры вступаютъ въ полное пользованiе всѣми гражданскими и политическими правами. Патроны удерживаютъ дисциплинарную власть, но безъ права тѣлесныхъ наказанiй. По другимъ преступленiямъ для всѣхъ негровъ — общiе суды. — Изложенный законъ отличается отъ предъидущихъ отсутствiемъ прямаго вознагражденiя плантатора деньгами; надѣются выбить изъ раба то же самое при развитiи торговли на продукты его ближайшаго труда; другой разсчетъ на китайскихъ кули. Но китайцы, съ одной стороны, скоро деморализируются и деморализируютъ другихъ, а, съ другой, стремятся поскорѣе вернуться домой и уклоняются отъ обработки плантацiй. На Кубѣ съ 1827 по 1869 г. китайцевъ высадилось 126.000 изъ 142.000, сѣвшихъ въ Макао, что даётъ смертность въ 11%! Поэтому, теперь стали думать не о замѣнѣ однихъ рабовъ другими, а объ измѣненiи самой хозяйственной системы; однако не хватаетъ капитала на улучшенiя. Мѣстами уже появились поземельные банки для мелкихъ землевладѣльцевъ (въ пров. Порто Принчипе); хотятъ также привлечь колонизацiю, поощряя ее различными льготами, въ видѣ сбавки цѣны съ земли и откладыванiя платежа, а также ссудами до 100 долл. по 6%; для доставленiя капитала образуется особая компанiя.

Не углубляясь въ исторiю рабства въ другихъ европейскихъ колонiяхъ, которая представляла бы не болѣе, какъ повторенiе ска-

заннаго, мы можемъ безспорно придти къ заключенію, что новѣйшій видъ рабства для промышленно-капиталистическихъ цѣлей есть наиболѣе ненавистный и гнусный изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ. Даже принесеніе рабовъ въ жертву первобытными народами можетъ найдти свое относительное оправданіе въ общемъ складѣ жизни этихъ народовъ, порождающемъ грубые военные нравы и суровое религіозное міровоззрѣніе. Рабство на востокѣ, рабство въ Римѣ могутъ быть объяснены, если не оправданы, подобными-же общими причинами. Но нѣтъ человѣка въ мірѣ, который могъ бы найдти хоть одно слово въ защиту той новѣйшей системы рабства, которая служила и служитъ единственно для цѣлей накопленія капитала, и для обогащенія класса цивилизованныхъ изверговъ, прикрывающихъ свою алчность соображеніями какой-то фиктивной общественной пользы.

На предъидущихъ страницахъ приведено не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о полномъ и всестороннемъ единствѣ и сплоченіи составныхъ элементовъ отдѣльнаго первобытнаго общежитія, каковы-бы ни были тѣ отношенія, въ которыхъ оно находится къ другимъ общежитіямъ. Мы видѣли также, что общественная власть не составляетъ исключенія изъ этого правила, и что на первыхъ порахъ ея интересы могутъ совершенно сливаться съ интересами общежитія, такъ, что, слѣдуя выраженію Кука, цѣлое общество представляется какъ-бы однимъ человѣкомъ, дѣйствующимъ по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ. Причина этого явленія заключается главнымъ образомъ въ простотѣ экономической организаціи первобытнаго общества, которое допускаетъ непосредственное завѣдываніе процессомъ общественнаго производства со стороны общественной власти. Разъ общественная власть сама является однимъ изъ отвѣтственныхъ дѣятелей общественнаго производства, интересы ея не могутъ находится въ антагонизмѣ съ интересами всѣхъ прочихъ производителей. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ приватизированія процесса общественнаго производства, общественная власть должна была естественно удалиться отъ первоначальной своей экономической функціи. Только благодаря этому обстоятельству могла возникнуть новѣйшая теорія laisser faire, laisser passer, отожествляющая понятіе государства съ понятіемъ учрежденія для внѣшней и внутренней защиты общества (съ идеею ночного сторожа, по остроумному выраженію Лассаля) и отказывающая государству во всякомъ вмѣшательствѣ въ общественно-производственный процессъ. Основнымъ предположеніемъ этой теоріи было, какъ извѣстно, ничто иное, какъ воображаемое, и нигдѣ въ дѣйствительности не осуществившееся представленіе о полномъ равенствѣ

условій производства и сбыта для каждаго изъ производителей, которое, при отсутствіи всякаго правительственнаго вмѣшательства, способно будто-бы привести къ наиболѣе выгоднымъ результатамъ какъ для отдѣльныхъ лицъ такъ и для всего общества. Фактическое устраненіе государства изъ области завѣдыванія процессомъ общественнаго производства и переходъ послѣдняго въ руки частныхъ предпринимателей, служили поддержкою значенія упомянутой теоріи, насколько ей удалось проникнуть въ дѣйствительную жизнь. Тѣмъ не менѣе, подобное отношеніе между государствомъ и обществомъ, какъ между постороннею для общества силою, объединяющею чисто внѣшнимъ образомъ безчисленное множество изолированныхъ и часто противоположныхъ между собою частныхъ интересовъ, представляетъ совершенно такое-же временное, историческое отношеніе, какъ и соотвѣтствующая ему форма общественной комбинаціи труда. Условія соперничества между частными хозяйствами далеко не такъ одинаковы въ дѣйствительности, какъ предполагали защитники свободной торговли и государственнаго невмѣшательства. Крупный капиталъ и крупная промышленность ежедневно и у всѣхъ на глазахъ побиваютъ мелкіе капиталы и промыслы, и такимъ образомъ естественно ведутъ къ монополіи. Что-же касается до монополіи, то она снова превращаетъ частную форму производства въ общественную, въ которой общественной власти необходимо найдется мѣсто. Сверхъ того, многія отрасли промышленности съ самаго-же начала ведутся частью государствомъ, частью его подраздѣленіями,— провинціями, округами, городскими и сельскими общинами. Такимъ образомъ проявляется двоякое историческое теченіе, одинаково направленное къ централизированію производства и превращенію его изъ множества частныхъ въ одно сплоченное и безконечно сложное общественное производство. Весь этотъ ходъ хозяйственно-политическаго развитія является нагляднымъ доказательствомъ той истины, что какъ-бы ни усложнялись и ни расчленялись формы сложенія труда въ обществѣ, взаимное тяготѣніе отдѣльныхъ группъ человѣчества преодолѣваетъ это раздѣленіе, и каждый дальнѣйшій шагъ исторіи ведетъ въ сущности къ тѣснѣйшему сплоченію и объединенію отдѣльныхъ элементовъ общественно-производственнаго процесса, а слѣдовательно и той части человѣческаго рода, которой предстоитъ уцѣлѣть въ борьбѣ за всеобщее существованіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

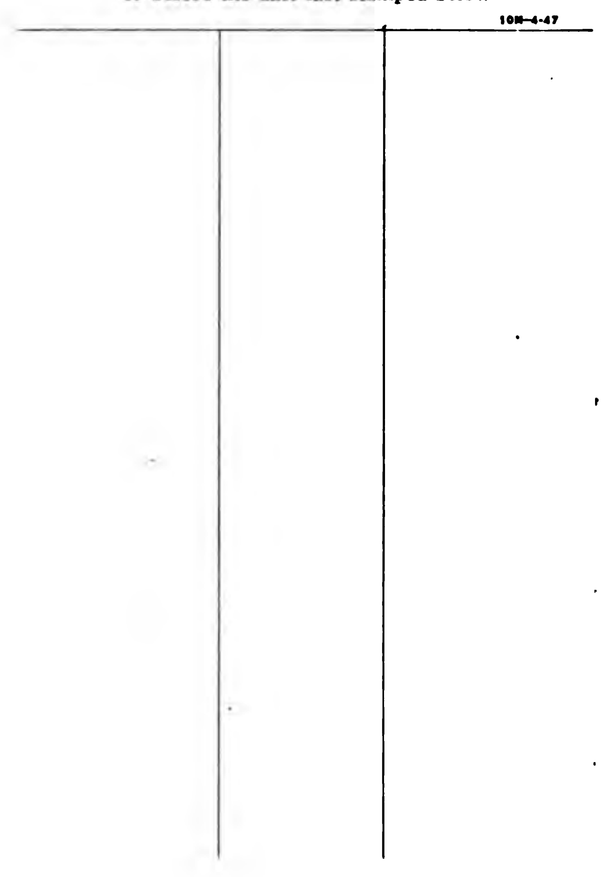
Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	28 сверху	характерическаго	характеристическаго
10	2 —	Customo	Customs
20	11 —	алуетамъ	алеутамъ
20	16 —	1000	100
23	21 —	шефовъ	начальниковъ
25	13 —	присоединились	присоединялись
26	22 —	засадъ	засады
27	16 —	пробиваютъ	убиваютъ
27	14 снизу	ихъ, потребленія,	ихъ истребленія,
28	3 сверху	въ	съ
28	13 —	60 до 70	60 до 70 штукъ
—	15 —	принимаютъ	принималъ
29	1 снизу	Mouhof	Mouhot
30	17 —	населенія;	населенія,
31	4 сверху	тѣсной коопераціи	тѣсную кооперацію
32	9 —	отдавать	отдаютъ
38	8 —	клубки	клубни
—	2 снизу	Waleckenaer	Walckenaer
42	12 —	должны	должны доставить
45	1 сверху	перувіанцами	перуанцами
53	14 снизу	кампаніи	Компаніи
62	12 сверху	останется	остается
66	5 снизу	*общества*	*общество*
70	15 сверху	то очистка	то происходитъ очистка
74	3 снизу	Plak	Polak
77	3 сверху	Flak-Seads	Flak-Heads
80	18 снизу	земледѣльскаго	земледѣльческаго
85	5 —	регулирють	регулируютъ
86	3 сверху	царствѣ Средины	Срединномъ царствѣ.
87	14 —	корошеніи	крошеніи
—	15 —	корошенія	крошенія
91	24 сверху	Михайлова,	Михайлова
98	17—18 снизу	постановленій Папона	приговоровъ Папона

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
98	16 снизу —	въ особенности въ домахъ Мажей	(въ особенности въ домахъ намѣстниковъ сенешаля) *)
—	14 —	и общинъ.	и общенія.
99	15 сверху	благопріятствовали имъ	благопріятствовали имъ".
100	14 снизу	хозяина	хозяина—
106	9 —	производства	производство
—	8 —	потребленія	потребленіе
107	8 сверху	Нукачивѣ	Нукагивѣ
109	2 снизу	he	the
118	7 сверху	собственность	собственность;
120	6 —	благопріятна	благопріятны
—	31 —	обязанности	обязанности".
122	24 —	стобы	столбы
128	9 —	отреченію	осужденію
136	4 снизу	Lavres	Javres
155	11 —	Дружбы	Дружбы—
157	3 —	Devpons	Depons
163	14 сверху	каторый	который
174	3 —	обыковенно	обыкновенно
181	13 —	убиваетси	убивается
—	18 —	отдавается	отдается
193	19 —	обученія	обученіе
195	18 —	: общіе	; общіе же
203	9 —	и дитятею	дѣтьми
203	3 снизу	Mowrad	Monrad
207	6 —	разграбить бы	разграбить
219	12 —	Гарделупы	Гваделупы
226	10 —	по своимъ	къ своимъ
236	1 сверху	островѣ	островахъ
255	23 —	находились	состояли
256	18 сверху	или	если
260	13 —	предпріятій	предпріятій".
264	5—6 —	мечетей	мечети
268	5 снизу	1874	1774

*) Франц. текстъ этой цитаты Бонмера изъ Arrêts de Papon, Jean Chenu (Bonnemère, Histoire des paysans, T. II, p. 318) слѣдующій: „Nous avons plusieurs telles sociétés (tacites) en Berry et en Nivernais, principalement é s m a i s o n s d e s m a g e s, qui, selon la constitution du pays, consistent toutes en assemblées de plusieurs personnes et une communauté". Выраженіе é s m a i s o n s d e s m a g e s есть, вѣроятно, указаніе на феодальный характеръ отношеній между намѣстниками сенешалей съ одной стороны и общинами съ другой. Русскій переводъ слова m a g e s см. Макаровъ, Полный французско-русскій словарь, 1870, часть II, стр. 101.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
273	6 сверху	полнымъ обладателемъ	полною обладательницею
277	21 —	отомановъ	отомаковъ
286	7 —	сомнѣнію"	сомнѣнію
293	6 снизу	служитъ	служатъ
294	9 сверху	го	его
297	16 —	заключить	заключать
301	8 —	обличало	обличало-бы
—	16 снизу	сопротивленія	сопротивленіе
303	21 —	но, чачто,	часто
304	15 сверху	нанесенныхъ	нанесеннымъ
—	7 —	купло	куплю
305	5 —	ширекое	широкое
—	9 снизу	отразомъ	образомъ
306	12 сверху	имѣютъ	имѣли
—	13 —	будто	быстро
318	16—15 снизу	долговрегоономъ	долговременномъ
323	5 снизу	V	VI.
339	8 —	прибываніе	пребываніе
343	19 сверху	огда	тогда
346	11 —	выводить	выводитъ
—	5 снизу	пророжденію	порожденію
351	3 сверху	не ограничивалось,	не ограничивалось
353	16—17 —	наопленія	накопленія
356	3 снизу	на нее.	на нее".
358	2 —	Oos—ndië	Oost—Indië
371	6 сверху	безуспѣшно.	безуспѣшно".
382	11 снизу	министру'	министру".
393	13 сверху	Нять	Пять
394	10 снизу	вывывоза	вывоза
401	— —	Благодаря	„Благодаря
—	7 —	харачтеръ	характеръ
410	10 —	положеніе	положеніе".
413	14 —	всяемъ	всемъ
—	7 —	ва	на
418	5 сверху	видать	видомъ
420	15 снизу	могл	могли
422	2 сверху	и какъ	какъ
425	13 снизу	о—вѣ	о—вахъ
431	15 сверху	безпрекословно	безпрекословно"
436	14 снизу	мандіока	мандіока".
437	9 сверху	Свѣта,	Свѣта"
447	13 снизу	общимъ дѣломъ	общими дѣлами
448	3 сверху	семей	семей,
458	5 снизу	orientale	Orientale
464	1 —	народовъ	у народовъ

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
466	15 —	, ее	ее,
472	11 сверху	вслѣдствіи	вслѣдствіе
474	24 сверху	обителей	обитателей
480	18 —	Кэмибелль	Кэмпбелль
—	19 снизу	Егнитѣ	Египтѣ
—	4 снизу	ösflichen	östlichen
483	1 —	тлѣо	тѣло
489	7 —	находятся	и находятся
490	18 —	лошадь	лошадь“
491	3 сверху	абиноны	абипоны
492	4 —	taillables et corvéables	taillable et corvéable
496	24 —	3	3000
499	7 —	завоеваніи	завоеваніи,
501	12 —	болѣзни.	болѣзни,
502	6 —	подумалъ	думалъ

Stanford University Libraries
3 6105 023 693 588

